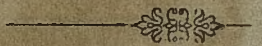
А. Яковлевъ.

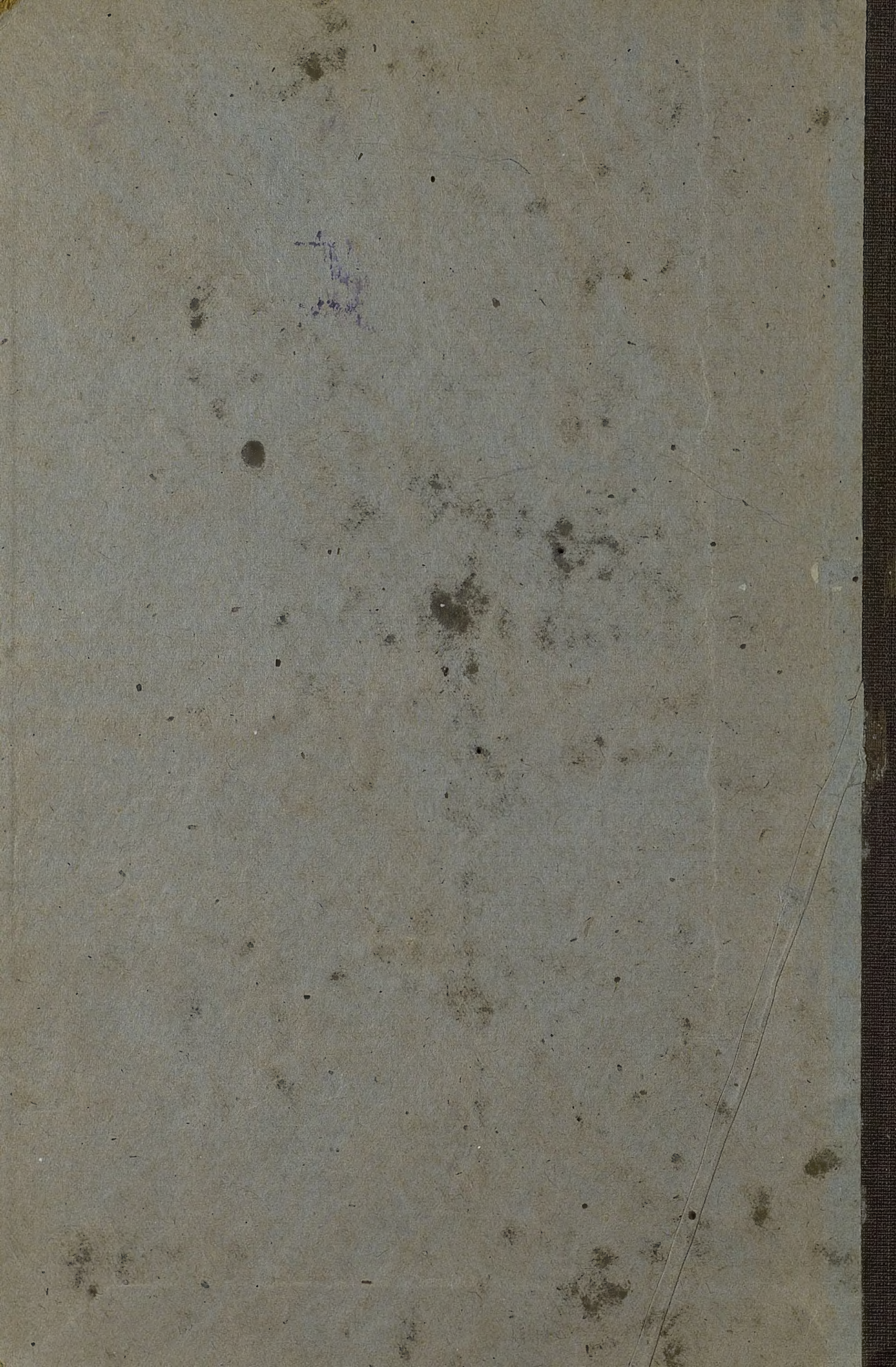
ЗАСѢЧНАЯ ЧЕРТА

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Очеркъ изъ исторіи обороны южной окраины Московскаго государства.

МОСКВА.
1916.

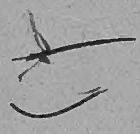
А. Яковлевъ.

ЗАСѢЧНАЯ ЧЕРТА

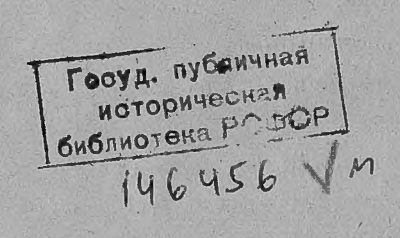
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Очеркъ изъ исторіи обороны южной окраины Московскаго государства.

МОСКВА.
—
1916.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Защитный поясъ засѣкъ, прикрывавшій подступы къ центру Московскаго государства съ юго-востока, юга и юго-запада, былъ давно извѣстенъ русской исторической литературѣ [1]), но доселѣ не было систематическаго обзора засѣчной черты и изображенія порядковъ ея охраны и поддержанія. Нѣсколько десятковъ изданныхъ документовъ (преимущественно въ А. М. Г.), относящихся къ разнымъ моментамъ исторіи черты и къ разнымъ ея участкамъ, не давали возможности составить о ней законченное представленіе.

Изученіе нѣкоторыхъ финансовыхъ операцій Московскаго правительства конца 1630-хъ годовъ [2]) навело автора настоящаго труда на обильный архивный матеріалъ, относящійся къ очень важному въ исторіи засѣчной черты моменту — лѣту 1638 г., когда были предприняты обширныя работы по возстановленію ея укрѣпленій. Въ составѣ документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи сохранилась переписка за 146 (1638) годъ между Разрядомъ, находившимся на Тулѣ кн. И. Б. Черкасскимъ и засѣчными и городовыми воеводами по вопросамъ, связаннымъ въ реставраціей черты. Свойства матеріала исключали возможность его частичной обработки и требовали полноты и законченности обзора. Передъ этимъ матеріаломъ наблюдатель чувствовалъ себя какъ передъ разорванными кусками большой и сложной картины, понять которую въ цѣломъ можно было, только подобравъ и соединивъ прихотливо разорванныя, разбросанныя и перепутанныя части ея. Но зато сосредоточенность матеріала, относящагося въ огромномъ большинствѣ своемъ именно къ лѣту 1638 г., дѣлала задачу такого цѣлостнаго изученія особенно привлекательной: по удачному выраженію одного историка, изслѣдователь, изучающій подобный матеріалъ, какъ бы занимаетъ возвышенное положеніе, съ котораго ему сразу открывается вся обозрѣваемая мѣстность. Цѣннымъ дополненіемъ къ указанному

---

[1]) Отмѣтимъ: И. П. Сахарова, «Памятники Тульской губерніи», 1851 г., А. Савельева, «О сторожевыхъ засѣчныхъ линіяхъ на югѣ въ древней Руси», 1876 г., В. Н. Сторожева, «Засѣчныя книги, какъ историко-географическій и археологическій источникъ», его же, «Рязанскія засѣчныя книги XVII вѣка», 1890—1892 гг. Приносимъ многоуважаемому В. Н. Сторожеву благодарность за возможность справляться съ его неизданной рукописью, посвященной топографіи засѣкъ.

[2]) См. нашу работу «Приказъ сбора ратныхъ людей».

матеріалу переписки о работахъ 1638 г. послужили отмѣченныя В. Н. Сторожевымъ въ печати писцовыя книги №№ 389, 390, 415, 416 и др.

Изучая документы, относящіеся къ исторіи засѣчной черты, авторъ старался выяснить ея историческое значеніе, ея топографію и организацію, повинности населенія по охранѣ и возстановленію ея укрѣпленій, физіономію и значеніе отдѣльныхъ пролетовъ-звеньевъ черты, характеръ работъ, производимыхъ на ней. Сквозь воеводскія отписки о ходѣ сбора посохи и о ходѣ работъ на чертѣ нерѣдко можно было увидать живыхъ людей съ ихъ особенностями. Реставрація черты въ 1638 г. была однимъ изъ грандіозныхъ образцовъ стариннаго городового дѣла, древней посохи, какъ, вѣроятно, она отправлялась на Руси много столѣтій подъ-рядъ. По примѣру работъ 1638 г. можно вообще судить о воспитывающемъ и централизующемъ значеніи этой повинности, періодически поглощавшей въ районѣ черты силы населенія почти двухъ десятковъ сосѣднихъ съ ней уѣздовъ и посадовъ, а черезъ параллельный (въ 1638 г.) сборъ Приказа сбора ратныхъ людей для той же цѣли, отражавшейся на судьбахъ даже такихъ далекихъ отъ черты угловъ, какъ Чаронда или Пустозерскъ. Возстановленіе черты силами и средствами всего государства было осязательнымъ выраженіемъ той круговой отвѣтственности, которой связывала Москва въ дѣлѣ государственнаго строительства населеніе своихъ противоположныхъ окраинъ.

Первая изъ прилагаемыхъ картъ изображаетъ направленіе черты и ея обычное дѣленіе на отдѣльныя засѣки. Ширина заштрихованнаго пространства, конечно, отнюдь не обозначаетъ ширины самой черты, ея лѣсовъ и ея сооруженій. Вторая карта является оправдательнымъ документомъ для первой: направленіе черты устанавливалось по селеніямъ, нанесеннымъ на эту вторую карту; на полноту, даже по тексту книги, эта карта не претендуетъ: многихъ селеній, упомянутыхъ въ изслѣдованіи, совсѣмъ не удалось отыскать на картахъ нашего времени; транскрипція названій вездѣ взята съ современныхъ картъ, и многія названія внесены лишь по приблизительному созвучію съ названіями, встрѣчающимися въ памятникахъ XVII в. Вездѣ, гдѣ не оговорено, рѣчь идетъ о верстѣ того времени, равной двумъ современнымъ. Гдѣ было можно, даты переведены на наше лѣтоисчисленіе, но не всегда это удавалось. Кромѣ оговоренныхъ случаевъ, всѣ документы взяты изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Авторъ приноситъ сердечную благодарность Императорскому Археологическому Обществу и дорогому Сергѣю Ѳедоровичу Платонову за включеніе его работы въ серію изданій Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Оборона южной окраины Московскаго государства.

Кіевская Русь, воспѣвшая свои степныя богатырскія заставы,—мимо нихъ «пѣхотою никто не прохаживалъ, сѣрый звѣрь не прорыскивалъ, птица черный воронъ не пролетывалъ»,—не справилась, однако, съ задачами борьбы, которую она не одно столѣтіе вела на своемъ восточномъ и юго-восточномъ фронтахъ. Борьба съ погаными, неожиданно появлявшимися изъ глубины степного пространства, окончилась неудачей, и ея печальный исходъ былъ одной изъ причинъ запустѣнія Поднѣпровья въ XI—XII вв. Главное вниманіе населенія, жившаго на Днѣпрѣ въ тѣ вѣка было устремлено не на востокъ, а на югъ и на сѣверъ. Движеніе изъ Кіева въ степь на востокъ имѣло фланговый характеръ и не являлось самостоятельной цѣлью княжеской политики, а народная колонизація, безъ сомнѣнія, притягиваемая къ этому району съ древнѣйшихъ временъ, какъ бы приглашаемая въ глубину степи изгибами среднихъ теченій Донца и Дона, не превратилась въ сильный колонизаціонный потокъ, который могъ бы увлечь за собой дружину и князей. Борьба Кіевской Руси со степными врагами имѣла характеръ отрывистыхъ ударовъ, не всегда сопровождавшихся даже временнымъ успѣхомъ: не имѣя подъ собой базиса народной колонизаціи, княжеская политика со всѣми своими возвышенными приглашеніями къ дружному совмѣстному дѣйствію и при всей приподнятости настроенія отдѣльныхъ лицъ, такъ мастерски и горячо выраженнаго, напримѣръ, въ «Словѣ о полку Игоревѣ», не смогла оборонить кіевскихъ береговъ степного океана. Борьба со степнымъ врагомъ не могла опираться на одну личную удаль и предпріимчивость витязей, она требовала прозаической, но устойчивой работы крестьянина-колониста, того ратая, за которымъ тщетно спѣшилъ со своей дружиной Вольга. Въ извѣстномъ вплетенномъ въ Ипатьевскую лѣтопись подъ 1201-ымъ годомъ разсказѣ о плѣнномъ половецкомъ князѣ слышится восхищеніе жителя Кіевской Руси степью, но стихія эта была чуждой для него; онъ чув-

ствовалъ себя жутко и неувѣренно, какъ только, по выраженію неоднократнаго припѣва «Слова», русская земля скрывалась изъ его глазъ за холмами.

Жидкіе, разрозненные элементы славянской колонизаціи держались въ степи и на нижнихъ теченіяхъ Донца, Дона, даже Волги, вѣроятно, съ давнихъ временъ, но широкое колонизаціонное движеніе на востокъ было не по плечу днѣпровскому населенію въ XI—XII вв. Почувствовавъ себя небезопасно въ Поднѣпровьѣ, слишкомъ открытомъ со стороны степи, его ратай съ географической прозорливостью первобытнаго человѣка пошелъ къ рѣшенію задачи обходнымъ путемъ: закрываясь отъ степи лѣснымъ заслономъ, впослѣдствіи послужившимъ на пользу и Московскому государству, онъ направился на верхнюю и среднюю Оку, чтобы уже оттуда спуститься на югъ въ долготномъ направленіи. Захвативъ область рѣчныхъ верховьевъ, въ своемъ стремленіи на югъ онъ имѣлъ въ рѣчныхъ потокахъ опору, а не препятствіе, какъ при широтномъ движеніи со стороны Днѣпра. Но этотъ круговой путь «захожденія лѣвымъ плечомъ», потребовалъ вѣковой работы нѣсколькихъ поколѣній.

Авангардомъ широкаго народнаго движенія на востокъ были поселенія вятичей, которыхъ знаетъ на Окѣ Начальная лѣтопись. Опираясь на рѣчную ось Оки и разселяясь по Зушѣ и Упѣ, вятичи врѣзались въ рѣдкія поселенія финскихъ племенъ, прижимая ихъ къ лѣснымъ массивамъ и загоняя въ глубину лѣсовъ. Славянское движеніе разбило и разъединило финскія поселенія: часть финновъ оказалась сѣвернѣе, а часть южнѣе славянскихъ поселеній; по Цнѣ, Парѣ, Пронѣ, Рановѣ, Хуптѣ, верхнему теченію Дона, Мокшѣ, Вышѣ и Ваду поселенія той и другой народности переплетались. Вятичи и проторили дорогу для болѣе широкой позднѣйшей колонизаціи[1]).

Оторванныя отъ культурныхъ очаговъ X—XI вв., поселенія вятичей были захолустьемъ тогдашней Руси и вызывали у жителя днѣпровскаго города пренебрежительное отношеніе, отразившееся въ извѣстной высокомѣрной характеристикѣ Начальной лѣтописи. Господами степи вятичи во всякомъ случаѣ не были; въ IX—X вв. хозяевами ея были хозары, поселенія которыхъ поднимались на сѣверъ до предѣловъ Тульской и Рязанской губерній. Паденіе Хозарскаго царства не облегчило, а скорѣе

[1]) Мнѣніе о томъ, что южныя степи стали заселяться славянскими колонистами еще въ X—XII вв., было высказано И. И. Срезневскимъ (Извѣстія Второго отдѣленія Имп. академіи наукъ, 1858 г., VIII, с. 313—320). Его развилъ акад. А. А. Шахматовъ («Южныя поселенія вятичей» — въ Извѣстіяхъ Имп. академіи наукъ, 1907 г., т. I, № 12—18, с. 715—729). Взглядъ этотъ поддерживаетъ и В. П. Семеновъ-Тяньшанскій въ своей работѣ «Городъ и деревня въ Европейской Россіи».

затруднило ходъ славянской колонизаціи степи: кочевья смѣнившихъ хозаръ половцевъ доходили до Рясскаго поля и до Прони.

Къ началу XII в. верхнее и среднее теченія Оки разбились на двѣ политическія группы, на княжество Черниговское (по верхней Окѣ, Деснѣ, Жиздрѣ, Болвѣ, Зушѣ, Упѣ, Красивой Мечѣ, верхнему Дону) и оторвавшееся отъ него княжество Муромо-Рязанское. Главная задача наступленія на степь выпадаетъ на долю Рязани, но долгое время рязанскія поселенія не идутъ дальше Ряжскаго волока и устья Цны, — до Лѣсного и Полнаго Воронежей въ XII в. спускались только рѣдкія поселенія рязанскихъ колонистовъ. Въ XII в. становится замѣтенъ рядъ новыхъ оборонительныхъ пунктовъ, выдвинутыхъ въ степь Черниговомъ и Рязанью: Мценскъ, Тула, Колтескъ, Елецъ, Осетръ на р. Осетрѣ, Лобыньскъ, Тѣшиловъ, Нериньскъ, Ростиславль.

Большого политическаго успѣха Рязань, однако, никогда не имѣла: соперничество съ сѣверными сосѣдями, князьями суздальскими, и внутреннія усобицы нерѣдко превращаютъ рязанскихъ князей въ подручниковъ великихъ князей владимірскихъ. Татарское нашествіе надолго сокрушило силы Рязанскаго княжества, а владычество татаръ въ степяхъ сдѣлало излишними какія-либо серьезныя оборонительныя мѣры на степной окраинѣ. Возможно, что татарское владычество даже усилило колонизацію степей русскимъ населеніемъ.

Къ концу XIV в. Рязанское княжество становится главной ареной борьбы съ татарами, и передъ Рязанью поднимается вопросъ о принятіи оборонительныхъ мѣръ противъ возможныхъ набѣговъ съ юга. Рязанскіе сторожевые посты мы встрѣчаемъ по Хопру, Воронѣ, Воронежу и Савалѣ. Между рѣдкими поселеніями рязанцевъ, кончавшимися около устья Воронежа, и татарскими кочевьями, начинавшимися за Медвѣдицей, лежала пустынная полоса, характеризованная въ разсказѣ о путешествіи митрополита Пимена[1]). Въ половинѣ XV в. становится замѣтной и группа сторожевого люда, казаковъ, которыми въ Рязани пользуются для охраны украины[2]).

Наступательная и оборонительная работа рязанскихъ князей противъ степи не могла быть особенно энергичной и потому, что съ XIV в. Рязани приходится считаться, кромѣ опасности съ юга, еще и съ опасностью съ запада, со стороны Литвы. Въ началѣ XV в. Литва овладѣла пространствомъ до Любутска на Окѣ и Мценска на Зушѣ, а около 1430 г. рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ вынужденъ былъ и на дальнѣйшія уступки.

---

[1]) П. с. р. л. XI с. 96. [2]) С. Р. И. О. т. 35 № 55, т. 41 № 73 с. 366.

Вліяніе Литвы распространялось на Тулу, Берестей, Ретань съ Паши, Дороженъ, Заколотень Гордѣевскій: рязанскій князь заключилъ съ Витовтомъ миръ, «вынемши» ихъ изъ своихъ владѣній[1]). Къ этому прибавилось еще и открывшееся съ XIV в. наступленіе на Рязань съ тылу великихъ князей московскихъ. Первой задачей Москвы было обезпечить себѣ прямое сообщеніе съ донской пристанью Дубкомъ черезъ Безпуцкій станъ, Веневъ, Епифань и Куликово поле. По договору 1483 г. рубежъ шелъ «отъ Оки съ усть Смѣдвы въверхъ по Смѣдвѣ до усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченскаго, а отъ верховья Песоченки черезъ лѣсъ прямо къ Осетру къ усть Кудеснѣ, а Кудесною въверхъ до верховья, а отъ верховіа Кудесны прямо къ верхъ-Табаломъ, а по Табаломъ на низъ въ Донъ»[2]). Къ серединѣ XV в. Москва охватываетъ Рязанское княжество съ запада, сѣвера и востока, распоряжаясь верхней Окой, Мещерскимъ Городцомъ, Кадомомъ и Нижнимъ Новгородомъ, а къ XVI в. вбираетъ уже всю территорію Рязанскаго княжества, наслѣдуя въ полномъ объемѣ его колонизаціонныя и оборонительныя задачи.

Съ начала XVI в. послѣ обостренія отношеній съ Крымомъ эти наступательныя и оборонительныя задачи пріобрѣтаютъ особенно безпокойный характеръ. Жестокій урокъ набѣга 1521 года долженъ былъ заставить заняться дѣломъ обороны серьезно. Москвѣ приходится вести борьбу на два фронта — юго-восточный, нагайскій, и южный, крымскій. Опаснѣе и труднѣе для обороны былъ крымскій фронтъ. Здѣсь Москва должна была стоять на стражѣ нѣсколькихъ степныхъ путей, заграждая шляхи Муравскій, Изюмскій, Колміусскій и Бакаевъ, тогда какъ въ юго-восточномъ направленіи приходилось охранять только одинъ путь — Нагайскій.

Въ XV в. татары сдѣлали нѣсколько запоздалыхъ усилій выдвинуть къ сѣверу свои собственные колонизаціонные пункты (около Кіева, на Дону, около Бѣлева)[3]), подобно тому, какъ раньше они пытались держаться за Одоевъ и Тулу. Но эти попытки, несмотря на временный успѣхъ битвы подъ Бѣлевомъ, были ничтожны по своему значенію сравни-

---

[1]) А. А. Э. I № 25. [2]) С. Г. Г. Д. I № 115—116. [3]) С. Р. И. О. т. 41 № 35—37, 43; Д. И. Багалѣй «Очерки колонизаціи», с. 74 сл. Попытка татаръ осѣсть подъ Бѣлевомъ и неудачная для русскихъ битва (1437 г.) произвели на нашихъ лѣтописцевъ сильное впечатлѣніе. Они разсказываютъ объ этихъ фактахъ на разные лады. Обстоятельныя повѣствованія содержатся въ Софійской (П. с. р. л. VI с. 150), Воскресенской (П. с. р. л. VIII с. 107), Никоновской (П. с. р. л. XII с. 63—64) и Симоновской (П. с. р. л. XVIII с. 188) лѣтописяхъ, но всего ярче изложены эти эпизоды въ Казанскомъ лѣтописцѣ (П. с. р. л. XIX с. 212—220). Впечатлѣніе боя было такъ велико, что онъ служилъ хронологической вѣхой при датированіи грамотъ (Напр., Р. И. Б., II, № 23).

тельно съ русской колонизаціей, спускавшейся съ сѣвера. Узоры своей оборонительной и наступательной политики Москва вышивала на прочной канвѣ успѣховъ народнаго колонизаціоннаго движенія, но долго, до самаго конца XVI в., оборона южной московской границы упорно цѣпляется за теченія Оки и Угры. Въ Серпуховѣ, Каширѣ, Касимовѣ московское правительство поселяетъ служилыхъ татарскихъ царевичей. Однако, частично едва ли не съ XV в. намѣчается и другая передовая линія борьбы, идущая почти параллельно Окѣ, линія Рязани — Тулы — Одоева — Бѣлева, опредѣлившаяся въ своемъ направленіи тремя историческими битвами — на Вожѣ, на Непрядвѣ и у Бѣлева. Система обороны — наступленія Москвы на степь имѣла довольно сложный характеръ въ зависимости отъ тѣхъ наличныхъ средствъ, которыми располагало московское правительство. Она слагалась 1) изъ сторожевой казачьей службы, 2) поселеній служилаго люда, 3) укрѣпленныхъ фортовъ, выдвинутыхъ въ степь, и 4) засѣчной черты и теченія Оки въ арріергардѣ.

Въ этой системѣ всего интереснѣе организація сторожевой службы, окончательно сложившаяся съ удивительной простотой въ третьей четверти XVI в.[1]). Чтобы понять условія ея образованія, надо заглянуть въ обширный міръ казачьихъ поселеній, раскинувшійся въ степяхъ еще въ XVI в. Съ 40-хъ годовъ XVI в. значительныя казачьи силы становятся замѣтны по Дону, Волгѣ и Яику. Въ концѣ вѣка правительство дѣлаетъ не совсѣмъ удачныя попытки взять казаковъ въ руки и использовать ихъ, какъ военную силу. Ими пользуются и частныя лица, напримѣръ, кн. И. Ѳ. Мстиславскій; Строгановы организуютъ изъ казаковъ цѣлую экспедицію для похода на Сибирь. Пытаясь установить связи съ казаками, ютившимися въ устьяхъ Дона, правительство царя Бориса выдвигаетъ въ степь значительную крѣпость — Царевъ-Борисовъ[2]). Попытка Бориса взять казаковъ въ руки покрѣпче обошлась ему дорого. Донскіе казаки принимаютъ видное участіе въ ходѣ Смуты, высылая на помощь первому самозванцу значительныя силы, достигающія 10,000 человѣкъ[3]). Безъ ихъ участія не обходится ни одинъ крупный эпизодъ и въ дальнѣйшемъ развитіи Смуты.

Правительство царя Михаила повело по отношенію къ казакамъ осторожную политику. Значительная ихъ часть успѣла осѣсть въ южныхъ уѣздахъ — по смѣтному списку 1631 г. встрѣчаемъ казаковъ въ Серпуховѣ,

---

[1]) Полевыя сторожи замѣтны со временъ Куликовской битвы — Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Ср. И. Д. Бѣляевъ «О сторожевой, станичной и полевой службѣ» и А. М. Г. т. I. [2]) Ср. С. Ѳ. Платоновъ «Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ», с. 86—91. [3]) Тамъ же, с. 193.

Лихвинѣ, Невлѣ, Брянскѣ, Каширѣ, Воронежѣ, Путивлѣ, Рыльскѣ, Ельцѣ, Ливнахъ, Валуйкѣ и другихъ городахъ[1]). Правительство постепенно уравниваетъ ихъ со своими уѣздными служилыми людьми: обѣляетъ ихъ дворы, верстаетъ ихъ землей, платитъ имъ жалованье изъ чети, наконецъ, превращаетъ ихъ въ городовыхъ дѣтей боярскихъ. Однако, основная масса казачества была попрежнему сосредоточена на далекомъ югѣ и попрежнему требовала со стороны московскаго правительства большой осторожности.

Трудно остановиться на какой-нибудь опредѣленной цифрѣ, обозначающей количество казачьяго населенія въ степяхъ въ XVII в. Разспрашивавшіе казаковъ на Казенномъ дворѣ въ октябрѣ 1640 г. бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ и думный дьякъ Ѳ. Лихачевъ узнали, что «у нихъ (казаковъ) прямого вѣдома и письма людемъ не живетъ, приходятъ и отходятъ поволно, а по смѣтѣ де ныне въ Азове всякихъ людей тысечь съ пять, а коли де бываетъ у нихъ на весну приходъ прибыльнымъ людемъ, и у нихъ де въ тѣ поры бываетъ всякихъ людей и до десяти тысечь и больши». Котошихинъ насчитывалъ донскихъ казаковъ даже до 20 тысячъ[2]). Во всякомъ случаѣ численность донскихъ казаковъ во времена царя Михаила опредѣлялась многими тысячами, если не десятками тысячъ.

Московскому правительству надо было очень остерегаться, дабы не опрокинуть на себя привычную къ оружію казачью массу, какъ это случилось въ 1604—5 гг. Казаки чувствовали себя независимо и не особенно стѣснялись съ представителями московской приказной администраціи. Такъ, въ 1625 г. войсковые гонцы, посланные въ Москву, отказались удовлетворить законную любознательность валуйскаго воеводы кн. Гр. Волконскаго, увѣщевавшаго гонцовъ познакомить его съ содержаніемъ войсковыхъ грамотъ хотя бы на словахъ, обѣщая за это дать имъ подводы и кормъ до Москвы. На гонцовъ эти увѣщанія не подѣйствовали, и своихъ «великихъ вѣстей» они воеводѣ не объявили[3]). Въ августѣ 1638 г. войсковые посланные не позволили распечатать своихъ грамотъ самому главнокомандующему тульской арміей кн. И. Б. Черкасскому[4]). Возвратившійся съ Дона въ 1649 г. воевода Андрей Лазаревъ доносилъ, что, злобясь на него за нехожденіе въ казачій кругъ и за выговариваніе во всякихъ неправдахъ, казаки совсѣмъ не пожелали явиться къ его шатру для выслушанія милостивыхъ словъ отъ имени государя, не приняли отъ него государевой грамоты и казны, подговорили сопровождавшихъ вое-

---

[1]) В. О. И. Д. Р. 1849 г. № 4. [2]) Донскія дѣла, II, с. 64; ср. I, с. 659—664 и данныя «Исторіи объ Азовскомъ сидѣніи». Котошихинъ «О Россіи» гл. VI и IX. [3]) Донскія дѣла, I, с. 230, II, с. 633—634. [4]) Донскія дѣла, I, с. 822.

воду холопей ограбить его, насильно привели его въ казачій кругъ, обвиняя въ «великомъ государьственномъ дѣлѣ и войсковомъ» — въ томъ, что будто бы, «утоясь» отъ нихъ, онъ писалъ въ Москву «многіе затѣйные слова». Лазаревъ избѣжалъ гибели только благодаря заступничеству казачьяго атамана[1]). Недовольное царицынскимъ воеводой кн. Алексѣемъ Львовымъ Войско пишетъ въ Москву, что воевода «дуруетъ», что «такова воеводы глупова, плута и лихова въ той... государевой отчинѣ на Царицынѣ николи преже сего не бывало»[2]).

Тонъ казаковъ въ ихъ обращеніяхъ къ верховной власти мало похожъ на обычный тонъ «Московскаго государства всякихъ чиновъ людей». Категорически, при молчаливомъ согласіи правительства, причисляя себя во всѣхъ своихъ отпискахъ и челобитьяхъ къ разряду государевыхъ слугъ, неизмѣнно именуя себя «холопами государевыми», казаки любятъ въ приподнятыхъ выраженіяхъ говорить о своихъ боевыхъ заслугахъ, попрекая московское правительство тѣмъ, что служатъ они «ни съ помѣстей ни съ вотчинъ, только съ воды и съ травы» — выраженіе, ставшее въ ихъ челобитьяхъ почти формулой[3]). Зато казаки считаютъ себя обязанными отстаивать въ своихъ спорахъ съ азовцами русскіе предѣлы, не поступаясь «агарянамъ» въ урочищахъ и рубежахъ, «чтобы царьскаго величества ни въ чемъ не обнизить и имъ не поступитца»[4]). «А мы, пишутъ съ Дона въ 1640 г., все Войско Донское, опричь Всемилостиваго Спаса, и Пречистой Богородицы, и тебя, праведнаго государя, въ помощь собѣ никого не имѣемъ: холопи вековые твои государевы, служили тобѣ, государю, не измѣною, а ожидаемъ отъ тобя, государя, милостиваго жалованья. А будетъ твоей государьской до насъ, холопей твоихъ, милости и жалованья не будетъ, и намъ изъ города итти на старые свои юрты, а города держати намъ, холопемъ твоимъ, не въ мочь, потому что мы не горододержцы: людъ у насъ самовольной, гдѣ кто куды пошелъ, того не уймешь; чтобы твоему государеву величеству въ ыныхъ земляхъ поношенья и укоризны не было отъ иновѣрныхъ поганыхъ языковъ»[5]).

Пріемы московской правительственной политики по отношенію къ казакамъ имѣли пестрый характеръ. Въ Москвѣ любили обращаться къ казакамъ съ увѣщаніями и назиданіями. Такъ, послѣ набѣга 1625 г. въ Боярской думѣ отчитывали «съ шумомъ» прибывшихъ въ Москву ка-

---

[1]) Донскія дѣла, IV, с. 235—246. Какъ показываютъ извѣстные эпизоды съ Карамышевымъ и Кантакузинымъ, нелады съ казаками могли кончаться и очень трагически. [2]) Донскія дѣла, IV, с. 663—664. [3]) Донскія дѣла, IV, с. 37, 349, 697, 731—733, 832 и др. [4]) Донскія дѣла, IV, с. 348. [5]) Донскія дѣла, II, с. 53.

зачьихъ атамановъ, Алексѣя Старово съ товарищи. Бояре выговаривали казакамъ за то, что они «Московскому государству николи помочи никакие не учинили, а живутъ все самовольствомъ», ссоря Москву съ Турціей, не взирая на царскія запрещенія задѣвать ее. Бояре говорили: «И государь *(п. т.)*, учиняся на своихъ государствахъ, посылалъ къ нимъ на Донъ съ своими государевыми посланники и з дворяны свое государево жалованье: деньги, и сукна, и хлѣбные, и пушечные, і всякие запасы многижда, мало не ежелѣть, чего при прежнихъ государехъ николи не бывало; коли было Московское государство и не воевано і всѣмъ было полно, и тогды имъ такого государского жалованья не бывало. И з запасы къ нимъ на Донъ ѣздятъ изо всѣхъ городовъ; а которые атаманы и казаки приѣзжаютъ ко государю отъ нихъ, з Дону, бити челомъ о своихъ нужахъ, и государь ихъ жалуетъ, велитъ имъ видети свои царские очи, и бываютъ всегда у стола. И на приѣзде и на отпуске жалуетъ ихъ своимъ государскимъ жалованьемъ: камками, и таѳтами, и сукнами добрыми; и поденные кормы и питье даютъ имъ довольно, и отпускаютъ ихъ милостивно, і во всемъ челобитья ихъ не оставляютъ». «И бояре имъ всѣ ихъ передъ государемъ вины и непослушанье выговаривали по письму, какъ писано выше сего, и на нихъ шумѣли»[1]).

Чаще, впрочемъ, обращаются къ казакамъ съ благожелательными увѣщаніями. Такъ, въ 1641 г., благодаря казаковъ за службу, изъ Москвы пишутъ: «за вашу службу, что вы намъ, великому государю, служите и о нашемъ государскомъ дѣле радѣете, и промышляете, и о турскихъ и о крымскихъ вѣстехъ пишите, жалуемъ, похваляемъ и хотимъ васъ держать въ нашемъ царскомъ жалованье, смотря по вашей службе...» Казаковъ наставляли: «...и вы бъ къ намъ службу и радѣнье совершенно показали: по прежнему нашему указу, на сакмахъ и на рекахъ по перелазомъ і в ыныхъ въ крѣпкихъ мѣстехъ надъ ними промышляли всякими мѣрами неоплошно съ великимъ радѣньемъ и поискъ надъ ними чинили, сколько милосердый Богъ помочи подастъ» и т. д.[2]) Московское правительство приглашаетъ казаковъ помочь ему и въ Смоленской войнѣ и въ затрудненіяхъ 1638—1640 гг.

Эти увѣщанія и приглашенія сопровождаются болѣе существенными средствами воздѣйствія: посылкой продовольствія, денегъ, пороха, свинца, сукна, вина, даже ладана и т. д. Свѣдѣнія о посылкѣ хлѣба на Донъ идутъ отъ конца XVI в. Посылки эти возобновились вскорѣ же по воцареніи Михаила[3]).

---

[1]) Донскія дѣла, I, с. 237—246. [2]) Донскія дѣла, I, с. 387, 674—683, 746—756, 998—1002, III, с. 99. [3]) Донскія дѣла, I, с. 1—24.

Несмотря на ту внушительность, съ которой московское правительство говорило въ своихъ обращеніяхъ къ казакамъ о посылаемомъ на Донъ жалованьѣ, оно было ничтожно сравнительно съ размѣрами Войска. Такъ, по приказной справкѣ, въ 1645 г. на Донъ послано 2000 рублей, 50 поставовъ сукна настраѳиля, 300 пудовъ пороху и 200 пудовъ свинцу. Въ 1646 г. послано 5000 рублей, 100 поставовъ сукна, 3000 четей муки, сухарей, толокна и крупъ, 300 ведеръ вина, 200 пудовъ зелья, 200 пудовъ свинцу, 10000 аршинъ холстовъ, 500 пудовъ желѣза, 500 пудовъ смолы и 200 пудовъ конопати. Таковы же приблизительно посылки и въ ближайшіе годы[1]).

Вотъ и все, что пускалось въ дуванъ въ казачьихъ городкахъ. Понятно, что жалованье это казаки стремились сдѣлать монополіей старыхъ казаковъ Черкасскаго городка. Такъ, въ 1648 г. казаки говорили: «Какъ де они зимою дуванили государево жалованье на Войско, хлѣбные запасы, и дуванено де на 1000 человѣкъ. А дуванятъ де они на тѣхъ людей, которые государю служатъ, а которые де вновѣ прибудутъ, и на тѣхъ людей не дуванятъ...»[2]) Въ 1648 г. по разверсткѣ 3000 рублей на 2000 человѣкъ на человѣка пришлось только по $1^1/_2$ рубля. Насколько чувствительно было всякое урѣзываніе этого скромнаго жалованья, видно изъ тѣхъ жалобъ, съ которыми обращаются казаки въ такихъ случаяхъ въ Москву, прося о хлѣбѣ, чтобы «голодною смертью не помереть, розно не розбрестись и рѣки Дону впустѣ не покинуть»[3]). Но съ особенной обидой казаки относились къ уменьшенію или прекращенію присылки суконъ. Въ 1654 г., когда ихъ обошли сукнами въ четвертый разъ подъ рядъ, казаки пишутъ: «А суконъ, государь, намъ ничего твоего государева жалованья и не прислано, не вѣдаемъ, государь, мы, холопи твои, за которую нашу передъ тобою, государемъ, вину, и въ чемъ мы передъ тобою, государемъ, прослужились. Четвертый тому, государь, годъ, какъ намъ твоего государева жалованья, суконъ, не прислано; тѣмъ мы, беспомошные холопи твои, твоимъ государевымъ жалованьемъ сыты и одѣнемся въ годъ не на долгое время, чѣмъ ты, государь, насъ, холопей своихъ, своимъ государевымъ жалованьемъ пожалуешь»[4]).

Ряды Войска пополнялись выходцами изъ Московскаго государства. Къ этой колонизаціи московское правительство, проводившее систему служилаго, тяглаго и крѣпостного прикрѣпленія, не могло относиться

---

[1]) Донскія дѣла, IV, с. 64—67, 567—568, 610—613. [2]) Донскія дѣла, III, с. 454, 662, IV, с. 2—3, 44—45, 731 и др. [3]) Донскія дѣла, IV, с. 882—884, II, с. 63—64. [4]) Донскія дѣла, IV, 695, 732, 740—757. Срав. Котошихинъ, «О Россіи», гл. VI.

доброжелательно. Оно противодѣйствуетъ ей, приказывая воеводамъ въ южныхъ городахъ задерживать человѣческій потокъ, устремлявшійся на югъ, и выдавая безчисленныя погонныя грамоты отдѣльнымъ челобитчикамъ, ловившимъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ. Въ 1625 г., отпуская съ Москвы атамана Ѳедора Хоненева, правительство отдаетъ приказаніе слѣдить за тѣмъ, чтобы къ нему не пристроились «бѣглые холопи боярскіе и иные никакіе лишніе люди»[1]). Въ 1646 г. атаманъ П. Ѳедоровъ отказался выдать съ Дона бѣглыхъ холопей кн. Д. П. Львова, заявивъ: «бѣглыхъ де боярскихъ холопей ему, Павлу, никому выдавать не указано, а изымать де никому ихъ не смѣть, и приставовъ де у нихъ нѣтъ, кому ихъ имать». «А мнѣ, х. т., отписывалъ въ Москву воронежскій воевода Ан. Бутурлинъ, своихъ приставовъ послати не смѣти, потому что моихъ приставовъ Донские казаки и вольныя люди бьютъ»[2]). Въ томъ же 1646 г. по челобитью стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ, испомѣщенныхъ въ Тульскомъ, Соловскомъ и Веневскомъ уѣздахъ, и тулянъ дворянъ и дѣтей боярскихъ былъ командированъ на Донъ Данила Мясной для сыска бѣжавшихъ туда холоповъ и крестьянъ, записывавшихся въ приборѣ Ждана Кондырева, который потворствовалъ изъ своихъ корыстныхъ видовъ этой записи. Челобитчики боялись новаго движенія своихъ людей и крестьянъ и просили принять предупредительныя мѣры[3]).

На ряду съ частными мѣрами правительство отдаетъ и общія распоряженія о непусканіи на Донъ холоповъ и крестьянъ, разрѣшая принимать въ казацкую общину только «вольныхъ людей», но особенно внимательно въ прошлое этихъ «вольныхъ людей» оно не вникаетъ и охотно верстаетъ ихъ въ свои приборные полки. Обширный приборъ идетъ, напримѣръ, въ 1646 г. не только на самомъ Дону, но и въ Лебедянскомъ уѣздѣ: новоприборныхъ «пожалованныхъ, маложалованныхъ и непожалованныхъ» (изъ Воронежа, Курска, Валуйки, Бѣлгорода, Чугуева, Оскола, Яблонова) оказалось 2200 человѣкъ[4]). Въ 1648 г. правительство распорядилось о приборѣ на Москвѣ для отправленія на Донъ еще 1000 человѣкъ[5]).

Отношеніе Москвы къ казакамъ отлично схвачено Котошихинымъ: «..а ежели бъ имъ воли своей не было, пишетъ онъ, и они бъ на Дону служить и послушны быть не учалі, и толко бъ не они, Донские казаки, не укрѣпились бы и не были бъ въ подданстве давно за Московскимъ царемъ Казанское и Астраханское царствы, зъ городами и зъ землямі, въ владѣ-

---

[1]) Донскія дѣла, I, с. 259. [2]) Донскія дѣла, II, с. 824—825. [3]) Донскія дѣла, II, с. 1086—1096, 1105—1108, IV, с. 115—117, 145—147 и мн. др. [4]) Донскія дѣла, II, с. 48—55, 86, 203, 749—750. [5]) Донскія дѣла, III. с. 883—884, 956—965, 991—1036.

телствѣ. А посылается къ нимъ на Донъ царское жалованье, денежное, негораздо помногу и невсегда...»[1]) Много было горькой правды и въ обращенныхъ къ туркамъ словахъ, вложенныхъ въ уста казаковъ «Исторіей объ Азовскомъ сидѣніи». «А насъ на Руси не почитаютъ и за пса смердящаго, говорили казаки. А бѣгаемъ мы изъ того государства Московскаго, изъ работы вѣчныя, изъ холопства невольнаго, отъ бояръ и отъ дворянъ государевыхъ; да здѣ прибѣгли и вселились въ пустыни непроходнѣй: взираемъ на Христа Бога небеснаго. Кому объ насъ тамъ потужити? Ради тамъ всѣ концу нашему. А запасы къ намъ хлѣбные и выручки съ Руси николи не бывали. Кормитъ насъ, молодцовъ, и поитъ тихій Донъ Ивановичъ на полѣ водою свѣжею, и рыбами живыми, и звѣрьми дивіими. Питаемся мы, аки птицы небесныя: ни сѣемъ, ни оремъ, ни въ житницы собираемъ. Такъ питаемся подлѣ море Черное. А злато и сребро емлемъ у васъ за моремъ: то вамъ самимъ вѣдомо. А жены себѣ красныя и любимыя водимъ и выбираемъ отъ васъ же, изъ Царяграда...»

Подвигаясь къ сѣверу и разставаясь съ настоящимъ «полемъ» XVII вѣка, мы переходимъ въ край, населенный мелкопомѣстными служилыми людьми, зачастую только очень недавно навербованными изъ казаковъ. По смѣтному списку 1631 года на Валуйкѣ насчитывалось 146 человѣкъ мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей, въ Бѣлгородѣ — 179, въ Осколѣ — 201, въ Болховѣ — 249, въ Ряжскѣ — 493, въ Новосилѣ — 500, въ Воронежѣ 538, въ Путивлѣ — 539, въ Орлѣ — 574, въ Карачевѣ — 579, въ Рыльскѣ — 655, въ Мценскѣ — 855, въ Ельцѣ — 942, въ Курскѣ — 1010, на Ливнахъ — 1074, итого 8534 человѣка, т. е. почти половина всего количества городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ московское правительство располагало въ эти годы[2]). На Валуйкѣ, Воронежѣ, Ливнахъ, въ Путивлѣ, Рыльскѣ, Ельцѣ въ составъ уѣздныхъ служилыхъ корпорацій входятъ и городовые казаки. Встрѣчаемъ ихъ и сѣвернѣе, напримѣръ, на Невлѣ, въ Серпуховѣ, Лихвинѣ, Каширѣ, даже въ Вологдѣ. Кромѣ уѣздныхъ отрядовъ, правительство держитъ въ этихъ городкахъ-крѣпостцахъ значительныя количества стрѣльцовъ, иноземцевъ, пушкарей, плотниковъ и кузнецовъ. Основывая въ 1600-мъ году Царевъ-Борисовъ, правительство поселило тамъ 2955 человѣкъ; изъ нихъ только 260 человѣкъ было взято изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а остальная масса состояла изъ казаковъ и прибора[3]). Устраиваемые въ южныхъ уѣздахъ службою дворяне и дѣти боярскіе принадлежали обычно

---

[1]) Котошихинъ «О Россіи» гл. IX. Ср. Уложеніе, гл. XIX, ст. 29. С. М. Соловьевъ «Исторія Россіи» т. IX гл. I и III. [2]) В. О. И. Д. Р. 1849 г. № 4.

[3]) Д. И. Багалѣй «Очерки изъ исторіи колонизаціи» с. 49.

къ низшему разряду служилаго класса и нерѣдко лично попробовали крестьянской работы. Такъ, населяя въ 1635—1638 гг. новые уѣзды Тамбовъ и Козловъ, правительство вызвало туда дворянъ и дѣтей боярскихъ «изъ-за бояръ и изъ-за всякихъ помѣщиковъ и изъ-за монастырскихъ вотчинъ со всѣми животами». Поселенные около Козлова дѣти боярскіе жаловались: «...а хто изъ-за ково пошли, и тѣ... намъ животовъ нашихъ ничего не отдали», и просили уравнять ихъ въ жалованьѣ со стрѣльцами и казаками, передъ которыми они были «оскорблены»[1]).

Вновь испомѣщенные служилые люди этихъ уѣздовъ сидятъ на небольшихъ помѣстныхъ участкахъ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ на одного служилаго человѣка приходилось по 76,2 дес. пахотной земли и по 12,7 сѣнокосной, а въ Путивльскомъ, считая и пахотную землю и бортныя ухожія, — всего около 75 дес. Участки дѣтей боярскихъ, сидѣвшихъ въ Осколскомъ уѣздѣ, были еще мельче. Разбросанные въ уѣздѣ мелкими и рѣдкими поселеніями осколяне не имѣли ни крестьянъ ни холоповъ и должны были пахать землю своими руками. На Усердѣ на одного служилаго человѣка въ среднемъ приходилось не болѣе 60 дес., а на Валуйкѣ не болѣе 100 дес. Денежное жалованье этимъ южнымъ служилымъ людямъ не превышало 5 рублей въ годъ[2]).

Сходство съ казачьими поселеніями корпораціямъ этихъ служилыхъ людей придавало еще то обстоятельство, что къ помѣстной дачѣ даже въ XVII в. здѣсь нерѣдко присоединялись такъ называемыя юрты, угодья съ рыбными и звѣриными ловлями. Эти юрты иногда совершенно замѣняли четвертную дачу пашенной земли; во многихъ случаяхъ правительство только закрѣпляло своей санкціей за прежними обитателями то, чѣмъ они владѣли и раньше. Такъ складывались служилыя корпораціи около Яблонова, Корочи, Усерда, Чугуева, Хотьмыжска, Вольнаго и др. южныхъ городовъ[3]).

Устраивая служилый «городъ», правительство, какъ правило, возводитъ и несложное мѣстное укрѣпленіе въ качествѣ опоры для служилаго люда при татарскомъ набѣгѣ, и какъ мѣсто убѣжища для его семей, крестьянъ и животины. Примѣромъ созданія такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ можетъ служить постройка Карпова на Муравскомъ шляхѣ, Усерда около Яблоноваго лѣса, Обояни[4]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство придавало оборонѣ какого-нибудь района особое значеніе,

---

[1]) Вл. ст. № 74 л. 43. [2]) И. Н. Миклашевскій «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства» с. 102—125; Д. И. Багалѣй «Очерки изъ исторіи колонизаціи» с. 113. [3]) Д. И. Багалѣй «Очерки» с. 121, 124—5; И. Н. Миклашевскій «Къ исторіи» с. 141. [4]) И. Н. Миклашевскій «Къ исторіи» с. 145—152.

оно устраивало, кромѣ основного укрѣпленія, цѣлую укрѣпленную линію и организовывало военныя колоніи стрѣльцовъ. Такъ, напримѣръ, въ серединѣ 30-хъ годовъ около Козлова была организована укрѣпленная черта между Полнымъ Воронежемъ и Челновой. «А крѣпости.... всякіе крѣпки бываютъ людьми, а безъ людей никакая крѣпость ненадежна», наставительно пишутъ воеводы Спѣшневъ и Биркинъ въ Москву въ мартѣ 1637 года.

Заботы московскаго правительства о защитѣ того или иного района становились особенно оживленными, повидимому, въ связи съ успѣхами крупной владѣльческой колонизаціи. Когда устраивалась Козловская черта, въ этомъ районѣ уже были налицо владѣнія кн. Д. М. Пожарскаго, монастырей Чудова и Спасскаго, москвичей Ив. Бобрищева-Пушкина, Богд. Плещеева, Степана, Кузьмы, Семена, Ивана Вельяминовыхъ и др. Владѣнія И. Н. Романова въ 30-хъ годахъ встрѣчаемъ въ Ельцѣ и на Лебедяни, гдѣ они послужили поводомъ для конфликта между нимъ и лебедянскими служилыми людьми[1]).

Для отпора татарскому набѣгу служилые люди южныхъ уѣздовъ должны были смыкаться въ уѣздные отряды и сосредоточиваться въ районахъ своихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, но очень часто правительство оттягивало ихъ къ защитѣ укрѣпленныхъ пунктовъ въ тылу. Въ 1630-хъ годахъ за Окой и на Окѣ, идя съ юга къ сѣверу, мы насчитаемъ болѣе 40 такихъ крѣпостей и фортовъ[2]). Крѣпости эти были очень разнообразны по составу своихъ гарнизоновъ и по своему вооруженію. Въ Болховѣ въ 1637 г. было 71 чел. стрѣльцовъ и казаковъ, 25 чел. пушкарей и затинщиковъ да 1 кузнецъ; въ Лихвинѣ — 50 чел. пушкарей и затинщиковъ; въ Новосилѣ — 248 чел. стрѣльцовъ и казаковъ, 22 чел. пушкарей и затинщиковъ, 1 плотникъ и 12 чел. воротниковъ и кузнецовъ; въ Епифани — дѣтей боярскихъ полковыхъ 118 чел., стрѣльцовъ конныхъ 37 чел., пѣшихъ 70 чел., казаковъ 50 чел., пушкарей и затинщиковъ 25 чел. и т. д. На Осколѣ гарнизонъ доходилъ до 1019 чел., а на Ливнахъ даже до 1450 чел. Столь же различно было и артиллерійское вооруженіе укрѣпленій. Въ 1637 г. въ Рыльскѣ было 37 орудій, въ Бѣлевѣ — 25, въ Бол-

---

[1]) Влад. ст. № 74 лл. 16—22, 258, 273. Д. И. Багалѣй «Матеріалы». С. М. Соловьевъ «Исторія Россіи», т. II, с. 1327. [2]) Крѣпости эти: Бѣлгородъ, Воронежъ, Осколъ, Курскъ, Сѣвскъ, Рыльскъ, Путивль, Тамбовъ, Козловъ, Чернавскъ, Елецъ, Ливны, Новосиль, Орелъ, Кромы, Данковъ, Чернь, Мценскъ, Болховъ, Карачевъ, Брянскъ, Темниковъ, Шацкъ, Ряжскъ, Михайловъ, Епифань, Дѣдиловъ, Бѣлевъ, Козельскъ, Перемышль, Воротынскъ, Мосальскъ, Серпейскъ, Лихвинъ, Переяславль Рязанскій, Веневъ, Зарайскъ, Коломна, Кашира, Алексинъ, Тула, Крапивна, Одоевъ, Калуга.

хов̀ѣ — 24, въ Епифани — 20, въ Козельскѣ — 16, въ Новосилѣ — 13, въ Мосальскѣ, Черни, Серпейскѣ—по 12, въ Перемышлѣ — 9, въ Лихвинѣ — 6, въ Кромахъ — 4. Не касаемся вопроса о боевой цѣнности всѣхъ этихъ разнокалиберныхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ дошедшихъ затинныхъ пищалей, вольконей и тюфяковъ, нерѣдко растрескавшихся и запаянныхъ.

Эти укрѣпленныя мѣста были также и складами провіанта (ржи, овса, крупы, сухарей, толокна, вина, соли) и боевыхъ припасовъ (зелья, ядеръ, пыжей, дробу, свинца, холста на стрѣльчіе мѣшки и т. д.).

Въ 1616 г. численность всѣхъ постоянныхъ гарнизоновъ въ 34 украинныхъ городахъ простиралась до 24350 человѣкъ, а въ 1635 г. численность гарнизоновъ только 11 южныхъ городовъ (Курска, Оскола, Валуйки, Воронежа, Ельца, Ливенъ, Брянска, Рыльска, Путивля, Сѣвска, Бѣлгорода) доходила до 13991 человѣка[1]).

Кромѣ постоянныхъ гарнизоновъ, на оборонѣ Украины каждое лѣто стояла еще подвижная армія, размѣщавшаяся въ XVI—XVII вв. въ Переславлѣ Рязанскомъ, Михайловѣ, Пронскѣ, Веневѣ, Тулѣ, Дѣдиловѣ, Крапивнѣ, Одоевѣ, Новосилѣ и Мценскѣ. Головные отряды этой арміи ставились въ Новосилѣ еще въ половинѣ XVI в.; еще во времена царя Бориса большой полкъ стаивалъ въ Мценскѣ. Размѣщеніе этой арміи вообще было очень измѣнчиво. Въ 30-хъ годахъ XVII в. оборонительная линія опредѣляется обычно направленіемъ Рязань—Тула—Одоевъ, со штабомъ въ Тулѣ и передовымъ полкомъ въ Мценскѣ. При такомъ размѣщеніи линія подвижной обороны совпадаетъ съ засѣчной чертой, которой были закрыты подступы къ Москвѣ на широтѣ Тулы. Составъ этой подвижной арміи равнялся въ 1616 г. 6279 чел., въ 1617 г.— 8647 чел., въ 1618 г. — 5672 чел., въ 1621 г. — 5221 чел., въ 1623 г. — 4119 чел., въ 1625 г. — 10838 чел., въ 1628 г. — 11257 чел., въ 1629 г. — 11826 чел., въ 1630 г.—8898 чел., въ 1631 г.—4842 чел., въ 1633—34 гг. — 4955 чел., въ 1635 г. — 12759 чел., въ 1636 г. — 17055 чел. и т. д., возвышаясь или падая въ зависимости отъ того, насколько московское правительство было занято на другихъ фронтахъ обороны[2]).

Пестрая система оборонительныхъ средствъ была рядомъ наслоеній, развивавшихся около народной колонизаціи и питавшихся ея успѣхами. Наиболѣе опасной для Крыма была, конечно, казацкая колонизація южной окраины, не только оборонявшаяся отъ татаръ, но и наносившая

---

[1]) И. Д. Бѣляевъ «О сторожевой, станичной и полевой службѣ», с. 35, 41—42. Р. И. Б. т. X. [2]) И. Д. Бѣляевъ «О сторожевой службѣ» с. 102, 105 и др.

имъ въ устьяхъ Дона и Днѣпра и даже на берегахъ Крыма очень чувствительные удары; наиболѣе надежной въ глазахъ московскаго правительства, всего заботливѣе оберегаемой и поддерживаемой была оборона линіи Рязань — Тула — Одоевъ, на которой размѣщались его главныя силы. Слабымъ мѣстомъ оборонительной системы была защита промежуточной области, лежавшей между низовьями Донца и Дона и укрѣпленіями линіи Тула — Рязань: стремительная лавина татарской конницы прорѣзывала ее обычно безъ труда.

Обратимся теперь къ изученію той сложной преграды, о которую должна была разбиваться волна татарскаго набѣга, докатившаяся до широты Тулы. На языкѣ XVI—XVII вв. она носила названіе просто «Черты»; мы назовемъ ее условно «Засѣчной чертой Московскаго государства».

ГЛАВА II.

Составъ и устройство засѣчной черты.

Засѣки, или загражденія изъ стволовъ деревьевъ, поваленныхъ на лѣсной опушкѣ, въ прогалахъ между перелѣсками или на лѣсныхъ дорогахъ были съ незапамятныхъ временъ однимъ изъ самыхъ обычныхъ защитныхъ сооруженій въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ. Въ прежнія времена такъ же, какъ и теперь, засѣки часто устраивались на скорую руку, являясь оборонительной импровизаціей, разсчитанной на временныя нужды. Но иногда въ древней Руси засѣки превращались въ оборонительную систему, заботливо поддерживаемую болѣе или менѣе продолжительный срокъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, — такова большая засѣчная черта Московскаго государства. Эти долговѣчныя и періодически возобновляемыя сооруженія состояли не изъ одних лѣсныхъ заваловъ, и терминъ «засѣка» пріобрѣталъ болѣе широкій и условный смыслъ, распространяясь на сложную систему укрѣпленій, въ которой лѣсные завалы - засѣки только восполняли и смыкали естественныя препятствія мѣстности — рѣки, озера, болота, овраги и т. д., чередуясь съ частиками - частоколами, надолобами, земляными валами и рвами въ безлѣсныхъ промежуткахъ, въ которыхъ не изъ чего было соорудить «засѣку» въ собственномъ смыслѣ слова.

Съ временными летучими засѣками небольшого протяженія мы встрѣчаемся, можно сказать, на каждомъ шагу нашей военной исторіи. Подъ 1137—9 гг. 4-я Новгородская лѣтопись упоминаетъ о засѣкахъ, которыя были сооружены псковичами въ борьбѣ съ Святославомъ Ольговичемъ: «потомъ же Святославъ Ольговичь совокупи всю землю Новгородскую и брата своего Глѣбка, идоша на Пьсковъ прогонити на Всеволода, и не покоришася имъ Псковичи и не выгнаша отъ себя князя, но бяхутъ устерегли, засѣкли осѣкы вся»[1]. Въ 1216 г. передъ битвой на Липицѣ «Ярославли мужи учиніша твердь, а пути отъ Новагорода засѣкоша и реку

[1]) П. с. р. л. IV с. 31.

Тферцу». На эту твердь возлагались большія надежды: «надѣяше бо ся (Юрій) на твердь, бяше бо плетенемъ оплетено то мѣсто и насовано колья»[1]). Въ этомъ описаніи узнаемъ тѣ оборонительные пріемы, которые впослѣдствіи систематически примѣнялись при организаціи засѣчной черты. Въ 1564 г. засѣкаются всѣ дороги между Невлемъ и Озерищемъ[2]). Засѣка фигурируетъ въ исторіи борьбы Ермака съ Кучумомъ[3]). Къ устройству летучихъ засѣкъ то и дѣло прибѣгаютъ въ Смутное время[4]). Засѣками укрѣпляетъ свои позиціи московская армія въ Смоленскую войну[5]). Къ устройству засѣкъ обращаются при борьбѣ съ сибирскими инородцами въ сравнительно позднее время, въ 1700 г.[6]). Устройствомъ засѣкъ думалъ преградить движеніе арміи Карла XII въ 1709 г. Петръ. Вѣроятно, не было ни одной войны, въ которую въ лѣсныхъ мѣстностяхъ не обращались бы къ сооруженію засѣкъ. Отмѣтимъ, что въ XVII в. въ Московскомъ государствѣ засѣки устраивали не только для борьбы съ военнымъ непріятелемъ, но и съ эпидеміями, — напримѣръ, во время морового повѣтрія въ 1657 г.[7]).

На ряду съ временными загражденіями, разсчитанными на небольшой срокъ, встрѣчаемъ засѣки болѣе постоянныя и устойчивыя, продолжительность существованія которыхъ опредѣляется десятилѣтіями и даже столѣтіями[8]).

---

[1]) Лаврентьевская лѣтопись — подъ 1216 г. [2]) П. с. р. л. XIII с. 384. [3]) Краткая Сибирская лѣтопись, л. 16—18, ст. 42; 61—64. Здѣсь приложенъ любопытный чертежъ. [4]) Напр., А. И. II № 209; А. М. Г. I с. 82, 114; ср. С. Ѳ. Платоновъ «Очерки смуты», гл. IV. [5]) А. М. Г. I с. 482, 483. [6]) А. Дмитріевъ «Пермская старина», вып. VIII, с. 166. [7]) А. М. Г. III с. 40. П. Н. Милюковъ «Государственное хозяйство въ Россіи» и пр.. [8]) Таковы засѣки: Алатырская — Моск. ст. № 134 IV; Арзамасская (Пуская) — Бѣлг. ст. № 54 I, Новг. ст. № 170 II; Атемарская — Прик. ст. № 562 I, Бѣлг. ст. № 275 I; Ахтырская — А. М. Г. II с. 263; около Болховаго — Бѣлг. ст. № 492 I; Бѣлгородская — А. М. Г. II с. 311, Моск. ст. № 677 ст. 2; около Вольнаго — Бѣлг. ст. № 256 I; около Ворсклы — Прик. ст. № 174 I, № 569 II, А. М. Г. II с. 263; Донецкая — Бѣлг. ст. № 1525 II; около Зміева — Бѣлг. ст. № 391 II; Кадомская — Сѣв. ст. № 108 лл. 36—38; около Каменнаго — Бѣлг. ст. № 333 II; около Карпова — Прик. ст. № 571 II, Бѣлг. ст. № 303 I, № 361 II; около Козлова — Прик. ст. № 116 II, Моск. ст. № 702 II и др. (устройство Козловскаго вала); около Корочи — Бѣлг. ст. № 105; Корсунская — Бѣлг. ст. № 275 I; Ломовская (также называется Пуской) — А. М. Г. II с. 191; около Лукъ Великихъ и Опочки — Новг. ст. № 257 III; Мещовская — Сѣвс. ст. № 92; Мценская — Прик. ст. № 18; Орловская — Прик. ст. № 18; Пусторжевская — А. М. Г. III с. 351; Сапожковская — А. М. Г. I с. 262; Симбирская — А. М. Г. II с. 214 (въ 156 г. она называется новой — Моск. ст. № 674 IX); Темниковская — А. М. Г. II с. 148 (въ 153 г. татары прорвались черезъ Темниковскую засѣку); Тетюшская — Акты историческіе и юридическіе, собранные С. Мельниковымъ, с. 25, ср. Перетятковичъ «Поволжье въ XVII в.»; Торопецкая — Новг. ст. № 197 III; около Усерда — Бѣлг. ст. № 399 I; Усманская — Бѣлг. ст. № 881 III, № 1062 I, Прик. ст. № 992 I; около

Уже въ Кіевской Руси мы встрѣчаемся съ систематической охраной границъ при помощи укрѣпленій и сторожевыхъ постовъ. Начальная лѣтопись сообщаетъ о сложныхъ оборонительныхъ мѣрахъ, принятыхъ великимъ княземъ Владиміромъ — о городахъ, имъ поставленныхъ по Деснѣ, Стрыю, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ и о поселеніи въ пограничныхъ мѣстностяхъ «мужей лучшихъ» отъ славянъ, кривичей, чуди и вятичей. Разсказъ о путешествіи Бруно дополняетъ это извѣстіе лѣтописи, сообщая объ укрѣпленіяхъ на границѣ тогдашней Кіевской Руси — прообразъ позднѣйшихъ защитныхъ линій [1]).

Граничившія со степью княжества, Черниговское, Рязанское, Муромское, Нижегородское предпринимали оборонительныя мѣры противъ степныхъ набѣговъ, но мѣропріятія эти развились и сложились въ законченную систему только въ Московскомъ государствѣ [2]). Отдѣльныя звенья этой системы обозначаются, повидимому, въ самомъ началѣ XVI в. Такъ, разсказавъ подъ 1518 г. о набѣгѣ татаръ на Тулу и на Безпуту, лѣтопись прибавляетъ: «Татарове послышавъ великаго князя въеводъ, скоро възвратишася; а напередъ ихъ зайдоша по лѣсомъ пѣшіе многіе люди украйные да имъ дороги засѣкоша и многыхъ Татаръ побиша; а передніи люди, отъ воеводъ приспѣвше, конные начаша Татаръ топтати, а пѣшіе люди украйные по лѣсомъ ихъ бити, и Божіимъ поможеніемъ Татаръ многыхъ побиша, а иные многіе Татарове по рѣкамъ истопоша, а иныхъ живыхъ поимаша» [3]). Здѣсь нарисована картина схватки около черты, не разъ повторявшаяся впослѣдствіи. Наказы засѣчнымъ воеводамъ обычно предусматриваютъ такой случай подстереганья татаръ въ чертѣ при ихъ обратномъ движеніи изъ набѣга: черта поэтому была обращена не только на югъ, но и на сѣверъ, — особенно

Харькова — Бѣлг. ст. № 394 I; около Хотьмыжска — Бѣлг. ст. № 117, Прик. ст. № 571 II, Сѣвс. ст. № 137 I; около Царева - Алексѣева — Бѣлг. ст. № 329 II; около Царева Луха — Бѣлг. ст. № 336 II; около Яблоноваго — Бѣлг. ст. № 105, № 274 I, № 332 III, № 418 I, № 571 I — и др. [1]) Бруно, разсказавъ о попыткѣ Владиміра Св. отговорить миссіонеровъ отъ путешествія къ печенѣгамъ, пишетъ: «Jam cum non potuit et de me indigno visio quedam eum terruit, duos dies cum exercitu duxit me ipse usque ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem firmissima et longissima sepe undique circumclausit. Sedit de equo ad terram: me preeunte cum sociis, illo sequente, cum maioribus suis egredimur portam; stetit ipse in uno, nos stetimus in alio colle»... А. Ѳ. Гильфердингъ, «Неизданное свидѣтельство современника о Владимірѣ Святомъ и Болеславѣ Храбромъ», «Русская бесѣда», 1856 г., I, с. 1—34. Ср. Квашнинъ-Самаринъ «Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи», «Бесѣда», 1871 г., № 5, с. 234—237. [2]) Еще подъ 1237 г. Воскресенская лѣтопись упоминаетъ о надолобахъ, которыми была защищена Коломна. П. с. р. л. VII с. 149. [3]) П. с. р. л. XIII с. 26. Этотъ эпизодъ обстоятельно разсказанъ во Львовской лѣтописи — П. с. р. л. XX ч. I с. 391—392.

характерно это сказывалось въ устройствѣ засѣчныхъ воротъ. Лѣтопись спорадически отмѣчаетъ случаи изъ исторіи этихъ украинныхъ укрѣпленій. Такъ, въ 1532 г. «срубленъ бысть... на Каширѣ градъ древянъ, а на Осетрѣ каменъ»[1]). Въ 1541 г. крымскій царь сдѣлалъ неудачную попытку овладѣть этимъ городкомъ на Осетрѣ. Немного позднѣе лѣтопись отмѣчаетъ существованіе около этого городка надолобъ. Въ 1554 г. крайній лѣвый флангъ черты спускается значительно на югъ, — ставится городокъ въ Шацкихъ воротахъ на р. Шачи[2]). Подъ 1566 г. лѣтопись кратко отмѣчаетъ завершеніе какихъ-то большихъ работъ по чертѣ, предпринятыхъ, быть можетъ, именно въ связи съ набѣгомъ 1565 г.; дозоръ работамъ произвелъ самъ царь: «того же мѣсяца апрѣля въ тотъ же 29 день царь и великій князь ѣздилъ въ объѣздъ въ Козелескъ, въ Бѣлевъ, въ Болховъ и въ ыные в украинные мѣста отъ Крымскіе украины». Государь ѣздилъ съ боярами, дворянами, дѣтьми боярскими, «со всѣмъ служебнымъ нарядомъ» и проѣздилъ цѣлый мѣсяцъ, вернувшись въ Москву только къ 28 мая[3]). Этотъ объѣздъ былъ, очевидно, досмотромъ, если не всей, то большей части засѣчной черты, — вѣроятно, онъ былъ пріуроченъ къ моменту ея окончательнаго сформированія, который поэтому и относимъ къ 1566 г. Въ инструкціи 1571 г. о пожегѣ поля предусматривается пожарная опасность для засѣчной черты[4]). Во время извѣстнаго похода царя Бориса въ 1598 г. въ лѣсахъ засѣчной черты производилась шумная демонстрація для устрашенія татаръ[5]). Маржеретъ даетъ нѣсколько бѣглыхъ штриховъ для изображенія оборонительной роли, которую играли засѣки въ борьбѣ съ набѣгами[6]).

Отдѣльные пріемы возведенія защитныхъ укрѣпленій были извѣстны испоконъ вѣковъ, вырабатывались столѣтіями, но сцѣпить ихъ въ систему и придать засѣчной чертѣ характеръ постояннаго учрежденія смогло только окончательно сложившееся и упрочившееся государство. Любопытно, что ни въ XVI ни въ XVII вв. Переяславль Рязанскій, какъ крѣпость, не входилъ въ оборонительную систему: Вожская засѣка проходила сѣвернѣе его, а Шацкая и Ряжскія засѣки много южнѣе. Укрѣпленія Переяславля Рязанскаго въ 1565 г., по описанію лѣтописи, были въ состоя-

---

[1]) П. с. р. л. XIII с. 58. Зарайскъ? [2]) Впрочемъ, и въ XVII в. Московское государство иногда не прочь передвинуть линію обороны обратно на Оку, какъ отчасти сдѣлали въ ожиданіи татарскаго набѣга въ 1622 г. — К. Р. II 864—866. П. с. р. л. XIII с. 102, ср. 137—139, 234. [3]) П. с. р. л. XII, с. 401—402. Ниже упомянутъ въ числѣ посѣщенныхъ городовъ и Алексинъ. [4]) А. М. Г. I № 13. [5]) Карамзинъ «И. г. Р.» т. XI с. 15. Ср. Синбирскій сборникъ с. 151 и др. [6]) Устряловъ «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ».

нія полной разрухи: «не бѣ бо тогда на градѣ никакихъ градскихъ крѣпостей, занеже градъ ветхъ велми бяше, но иные и стѣны палися, и прихоженіе царево безвѣстно ино таково не бяше; у града же тогда крѣпости нужные съ нужею едва подѣлаша и града покрѣпиша и бои по стѣнамъ изъставиша и, изъ града выѣжжа, съ Татары бишася изъ града стрѣльбою, по царевымъ полкомъ изъ наряду стрѣляли»[1]).

Сомкнувшаяся въ 60-хъ годахъ XVI в. «засѣчная черта», срастаявшаяся десятилѣтіями, если не вѣками, собралась изъ укрѣпленій, существовавшихъ и раньше, но теперь приведенныхъ въ связную и сплошную систему, охрана и поддержаніе которой были сдѣланы повинностью всего населенія государства вообще и близъ лежащихъ уѣздовъ въ особенности. Съ третьей четверти XVI в. въ податной системѣ Московскаго государства становятся замѣтны особыя засѣчныя деньги, собиравшіяся на расходы по укрѣпленію черты[2]). Кромѣ того, для охраны черты были поставлены спеціальныя должностныя лица (засѣчные приказчики, головы, сторожа). Уже въ одномъ актѣ 1557 г. есть указаніе на существованіе въ этомъ году на Тулѣ «засѣцкаго прикашшика»[3]). Въ актѣ 1577 г. встрѣчаемся на Рязани и съ «засѣчнымъ воеводой»[4]).

Черта протянулась отъ Рязани на Тулу, верхнюю Оку при впаденіи Упы, Бѣлевъ и Жиздру, въ опасныхъ мѣстахъ удвояясь (между Тулой и Веневомъ), утроясь (между Бѣлевомъ и Лихвиномъ) и даже учетверяясь (между Бѣлевомъ и Перемышлемъ). Она была обращена на востокъ, югъ и западъ, соотвѣтствуя на своемъ западномъ фронтѣ тому пространству, на которомъ шла въ XIV—XV вв. борьба между Литвой и Русью.

Черта опиралась на лѣсные массивы, занимавшіе большую часть этого района. Юго-восточный флангъ черты составляли засѣки Шацкая и Ряжскія, защищавшія нагайскій фронтъ Московскаго государства. Прогалъ между этими засѣками и засѣками Рязанскими былъ прикрытъ р. Проней и укрѣпленіями Пронска и Михайлова. Въ черту входили затѣмъ засѣки Рязанскія, Каширскія, Веневская, Тульскія, Крапивенскія, Одоевскія, Лихвинскія, Перемышльская, Бѣлевскія, Козельскія. Большинство этихъ засѣкъ распадалось на отдѣльныя звенья со своими самостоятельными названіями.

---

[1]) П. с. р. л. XIII с. 389. Рѣчь идетъ объ отраженіи татарскаго набѣга въ 1565 г. [2]) О засѣчной повинности на Каширѣ упоминаетъ грамота казанскаго царя Шаалѣйши (Шигалея) отъ 1532 г. Акты Ѳедотова-Чеховскаго I № 57 и А. А. Э. т. I №175. Сборы за «засѣчное дѣло»: для 1562 г.—Д. Я. Самоквасовъ «Архивный матеріалъ» I с. 193, для 1574 г. М. А. Дьяконовъ «Ак. ис. т. н.» II с. 19—20. [3]) Акты, изданные А. И. Юшковымъ, № 183. [4]) Акты, изданные А. И. Юшковымъ, с. 220.

Линія обороны отъ степного врага, обозначившаяся къ серединѣ XVI вѣка, совпадала съ той полосой, которая долго была спорной территоріей между лѣсомъ и степью: борьба людей шла на фонѣ тысячелѣтней борьбы между двумя мірами въ природѣ. Древнія степи, образовавшіяся послѣ окончательнаго отхода ледника, занимали не только теперешнюю черноземную область, но и часть Привислинскаго края до самаго Люблина, достигали Рославля, Мосальска, Мещовска, Калуги, Алексина, Серпухова, Каширы, Коломны, Рязани, Касимова, т.-е. береговъ Оки на всемъ протяженіи ея средняго теченія, а черезъ Инсаръ, Саранскъ, Лукояновъ доходили до Нижняго Новгорода и узкимъ языкомъ проникали къ Владиміру, Суздалю и Юрьеву Польскому. Пространство къ югу отъ Оки сдѣлалось райономъ борьбы между флорой и фауной степей и подвигавшимся къ югу со своимъ зоологическимъ населеніемъ лиственнымъ лѣсомъ. Степь оказывала лѣсу энергичное сопротивленіе. Ботаническій покровъ степи, приспособленный къ характеру ея поверхности, отличается устойчивостью и упругостью, и борьба съ нимъ лѣса была трудной и длительной.

И теперь еще можно видѣть на границѣ этихъ двухъ міровъ, въ районѣ «лѣсостепи», образчики того, какъ происходила эта борьба въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Лѣсъ надвигался на степь въ своеобразномъ тактическомъ построеніи, высылая впередъ менѣе прихотливыя породы (кустарники, осину, яблоню и др.). Отъ лѣсныхъ массивовъ въ глубину степи тянутся раздѣляемые «переполяньями» какъ бы лѣсные языки или щупальцы — «мокрые кусты», «солоти», «осиновые колки». Общій видъ такихъ граничащихъ со степью лѣсовъ выразительно сравниваютъ съ пятномъ или каплей, отбросившими отъ себя массу брызгъ.

Сплошной массой лѣсъ захватилъ верхнее теченіе Десны, все среднее теченіе Оки, образуя три лѣсныхъ массива, уцѣлѣвшихъ и до настоящаго времени: Брянскій, Мещерскій и Мордовскій или Засурскій. Языками лѣсъ продвинулся къ югу вдоль верхняго теченія Дона, Воронежей, Рясы, Челновой, Цны, Мокши и Суры, разсыпался безчисленными островками, такъ называемыми «чернями», по верхней Окѣ, Зушѣ, Быстрой Соснѣ, Красивой Мечѣ, верхней Парѣ, верхнему Ваду и между Сурой и Алатыремъ. Остатковъ этихъ древнихъ лѣсныхъ площадей, усердно истреблявшихся человѣкомъ, насчитываютъ милліоны (до $4^1/_2$ милліоновъ) десятинъ и въ наше время[1]).

---

[1]) Изложенный взглядъ принадлежитъ Г. И. Танфильеву и содержится въ его работахъ «Доисторическія степи древней Россіи» и «Предѣлы лѣсовъ на югѣ Россіи». Ср. Н. И. Прохоровъ «Ботанико-геологическія письма изъ русской лѣсо-

Естественной опорой для обороны служили рѣки, причудливо мѣнявшія свое направленіе изъ широтнаго въ долготное иногда по четыре раза, какъ напримѣръ, Ока, Упа и Сосна. Рѣки эти, особенно небольшія рѣчки рязанско-тамбовской равнины, текущія въ широтномъ направленіи, отличаются своей мелкой извилистостью (при чемъ луки этихъ рѣкъ, напримѣръ, луки Оки, Упы, Воронежа, Прони, какъ бы копируютъ одна другую), глубоко врѣзанными долинами съ крутыми и горбатыми водораздѣлами и давали поэтому удобныя средства защиты. Таковы Вожа, Истья, Проня, Мокша, Ранова, Верда, Брусна, двѣ Полатебны, Сухая Табола, Качуръ, Скворня, Ягодная, двѣ Рясы и др.

Мѣстами природныя препятствія собирались въ узлы неодолимыхъ для степного врага преградъ, — не требуя почти никакихъ усилій для своего превращенія въ линіи обороны; мѣстами Московскому государству приходилось усиленно восполнять прогалы трудомъ населенія. Лѣса въ XVII в., какъ и теперь, были гораздо обильнѣе на западной сторонѣ черты; между Тулой и Веневомъ въ линію обороны врѣзалась степь. Овраги (въ наше время, — вѣроятно, и тогда) массами сосредоточивались вдоль Осетра, по теченію Оки отъ устья Вожи до устья Истьи и отъ устья Прони до Непложи, а также по лѣвымъ притокамъ верхняго теченія Рановы.

Наступленіе лѣса на степь не захватило трехъ плѣшинъ, степными взлизами поднимавшихся къ сѣверу — «полей» Рясскаго («Половецкаго»), Куликова и Бѣлевскаго. Каждое изъ нихъ сдѣлалось ареной крупныхъ боевыхъ эпизодовъ въ ходѣ борьбы съ кочевниками.

Направленіе главной засѣчной черты устанавливается преимущественно при помощи 4 отмѣченныхъ писцовыхъ книгъ (М. А. М. Ю. № 389,

---

степи» («Почвовѣдѣніе» 1905 г. № 4). По вопросу о характерѣ степной растительности въ долинѣ Оки, обладающей многими видами южныхъ растеній, существуютъ значительныя разногласія. Д. И. Литвиновъ («Объ окской флорѣ въ Московской губерніи») видѣлъ въ ней остатки до-ледниковыхъ степей, не уничтоженныхъ трансгрессіей льдовъ, обогнувшихъ этотъ районъ двумя языками съ запада и востока. Новѣйшая работа А. Ѳ. Флерова («Окская флора») объясняетъ появленіе въ долинѣ Оки южныхъ растеній заносомъ сѣмянъ, благодаря усиленному торговому движенію въ этомъ районѣ съ юга на сѣверъ. По мнѣнію А. Ѳ. Флерова весь районъ къ югу отъ Оки до линіи тульскихъ засѣкъ представлялъ послѣ отхода ледника одинъ сплошной лѣсной массивъ, тянувшійся отъ восточной окраины Полѣсья къ лѣсамъ Окско-волжскаго водораздѣла. А. Ѳ. Флеровъ совершенно отвергаетъ предположеніе (с. 694—695), что доисторическія степи доходили до Оки: лѣсъ искони занималъ все это пространство, и борьба между лѣсомъ и степью шла только на югъ отъ лѣсовъ засѣчной черты. См. также историко-географическій очеркъ этого района во II т. сборника «Россія», изд. подъ редакціей В. П. Семенова; здѣсь содержится характеристика этого района съ ботанической стороны. Районъ лѣсостепи нашелъ своего пѣвца въ И. С. Тургеневѣ.

390, 415, 416) и слѣдующихъ документовъ: разрядныхъ росписей 1638 и 1639 гг. (А. М. Г. II № 112 и 181), дозорныхъ росписей Рязанскихъ засѣкъ кн. Д. М. Пожарскаго (Вл. ст. № 75 лл. 194—202, А. М. Г. II № 109),— Веневской и Каширской засѣкъ кн. С. В. Прозоровскаго (Вл. ст. № 75 лл. 214—216, 287—290, 301—303; № 76 лл. 377—384, 460—462, 467—469; № 86 л. 5—8, 48—52), — Крапивенскихъ засѣкъ И. П. Шереметева (Вл. ст. № 76 лл. 235—242), — Одоевскихъ засѣкъ кн. И. А. Голицына (Вл. ст. № 86 лл. 15, 17—26, А. М. Г. II № 108, 127). Существенныя указанія попадаются въ сводномъ дозорѣ, почерпнутомъ изъ неизвѣстнаго источника, напечатанномъ въ «Калужскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» (1856 г. № № 12—19). Остальные документы указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту.

Не всегда, къ сожалѣнію, можно руководиться этимъ обильнымъ матеріаломъ съ твердою увѣренностью: документы намѣчаютъ точки и линіи, имѣвшія практическое значеніе въ то время и часто невозстановимыя для насъ. «Грани» засѣки — тѣ же грани, что и у частныхъ владѣній: вереницей идутъ указанія на дубы, ветлы, липы, пни, ямы и т. д. Документы постоянно приводятъ указанія на урочища, понятныя только въ то время и только мѣстнымъ людямъ. Указанія на селенія тоже далеко не всегда даютъ возможность оріентироваться съ увѣренностью, такъ какъ разстоянія, на которыхъ находились селенія отъ черты, были иногда очень значительны — до 20—30 верстъ и больше; кромѣ того, документы далеко не всегда указываютъ съ польской или съ русской стороны отъ черты находилось то или другое селеніе. Многихъ селеній совсѣмъ не удалось найти на современной картѣ. Соединяя разнородный матеріалъ и отмѣчая, гдѣ можно, сторону, на которой то или другое селеніе находилось отъ засѣки, можно обозначить, идя съ востока, направленіе и составъ черты слѣдующимъ образомъ.

I. **Шацкая** или **Новошацкая засѣка**[1]), какъ ее называетъ дозоръ 1672 г., хотя она замѣтна съ 20-хъ годовъ XVII вѣка, начинаясь отъ р. Шачи, проходила мимо селеній — с. Конобѣева, д. Петковой, д. Пролома, д. Карнауховой, с. Нагишева, с. Ковдина, с. Колтырина, с. Ѳедяева, пустоши Клюкинской, д. Дудкина, с. Подъисакова, д. Гавриловской, с. Алѣева, с. Голянищева, д. Карауловой, д. Петиной, д. Дарки, д. Панковой, с. Агишева, с. Коверина, с. Мокѣева, с. Демидова,

[1]) 3 дозора Шацкихъ засѣкъ: 1) 180 г. — П. к. № 416 лл. 698—709, 2) 181 г.— № 416 лл. 533—547 и 3) 184 г. — № 389 лл. 43—56. Первый дозоръ содержитъ изображеніе порухъ на засѣкѣ. Во второмъ содержится перечетъ наложенныхъ черезъ засѣку стежекъ. Въ третьемъ — описаніе граней, перечисленіе сторожей и порухъ.

с. Волкова, с. Карабугина, пустоши Малышевой, д. Глѣбовой, с. Путятина, с. Лѣтники, с. Тимошкина,—и кончалась около впаденія р. Пары въ Оку. «Засѣка Шацкая, новая, съ польской стороны отъ Кривой поляны до Казачья острогу и до Шацкаго города подъ Ямскую слободу 6 верстъ, а отъ Ямскіе слободы съ русскіе стороны до рѣки Пары 90 верстъ, а поперечнику отъ Шацкаго города и противъ Панковской прорѣхи на полверсты, а противъ деревни Пролому черезъ Борщову поляну до Кривой поляны отъ черты до черты на версту, а отъ Кривой поляны на р. Пару до замка Липскіе засѣки съ полевые стороны черты нѣтъ, а р. Пара течетъ съ полевые стороны межъ Шацкой и Липской засѣки въ Оку рѣку». Засѣка встрѣчала рѣки: Гусынку, Гремячку, Утку, Тынорецъ.

II. **Ряжскія засѣки**[1]). Ряжская Липская засѣка шла отъ р. Пары мимо селеній: с. Желудева, д. Булатовой, с. Константиновскаго, с. Засыпкина, с. Сосыкина, с. Лѣтниковъ, с. Черной Слободы, с. Песочнаго, д. Березовки, с. Коровки, г. Сапожка. с. Милованова, с. Заполья, д. Задубровья, д. Пирожковой, д. Новоселки. Засѣка встрѣчала рѣки: Песошню, Михѣевскую, Березовку, Славось, Лунтъ, Мостью («а та рѣчка Мостья — замокъ межъ Липской и Пустотинской засѣкой»), Улусъ, Непложу, Верославку, Норву. Дозоръ 180 г. отмѣчаетъ на Липской засѣкѣ два острога. Ряжская Пустотинская засѣка шла отъ р. Мостьи мимо с. Троицкаго, с. Демьянова, с. Ключъ, с. Пустотина, с. Лучинскаго, д. Ухорской, д. Жерновищъ, д. Чигасова, д. Лесунова, д. Жаркой, с. Курбатова и с. Пехлецъ на р. Улусъ, — «а та рѣчка Улусъ течетъ изъ заповѣди на русскую сторону межъ Липскіе и Пустотинскіе засѣки съ русскую сторону, и то словетъ замокъ, што засѣчныя черты сошлися вмѣсто. Пустотинская засѣка отъ рѣки отъ Мостьи да по замокъ Рановскіе засѣки и по рѣчку по Божью Воду..., а поперегъ тое Пустотинскіе засѣки верстъ съ 30 и болши». Засѣка встрѣчала рѣки: Городню, Лаосту, Кипгу, Шивецъ. Ряжская Рановская засѣка шла отъ р. Божья Вода мимо слѣдующихъ селеній, рѣкъ и урочищъ: Петровская слобода, Дмитровскій монастырь, Скопинское городище, с. Вослебы, с. Вердерево, с. Поплевино, с. Шелемишево, с. Нагайское, д. Ѳедосова, д. Желтухина, д. Бураково, с. Кувшиново, д. Алѣтово, с. Корневое, д. Чулкова, с. Городецкое, д. Булыгина, д. Иванкова, д. Чиркова, слобода Подвислая, д. Княжая, д. Бостынь, д. Хомуцкая, д. Бастыльская, д. Щурова, д. Кучукова, Фофанова слобода, Городенская слобода, Ряжское

[1]) 3 дозора Ряжскихъ засѣкъ: 1) 120-хъ или 130-хъ гг. (книга скрѣплена дьякомъ Андреемъ Вареевымъ, исчезающимъ изъ Разрядовъ послѣ 1633 г.)—П. к. № 415 лл. 413—522, 2) 180 г. — № 416 лл. 624—697 и 3) 184 г. — № 389 лл. 3—40. Всего обстоятельнѣе первый дозоръ.

ямское поле. Засѣка въ своей большой части шла по р. Рановой и встрѣчала рѣки Чернавку, Верду, озеро Черное («впало въ Ранову»), оз. Пятницкое, р. Хвощовку, Луковскій врагъ, р. Песоченку, р. Тьяну, р. Вострикъ. Дозоръ 1676 г. дѣлаетъ о Рановской засѣкѣ такое замѣчаніе: «Ряжская Рановская засѣка, а въ той засѣкѣ остроговъ и надолобъ и никакихъ крѣпостей въ засѣчной чертѣ нѣтъ».

III. **Рязанскія засѣки** [1]), начинаясь на правомъ берегу Оки около впаденія въ нее Вожи, шли до р. Осетра на 36 верстъ 451 сажень и дѣлились на засѣки Вожскую и Красносельскую. На Вожской засѣкѣ были ворота Введенскія (отъ которыхъ прилегающій къ нимъ участокъ назывался Введенскимъ) и Дураковскія, а на Красносельской — ворота Волчьи. Съ русской стороны Рязанскихъ засѣкъ лежали селенія: д. Валищева, с. Ногино, с. Истопники, с. Васильево, с. Кишкино, с. Булыгино, с. Глѣбово Городище, д. Сихина, д. Баракова, с. Токарево, д. Сливкова, д. Кузнецова, д. Петровская, д. Щокотова, с. Серкино, д. Бойчицы, д. Ягодная, д. Ашелепкова, д. Мотовилова, д. Желѣзницы, д. Барина, с. Лошетово, д. Лужки, д. Сидоровка, с. Аблово, с. Филиппово, с. Митинское. Съ польской стороны Рязанскихъ засѣкъ лежали селенія: с. Ходынино, с. Попасово, д. Алешня, с. Мощеное, с. Зеленино, с. Мантурово, с. Горяиново, с. Войниково, д. Бограмова, с. Рыбное, д. Полтева, д. Перекаль, с. Недостоево, д. Семгина. Другія селенія и урочища, лежавшія на самой засѣкѣ или вблизи отъ нея: д. Ляпунова, пустошь Сушкова, с. Санково, д. Игнатьевская, пуст. Буковская, д. Свистова, пуст. Мервинская, пуст. Арининская, д. Лоскутова, пуст. Кобякова, д. Ѳедосова, с. Кунково, д. Акуловская, с. Пальное, с. Борисовское, пуст. Мошки, д. Коровина, пуст. Фурмакина, д. Некрасова, д. Окунькова, д. Нечаевская, д. Сит-

---

[1]) 11 дозоровъ Рязанскихъ засѣкъ: 1) 141 г. — П. к. № 415 лл. 59—65, 2) 154 г. — № 415 лл. 82—200, 3) 160 г. — № 415 лл. 3—10, 4) 168 г. — № 415 лл. 338—356, 5) 168 г. — № 416 лл. 542—556, 6) 168 г. — № 416 лл. 578—579, 7) 168 г. — № 416 лл. 606—623, № 8) 171—2 г. — № 416 лл. 528 сл. 9) 184 г. — № 389 лл. 307—327 об., 10) 187 г. — № 390 лл. 750—760, 11) 187 г. — № 390 лл. 781—816. Для топографіи Р. засѣкъ всего существеннѣе дозоры 154 и 187 гг. Дозоръ 154 г., сдѣланный Иванисомъ Кайсаровымъ, перечисляетъ селенія, расположенныя съ русской стороны отъ земляного вала тульской Щегловской засѣки къ востоку до конца Р. засѣкъ. Кайсаровъ насчиталъ на этомъ протяженіи всего 658 селеній. Въ дозорѣ перечисляются селенія, отстоявшія отъ черты на разныя разстоянія отъ 1 версты до 20 и даже 30 верстъ. Выбираемъ селенія, отстоявшія на 1—2 версты. Дозоръ 187 г. содержитъ перечень проложенныхъ черезъ Р. засѣки дорогъ, стежекъ и оказавшихся на засѣкѣ поруxъ. Этотъ дозоръ на каждомъ шагу возвращается къ работамъ, производившимся на Р. засѣкахъ въ 146 г. Дозоры 141 г. и 160—172 гг. напечатаны В. Н. Сторожевымъ въ Трудахъ Рязанской архивной комиссіи за 1890 г. т. V, №№ 4—5 и отдѣльно. Ср. В. Н. Сторожевъ «П. к. Р. к.» сс. 117, 249, 285, 407, 448, 496, 497, 560, 584, 647, 651 и др.

нова, д. Киселевка, д. Выселки, д. Жокова, д. Щекутова, д. Малышевка, д. Астреева, д. Кузнецова, д. Каченово, д. Ходяиново. Засѣка встрѣчала нѣсколько дорогъ: большую дорогу изъ Москвы въ Переяславль Рязанскій, 3 дороги съ Булгаковской пустоши къ Введенскимъ воротамъ, дороги изъ д. Валищевой и д. Васильевой въ Баграмову, изъ д. Васильевой въ пустошь Заворотную, изъ с. Рыбнаго въ д. Васильеву, Заворотную и къ погосту Козьмодемьянскому. Послѣдняя дорога была пробита крымскими людьми въ 1634 г. Отъ этой дороги шла дорога къ д. Сидоровой и оз. Розсоховцу и на поле д. Обловой. Затѣмъ засѣка пересѣкала Комарину дорогу, идущую на Комарино болото, пробитую татарами съ с. Рыбнаго на д. Истопники въ 1634 г., дорогу изъ д. Перекали въ с. Митинское, дороги къ пустоши Аховской, с. Санкову, д. Игнатьевской, дорогу въ Волчьихъ воротахъ. Засѣка заступала 7 татарскихъ проломовъ: Глѣбовскій, около с. Глѣбово Городище, — здѣсь же была стежка Лаврова, — проломъ противъ Спаса Неруковскаго, проломъ Лопатинскій, проломъ близъ д. Окуловской, проломъ около старыхъ Красносельскихъ воротъ, проломъ противъ пустоши Ступиной и проломъ противъ д. Бойчицъ, проломы Роговской, Сосновскій, Марковскій. Рязанскія засѣки включали поляны: Большой лугъ, Воронову, Асловку, Варнавую, Хрюпину, Романову, Хопову, Стойло, Семеновскую, Кочкаровскую и др. Черта встрѣчала въ этомъ районѣ слѣдующія рѣки: Быстрицу, Буровку, Кунавку, Кашкодѣевку, Олешенку, Мощену, Полную, Скуратовку; озера Глушицу, Свѣтлое, Твердино, Пьявичное; болота Коледино, Зелянинское, Козлово и Марьинское, лужу Фирсову. Отъ Оки до Быстрицы насчитали въ 1638 году 1160 саж., отъ Быстрицы до Вожи 553 саж., отъ с. Ходынина до Комарина болота — 2200 саж., отъ Ходынина до Вожи — 2445 саж., а до Введенскихъ воротъ — 5366 саж. Отъ Оки до Введенскихъ воротъ насчитали 10334—10500 саж.

— IV. **Каширскія засѣки**[1]), начинаясь близъ селеній Мотовиловой и Желѣзницы, гдѣ онѣ встрѣчались съ Рязанскими, простирались до р. Веркуши и тамъ сходились съ тульской Щегловской засѣкой. Общее протяженіе Каширскихъ засѣкъ — 39 в. 476 саж.; въ поперечникѣ онѣ дости-

---

[1]) 5 дозоровъ Каширскихъ засѣкъ: 1) 148 г. — П. к. № 415 лл. 201—269, 2) 154 г. — № 415 лл. 82—200; 3) 184 г. — № 389 лл. 328—379, 4) 185 г. — № 389 лл. 539 — 577, 5) 187 г. — № 390 лл. 727—731. Дозоръ 148 г., произведенный стольн. и воев. кн. В. Г. Ромодановскимъ, долженъ былъ выяснить численность мѣстнаго подымовнаго ополченія, долженствовавшаго защищать Каширскія и Веневскую засѣки. Дозоръ этотъ написанъ прекрасно. Дозоры 184—187 гг. изображаютъ развалъ засѣчныхъ крѣпостей.

гали мѣстами 7 верстъ. Каширскія засѣки распадались на Почесскую, отъ замка рязанской Красносельской з. до р. Мордвеза, и на Оленковскую отъ Мордвеза до с. Оленкова. На Каширскихъ засѣкахъ были ворота Почесскія и Оленковскія. Въ старину существовали еще ворота — «а слыли Коровенскія, на большой дорогѣ съ Каширы за лѣсъ», но въ 1638 г. ворота эти уже не были возстановлены. Съ русской стороны Каширскихъ засѣкъ на разстояніи отъ нихъ не болѣе 2 верстъ были селенія: д. Аринкино, д. Жимолостево, д. Беззубово, д. Селина, д. Долженково, с. Косяево, д. Тучкова, д. Песочна, с. Мазилова, д. Ларина, с. Тюнежъ, д. Аряхина, д. Доровая, д. Дьяконова, д. Полошкова, д. Клементьева, д. Борсуки, д, Митюшина, д. Случья, д. Аѳанасьева, д. Бякова, д. Везовецъ. Съ польской стороны засѣкъ находились селенія: с. Мягкое, с. Узуново, с. Глубокое, д. Закрутье, д. Бѣляева, д. Орѣхова, д. Борозденки (около которыхъ Каширская засѣка встрѣчалась съ Веневской), д. Спицыно, д. Дураково, с. Оленково, с. Усово, д. Кишенки, д. Клеменково, д. Маругинская, с. Воскресенское, с. Васильевское, д. Настасьино, д. Свеидова. Сверхъ того, близъ засѣкъ были расположены селенія: д. Ожевка, д. Долгая, д. Житовка, д. Рукавкина, д. Кайманы, с. Клемово, с. Новое Клемово, с. Зайцево, с. Назарьево, д. Семеновка, с. Серебряные Пруды, д. Щучья, с. Алитово, д. Курганецъ, д. Ананская, д. Сасова, д. Великое Поле, с. Мокрое Кря, д. Дробина, с. Крутое, д. Барыкова. Засѣки встрѣчали рѣки: Турь, Березынь, Аксенъ, Лопосну, Сѣтку, Воротынку, Каменку, Мордвезъ, Таборской верхъ, Кленичью, Песоченку, Нежевку, Еровецъ, Збунежъ, Ракитку; Осетръ оставался отъ засѣки съ полевой стороны. Засѣки включали поляны: Сторожевую, Располянье, Лопосну, Зимнинскую, Хлюпину, Крюкову, Круглую, Зубову, Кадошную, Залопостье, Вышнее, Хизину, Клинъ, Букрѣеву, Бѣлоусову и др. Каширскія засѣки пересѣкали большую дорогу изъ Каширы на Серебряные пруды; на этомъ пересѣченіи находились Почесскія ворота. Въ 1638 г. насчитали 30 дорогъ и 16 стежекъ, проложенныхъ населеніемъ и татарами черезъ одну Почесскую засѣку, — «мимо прежнихъ большихъ дорогъ». Каширскія засѣки прикрывали проломы Орѣховскій, Барсуковскій, Бѣляевскій, Глубоцкій, Ларинскій, Оксиньинскій, Алитовскій и Коровенскій, кромѣ многихъ безыменныхъ. Противъ Орѣховскаго пролома за Мордвезомъ съ польской стороны раньше (до 1638 г.) былъ Орѣховскій острожекъ, разоренный татарами въ одинъ изъ набѣговъ. Въ 1638 г. его уже не возстановляли. Оленковскую засѣку считали полосой сравнительно неопасной, «потому что Оленковская засѣка стала за крѣпостьми за Веневскою Веркошскою засѣкою, и мѣста тутъ у Оленковскихъ воротъ передъ

иными мѣсты покрѣпче». Хуже былъ защищенъ Орѣховскій проломъ на Почесской засѣкѣ,—проломъ этотъ «передъ иными мѣсты плошая». Дозоръ 1638 г. даетъ точную цѣпь указаній на направленіе одного участка Каширскихъ засѣкъ. Отъ Почесскихъ воротъ черта шла на р. Кижевну, Киженское болото, Киженскую дорогу, Киженскій верхъ и Киженскій отвершекъ, — «изъ нихъ ручей вышелъ», — на р. Алитовку, Алитовскую вершину, Алитовскій проломъ, д. Клементьеву, р. Еровецъ, Ростошинскій верхъ, Долговъ верхъ, Крутой верхъ, д. Борозденки, Пироговскую пустошь, Барсуковскій проломъ, Горенскій верхъ, р. Горну, Олешинскій верхъ, Городенскій отвершекъ, р. Городенку, Глубоцкій верхъ, р. Вородунку, Вородунскій верхъ, Вскуній верхъ, Ивинскія вершины, р. Ивну, Вородный верхъ, Вородную вершину, Колоденскій верхъ, верхъ Колесищъ, р. Взбунежъ, — «а рѣчка Взбунежъ вышла изъ большого лѣса на польскую сторону, впала въ р. Веркушу». Взбунежъ протекалъ у самыхъ Оленковскихъ воротъ, отъ которыхъ начинались веневская Веркушинская Княжая и тульская Кортосеневская засѣки.

V. **Веневская Веркушская** или **Веркушинская Княжая засѣка**[1]) шла отъ Оленковскихъ воротъ до города Венева. Съ русской стороны засѣки находились: с. Миршино, д. Клинъ, р. Сушка, д. Карпова, д. Гурьева, д. Пилюшина, д. Бордукова, д. Сосенки, Хвощевъ верхъ, Козинъ верхъ, Гусинскій верхъ; засѣка шла черезъ степь къ Большому Осетру и Сухому Осетрецу, встрѣчала Дягилевскій верхъ, поляну Черемошную, д. Настасьину, с. Воскресенское, сельцо Алитовку. Съ польской стороны засѣка встрѣчала р. Нижевку (нынѣ Низовку), р. Муравинецъ, поляны Скоблевую, Тицкую, Коцкую, устье р. Тулубайки, д. Тулубѣеву, Бабій верхъ, Каменный крестъ, с. Исаково, включала поляны Яблоновую, Боковую, Сторожевую, Каменный верхъ и др., пересѣкала большую дорогу въ Веневъ, прикрывая ее Княжими воротами, въ которыхъ былъ городокъ, шла мимо г. Венева черезъ Долгинскій верхъ, пересѣкала дорогу на Долгія поляны, черезъ Чесноковскій верхъ и Бурковскій верхъ приближалась къ р. Хавкѣ и с. Хавкову (или Хавки), гдѣ она встрѣчалась съ тульской Корницкой засѣкой. На ней были Княжія и Граброноновы ворота. Названіе «Веркушская засѣка» иногда прилагалось и къ восточной оконечности тульской Кортосеневской засѣки.

VI. **Тульскія засѣки**[2]) состояли изъ 4 звеньевъ: засѣкъ Кортосеневской, Щегловской, Корницкой и Завитая.

---

[1]) 4 довора Веневской засѣки: 1) 148 г. — П. к. № 415 лл. 201—269, 2) 184 г. — № 389 лл. 289 об. — 306, 3) 185 г. — № 390 лл. 671—690, 4) 187 г.— № 390 лл. 948—974. Дозоръ 184 г. перечисляетъ поврежденія засѣки, — «и тѣ дороги

Названіе «Тульскія» прилагается иногда и къ двумъ засѣкамъ, лежавшимъ на западѣ отъ Тулы — Малиновой и Заупской, но чаще онѣ называются Крапивенскими. Кортосеневская и Щегловская засѣки шли къ Тулѣ отъ Оленковскихъ воротъ, образуя большую излучину, начинавшуюся отъ Аннина праворотья. Съ польской стороны Кортосеневской и Щегловской засѣкъ оставались селенія и урочища: д. Великое Поле, д. Сончина, д. Боярская, с. Студенецъ, д. Никифоровка, с. Глѣбково, д. Ивашкова, с. Мильшино, д. Адашева, д. Потетино, пуст. Микулина, Пономаревъ верхъ, д. Квашнина, Веневъ монастырь, пуст. Леонтьева, д. Дьякова, д. Иваненкова, с. Никольское, д. Рогова, д. Грецова, д. Послова, пуст. Лукьянова, пуст. Волкова, с. Темирево, д. Оленина, с. Янково, д. Криволучье, отвершекъ Суходонецъ, д. Ананская, пуст. Ратманова. Съ русской стороны оставались селенія и урочища: д. Филатова, с. Квашнино, с. Богоявленское, д. Горшкова, д. Митюшина, д. Случья, пуст. Журавлева, д. Комарки, пуст. Долбиловка, д. Медвенки, д. Гнѣздина, пуст. Барыбенки, с. Нечаево, д. Панская, пуст. Колодезная, пуст. Журавка, д. Новоселокъ, д. Анишина. Эти двѣ засѣки встрѣчали рѣки Большую Апоку, Бѣжку, Олешенку, Тулицу (близъ Тулы) и захватывали поляны Сторожевую на Веркушѣ, Сидорову, Круглую,

---

и стешки наложены, и порухи учинены отъ прiѣзду ночми изъ степныхъ деревень». Дозоръ октября 187 г. описываетъ работы, происходившія на Веневской засѣкѣ лѣтомъ 186 г. [2]) 10 дозоровъ Тульскихъ засѣкъ: 1) 148 г.—П. к. № 492 (перепись селеній около засѣкъ по обѣ стороны Тулы на протяженіи 60 вер.), 2) 154 г. — № 415 лл. 82—200, 3) 160 г. — № 416 лл. 742—786, 4) 167 г. — № 416 лл. 710—724, 5) 167—8 г. — № 416 лл. 581—604, 6) 168 г. — № 416 лл. 557—577, 7) 172 г. — № 416 лл. 530—532, 8) 184 г. — № 389 лл. 196—289, 9) 185 г. — № 390 лл. 578—669, 10) 187 г. — № 390 лл. 863—947. Всего обстоятельнѣе дозоръ 160 г. Этотъ дозоръ содержитъ, между прочимъ, такую замѣтку: «Стежка проложена ... противъ Степанова помѣстья Карцова деревни Ясной Поляны подлѣ государевой заповѣди къ болшой дорогѣ, а косятъ тое поляну Степановы крестьяне Карцова, а сѣна на той полянѣ ставитца копенъ съ полтораста, а отдалъ тое поляну косить голова Ѳома Лосминской, а найму взялъ въ государеву казну полтина. А на Ясной Полянѣ на с (такъ!) полской стороны, ѣдучи отъ Малиновыхъ воротъ, направѣ, стоятъ надолобы, и у тѣхъ надолобъ семь звенъ згнили... Да противъ Степановой деревни Карцова Ясной Поляны въ государеву засѣку стешка десятины на двѣ до Ясной поляны, а та Ясная Поляна вытолочена лошедми и животиною Степана Карцова, а та поляна назоди за надолобами» (№ 416 лл. 752—753). — Дозоръ 167—8 гг., сообщая о возстановленіи «рухомыхъ старыхъ засѣчныхъ крѣпостей», прибавляетъ: «а подѣланы тѣ всякіе рухомые старые засѣчные крѣпости вновь противъ прежнего, какъ прежъ сево были дѣланы въ прошломъ во 146-мъ году при бояринѣ и воеводѣ при кн. И. Б. Черкасскомъ съ товарищи, и лѣсъ заповѣдной по чертѣ вцѣлѣ» (№ 416 л. 604). — Дозоръ 184 г. содержитъ обстоятельное раздѣленіе Тульскихъ засѣкъ на звенья. — Очень исправный дозоръ 187 г. изображаетъ крѣпости Тульскихъ засѣкъ въ состояніи разрушенія. — О Щегловской засѣкѣ см. книгу Большого чертежа, сс. 8, 43, 111, 112. Ср. П. к. М. г. сс. 1251—1252, 1345, 1363—1365, 1375—1377, 1380, 1534, 1538, 1542 и др.

Долгую, Старую, Передѣльную, Тураеву, Ульяновскую и др. Щегловская засѣка насчитывала 15 в. 660 саж. съ русской стороны и 15 в. 480 саж. съ польской стороны, при поперечникѣ въ 1—2 версты. Близъ Тулы на ней были Щегловскія ворота. Мѣстность около д. Гнѣздиной была прикрыта большимъ чернымъ лѣсомъ: «а крѣпости въ томъ мѣстѣ — лѣсъ большой черный и верхи крутые, и проходу воинскимъ людемъ въ томъ мѣстѣ не чаять». Корницкая засѣка (названіе засѣки взято отъ стана, черезъ который засѣка проходила) служила какъ бы продолженіемъ веневской Веркушинской Княжой засѣки, съ которой она сходилась около с. Хавки. Другимъ концомъ Корницкая засѣка встрѣчалась со Щегловской засѣкой, не доходя до Тулы. Съ русской стороны Корницкой засѣки находились селенія, рѣки и урочища: д. Дьякова, д. Грызлова, пуст. Хрусловка, р. Гнилуша, двѣ поляны Гнилуши, Аннино праворотье, д. Мокѣева, д. Трещева, д. Демьянова, д. Бѣлолипская, д. Иворовская, Крутой верхъ, р. Шатъ, Каменный верхъ, Хрущовскій коробитъ[1]), Черный лугъ, Черное болото; съ польской стороны: д. Кучино, с. Торбѣево, с. Уварово, д. Хмѣлево, с. Богородицкое, д. Теребушки, с. Семьянъ, поляна Филина, поляна Микольская, д. Крюкова, поляна Крюкова, д. Пилюгино, поляна Желѣзная, д. Быковка, поляна Борщова, д. Колодезная, поляны Александровская, Варыпаева, Волчья и Кучина, р. Бѣжа, с. Высоцкое. Кромѣ того, близъ Корницкой засѣки находились селенія: д. Рогова, д. Послова, д. Татарникова, д. Бредихина, с. Темирево, д. Оленина, д. Хрусловка, с. Чулково, д. Олешкова, с. Глухія Поляны, д. Бѣлкова. «А крѣпостей въ той засѣкѣ никакихъ нѣтъ, а отъ селъ и отъ деревень дороги и стежки въ заповѣди многія»[2]). Завитай сцѣплялъ систему засѣкъ, идущихъ на востокъ отъ Тулы, съ засѣками Крапивенскими, идущими на западъ отъ нея. Завитай представлялъ собою земляное укрѣпленіе, простиравшееся на югъ отъ Тулы до с. Ясная Поляна, гдѣ оно примыкало къ Малиновой засѣкѣ, шедшей по направленію къ Крапивнѣ.

Въ 148 г. Д. М. Овцынъ, производившій перепись селеній, лежащихъ около засѣкъ не далѣе 10 верстъ съ полевой и съ русской стороны, между Орловыми и Оленковскими воротами, включая веневскую Веркушскую засѣку, насчиталъ всего 67 селъ, 139 деревень, 5 починковъ, 99 пустошей, 22 погоста, пашни 36308 четей безъ полполполтретника да съ полевой стороны — оброчныхъ земель двѣ пустоши, 25 полянокъ да луги Мощинскіе[3]).

---

[1]) П. к. № 416 л. 774. [2]) П. к. № 389 л. 289. [3]) П. к. № 492 лл. 280—282.

VII. **Крапивенскія засѣки,** Малиновая и Заупская (иногда эти засѣки называются цѣликомъ Крапивенской засѣкой, первая отдѣльно — тульской Малиновой[1]), а вторая — Орловской), шли отъ Малиновыхъ воротъ у Ясной Поляны до одоевской Снецкой засѣки, начинавшейся близъ пустоши Передѣла и д. Тризновой. Съ русской стороны Крапивенскихъ засѣкъ оставались: д. Мининская, д. Болотова, д. Супрутъ, д. Веригина, д. Ланская, с. Никольское, д. Куракова, д. Криволапова, д. Малахова, д. Труфанова, д. Пахомова, д. Борисова, д. Уваровка, д. Горюшина, д. Судакова, д. Овсяникова. Съ польской стороны оставались: д. Ясная Поляна, с. Малынь, д. Деминская, с. Мясоѣдово, д. Соломасова, д. Понарьина, д. Фалдина, д. Бабурина, д. Смирновка, д. Кривцова, д. Воздримъ, д. Головенки[2]), д. Малахова, д. Хотунки, с. Селиваново[3]), д. Орлова. Близъ Крапивенскихъ засѣкъ лежали: д. Ярцева, д. Телѣгина, д. Нератки, д. Городенково, д. Кожухова, с. Ламиносово, д. Керкова, д. Плужникова, д. Черная, д. Стрекалова, д. Осиповская, д. Трунова, д. Поджарова, д. Шлыковка, д. Сушкова, д. Мощатка, д. Остафьева, пуст. Зубная, пуст. Сновидово, пуст. Радинская, пуст. Матвѣйково, пуст. Костина, д. Снетки. Крапивенскія засѣки встрѣчали р. Волжену, р. Солову, р. Ситинку, р. Воздримъ («перешла черту въ 44 мѣстахъ»), р. Воронью, р. Упу, р. Плавку, р. Передѣлку, отвершекъ Плавской, р. Козловку, р. Свинку. Въ Крапивенскихъ засѣкахъ находились поляны: Бундурова, Мостовая, Козловка, Понарьина, Медвѣдева, Карпова, Отчетная, 3 поляны Соломасовскихъ, 3 поляны Филины, Ставка, Ясная, Долгая, Волкова, Ярцева, Сорокопенья, Головина, Скопинская, Волженская, Козловскія. и др. На Крапивенскихъ засѣкахъ были ворота Козловскія, Малиновыя и Фофановы.

Къ Крапивенскимъ засѣкамъ были приписаны селенія: Татево, Голенево, Красенки, другія Красенки, Мишенская, Нестерово, Дракино, Стояново, Кривая, Никольское, Ефаново, Селютино, Безлѣпкино, Головинская, Жемчужникова, Чеглоково, Хмѣлевичи.

VIII. **Одоевскія засѣки**[4]) начинались отъ пуст. Передѣла и д. Тризновой. Съ русской стороны Одоевскихъ засѣкъ оставались:

---

[1]) Можетъ быть, потому, что мѣстами она была густо покрыта малинникомъ. [2]) «У деревни Головенокъ съѣзжая грань Малиновой засѣки съ Орловской вверхъ рѣчки Воздрима» — Бѣлг. ст. № 125 л. 149. [3]) «...Съ полевой же стороны противъ с. Селиванова на Селивановскихъ полянахъ возлѣ рѣки Упы на берегу середь лѣсу земленой городокъ, а Упа прошла возлѣ. Тотъ городокъ поперегъ той Малиновой засѣки» — дозоръ 167-8 гг. П. к. № 1410 л. 587. [4]) 7 дозоровъ Крапивенскихъ, Одоевскихъ и Лихвинскихъ засѣкъ: 1) перепись 148 г. селеній по обѣ стороны Лихвинскихъ засѣкъ — П. к. № 242; 2) 168 г. —

д. Окороково, с. Вялино, д. Шатова, д. Дракина, д. Русанова, с. Слободка, д. Кузменки, с. Ясеневое, с. Денисово, д. Батково, д. Фетисова; съ польской стороны: д. Козюлькина, с. Павловское, д. Мишенская. Близъ засѣкъ находились: с. Проскурнино, д. Прудки, д. Кривина, д. Клюшова, пуст. Каменка, пуст. Чернцова, пуст. Пелкова, пуст. Прасковьино, пуст. Тишкова, пуст. Оношкино, пуст. Шаталова, Семенихинскій верхъ, с. Жердево, пуст. Кудашевка, пуст. Майнова, пуст. Полянскаго острова; пуст. Петелинская, пус. Головкина, с. Глинищи, пуст. Аношкина, пуст. Кокурина, пуст. Княгинина, Деревенскіе луга, Маковскіе колодези и Маковскіе луга, пуст. Володина, пуст. Обакумова, пуст. Занинская, пуст. Молчанова, пуст. Язвея, пуст. Снышева. Одоевскія засѣки встрѣчали: р. Плавку, р. Каменку, р. Провку, р. Снѣтку, Лубенскій врагъ, р. Вацу, р. Фошну, Семенихинскій врагъ, р. Трызновку, Трызновскій отвершекъ, Ясеневый верхъ, р. Птовку, отвершекъ Нахабинскій, р. Рѣчицу, р. Снѣдь, верхъ Колмавскій, Лубенскій верхъ, р. Долгогужъ, верхъ Корманскій, Шеталовскіе верхи, р. Буровку, р. Вылеботку, р. Свинку, верхъ Терентьевскій, Чернышкинъ верхъ, Савинскіе верхи, р. Озерну, Лѣсную Полошевскую рѣчку, р. Бечую, р. Востецъ, Востецкій вершекъ, р. Трѣшну, Отрѣшенскій вершекъ, Бросовые верхи, Черниковскій верхъ, р. Жатну, Гнѣздный верхъ, отвершки Колодезенскіе. Въ 1638 г. вдоль всѣхъ Одоевскихъ засѣкъ былъ большой черный лѣсъ. Восточная часть Одоевскихъ засѣкъ называется часто Снецкой засѣкой, а западная — Полошевской. На Снецкой засѣкѣ были Орловы ворота, по имени которыхъ она называлась иногда Орловской, а на Полошевской — Полошевскія ворота. «А крѣпостей въ Орловской засѣкѣ, замѣчаетъ дозоръ 168 г., — многія враги, проѣхать на лошеди никоими обычаи немошно, потому что враги великія. Съ русскія стороны по Крапивенской дорогѣ да острогу версты съ три»[1]). Иногда Одоевскія засѣки не выдѣлялись изъ Лихвинскихъ, покрываясь общимъ названіемъ Лихвинскихъ засѣкъ.

IX. **Лихвинскія засѣки.** Уляжская - Семеновская (отъ р. Уляжки), Боровенская или Боровицкая (отъ

№ 415 лл. 270—282; 3) 168 г. — № 416 лл. 538—541; 4) 168 г. — № 416 лл. 725—727; 5) 170 г. — № 415 лл. 357—375; 6) 184 г. — № 389 лл. 380—402, 454—474; 7) 187 г. — № 390 лл. 992—1121. Первый дозоръ 168 г. занятъ учетомъ дѣловцовъ, работавшихъ надъ возстановленіемъ этихъ засѣкъ въ 167 г. Второй дозоръ того же года относится только къ Орловской засѣкѣ. Третій дозоръ 168 г. занятъ преимущественно засѣчными полянами. Дозоръ 170 г. представляетъ собой отчетъ о возобновленіи этихъ засѣкъ. Дозоры 184 и 187 гг. содержатъ обширныя топографическія указанія. [1]) П. к. № 416 л. 540.

р. Боровенки), Толкижская и Слободецкая, были расположены по обѣимъ сторонамъ р. Оки: Уляжская-Семеновская, Боровенская и Толкижская — на востокъ отъ Оки, а Слободецкая — на западъ. Названіе Уляжская иногда распространяется и на Боровенскую засѣку, но обычно оно прилагается лишь къ восточному звену Лихвинскихъ засѣкъ. Съ русской стороны Уляжской-Семеновской и Боровенской засѣкъ лежали: д. Башкова, с. Васильевское, д. Кулешова, с. Кипеть, с. Фролово, д. Воробьева, пуст. Савинки, Малаховскіе луга, пуст. Пятницкая, Егорьевскій лугъ, пуст. Высоха, пуст. Левина, пуст. Горбова, колодезь Доргомыжскій; съ польской стороны — д. Русанова. Близъ черты находились: д. Кривина, д. Клещова, с. Березово, д. Колычева, с. Теремино, д. Великія Поляны. Уляжская и Боровенская засѣки встрѣчали р. Уляжку, р. Буровку, р. Свинку, р. Сенку, Сворливое озеро, — три доли котораго находились въ заповѣдномъ лѣсу, а четвертая доля (въ 1638 г.) за помѣщиками Тевяшевыми, — Журавлево болото, р. Саголиновку, р. Лубенку, р. Озерну Мокрую и Озерну Сухую, р. Гостишу, р. Хотьмыжъ, р. Востецъ, р. Грамошну, р. Другой Востецъ, Долгое Болото, р. Сухую Свиную и Сырую Свиную, р. Стародынку, р. Упу и Поупье, р. Осиновку, р. Непроходку. Въ чертѣ были поляны: Семеновская, Игумнова, Починокъ и др. Около Оки на Егорьевской дорогѣ въ 1638 г. былъ острожекъ, да другой острожекъ — между Упой и Непроходкой. Лихвинская Толкижская засѣка шла съ русской стороны мимо д. Мощены, большой Бѣлевской дороги, р. Устьи, р. Гнѣздиловки, р. Непроходки, д. Полянъ, д. Русановой, р. Островны, д. Щербачевой, Енютина озера, д. Мишневой. Съ польской стороны Толкижской засѣки находились: пуст. Долженки, большая Одоевская дорога, д. Кошева, двѣ р. Переволочны, с. Вязовка, с. Спасское, с. Воротцы, с. Животово, д. Карманья, д. Волоткова, пуст. Казенная Николы Гостунскаго. Кромѣ рвовъ и ямъ по обѣ стороны засѣки, другихъ укрѣпленій на ней не было. Лихвинская Слободецкая засѣка находилась по западную сторону Оки. Съ русской стороны Слободецкой засѣки были селенія: д. Мышборъ, д. Переславичи, с. Кипеть, д. Кулешова; съ польской стороны: д. Сенюкова, д. Овсянникова, д. Завалихина, д. Косынь, д. Кунилова, д. Истокъ. Кромѣ того, близъ Слободецкой засѣки находились селенія: д. Зимницы, д. Десенки, с. Любужъ, д. Скулѣева, д. Жалобъ. Рѣки и урочища, черезъ которыя или мимо которыхъ проходила Слободецкая засѣка: Синяковскій ручей (съ польской стороны), колодезь Азовецъ, около котораго въ 1638 г. были ворота, р. Вырка, р. Болтуха («крутоберега и топка»), на которой въ 1638 г. была башня,

двѣ другихъ р. Вырки, р. Радубица, р. Рѣзня, пуст. Маринина, пуст. Долгія Лозы, р. Дубна, р. Городенка, р. Сухая Тварна, р. Иворная, р. Сосена, Сосенскій отвершекъ, Свинскій верхъ, Свиные отвершки, р. Насовая, Муринскій верхъ, пуст. Барково, пуст. Слободище, р. Глобочa, устье рѣчки Рамницы, Сырая Раменка, Ключевое болото, р. Десенка, Десенскій отвершекъ, Малышевскій вершекъ, пуст. Муринская, р. Городенка, пуст. Токарева, р. Козарка, Ѳедосовское болото, пуст. Сенюкова, р. Любомойская, Любомойскій колодезь, большая Бѣлевская дорога. На берегу Оки въ 1638 г. была башня.

При дозорѣ въ 148 г. Лихвинскихъ засѣкъ Бор. Дм. Бартеневымъ, произведенномъ на протяженіи 32 вер. 671 саж. отъ Полошевскихъ воротъ до козельской Столпицкой засѣки, насчитали не далѣе 10 верстъ отъ черты съ полевой стороны 2 погоста да соборную церковь Николы Чудотворца Гостунскаго, 9 селъ, 39 деревень, 1 починокъ, 48 пустошей. Съ русской стороны не далѣе 10 верстъ дозоръ обнаружилъ 4 села, 1 сельцо, 27 деревень, 1 починокъ, 69 пустошей. Въ обоихъ случаяхъ счетъ починковъ и пустошей шелъ —«опричь тѣхъ починковъ и пустошей, которые къ тѣмъ селамъ и деревнямъ припущены». Съ русской стороны насчитали земель церковныхъ, монастырскихъ, помѣстныхъ, вотчинныхъ и порозжихъ 5691 четь безъ полуосмины, а съ полевой — 10139 четей съ полутретникомъ, «обоево — 15830 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ»[1]).

X. **Перемышльская засѣка**[2]), начинаясь на берегу Оки около устья р. Жиздры, шла сначала по р. Жиздрѣ, а затѣмъ круто поворачивала къ югу, примыкая къ замку Слободецкой и Столпицкой засѣкъ. Съ польской стороны засѣки находились: д. Букрѣева, Острецкій верхъ, р. Источинка, р. Плетеная, Кудиновскій верхъ, пуст. Анкудинова, д. Вяльцева, д. Петросова, поляны Ромашевская, Калининская, Ревяскальская, д. Ястребова, пуст. Песочна, Гордиковская дорога, р. Песочна, Шаровскій монастырь, р. Язвея[3]); съ русской стороны: оз. Заборское, оз. Омельяновское, д. Рыченки, оз. Корачевское, Шаровкинская большая дорога, с. Покровское, д. Нижніе Подборки, оз. Плесо, оз. Шацкое, с. Алопово, оз. Лелява, д. Каменка, д. Молятина, устье р. Серены, д. Полошкова, с. Прыски. Кромѣ названныхъ, около засѣки было много безыменныхъ озеръ, отчего засѣка эта называлась также Озерской. Дозоръ 185 г. замѣчаетъ: «съ полевой сто-

[1]) П. к. № 242 лл. 1—3, 123—124, 155 сл. [2]) 4 дозора Перемышльской засѣки: 1) 168 г. — П. к. № 416 лл. 739—741, 2) 185 г. — № 389 лл. 136—165, 3) № 389 лл. 485—507, 4) 187 г. — № 390 лл. 703—714. Обстоятельныя топографическія данныя содержатся въ дозорѣ 185 г. [3]) Часть засѣки иногда называется по имени этой рѣчки Язвецкой.

роны засѣки проѣхать никоторыми дѣлы немочно, потому что пришли болота и заломы и лѣса большіе».

XI. — **Козельскія засѣки**[1]) распадались на 4 отдѣльныхъ звена: засѣки Столпицкую, Дубенскую, Кцынскую и Сенецкую или Е-О-Я-сенецкую. Столпицкая засѣка шла отъ замка Слободецкой засѣки на югъ. Съ русской стороны Столпицкой засѣки лежали: с. Дешевка, д. Березичи, с. Волосово, д. Жукова, д. Слободка, д. Марьина, д. Дебри, д. Мушкань; съ польской стороны: д. Гостькова, д. Озерно, д. Грынь, с. Вейно, с. Чернышино, Хряпкина слобода, д. Кирѣевская, д. Слаговищи, д. Красный Клинъ, д. Сырая Тварня, д. Веинка. Столпицкая засѣка простиралась на 31 в. 478 с. по тогдашнему счету. Въ 1638 г. въ ней насчитали 22 версты лѣсного завала. Посреди Столпицкаго заповѣднаго лѣса были устроены Столпицкія ворота; на р. Песошнѣ былъ городъ. Съ Дубенской засѣки черта поворачивала на западъ. Съ русской стороны Дубенской засѣки находились: с. Кирейково, с. Плохино, с. Веснины, д. Аѳонасова, д. Нагая, д. Сопова; съ польской стороны: д. Шпилева, д. Сагалаева, д. Снигирева, с. Середичи, д. Ракзина, д. Егина, д. Козюлькина, д. Медвѣдки, д. Каверзіева, с. Бетово, д. Вязовое, д. Коноплянка, с. Ясень, с. Столбчее, д. Уланова. Кромѣ того, близъ Дубенской засѣки находились: д. Микушина, д. Овсяникова, д. Ковынь, д. Спѣсивцева, д. Словущино, д. Добрая, д. Трешна, д. Оленникова. Дубенская засѣка встрѣчала: р. Дубенку (отъ которой и получила свое названіе), р. Дубну, пуст. Яхину, р. Вытебеть, р. Умирилецъ, р. Клень, р. Чичину (Учичину), р. Могъ, р. Черный Могъ, р. Могильну, р. Чистей, р. Стрѣльну, р. Острогонную, р. Язвею, р. Любешу, р. Рессету, р. Орзъ, р. Лютму, р. Косичъ. Къ западу отъ Дубенской засѣки шла примыкавшая къ ней Кцынская засѣка, заимствовавшая свое названіе отъ с. Кцынь (нынѣ Калужской губерніи). По русскую сторону Кцынской засѣки находились: д. Мойлова, д. Сусѣй, с. Холмищи, д. Вязовка, д. Вяльцева, д. Хоткова, д. Клинская, д. Кирейково, д. Уколичи, с. Сорокино; съ польской стороны: с. Хвостовичи (Фостовичи), с. Ловать, д. Селна, д. Зикѣева, Кургацевъ вершекъ, д. Боровая, д. Дольцы, д. Онтипова, д. Меркулово, д. Голикова. Кцынская засѣка пересѣкала нѣсколько дорогъ, стежку изъ Гостькова въ Сорокино, стежку изъ Сорокина въ Бѣлевъ, стежку черезъ поляну Клемятичи въ с. Уколичи, стежку изъ Уколичъ въ Леоново, стежку

[1]) 6 дозоровъ Козельскихъ засѣкъ: 1) 160 г. — П. к. № 416 лл. 787—804, 2) 170 г. — № 415 лл. 371—382, 3) 171 г. — № 415 лл. 398—412, 4) 184 г. — № 389 лл. 402 об. — 451, 5) 185 г. — № 389 лл. 57—135, 6) 185 г. — № 389 лл. 170—176. Первые три дозора заняты описаніемъ укрѣпленій. Топографическія указанія находимъ въ дозорахъ 184 и 185 гг.

изъ Позняковой въ Кирейково (когда-то до 1638 г. здѣсь была большая проломная дорога), дороги въ д. Передѣлъ, с. Касьяново, д. Боровую, д. Зубкову. Кцынская засѣка встрѣчала ручей Гремячей, р. Выренку, р. Борковую, вражки Добренскіе, р. Добрую, врагъ Холынь, р. Холыну, р. Ловотцу, Сусеевскій врагъ, р. Язву, р. Ушатую, р. Вепричъ. Кцынская засѣка простиралась на 15 верстъ 520 с. Сенецкая засѣка, получившая свое названіе отъ р. Сенеди, начиналась отъ замка Кцынской засѣки и шла къ р. Жиздрѣ. Съ русской стороны отъ нея находились с. Усты и с. Дубровка, а съ польской — д. Полюдова. Около нея не было ни помѣстныхъ ни вотчинныхъ земель, а были только государевы бортныя села (Ловать, Усты, Дубровка) и вотчины Свинскаго и Жиздринскаго монастырей. Въ 1638 г. на Сенецкой засѣкѣ былъ устроенъ на всемъ протяженіи лѣсной завалъ.

XII. **Бѣлевскія засѣки** распадались на засѣки Бобриковскую и Ѳедяшевскую[1]). Бобриковская засѣка (отъ р. Бобрика) шла «межъ Столпицкой и Дубенской засѣкъ» на 10 верстахъ. Со Столпицкой засѣкой она сходилась около д. Гостьковой. Селенія и урочища по ней или близъ нея лежавшія: поляны Орѣхова и Телячьи Луки, Выдреный верхъ, Ларинъ колодезь, с. Гринино, д. Сухачева, д. Зайцева, д. Дольцы, д. Передѣлъ, д. Познякова, д. Слободка, поляна Клемятичи, с. Сорокино, р. Чернышевка, д. Игнатова, с. Петрищево. Ѳедяшевская засѣка шла на востокъ отъ берега Оки до р. Тырны на 26 верстахъ. Селенія, рѣки и урочища, на ней или близъ нея находившіяся: д. Савенкова, д. Бѣляева, д. Желѣзна, д. Будовищи, с. Фурсово, д. Комарева, д. Оранья («близко засѣки»), р. Иста, д. Литвинова, д. Варварина, д. Нивны, д. Сидорова, д. Другая Сидорова, д. Гришенкова, д. Захарова, д. Савелково (отъ засѣки съ полверсты), д. Боброва (на чертѣ), Другая Боброва (съ треть версты отъ черты), д. Михайлова (на чертѣ), с. Быковка, д. Вязовна, с. Есенки (съ треть версты отъ черты), Кулаково поле, р. Тырна, около которой были Тыренскія ворота, д. Засадова (близъ черты), с. Ивановское, д. Остапова, д. Слободка Погиблая, д. Вязокъ, д. Докукина, д. Голтяева (на чертѣ), с. Полуектово, д. Ва-

[1]) 2 дозора бѣлевской Бобриковской засѣки: 160 г. — П. к. № 416 лл. 787—790 и 801—804 и 187 г. — № 390 лл. 826—833. Оба дозора изображаютъ укрѣпленія Бобриковской засѣки въ состояніи разрушенія. «На большой Болховской дорогѣ, гласитъ дозоръ 187 г., на р. Бобрикѣ была башня, изба и конюшня, ничего нѣтъ, только знать мѣсто». 2 дозора Ѳедяшевской засѣки: 1) 184 г. — П. к. № 389 лл. 177—193 и 2) 187 г. — № 390 лл. 834—862. Дозоръ 184 г. замѣчаетъ, что крѣпостей на этой засѣкѣ «незнатно», полянъ нѣтъ, мѣстъ для мельницъ тоже нѣтъ. Дозоръ этотъ содержитъ очень точныя указанія на разстоянія отъ засѣки окружавшихъ ее селеній. Ср. Бѣлевская вивліоѳика с. 111, 206, 313, 411, 446—450.

ненково, д. Кочерыжникова, с. Стромки, д. Рахлѣева, д. Манаенки, с. Кузменки, д. Лелюхина (близъ черты), с. Сорокалѣтово (съ полверсты отъ черты), с. Халезово (нынѣ Песковатое, близъ черты). Съ полевой стороны находились деревни: Вескъ, Байдина, Крутая, Рязанцева.

По офиціальному подсчету 1638 г. общее протяженіе черты выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ[1]):

Рязанскія засѣки	36	верстъ	451	саж.
Веневская засѣка (и восточная часть Тульскихъ?)	39	»	476	»
Тульскія засѣки (съ присоединеніемъ Каширскихъ?)	61	»	850	»
Крапивенскія засѣки	40	»		»
Одоевскія засѣки	32	»	671	»
Козельскія и Бѣлевскія (изъ послѣднихъ одна Бобриковская?) засѣки	92	»	450	»
Итого	302	версты	898	саж.

По современному счету 605 верстъ 398 саж.

Въ этотъ расчетъ не вошли засѣки: Шацкая, Ряжскія, лихвинская Толкнжская, Перемышльская и бѣлевская Ѳедяшевская. Все протяженіе засѣкъ черты, считая и пропущенныя въ приведенномъ расчетѣ, равнялось приблизительно 1000 нашихъ верстъ.

Укрѣпленія засѣчной черты были въ обычное время въ вѣдѣніи Пушкарскаго приказа, но въ экстренные моменты они переходили въ завѣдываніе Разряда и спеціально назначенныхъ лицъ, — такъ было, напримѣръ, въ 1638 году. Въ чертѣ, или «заповѣди», какъ ее называли въ древности, собственно засѣки или лѣсные завалы играли сравнительно второстепенную роль. «Черта» была собрана изъ участковъ или полосъ естественныхъ загражденій, рѣкъ, лѣсовъ, болотъ, озеръ и овраговъ, которые въ опасныхъ мѣстахъ были дополнены и сцѣплены между собой искусственными сооруженіями — лѣсными завалами или засѣками въ собственномъ смыслѣ слова, валами, рвами, надолобами, частоколами, острогами, кольемъ, набитымъ въ дно рѣки, «плавными бревнами съ гвоздьемъ дубовымъ частымъ», опущенными въ воду на 4 пяди, и т. д. Отсюда довольно причудливые

[1]) А. М. Г. II № 103; Вл. ст. № 89 лл. 175—190. Въ Разрядѣ были многочисленные чертежи засѣкъ, но ни одинъ изъ нихъ не дошелъ до насъ. Извѣстная карта Гесселя Геррита, переизданная въ «Матеріалахъ по исторіи русской картографіи», вып. I, № XXXI, изображаетъ черту неточно.

повороты, изгибы и развѣтвленія засѣчной черты, стремившейся использовать и оберечь естественныя препятствія мѣстности. На болѣе опасныхъ мѣстахъ черты, особенно въ такъ называемыхъ засѣчныхъ воротахъ, т.-е. мѣстахъ пропуска населенія сквозь черту, тамъ, гдѣ она пересѣкала большія дороги, сооружались деревянные и земляные форты съ башнями, подъемными мостами, острогами и частоколами, вооруженные, какъ правило, нѣсколькими артиллерійскими орудіями, пищалями и тюфяками, съ рядами надолобъ, образующими какъ бы воронку при приближеніи къ главному оборонительному сооруженію, въ которую неизбѣжно должна была устремляться конная аттака непріятеля, встрѣчавшая здѣсь обстрѣлъ дробовыми тюфяками, т.-е. залпы картечи. Характерно, что оборонительныя сооруженія въ воротахъ были обращены обычно въ обѣ стороны — на югъ и на сѣверъ, въ ожиданіи набѣга татаръ, стремящихся къ Москвѣ или прокладывающихъ дорогу обратно во-свояси[1]).

Засѣчную черту въ цѣломъ можно назвать полосой отчужденія, настойчиво оберегаемой правительствомъ отъ всякихъ посягательствъ со стороны окрестнаго населенія. Ширина этой полосы чрезвычайно различна: отъ нѣсколькихъ саженъ тамъ, гдѣ были только рвы и валы, небольшая рощица или болото, до 20—30 и даже больше тогдашнихъ верстъ (т.-е. до 40—60 верстъ нынѣшнихъ) сплошныхъ лѣсовъ — такой ширины мѣстами была, напримѣръ, ряжская Пустотинская засѣка. Обычно поперечникъ заповѣдныхъ лѣсовъ черты равнялся 2—3 верстамъ. Благодаря своей ширинѣ, черта бывала не только средствомъ обороны, но и мѣстомъ убѣжища для населенія въ моментъ нападенія врага, и дозоры засѣкъ нерѣдко говорятъ о такомъ значеніи лѣсовъ во всполохи[2]).

Черта распадалась, — кромѣ описаннаго выше дѣленія въ административно-техническомъ отношеніи на отдѣльныя «засѣки» или звенья протяженіемъ верстъ въ 20, — еще на мелкія звенья для надзора и охраны, называвшіяся по тѣмъ селеніямъ, мимо которыхъ засѣка проходила, и жители которыхъ должны были охранять цѣлость внѣшнихъ границъ засѣки, ея «грани» или «черты» въ техническомъ межевомъ значеніи послѣдняго термина. Эти грани обозначались, какъ и грани частныхъ владѣній, мѣстными примѣтами или «признаками» — урочищами, пнями,

---

[1]) Попытку возстановить чертежъ укрѣпленій въ засѣчныхъ воротахъ см. у Ѳ. И. Ласковскаго «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи», ч. I §§ 46—48, с. 136—141, и атласъ лл. 19 (чертежи нѣкоторыхъ засѣкъ) и 20 (Столпицкія ворота). [2]) Напр., о Рязанскихъ засѣкахъ — П. к. № 415 л. 63 об. Одинъ документъ 1529 г. такъ говоритъ о лѣсѣ Гороховской волости: «...а изстари бывали тутъ зимницы Раменскихъ деревень на убѣжище отъ татаръ»... Н. П. Лихачевъ «Сборникъ актовъ» с. 161.

деревьями съ вырытыми около нихъ ямами, натесами на деревьяхъ и т. д. На ряжской Пустотинской засѣкѣ отъ рѣки Мостьи по замокъ Рановской засѣки и по рѣчку по Божью Воду съ польской стороны при дозорѣ 1663 г. насчитали «граныхъ деревъ (и) ямъ 115 деревъ и съ рускіе стороны Пустотинской засѣки отъ рѣчки отъ Божьей Воды по замокъ Липской засѣки по рѣчку Улусъ граныхъ деревъ и ямъ 156 деревъ, а межъ ими отъ грани до грани по 100 саж., а поперегъ тое Пустотинской засѣки верстъ съ 30 и больши»[1]). Понятно, что такія «грани» не отличались прочностью: деревья вырубались, падали, ямы заплывали, и подлежавшая охранѣ «признака» оказывалась нерѣдко безслѣдно исчезнувшей. Въ дозорахъ мы часто читаемъ замѣтки въ родѣ слѣдующей, сдѣланной въ 1676 г. относительно одной изъ граней Каширской засѣки: «а отъ дуба грань была на лозинѣ, и нынѣ та лозина свалилась» [2]); или: «ссѣчена осина», «ссѣченъ дубъ», «ссѣчены двѣ липы», «грань на вязу заплыла» и т. д.[3]). Можно только удивляться, какъ дозорщики не запутывались въ этихъ ненадежныхъ указаніяхъ дозорныхъ книгъ.

Конецъ большого засѣчнаго звена обозначался терминомъ «замокъ». Замокъ засѣки состоялъ изъ обычныхъ граневыхъ признаковъ, не представляя собою какого-либо особаго флангового укрѣпленія засѣчнаго звена. Назначеніе замка — разграничить административную компетенцію по завѣдыванію засѣками. Мѣсто встрѣчи двухъ засѣчныхъ звеньевъ называлось «сутками», а начало (или конецъ) засѣчнаго звена—«починомъ» или «утиномъ» засѣки. «Починъ тульскія Малиновыя засѣки съ русскою сторону отъ лихвинскія Снецкія засѣки—промежъ ими двѣ грани и двѣ ямы: отъ Лихвенской засѣки грань на клену, а отъ Тульскія засѣки была грань на ивѣ, и та ива повалилась»[4]). «Учинена межа чертѣ заповѣдному лѣсу лихвинской Слободецкой засѣки съ русскою сторону отъ сутокъ отъ конца козельской Столпицкой засѣки и отъ Озерской перемышльской засѣки. А на суткахъ, гдѣ сошлась лихвинская Слободецкая засѣка съ козельской Столпицкой засѣкою и съ перемышльской Озерской засѣкой, стоялъ дубъ»...[5]) Мѣсто сцѣпленія засѣкъ дозоры иногда называютъ «цуцѣпомъ», а грани около замка — «схожими» и «стычными».[6])

Обереганіе черты, главнымъ образомъ, отъ самого мѣстнаго населенія, было хлопотливымъ и труднымъ дѣломъ, ради котораго московское правительство держало особый штатъ должностныхъ лицъ, такъ называе-

---

[1]) П. к. № 415 л. 472, № 389 л. 328 сл. [2]) П. к. № 389 л. 368. [3]) П. к. № 390 лл. 727—731, № 390 л. 1000. [4]) П. к. № 389 л. 197. [5]) П. к. № 390 л. 995, дозоръ 187 г. [6]) П. к. № 390 л. 826. Калужскія губ. вѣд. 1856 г. №№ 12—19.

мыхъ засѣчныхъ головъ, приказчиковъ и сторожей, и привлекало къ охранѣ черты окрестныхъ жителей. Засѣчная стража обычно верстались небольшими помѣстьями. Такъ, писцовая книга Старорязанскаго стана конца XVI в. насчитываетъ за засѣчнымъ приказчикомъ «жеребей с. Воршева: въ живущемъ четвертные пашни 13 четей съ осминою, а впустѣ полполчетверти, и не дошло осмины пашни». За шестью засѣчными сторожами и засѣчнымъ разсыльщикомъ Кобыльскаго стана въ концѣ XVI в. насчитывалось за каждымъ въ живущемъ четвертные пашни по 4—5 четвертей, а впустѣ по 15—16 четвертей. По писцовой книгѣ Окологороднаго стана 1628—9 гг. за засѣчными сторожами Вожской засѣки была мельница на р. Вожѣ [1]). По даннымъ смѣтнаго списка 1631 г. засѣчныхъ головъ числилось 27 чел., засѣчныхъ приказчиковъ — 13 чел. и засѣчныхъ сторожей — 140 чел. По даннымъ 1638 г. охрану черты вѣдали 28 засѣчныхъ головъ, 13 засѣчныхъ приказчиковъ и 105 засѣчныхъ сторожей. За 5 засѣчными головами Приказъ сбора ратныхъ людей насчиталъ въ 1638 году 28 дворовъ [2]). По своему іерархическому положенію и экономическому обезпеченію лица засѣчной службы (головы и приказчики) относились къ низшему разряду служилыхъ людей—къ городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, изъ рядовъ которыхъ они и вербовались. Засѣчные головы, приказчики

---

[1]) В. Н. Сторожевъ «Писцовыя книги Рязанскаго края», I, с. 223, 249, 407, 657. [2]) Временникъ О. И. Д. Р. 1849 г. № 4. Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову, с. 453. Поручную по засѣчномъ сторожѣ см. А. Ю. № 325. Писцовыя книги №№ 389, 390, 415 и 416 содержатъ нѣкоторыя данныя относительно землевладѣнія засѣчной стражи. № 389 лл. 26—27 об. — помѣстные и приписные сторожа Рановской з., лл. 41—42 — Пустотинской з., лл. 52—53 об. — Шацкой з., лл. 166—169 — Перемышльской з., лл. 524—531 — Лихвинской, Козельской и Перемышльской з.; № 390 лл. 697—702 и 715—726 — Ряжской з., лл. 731—737, — Каширской з., лл. 975—985 — Веневской з.; № 415 лл. 1—2, 28 — 53, 66—81 — отказныя разныхъ засѣкъ, лл. 54—58 — сыскъ земель въ 150 г. около Полошевскихъ воротъ; № 416 лл. 708—709 — сторожа Шацкой з., лл. 805—807 — отказная 171 г. засѣчныхъ сторожей Шацкой з. Ср. П. С. З. II № 728.

Приводимъ списокъ засѣчныхъ головъ, составленный въ 1638 г. У Козельскихъ засѣкъ тверитинъ Дементій Шипиловъ, ростовецъ Антонъ Пановъ, болховитинъ Иванъ Осѣевъ, Петръ Рагозинъ, мещанинъ Илья Корѣевъ; у Перемышльской з. козлитинъ Иванъ Голоѳѣевъ; у Лихвинскихъ з. бѣлозерецъ Юрій Десятово, тулянинъ Спиридонъ Елагинъ, тарушенинъ Платонъ Владычкинъ; у Бѣлевскихъ з. переяславецъ Ѳедосѣй Балобановъ, ржевитинъ Митрофанъ Моклоковъ; у Одоевской з. болховитинъ Семенъ Кривцовъ; у Тульскихъ засѣкъ Иванъ Корочаровъ, тулянинъ Иванъ Страховъ, Иванъ Рожеевъ; у Веневскихъ з. володимірецъ Иванъ Бундовъ, Бушуй Барибинъ; у Каширской з. Панкратей Вечесловъ, Дороѳей Писаревъ; у Рязанскихъ з. рязанецъ Вас. Филипповъ, кашинецъ Илья Тютчевъ, у Ряжскихъ з. жилецъ Ив. Чюфаровъ, дорогобуженинъ Ив. Мѣшаевъ, мещерянинъ Еремѣй Мерлинъ; у Шацкой з. — мещерянинъ Мих. Мясоѣдовъ; у Темниковской з. арзамасецъ Анисимъ Максимовъ; у Кадомской з. ярославецъ Воинъ Нефедьевъ; у арзамасской Пуской з. Обрамъ Воейковъ. Сѣв. ст. № 108 л. 36—38.

и сторожа существовали не по всей чертѣ. Такъ, дозоръ 1679 года замѣчаетъ относительно Снецкой засѣки: «помѣстныхъ засѣчныхъ сторожей у Снецкой засѣки нѣтъ ни одного человѣка, а только въ прошлыхъ годѣхъ взяты были въ новоприбылые сторожи 5 человѣкъ, и дано имъ помѣстья... пустошь Черникова по 5 четвертей человѣку, и тѣ сторожи съ той пустоши сошли безвѣстно..., а хто имяны были сторожей, и откудова онѣ взяты, и того нихто не упомнитъ». Окрестные жители участвовали въ обереганіи черты и тамъ, гдѣ были для этого специальныя должностныя лица, но на многихъ засѣкахъ дѣло охраны было всецѣло возложено на мѣстное населеніе, обязанное слѣдить за тѣмъ, чтобы черезъ засѣку не прокладывались «стежки», т.-е. дороги и тропинки, и отвѣчавшее за цѣлость граней.

Отдѣльныя мелкія звенья находились «за отводомъ» крестьянъ сосѣдняго приписаннаго къ звену селенья, землевладѣльца, даже мѣстнаго причта. Напр., на крапивенской Малиновой засѣкѣ мы встрѣчаемъ звенья д. Мининской, д. Сушковой, д. Веригиной, пустоши Матвѣйковой, д. Болота, д. Шлыковой, с. Супрутъ, д. Поджаровой, с. Никольскаго, попа с. Селиванова, пустоши Жиросяиной и т. д. На этой небольшой засѣкѣ насчитывалось до 60 звеньевъ. На Щегловской засѣкѣ при дозорѣ 184 г. оказалось звено пустоши Пущиныхъ, «а имени ей нихто не знаетъ». На той же Щегловской засѣкѣ было подъ Тулой звено тульскихъ стрѣльцовъ. На Коротосеневской засѣкѣ было звено оброчниковъ р. Осетра, попа с. Глѣбкова, одно звено было безъ надзора —«пустовое». На Корницкой засѣкѣ было звено попа с. Пилюгина Родіона. На Веневской засѣкѣ было звено мѣстныхъ казаковъ Озеренской пятины и звено никольскаго поповича[1]).

«Отводъ порухъ» былъ дѣломъ хлопотливымъ: приходилось слѣдить за тѣмъ, чтобы не накладывались «стежки», чтобы черта не перепахивалась, чтобы граневыя линіи не были завалены падающимъ лѣсомъ, чтобы мѣченныхъ деревьевъ никто не рубилъ и т. д. Охранявшіе черту окрестные жители по общему порядку во время дозоровъ должны были сопровождать дозорщиковъ. Насколько настойчивы были требованія, предъявлявшіяся при отводѣ, можно судить по тому, что иногда одно дерево находилось на отвѣтственности нѣсколькихъ лицъ. Такъ, около р. Утки на Шацкой засѣкѣ была липа, «а та липа вопче д. Петковой да разныхъ помѣщиковъ»[2]). На Корницкой засѣкѣ на граневомъ дубѣ оказалось поврежденіе, — онъ былъ высѣченъ вершка на 2. Дозиравшій въ 1652 г. засѣку Ив. Ѳ. Сухотинъ безуспѣшно допрашивалъ о происхожденіи этого поврежденія засѣчныхъ

---

[1]) П. к. № 389 лл. 197—249, 262, 267, 269, 272, 279, 286, 655, № 390 л. 673.
[2]) П. к. № 416 л. 700.

сторожей и крестьянъ сосѣднихъ помѣщиковъ. На обязанности населенія лежала и очистка граневыхъ линій отъ упавшихъ деревьевъ. Дозорщики отмѣчали, какъ нарушеніе общаго порядка, если упавшее дерево не было убрано. «Повалилась липа ис кореня —отмѣчалъ тотъ же Сухотинъ, дозиравшій въ 1652 г. и Щегловскую засѣку, —и государеву черту заволило, и тотъ завалъ не очищенъ». Въ другомъ мѣстѣ на Щегловской засѣкѣ государева старая черта оказалась заваленной дубомъ. И. Сухотинъ съ товарищи, вѣроятно, отчаявшись въ возможности убрать его, «просѣкли новую черту саженъ на 15 и болши и натесъ натесали новой на 5 деревахъ по государевой засѣки». Дозоръ 1676 г. констатировалъ на Толкижской засѣкѣ такое количество срубленныхъ деревьевъ, что ихъ «за множествомъ и смѣтить было немочно»[1].

Понятно, что населеніе старалось уклониться отъ обязанности охранять черту. Такъ, дозоръ Каширскихъ засѣкъ 1676 г. то и дѣло жалуется на то, что окрестные жители учинили непослушанье и порукъ въ охранѣ засѣкъ по себѣ не дали. Въ томъ же 1676 г. порухъ на Вожской засѣкѣ досмотрѣть оказалось невозможно: «а отъ той осины противъ церковной земли того жъ села Истобниковъ по болоту по мѣрѣ 53 сажени порухъ было досмотрить некимъ: попъ сбѣжалъ»[2].

При каждомъ дозорѣ на засѣкѣ неизбѣжно оказывалась масса порухъ. Засѣка бывала пробита новыми стежками, да еще «битыми дочерна», т.-е. крѣпко наѣзженными[3]. Мало того, засѣка нерѣдко оказывалась распаханной. Такъ, при дозорѣ 1652 г. Кортосеневская засѣка оказалась перепаханной около Венева монастыря. То же самое дозоръ констатируетъ на Столпицкой засѣкѣ въ 1676 г.[4]. Укрѣпленія при дозорахъ, отстоящихъ одинъ отъ другого обычно лѣтъ на 20, оказывались зачастую въ безнадежно разрушенномъ видѣ. Дозоры 1633 г. обнаружили полное разрушеніе всѣхъ укрѣпленій Рязанскихъ засѣкъ и рядъ новыхъ стежекъ, въ прокладываніи которыхъ обвиняли самого засѣчнаго голову Ѳ. Гомзякова и ратныхъ людей, проходившихъ на службу въ Можайскъ[5]. Въ 1638 г. Рязанскія засѣки были реставрированы на всемъ своемъ протяженіи. При досмотрѣ 1679 г., произведенномъ съ подробной схемой работъ 1638 г. въ рукахъ (припомнили даже, кто какимъ звеномъ въ 1638 г. завѣдывалъ, и сколько дѣловцовъ на каждомъ звенѣ было), Рязанскія засѣки тоже оказались въ совершенномъ запустѣніи. «И тѣ крѣпости прошлого

---

[1]) П. к. № 416 лл. 778, 760, 464, 479. Ср. Д. А. И. VIII № 30 [2]) П. к. № 389 лл. 328 сл., 378, 381. О затрудненіяхъ дозорщиковъ при производствѣ дозоровъ см., напр., П. к. № 492 л. 1 сл. [3]) В. Н. Сторожевъ «Рязанскія засѣчныя книги». [4]) П. к. № 416 л. 769, № 389 л. 414. [5]) П. к. № 415 лл. 59—65.

146 году, деревянные городки, и острожки, и надолобы, и частики, и башни, и косые острожки, и мосты, всѣ выгнили и обвалились, дѣлоть будетъ вновь, а подѣлкою дѣлать будетъ невозможно. А на которыхъ засѣкахъ земляные валы учинены, и рвы выкопаны, и тѣмъ землянымъ валамъ и рвомъ безъ подѣлки быть немочна, и рвы во многихъ мѣстѣхъ засыпались... А черты и грани всѣ въ цѣлости, и спору о томъ нѣтъ». «А которыя крѣпости подѣлывали воеводы послѣ прошлого 146-го году тѣ-жъ Вожскіе засѣки въ розныхъ годѣхъ, и тѣ подѣлки во многихъ мѣстѣхъ погнили и выволились, а которыя въ остаткѣхъ тѣхъ крѣпостей не во многихъ мѣстѣхъ, и тѣмъ безъ подѣлки быть немочна». Такое же разрушеніе дозоръ 1676 г. констатировалъ на Каширской засѣкѣ. Дозоръ 1659 г. описываетъ «рухомыя старыя крѣпости» Щегловской засѣки, возстановленныя въ 1638 г. и успѣвшія совершенно развалиться за истекшія 20 лѣтъ. Иногда, впрочемъ, природа шла и навстрѣчу оборонительнымъ усиліямъ человѣка, и нѣкоторыя мѣста въ засѣчныхъ лѣсахъ при дозорѣ оказывались совершенно непроходимыми, заваленными «дромомъ и заломомъ»[1]).

Помимо обязанности блюсти ненарушимость граней и «признакъ» засѣкъ, населеніе несло также повинность обороны засѣкъ особымъ ополченіемъ въ тревожное время, когда ожидались татарскіе набѣги. При сборѣ ополченія, или «подымовныхъ людей», селенія, окружающія черту и отстоящія отъ нея не далѣе 25 верстъ, должны были выставить извѣстное количество ратниковъ «съ вогненнымъ боемъ» и для этой цѣли разверстывались между отдѣльными засѣками.

Разверстаніе засѣки на звенья для организаціи «отвода» и обороны производилось обычно дозорщиками, посланными на засѣку. Такъ, въ 1640 г. стольникъ и воевода кн. Вас. Гр. Ромодановскій занимался разверстаніемъ селеній около Каширской и Веневской засѣкъ на случай обороны черты при нападеніи татаръ. Обычный расчетъ состоялъ въ требованіи съ 3 дворовъ 1 человѣка съ пищалью съ селеній, расположенныхъ не далѣе 15 верстъ, и съ 5 дворовъ 1 человѣка съ пищалью съ селеній, расположенныхъ на разстояніи 15—25 верстъ отъ засѣки. Ромодановскій, разверстывая охрану черты на случай «татарскихъ подлинныхъ вѣстей», послалъ въ уѣзды дворянъ добрыхъ и подьячихъ для переписи селеній[2]). По отдѣльнымъ участкамъ засѣки подымовные люди распредѣлялись сообразно тому, «которыя мѣста плошая», и «которыя покрѣпче», причемъ старались не приписывать къ засѣкѣ селеній изъ неприлежащаго къ ней уѣзда. Такъ, къ Веневской засѣкѣ приписали только 232 двора,

[1]) П. к. № 390 лл. 815—816, № 416 лл. 530—532, 598—604, № 389 лл. 328, 329, 126, 149. [2]) П. к. № 415 лл. 201—269.

съ которыхъ можно было разсчитывать получить лишь 77 человѣкъ. Ромодановскій отмѣтилъ, что для охраны Веневской засѣки этого количества людей мало, но что взять съ селеній Веневскаго уѣзда больше нельзя, а Каширскій уѣздъ «отдалѣлъ и не тотъ уѣздъ». Къ Оленковскимъ воротамъ Ромодановскій написалъ уѣздныхъ людей съ пищалями «менши иныхъ мѣстъ потому, что Оленковская засѣка стала за крѣпостьми за веневскою Веркошскою засѣкой, и мѣста тутъ у Оленковскихъ воротъ передъ иными мѣсты покрѣпче»[1]). При разверсткѣ по 3 или 5 дворовъ списывались вмѣстѣ. При этомъ внѣ общаго расчета оставались иной разъ отдѣльные, такъ сказать, ирраціональные дворы. По переписи Ромодановскаго, напримѣръ, за вдовой Соломонидой Грековой съ внучатами въ д. Барсукахъ былъ жеребей, 1 дворъ бобыльскій, — «а тотъ дворъ одинъ въ остаткѣ, а приписать ево не х кому», замѣтилъ дозорщикъ[2]).

Кромѣ устройства охраны и защиты черты, правительство было озабочено также эксплоатаціей угодій, входившихъ въ ея предѣлы: оно отдавало на оброкъ засѣчные сѣнокосы по полянамъ и рыбныя ловли въ озерахъ и рѣкахъ[3]).

Съ 1620-хъ годовъ становятся замѣтны заботы объ охранѣ и устройствѣ разныхъ звеньевъ засѣчной черты[4]), а послѣ 1630-го года указанія на это становятся все многочисленнѣе[5]). Но мѣропріятія, направленныя на поддержаніе черты до 1635 года носили отрывочный и случайный характеръ: московское правительство штопало то ту, то другую прорѣху, не имѣя, повидимому, ни силъ, ни средствъ для того, чтобы заняться этимъ дѣломъ настойчиво и систематически. Между тѣмъ обстоятельства все требовательнѣе выдвигали вопросъ о развитіи оборонительныхъ

---

[1]) П. к. № 415 лл. 207 и 215. [2]) П. к. № 415 л. 231 об. [3]) Отдача на оброкъ сѣнокосныхъ полянъ на Рязанскихъ засѣкахъ въ 187 г.—П. к. № 390 лл. 361—372 и 817—825; роспись полянъ веневской Веркушской засѣки — № 390 лл. 986—991, ихъ отдача на оброкъ въ 140. г. — № 415 лл. 22—27; отдача на оброкъ полянъ каширской Оленковской засѣки въ 151 г. — № 415 л. 11, полянъ Ѳедяшевской засѣки въ 144 г. и 148 г. — № 415 лл. 13—19, полянъ Боровенской засѣки въ 146 г. — № 415 лл. 20—21, — полянъ Бобриковской засѣки въ 168 г. — № 416 лл. 729—738, полянъ Лихвинскихъ засѣкъ — № 416 лл. 725—727. [4]) Шацкія засѣки — Бѣлг. ст. № 10 лл. 387—9; Орловскія и Мценскія — Прик. ст. № 18 лл. 54—55; Веневскія — Прик. ст. № 278 лл. 590, 592, 593, 597, 598; Вожскія — Моск. ст № 40 лл. 332—337, 423—425; Ряжскія — А. М. Г. I, с. 262. [5]) Рановская засѣка — Прик. ст. № 51, II, лл. 563—566; Алатырская — Моск. ст. № 852, ст. 3, л. 37; Шацкая — А. М. Г., I, с. 336; Бѣлг. ст. № 53 лл. 339—340, 346—347; Моск. ст. № 108 лл. 403—404, 410—412; Корницкая — Бѣлг. ст. № 53 лл. 15—16, 125—126; Красносельская — Вл. ст. № 58 лл. 189—192; Арзамасская — Бѣлг. ст. № 54 лл. 572—574, 657—659, 660—663; Вожская — Моск. ст. № 108 лл. 361—364, 408—409, № 115 лл. 456—463 и т. д.

мѣръ на южной границѣ. Въ маѣ 1633 года, во время Смоленской войны, татарскій набѣгъ достигъ Малиновой засѣки, а въ іюнѣ того же года пришлось отражать татаръ и около самой Тулы[1]. Съ 1635 года вопросъ объ укрѣпленіи украины пріобрѣтаетъ въ глазахъ московскаго правительства неотложный характеръ, при чемъ на первомъ мѣстѣ по старому оказывается задача возстановленія засѣчной черты.

Осенью 1635 года, послѣ новаго набѣга правительство дѣлаетъ энергичные шаги. По государеву указу и боярскому приговору «для засѣчнаго дѣла» посланы были къ Тульскимъ, Веневской и Каширскимъ засѣкамъ кн. Вас. Петр. Щербатый, а съ нимъ инженеръ Янъ Корниловъ[2], два подмастерья Гизбрехтъ Корниловъ и Ивертъ Тенесенъ, толмачъ Романъ Романовъ, чертещикъ да подьячій Максимъ Козловъ. Князь Щербатый и подьячій посланы были безъ жалованья, а инженеру Яну назначено жалованье по 100 руб. въ мѣсяцъ, всего за два мѣсяца командировки, ноябрь и декабрь, — 200 руб. Гизбрехту было положено жалованье по 20 руб. въ мѣсяцъ, Тенесену по 14 руб., толмачу по 6 руб., а чертещику по 10 денегъ на день. Инженеръ, подмастерья, толмачъ и чертещикъ получили, кромѣ того, кормъ на 2 мѣсяца и подводы. Къ Рязанскимъ засѣкамъ былъ посланъ кн. Никита Никитичъ Гагаринъ съ инженеромъ Юстомъ Монсеномъ, толмачемъ, чертещикомъ и подьячимъ. Монсену жалованье было положено только по 8 руб. 3 ал. 2 д. въ мѣсяцъ. Къ Шацкимъ засѣкамъ съ подьячимъ и чертещикомъ, но безъ инженера, былъ отправленъ кн. Сем. Ѳед. Волконскій, къ Козельскимъ засѣкамъ — съ чертещикомъ и подьячимъ Ив. Як. Вельяминовъ. Къ Лихвинскимъ и Перемышльской засѣкамъ послали кн. Льва Ѳед. Волконскаго съ инженеромъ Давыдомъ Николемъ, толмачемъ, чертещикомъ и подьячимъ. Николю положено было жалованье по 50 руб. въ мѣсяцъ. Къ Бѣлевскимъ засѣкамъ посланъ былъ Вас. Ив. Толстой. Кромѣ того, Арзамасскія засѣки велѣно было «описать и измѣрить и подѣлать» арзамасскому воеводѣ кн. Ив. Ив. Лобанову-Ростовскому, а Алатырскія — алатырскому воеводѣ кн. Григ. Барятинскому[3].

Осенняя экспедиція 1635 года, конечно, должна была оставить слѣдъ въ дѣлопроизводствѣ въ видѣ общихъ плановъ и расчетовъ, но не видно, чтобы въ теченіе двухъ ближайшихъ лѣтъ были предприняты на чертѣ какія-либо работы: дѣло не пошло, вѣроятно, дальше общихъ пред-

---

[1] А. М. Г., I, № 573. [2] Я. Корниловъ былъ въ Московскомъ государствѣ на службѣ уже въ 1631 г.—С. Г. Г. Д., III., № 89. [3] Д. Р., II, с. 486; Р. И. Б., II, № 161. Наставленіе объ охранѣ и поддержкѣ засѣчныхъ укрѣпленій повторяется изъ года въ годъ, — напр., К. Р. II с. 649—650, 864—865 и др.

писаній относительно охраны засѣкъ какъ мѣстнымъ воеводамъ, такъ и воеводамъ, стоявшимъ лѣтомъ съ войсками на охранѣ черты. Наступила двухлѣтняя пауза; по своему обычаю московское правительство долго раскачивается и не приступаетъ рѣшительно къ дѣлу, пока новыя событія, взятіе Азова казаками и татарскій набѣгъ, достигшій Новосиля и переполошившій Москву, не вывели его изъ этого колебательнаго состоянія[1]). Осенью же 1637 г. былъ рѣшенъ экстренный сборъ со всего государства, порученный Приказу сбора ратныхъ людей, а зимой приступили къ подготовкѣ сложныхъ оборонительныхъ мѣропріятій на лѣто 1638 года. Въ октябрѣ указано было собрать въ Москвѣ «на время» у митрополитовъ, архіепископовъ и въ монастыряхъ ратную сбрую, — латы, зерцала, пансыри, бехтерцы, шоломы, шапки, мисюрки, шишаки, поручи. Въ ноябрѣ былъ изданъ указъ, обращенный къ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ уѣздовъ — Владимірскаго, Суздальскаго, Юрьева-Польскаго, Муромскаго, Шацкаго, Арзамасскаго, Калужскаго, Лихвинскаго, Бѣлевскаго, Болховского, Карачевскаго, Сѣвскаго, Мещовскаго, Перемышльскаго, Рыльскаго, Путивльскаго, Мценскаго, Орловскаго: служилымъ людямъ указано было къ веснѣ 1638 года быть наготовѣ къ мобилизаціи и обзавестись долгими пищалями или карабинами, чтобы «съ однимъ пистолемъ одноличко никаковъ человѣкъ въ полку не былъ», такъ такъ «короткій бой къ татарскому бою безъ карабиновъ худъ и коротокъ»[2]). Боярскіе люди въ кошу, у которыхъ не будетъ карабиновъ, должны были запастись «доброй рогатиной», «чтобы противъ бусурмана стоять вооружась, безъ страхованья». Въ январѣ изданъ былъ указъ, чтобы дѣти боярскіе владимірцы, служившіе въ рейтарахъ, драгунахъ и солдатахъ, къ веснѣ были «въ тѣхъ службахъ попрежнему». Указомъ 1 марта 1638 года днемъ явки служилыхъ людей на Москву было назначено 1-е мая. Въ апрѣлѣ было указано мобилизовать къ 1 мая и стрѣльцовъ. Къ этому сроку «по большимъ вѣстемъ» должны были явиться въ Москву дѣти боярскіе духовныхъ властей «и монастырскіе слуги лутчіе, конные во всякой ратной сбруѣ» — «а то властемъ и монастыремъ велѣти сказати, чтобы они для государевы службы тѣхъ людей дали по своей мочи, не съ убавкою».

Съ наступленіемъ сухого времени ожиданіе набѣга становится очень напряженнымъ. Въ апрѣлѣ начинаются работы на чертѣ[3]).

---

[1]) Въ сентябрѣ 1637 г. ждали даже появленія татаръ на Окѣ — А. М. Г. II, №№ 84, 85, 86.—О набѣгѣ см. Р. И. Б., II, № 168. Осенью 1637 г. Тульскія засѣки были дозрены еще разъ Яковомъ Дашковымъ и Жд. Кондыревымъ—см. ниже с. 68 и 147.
[2]) Р. И. Б., II, № 168.
[3]) Р. И. Б., II № 168; А. М. Г., II, № 84—86, 96, 97.

ГЛАВА III.

Руководство оборонительными работами на засѣчной чертѣ въ 1638 году.

1. Разрядъ.

Техническій планъ организаціи обороны, подготовительныя мѣропріятія и общій надзоръ за ходомъ оборонительныхъ работъ на чертѣ принадлежалъ Разряду, т. е. фактически, вѣроятно, думному дьяку Ивану Аѳанасьевичу Гавреневу[1]), управлявшему въ немъ въ эти годы дѣлами. Мѣропріятія были обсуждены въ Боярской думѣ (см. указаніе на это ниже въ перепискѣ кн. Черкасскаго съ кн. Пожарскимъ), и весь ходъ дѣла былъ предметомъ безпрерывныхъ докладовъ государю.

[1]) И. А. Гавреневъ—родомъ изъ кашинскихъ дворянъ. Въ кашинской десятнѣ 1622 г. Гавреневъ значится въ группѣ дворовыхъ съ окладомъ по 550 чети: «Ис чети 18 рублевъ. Иванъ Офонасьевъ сынъ Гавреневъ, а за нимъ 10 человѣкъ крестьянъ да 15 бобылей; на государевѣ службѣ безъ государева жалованья мочно быть на обышномъ конишкѣ, а з жалованьемъ, съ своимъ окладомъ, будетъ на середнемъ конѣ. У скаски ево Иванова рука» (В. Н. Сторожевъ, Тверское дворянство XVII вѣка, вып. III, стр. 8—9). Начавъ съ «обышнаго конишки», Гавреневъ пошелъ далеко. Онъ начинаетъ свою быструю бюрократическую карьеру передъ Смоленской войной, появляясь въ Разрядахъ съ конца 1630 года. Съ этого года и по 1649 г. онъ вмѣстѣ съ Ѳ. Ѳ. Лихачевымъ и М. Даниловымъ — думный дьякъ Разряда и непремѣнный членъ дворцоваго обихода. Черезъ руки его проходятъ всѣ важныя дѣла Разряда, безчисленное количество докладовъ носятъ слѣды его характернаго и труднаго для чтенія почерка, имъ же редактировались и составлялись наказы, циркуляры, выговоры и т. д., шедшіе изъ Разряда. Гавреневъ играетъ въ эти годы какъ бы роль начальника главнаго штаба. Въ Разрядахъ онъ нерѣдко выступаетъ со своей собственной физіономіей, какъ живое лицо. Съ 1651 г. онъ — думный дворянинъ, а съ 1655 г. — окольничій. Гавреневъ умеръ, повидимому, въ 1662 г. Трудно сказать, что послужило точкой опоры для начала его карьеры. Впослѣдствіи его служебное положеніе поддерживалось и житейскими связями, такъ какъ онъ породнился съ Шереметевыми. У него накопилось значительное состояніе, быстро къ тому же возраставшее: по даннымъ Приказа сбора ратныхъ людей въ 1638 г. — 264 двора, а по переписи 1646 г. — уже 758 дворовъ. (См. Д. Р. passim, Сборникъ, посвященный С. Ѳ. Платонову, стр. 452, С. В. Рождественскій, Роспись земельныхъ владѣній Московскаго боярства).

^{30}/XII 1637-го года въ Разрядѣ разспрашивали каширскихъ дворянъ Петра Ильина, Аѳанасія Уварова, тарушанина Андрея Оленина, алексинцевъ Якова Рчинова и Аѳанасія Селиверстова «про рѣку Оку и про Угру, въ которыхъ мѣстѣхъ на Окѣ рѣкѣ и на Угрѣ напередъ сего татарскіе перелазы бывали, и гдѣ по Окѣ рѣкѣ и по Угрѣ какія крѣпости, лѣса большіе, и болота, и ржавцы, и иныя крѣпости».

Дворяне въ разспросѣ сказали. «Отъ Угры рѣки до Колуги, а отъ Колуги до Алексина, а отъ Алексина до Серпухова, а отъ Серпухова до Лопасны до Жерновскіе волости по Окѣ рѣкѣ татарскіе перелазы многіе: гдѣ хотятъ, тутъ перелазятъ, а лѣсовъ большихъ и иныхъ никакихъ крѣпостей нѣтъ. А ниже Лопасны въ Каширскомъ уѣздѣ, ниже Жерновской волости версты съ 2, по обѣ стороны Оки рѣки береги — круча, и тутъ татаровя не лазятъ. А прежнія крѣпости — по Окѣ рѣкѣ съ московской стороны по берегу уставленъ былъ тынъ въ 6 рядовъ, и тотъ тынъ еще при царѣ Борисѣ выгнилъ, и вода вымыла. А ниже Жерновской волости и до Каширы и до Кремени татарскіе перелазы вездѣ бывали: береги отлогіе, и мѣста песчаныя».

Въ Разрядѣ разспрашивали затѣмъ дворянъ коломничей Ивана Огалина, Дмитрія Черного, Михайлу Барыкова, рязанцевъ Василія Сѣкерина и Дѣя Рахманинова. Они сказали: «ниже Каширы къ Коломнѣ перелазы татарскіе на Кремени подъ Любимомъ, подъ дворцовою волостью, подъ горами коломенскаго епископа вотчины, подъ Бѣлымъ колодеземъ, подъ Семеновой вотчиною Колтовскаго подъ деревнею Окатьевымъ до Дѣвичья перевозу усть-Осетра и Москвы-рѣки, а ниже того татарскихъ перелазовъ не бывало, да и лазить имъ негдѣ: воды большія, и пришли боры, лѣса и болота»[1]).

Въ началѣ января для болѣе обстоятельныхъ справокъ объ окскихъ перелазахъ, «писать Оки» между Серпуховомъ и устьемъ Угры, Разрядъ командировалъ кн. Ѳедора Андреевича Елецкаго и дьяка Григорія Теряева, а отъ Серпухова до Рязани «Оки жъ рѣки писать» былъ посланъ стольникъ Ѳедоръ Васильевичъ Клепиковъ-Бутурлинъ да дьякъ Иванъ Ларіоновъ [2]).

---

[1]) Вл. ст. № 89 лл. 175—178. [2]) Д. Р. II, 560 и Вл. ст. № 79 лл. 268—273. Выборъ этихъ лицъ не былъ случайнымъ: на нихъ остановились, вѣроятно, какъ на людяхъ опытныхъ и бывалыхъ.

Кн. Ѳ. А. Елецкій появляется въ Разрядахъ съ перваго года царствованія Михаила уже въ чинѣ стольника. Въ 1613—15 гг. видимъ его воеводой въ Рыльскѣ (Д. Р. I, 92, 148—149). За рыльскую службу онъ былъ пожалованъ шубой и ковшомъ (Д. Р. I, 175). Въ 1615—16 гг. Елецкій былъ воеводой въ Уфѣ и Свіяжскѣ (Барсуковъ, Списки воеводъ, стр. 263). Въ 1617 г. видимъ его въ Москвѣ во дворцѣ

О второй изъ этихъ экспедицій данныхъ не имѣемъ, но слѣдъ первой сохранился.

¹/I было сдѣлано распоряженіе о дачѣ подводъ подъ отправляемыхъ на Оку подьячихъ и чертещиковъ, ³/I послѣдовало циркулярное распоряженіе воеводамъ городовъ, расположенныхъ по Окѣ, объ оказаніи содѣйствія посылаемымъ для дозора Оки лицамъ, а ⁶/I — о дачѣ корма отправляемому чертить окскія крѣпости чертещику [1]).

¹²/I Елецкій и Теряевъ явились въ Серпуховъ и приступили къ разспросу объ окскихъ перелазахъ серпуховичей «сверстныхъ людей», — посадскаго старосты Онтуѳея Дорогова, цѣловальника Аѳанасія Букина и другихъ. Серпуховичи показали слѣдующее. «Отъ усть-рѣки Нары, что подъ Серпуховымъ, вверхъ по Окѣ рѣкѣ до Тарусы и по Окѣ рѣкѣ въ сухменное лѣта мели бываютъ супротивъ устья рѣки Поротвы и подъ Школомъ. А на колкихъ саженѣхъ и верстахъ тѣ мели, тово не вѣдоемъ.

«смотрящимъ въ кривой столъ» (Д. Р. I, 284). Въ томъ же году Елецкаго хотѣли послать воеводой въ Новгородъ, но не послали «для того, что былъ въ Свіяжскомъ» (Д. Р. I, 288). Въ 1618 г. онъ посланъ съ запасами съ Волока Ламскаго на Бѣлую (Д. Р. I, 315) и въ томъ же году получилъ порученіе сбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ во Владимірѣ, откуда долженъ былъ явиться въ Н. Новгородъ, какъ товарищъ кн. Б. М. Лыкова (Д. Р. I, 358, 364). Елецкій вздумалъ мѣстничаться съ самимъ Лыковымъ, но потерпѣлъ пораженіе и за свою претензію посидѣлъ день въ тюрьмѣ (Д. Р. I, 367—373). Въ 1624 г. опять видимъ его во дворцѣ (Д. Р. I, 604, 612, 653). Въ 1625—6 гг. Елецкій былъ воеводой въ Ельцѣ (Д. Р. I, 736, 846). Въ 1627—8 гг. онъ былъ посланъ на Луки Великіе «города дѣлать» (Д. Р. I, 877). Въ 1630-хъ годахъ видимъ его опять во дворцѣ (Д. Р. II, 188, 209). Въ 1632 г. Елецкій былъ приставомъ при турецкомъ послѣ и по этому поводу неудачно мѣстничался съ кн. И. Буйносовымъ. (Это длительное любопытное дѣло см. Д. Р. II, 250—262, 264, 270, 277—288, 443, 491—496). Въ 1633—1636 гг. Елецкій былъ воеводой въ Псковѣ (Д. Р. II, 295, 331, 342, 395, 478). За псковскую службу онъ былъ пожалованъ шубой и кубкомъ (Д. Р. II, 510). Осенью 1637 г. Елецкій участвовалъ въ спѣшно принятыхъ мѣрахъ по оборонѣ Москвы (Д. Р. II, 555. Ср. К. Р. I, 80, 311, 333, 389, 462, 565, 585, 665—671, 1235, 1344; II, 82, 186, 458).

Григорій Теряевъ — замѣтный дьякъ. Въ 1631 г. видимъ его участникомъ дворцовыхъ церемоній (Д. Р. II, 211). Въ 1632—3 г. онъ «въ объѣздѣ» на Москвѣ (Д. Р. II, 270, 328, 370). Съ 1634 г. Теряевъ сидитъ въ Разбойномъ приказѣ (Д. Р. II, 394). Осенью 1637 г. онъ участвуетъ въ оборонѣ Москвы, состоя при кн. Д. М. Пожарскомъ (Д. Р. II, 556). Въ концѣ 1638 г. видимъ его дьякомъ Московскаго суднаго приказа (Д. Р. II, 571). — Ѳ. В. Клепиковъ-Бутурлинъ замѣтенъ по Разрядамъ съ середины 1620-хъ годовъ. Въ концѣ 20-хъ годовъ видимъ его воеводой на Ливнахъ, въ 1630 г. — воеводой на Лукахъ Великихъ. — Иванъ Ларіоновъ, подьячій въ 1616 г., въ 1633 г. былъ дьякомъ въ Архангельскѣ, въ 1634 г. — въ Псковѣ, а въ 1636—8 гг. онъ сидѣлъ на Земскомъ дворѣ и, между прочимъ, состоялъ приставомъ при польскихъ послахъ. Дьякомъ на Земскомъ дворѣ онъ оставался и въ началѣ 1640-хъ годовъ (Д. Р. passim).

О значеніи окскихъ бродовъ см., напр., П. с. р. л. т. VI, с. 99—102.

¹) Вл. ст. № 79 лл. 268—273.

А какъ приходъ крымскимъ людемъ, черезъ Оку рѣку татарове перелазетъ вплынь во многихъ мѣстѣхъ. А прошлыхъ лѣтѣхъ для береженья тотарскова перелазу по Окѣ рѣкѣ въ водѣ у берега были сваи биты съ московскіе стороны. А на колко тѣ сваи саженъ поперекъ биты, и мы тово не упомнимъ, заволокло полою водою иломъ. А слухомъ мы слышали отъ дѣдовъ своихъ и отъ отцовъ, что тѣ сваи были биты по Окѣ рѣкѣ до московскова старова пожару блаженные памяти при государи царѣ и великомъ князи Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи отъ Серпухова вверхъ по Окѣ рѣкѣ да Калуги. А признака и нынѣ тѣмъ сваемъ выше рѣки Нары есть противъ деревни Дракинай. А какъ въ прошломъ 99-мъ году приходилъ крымской царь подъ Москву блаженные памети при государи царѣ и великомъ князи Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, и лѣзли Оку рѣку тотарове подъ Серпуховамъ и подъ Дракинамъ и подъ Тарусою во многихъ мѣстѣхъ вплынь. Да въ прошломъ же во 142-мъ году при государи царѣ и великомъ князи Михаилѣ Ѳедоровичѣ всеа Русіи, какъ приходилъ крымскій царевичъ, и крымскіе татарове Оку рѣку лѣзли въ болшую дождевую воду подъ Серпуховымъ и подъ Дракинымъ и подъ Тарусою во многихъ же мѣстѣхъ, а Ока рѣка въ тѣ поры изъ береговъ вылилась, мелей и бродовъ выше Серпухова не было. И въ прошлыхъ же лѣтѣхъ иные какіе крѣпости для береженья отъ татарскова перелазу учинены были ль и въ которыхъ мѣстѣхъ отъ Серпухова да Тарусы по Акѣ рѣкѣ и на колкихъ саженѣхъ и верстахъ, и нынѣ въ тѣхъ мѣстѣхъ вцѣлѣ какіе крѣпости есть ли, и мы таго не вѣдоемъ и отъ отцовъ своихъ не слыхали, опрочѣ тѣхъ свай, что биты были на Окѣ рѣкѣ въ водѣ у берега, что подъ Дракинымъ. А въ которыхъ мѣстѣхъ напередъ сево крѣпостей не было, и въ тѣхъ мѣстѣхъ какіе крѣпости гдѣ вновь учинить мочно ли, сваи ли въ водѣ по Окѣ рѣкѣ у берега побить или надолобы поставить или иные какіе крѣпости подѣлоть, чтобы татарове Оки рѣки въ тѣхъ мѣстѣхъ не перелазили, — таго мы не вѣдоемъ и мѣстъ не знаемъ. А лѣсовъ болшихъ отъ рѣки Нары вверхъ по Окѣ рѣкѣ по обѣ стороны нѣтъ, пришли луги и поля и пашни до Тарусы. А выше Тарусы какіе лѣса или горы по обѣ стороны Оки рѣки, тово мы не вѣдоемъ, вѣдаютъ, хто выше Тарусы живутъ, крестьяне. А впередъ гдѣ чаять татарскова перелазу черезъ Оку рѣку, тово не вѣдоемъ. А по Окѣ рѣкѣ отъ усть-рѣки Нары по обѣ стороны да Тарусы лѣсовъ болшихъ нѣтъ, и засѣки отъ татарскова приходу засѣчь негдѣ. То наша и скаска. А скаску писалъ Ермошко Ждановъ»[1]).

---

[1]) Моск. ст. № 133 лл. 2—4.

Въ дополненіе къ сказкѣ Елецкій и Теряевъ допрашивали серпуховичей: сколь глубока Ока въ сухое лѣто, «и черезъ Оку въ тѣхъ мѣстѣхъ на лошедяхъ и пѣшіе люди бродятъ ли и сколь глубока бродятъ, и х которому берегу та мель глубжа?» Староста и посадскіе люди дали слѣдующій отвѣтъ. «Вверхъ по Окѣ на усть-рѣки Поротвы мель — суды ставетца, а съ судовъ ярыжные пѣшіе люди къ горнему берегу бродятъ въ груди, а в-ыные лѣта и ниже. А съ московскіе стороны къ луговому берегу песокъ, а на песку мелка, и въ калѣна вода живетъ. А другая мель, што подъ Шковымъ, выше тое мели вверхъ по Окѣ рѣкѣ, и на той мели суды не проходятъ, паузятца, а ярыжные и съ судовъ бродятъ по поясъ и ниже. А глубжея къ тому жъ къ горнему берегу, а къ московской сторонѣ песокъ. А бродятъ ли черезъ тѣ мели на лошедяхъ или не бродятъ, того они не видали. А тотарове въ тѣхъ мѣстѣхъ на ихъ памятѣхъ не лаживали». Елецкій и Теряевъ поставили дальнѣйшіе вопросы. «А въ которыхъ мѣстѣхъ по Окѣ рѣкѣ отъ Серпухова до Колуги по обѣ стороны Оки горы съ каменемъ и утесы и лѣса болшіе у береговъ, и съ которые стороны ржавцы и болота, которыми мѣсты чаять черезъ Оку рѣку татарского перелазу, и мочна ли къ тѣмъ горамъ и къ утесу, и ко ржавцомъ, и къ болотамъ, въ которыхъ мѣстѣхъ чаять татарского перелазу, устроить острожки или иные какіе крѣпости въ водѣ у берега здѣлать, чтобъ тѣми острожки и всякими крѣпостми татарской перелазъ отнять, и что на тѣ острожки и на всякія крѣпости какова лѣсу надобна, и далеко-ль тотъ лѣсъ отъ Аки рѣки, и въ чьихъ лѣсахъ имать, и въ каково время на тѣ крѣпости лѣсъ готовить, и о кою пору тѣ всѣ крѣпости дѣлать лутчи и прочнѣя?» Серпуховичи показали: «Отъ Серпухова до Тарусы горъ съ каменемъ, и утесовъ, и лѣсовъ болшихъ у береговъ по обѣ стороны Оки рѣки, и ржавцовъ, и болотъ нѣтъ. А тотарове черезъ Оку лазятъ вездѣ, гдѣ придутъ. А на крѣпости деи они мѣстъ въ водѣ, и гдѣ ставить острожки или иные какіе крѣпости, не знаютъ. А лѣсу блиско Оки рѣки верстъ по 10 и болши нѣтъ. А около Оки рѣки лѣсъ въ верстахъ въ дву и въ трехъ осиновай да липнягъ да сосновое лѣсишка по пашнямъ, а болшого соснового лѣсу, борового и дубового лѣсу дубровного нѣтъ»[1]).

Свѣдѣнія, сообщенныя серпуховичами посадскими людьми, были почти цѣликомъ повторены и въ сказкѣ окологородныхъ слободъ розныхъ чиновъ людей (дворниковъ, патріаршихъ и монастырскихъ, тяглецовъ Конюшенной слободы и крестьянъ Владычня монастыря), — только

---

[1]) Моск. ст. № 133 лл. 5—6.

относительно свай по московскому берегу сказка ихъ гласила: «и тѣхъ свай мы нынѣ знаку не знаемъ нигдѣ» [1]).

Новокрещены, помѣщики Серпуховскаго уѣзда, на всѣ вопросы Елецкаго и Теряева, кромѣ вопроса о лѣсахъ, отвѣтили невѣдѣніемъ. Относительно лѣсовъ они показали, что «есть у нихъ лѣса въ луговой сторонѣ отъ Аки рѣки въ разныхъ помѣстьяхъ въ 5 верстахъ серпуховичъ Ѳедора Шишкина губного старосты, Елисея Цвиленева, и у нихъ лѣсъ осиновай да липовай, а въ бревно де ево сѣчь въ трехсаженное мочно, въ отрубѣ де будетъ въ четверть и въ 5 вершковъ. А соснового де лѣсу и дубнику и ялового лѣсу нѣтъ. А въ надолобы де тотъ лѣсъ не пригодитца. И болшихъ де лѣсовъ по обѣ стороны Оки рѣки они не знаютъ»[2]).

13/I Елецкій и Теряевъ разспрашивали о томъ же крестянъ монастырскаго села Дракина. Дракинскіе крестьяне почти дословно повторили сказку окологородныхъ крестьянъ, указавъ, однако, на существованіе по берегу Оки свай, — «и тѣхъ свай, показали дракинцы, мы нынѣ знаемъ, знакъ есть». Сваи эти по преданію были набиты отъ Серпухова до Калуги. «А знакъ де они сваямъ знаютъ противъ своево села Дракина, показали крестьяне. А в-ыныхъ они мѣстѣхъ прежнихъ крѣпостей не видали. А каковы де тѣ сваи биты были снова и сколь высоки вверхъ отъ воды, того они не видали жъ, и памятуховъ де на то у нихъ нѣтъ. И про тотъ де они знакъ, которые нынѣ сваи, слыхали слухомъ у отцовъ своихъ и у иныхъ старыхъ, что тѣ сваи биты блаженные памяти при царѣ Иванѣ Васильевичѣ для татарского перелазу. А была ли отъ нихъ отъ татарского перелазу помочь, того они не вѣдаютъ». О лѣсахъ дракинскіе крестьяне показали, что въ 3—4 верстахъ отъ Оки есть лѣса монастырскіе, боярина кн. Д. М. Пожарскаго и разныхъ помѣщиковъ — «на пашенныхъ земляхъ лѣса не въ большіе бревна»[3]).

Новокрещены селеній Березны, Новиковъ и Калиновой подтвердили Елецкому и Теряеву 14/I, что, по преданію отъ ихъ отцовъ, сваи были биты противъ села Дракина «по конецъ озера».

Дворяне Тарусскаго уѣзда, допрошенные 15/I, повторивъ показаніе дракинскихъ крестьянъ, указывали на то, что «знакъ есть тѣхъ свай противъ села Дракина по конецъ озера». Допрошенные 16/I крестьяне разныхъ владѣльцевъ Тарусскаго уѣзда дословно подтвердили показанія серпуховскихъ посадскихъ людей [4]).

Кое-что новое (при общемъ повтореніи серпуховской сказки) внесли показанія тарусскаго приказнаго человѣка Петра Мартынова

[1]) Моск. ст. № 133 лл. 7—16. [2]) Моск. ст. № 133 лл. 17—18. [3]) Моск. ст. № 133 лл. 19—23. [4]) Моск. ст. № 133 лл. 24—27, 31—34.

и тарусскихъ сверстныхъ посадскихъ людей. Они показали, что «отъ усть-рѣки Тарусы, что подъ посадомъ, вверхъ по Акѣ рѣкѣ до Олексина и по Окѣ рѣкѣ въ сухменное лѣто мель бываетъ супротивъ Спаса Лапотнова съ Сулаю къ Лодезу». Но опредѣлить размѣры этой мели они не брались: «и въ колкихъ саженѣхъ и верстахъ мелей, того мы не вѣдаемъ». Тарушане помнили тоже о существованіи свай по берегу. «А слухомъ мы слышели, показывали они, что тѣ сваи были биты по Акѣ рѣкѣ до московскаго старого пожару... отъ Торусы до Олексина по Акѣ рѣкѣ до Колуги. Какъ въ про[шло]мъ 99-мъ году приходилъ крымскій царь..., лѣзли Оку рѣку тотарове подъ Торусою и подъ Спасомъ Лапотнымъ во многихъ мѣстѣхъ вплынь. А признака и нынѣ въ Окѣ рѣкѣ тѣмъ сваемъ выше рѣки Торусы есть противъ деревни Алекинай. Да въ прошломъ же во 142-мъ году... крымскіе тотарове Аку рѣку лѣзли въ болшею дождевую воду подъ Торусою и подъ Спасомъ во многихъ мѣстѣхъ. А Ока рѣка въ тѣ поры изъ береговъ вылилась, мелей и бродовъ выше Торусы не было». Никакихъ укрѣпленій тарушане не знали, «апрочь тѣхъ свай, что биты были по Акѣ рѣкѣ въ водѣ у берегу подъ Спасомъ... А лѣсовъ болшихъ отъ рѣки Торусы вверхъ по Акѣ рѣкѣ по обѣ стороны нѣтъ, пришли луги... до Олексина. А выше Олексина какіе лѣса..., вѣдаютъ хто выше Олексина живутъ крестьяне, а по Окѣ рѣкѣ отъ усть-рѣки Торусы по обѣ стороны до Олексина лѣсовъ большихъ нѣтъ». Елецкій и Теряевъ захотѣли сами провѣрить, въ какомъ состояніи находились сваи, набитыя еще во времена Грознаго. «И по сему сыску Торусского посаду староста Овдакимко Гавриловъ на Оку рѣку иманъ для свай, чтобъ указалъ, гдѣ тѣ сваи биты. И староста Овдакимко, пріѣхавъ противу Спасу села Лапотнаго въ Спаскомъ плесѣ въ яру, сказалъ, что сваи биты тутъ. И свай искали во всемъ Спаскомъ плесѣ съ московскіе стороны, да не нашли. А чаятъ староста тово, что тѣ сваи сломала лдомъ нынѣшнею осенью»[1]).

Крестьяне разныхъ владѣльцевъ Тарусскаго уѣзда селеній Салапенокъ, Коласковой и Гатищевой, повторивъ содержаніе предыдущихъ показаній, прибавили, что «татарове черезъ Аку рѣку лазетъ вплавь ва многихъ мѣстѣхъ, гдѣ попалась, а бродовъ не ищутъ». «А береги, показывали эти крестьяне, у в-Аки обо вылазныя. А горъ съ каменемъ и утесовъ и лѣсовъ болшихъ, гдѣ для татарскова приходу засѣчь засѣка, отъ Тарусы да Любуцка нѣтъ»[2]).

Къ $^{18}/_{I}$ Елецкій и Теряевъ добрались до Алексина, но здѣсь не поладили съ мѣстнымъ дворцовымъ приказнымъ человѣкомъ Мак-

[1]) Моск. ст. № 133 лл. 35—39. [2]) Моск. ст. № 133 лл. 43—46.

симомъ Колюбакинымъ и потому задержались. У Колюбакина они должны были «взяти дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ алексинскимъ помѣщикомъ имена, у которыхъ помѣстья и вотчины отъ Оки рѣки вверхъ по Окѣ рѣкѣ по берегу». Помѣщики эти должны были «быть съ ними» для государева дѣла. У того же Колюбакина, кромѣ того, они должны были взять «изъ посадскихъ людей, и въ слободахъ, и монастырскихъ служекъ, и изъ городскихъ слободъ монастырскихъ крестьянъ лучшихъ людей и сверстныхъ, сколько человѣкъ пригожъ, и старожилцовъ и рыбныхъ ловцовъ, которые по Окѣ рѣкѣ и по Угрѣ знаютъ мели, и которыми мѣсты татарове перелазятъ, и которые люди помнятъ, какъ по Окѣ рѣкѣ въ прежнихъ лѣтѣхъ какія крѣпости для татарскаго перелаза учинены были».

Кн. Елецкій явился въ Алексинъ 18/I въ четвертомъ часу, препроводилъ Колюбакину грамоты изъ Разряда и Большого дворца и послалъ отъ себя «память» съ подьячимъ Зиновьевымъ. Но Колюбакинъ «не послушалъ» ни грамотъ, ни указа, ни адресованной ему памяти. Елецкій жаловался въ Разрядъ: «противъ нашей памяти (Колюбакинъ) къ намъ не отписалъ ни единые строки и людей къ сыску никакова человѣка къ намъ не прислалъ, а приказалъ къ намъ, х. т., словомъ, что у него къ сыску такихъ людей нѣтъ, и для твоево г. дѣла послать некого». Елецкій вторично послалъ къ нему подьячаго, требуя «къ роспросу и для сыску Оки рѣки лучшихъ людей и старыхъ изъ пушкарей и изъ стрѣльцовъ и изъ дворниковъ». Но Колюбакинъ опять «отказалъ»: «ему до тѣхъ людей дѣла нѣтъ, а стрѣльцами де и пушкарями такова дѣла не сыскиваютъ». «А прислалъ къ намъ, х. т., продолжалъ Елецкій въ своей жалобѣ Разряду, съ олексинскимъ пушкаремъ съ десятникомъ съ Кондрашкомъ съ Матвѣевымъ, написавъ на бумашкѣ, имена пушкаремъ и стрѣльцомъ да рыбнымъ ловцомъ да плотникомъ да для мѣры... дворниковъ...» Препровождая въ Разрядъ «бумашку», Елецкій жаловался на то, что Колюбакинъ задержалъ ихъ понапрасну въ Алексинѣ на цѣлыхъ 3 дня, съ 18 по 21 число: «и за тѣмъ г. дѣлу у насъ, х. т., учинилась поруха и мѣшканье великое». Въ Разрядѣ отписка Елецкаго вызвала неудовольствіе противъ Колюбакина, — на ней была положена резолюція: «Чтена, учинить наказанье»[1]).

18/I Елецкій и Теряевъ разспрашивали властей и крестьянъ алексинскаго Бунорева монастыря. Власти и крестьяне показали, что въ 99-мъ году татары «лѣзли Аку рѣку подъ Буноревымъ монастыремъ и подъ Алексинымъ и подъ Любутскамъ вплынь во многихъ мѣстѣхъ». О сваяхъ они показали, что «признака и нынѣ есть въ Окѣ

---

[1]) Вл. ст. № 89 лл. 208—210.

рѣкѣ тѣмъ сваемъ немного выше Бунорева монастыря». «Да въ прошломъ же во 142-мъ году... тотарове Оку рѣку лѣзли въ болшую въ дожжовую воду подъ Буноревымъ монастыремъ и подъ Алексинымъ и подъ Любуцкамъ, а Ока рѣка въ тѣ поры изъ береговъ вылилась». Въ Буноревѣ монастырѣ помнили только про сваи, а относительно «иныхъ крѣпостей» отозвались невѣдѣніемъ. «А лѣсовъ болшихъ, показали власти и крестьяне въ разспросѣ, отъ Бунорева монастыря вверхъ по Окѣ рѣкѣ по обѣ стороны нѣтъ, пришли луги и поля и пашня...»[1])

²⁰/I Елецкій и Теряевъ допрашивали алексинское духовенство, алексинскихъ стрѣльцовъ и пушкарей, но ничего существеннаго тоже отъ нихъ не узнали, кромѣ нѣкоторыхъ справокъ объ окскихъ меляхъ и указанія на сваи, которыя были по берегу въ прежніе годы. «Отъ Олексина вверхъ, показали алексинцы, по Окѣ рѣкѣ да Любутцка и до Калуги по Окѣ рѣкѣ въ сухменныя лѣта мели бываютъ, а на колкихъ верстахъ... не вѣдаемъ... А въ прошлыхъ лѣтѣхъ... по Окѣ рѣкѣ въ водѣ у берега были сваи биты съ московскіе стороны ниже Олексина устьрѣки Мышеги». Какъ преданіе, они передавали («слухомъ мы слышели»), что сваи биты были по берегу Оки до самой Калуги. Повторивъ о татарскихъ перелазахъ тѣ же свѣдѣнія, какія Елецкій и Теряевъ собрали въ Буноревѣ монастырѣ, алексинцы, припоминая набѣгъ 142 года, сообщали, что татары перебирались черезъ Оку «въ болшую дозжовую воду подъ Буноревымъ монастыремъ... А Ока рѣка въ тѣ поры была з берегами ровна, а индѣ, гдѣ были нискіе берега, ина изъ береговъ вылилась». Остатки свай около устья Мышеги Елецкій и Теряевъ еще застали [2]).

На слѣды свай указывали и крестьяне вотчины боярыни Ирины Никитичны — «а признака и нынѣ въ Окѣ рѣкѣ тѣмъ сваямъ есть немного повыша Слаботки», «въ водѣ у берега немного выше вотчины Ирины Никитичны у перевоза». Отъ селеній Поросукова и Гремицъ до Алексина, по ихъ словамъ, мелей не было. Крестьяне разсказывали, что въ 142 году «тотарове Оку рѣку лѣзли въ болшую воденую воду повыше Олексина подъ Любуцкомъ. А подъ Буноревымъ монастыремъ Аки рѣки не лѣзли. Ака рѣка въ тѣ поры изъ береговъ вылилась». Мелей и бродовъ подъ вотчиною Ирины Никитичны и до Олексина нѣтъ. Крестьяне селенія Велегощи отозвались полнымъ невѣдѣніемъ на всѣ вопросы — «мы тово всево не вѣдоемъ»[3]).

---

[1]) Моск. ст. № 133 лл. 40—42. [2]) Моск. ст. № 133 лл. 47—52. [3]) Моск. ст. № 133 лл. 53—59.

Алексинскіе рыболовы дали обстоятельную справку объ окскихъ меляхъ своего плеса. «Первая мель пониже рѣчки Свинки внизъ по Окѣ рѣкѣ, и той мы мели на колко саженъ, и мы тово не вѣдаемъ. А 2-ая мель вверхъ Ѳомина острова до рѣчки Щучки. А 3-я мель съ Суворовской рѣчки до Теребовой. А 4-ая мель отъ Кремичны рѣчки вверхъ по Оки рѣки, а той мели не вѣдоемъ, колко саженъ. А 5-ая мель въ Лубущевыхъ островахъ. А 6-ая мель подъ Николою Зміевымъ. А 7-ая мель противъ деревни Фетининай, а протоку той мели не вѣдоемъ, на колко саженъ. А 8-ая мель противъ Егорья Глинища, а той мы мели не вѣдоемъ, на колко саженъ. Въ которыхъ мѣстѣхъ по Окѣ рѣкѣ вверхъ отъ Олексина и да Колуги мелкія мѣста, и гдѣ чаять тотарского перелазу..., и мы тово всево ничево не вѣдоемъ»[1]).

23 и 24 января Елецкій и Теряевъ разспрашивали Калужскаго уѣзда Подгороднаго стана дворянъ, дѣтей боярскихъ, новокрещеновъ и крестьянъ разныхъ владѣльцевъ и дворцовыхъ, но не получили отъ нихъ никакихъ указаній. Лишь относительно лѣса они дали нѣкоторый опредѣленный отвѣтъ: «и лѣсу такова здѣся нѣту, и у насъ такова лѣсу бписко Оки рѣки нѣтъ, и засѣки дѣлать нечимъ». Только крестьяне дворцоваго села Ромодановскаго дали болѣе обстоятельную справку. «А лѣсу у насъ большова блиска нѣтъ. Лѣсъ отъ насъ верстахъ въ 10 и въ 15 въ боярскихъ вотчинахъ и въ монастырскихъ — неболшой еловой и сосновай... А про то мы вѣдоемъ: отъ Угры отъ устья вверхъ по Окѣ рѣкѣ съ версту и больши тотаромъ бродъ и перелазъ есть подъ Спаскимъ монастыремъ. А рыбныхъ ловцовъ и старинныхъ людей у насъ въ Ромодановской волости нѣтъ. Опрично тово тотарскова перелазу, не вѣдоемъ»[2]).

Въ самой Калугѣ тоже плохо помнили о татарскихъ набѣгахъ. 24 и 25 января Елецкій и Теряевъ разспрашивали калужскихъ посадскихъ людей. «А по Акѣ рѣкѣ, показали калужане, по берегу болшихъ лѣсовъ и горъ каменныхъ и утесовъ нѣтъ — про то мы вѣдоемъ... А въ меженную воду Ока рѣка ставитца мелка. А въ прошлыхъ годѣхъ выше Угры рѣки съ версту черезъ рѣку противъ Спаского монастыря тотарове лаживали, а по нашихъ де пометѣхъ черезъ Угру тотарове не лаживали, и отъ отцовъ де мы своихъ того не слыхали»[3]).

Игумны и братія трехъ монастырей, расположенныхъ около Калуги, — Рождественскаго, Спасскаго съ усть-Угры и малоярославскаго

---

[1]) Моск. ст. № 133 лл. 57—62. [2]) Моск. ст. № 133 лл. 63—78. [3]) Моск. ст. № 133 лл. 79—84, 85—86b.

Тихонова монастыря, — и мѣстные крестьяне не смогли дать тоже относительно татарскихъ перелазовъ никакихъ указаній. «А преже сево, показывали они, черезъ Угру рѣку тотарове не лаживали, и слухомъ мы про то ни отъ ково не слыхивали»[1]).

Допрошенные ^{25}/I священники и крестьяне разныхъ владѣльцевъ Лебеданской волости Калужскаго уѣзда на большинство вопросовъ отозвались невѣдѣніемъ, но показали, что «въ прошломъ во 142-мъ году выша Угорскаго устья подъ Спаскимъ моностыремъ тотарове въ бродъ Оку рѣку лѣзли». ^{27}/I крестьяне Залидовского стану Мещовскаго уѣзда показали, что «лѣса болшія пошли вверхъ по Угрѣ рѣкѣ отъ села Товаркова. И тотарове черезъ Угру рѣку не лаживали»[2]). То же самое повторили въ своихъ показаніяхъ священникъ и крестьяне медынской вотчины кн. Дм. Пожарскаго и крестьяне разныхъ владѣльцевъ Воротынскаго уѣзда[3]). Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя кн. Ѳ. Елецкій представилъ на усмотрѣніе Разряда и Боярской думы.

^{14}/III бояре приговорили произвести назначенія засѣчныхъ воеводъ, и сдѣланъ былъ выборъ лицъ, которымъ поручались отдѣльные участки засѣчной черты, разбитой на 22 звена[4]). Главнокомандующимъ всѣхъ силъ, стоящихъ на охранѣ Украйны, и начальникомъ всѣхъ засѣчныхъ работъ по чертѣ съ мѣстопребываніемъ на Тулѣ былъ назначенъ кн. И. Б. Черкасскій съ двумя помощниками — В. И. Стрѣшневымъ и кн. А. М. Львовымъ. Начальникомъ надъ Рязанскимъ отдѣломъ[5]) черты былъ назначенъ кн. Д. М. Пожарскій, надъ Веневскимъ — кн. С. В. Прозоровскій, надъ Крапивенскимъ — И. П. Шереметевъ, надъ Одоевскимъ — кн. И. А. Голицынъ. Засѣки, расположенныя по западную сторону верхняго теченія Оки, были подчинены непосредственно самому Черкасскому.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были составлены наказы главнокомандующему всей чертой кн. И. Б. Черкасскому, его ближайшимъ помощникамъ, командующимъ отдѣлами черты и засѣчнымъ воеводамъ на отдѣльныхъ звеньяхъ черты.

«А всѣмъ бояромъ и воеводамъ изо всѣхъ мѣстъ указалъ государь быть съ бояриномъ и воеводою съ князь И. Б. Черкасскимъ, а межъ себя бояромъ и воеводамъ указалъ государь быть на берегу безъ мѣстъ и

---

[1]) Моск. ст. № 133 лл. 87—95. [2]) Моск. ст. № 133 лл. 96—105. [3]) Моск. ст. № 133 лл. 106—112. [4]) Вл. ст. № 89 лл. 170—174, 214—216, 233—237 и др. [5]) Терминъ «отдѣлъ» принадлежитъ автору, въ документахъ онъ не встрѣчается, но «звено» — терминъ современный.

стоять по своимъ городамъ, гдѣ кому указано, и никому ни на кого не бить челомъ, кто съ кѣмъ ни будетъ; а писать изо всѣхъ мѣстъ на Тулу къ одному боярину ко князю И. Б. Черкасскому, а къ государю писать князь Ивану Борисовичю въ отпискахъ одному жъ съ товарищи».

Главные воеводы «были у государя у руки», прощались съ государемъ, $^{15}/_{IV}$ [1]).

Кн. Иванъ Борисовичъ Черкасскій, двоюродный братъ царя Михаила по матери, перенесшій въ свое время гоненія царя Бориса, съ 1613 года занялъ первое мѣсто въ военномъ управленіи не столько въ качествѣ полководца, сколько военнаго администратора. Такъ, отъ крупнѣйшаго военнаго дѣла своей эпохи, Смоленской войны, онъ почему-то устранился. Боярство ему было сказано одновременно съ кн. Д. М. Пожарскимъ въ день вѣнчанія царя Михаила на царство въ іюлѣ 1613 г. Во время тревоги 1618 года Черкасскій былъ назначенъ главнокомандующимъ силъ, собиравшихся въ Ярославлѣ [2]), и за удачныя дѣйствія былъ награжденъ шубой да кубкомъ [3]). Черкасскій — постоянный почетный гость государева дворца и участникъ царской трапезы [4]), а въ рукахъ его постепенно сосредоточивается управленіе нѣсколькими крупнѣйшими вѣдомствами. Такъ, съ 1621 г. со званіемъ намѣстника Казанскаго онъ завѣдуетъ Помѣстнымъ приказомъ, съ 1629 г. — Стрѣлецкимъ приказомъ и Казеннымъ дворомъ, съ 1632 г. — Большой казной. Всѣ эти учрежденія остаются въ его вѣдѣніи, кажется, до его смерти — въ апрѣлѣ 1642 г. Отъ времени до времени ему даются особенно важныя и щекотливыя порученія, — онъ разбирается въ дѣлѣ Хлоповой, участвуетъ въ обсужденіи вопроса объ умаленіи царскаго титула, ведетъ слѣдствіе о злоупотребленіяхъ сильныхъ людей. Близость къ государю и вліятельное служебное положеніе помогли ему сосредоточить въ своихъ рукахъ огромное состояніе: за нимъ насчитывалось въ 1638 г. почти 2000 дворовъ [5]).

Помощниками къ Черкасскому были назначены два вліятельныхъ лица — Василій Ивановичъ Стрѣшневъ и кн. Алексѣй Михайловичъ Львовъ. В. И. Стрѣшневъ ко времени брака Михаила на его родственницѣ въ 1626 г. былъ стольникомъ, въ 1634 г. онъ пожалованъ въ окольничіе и въ дипломатическихъ сношеніяхъ именуется намѣстникомъ Новоторжскимъ. Въ 1645 году въ званіи намѣстника Вологодскаго онъ ѣздилъ посломъ въ Польшу, но боярства почему-то дождался только въ 1650 г. [6]). Кн. А. М. Львовъ началъ свою дѣловую карьеру воеводой въ Астрахани,

---

[1]) Д. Р. II, 568—569. [2]) Д. Р. I, 357. [3]) Д. Р. I, 386. [4]) Д. Р. passim. [5]) Сборникъ, посвященный С. Ѳ. Платонову, стр. 451. [6]) С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи»; Д. Р. passim.

сидѣлъ въ Помѣстномъ приказѣ, ѣздилъ посломъ въ Данію, затѣмъ въ 1628 г. получилъ въ свое вѣдѣніе вліятельную должность дворецкаго — «въ приказѣ сидѣть у кушанья и во дворцѣ», а въ 1635 г. пожалованъ боярствомъ. Съ нѣкоторыми перерывами онъ занималъ должность дворецкаго, «министра двора», до 1652 года, покинувъ ее за старостью. Сохраняя свое званіе дворецкаго, кн. А. М. неоднократно исполнялъ отвѣтственныя дипломатическія порученія и велъ переговоры съ иноземными послами. Онъ носилъ званіе намѣстника Суздальскаго, а въ 1645 г. пожалованъ архаическимъ «дворечествомъ съ путемъ».

Тульскій штабъ былъ составленъ, слѣдовательно, изъ очень вліятельныхъ въ Москвѣ лицъ, связанныхъ съ государемъ родствомъ, свойствомъ или ежедневнымъ дворцовымъ общеніемъ.

Для руководства канцеляріей на Тулу былъ назначенъ дьякъ Степанъ Кудрявцевъ, взятый Черкасскимъ изъ подвѣдомственнаго ему Казеннаго приказа, а въ посылочные воеводы къ Черкасскому были назначены кн. Степанъ Ивановичъ Великаго-Гагинъ и кн. Ѳедоръ Андреевичъ Елецкій, въ январѣ изучавшій окскіе перелазы. Въ посылочные воеводы ко кн. А. М. Львову былъ назначенъ кн. Семенъ Петровичъ Львовъ, а къ В. И. Стрѣшневу Аѳанасій Ѳедоровичъ Боборыкинъ [1]).

[1]) Кн. С. И. Великаго-Гагинъ въ 1622 г. — рында, съ 1625 г. — стольникъ, въ 1628 г. — воевода въ Воронежѣ (Д. Р. passim). — А. Боборыкинъ появляется впервые въ Разрядахъ дѣйствующимъ лицомъ въ любопытныхъ повѣствованіяхъ о чудесахъ, совершившихся около принесенной въ Москву Ризы Господней. Въ 1625 году онъ и другой Боборыкинъ, Яковъ, офиціально сообщили о нѣкоторыхъ своихъ приключеніяхъ около Ризы, вѣроятно, чтобы обратить на себя высочайшее вниманіе (Д. Р. II, 811, 812). Въ 1635 году видимъ его въ чинѣ стольника сотникомъ у стряпчихъ (Д. Р. II, 415) и участникомъ дворцовыхъ церемоній (Д. Р. II, 438, 461 и др.). — Кн. А. М. Львовъ со своими племянниками кн. С. П. Львовымъ и его братомъ не поладилъ: ему пришлось даже жаловаться на ихъ продѣлки въ Москву. Изъ Москвы на имя кн. И. Б. Черкасскаго 20/VIII 1638 г. была прислана слѣдующая грамота. «Билъ намъ челомъ бояринъ нашъ князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ на племянниковъ своихъ, на князя Степана княжъ Петрова сына да на князя Семена княжъ Иванова сына Львовыхъ, да на галиченина сына боярского на Андрея Медвѣдева, что они разграбили ночью на Вологотцкой дорогѣ аглинского нѣмчина, отняли у него сукна и иные товары. И по нашему указу велѣно ему тѣхъ его племянниковъ поучить и смирить, а сукна и иные товары, что они у нѣмчина взяли, велѣно отдати нѣмцомъ. И онъ де по нашему указу тѣхъ своихъ племянниковъ у себя на дворѣ билъ кнутьемъ и держалъ ихъ въ чѣпи и въ желѣзѣхъ пятнатцать недѣль, а сукна и иные товары, что они, сыскавъ, привезли, отдалъ нѣмцомъ. И аглинской де агентъ съ нѣмчиномъ сукна и иные товары взяли, а послѣ де того билъ намъ челомъ аглинской агентъ, что сукна не всѣ и измочены и перемяты, и въ томъ де имъ учинилися великіе убытки, и имъ бы съ нѣмчиномъ роздѣлатца. И онъ де племяннику своему князю Степану говорилъ многижды, чтобъ они съ нѣмчиномъ роздѣлались, и князь Степанъ де ево не слушаетъ, съ нѣмчиномъ не роздѣлываетца, а сказываетъ, что сукна и иные товары, что взяли, всѣ нѣмчину отдали.

Лѣвый флангъ засѣчной черты отъ Рязанио до Тулы былъ раздѣленъ между кн. Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, который долженъ былъ находиться въ Переяславлѣ Рязанскомъ, и кн. Семеномъ Васильевичемъ Прозоровскимъ, назначеннымъ въ Веневъ.

Пожарскій, какъ извѣстно, не игралъ большой роли послѣ 1618 г. Со званіемъ намѣстника Коломенскаго онъ былъ воеводой въ Калугѣ въ тревогу 1618 г., а въ 1629—1631 гг. былъ воеводой въ Новгородѣ. «За чернымъ недугомъ» въ Смоленскомъ походѣ, въ который онъ былъ сначала назначенъ вторымъ воеводой къ Шеину, Пожарскій участья не принялъ [1]). Въ 1634—1637 гг. онъ сидѣлъ въ Московскомъ судномъ приказѣ. Товарищемъ къ нему по завѣдыванію Рязанскимъ отдѣломъ черты былъ назначенъ Ѳедоръ Михайловичъ Бояшевъ, человѣкъ опытный, съ длинной служебной карьерой, побывавшій и въ бояхъ и на украинной службѣ, а потомъ служившій воеводой въ Кашинѣ, Дѣдиловѣ и на Верхотурьѣ [2]).

Князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій, назначенный на Веневъ, принадлежалъ тоже къ заслуженнымъ людямъ эпохи. Царствованіе Михаила застало его уже стольникомъ и воеводой, и съ тѣхъ поръ всю жизнь онъ не переставалъ исполнять серьезныя военныя порученія. Онъ участвовалъ въ войнѣ со шведами и поляками въ первые годы царствованія Михаила и былъ еще въ силахъ выступить въ походъ 1654 г. Въ теченіе своей полувѣковой боевой карьеры онъ испыталъ всякія превратности судьбы: участвовалъ въ Смоленскомъ походѣ, былъ ссылаемъ въ опалѣ въ Сибирь, составлялъ Соборное Уложеніе, сносился съ Б. Хмѣльницкимъ и самозванцемъ Анкудиновымъ, служилъ воеводой въ Мценскѣ (1615 г.), Дорогобужѣ и Вязьмѣ (1617—18 гг.), Рязани (1619 г.),

---

И нынѣ де племянникъ его князь Степанъ на нашей службѣ на Тулѣ воруетъ, бражничаетъ, водитца съ воришками и его не слушаетъ и къ нему не приходитъ. А намъ бы его пожаловати, велѣти племяннику его князю Степану и галиченину Ондрею Медвѣдеву съ нѣмчиномъ указъ учинить мимо его, что тотъ племянникъ его князь Степанъ его не слушаетъ, и силы его съ него нѣтъ. И мы указали: князь Степана Львова въ тамошнемъ ево воровствѣ смирить тебѣ боярину нашему и воеводѣ князю Ивану Борисовичю. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ того князя Степана княжъ Петрова сына Львова за его воровство и за брагу и за непослушанье, что онъ дяди своего боярина нашего князя Алексѣя Михаиловича не слушаетъ, велѣлъ смирить до чево доведетца, чтобъ онъ отъ такова дурна отсталъ. А какъ онъ съ нашіе службы пріѣдетъ къ Москвѣ, и ему велѣть стати въ Посольскомъ приказѣ передъ діаки нашими, передъ думнымъ передъ Ѳедоромъ Лихачевымъ да передъ Максимомъ Матюшкинымъ да передъ Григорьемъ Львовымъ, и съ нѣмцы въ томъ дѣлѣ роздѣлатца. Писанъ на Москвѣ лѣта 7146 г. августа въ 8 де». Сѣв. ст. № 111, л. 107. [1]) Д. Р. II, 272, 276. [2]) К. Р. I, 26, 27, 179, 236, 238, 341, 527, 644, 994—995, 1046, 1050; II, 109, 110, 14, 689, 808, 916 и др. Д. Р. I, 265, 266, 278, 583, 599 и др.

Астрахани (1621 г.), Дѣдиловѣ (1624 г.), Вязьмѣ (1626 г.), Путивлѣ (1628—9 гг.), Ржевѣ Володиміровѣ и Бѣлой (1632 г.). Неподолгу сиживалъ онъ и въ приказахъ (Московскомъ судномъ, Пушкарскомъ и Ямскомъ). Служебныя отличія доставались ему почему-то туго: окольничества онъ дождался къ 1630 году, а боярство было ему сказано только въ началѣ царствованія Алексѣя [1]). Товарищемъ къ нему былъ назначенъ кн. Семенъ Ѳедоровичъ Смага-Волконскій [2]).

Засѣки, лежавшія на западъ отъ Тулы до пересѣченія черты съ теченіемъ верхней Оки, были раздѣлены между Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ, имѣвшимъ мѣстопребываніемъ Крапивну, и кн. Иваномъ Андреевичемъ Голицынымъ, назначеннымъ въ Одоевъ.

И. П. Шереметевъ и кн. И. А. Голицынъ принадлежали къ сравнительно молодымъ членамъ Боярской думы: имъ обоимъ боярство было сказано въ 30-хъ годахъ послѣ смерти Филарета. Шереметевъ, человѣкъ съ темнымъ прошлымъ и съ очень двусмысленной репутаціей, держался высоко, опираясь на вліяніе своего дяди, боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, состоявшаго въ родствѣ съ династіей [3]), и, повидимому, на личныя къ себѣ симпатіи государя. И. П. Шереметева не сломило даже раскрытіе его некрасивой роли въ Приказѣ сбора ратныхъ людей въ 1639—1642 гг. Съ порядками украинной службы Шереметевъ былъ знакомъ, побывавъ воеводой въ Мценскѣ (1614 г.) и въ Рязани (1622 г.).

Кн. И. А. Голицынъ тоже изъ царскаго свойства: его родная тетка была замужемъ за Александромъ Никитичемъ Романовымъ. Кн. Голицынъ, весьма близкій ко двору человѣкъ, но замѣтной роли въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ онъ, кажется, не игралъ [4]).

Товарищемъ къ Шереметеву былъ назначенъ злополучный служака и плодовитый духовный писатель кн. Семенъ Ивановичъ Шаховской-Харя, а товарищемъ къ Голицыну — Ѳ. В. Клепиковъ-Бутурлинъ, въ январѣ того же года посылавшійся Разрядомъ для изслѣдованія окскихъ перелазовъ ниже Серпухова [5]).

---

[1]) Д. Р. II, 129. Ср. К. Р. passim. Донскія дѣла, IV, с. 1001. Его земельная тяжба съ кн. Морткинымъ — см. В. Н. Сторожевъ «Указная книга Помѣстнаго приказа» № 70. [2]) Въ началѣ царствованія Михаила видимъ его стряпчимъ и стольникомъ. Въ 20-хъ годахъ онъ былъ воеводой въ Рыльскѣ, а въ 30-хъ — на Теркѣ. (Д. Р. passim). [3]) Его старшая сестра Елена, въ монашествѣ Леонида, была замужемъ за царевичемъ Иваномъ, погибшимъ отъ руки Грознаго. «Царица Леонида» была еще жива въ царствованіе Михаила и пользовалась почетомъ, какъ живая связь съ угасшей династіей. [4]) Подробности карьеры Шереметева и Голицына см. въ нашей работѣ «Приказъ сбора ратныхъ людей 146—161 гг.». [5]) Біографію кн. С. Шаховского см. въ изслѣдованіи С. Ѳ. Платонова «Древне-русскія сказанія о Смутномъ времени». Біографическія данныя о Клепиковѣ-Бутурлинѣ приведены выше.

Въ качествѣ начальниковъ передового полка на случай наступленія татаръ были назначены въ Мценскъ кн. Мих. Петр. Рыбинъ-Пронской и кн. М. Козловскій.

Такимъ образомъ на лѣвый рязанскій флангъ черты были назначены лица болѣе опытныя и авторитетныя: очевидно, эта часть засѣки представлялась Разряду требующей особаго вниманія и заботъ; то же самое видно и изъ распредѣленія на чертѣ вооруженныхъ силъ и дѣловцовъ[1]).

Воеводами отдѣльныхъ засѣчныхъ звеньевъ были назначены лица по большей части со значительнымъ военно-административнымъ опытомъ украинной службы. Болѣе половины этихъ воеводъ, особенно на лѣвомъ крылѣ черты, были замѣтными лицами въ московскомъ служебномъ мірѣ, — назовемъ И. Г. Бобрищева-Пушкина, В. П. Чевкина, кн. Г. А. Волконскаго, кн. И. Л. Шаховского, И. Я. Вельяминова, кн. В. М. Болховского, кн. Н. М. Барятинскаго, З. Г. Шишкина, К. Б. Хрущова, Н. И. Карамышева, кн. Д. П. Горчакова, И. С. Благово — біографическія справки о нихъ приведены ниже при описаніи хода работъ на порученныхъ имъ звеньяхъ черты. При воеводахъ, какъ ниже увидимъ, состояли засѣчные головы — мѣстные люди, профессіонально занятые дѣломъ украинной службы.

Разрядъ разработалъ планы размѣщенія на засѣкахъ вооруженныхъ силъ, планъ сбора на засѣчныя работы дѣловцовъ и составилъ инструкціи посланнымъ на черту воеводамъ. По первоначальному расчету Разряда, который Черкасскому съ товарищи предоставлялось, однако, измѣнять, — что̀ могло быть необходимо вслѣдствіе несоотвѣтствія московскихъ росписей и чертежей дѣйствительному положенію и состоянію засѣкъ, — нужно было на 90 верстъ Козельскихъ засѣкъ съ ихъ 4 воротами 1400 ратныхъ людей, на лихвинскую Слободецкую засѣку съ 1 воротами — 1000 чел., на Одоевскія засѣки отъ Оки до Орловыхъ воротъ на 88 верстъ съ 4 воротами — 2000 чел.; 5-ыя ворота на этихъ засѣкахъ предполагалось завалить лѣсомъ, а у задѣланныхъ воротъ поставить пѣшихъ людей «съ вогненнымъ боемъ»; отъ р. Передѣлки до р. Свинки на 23 вер. 206 саж. на полое мѣсто къ Орловымъ воротамъ — 1000 чел., къ Малиновымъ воротамъ — 500 чел. Количества людей на Завитай Разрядъ заранѣе не опредѣлялъ, — «а Завитай дѣлать и по нему башни, и людемъ быть, смотря по крѣпостямъ и по тамошнему дѣлу, какъ мочно удержать». Оставался открытымъ и вопросъ о Щегловской засѣкѣ. На Кортосеневскую засѣку съ ея Потетинскими воротами и «царевичевымъ

[1]) Вл. ст. № 89 лл. 170—174, 214—216, 233—237 и др.

проломомъ» нужно было 2000 чел., на Веневскую засѣку — 2000 чел., на Каширскія засѣки съ ихъ 2 воротами — 2000 чел., на Рязанскія засѣки — 5000 чел. Итого по расчету Разряда требовалось на оборону черты 16900 чел.[1]). Въ Рязани, Веневѣ, Тулѣ, Крапивнѣ, Одоевѣ, Мценскѣ должны были стоять вооруженные отряды драгунъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, численность которыхъ трудно опредѣлить — думаемъ, что итогъ этихъ силъ надо считать около 15,000—20,000 чел. Черкасскій самъ долженъ былъ на Тулѣ прибрать въ солдатскую службу изъ дѣтей боярскихъ, за которыми въ дачахъ нѣтъ помѣстій, и изо всякихъ чиновъ вольныхъ людей 4000 солдатъ; 4000 драгунъ прибирались на Москвѣ[2]). Самыя засѣчныя работы предполагалось выполнить даточными со служилыхъ земель, которыхъ собиралъ Приказъ сбора ратныхъ людей (по расчету около 3600 чел.), даточными съ дворцовыхъ и духовныхъ земель (по расчету, вѣроятно, около 6500 чел.) и силами мѣстнаго населенія: 18посадовъ и 18 уѣздовъ, расположенныхъ вдоль засѣчной черты, должны были дать 17418 дѣловцовъ и 3482 лошади съ телѣгами и сбруей, — всего, слѣдовательно, въ работахъ должны были участвовать около $27^1/_2$ тыс. чел. при 3482 лош.[3]). Изъ этого количества на 49 верстъ 300 саженъ общаго протяженія Рязанскихъ засѣкъ предназначалось около трети — 9190 чел. и 1838 лош. На Каширскія засѣки въ прибавку къ мѣстнымъ дѣловцамъ (686 чел. и 137 лош.) предназначались 2000 чел., собираемыхъ «со всей земли», а часть этихъ даточныхъ должна была быть направлена на Малиновую засѣку. На Веневскую засѣку предназначались 2077 чел. мѣстныхъ дѣловцовъ да 416 лош., а на Тульскія — 1274 чел. и 255 лош. съ мѣстнаго населенія и даточные съ дворцовыхъ и монастырскихъ земель. Такимъ образомъ, на пространство отъ Рязани до Тулы, включая укрѣпленія Малиновой засѣки, предназначалось около 23,000 дѣловцовъ при 2046 лошадяхъ, и только тысячи 4 чел. при 836 лош. должны были обслуживать все остальное огромное протяженіе черты отъ Тулы на Крапивну, Одоевъ, Бѣлевъ и Жиздру. Аналогично распредѣлялись, какъ было показано, и вооруженныя силы: на западъ отъ верхней Оки — 2400 чел., между верхней Окой и Тулой — 3500 чел. и между Тулой и Рязанью — 11000 чел.[4]).

---

[1]) А. М. Г. II № 103. [2]) Сборъ этотъ въ Калугѣ, Бѣлевѣ, Болховѣ, Мценскѣ, Черни и Одоевѣ былъ порученъ Ив. Бунину — А. М. Г. II № 98—100. [3]) А. М. Г. II № 112. Срав. Прик. ст. № 97 лл. 53—104. Расчеты эти служили основой для справокъ въ послѣдующее время — см. Бѣлг. ст. № 125 лл. 1—190. [4]) А. М. Г. II № 103, 112; Прик. ст. № 97 лл. 53, 60, 87, 88; Вл. ст. № 89 лл. 221—232, 238—242. Р. И. Б. X с. 269 сл.

Разрядъ составилъ наказы кн. И. Б. Черкасскому, воеводамъ — начальникамъ отдѣловъ засѣчной черты, мценскому воеводѣ кн. М. П. Пронскому и засѣчнымъ воеводамъ отдѣльныхъ звеньевъ черты.

Наказъ кн. И. Б. Черкасскому [1]) начинался съ перечисленія разрядовъ служилыхъ людей, которые должны были явиться къ нему на Тулу на Егорьевъ день весенній, т.-е. къ $^{23}/_{IV}$. Въ качествѣ наставленія и напутствія наказъ предписывалъ «столникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ московскимъ, и жилцомъ, и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ замосковныхъ городовъ, и иноземцомъ... быти безстрашно и надежно». «Осаду (на Тулѣ) вѣдать осадному воеводѣ и осадному головѣ и городовымъ прикащикомъ, и о всякихъ городовыхъ дѣлѣхъ и о городовомъ строеньѣ велѣти боярамъ и воеводамъ, князю Ивану Борисовичу съ товарищи, тульскому воеводѣ и осадному головѣ докладывати себя» (лл. 101—104). Черкасскому же подчинялись воеводы отдѣловъ и отдѣльныхъ звеньевъ засѣчной черты (лл. 121—124). По пріѣздѣ служилыхъ людей на Тулу кн. Черкасскій съ товарищи долженъ былъ «велѣти росписати (ихъ) въ сотни и учинить у нихъ головъ и дворянъ добрыхъ и списки головамъ дати», относительно неявившихся навести справки о причинахъ неявки и списокъ ихъ сообщить въ Москву, а воеводамъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ окажутся нѣтчики, дать распоряженіе прямо отъ себя о высылкѣ нѣтчиковъ на Тулу, гдѣ ихъ ожидало наказаніе (лл. 105—114, 128—132). «По вѣстямъ» женъ и дѣтей тульскихъ дворянъ онъ долженъ былъ собирать на Тулу въ осаду, принявъ, въ случаѣ ихъ неповиновенія, репрессивныя мѣры вплоть до насильственнаго забиранія у служилыхъ вдовъ ихъ дѣтей и холоповъ (лл. 114—116 и 134—137). На случай нападенія татаръ на Тулу и осады ея Черкасскій долженъ былъ принять мѣры къ размѣщенію наряда на тульскихъ укрѣпленіяхъ, заготовить колье и каменья и т. д. (лл. 116—117). Для вѣстей Черкасскій долженъ былъ держать въ городахъ на югъ отъ Тулы особыхъ вѣстовщиковъ и всѣ получаемыя свѣдѣнія немедленно сообщать въ Москву, наказывая, чтобы вѣстовщики «съ вѣстьми бѣжали къ государю днемъ и ночью наспѣхъ» и объявляли всѣмъ по дорогѣ о грозящемъ набѣгѣ (лл. 118—120, 125—127, 138—145, 179—180).

---

[1]) Черновой наказъ кн. И. Б. Черкасскому находится на лл. 101—180 столбца № 90 Бѣлгородскаго стола. Рукопись во многихъ мѣстахъ перправлена рукой д. д. И. Гавренева. Листы перепутаны. — Приводимые ниже наказы были подготовлены обстоятельными справками съ прецедентами, при чемъ образцомъ для доклада послужилъ распорядокъ на засѣкахъ, принятый еще въ 112 году — Вл. ст. № 89 лл. 217—220.

Въ случаѣ набѣга Черкасскому предписывалось «со всѣми бояры и воеводы по г. указу... итти на крымскаго царя на прямой бой, — и они бъ воеводы въ городѣхъ жили съ великимъ береженьемъ, и сторожи бъ у нихъ были ближніе и отъѣзжіе были крѣпкіе» (л. 120). Черкасскій съ товарищи долженъ былъ выбрать и мѣсто, гдѣ ему стоять на чертѣ съ вооруженными силами въ случаѣ нападенія татаръ, — «и воеводомъ устроить остроги, чтобъ бояромъ и воеводамъ въ приходъ крымскаго царя и царевичей и болшихъ воинскихъ людей ис тѣхъ остроговъ на засѣкахъ надъ крымскимъ царемъ и надъ царевичи и надъ воинскими людми г. дѣломъ промышлять бестрашно и надежно. А у которыхъ засѣкъ бояринъ и воевода князь Иванъ Борисовичъ изо всѣхъ мѣстъ бояромъ и воеводамъ въ приходъ крымскаго царя и царевичей и болшихъ воинскихъ людей велѣлъ быть, и которыхъ засѣкъ имъ отъ крымскаго царя и отъ царевичей и отъ болшихъ воинскихъ людей и на колкихъ верстахъ оберегать, и то все государь *(п. т.)* положилъ на немъ бояринѣ и воеводѣ на князѣ Иванѣ Борисовичѣ... А будетъ крымскому царю и царевичамъ вѣдомо учинитца, что они бояре и воеводы, кн. Иванъ Борисовичъ съ товарищи, противъ крымсково царя и царевичей и болшихъ воинскихъ людей на Тулѣ и по инымъ мѣстамъ со многими ратми, и для тово крымской царь и царевичи съ воинскими людми къ Тулѣ и къ засѣкамъ не пойдутъ, а пойдутъ на мценскіе или на орловскіе, или на новосильскіе, или на чернскіе, или на иные на которые мѣста для войны или учнутъ стоять у которыхъ городовъ для городового промыслу, и боярину и воеводѣ князю Ивану Борисовичу на тѣхъ воинскихъ людей послать съ Тулы воеводъ посылочныхъ и головъ, а съ ними ратныхъ людей, смотря по вѣстемъ и по тамошнему дѣлу, и велѣть воеводамъ и головамъ городомъ помогать и надъ воинскими людми промышлять, сколько милосердый Богъ помочи подастъ, а боярамъ и воеводамъ изо всѣхъ мѣстъ потому жъ велѣти на воинскихъ людей послать головъ съ сотнями и велѣть воеводамъ и головамъ надъ воинскими людми государевымъ дѣломъ промышлять съ воеводами вмѣстѣ, надъ воинскими людьми поискъ учинить и языковъ добыть и воевать не дать, а себя и людей уберечь» (лл. 155—157).

Если татары пойдутъ Муравскимъ шляхомъ на Черленую гору[1]) и «похотятъ старымъ мѣстомъ проходить къ берегу», то Черкасскій долженъ выступить противъ нихъ со всѣми силами, стянувъ къ себѣ западные и восточные отряды. Если же татары пойдутъ на Ве-

---

[1]) Близъ Тулы — см. «Книгу Большого чертежа».

невскій проломъ, на Рязанскій или «иныя мѣста», то Черкасскій долженъ спѣшить на помощь тамошнимъ воеводамъ (лл. 159—163). Если татарамъ удастся прорваться сквозь засѣки къ берегу Оки, то Черкасскій долженъ промышлять, «смотря по дѣлу» (лл. 154—156). Засѣчные воеводы, посланные для возобновленія засѣкъ, «чтобы воинскіе люди черезъ засѣки не перелѣзли», подчинялись Черкасскому, и какъ командующіе отдѣльными отрядами: въ случаѣ набѣга они должны были помогать другъ другу, а вѣсти должны были передавать на Тулу кн. Черкасскому. Если татары отрѣжутъ сообщенія отдѣльныхъ засѣкъ съ Тулой, то засѣчные воеводы должны будутъ спѣшить съ передачей вѣстей прямо въ Москву (лл. 166—178)[1]).

Наказы воеводамъ отдѣловъ засѣчной черты, кн. Д. М. Пожарскому, кн. С. В. Прозоровскому, И. П. Шереметеву и кн. И. А. Голицыну были редактированы по однообразной схемѣ съ прописаніемъ въ одномъ случаѣ Переяславля Рязанскаго, въ другомъ — Венева, въ третьемъ — Крапивны и въ четвертомъ — Одоева[2]). Остановимся на наказѣ кн. Д. М. Пожарскому. Наказъ содержалъ списокъ служилыхъ людей, которые должны были къ $^{23}/\text{IV}$ и $^{1}/\text{V}$ явиться въ Переяславль Рязанскій и поступить въ распоряженіе кн. Пожарскаго (лл. 306—310). О своемъ прибытіи въ Переяславль Рязанскій и о явкѣ служилыхъ людей туда на службу Пожарскій и Бояшевъ должны были донести на Тулу и въ Москву. Изъ Переяславля они должны были отправиться на досмотръ засѣкъ, осмотрѣть черту съ польской и русской стороны и выбрать съ русской стороны мѣсто, гдѣ стоять съ главными силами въ приходъ крымскаго царя и царевичей. На выбранномъ ими мѣстѣ они должны были соорудить острогъ или земляную крѣпость, обославшись по этому вопросу съ Тулой. До большихъ вѣстей имъ предписывалось, однако, оставаться съ вооруженными силами въ самомъ Переяславлѣ (лл. 310—315). Списокъ своего смотру Пожарскій и Бояшевъ должны были сообщить на Тулу и въ Москву, и, кромѣ того, о нѣтчикахъ писать прямо отъ себя воеводамъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ окажутся нѣтчики. Въ случаѣ и дальнѣйшей неявки дѣловцовъ они должны были посылать за ними высыльщиковъ и, приведя нѣтчиковъ въ Переяславль, сажать ихъ въ тюрьму, давать на крѣпкія поруки и имать на нихъ прогоны,

---

[1]) Наказы воеводамъ, посылавшимся на украинную службу, въ разныхъ варіантахъ см. въ К. Р., напр., I, 37—77. [2]) Наказъ кн. Голицыну — Бѣлг. ст. № 90 лл. 181—219; наказъ И. П. Шереметеву — тамъ же лл. 220—286; наказъ кн. Прозоровскому тамъ же лл. 269—305; наказъ кн. Пожарскому — тамъ же лл. 306—348. Всѣ наказы — въ черновомъ видѣ, исправнѣе наказы Прозоровскому и Пожарскому, но и тѣ перебиты.

разузнавая у окладчиковъ соотвѣтствующихъ городовъ о дѣйствительныхъ причинахъ неявки нѣтчиковъ (лл. 315—323). «По вѣстямъ» Пожарскій и Бояшевъ должны были женъ и дѣтей служилыхъ людей, ихъ людей и пашенныхъ крестьянъ собирать въ осаду въ Переяславль Рязанскій, приказывая имъ хлѣбъ ссыпать въ ямы, животину угонять въ лѣсъ, пригрозивъ въ случаѣ неповиновенія, что захваченныхъ татарами въ плѣнъ выкупать не будутъ. У ослушниковъ они должны были «велѣть переимать дѣтей ихъ и людей, а недорослей, неслужилыхъ дѣтей боярскихъ, велѣти переимати самихъ и за ослушанье сажать въ тюрьму на время», а при большомъ упорствѣ даже «бить батоги и сажать въ тюрму» (лл. 324—328). Въ Рязанскихъ украинныхъ городахъ они должны были держать вѣстовщиковъ. Если вѣстовщики «на розгромѣ» попадутъ къ татарамъ въ плѣнъ, то должны показывать, что вездѣ по засѣкамъ стоятъ многіе служилые люди. На тѣ мѣста, гдѣ будутъ усмотрѣны татары, воеводы должны были посылать станицы для провѣрки вѣстей и «прямыя» вѣсти передавать на Тулу (лл. 328—333). Если набѣгъ будетъ направленъ не на засѣки близъ Тулы и Венева, а на ряжскія и рязанскія мѣста, то они должны промышлять государевымъ и земскимъ дѣломъ, смотря по вѣстямъ и по тамошнему дѣлу. Если же татары придутъ на мценскія, орловскія, новосильскія, чернскія и иныя которыя мѣста, то Пожарскій и Бояшевъ должны дѣйствовать по указаніямъ князя И. Б. Черкасскаго и итти въ указное мѣсто (лл. 333—337). Какія засѣки они должны будутъ вѣдать около Рязани, наказъ не предрѣшалъ — указанія объ этомъ они должны были получить съ Тулы. Если татары успѣютъ прорваться черезъ засѣчную черту «большою мочью, бився у засѣкъ», то воеводамъ промышлять, смотря по дѣлу, обослався съ кн. И. Б. Черкасскимъ. Пойманныхъ татарскихъ языковъ разспрашивать, самъ ли царь пришелъ, не по повелѣнью ли султана предпринятъ набѣгъ, какимъ путемъ татары шли и т. д. (лл. 338—346). Со всѣми сомнительными дѣлами Пожарскій долженъ былъ обращаться на Тулу къ Черкасскому, а если изъ-за военныхъ дѣйствій на Тулу проѣхать будетъ нельзя, то писать въ Москву (лл. 346—348).

Разрядъ составилъ наказы и воеводамъ отдѣльныхъ засѣчныхъ звеньевъ[1]). Текстъ наказа воеводѣ Заупской засѣки гласилъ.

---

[1]) Наказъ 1637 г. засѣчному головѣ напечатанъ въ А. Э. III № 270; наказъ 1638 г. воеводѣ Малиновой засѣки напечатанъ въ книгѣ Гамеля «Тульскій оружейный заводъ» (1826 г.). Это — единственный изъ такихъ наказовъ 1638 года намъ извѣстный. Черновые наказы 1639, 1640 и 1641 гг. см. Вл. ст. № 79, лл. 1—14 и 108—124 — воеводамъ Вожской засѣки; лл. 15—50—Каширской засѣки;

«Лѣта 7146 года марта въ 27 день государь (*п. т.*) велѣлъ воеводѣ Семену Васильевичу Волынскому да головѣ Степану Карцеву ѣхать въ Тульской уѣздъ къ Заупской засѣкѣ къ Малиновымъ воротамъ для того: блаженные памяти при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи и при государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи въ Тульскомъ уѣздѣ для береженья отъ приходу воинскихъ людей учинены были засѣки и на засѣкахъ всякіе крѣпости, и въ прошломъ во 144 году по государеву (*п. т.*) указу посыланъ Тульскихъ засѣкъ дозирать князь Василей Щербатой, а въ нынѣшнемъ во 146 году тѣхъ же Тульскихъ засѣкъ посыланъ дозирать Яковъ Дашковъ, а по дозору князя Василья Щербатого и Якова Дашкова на Тульскихъ засѣкахъ засѣчные крѣпости многіе погнили и выбиты, и впредь Тульскимъ засѣкамъ безъ подѣлки быть не умѣть.

И государь (*п. т.*) указалъ, и бояре приговорили. Для береженья отъ приходу воинскихъ людей тульскую Заупскую засѣку дѣлати имъ Семену и Степану отъ Малиновыхъ воротъ на 11 верстъ на 703 саженяхъ, а съ ними по государеву указу для засѣчново дѣла велѣно быть дѣтемъ боярскимъ туляномъ съ меньшихъ статей десяти человѣкомъ, да съ ними жъ велѣно быть на тульской на Заупской засѣкѣ у Малиновыхъ воротъ засѣчнымъ головамъ и прикащикомъ и сторожомъ. Да съ Семеномъ же и съ Степаномъ для береженья засѣкъ отъ приходу воинскихъ людей и для засѣчного дѣла велѣно быть даточнымъ людемъ съ огненнымъ боемъ. Да для засѣчного дѣла по государеву указу велѣно съ ними быть съ Тулы съ посаду и съ уѣзду съ живущіе чети по пяти человѣкъ пѣшихъ съ топоры и съ заступы и съ лопаты, да съ тое жъ съ живущіе чети по лошади съ телѣгою и съ хомутомъ, и всего съ Тулы съ посаду и съ уѣзду велѣно съ ними съ Семеномъ и съ Степаномъ быть даточнымъ людемъ съ живущихъ четей 276 человѣкомъ съ топоры жъ и съ заступы и съ лопаты, да у тѣхъ у даточныхъ людей будетъ 55 лошадей съ телѣги и съ хомуты. А по государеву указу тѣхъ сошныхъ людей велѣно къ нимъ на Заупскую засѣку къ Малиновымъ воротамъ выслать съ Тулы Ивану Замыцкому тотчасъ безсрочно, а даточныхъ людей на ту Заупскую засѣку къ Малиновымъ воротамъ къ нимъ пришлютъ съ Москвы. А на колькихъ верстахъ тое тульскіе Заупскіе засѣки Семену и Степану вѣдать и засѣчные крѣпости подѣлать, и что Тульскіе

лл. 51—63 и 64—79—Тульскихъ засѣкъ; лл. 80—95, 96—107, 244—267—Лихвинскихъ засѣкъ; лл. 125—148—Заупской засѣки; лл. 149—159, 160—173 и 174—186 Столпицкой засѣки; лл. 226—243—Слободецкой засѣки; лл. 187—200—Дубенской засѣки; лл. 201—213—Сенецкой засѣки.

засѣки по мѣрѣ вдоль и поперегъ, и что на Тульской засѣкѣ у Малиновыхъ воротъ старыхъ засѣчныхъ крѣпостей разрушилось, и Семену и Степану тому всему дана роспись за дьячьею приписью.

И Семену Волынскому и Степану Карцеву, пріѣхавъ на Тульскую засѣку къ Малиновымъ воротамъ, взявъ съ собою засѣчныхъ головъ, и прикащиковъ, и сторожей, и тамошныхъ людей, которые живутъ у засѣки, и тое Тульскіе засѣки вдоль и поперегъ и на Тульской засѣкѣ всякихъ крѣпостей дозрить и описать подлинно, по всей ли той Тульской Заупской засѣкѣ лѣсъ, и тѣмъ лѣсомъ мочно ль по всей засѣкѣ учинить лѣсной завалъ, и нѣтъ ли въ той засѣкѣ пропаши и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ полыхъ мѣстъ, и на колькихъ верстахъ или саженяхъ пропаши и сѣнныхъ покосовъ и иныхъ какихъ полыхъ мѣстъ, и что у Тульской засѣки съ обѣихъ сторонъ рѣкъ, и колодезей, и озеръ, и болотъ, и ржавцовъ, и топкихъ мѣстъ, и всякихъ крѣпостей, и на колькихъ верстахъ или саженяхъ тѣхъ крѣпкихъ мѣстъ, за которыми крѣпостьми безъ завалу лѣсново и безъ землянково валу татаромъ перелѣсти немочно. А дозривъ на Тульской засѣкѣ у Малиновыхъ воротъ, тово всево описать подлинно по статьямъ, да о томъ о всемъ отписать къ государю подлинно. И учинить Семену и Степану на Тульской на всей засѣкѣ середи засѣчного лѣсу въ чертѣ вдоль на 11 верстахъ на 703 саженяхъ завалъ лѣсной, а поперегъ по засѣкѣ на 25 саженяхъ. А велѣть въ завалѣ лѣсъ сѣчь съ одново и нижніе концы у лѣсу сѣченые велѣть оставливать на пняхъ, чтобъ засѣчной завалъ былъ крѣпокъ и впередъ проченъ, и татарсково приходу черезъ нево не было. А дѣлать на засѣкѣ завалъ и всякіе засѣчные крѣпости сошными людьми, не дожидаясь даточныхъ людей. А въ которыхъ мѣстѣхъ на засѣкѣ болота и озера и всякіе крѣпкіе мѣста, и тѣми будетъ крѣпостьми татаромъ и безъ лѣсново завалу и безъ землянково валу чрезъ засѣку пройти немочно, и Семену и Степану въ тѣхъ мѣстѣхъ завалу лѣсново и землянково валу не дѣлать. Да Семену жъ и Степану въ засѣчныхъ воротѣхъ поперегъ засѣчные дороги поставить острогъ, а привести тотъ острогъ по обѣ стороны засѣчные дороги къ лѣсному завалу и въ томъ острогѣ на засѣчной дорогѣ сдѣлать башню съ вороты и въ той башнѣ и по острогу отъ поля для всякіе крѣпости учинить ровъ около башни и острога, чтобъ тою башнею и острогомъ и всякими крѣпостьми засѣчною дорогою татаръ не пропустить.

А какъ по государеву указу съ Москвы даточные люди на Тульскую засѣку къ Малиновымъ воротамъ придутъ, и Семену и Степану тѣхъ даточныхъ людей по списку пересмотрить всѣхъ на лицо съ пи-

щальми и ести и нѣты прислать къ государю, а даточнымъ людемъ велѣти быть съ собою на засѣкѣ, и тѣми даточными людми на засѣкѣ на полыхъ мѣстѣхъ, гдѣ доведетца, дѣлать земляной валъ съ великимъ поспѣшеньемъ неоплошно, чтобъ Тульскую засѣку у Малиновыхъ воротъ всякими крѣпостми укрѣпить до приходу воинскихъ людей, а по вѣстемъ даточныхъ людей росписать на засѣкѣ по воротамъ и у всякихъ засѣчныхъ крѣпостей, смотря по мѣстамъ и по крѣпостямъ, и того беречь накрѣпко, чтобъ воинскихъ людей черезъ засѣку не пропустить.

А однолично Семену Волынскому и Степану Карцову Тульскую засѣку у Малиновыхъ воротъ дѣлать съ великимъ радѣньемъ и поспѣшеньемъ неоплошно, и у засѣчново дѣла быти самимъ во весь день неотступно, и дѣтемъ боярскимъ и засѣчнымъ головамъ у засѣчново дѣла велѣть быть безотступно жъ, чтобъ на засѣкѣ всякіе крѣпости подѣлать до приходу воинскихъ людей, чтобъ черезъ Тульскую засѣку и мимо Малиновыхъ воротъ воинскимъ людемъ проходу не было. А буде къ Тульской засѣкѣ къ Малиновымъ воротамъ на какіе крѣпости надобенъ лѣсъ, и Семену и Степану на тѣ на засѣчные крѣпости имать лѣсъ въ помѣсныхъ и въ вотчинныхъ дачахъ всякихъ чиновъ людей, не обходя никово, чтобъ однолично Тульскую засѣку у Малиновыхъ воротъ всякими крѣпостми укрѣпить. А засѣчново лѣсу имъ на всякіе засѣчные крѣпости себѣ и ратнымъ людемъ ни на какіе дѣла не имать и никакихъ для дѣлъ изъ засѣчново лѣсу не сѣчь, опричь завалу, чтобъ засѣку не огалить, и въ засѣчную черту однолично никому ходить и ѣздить не велѣть и слѣду не накладывать. А сколько съ ними у засѣчного дѣла сошныхъ людей и съ котораго числа и по которое число будетъ, и какъ у нихъ засѣчное дѣло учнетъ дѣлатца, и что на Тульской засѣкѣ у Малиновыхъ воротъ и по которое число какихъ крѣпостей здѣлаютъ, и имъ о томъ о всемъ ко государю писать почасту. Да Семену жъ и Степану для вѣстей держать въ городѣхъ ково пригоже и велѣть про воинскихъ людей вѣстей провѣдывать, чтобъ ему на засѣкѣ безъ вѣстей не быть. И жить Семену и Степану на тульской на Заупской засѣкѣ у Малиновыхъ воротъ съ великимъ береженьемъ неоплошно, и сторожи на засѣкѣ, въ которыхъ мѣстѣхъ пригоже по вѣстемъ, въ день и въ ночь держать противъ прежняго указу на высокихъ деревьяхъ, и для ясаку по деревьямъ держать кузовы съ берестою и съ смольемъ, и, смотря по вѣстемъ, велѣти кузовы съ берестою и съ смольемъ зажигать, чтобъ на засѣкахъ про приходъ воинскихъ людей было вѣдомо, и беречь того накрѣпко, чтобъ воинскіе люди къ засѣкѣ безвѣсно не пришли и дурна какова не учинили.

Да Семену жъ и Степану по большимъ вѣстямъ уѣздныхъ людей, которые села и деревни противъ Заупской засѣки Малиновыхъ воротъ верстъ по пятнадцати и меньши, и съ тѣхъ собрать съ трехъ дворовъ по человѣку съ пищальми, а которые села и деревни отъ засѣки по дватцати по пяти верстъ, и съ тѣхъ селъ и деревень съ пяти дворовъ по человѣку, и велѣти тѣмъ людемъ быть на засѣкахъ по вѣстѣмъ, покамѣстъ про воинскихъ людей вѣсти поминуютца. А какъ вѣсти поминуютца, и имъ тѣхъ людей на засѣкѣ не держать, да и сошныхъ людей, которые будутъ съ ними у засѣчново дѣла, какъ засѣчное дѣло совсѣмъ совершитца, на засѣкѣ не держати жъ, чтобъ сошнымъ и уѣзднымъ людемъ на засѣкѣ безъ дѣла задержанья нисколько не было. А укрѣпить имъ Малиновую засѣку одноличто со всякими крѣпостьми, чтобъ имъ и служилымъ и уѣзднымъ людемъ въ приходъ воинскихъ людей на засѣкѣ быть безстрашно и надежно, а въ приходъ воинскихъ людей промышлять имъ надъ воинскими людьми государевымъ дѣломъ, сколько милосердый Богъ помочи подастъ. А буде крымской царь или царевичи или большіе воинскіе люди придутъ къ Малиновымъ воротамъ и къ засѣкѣ, и Семену и Степану потому жъ, прося у Бога милости и у Пресвятые Богородицы помощи, со всѣми людьми быти на засѣкѣ и надъ воинскими людьми государевымъ дѣломъ промышлять и тово искати, чтобъ надъ татары поискъ учинить и черезъ засѣку татаръ не пропустить, а себя и людей уберечь. А по государеву указу иныхъ Тульскихъ засѣкъ воеводамъ и головамъ, ссылаясь съ ними, велѣно имъ помогать и надъ воинскими людьми промышлять, сколько милосердый Богъ помощи подастъ. А будетъ воинскіе люди придутъ къ инымъ къ Тульскимъ засѣкамъ, а къ Малиновой засѣкѣ приходъ ихъ не чаятъ, и Семену и Степану, сослався Тульскихъ засѣкъ съ воеводами и съ головами, тѣмъ мѣстомъ, на которые мѣста придутъ воинскіе люди, помогать самимъ на воинскихъ людей, со всѣми даточными людьми ходить и посылки отъ себя посылать, и надъ воинскими людьми государевымъ дѣломъ промышлять, и тово искать, чтобъ надъ воинскими людьми поискъ учинить и черезъ засѣку не перепустить. А одноличто Семену и Степану по государеву указу на Малиновой засѣкѣ всякіе крѣпости дѣлать съ великимъ радѣньемъ, чтобъ засѣкъ всякими крѣпостьми укрѣпить до приходу воинскихъ людей, чтобъ черезъ Малиновую засѣку воинскихъ людей не пропустить и надъ воинскими людьми поискъ учинить. Да Семену жъ и Степану беречи тово накрѣпко, чтобъ на Малиновой засѣкѣ городцкіе [1]) и даточные и уѣздные люди засѣчново лѣсу

---

[1]) М. б., вмѣсто «городцкіе» надо читать «сошные»? См. текстъ ниже.

не сѣкли и никакихъ для дѣлъ за засѣчную черту не ѣздили, и дорогъ не накладывали, и иные никакіе порухи на засѣкахъ не дѣлали. А будетъ отъ какихъ людей въ Малиновой засѣкѣ учнутъ какіе порухи дѣлатца, и Семену и Степану тѣхъ людей имать и бить батоги нещадно, а въ большой государевой пенѣ велѣть тѣхъ людей давать на крѣпкіе поруки съ записьми до государева указу. А о вѣстѣхъ и о государевыхъ засѣчныхъ дѣлѣхъ Семену и Степану писать къ государю *(п. т.)* почасту, а отписки о вѣстѣхъ и о всякихъ дѣлѣхъ отсылать имъ на Тулу къ Ивану Замыцкому, а Ивану Замыцкому тѣ ихъ отписки велѣно присылать къ государю съ тульскими и иныхъ городовъ съ гонцами, чтобъ въ подводахъ большихъ убытковъ не было.

А одноличнo Семену Волынскому и Степану Карцову государевымъ *(п. т.)* дѣломъ на засѣкѣ промышлять съ великимъ радѣніемъ неоплошно, и служба своя къ государю показать, чтобъ на Малиновой засѣкѣ всякіе крѣпости подѣлать, и Малиновую засѣку всякими крѣпостьми укрѣпить, чтобъ тою засѣкою татаръ не пропустить, а сошнымъ и даточнымъ и уѣзднымъ никакимъ людемъ налогъ и обидъ не дѣлати и посуловъ и поминковъ съ сошныхъ и съ даточныхъ и съ уѣздныхъ никакихъ людей не имати. А какъ у нихъ на Малиновой засѣкѣ всякое засѣчное дѣло совершитца, и по государеву указу на ту на Малиновую засѣку для того досмотру велѣно послати изъ думныхъ людей. И только Семенъ и Степанъ на Малиновой засѣкѣ противъ государева указу засѣку всякими крѣпостьми не укрѣпятъ или засѣчнымъ дѣломъ замѣшкаютъ и съ сошныхъ, съ даточныхъ и съ уѣздныхъ людей учнутъ имать посулы и поминки, лготя въ засѣчномъ дѣлѣ, а послѣ про то сыщетца, и Семену Волынскому и Степану Карцову отъ государя быть казнену смертью, а помѣстья ихъ и вотчины велитъ государь отдать съ роздачею безповоротно мимо жены ево и дѣтей и роду. А для писма дьячка и для разсылки розсылщиковъ и пушкарей и затинщиковъ велѣно къ нимъ выслать съ Тулы Ивану Замыцкому, а быть розсыльщикомъ и пушкаремъ и затинщикомъ велѣно до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ сошныхъ людей вышлютъ къ нимъ на засѣку».

Разработавъ общій планъ обороны, выбравъ исполнителей и составивъ имъ инструкціи, Разрядъ сохранилъ общій надзоръ за ходомъ дѣла на чертѣ. Кн. Черкасскій съ товарищи выѣхалъ на Тулу около $^{20}/_{\text{IV}}$, и Разрядъ увѣдомилъ въ концѣ апрѣля отдѣльныхъ воеводъ еще разъ объ ихъ подчиненіи кн. Черкасскому. Тульскому воеводѣ И. Замыцкому соотвѣтствующее увѣдомленіе было послано $^{25}/_{\text{IV}}$ [1]), кн. Н. Бѣ-

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 244—246.

лосельскому — 26/IV [1]), Ѳ. Зюзину — 27/IV [2]); сравнительно поздно посланы офиціальныя увѣдомленія Матвѣю Зубову — 18/V [3]) и кн. Пожарскому въ Рязань — 25/V [4]), но, кажется, эта разновременность увѣдомленія имѣла характеръ простой случайности.

Разрядъ продолжалъ вѣдать отправку служилыхъ людей на засѣки. Такъ, 27/V онъ командируетъ къ Черкасскому дв. м. Льва Андреевича Микулина, распредѣляетъ между Черкасскимъ, Прозоровскимъ, Львовымъ и Пожарскимъ алатырскихъ мурзъ и татаръ [5]), вѣдаетъ отправку стрѣльцовъ на югъ и распредѣленіе солдатъ и драгуновъ въ южныхъ городахъ [6]). Разряду посылается съ Тулы донесеніе объ отпускѣ каждаго отдѣльнаго служилаго человѣка, даже если онъ освобождался на короткій срокъ. Такъ, Черкасскій сообщаетъ Разряду объ отпускѣ съ Тулы на 2 недѣли кн. Пріимкова-Ростовскаго, просившаго отпустить его на похороны жены [7]). Пожарскій увѣдомляетъ Разрядъ объ отпускѣ въ Москву алатырцевъ Остафьева, Лихутина и Анненкова для подачи челобитья относительно неправильнаго требованія съ нихъ «даточныхъ денегъ» [8]). Кн. С. И. Шаховской сообщаетъ Разряду объ отпускѣ имъ въ Москву боровичей, вереичей и новокрещеновъ разныхъ городовъ, собирающихся бить государю челомъ о своихъ нуждахъ [9]). Разрядъ лѣдитъ и за высылкой на службу нѣтчиковъ, сыскивая, напр., черезъ спосредство Казанскаго дворца нѣтчиковъ алатырцевъ и мещерянъ [10]) Голицынъ и Бутурлинъ доносятъ Разряду въ августѣ о разбѣгѣ арзамасцевъ и суздальцевъ [11]).

Черкасскій запрашиваетъ Разрядъ, какъ ему поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда на драгунахъ, солдатахъ и даточныхъ будутъ искать крестьянства и холопства [12]), и доноситъ о ходѣ работъ на Тульскомъ звенѣ черты, которымъ непосредственно завѣдывалъ онъ самъ. Въ началѣ мая онъ доноситъ въ Москву, что ѣздилъ дозирать Тульскихъ засѣкъ къ Малиновымъ и Щегловскимъ воротамъ и до татарскихъ проломовъ «не по одно время», и разсказываетъ обстоятельно объ отданныхъ имъ распоряженіяхъ засѣчнымъ воеводамъ. Изъ Разряда (конечно, именемъ государя) отвѣчали ему съ похвалою за радѣнье и неоплошный промыселъ, побуждая его и впредь дѣйствовать такъ же. Разрядъ сопровождалъ свой похвальный отвѣтъ Черкасскому наставленіемъ, которое онъ дол-

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 244—246. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 273—275. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 238—239. [4]) Вл. ст. № 85 лл. 232—234. [5]) Вл. ст. № 91 лл. 4—30, 52—53, 98—99. [6]) Вл. ст. № 91 лл. 190—204. [7]) Вл. ст. № 91 л. 152 — отъ 28/VIII 146 г. [8]) Вл. ст. № 91 лл. 154—158. [9]) Вл. ст. № 91 лл. 182, 278—281 и др. [10]) Вл. ст. № 91 лл. 33—49, 50—51, 52—53. [11]) Вл. ст. № 91 л. 165. [12]) Вл. ст. № 91 лл. 90, 91—92, 83.

женъ былъ передать дальше, засѣчнымъ воеводамъ отдѣльныхъ звеньевъ,— «и ты бъ, кончалась грамота Разряда, бояринъ нашъ и воевода князь Иванъ Барисовичъ съ товарыщи, о тѣхъ дѣлѣхъ велѣлъ воеводамъ указъ дѣлать по нашему указу и смотря по тамошнему дѣлу, какъ лутче, чтобъ засѣки всѣ укрѣпить, чтобъ засѣками воинскихъ людей не пропустить»[1]).

Въ іюлѣ Черкасскій препровождаетъ въ Разрядъ челобитье офицеровъ полка Краферта, жалующихся на то, что имъ даютъ мало жалованья. Подполковникъ да 3 человѣка «майеровъ», 13 человѣкъ капитановъ, 17 поручиковъ, 18 прапорщиковъ били челомъ на то, что имъ «царское жалованье и кормъ идетъ не противъ чину и достоинства», и они «передъ своею братьею въ царскомъ жалованьѣ въ корму оскорблены». Офицеры излагали тягости своей службы и прилагали списокъ тѣхъ служилыхъ людей, «передъ которыми они были оскорблены» и «въ позорѣ вконецъ погибли». Разрядъ распорядился давать имъ кормъ,— «какъ имъ давано по нашему указу напередъ сего при тебѣ бояринѣ нашемъ и воеводѣ при князѣ Иванѣ Борисовичѣ»[2]).

Разрядъ завѣдывалъ распредѣленіемъ артиллеріи и амуниціи. Кн. И. А. Голицынъ писалъ изъ Одоева, что у него нѣтъ наряда для прибывшихъ къ нему 500 вяземскихъ и опочецкихъ стрѣльцовъ. «А безъ наряду, писалъ Голицынъ, стрѣльцомъ въ приходъ воинскихъ людей быть безнадежно, а чтобъ, г., у тѣхъ пѣшихъ стрѣльцовъ былъ нарядъ полковой, и имъ бы противъ воинскихъ людей съ нарядомъ и засѣкамъ помогать надежно». Въ Москвѣ эта отписка была доложена государю, и было рѣшено: «которой будетъ нарядъ по засѣчнымъ воротамъ, и тотъ нарядъ послать, а тѣмъ людямъ въ приходъ большихъ людей быти по засѣкамъ»[3]). Разрядъ вѣдаетъ, между прочимъ, отправку на Тулу нужнаго для наряда фитиля[4]). 12/VIII Черкасскій пишетъ въ Москву о томъ, что ему прислана для знамени тафта вишневая да желтая да черчатая, а «на розцвѣтку» надо еще бѣлой тафты. Это требованіе удовлетворяется по докладу государю[5]). Разрядъ слѣдитъ также за вопросомъ о продовольствіи тульской арміи. Черкасскій доносилъ въ Москву о томъ, что присланные съ Москвы въ полкъ Краферта харчевники и мучники сбѣжали. Разрядъ озаботился ихъ отысканіемъ и сообщилъ объ ихъ разбѣгѣ Большому приходу[6]).

До конца апрѣля, до пріѣзда на Тулу кн. Черкасскаго и его товарищей, Разрядъ руководилъ и сборомъ дѣловцовъ на засѣки, разсылая

---

[1]) Грамота Разряда отъ 9/V — Вл. ст. № 85 лл. 147—150. [2]) Вл. ст. № 91 лл. 117—124. [3]) Вл. ст. № 91 л. 159. [4]) Вл. ст. № 91 лл. 1—3. [5]) Вл. ст. № 91 л. 166. [6]) Вл. ст. № 91 лл. 134—136, августъ 1638 г.

общія указанія, напоминанія и разъясненія воеводамъ, вѣдавшимъ сборъ. Эти грамоты разсылались по извѣстной готовой схемѣ, — циркулярно, какъ мы говоримъ теперь. Таковы грамоты о сборѣ дѣловцовъ, посланныя 18/IV В. П. Чевкину, И. С. Чевкину, И. Г. Бобрищеву-Пушкину и др.[1]). Не всегда, однако, Разрядъ бралъ рѣшеніе вопросовъ цѣликомъ на себя. Такъ, Разрядъ не посылаетъ приказаній въ дворцовыя села о скорѣйшей высылкѣ даточныхъ, а сносится съ ними черезъ Большой дворецъ[2]). Когда выяснилось, что Рязанскій посадъ никоимъ образомъ не можетъ выставить потребованнаго количества даточныхъ, Разрядъ распорядился произвести перепись дворамъ и населенію[3]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Разрядъ вмѣшивался даже и въ самый ходъ сбора дѣловцовъ, напр., въ дѣйствія воеводы Столпицкой засѣки кн. Никифора Бѣлосельскаго, на котораго жаловалась боярыня Головина, — см. ниже обзоръ работъ на 19-мъ звенѣ черты[4]). Какъ увидимъ, ниже Разрядъ зорко наблюдаетъ за всѣмъ ходомъ работъ на отдѣльныхъ засѣчныхъ звеньяхъ, получая съ мѣста отчеты о дозорахъ и исполненныхъ работахъ — см. многочисленные документы во II т. А. М. Г., въ которыхъ напечатаны донесенія, поступившія въ Разрядъ. Параллельныя донесенія шли на Тулу и сохранились въ составѣ архива тульскаго штаба.

Словомъ, Разрядъ сосредоточиваетъ въ своемъ вѣдѣніи всю подготовку и все веденіе дѣла, неотступно слѣдя за каждымъ шагомъ не только главныхъ начальниковъ обороны черты, но и каждаго отдѣльнаго засѣчнаго воеводы.

2. Князь И. Б. Черкасскій и его помощники.

Выше показано, что Черкасскій не былъ поставленъ совершенно независимо отъ Москвы. По цѣлому ряду вопросовъ ему приходится обращаться въ Москву съ запросами и получать оттуда указанія.

Черкасскій служитъ промежуточной инстанціей для передачи распоряженій и указаній Разряда его товарищамъ, засѣчнымъ и мѣстнымъ воеводамъ. Такъ, Черкасскій передаетъ кн. С. В. Прозоровскому грамоту изъ Разряда относительно облегченія службы рязанскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, жаловавшихся на тяжесть своихъ повинностей и отчасти на самого Прозоровскаго[5]), — объ этомъ разсказано подробно ниже.

---

1) Вл. ст. № 81 лл. 57—58. 2) Вл. ст. № 85 лл. 295—297. 3) Вл. ст. № 85 лл. 277—279. 4) Вл. ст. № 85 лл. 301—304. 5) Вл. ст. № 75, лл. 211—213. См. также Вл. ст. № 86 л. 276.

Обратно, Черкасскій является и передаточной инстанціей для челобитій, идущихъ снизу. Такъ, Черкасскій препровождаетъ въ Москву челобитье стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ и всякихъ чиновъ людей «о приставѣхъ на драгуновъ и на даточныхъ людей, которые въ солдатѣхъ, по крѣпостямъ въ холопствѣ и во крестьянствѣ»[1]). Черкасскій доноситъ Разряду о недостаткѣ ямщиковъ на Тулѣ и объ отсутствіи ямщиковъ въ Серпуховѣ, и Разрядъ уже отъ себя дѣлаетъ докладъ государю и сносится по этому поводу съ Ямскимъ приказомъ [2]).

Разрядъ слѣдитъ за дѣйствіями Черкасскаго и высказываетъ свое мнѣніе о его операціяхъ. Такъ, 9/v изъ Разряда писано Черкасскому съ товарищи съ похвалой за то, что они, взамѣнъ не явившихся на Тулу даточныхъ Троицы-Сергіева монастыря, приказали дѣловцовъ на Завитай нанимать, «покамѣста троицкіе даточные люди придутъ, а наемные деньги велѣли править на Иванѣ Кайсаровѣ», который долженъ былъ доставить троицкихъ даточныхъ. Разрядъ писалъ, что это они «учинили дѣломъ», и приказывалъ: «и впередъ въ такихъ или въ иныхъ въ какихъ винахъ объявятца, и вы бы чинили такимъ наказанье по росмотрѣнью, и смотря по ихъ винамъ, и хто чѣмъ и какому наказанью доведетца»[3]).

Вопросы на Тулѣ рѣшались, повидимому, коллегіально. Такъ, 1/vi Черкасскій пишетъ князю Прозоровскому: «поговорилъ я съ товарищами, чтобы намъ дозрить засѣки и всякія засѣчныя крѣпости и велѣть начертить на чертежъ, чтобъ по дозору здѣлать засѣчная подлинная роспись..» [4]). Поэтому фигуры ближайшихъ сотрудниковъ Черкасскаго, В. И. Стрѣшнева и кн. А. М. Львова, сливаются съ нимъ самимъ, отдѣляясь отъ него только изрѣдка для дозора работъ на чертѣ.

Отъ воеводъ, начальниковъ отдѣловъ черты, Черкасскій требуетъ сообщенія работамъ нужнаго темпа, представленія ему дозоровъ и отчетовъ о ходѣ работъ и изготовленія чертежей того, что подъ ихъ наблюденіемъ уже выполнено [5]). Отношенія Черкасскаго къ воеводамъ отдѣльныхъ засѣчныхъ звеньевъ выражались въ общихъ руководящихъ наставленіяхъ и въ перепискѣ по поводу конкретныхъ вопросовъ. Такъ, циркуляромъ, разосланнымъ въ концѣ іюля мѣсяца всѣмъ засѣчнымъ воеводамъ, Черкасскій потребовалъ, чтобы ему были сообщены точныя данныя, сколько у каждаго изъ нихъ было на работѣ

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 141 об. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 368—371. [3]) Вл. ст. № 85 л. 151. [4]) Вл. ст. № 75 лл. 192—193. [5]) Вл. ст. № 76 лл. 80—82, 429—433; № 86 л. 766 и др.

дѣловцовъ, и чьи это были дѣловцы [1]). Циркулярный характеръ имѣло общее наставленіе Черкасскаго, повторявшееся имъ не разъ въ грамотахъ воеводамъ: додѣлывать съ великимъ поспѣшеньемъ, посошныхъ людей, которые доли свои додѣлали, отпускать, «чужого повытья не наметывать и у засѣки не держать» [2]). Таковы циркулярныя періодически повторявшіяся обращенія Черкасскаго ко всѣмъ засѣчнымъ воеводамъ относительно хода работъ на ихъ звеньяхъ — съ индивидуальными наставленіями касательно отдѣльныхъ засѣкъ [3]). Обыкновенно эти напоминанія о «радѣньѣ и поспѣшеньѣ» имѣютъ шаблонный характеръ, но иногда, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, они содержатъ и относящіяся именно къ данному случаю техническія указанія.

Кромѣ общаго надзора за ходомъ оборонительныхъ работъ по чертѣ и завѣдыванія вооруженными силами, Черкасскій съ товарищи вѣдалъ еще непосредственно укрѣпленія близъ Тулы [4]).

3. Кн. Д. М. Пожарскій.

Самыя опасныя мѣста засѣчной черты, ея лѣвый флангъ, находились въ вѣдѣніи престарѣлаго князя Д. М. Пожарскаго.

18/v Пожарскій представилъ въ Разрядъ отчетъ о своемъ дозорѣ порученныхъ ему засѣчныхъ звеньевъ, засѣкъ Вожской и Красносельской (воеводы И. Г. Бобрищевъ-Пушкинъ, В. П. Чевкинъ, И. С. Чевкинъ, кн. Г. А. Волконскій). Свой отчетъ Пожарскій заключалъ жалобой на недостатокъ на этихъ опасныхъ и требовавшихъ особой заботы звеньяхъ дѣловцовъ [5]). На представленіе Пожарскаго изъ Разряда отвѣтили, чтобы впредь онъ съ такими вопросами обращался не въ Москву, а на Тулу къ Черкасскому [6]). Въ послѣднихъ числахъ мая Пожарскій донесъ Черкасскому, что 2/v онъ явился на службу въ Переяславль Рязанскій съ товарищемъ своимъ Ѳ. М. Бояшевымъ, а, «ѣдучи на службу въ Переяславль Рязанской, досматривалъ по всей Рязанской засѣкѣ засѣчныхъ воеводъ, у кова сколка какихъ крѣпостей на засѣкахъ учинено», — и препроводилъ при своей отпискѣ роспись дозреннымъ имъ работамъ [7]). Въ отвѣтъ на представленія Пожарскаго, Черкасскій послалъ къ нему съ Тулы мастеровъ капраловъ для руководства

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 212—213. Росписи даточныхъ «съ вогненымъ боемъ» — Сѣвс. ст. № 499. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 251—252. [3]) Вл. ст. № 86, лл. 2—4, 168—170, 181—184, 194—196, 208—210 295—298 и др. [4]) См., напр., Вл. ст. № 76 лл. 491—492. [5]) Вл. ст. № 85 лл. 223—231. [6]) Вл. ст. № 85 лл. 232—234. [7]) Вл. ст. № 75 лл. 253—259.

оборонительными работами и требовалъ отъ Пожарскаго болѣе энергичнаго сбора мѣстныхъ дѣловцовъ[1]).

Въ концѣ мая Пожарскому было передано черезъ Михайловъ и Пронскъ извѣстіе, шедшее отъ бѣлгородскаго воеводы князя Петра Пожарскаго о томъ, что «мая въ 19-й день въ Бѣлгородъ прибѣжалъ станичной голова Ондрей Ушаковъ съ товарищи, а въ роспросѣ сказалъ: посыланъ онъ былъ въ станицу къ Мурамскому шляху къ урочищу Верхъ-Орели и Самары, и мая жъ... въ 17 день на вечеръ, ѣдучи онъ къ урочищу и будетъ на рѣчкѣ Березовцѣ, не доѣхавъ урочища, гоняли за ними тотаровя 5 человѣкъ крымскихъ людей. И, отбывъ отъ той гоньбы, почалъ караулить, ажно де идутъ Мурамскимъ шляхомъ тотарове тысечи съ четыре и болши, а за ними де полковъ не смѣтилъ, только де пыль великая подымаетца, а не смѣтилъ потому, что учинилась за ними гоньба, а чаетца... въ Русь отъ болшихъ людей».. «А у засѣки и у насъ, отъ себя прибавлялъ къ этому извѣстію Пожарскій, пѣшихъ людей нѣтъ, а у насъ, х. т., о томъ твоево г. указу нѣтъ же, какимъ людемъ у засѣкъ быть». «А надобетъ, князь Иванъ Борисовичъ, писалъ Пожарскій, людей много, потому что мѣста пришли плохія и худыя; одни, князь Иванъ Борисовичъ, Дураковскіе ворота крѣпки... А изъ дальнихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе многіе не бывали. А изъ Темникова, князь Иванъ Борисовичъ, пріѣхалъ одинъ князь Брюшѣевъ сынъ, и, опричь его, по се число ни одинъ человѣкъ не бывалъ». Вслѣдствіе недостатка людей засѣчныя работы шли медленно: «у иныхъ засѣчныхъ воеводъ, глухо писалъ Пожарскій, и вполы работныхъ людей нѣтъ. И я о томъ безпрестанно къ воеводѣ къ Ивану Колтовскому[2]) посылаю, и Иванъ Колтовской мнѣ отказываетъ, бутто ево не слушаютъ». Пожарскій безпокоился по поводу отвѣтственности за промедленіе, ложащейся на него и на Бояшева: «и намъ бы въ ихъ нерадѣньѣ отъ государя въ опалѣ не быть».

Пожарскій сообщалъ далѣе, что онъ писалъ относительно неявки дѣловцовъ въ Ряжскъ, — «и у воеводъ промежъ себя споръ: изъ Ряскова пишетъ, что всѣ работные люди противъ государева указу посланы, а засѣчные воеводы пишутъ, что многія не присланы. И я, князь Иванъ Борисовичъ, заключалъ воевода, безпрестанно о томъ Ивану Колтовскому говорю, чтобъ тѣмъ дѣловцомъ прислалъ ко мнѣ ести и нѣты, и Иванъ Колтовской по ся мѣста (отписка получена на Тулѣ 27/v) не пришлетъ».

---

1) Вл. ст. № 86 лл. 327—332, 359—365; № 85 лл. 366—367. 2) Воевода Переяславля Рязанскаго.

На отпискѣ Пожарскаго длинная помѣта: «Отписать къ боярину и воеводѣ ко князю Д. М. Пожарскому, что Иванъ Колтовской отговариваетца отъ нево бездѣльемъ, а къ бояромъ и воеводамъ, ко князю И. Б. Черкасскому съ товарищи, о томъ не писывалъ, и на немъ велѣть дѣловцовъ править нещадно. А будетъ сыщутца у него ослушники, и ослушниковъ велѣть имать и бить кнутомъ, а иныхъ батоги, смотря по человѣку и по винѣ. А докуда ослушники не сыщутца, и тѣхъ ослушниковъ имать приказщиковъ ихъ и людей и крестьянъ и метать въ тюрму на ночь, а въ день бить на правежѣ до тѣхъ мѣстъ, какъ сыщутца дѣловцы ослушники. А сыскавъ, потому жъ чинить наказанье. А къ Ивану Колтовскому про то писать же»[1]).

Въ редактированной по этой помѣтѣ грамотѣ на имя Пожарскаго было прибавлено: «И тебѣ бъ, господине, Ивану Колтовскому велѣть быти къ себѣ и сказать ему, что онъ дѣлаетъ мимо государева указу, на Рязанскіе засѣки къ воеводамъ для засѣчново дѣла посошныхъ людей выслалъ несполна для своей бездѣльной корысти и тѣмъ государеву дѣлу мотчанье учинилъ, — и велѣлъ на немъ Иванѣ тѣхъ посошныхъ людей нѣтчиковъ править нещадно»... Засѣчнымъ воеводамъ Пожарскій долженъ былъ писать объ ускореніи работы «съ великимъ подкрѣпленьемъ».

Получившій отъ Пожарскаго тѣ же свѣдѣнія Разрядъ распорядился произвести на Рязани перепись населенія.

Выговоры Черкасскаго дѣйствовали, повидимому, плохо. Засѣчные воеводы продолжали доносить Пожарскому, что «у нихъ во многихъ мѣстѣхъ объявились мѣста худы, и въ росписи у нихъ тѣ мѣста не написаны». Пожарскій самъ ѣздилъ по засѣкамъ и убѣдился въ томъ, что жалобы воеводъ вполнѣ основательны, что укрѣпленія должны быть значительно пополнены. Звено В. П. Чевкина оказалось описаннымъ въ присланной изъ Москвы разрядной росписи невѣрно. «Тѣ дозорщики, писалъ Пожарскій на Тулу, кои съ Москвы ѣздили, написали неправдою, погубили, было, всю засѣку тѣмъ мѣстомъ, да и съ насъ бы головы сняли, токо бъ не осмотрѣли: таковы, князь Иванъ Борисовичъ, мѣста тѣ худы». Пожарскій сообщалъ о своихъ недоумѣніяхъ: «крѣпить не вѣдаемъ какъ, потому что рву копать никокими дѣлы нельзя, мѣста пришли мокрыя: пытались копать лише одинова лопатою, ана и вода вышла». Пожарскій распорядился пока ставить острогъ, надолобы и бить честикъ. Изъ-за этихъ непредусмотрѣнныхъ въ наказѣ мѣстъ

([1] Вл. ст. № 86 лл. 357—365 и № 75 л. 232.

задержался весь ходъ оборонительныхъ работъ. Пожарскій сообщалъ Черкасскому и роспись тому количеству дѣловцовъ, которое, по его мнѣнію, необходимо было для настоящаго укрѣпленія засѣкъ, «смѣчась самою меньшею статьею», и увѣрялъ, что «надѣяться на тѣ мѣста нельзя». «И будетъ, кончалъ свою отписку Пожарскій, князь Иванъ Борисовичъ, не повѣришь моему письму, пришли сверхъ тово, кому вѣришь: хотя будетъ строки единою ложью написалъ, милости въ томъ у государя не прошу. А и версты тѣ, князь Иванъ Борисовичъ, дозорщики писали сидя въ избѣ». Въ подкрѣпленіе Пожарскій прилагалъ составленную имъ самимъ роспись тѣмъ укрѣпленіямъ, которыя слѣдовало подѣлать на Рязанскихъ засѣкахъ. Отписка эта вызвала на Тулѣ неудовольствіе, и на ней была положена помѣта: «Отписать, что столько людей розмѣтить много. Вѣдаетъ онъ самъ, сколько людей приговаривали на засѣки, и по той ево розмѣтѣ надобна болши 40.000 человѣкъ. Да объявить ему въ отпискѣ, сколко розмѣчено на Тулѣ по Завитаю и по инымъ полымъ мѣстамъ людей, и о томъ писано къ государю»[1]).

Между тѣмъ и тѣ дѣловцы, которые были высланы на Рязанскія засѣки по расписанію Разряда, стали разбѣгаться, — ловля и возвращеніе ихъ на работы дѣлается главной темой переписки Пожарскаго съ подчиненными ему засѣчными воеводами, Черкасскимъ и Разрядомъ[2]). Разбѣгались, впрочемъ, не только дѣловцы, но и присланные на Рязань служилые люди. Такъ, изъ Переяславля Рязанскаго побѣжали мещеряне и алаторцы. «И тѣ мещеряне, писалъ Пожарскій въ Разрядъ, пришли на твою г. службу къ намъ послѣ сроку спустя многое время, и у смотру, г., многіе не объявились и не бывали и послѣ, г., смотру побѣжали къ себѣ. А хто, г., побѣжалъ имяны, и которые по се число не бывали на твою г. службу, и тѣмъ всѣмъ имена посланы къ тебѣ, государю. А алаторцы, г., пришли на твою г. службу немногіе и, не дождався смотру, побѣжали къ себѣ, а иные побѣжали къ Москвѣ. А у смотру, г., сказали про нихъ намъ, х. т., окладчики, что иные не бывали, а иные многіе на Москвѣ въ солдатахъ, а послѣ, г., мы, х. т., про нихъ провѣдали, что онѣ съ твоей г. службы ис Переславля, не объявясь намъ, х. т., иные побѣжали къ себѣ, а иные къ Москвѣ, а, бѣгучи, г., тѣ бѣглецы сказывали по дорогѣ и по перевозомъ, что будто мы, х. т., ихъ отпустили съ твоей г. службы, а вмѣстили то, что будто въ ихъ мѣсто пришли тотаровя. И мы, х. т., которые бѣглецы побѣжали съ твоей г. службы, и съ кѣмъ онѣ на подворьяхъ стояли, и тѣхъ велѣли дать за приставовъ

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 194—197. [2]) Напр., Вл. ст. № 75 лл. 226, 207—210, 119.

до твоего г. указу, а по тѣхъ, г., бѣглецовъ и по нѣтчиковъ послали на Олатырь зборщиковъ — жильца Ондрея Коржавина да коломнетина Ивана Кочюкова, а въ Шацкой — коломнетина Семена Расловлева да Степана Пополутова, и тѣхъ, г., завотчиковъ бѣглецовъ, Ѳедора Чарыкова съ товарыщи, велѣли мы, х. т., сковавъ, привести въ Переславль, а тѣхъ, г., нѣтчиковъ велѣли выслать тотчасъ на твою г. службу; къ воеводамъ, мы, х. т., о томъ писали жъ. И о тѣхъ, г., бѣглецахъ и о нѣтчикахъ, съ кѣмъ бѣглецы стояли, что ты, г., намъ, х. т., укажешь? А таго, г., Ѳедора Чарыкова сказали намъ, х. т., всѣмъ городомъ, что онъ человѣкъ богатой. А ести, г., и нѣты всѣмъ городо́мъ отпустимъ къ тебѣ, г., тотчасъ». На отпискѣ Пожарскаго — суровая помѣта: «146 г. іюня 17 де. Государь указалъ бѣглецовъ, что въ малое время сбѣжали и... бѣглеца, который богатъ и служитъ мошна, бить кнутомъ въ торговой день, а которые изъ выбору не бывали, и тѣхъ батоги нещадно и посадить въ тюрьму до указу..., а которые, бывъ на государевѣ службѣ и не явяся, сбѣжали, и тѣхъ, сыскавъ, бити батоги безъ пощады, чтобы... и не бѣгали, а въ Казанскій приказъ послать о томъ память, а къ боярину отписать, для чего не писано, которое число сбѣжали и долго ли жили, — впередъ писать затѣмъ, чтобъ было вѣдомо»[1]).

На напоминанія Черкасскаго объ ускореніи работъ, Пожарскій отвѣчалъ упрекомъ, что къ нему долго не являлись обѣщанные для земляныхъ работъ «копраны» (капралы). «Только бъ, писалъ Пожарскій, копраны ранѣя тово присланы, и они бъ на засѣкахъ и крѣпчѣе тово здѣлали». Капралы явились къ нему лишь въ началѣ іюня и были имъ отпущены $^{19}/_{VI}$ [2]).

Къ половинѣ іюня работы на засѣчныхъ звеньяхъ, порученныхъ Пожарскому, были окончены, но онъ не могъ приступить къ завершительному дозору, дожидаясь на этотъ разъ запоздавшихъ чертещиковъ. «А въ Переславлѣ, князь Иванъ Борисовичъ, писалъ онъ, чертещиковъ нѣтъ, и тебѣ бъ, князь Иванъ Борисовичъ, о томъ мнѣ указъ учинить». Черкасскій распорядился послать чертещиковъ «тотчасъ» [3]). Къ Пожарскому былъ направленъ чертещикъ, дѣлавшій передъ тѣмъ чертежи укрѣпленій у князя Прозоровскаго на Веневѣ. Въ свою очередь Пожарскій почему-то замѣшкался съ составленіемъ чертежа, и на этотъ разъ уже Черкасскій обращался съ упрекомъ къ нему: «чертещика отпустилъ къ тебѣ, писалъ Черкасскій, съ Веневы околничей и воевода князь

---

[1]) Вл. ст. № 91 лл. 33, 48, 52—53. Помѣта неразборчива. [2]) Вл. ст. № 75 л. 225. [3]) Вл. ст. № 75 л. 16.

Семенъ Васильевичъ Прозоровскій — тому минуло многое время, и досмотру своево росписи и чертежу (ты) не присылывалъ, а изо всѣхъ мѣстъ бояре и воеводы досмотру своего засѣкамъ росписи и чертежи прислали. И тебѣ, господине, досмотру своево засѣкамъ роспись и чертежъ и чертещика прислать ко мнѣ тотчасъ, чтобъ намъ засѣчной чертежъ всѣмъ засѣкамъ снесть въ одно мѣсто и тотъ чертежъ и роспись послать къ государю» [1]).

19/IX Пожарскій былъ отозванъ особой грамотой въ Москву, а въ Переяславлѣ Рязанскомъ вмѣсто него былъ оставленъ его товарищъ Ѳ. М. Бояшевъ [2]).

4. Кн. С. В. Прозоровскій.

Князь С. В. Прозоровскій имѣлъ свой штабъ въ Веневѣ. Въ подчиненный ему районъ входили засѣки Почесская, Оленковская, Веркушская и Кортосеневская (воеводы Т. И. Боборыкинъ, кн. И. Л. Шаховской, И. Я. Вельяминовъ и М. А. Колтовской). Въ распоряженіе Прозоровскаго были отданы михайловцы, пронцы [3]) и алатырскіе татары [4]).

Прозоровскій началъ съ дозора порученныхъ ему засѣчныхъ звеньевъ. Его дѣятельность вначалѣ была затруднена тѣмъ, что по 7/V ему не прислали изъ Москвы списковъ ратнымъ людямъ и наказа, — «безъ наказу государевыхъ никакихъ дѣлъ дѣлать намъ не по чему», жаловался онъ въ своей отпискѣ кн. Черкасскому. Прозоровскій жаловался и на недостатокъ ратныхъ людей. «А стоимъ мы, писалъ Прозоровскій, отъ стана предъ засѣкою съ приходную сторону отъ засѣки версты з двѣ. А надолобъ около города и посадовъ и иныхъ никакихъ крѣпостей нѣтъ, а дѣлать некѣмъ, и въ приходъ воинскихъ людей оберегатца будетъ нечѣмъ, что крѣпостей никакихъ нѣтъ. А и городъ, господине, Венева весь худъ, згнилъ и розвалялся. Да какъ я ѣхалъ на государеву службу на Веневу черезъ Кошерскую засѣку Барсуковскимъ проломомъ и съѣхался на той засѣкѣ з засѣшнымъ воеводой со князь Иваномъ Шаховскимъ, и князь Иванъ мнѣ сказывалъ, что по государеву указу засѣкаетъ онъ засѣку отъ Орѣховскихъ воротъ до Оленковскихъ и до Тулской засѣки, а отъ Орѣховыхъ воротъ засѣкаетъ Тимоѳей Бобарыкинъ до Резанскіе засѣки, и Орѣховскихъ воротъ князь Иванъ не хвалитъ. А сказываетъ про нихъ, что онѣ некрѣпки, по обѣ стороны версты

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 78—79. На дѣлѣ ни Шереметевъ ни Голицынъ въ то время чертежей на Тулу еще не прислали: пикируясь съ Пожарскимъ, Черкасскій лукавилъ, см. с. 99, 108. [2]) Вл. ст. № 91 лл. 324—341. [3]) Вл. ст. № 86 л. 48. [4]) Вл. ст. № 91 лл. 7, 19—30.

по двѣ безлѣсны, а прежде сего въ тѣ Орѣховскіе ворота бывалъ болшой приходъ крымскому царю и царевичямъ и болшимъ людемъ. А болшіе де крѣпости въ тѣхъ Орѣховскихъ воротахъ учинить имъ некѣмъ, потому что посошныхъ де людей у Тимоѳея и у князь Ивана всево по 300 человѣкъ со всево Кошерсково уѣзда, а болши де тово людей имъ взять негдѣ. А черезъ Барсуковскую засѣку я ѣхалъ, что засѣкаетъ князь Иванъ Шаховской, и въ тѣхъ мѣстахъ засѣкаетъ онъ по государеву указу. А тое засѣки есть поперегъ верстахъ на пяти или на шти. А засѣка старинная. А лѣсъ въ тѣхъ мѣстахъ старинной рѣткодубъ, а промежъ его мелкой лѣсъ, орѣшникъ не самое частое. А какъ я пріѣхалъ на Веневу и ѣздилъ досматривать веневскихъ Княжихъ воротъ и остроговъ, гдѣ по государеву указу велѣно дѣлать Ивану Вельяминову, и промежъ тѣхъ остроговъ голова степнова мѣста версты на три. А ведутъ въ тѣхъ мѣстахъ надолобы втрое да ровъ копаютъ. А отъ надолобъ къ Тульской засѣкѣ версты на 3 въ острогѣ засѣка засѣчена некрѣпка, потому что лѣсъ въ тѣхъ мѣстахъ—заросль молодая, а болшово лѣсу нѣтъ. А з другую сторону отъ надолобъ же х Каширской засѣкѣ версты на 3 жъ некрѣпка жъ засѣка, потому что лѣсъ малой же, заросль молодая». Въ другой своей отпискѣ Прозоровскій такъ характеризуетъ окружающія Веневъ мѣста и укрѣпленія. «И не одинова по засѣкамъ..., господине, мѣста противъ Веневскіе засѣки хуже того степнова мѣста нѣтъ. Гдѣ ставлены надолобы, и ровъ копанъ, и по валу плетень плетенъ и землею осыпанъ съ одну сторону, и та осыпь нынѣ стала низка, потому что земли къ плетеню приметано узко и невысоко. Покамѣстъ не облеглась и не оплыла, и тогды стоячево человѣка немного видѣть было, а какъ з дожей облеглась и поплыла, и стоячево человѣка нынѣ видѣть по грудь, а индѣ мало выше того, да и то некрѣпко и впредь непрочно, что плетень по валу плетенъ въ одинъ рядъ надъ самымъ рвомъ..... А на томъ, господине, степномъ мѣстѣ въ приходъ воинскихъ людей пѣшихъ людей надобетъ немало, а малыми людьми уберечь не умѣтъ» [1]).

Наказъ Прозоровскій получилъ къ $^{11}/v$ и согласно ему командировалъ къ Черкасскому на Тулу двухъ рязанцевъ дѣтей боярскихъ «на вѣсти», — «да что у тебя съ поля про крымсково царя и про царевичей про крымскихъ и про ногайскихъ про воинскихъ людей какіе вѣсти объявятца, и тебѣ бъ, господине, съ тѣми вѣстьми изъ нихъ одново человѣка велѣть отпустить съ Тулы ко мнѣ на Веневу и про вѣсти ко мнѣ отписати подлинно». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Прозоровскій просилъ ука-

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 1—3. Отписка сильно истлѣла, начала нѣтъ, приписываемъ ее Прозоровскому по почерку лица, ее писавшаго.

зать, куда еще ему послать на вѣсти вѣстовщиковъ, и спрашивалъ, куда командировалъ вѣстовщиковъ самъ Черкасскій [1]).

$^{13}/_{v}$ Черкасскій отдалъ распоряженіе, чтобы Прозоровскій приступилъ къ укрѣпленію непосредственно ему порученнаго района. Прозоровскій былъ въ недоумѣніи. «А тово (ты) имянно не указалъ, писалъ онъ Черкасскому, въ которомъ мѣстѣ крѣпость учинить, близко ли Веневы на Веневской засѣкѣ или гдѣ въ далнихъ мѣстѣхъ укажешь. И тебѣ бъ, господине, о томъ велѣть мнѣ вскорѣ указъ учинить». Въ этой же отпискѣ Прозоровскій указывалъ на то, что михайловскіе черкасы и казаки прежде бывали въ полкахъ у воеводъ, — «а нынѣ тѣ черкасы и казаки въ спискѣ ко мнѣ съ Москвы не присланы, а имъ степной промыслъ и бой за обычай». Да и рязанцы дѣти боярскіе съѣзжались на Веневъ плохо: къ $^{15}/_{v}$ ихъ набралось «мало болши ста человѣкъ, и тѣ безконны» [2]).

Къ концу мая военныя силы у Прозоровскаго увеличились. Въ эти дни ждали набѣга, и Черкасскій предупредилъ воеводъ объ опасности. Изъ донесенія Прозоровскаго узнаемъ о тѣхъ силахъ, которыми онъ располагалъ. Стольниковъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ у него было 14 человѣкъ, рязанцевъ дѣтей боярскихъ разныхъ становъ 623 чел., — «и тѣ безконны, и многіе пѣши». «И всего въ естѣхъ 637 чел., въ нѣтѣхъ 47 чел., да больныхъ 5 чел., да мертвыхъ въ спискѣ написано 24 человѣка. Да по государеву указу велѣно мнѣ, продолжалъ Прозоровскій, переписать у дѣтей боярскихъ, что у нихъ службы, и что за ними людей. И они людей за собою никаво не сказываютъ, а сказываютца многіе однодворцы. А выбору изъ тѣхъ становъ дворянъ у меня въ полку никому не указано быть, а написано имъ быть въ Переславлѣ Рязанскомъ. А которые, господине, городы у нашей братьѣ въ полкѣхъ, и тѣхъ городовъ выборы дворяне у нихъ въ полку. Да по то жъ число столника и воеводы князя Семена Волконскаго (товарища Прозоровскаго) полку по списку у смотру объявилось въ естѣхъ резанцовъ дѣтей боярскихъ стану Каменского 236 человѣкъ, да въ нѣтѣхъ 46 человѣкъ, да мертвыхъ написано въ спискѣ 4 человѣка. А замосковныхъ, господине, городовъ по наряду по списку дворянъ и дѣтей боярскихъ ржевичъ, и зубчанъ, и курмышенъ, и касимовскихъ мурзъ и татаръ, и кадомскихъ мурзъ и татаръ маія по то жъ число на государевѣ службѣ на Веневѣ у насъ въ полку въ пріѣздѣ не объявливался ни одинъ человѣкъ, и стрѣльцы съ Москвы по то жъ число не бывали же, и въ приходъ крымского царя

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 5—8. [2]) Вл. ст. № 86 л. 48.

и царевичей, и крымскихъ, и ногайскихъ воинскихъ людей въ посылки для поиску посылать нековы, и города Веневы и уѣзду и засѣкъ оберегать некимъ, потому что людей мало, и себя тѣми людьми оберечь некимъ. И острогу ставить и крѣпостей всякихъ для приходу дѣлать некому, чтобы съ ратными людьми въ прихотъ воинскихъ людей быть бестрашно. И объ томъ, господине, какъ ты укажешь».

Острогъ Прозоровскій предлагалъ поставить «въ степи отъ засѣки у надолобъ промежъ Граброноновыхъ воротъ и рѣки Осетра, потому что то мѣсто посередъ степи. А отъ тово мѣста довелося было помогать во всѣ мѣста по засѣкамъ. И въ томъ мѣстѣ воды нѣтъ, и острогъ ставить доведетца за рѣкою Осетромъ. А отъ степныхъ мѣстъ отъ Граброноновыхъ воротъ версты з двѣ». Вопросъ о мѣстѣ постановки острога Черкасскій предоставилъ на усмотрѣніе Прозоровскаго [1]).

Въ концѣ мая Прозоровскій переписывается съ Черкасскимъ по поводу слѣдствія надъ Ив. Вельяминовымъ (см. ниже с. 182—191) и недостатка людей у Тимоѳея Боборыкина и настаиваетъ на томъ, что у Граброноновыхъ воротъ надо поставить острогъ или земляную крѣпость, — «да и во всѣхъ мѣстѣхъ на степи за надолобами и за рвомъ надобны жъ подѣлать земляные горотки или острошки, чтобъ въ прихотъ болшихъ воинскихъ людей пѣшимъ людемъ сидѣть было надежнѣе». Поясняя свою мысль, Прозоровскій писалъ: «толко въ прихотъ большихъ воинскихъ людей большою мочью проломятъ надолобы отъ степи, ино бъ пѣшимъ людемъ надежнѣе было отъ засѣки за другими надолобы сидѣть». Прозоровскій жаловался еще на то, что ему съ Москвы изъ Разряда была дана только одна стопа бумаги, — «и та на государевы дѣла вся изошла, а нынѣ государевыхъ дѣлъ писать не на чемъ, а на Веневѣ купить не добыли, и тебѣ бъ, господине, указать отъ себя съ Тулы на государевы дѣла бумаги ко мнѣ на Веневу прислать». Черкасскій указывалъ въ отвѣтъ крѣпости, острожки и надолобы дѣлать, «смотря по мѣстомъ и по тамошному дѣлу, чтобъ было крѣпко и надежно, а велѣть дѣлать съ великимъ поспѣшеньемъ» [2]).

$^{31}/_{V}$ Прозоровскій отправилъ на Тулу обстоятельное донесеніе о ходѣ дѣлъ въ его районѣ и о необходимости усилить укрѣпленія.

Въ началѣ іюня Прозоровскій доносилъ Черкасскому, что $^{3}/_{VI}$ къ нему на Веневъ пріѣзжалъ засѣчный воевода Иванъ Вельяминовъ, — «и въ съѣзжей избѣ передъ мною сказалъ, писалъ Прозоровскій, что отъ засѣки де у нево посошные люди многіе розбѣжались по домамъ,

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 418а—419, 420. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 64—66.

а осталося де у него посошныхъ людей у засѣчного дѣла немного». Черкасскій отвѣчалъ на это приказаніемъ додѣлывать засѣку Осипу Елизарову, который долженъ былъ замѣнить И. Вельяминова[1]).

Вслѣдъ за тѣмъ Прозоровскій писалъ на Тулу о томъ, что засѣчные воеводы туго сообщаютъ ему данныя о сборѣ подымовнаго ополченія, и о томъ, что одинъ изъ засѣчныхъ воеводъ, кн. И. Шаховской, доносилъ ему о неповиновеніи живущихъ около засѣки крестьянъ, не дающихъ себя переписывать. Черкасскій отдалъ Прозоровскому приказаніе принять репрессивныя мѣры. «Отписать, была положена резолюція Черкасскаго, на ослушниковъ посылать стрѣльцовъ московскихъ, а стрѣльцы къ нему посланы, а сколько будетъ подымовныхъ людей, и про то бъ отписалъ» [2]). Въ грамотѣ Прозоровскому, которая была редактирована по этой помѣтѣ, Черкасскій прибавлялъ: «... велѣлъ (бы) приводить къ себѣ и велѣлъ имъ (т.-е. ослушникамъ) чинить наказанье, бить батоги нещадно, чтобъ, на то смотря, инымъ неповадно было ослушатца»[3]). Согласно полученному приказанію Прозоровскій распорядился привести ослушниковъ со стрѣльцами въ Веневъ для наказанія. Одновременно Прозоровскій жаловался, что, смѣнившій было И. Вельяминова (какъ будто нѣсколько помимо Прозоровскаго), О. Елизаровъ засѣкъ не укрѣпляетъ и къ нему не пишетъ[4]).

11/VI на Тулѣ была получена отписка Прозоровскаго, въ которой онъ излагалъ свои стратегическія соображенія по поводу предложенія ему Черкасскаго самостоятельно выбрать мѣсто для постановки острога. Прозоровскій указывалъ на то, что до сихъ поръ на ближнихъ Веневскихъ засѣкахъ проломовъ не бывало. «А бывали прежъ сего приходы и проломы, писалъ Прозоровскій, крымскому царю и царевичамъ и большимъ воинскимъ людемъ на Каширскіе засѣки розные проломы: на Барсуковской, и на Орѣховской, и на Бѣляевской, и на Глуботцкой, и на Крутой, и на Коровей. А отъ тѣхъ отъ ближнихъ отъ Веневскихъ засѣкъ, гдѣ нынѣ доведетца острогъ ставить, отъ рѣки Осетра до Барсуковскаго пролому верстъ съ 15, а до Орѣховского, и до Бѣляевского, и до Глуботцкого, и до Крутого, и до Коровья верстъ з 20. И будетъ токо, господине, нынѣ и впередъ прихотъ будетъ крымскому царю и царевичамъ или болшимъ воинскимъ людемъ, а къ городу Веневѣ и на ближніе на Веневскіе засѣки не пойдетъ, гдѣ будемъ со всѣми ратными людьми въ острогѣ, а придутъ на тѣ на дальніе Каширскіе засѣки, и будетъ большою мочью тѣ прежніе проломы

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 134—137. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 73—74. Къ Черкасскому поступило и прямое донесеніе кн. Шаховского о томъ же — Вл. ст. № 86 л. 412. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 413—414. [4]) Вл. ст. № 75 лл. 105—106.

проломятъ, и намъ на тѣ дальніе засѣки въ 15 и въ 20 верстахъ конными людьми помочи учинить вскорѣ не изоспѣть, потому что степные мѣста займутъ и на помочь конныхъ людей не пропустятъ. А большою засѣкою иттить въ обхотъ, ино будетъ верстъ съ 50, и обречь будетъ тѣхъ засѣкъ немногими людьми. А поставить, господине, острогъ на Каширскихъ засѣкахъ на прежнихъ проломахъ, и въ прихотъ крымскаго царя и царевичей и большихъ воинскихъ людей со всѣми ратными людьми съ норядомъ стоять тутъ въ острогѣ, а крымской царь и царевичи и большіе воинскіе люди на тѣ Коширскіе засѣки не пойдутъ, а похотятъ итить къ броду къ Веневѣ и на ближніе Веневскіе засѣки, и будетъ большой мочью Веневскіе и Каширскіе засѣки проломятъ, и мнѣ тожъ помочи учинить будетъ вскорѣ конными людьми не изоспѣть, потому что отдолѣло, а оберегать тѣхъ засѣкъ пѣшими жъ людьми. И тебѣ, господине, нынѣ велѣть объ томъ мнѣ имянно указъ учинить: на ближнихъ ли на Веневскихъ засѣкахъ у рѣки Осетра по моему росмотру укажешь острогъ ставить или на дальнихъ Коширскихъ засѣкахъ на прежнихъ проломахъ, — чтобъ, господине, про то мнѣ было вѣдомо».

Черкасскій опять отвѣчалъ указаніемъ ставить острогъ и крѣпости «по своему досмотру, гдѣ пригожъ, чтобъ въ татарской приходъ засѣки уберечь и татаръ не пропустить»[1]). Въ 20-хъ числахъ іюня Черкасскій послалъ Прозоровскому новое напоминаніе о скорѣйшемъ окончаніи засѣчныхъ работъ[2]).

Между тѣмъ дѣти боярскіе рязанцы, приставленные къ Прозоровскому для вѣстовой службы, жаловались въ Разрядъ на тяжесть своихъ обязанностей и получили облегченіе, минуя Прозоровскаго. Они жаловались на то, что ихъ посылаютъ на вѣсти на Тулу, въ Новосиль, Мценскъ, Ливны, Елецъ мимо Дѣдилова, Епифани, Гремячева, Данкова и Лебедяни, — «а изъ тѣхъ де городовъ воеводы на вѣсти посылаютъ въ тѣ жъ въ украинные городы, которые вѣстовщики на вѣстовщиковъ гоняютъ. И у тѣхъ де ихъ вѣстовщиковъ отъ дальнихъ проѣздовъ лошади уставаютъ, и по дорогамъ лошадей мечутъ и приходятъ на Веневу пѣши. Да у нихъ же помѣстья и вотчины пусты, и лошади у многихъ попадали, и многіе у нихъ пѣши, и тѣ де дальніе посылки имъ невмочь, и на Веневу имъ съ вѣстьми поспѣшить немочно». Заодно рязанцы указывали на тяжесть засѣчныхъ работъ для ихъ людей и крестьянъ, — «а иные ихъ братья Рязанскіе засѣки дѣлаютъ сами»; жаловались и на то, что Прозоровскій приказалъ имъ дѣлать надолобы и острогъ, въ которомъ онъ долженъ былъ

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 114—126, 217—219. [2]) Вл. ст. № 75 л. 181—183.

находиться въ приходъ крымскихъ людей, и на тяжесть сбора съ нихъ подымовныхъ вооруженныхъ людей. Въ Разрядѣ уважили это челобитье, и Черкасскій передалъ Прозоровскому приказаніе «вѣстовщиковъ съ Веневы держать, въ которыхъ городѣхъ пригожъ, по разсмотрѣнью, чтобъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ въ лишнихъ посылкахъ волокиты и убытковъ не было»; острога рязанцамъ для Прозоровскаго также не велѣно было дѣлать, —«а велѣть бы тотъ острогъ дѣлать дворяны и дѣтьми боярскими замосковныхъ и понизовыхъ городовъ, и солдаты, и драгуны, и всякими служилыми людьми конными и пѣшими». Черкасскій кончалъ грамоту Прозоровскому напоминаніемъ о скорѣйшемъ окончаніи дѣла на случай нападенія крымцевъ [1]).

Земляныя работы у Прозоровскаго шли плохо не только вслѣдствіе отсутствія дѣловцовъ, но и потому, что у него не было для земляного дѣла «подмастерій», а «посошнымъ людемъ земленыхъ городковъ дѣлать не за обычай». Въ отвѣтъ на эту жалобу Прозоровскаго Черкасскій распорядился послать ему въ помощь двухъ капраловъ [2]).

Освобожденіемъ рязанцевъ дѣтей боярскихъ отъ засѣчныхъ работъ Прозоровскій былъ недоволенъ и въ концѣ іюня жаловался Черкасскому, что работы эти теперь совсѣмъ некѣмъ исполнять. «И замосковныхъ, господине, городовъ, писалъ Прозоровскій, ржевичи и зубчане дворяне и дѣти боярскіе, и олатырскіе мурзы, и татарове, и салдаты, и драгуны іюня по 28 число на государеву службу на Веневу не бывали, и острогу, князь Иванъ Борисовичъ, и земленыхъ крѣпостей нынѣ мнѣ дѣлать некѣмъ». Прозоровскій собирался начать работы, когда эти служилые люди явятся къ нему на Веневъ.

На засѣкѣ Ивана Вельяминова «въ степныхъ мѣстахъ у Граборновыхъ воротъ и отъ Граборновыхъ воротъ по рѣку по Осетръ и за рѣку Осетръ» работы не были начаты по ²⁸/VI вслѣдствіе отсутствія разошедшихся по домамъ дѣловцовъ. Прозоровскій послалъ собирать нѣтчиковъ на эту засѣку и капраловъ отправилъ тоже къ Вельяминову [3]).

Въ концѣ іюня Прозоровскій представилъ на Тулу обстоятельное описаніе проломовъ и дорогъ черезъ порученныя ему засѣки, составленное подчиненными ему воеводами, кн. Ив. Шаховскимъ и Тим. Боборыкинымъ [4]). Особенно безпокоилъ Прозоровскаго участокъ Ив. Вельяминова, на которомъ дѣло не ладилось и по винѣ воеводы, неточно исполнявшаго

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 211—213; А. М. Г. II № 113. [2]) Вл. ст. № 75 л. 329.
[3]) Вл. ст. № 75 лл. 285—286. [4]) Вл. ст. № 75 лл. 287—290.

его указанія, и по винѣ разбѣжавшихся дѣловцовъ, и Прозоровскій не одинъ разъ пишетъ объ этомъ участкѣ къ Черкасскому[1]).

Не клеились работы и на участкѣ Т. Боборыкина. ²/VII отъ Прозоровскаго была получена на Тулѣ отписка, въ которой онъ сообщалъ, что сошные люди съ ⁷/VI перестали слушаться Боборыкина и прекратили работы. Прозоровскій посылалъ разслѣдовать дѣло стрѣлецкаго сотника, и 12 ослушниковъ были ³⁰/VI доставлены на Веневъ, биты на козлѣ кнутомъ и посажены въ тюрьму, а Боборыкину Прозоровскій приказалъ продолжать, не медля, работы далѣе[2]).

Прозоровскій препроводилъ Черкасскому отдѣльное донесеніе о неповиновеніи дворцовыхъ дѣловцовъ. На Рязанской засѣкѣ у Василья Чевкина было 126 дѣловцовъ коломенскихъ дворцовыхъ селъ, которые должны были быть переведены отъ В. Чевкина къ Т. Боборыкину. В. Чевкинъ исполнилъ приказаніе и отправилъ дѣловцовъ, но «дѣловцы государева указу не послушали и къ нему къ засѣчному дѣлу не пошли, а пошли къ себѣ въ дворцовыя села». Напрасно Боборыкинъ писалъ о нихъ къ дворцовому приказчику Якову Жемайлову. Жемайловъ «государеву грамоту взять велѣлъ, а самъ и дома не сказался, а старосты тѣхъ селъ отказали, что онѣ къ государеву къ засѣчному дѣлу не будутъ». Между тѣмъ изъ-за этого работы на Каширской засѣкѣ у Т. Боборыкина замѣшкались. Черкасскій распорядился: «Отписать къ прикащику, что онъ то учинилъ воровствомъ, что по государеву указу не выслалъ, и только онъ не вышлетъ, и въ то мѣсто велятъ людей нанять, а денги, счетчи, доправятъ на немъ, да ему жъ быть въ наказаньѣ»[3]).

Подошла рабочая пора, и каширскіе дворяне били челомъ объ отпускѣ ихъ даточныхъ съ засѣкъ. Черкасскій приказалъ Прозоровскому оставить Оленковскія ворота недодѣланными и даточныхъ отпустить[4]).

Только въ половинѣ іюля Прозоровскому удалось добиться высылки 582 коломенскихъ дѣловцовъ на Веневскую засѣку къ Ивану Вельяминову. Самъ Прозоровскій ¹⁵/VII началъ досмотръ всѣхъ звеньевъ Каширскихъ и Веневскихъ засѣкъ вмѣстѣ съ присланными съ Тулы чертещиками, которые затѣмъ должны были отправиться далѣе къ Пожарскому. «А до сего числа (¹⁵/VII), князь Иванъ Борисовичъ, кончалъ отписку Прозоровскій, Веневскіе и Каширскихъ засѣкъ ѣхати досматривать не изоспѣлъ, потому что ѣздилъ надсматривать земляного городка, что дѣлаютъ ратные люди на Веневской засѣкѣ у рѣки Осетра». Черкас-

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 301—303. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 270—277. [3]) Вл. ст. № 76 л. 139. [4]) Вл. ст. № 76 л. 224.

скій распорядился: «дѣлать тѣми, которые, бывъ, збѣжали, и не бывали, и которые, дѣлъ своихъ не додѣлавъ, збѣжали», додѣлавшихъ — отпускать, «чужого повытья не наметывать и у засѣки не держать, а стоялого острожку посошнымъ людемъ дѣлать не велѣть, а велѣть дѣлать стоялой острогъ служилымъ людемъ»[1]).

Отправившись для досмотра засѣкъ $^{15}/\text{VII}$, Прозоровскій къ $^{20}/\text{VII}$ досмотрѣлъ всю веневскую половину Каширской засѣки. Второй половины Каширской засѣки до рѣки Осетра досмотрѣть не успѣлъ: «много, писалъ Прозоровскій, на засѣкахъ всякихъ крѣпостей, и чертещикъ нынѣ сидитъ за тѣмъ же чертежомъ на Веневѣ». Досматривать вторую половину Каширской засѣки Прозоровскій собирался по окончаніи этой работы чертещика. Черкасскій отвѣчалъ напоминаніемъ о скорѣйшемъ досмотрѣ и составленіи чертежа[2]).

Крестьяне домовой вотчины коломенскаго архіепископа Рафаила выставили на Веневскую засѣку 122 чел. и 24 лош. Проработавъ 7 недѣль и сдѣлавъ свое повытье, они отправились во-свояси, но были всѣ возвращены по распоряженію Прозоровскаго на участокъ И. Вельяминова и вторично поставлены на работы. Архіепископъ обратился тогда съ челобитьемъ къ государю, жалуясь на то, что Прозоровскій несправедливо держитъ на работахъ его дѣловцовъ третью недѣлю. «А крестьянишка, писалъ архіепископъ, въ домовой вотчинѣ людишка бѣдныя и одинокія и безхлѣбныя, всѣ высланы къ засѣчному дѣлу и къ городовому и къ земленому дѣлу, а жены, государь, ихъ и дѣтишка побрели межъ дворъ, а нынѣ приспѣла пора дѣловая, жнитва и сѣнокосъ. А что, государь, посѣяна Пресвятыя Богородицы домовова хлѣбца и у нихъ у крестьянецъ, — и домовова, государь, хлѣбца и ихъ крестьянского спрятоть некому, и сѣнца укосить на домовой обихотъ и имъ себѣ некому жъ». Владыка просилъ отпустить дѣловцовъ «для домовыя скудости и для крестьянскія великія бѣдности и одиночества и для нынѣшнія нужныя дѣловыя поры». $^{22}/\text{VII}$ Черкасскій распорядился отпустить ихъ[3]).

Къ $^{29}/\text{VII}$ Веневская засѣка, примыкавшая къ Осетру, была почти закончена: отъ Граборновыхъ воротъ по Осетръ былъ выкопанъ ровъ, насыпанъ и покрытъ дерномъ валъ, у Граборновыхъ воротъ сдѣланъ городокъ, поставлены три башни. Работы эти были сдѣланы 852 дѣловцами Коломенскаго, Епифанскаго и Веневскаго уѣздовъ въ теченіе 10 дней. Дѣловцовъ Прозоровскій распустилъ по домамъ $^{25}/\text{VII}$. Городокъ у Осетра

---

1) Вл. ст. № 76 лл. 249—250, 251—252. 2) Вл. ст. № 76 лл. 460—461. 3) Вл. ст. № 76 лл. 290—293.

въ послѣднихъ числахъ іюля додѣлывался драгунами и солдатами, да одинъ городокъ былъ ими же сдѣланъ тамъ раньше. Недодѣланнымъ оставался земляной валъ отъ Осетра до Сухого Осетреца до лѣсного завала у Княжихъ воротъ, на 500 саженяхъ, да на другой сторонѣ, у старыхъ Граборновыхъ воротъ, промежъ лѣсовъ не было додѣлано земляного вала на 166 саженяхъ. Незаконченность работъ Прозоровскій объяснялъ недосылкой коломенскихъ дѣловцовъ. Черкасскій распорядился выслать коломенскихъ нѣтчиковъ для окончанія работъ и потребовалъ у И. Вельяминова и у Прозоровскаго списокъ имъ [1]).

Въ концѣ іюля Прозоровскій предпринялъ досмотръ второй половины Каширской засѣки — отъ замка Веневской засѣки по Осетръ. Участокъ Т. Боборыкина оказался недодѣланнымъ, какъ воевода объяснилъ, по недостатку людей. Почесскія ворота у Боборыкина Прозоровскій нашелъ «плошае» Оленковскихъ и Княжихъ воротъ. Отвѣчая на упрекъ Черкасскаго въ промедленіи съ чертежомъ, Прозоровскій объяснилъ, что чертещикъ сидитъ надъ чертежомъ на Веневѣ, а «чертитъ мѣшкотно потому, что крѣпостей всякихъ на засѣкѣ много» [2]).

29/VII Прозоровскій счелъ уже возможнымъ отпустить обратно на Тулу двухъ присланныхъ къ нему для земляного дѣла капраловъ, Петра Огаркова и Григорія Болдыря, которые успѣли поссориться, при чемъ одинъ (Огарковъ) обвинялъ другого въ кражѣ мерина [3]).

Участокъ Т. Боборыкина былъ еще не додѣланъ, а каширяне, крестьяне которыхъ работали на этой засѣкѣ, били челомъ, жалуясь на то, что Боборыкинъ задерживаетъ дѣловцовъ на работахъ. 31/VII Черкасскій распорядился: «будетъ самые нужные мѣста подѣланы, и ихъ нынѣ для дѣлювые поры отпустить, а додѣлать то дѣло впередъ ими жъ, какъ дѣловая пора минетца» [4]). Вслѣдъ за каширянами о роспускѣ своихъ дѣловцовъ забили челомъ туляне, жаловавшіеся, что они «сѣнокосу одбыли», а теперь имъ и «жнитвы остать». Черкасскій распорядился, чтобы Прозоровскій отпустилъ и тулянъ [5]).

Въ концѣ же іюля Прозоровскій вновь сообщалъ Черкасскому, что въ высылкѣ дѣловцовъ съ Коломенскаго посада наступила заминка. По донесенію коломенскаго воеводы кн. Шаховского, «коломенской посадской староста и соцкой и всѣ посадцкіе люди въ дѣловцахъ ему отказали, къ Веневской засѣкѣ къ земленому дѣлу не пошли и править на себѣ дѣловцовъ не далися» — на томъ основаніи, что съ нихъ велѣно сбирать въ

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 301—302. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 395—396. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 446—447. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 399—401. [5]) Вл. ст. № 76 лл. 413—414.

Приказъ сбора ратныхъ людей по 2 рубля. Черкасскій приказалъ разъяснить, что коломенскихъ нѣтчиковъ слѣдуетъ высылать, —«а з дворовъ деньги имали со всѣхъ посадовъ, опричь посошныхъ (людей)»[1]).

Въ первыхъ числахъ августа Черкасскій приказалъ Прозоровскому послать къ Оленковскимъ воротамъ ко кн. Шаховскому, который по окончаніи работъ и по роспускѣ посохи остался тамъ одинъ, солдатъ, «сколко человѣкъ пригожъ», указывая, что на Козельскую и на Лихвинскую засѣки съ Москвы прислано по 50 солдатъ[2]).

Къ 7/VIII Каширская засѣка все еще не была кончена. Правда, отъ Осетра до Сухого Осетреца до лѣснаго завала Княжихъ воротъ валъ былъ заваленъ, но за Граброновыми воротами «промежъ лѣсовъ» ровъ и валъ еще не были додѣланы. Въ донесеніи Черкасскому Прозоровскій далъ слѣдующее описаніе сдѣланнаго вала: «въ подошвѣ ширины тому земляному валу полъ 2 сажени, а въ сводѣ полъ-сажени, а вышины сажени. Да съ русской стороны стѣна выкладывана дерномъ, а съ польской стороны плетень плетенъ, какъ почато дѣлать у Ивана Вельяминова, а въ сереткахъ сыпана земля, да хворостомъ прокладываны, и покрытъ дерномъ. А рву глубина сажени, а ширина сажень съ третью» [3]).

Между тѣмъ дѣловцы продолжали разбѣгаться и въ августѣ. Такъ, разбѣжались каширскіе дѣловцы. Черкасскій отдалъ приказаніе Прозоровскому, чтобы онъ правилъ ихъ и посылалъ на работу къ Семену дни, —работы на Каширскихъ засѣкахъ не удалось закончить и до конца августа[4]).

Черкасскій, повидимому, не былъ склоненъ настойчиво преслѣдовать разбѣгавшуюся посоху. 8/VIII онъ отдалъ замѣстителю Т. Боборыкина кн. В. Р. Волконскому приказаніе отпустить для дѣловой поры каширскихъ дѣловцовъ, додѣлавшихъ свои доли, совсѣмъ, а не додѣлавшихъ—до конца рабочей поры. Прозоровскій жаловался, что до полученія этого распоряженія, еще 6/VIII, 212 дѣловцовъ, работавшихъ у Орѣховаго пролома, сбѣжали. Изъ каширской и коломенской посохи, работавшей на Глуботцкомъ проломѣ въ количествѣ 178 чел. (они дѣлали городокъ на полянѣ Залопостьѣ, и по розвыткѣ 55 дѣловцамъ каширской посохи довелось сдѣлать 12½ саженъ стѣны да башню), сбѣжали 44 чел., не додѣлавъ на стѣнѣ боевъ и зубцовъ и даже не начавъ дѣлать башни. Черкасскій рѣшилъ: «Отписать, чтобы дѣлать помѣшкать для дѣловыя поры да потому, что вѣстей большихъ нѣтъ»[5]).

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 441. [2]) Вл. ст. № 76 л. 435. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 448—449. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 450—451, 454—456. [5]) Вл. ст. № 76 лл. 46—47.

8/VIII Прозоровскій послалъ на Тулу въ государевѣ дѣлѣ голову Григорья Гомзякова [1]), а 9/VIII, въ дополненіе къ своему прежнему донесенію о разбѣгѣ каширскихъ дѣловцовъ, препроводилъ сказку Т. Боборыкина, который все еще былъ на засѣкѣ. Т. Боборыкинъ сообщалъ, что «побѣжали каширскіе посадцкіе люди отъ засѣчнаго дѣла черезъ Орѣховой проломъ подлѣ Мордвезу по обѣ стороны»... «И по князь Васильеву (Волконскаго) досмотру, прибавлялъ Прозоровскій, на Орѣховомъ проломѣ подлѣ Мордвезу по обѣ стороны черезъ засѣку сакма на травѣ, знать, гдѣ шли коширеня посадцкіе люди. А засѣка нигдѣ не порушена, а шли де тѣ коширяня черезъ лѣсной завалъ». Черкасскій остался недоволенъ. На отпискѣ Прозоровскаго положена такая резолюція: «Отписать: велѣть бить кнутомъ. Да писать во всѣ мѣста о засѣкахъ, которые села и деревни подошли засѣки, и тѣми бъ селы и деревни оберегать засѣкъ. А за чьемъ береженьемъ учинитца какая поруха, и тѣмъ быть въ наказаньѣ безъ пощады» [2]).

16/VIII сбѣжали отъ Почесскихъ воротъ еще 126 коломенскихъ дѣловцовъ, не додѣлавъ на Глубоцкомъ проломѣ земляного городка. 27/VIII Прозоровскій напоминалъ объ этомъ Черкасскому и, указывая на повторныя жалобы кн. В. Р. Волконскаго на недостатокъ дѣловцовъ, спрашивалъ, что ему дѣлать. Черкасскій отдалъ приказаніе коломенскому воеводѣ тотчасъ выслать дѣловцовъ, а кн. В. Волконскому и Прозоровскому — возобновить работы съ Семена дни [3]).

Въ 20-хъ числахъ августа Прозоровскій былъ занятъ слѣдствіемъ по дѣлу Вельяминова, о которомъ разсказано ниже въ гл. V [4]).

Въ началѣ сентября начался на Веневѣ разъѣздъ. 9/IX Прозоровскій запросилъ Разрядъ объ отпускѣ въ Москву отъ земляного дѣла стрѣлецкихъ сотниковъ и о пожалованіи, по примѣру другихъ служилыхъ людей, курмышанъ и рязанцевъ 3 человѣкъ за земляныя работы на Веневской засѣкѣ. 19/IX Прозоровскій былъ отозванъ въ Москву, и командованіе на Веневѣ передано его помощнику кн. Сем. Ѳед. Волконскому [5]).

5. И. П. Шереметевъ.

Засѣками, лежащими на западъ отъ Тулы (собственно отъ конца Завитая) до Крапивны, — Малиновой, Заупской и Снецкой (воеводы: С. В. Волынскій, кн. Н. М. Барятинскій, З. Г. Шипкинъ) — завѣдовалъ бояринъ И. П. Шереметевъ. Товарищемъ у него былъ кн. С. И. Шаховской.

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 200. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 53—54 и 55—57. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 143—146. Одинъ разъ дѣловцы ошибкой названы каширскими. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 152—154. [5]) Вл. ст. № 76 л. 489; № 91 лл. 183, 184—185, 342—347.

Когда Шереметевъ явился на засѣки, мы свѣдѣній не имѣемъ. $^{5}/\text{VI}$ онъ проситъ Черкасскаго изъ Крапивны о присылкѣ къ нему полковыхъ знаменъ [1]. $^{17}/\text{VI}$ Шереметевъ сообщаетъ Черкасскому о нѣтчикахъ на Тульскихъ засѣкахъ и препровождаетъ докладъ явившагося къ нему отъ Орловыхъ воротъ Данилы Шокурова (товарища засѣчнаго воеводы кн. Н. М. Барятинскаго) о дѣловцахъ на этой засѣкѣ. Къ Орловымъ воротамъ по росписи слѣдовало выслать 100 дѣловцовъ и 20 лош. съ Тульскаго посада и 131 дѣловца и 27 лош. съ Тульскаго уѣзда да съ Венева монастыря 45 чел. и 9 лош., всего 276 чел. и 56 лош. Между тѣмъ въ присылкѣ оказалось 226 чел. и 25 лош., да изъ нихъ сбѣжало 119 чел. Шокуровъ жаловался, что, несмотря на его напоминанія, тульскій воевода Замыцкій дѣловцовъ не присылаетъ, а «которыхъ и пришлетъ, и о тѣхъ не пишетъ, съ кѣмъ именемъ пошлетъ и которова числа. И противъ государева указу у засѣчново дѣла дѣловцовъ сполна николи не бывало». Въ половинѣ іюня на звенѣ Барятинскаго и Шокурова осталось только 107 чел. и «трое лошадей», которыми засѣчново дѣла «сполна довершить некѣмъ», и лѣсу привесть не на чомъ». Шереметевъ добавлялъ, что въ отвѣтъ на его напоминаніе Ив. Замыцкій лаконично заявилъ, что «нѣтчиковъ выслалъ, а достальные розбѣжались». Черкасскій распорядился потребовать отъ Замыцкаго высылки нѣтчиковъ [2].

Но собрать дѣловцовъ къ Орловымъ воротамъ все не удавалось. $^{23}/\text{VI}$ Шереметевъ шлетъ Черкасскому донесеніе на ту же тему, указывая на то, что съ Тулы Ив. Замыцкій послалъ будто бы по приказу Черкасскаго дѣловцовъ вмѣсто Орловыхъ воротъ на Щегловскую засѣку, и на то, что Замыцкій высылалъ нѣтчиковъ вообще очень вяло. Замыцкій писалъ ему: «которыхъ де нѣтчиковъ на Тулѣ онъ сыщетъ, тѣхъ и вышлетъ». «И онъ, жаловался Шереметевъ, и прежъ сево въ своихъ отпискахъ то жъ писалъ: сово сыщетъ, тово и вышлетъ, а по се число нѣтчиковъ не присылывалъ» [3].

Въ іюнѣ Шереметевъ возбудилъ вопросъ о томъ, какъ организовать охрану Лихвинскихъ засѣкъ. Охрану Уляжской, Семеновской, Полошевской и Снецкой засѣкъ вѣдалъ одинъ голова Платонъ Владычкинъ и съ нимъ 6 засѣчныхъ сторожей. Между тѣмъ теперь этотъ голова и сторожа приставлены къ однимъ Уляжскимъ воротамъ. Шереметевъ запросилъ Черкасскаго, кому поручить охрану другихъ засѣкъ.

---

[1] Вл. ст. № 75 л. 358. 15 знаменъ Шереметевъ получилъ $^{22}/\text{VI}$ и просилъ еще 15 — № 75 л. 355. [2] Вл. ст. № 75 лл. 220—221. [3] Вл. ст. № 75 лл. 235—236.

Черкасскій разъяснилъ кн. И. А. Голицыну и И. П. Шереметеву (по представленію этого послѣдняго), что засѣчный голова Платонъ Владычкинъ долженъ надзирать за всѣми засѣчными воротами, а не за какими-либо одними [1]).

Между тѣмъ работы у Орловыхъ воротъ не ладились. Многіе дѣловцы не были присланы, а присланные стали разбѣгаться. 28/VI Шереметевъ писалъ Черкасскому, что отъ Орловыхъ воротъ сбѣжало 193 чел. съ 50 лош., и осталось только 83 чел. и 6 лош., а бѣглецовъ Замыцкій съ Тулы къ нему попрежнему не высылаетъ [2]).

Шереметевъ не поладилъ со своимъ товарищемъ Шаховскимъ изъ-за вопроса о распредѣленіи между ними боевыхъ силъ, находившихся на Крапивнѣ. Конфликтъ этотъ обнаружился въ концѣ іюня. «По наряду» къ нимъ предназначались 2152 чел., изъ которыхъ 2/3 — 1440 чел. должны были быть съ Шереметевымъ, а 1/3 — 712 чел. съ Шаховскимъ. Въ нарядѣ была сдѣлана ариѳметическая ошибка: у Шереметева «перешло» передъ Шаховскимъ 6 человѣкъ, такъ какъ 1/3, приходившаяся на долю Шаховского, составляла не 712, а 718 чел. Въ естяхъ у Шереметева было 872 чел., а у Шаховского 461 чел. При этомъ у Шереметева оказались новокрещены и татары (174 чел.), которымъ по обычному правилу слѣдовало быть не съ главнымъ воеводой, а съ его товарищемъ; съ Шаховскимъ, были, между прочимъ, дворяне и дѣти боярскіе угличане, переяславцы и ростовцы (256 чел.). Шереметевъ жаловался въ Разрядъ, что къ нему попалъ не тотъ контингентъ, который слѣдовало, и Разрядъ въ іюнѣ мѣсяцѣ распорядился обмѣняться ему и Шаховскому двумя указанными группами. Этой мѣной (256 чел. на 174 чел.) предписанная норма была рѣзко нарушена, и Шаховской сталъ жаловаться въ свою очередь на то, что у него взяты «три города лутчихъ: Угличъ, Ростовъ, Переяславль», а новокрещены и татары, которые должны были поступить къ нему, «всѣ безконны и безлюдны». Шаховской хлопоталъ о томъ, чтобы ему хотя бы прибавили ярославскихъ и романовскихъ мурзъ, — «чтобы мнѣ, х. т., кончалъ Шаховской отписку, на твоей государевой службѣ позорну не быть». Разрядъ предписалъ Шереметеву пополнить отрядъ Шаховского до указанной нормы — 1/3 общаго количества — и рекомендовалъ воеводамъ дѣйствовать вмѣстѣ: «... сопча заодинъ, опричь тѣхъ дѣлъ, которые по нашему указу и по отпискамъ и по росписямъ съ Тулы боярина нашего и

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 289. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 282—284.

воеводы князя И. Б. Черкасскаго велѣно вѣдать тебѣ боярину нашему и воеводѣ Ивану Петровичу одному»[1]).

^{25}/VI къ Шереметеву прибыли съ Москвы 500 человѣкъ драгунъ и солдатъ [2]).

^{28}/VI Шереметевъ запросилъ Черкасскаго о подсудности ему соловлянъ. Крестьянинъ тулянина Якима Бѣгичева Окс. Якушовъ билъ и покололъ ножомъ крестьянина соловлянина Ивана Елагина Гордюшку. По челобитью Ивана Елагина Шереметевъ послалъ по крестьянина Бѣгичева пристава и велѣлъ дать на него судъ: «потому что онъ Соловского уѣзда, а Соловскій уѣздъ вѣдомъ у меня». Шереметевъ указывалъ, что подобные вопросы возникаютъ нерѣдко: «да и многіе дворяне и дѣти боярскіе розныхъ городовъ моево полку бьютъ челомъ государю о судѣ дворянъ московскихъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ тулянъ Соловсково уѣзду на помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ въ убойствѣ и въ грабежѣ и въ иныхъ дѣлѣхъ». Между тѣмъ Я. Бѣгичевъ обжаловалъ рѣшеніе Шереметева, обратившись съ челобитьемъ къ государю, ходатайствуя о томъ, чтобы Шереметеву на его крестьянина суда давать не велѣть, —«потому что онъ Якимъ (Бѣгичевъ) судимъ на Тулѣ у тебя (т.-е. князя Черкасскаго) въ полку». Для участія въ разборѣ дѣла Бѣгичевъ просилъ отпустить его на Крапивну «для отвѣту тово ево крестьянина». Шереметевъ обратился къ Черкасскому съ общимъ вопросомъ о томъ, кому подсудны дворяне московскіе и дѣти боярскіе туляне полка Черкасскаго, владѣющіе помѣстьями и вотчинами въ Соловскомъ уѣздѣ, если на нихъ и на ихъ крестьянъ будутъ бить челомъ дворяне и дѣти боярскіе крапивенскаго полка Шереметева. Черкасскій распорядился: «Отписать, которые дѣла вновѣ зачнутца въ нынѣшней службѣ, и на людей и на крестьянъ судъ давать»[3]).

Въ началѣ іюля Черкасскій командировалъ для осмотра засѣкъ на западъ отъ Тулы своего товарища князя А. М. Львова. Появленіе на Орловой засѣкѣ, подвѣдомственной Шереметеву, Львова вызвало крайнее неудовольствіе Шереметева. Обстоятельно показавъ, что Орловы ворота доселѣ вѣдалъ онъ самъ, Шереметевъ отказался составлять досмотръ и планъ засѣкъ, которыхъ отъ него ждалъ Черкасскій. «И мнѣ, господине, писалъ Шереметевъ, на засѣкѣ Орловыхъ воротъ дозирать и чертить и впередъ вѣдать за дозоромъ боярина князя Олексѣя Михайловича Львова не умѣть. Преже, господине, сево, гдѣ ни бывали

---

[1]) Вл. ст. № 91 лл. 125—130, 160—162. [2]) Вл. ст. № 76 л. 214.
[3]) Вл. ст. № 76 лл. 486—488.

у государевыхъ дѣлъ родители наши, и за ними и не Львовы князи не смат-ривали, и позорны николи не бывали, что я нынѣ мимо всей своей братьи князь Олексѣевымъ досмотромъ Львовымъ обезчещенъ. А князю Олексѣю Львову за мною смотрить не довелось. И мнѣ, господине, заключалъ Шереметевъ, Орловыхъ воротъ дозирать и чертить и впередъ вѣдать не умѣть»[1]).

Черкасскій выразительно отвѣчалъ на эту выходку Шереметева. Процитировáвъ дословно его отписку, Черкасскій обращается къ нему съ упрекомъ. «И ты, господине, ко мнѣ о томъ пишешь и пеняешь на насъ за посмѣхъ, а мы тебя ничѣмъ не безчещивали. А писалъ я къ тебѣ въ грамотѣ, что я товарища своево боярина князя Олексѣя Михайловича Львова послалъ для дозора къ Малиновымъ и къ Орловымъ воротамъ дозирать тѣхъ мѣстъ, которые довелись мнѣ съ товарищи дозирать по росписи. Да въ той жъ грамотѣ написано имянно, что тебѣ дозирать по росписи, што тебѣ велѣно вѣдать, и роспись у тебя тому имянная есть. А тово въ грамотѣ моей не написано, что боярину князю Олексѣю Михайловичу Львову Орловыхъ воротъ дозирать и въ чертежъ написать... А дозиралъ засѣку по Орловы ворота, а тово тебѣ въ безчестье ставить нечево, что онъ проѣхалъ въ Орловы ворота на другую сторону засѣки. И ему было для дозору на другую сторону не нада ѣхать, и воротъ ему миновать было нельзѣ: инъ токая была дорога черезъ засѣку прокладывана, то учинены ворота для проѣзду всякимъ людемъ. Да и въ дозорѣ боярина князя Олексѣя Михайловича Львова въ росписи и въ чертежѣ Орловыхъ воротъ не написано, а только онъ дозиралъ по Орловы ворота. А мнѣ было на тебя и довелось спрашивать, что по государеву указу прежъ сево писалъ я къ тебѣ, чтобъ ты надъ засѣчными воеводами надсматривалъ самъ, и для стоянья, гдѣ въ татарской приходъ тебѣ съ ратными людьми стоять, острогъ здѣлать. И ты и по ся мѣста о дозорѣ своемъ и о стояломъ своемъ острогѣ не писывалъ. И каковы засѣки и стоялой острогъ и въ которомъ мѣстѣ здѣланы, тово намъ отъ тебя іюля по 10 число невѣдомо. А которые по мѣстомъ бояре и воеводы во всѣхъ мѣстѣхъ, и тѣ засѣчныхъ крѣпостей сами дозираютъ и надъ засѣчными воеводы надсматриваютъ и мѣста себѣ, гдѣ въ татарской приходъ съ ратными людьми стоять, отстроили. И къ тебѣ про то пишу имянно, а отъ одново тебя про то вѣдома нѣтъ, каковы засѣки, въ которомъ мѣстѣ стоялой острогъ устроенъ. И тебѣ, господине, о томъ помыслить, чтобъ за посмѣхъ не сoритца. А по государеву указу чертещиковъ къ тебѣ пришлю вскорѣ»[2]).

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 214—218. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 219—223.

^{14}/VII чертещикъ явился на Крапивну къ Шереметеву, но «съ государевы съ казенные сажени смѣрки къ нему не привезъ»[1]).

Съ распредѣленіемъ селеній, приписанныхъ для охраны засѣки, у Шереметева вышла путаница. Когда И. Потемкинъ сталъ переписывать подымовныхъ людей къ Полошевской засѣкѣ, оказалось, что изъ окрестныхъ селеній засѣчные воеводы З. Шишкинъ и А. Рязановъ оставили на Полошевскую засѣку только 2 — Глиницу и Кузминки, расписавъ остальныя (числомъ 36) между своими засѣками — Семеновской и Снецкой [2]). Въ іюлѣ Шереметевъ опять пишетъ Черкасскому, что Снецкой и Полошевской засѣкъ некому оберегать, и что Платонъ Владычкинъ, который долженъ былъ надзирать за всѣми засѣками, находится у Матвѣя Зубова на Уляжской засѣкѣ, подвѣдомственной кн. И. А. Голицыну. Подымовныхъ людей на Полошевскую засѣку будетъ всего лишь 33 человѣка, да и тѣ только съ рогатками. Шереметевъ жаловался, что Черкасскій оставляетъ запросы по этому поводу безъ отвѣта, и просилъ указаній. Черкасскій распорядился такъ. «Отписать, чтобъ про то сыскалъ, которыхъ селъ и деревень прежъ сево были сторожи у тѣхъ засѣкъ, и для чево Платонъ Владычкинъ отъ Снятцкихъ воротъ съѣхалъ, и къ Матвѣю Зубову про то отписать же, почему у нево живетъ Платонъ Владычкинъ и сторожи. А которые засѣки которой голова прежъ сево вѣдалъ, тому и нынѣ вѣдать, такъ и сторожемъ съ селъ и з деревень, а подымовнымъ людемъ быть по вѣстемъ противъ государева указу съ тѣхъ селъ и деревень, которые къ той засѣкѣ въ указныхъ верстахъ (т.-е. не далѣе 25 верстъ). А для береженья люди пѣшіе на засѣки посланы»[3]).

Работы у Орловыхъ воротъ попрежнему шли вяло: по ^{25}/VII не были додѣланы надолобы на полверсты и ворота среди надолобъ, такъ какъ тульскіе и монастырскіе (Венева монастыря) дѣловцы всѣ сбѣжали. Монастырскіе крестьяне должны были «противъ уѣздныхъ людей дву становъ Глутенскова и Колоденскова» привезти тесу и лубья по 12 лубьевъ и по 12 тесинъ съ чети «для крышки башенъ и всяково острожново дѣла». Но ни тесу ни лубья они не привезли. Шереметевъ напоминалъ Черкасскому, что объ этомъ писали на Тулу и воевода кн. Никита Барятинскій и онъ самъ «по его князь Никитинымъ отпискамъ» 13, 16, 21 и 26 іюня. «И ко мнѣ государева указу отъ тебя и по се число нѣтъ», жаловался Шереметевъ и опять просилъ объ указѣ, кѣмъ засѣчное дѣло

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 225. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 236—239. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 240—242, 243—246.

додѣлывать. Черкасскій положилъ резолюцію: «Отписать, чтобъ онъ, дозря, самъ отписалъ подлинно, а надолобъ съ русской стороны и воротъ нынѣ дѣлать не велѣть»[1].

Вслѣдствіе недостатка подводъ нарядъ, отправленный изъ Москвы къ Снецкимъ и Полошевскимъ воротамъ, со всѣми пушечными запасами застрялъ до конца іюня въ Алексинѣ. Шереметевъ просилъ у Черкасскаго указанія, гдѣ ему взять подводы подъ нарядъ. Черкасскій распорядился поднимать нарядъ на драгунскихъ лошадяхъ[2].

Въ концѣ іюля Шереметевъ все еще продолжалъ ворчать. Вспомнивъ исторію съ дозоромъ кн. А. М. Львова, онъ обратился къ Черкасскому съ особой отпиской, въ которой, повторивъ адресованный ему за мѣсяцъ до того выговоръ Черкасскаго, писалъ: «И бояринъ князь Олексѣй Михайловичъ Львовъ сказалъ, господине, тебѣ ложно, будто онъ Орловыхъ воротъ не дозиралъ и не чертилъ. Іюля, господине, въ 14 день чертежчикъ Богдашко Точковъ сказалъ мнѣ и сказку далъ за своею рукою, что князь Олексѣй Львовъ Орловы ворота и засѣку отъ Малиновыхъ воротъ по Орловы ворота дозиралъ и на чертежъ чертить ему приказалъ, и онъ Богдашко чертилъ Орловы ворота и засѣку, а у чертежу де съ нимъ былъ князь Никитинъ товарищъ Барятинскова Данило Шокуровъ, и тотъ де чертежъ посланъ за нимъ на Тулу отъ засѣкъ по ево князь Олексѣевѣ присылкѣ з Гарасимомъ Татариновымъ. А онъ де Богдашко за тѣмъ чертежомъ пріѣхалъ на Тулу съ нимъ же Гарасимомъ вмѣстѣ, и тотъ чертежъ отдалъ ему князь Олексѣй. И князь Олексѣй де отъ тово чертежу Орловы ворота отодралъ и велѣлъ ему начертить на иной чертежъ одно засѣчное дѣло отъ Малиновыхъ воротъ по Орловы ворота и тотъ де чертежъ отдалъ тебѣ безъ Орловыхъ воротъ чертежу. И я, господине, писалъ къ тебѣ на князь Олексѣя Львова о своемъ безчестьѣ, что онъ мимо государева указу и твоево приказу Орловы ворота дозиралъ и чертилъ и тѣмъ своимъ дозоромъ меня обезчестилъ, а на тебя, господине, мнѣ пенять не довелось»[3].

Дѣло съ составленіемъ чертежа у Шереметева замѣшкалось. Еще въ половинѣ августа Черкасскій торопилъ его со скорѣйшей доставкой чертежа и съ отправкой чертещика дальше, ко кн. Голицыну[4].

Наказомъ-воеводамъ было предписано устроить съ русской стороны отъ засѣки стоялой острогъ или земляную крѣпость, гдѣ можно было бы укрыться въ приходъ крымскаго царя съ ратными людьми. 21/VIII Шере-

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 402—404 и 405—406. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 407—408. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 444—445. [4]) Вл. ст. № 76 л. 123.

метевъ сообщалъ, что онъ ѣздилъ досматривать такого мѣста около своихъ засѣкъ. «И у засѣкъ, господине, писалъ онъ Черкасскому, съ русскую сторону подъ Тульскою засѣкою по обѣ стороны Орловыхъ воротъ верстъ по 5 и по 6 и болши пришли пашни, засѣяно хлѣбомъ по самую засѣку, а стоялово острогу поставить негдѣ, мѣста пришли безводные, и луговъ, и пустошей, и полянъ, и дубровъ нѣтъ, лошадемъ ратныхъ людей ходить негдѣ». Шереметевъ просилъ указаній, гдѣ ему поставить острогъ. Черкасскій потерялъ, наконецъ, терпѣніе, и на отпискѣ Шереметева была положена такая резолюція: «Отписать, что изо всѣхъ мѣстъ писали о томъ рано, и остроги стоялые устроены, а безъ государева указу, гдѣ строить острогъ, не умѣть, и къ государю о томъ писать поздо»[1]). Въ грамотѣ, составленной по этой помѣтѣ, Черкасскій прибавлялъ, чтобы Шереметевъ ставилъ острогъ, гдѣ найдетъ нужнымъ, хотя бы и съ польской стороны засѣки[2]).

Шереметевъ не могъ поѣхать выбирать мѣсто для острога за болѣзнью и послалъ своего товарища кн. Семена Шаховского. Шаховской выбралъ мѣсто съ польской стороны недалеко отъ засѣки «у крѣпости и у воды», «что было преже сево поле села Орлова», припущенное въ засѣчную черту и теперь поросшее березовой рощей, которую Шереметевъ предлагалъ срубить на острожное дѣло, такъ какъ лѣсовъ близко не было ни съ русской ни съ польской стороны, и лѣсъ на засѣки приходилось возить издалека. «А въ березникѣ для засѣки крѣпости нѣтъ, писалъ Шереметевъ, потому что березникъ рѣдокъ». На выбранномъ мѣстѣ можно задержать крымскихъ людей, «и самимъ стоять отъ воинскихъ людей оберегательно». Для наглядности онъ посылалъ Черкасскому чертежъ намѣченнаго участка[3]). Оправдываясь въ томъ, что онъ задержалъ составленіе общаго чертежа, Шереметевъ писалъ: «какъ ѣздилъ дозирать засѣкъ, и меня убила лошадь, и я лежалъ боленъ четыре недѣли». Чертещика Точкова онъ отпустилъ въ Одоевъ 28/VIII, обѣщаясь чертежъ доставить въ скоромъ времени. Черкасскій въ концѣ концовъ махнулъ рукой на вопросъ о постановкѣ острога, и на отпискѣ Шереметева была положена такая помѣта: «Отписать тотчасъ, чтобъ острогу не дѣлать до государева указу, потому что по государеву указу стоялые остроги велѣно дѣлать съ русской стороны у засѣкъ, и то мѣсто нынѣ очерчено, и въ чертежѣ мѣсто написано, и о томъ доложить государя, а нынѣ не дѣлать, потому что приходу татарсково не чаять»[4]).

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 124. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 125—126. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 170—171. [4]) Вл. ст. № 76 л. 169.

²/IX Черкасскій отправилъ къ Орловымъ воротамъ къ Никитѣ Барятинскому «солдатовъ и наряду, сколько пригожъ, чтобъ ему на засѣкѣ быть безстрашно»...[1])

Въ сентябрѣ по новому представленію Шереметева Черкасскій перерѣшилъ злополучный вопросъ объ острогѣ, и на отпискѣ Шереметева была положена слѣдующая резолюція: «Отписать: велѣть дѣлать земляной городъ въ томъ мѣстѣ, о которомъ мѣстѣ чертежъ прислалъ»[2]).

Шереметевъ былъ отозванъ въ Москву, какъ и другіе воеводы, въ половинѣ сентября.

6. Кн. И. А. Голицынъ.

Князь И. А. Голицынъ, вѣдавшій съ декабря 1637 г. по апрѣль 1638 г. Приказъ сбора ратныхъ людей, явился въ Одоевъ въ первыхъ числахъ мая. Ему подчинены были Полошевская, Семеновская, Уляжская и Боровенская засѣки (воеводы И. Г. Потемкинъ, А. Ѳ. Рязановъ, М. Зубовъ, К. Б. Хрущовъ). Полученный Голицынымъ ⁷/V наказъ вызвалъ въ немъ недоумѣніе, такъ какъ въ наказѣ не были перечислены засѣки, которыя онъ долженъ былъ дозирать и устраивать. По дорогѣ изъ Москвы въ Одоевъ онъ заѣхалъ ⁴/V въ Лихвинскомъ уѣздѣ къ Снецкимъ воротамъ. Эту засѣку дѣлалъ Зах. Шишкинъ. Голицынъ нашелъ, что Шишкинъ «боленъ и дряхлъ, з государево засѣчное дѣло ево Захарья нынѣ за болѣзнью не стало, не токмо въ приходъ воинскихъ людей». «А сказалъ намъ, писалъ Голицынъ Черкасскому, что онъ Захарей боленъ и дряхлъ отъ ранъ». У Шишкина къ тому же вмѣсто 450 дѣловцовъ, которые должны были быть, оказалось только 160 чел. Голицынъ запрашивалъ Черкасскаго, гдѣ ему держать вѣстовщиковъ, и въ чемъ долженъ состоять предписанный ему наказомъ промыселъ надъ воинскими людьми. Онъ просилъ Черкасскаго отвѣтить ему на всѣ эти вопросы «подлинно», «не замотчавъ», и спрашивалъ также о томъ, какъ ему поступать, если онъ вскорѣ не получитъ обстоятельныхъ разъясненій отъ Черкасскаго. Дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ у него въ Одоевѣ объявилось 355 человѣкъ, а пѣшихъ силъ не было ни одного человѣка. Голицынъ кончалъ вопросомъ, слѣдуетъ ли ему отправляться изъ Одоева къ засѣкамъ, не ссылаясь съ Черкасскимъ[3]).

Донесеніе о неспособности З. Шишкина завѣдовать засѣчными работами Голицынъ препроводилъ и въ Разрядъ[4]). Разрядъ Черкасскому

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 187. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 92 и 93. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 10—14. [4]) Вл. ст. № 85 л. 152.

направилъ разрѣшеніе замѣнить З. Шишкина «дворяниномъ добрымъ», а Голицыну и его товарищу Бутурлину отвѣчалъ распоряженіемъ впредь обращаться къ Черкасскому[1]). Черкасскій увѣдомилъ Голицына, что тотъ можетъ смѣнить З. Шишкина «дворяниномъ добрымъ», и разъяснилъ Голицыну, что онъ долженъ вѣдать засѣки «отъ Полашевскихъ до Семеновскихъ воротъ 20 верстъ, а отъ Семеновскихъ воротъ до Уляжскихъ воротъ 8 верстъ, а отъ Уляжскихъ воротъ до Оки рѣки 8 же верстъ, и всего 36 верстъ, и за Оку рѣку по Лихвинскую засѣку». Голицынъ отвѣчалъ, что онъ поѣдетъ на засѣки «тотчасъ» и жаловался на то, что у него только одинъ подьячій, «а дѣла государева много: поспѣшить вскорѣ не умѣть[2])». Замѣнить Шишкина «дворяниномъ добрымъ» Голицынъ самъ затруднялся, потому что у него «такова дворянина, кому у засѣки быть», нѣтъ.

Голицынъ началъ свой объѣздъ съ лихвинской Снецкой засѣки, отправившись дозирать ее $^{10}/_{V}$. На ней онъ тотчасъ наткнулся на крупныя злоупотребленія со стороны сына Захара Шишкина — Ивана. Констатировавъ эти злоупотребленія, Голицынъ сообщилъ о нихъ на Тулу, но не сталъ ихъ разслѣдовать, такъ какъ по государеву указу и грамотѣ Черкасскаго отъ $^{13}/_{V}$ ему эту засѣку вѣдать было не велѣно, и она была подчинена И. П. Шереметеву[3]).

$^{21}/_{V}$ Голицынъ препроводилъ Черкасскому челобитье малоярославцевъ и медынцевъ, испомѣщенныхъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, которые жаловались на то, что бѣлевскій воевода Ст. Вельяминовъ задерживаетъ ихъ крестьянъ на засѣкѣ. Медынцы и малоярославцы утверждали, что ихъ дѣловцы сдѣлали свои доли у Семеновскихъ воротъ у Ондреяна Рязанова и были отпущены по домамъ, а Степанъ Вельяминовъ «крестьянъ ихъ послалъ вдругорядь для засѣчнова дѣла къ Полашевскимъ воротамъ, невѣдомо для чево»[4]). Съ этимъ челобитьемъ Голицынъ отпустилъ на Тулу и одного изъ челобитчиковъ. Челобитчикъ хотѣлъ, повидимому, направиться въ Москву, но Черкасскій вернулъ его назадъ, положивъ на отпискѣ Голицына такую резолюцію: «Отписать въ Одоевъ къ боярину и воеводѣ ко князю Ивану Андреевичу Голицыну: къ Москвѣ не отпустили челобитчика для тово — указъ государевъ есть писать къ воеводамъ о засѣчномъ дѣлѣ. И онъ бы отписалъ, почему онъ отъ засѣки къ другой засѣкѣ людей послалъ, а къ засѣчному воеводѣ потому жъ отписать. Да будетъ мимо дѣла посланъ, и ихъ отпустить, а додѣлывать

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 153—154, 155—156. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 227—228. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 471—478. [4]) Вл. ст. № 86 л. 270.

тѣми людьми, которые не дѣлали или поздо пришли»[1]). Черкасскій распорядился отпустить задержанныхъ дѣловцовъ по домамъ «да о томъ велѣлъ къ себѣ отписать»[2]).

Въ маѣ же былъ адресованъ Голицыну, наравнѣ съ другими главными воеводами, циркуляръ о переписке подымовныхъ людей съ окружающихъ засѣки селеній и о сборѣ ихъ съ вогненнымъ боемъ на черту по татарскимъ вѣстямъ[3]).

25/v Голицынъ прислалъ Черкасскому обстоятельное донесеніе о положеніи дѣлъ на своихъ засѣкахъ. Изъ Москвы посланъ былъ нарядъ къ пяти воротамъ (Слободецкимъ, Боровенскимъ, Уляжскимъ, Полошевскимъ и Снецкимъ): пищали, ядра по 4 гривенки, съ станы и съ колесы, къ нимъ по 150 ядеръ къ пищали, зелья пушечнаго 56 пудъ 10 гривенокъ, на стрѣльчіе мѣшки 100 аршинъ холстовъ, на пыжи 5 пудъ поскони; 9 тюфяковъ, къ нимъ дробу желѣзнаго 27 пудъ, зелья пушечнаго 13 пудъ 20 гривенокъ, на стрѣльчіе мѣшки 45 аршинъ холстовъ да 25 гривенокъ фитилю. 4 пушкаря явились изъ Москвы, да изъ Одоева Голицынъ долженъ былъ взять 7 да изъ Крапивны 3. До окончанія работъ на засѣкахъ нарядъ долженъ былъ находиться въ Одоевѣ. По 23/v нарядъ въ Одоевъ не прибылъ, застрявъ въ Алексинѣ. Голицынъ указывалъ на то, что водою по засѣкамъ наряда проводить нельзя, потому что Уляжскія ворота отъ Оки отстоятъ на 2 версты, Боровенскія на полверсты, Слободецкія тоже на полверсты. Вопросъ о доставкѣ наряда къ Полошевскимъ и Снецкимъ воротамъ онъ оставлялъ въ сторонѣ, такъ какъ эти засѣки не были ему подвѣдомственны.

Совершая свой досмотръ, Голицынъ распорядился копать погреба, «чтобъ государевой пороховой казнѣ было бережно и безстрашно». На Боровенской засѣкѣ у Кл. Хрущова, кромѣ одной башни, ничего сдѣлано не было, такъ какъ изъ Воротынска вмѣсто 178 чел. и 35 лош. къ нему были присланы по 10/v только 30 чел. и 8 лош. Голицынъ приказалъ Хрущову дѣлать засѣку тотчасъ, хотя бы этими дѣловцами, и послалъ править дѣловцовъ на воротынскомъ воеводѣ Кузьмѣ Безобразовѣ. Подъ устройство острога для прикрытія разрушившейся Боровенской засѣки Голицынъ выбралъ мѣсто между Окой и Упой, — «для того, что Боровенская засѣка и старыя прежнія крѣпости плохи, а нынѣ Боровенскіе засѣки ничего и не дѣлано, чтобъ тѣмъ мѣстомъ воинскихъ людей не пропустить и засѣки уберечь, а Боровенскою засѣкою дѣломъ поспѣшить».

---

[1]) Вл. ст. № 86 л. 268. [2]) Вл. ст. № 86 л. 270. [3]) Вл. ст. № 86 л. 276.

Голицынъ не зналъ, какъ ему быть съ воеводами. «А которые, господине, писалъ онъ Черкасскому, воеводы у засѣкъ государевымъ дѣломъ промышляютъ оплошно, и я, господине, безъ государева указу и безъ твоей отписки наказанья чинить имъ не смѣю. И тебѣ бы, господине, по государеву указу велѣть къ намъ отписать, велишь ли намъ въ томъ мѣстѣ стоять противъ Боровенской засѣки, что она не здѣлана, и тѣмъ воеводамъ какое наказанье чинить». Дворянъ и дѣтей боярскихъ у Голицына было 979 чел., но пѣшихъ людей по $^{23}/\text{v}$ не оказалось ни одного, между тѣмъ уберечь свои засѣки безъ пѣшихъ людей Голицынъ считалъ невозможнымъ. Черкасскій положилъ такую резолюцію: «Отписать: велѣть стоять противъ Боровенской засѣки. А о засѣчныхъ воеводахъ и головахъ писано къ государю, что имъ за ихъ вины чинить наказанье. И какъ о томъ государевъ указъ будетъ, и къ нему отпишу»[1]). Въ отвѣтѣ Голицыну, Черкасскій приказалъ ему править на воротынскомъ воеводѣ Кузьмѣ Безобразовѣ дѣловцовъ «безо всякіе пощады». «А что ты писалъ ко мнѣ — воеводамъ за ихъ вины какое наказанье чинить, и о томъ я писалъ къ государю до твоей грамоты, и какъ о томъ ко мнѣ государевъ указъ будетъ, и о томъ къ тебѣ отпишу. А Полашевскіе и Снецкіе ворота велѣно вѣдать и оберегать боярину Ивану Петровичу Шереметеву»[2]).

Къ $^{25}/\text{v}$ Голицынъ прислалъ на Тулу свой досмотръ лихвинской Уляжской засѣки, «что дѣлалъ по государеву указу Ондреянъ Резановъ отъ Полошевскихъ воротъ до Семеновскихъ воротъ 20 верстъ». Отъ Семеновскихъ до Полошевскихъ воротъ завалъ былъ заваленъ, и «Семеновскія ворота завалены лѣснымъ заваломъ накрѣпко, и завалъ высокъ». Самъ Рязановъ стоялъ на полевой сторонѣ отъ засѣки версты съ 2 въ дер. Клещовой Петра Сомова. Въ одномъ Голицынъ разошелся съ Рязановымъ: Рязановъ предлагалъ построить острогъ съ полевой стороны въ 840 саженяхъ отъ завала въ томъ же засѣчномъ лѣсу. «И тутъ, писалъ Голицынъ, острожку быть не къ мѣсту, потому что стало за засѣкою съ полевую сторону. А по моему, господине, досмотру доведетца здѣлать острожекъ межъ Полашевскихъ и Семеновскихъ воротъ на врашкѣ, а тѣмъ врашкомъ протекла рѣчка лѣсная. И тебѣ бы, господине, о томъ отписать, гдѣ Ондреяну (Рязанову) быть съ подымовными людми, и острожекъ ему для крѣпости ставить ли или нѣтъ». Черкасскій положилъ резолюцію: «Отписать: велѣть острожекъ здѣлать межъ Полашевскихъ и Семеновскихъ воротъ тѣми жъ людми, которыми дѣлано.

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 277—283. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 284—286.

А быть Ондреяну съ подымовными людми за крѣпостью. А ратныхъ прибавочныхъ людей къ нему не пошлютъ, потому что мѣсто крѣпко[1])».

Въ концѣ мая и началѣ іюня, однако, къ Голицыну прибыли 300 вяземскихъ и 200 опочецкихъ стрѣльцовъ. Голицынъ сдѣлалъ имъ смотръ и увидалъ, что «у вяземскихъ стрѣльцовъ пищали добре худы». «И іюня въ 3 де вяземскіе стрѣльцы на смотрѣ передо мною, писалъ Голицынъ Черкасскому, стрѣляли по цѣли, и у вяземскаго, господине, стрѣльца у Данилки Иванова пищаль разорвало, и оторвало у него руку прочь, и впередъ, господине, у вяземскихъ стрѣльцовъ въ приходъ воинскихъ людей тѣ пищали безнадежны... А розныхъ, господине, городовъ многіе дворяне и дѣти боярскіе пріѣзжаютъ на государеву службу на меринахъ, а ружья у нихъ никакова нѣтъ, а иные многіе пѣши, а ружья имъ за бѣдностью промыслить нечимъ». Воевода просилъ выслать ему казенныя пищали. Черкасскій распорядился послать за самопалами въ Алексинъ[2]), но съ распредѣленіемъ амуниціи опять вышли затрудненія. Голицынъ жаловался на то, что «нарядъ и зелье, и свинецъ, и всякіе пушечные запасы стоитъ въ Алексинѣ», а между тѣмъ росписи засѣкамъ въ Алексинѣ нѣтъ, и наряда «отдать не по чему: смѣшаны засѣки всѣ вмѣстѣ, которыхъ засѣкъ намъ и вѣдать не указано». Отъ этого происходитъ мотчанье, «а сошнымъ людемъ въ подводѣхъ и въ подмогѣ волокита и убытки многіе». Черкасскій отвѣчалъ наставленіемъ, какъ распредѣлить нарядъ по засѣкамъ[3]).

Къ ⁶/VI Голицынъ сообщилъ Черкасскому дозоръ Боровенской засѣки, противъ которой въ случаѣ нападенія долженъ былъ стоять онъ самъ. Работы на засѣкѣ подвигались плохо, потому что въ Воротынскѣ, откуда должны были явиться на эту засѣку дѣловцы, оказалось всего 10 дворовъ. Посланный Голицынымъ Герасимъ Порошинъ могъ только констатировать, что взять дѣловцовъ съ Воротынска больше нельзя. Съ расчетомъ работъ на Боровенской засѣкѣ произошло недоразумѣніе. «Написано тое засѣки, жаловался Голицынъ, 8 верстъ, а тое Боровенскіе засѣки будетъ з 10 верстъ. А въ наказѣ у Клементья Хрущова написано по досмотру князя Льва Волконскаго отъ Упы рѣки и да Оки рѣки бутто скопанъ ровъ на 8 верстахъ, а тово рву только по моему досмотру и по мѣрѣ отъ Упы рѣки по рѣчку Непроходку 300 саженъ, да къ Упѣ рѣкѣ по обѣ стороны острошку 336 саженъ, а межъ рву много полыхъ мѣстъ, и лѣсъ въ завалъ валить будетъ рѣдокъ, и тебѣ бъ, госпо-

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 310—314 и 315—316. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 143—150.
[3]) Вл. ст. № 75 лл. 151—157.

дине, ко мнѣ отписать — къ той Боровенской засѣкѣ, гдѣ укажешь людей взять, и кѣмъ тое Боровенскую засѣку дѣлать, чтобъ тою засѣкою до прихода воинскихъ людей поспѣшить вскорѣ». Черкасскій положилъ такую резолюцію: «Отписать: по росписи велѣно взять съ Воротынска съ посаду и съ уѣзду 178 человѣкъ да 35 лошадей, и велѣть тѣми людьми по государеву указу [дѣлать], а иныхъ людей безъ государева указу посылать не умѣть»[1]).

Между тѣмъ дѣло съ мушкетами у Голицына все не ладилось. Въ Алексинѣ выдали непривычные для стрѣльцовъ мушкеты «съ жаграми», и вяземскіе стрѣльцы сказали Голицыну, что «они изъ такихъ мушкетовъ з жаграми стрѣлять не умѣютъ, и такихъ мушкетовъ прежъ сево у нихъ з жаграми не бывало, а были де у нихъ и нынѣ есть пищали старые съ замки, и тѣ пищали худы»[2]). Какъ рѣшилъ Черкасскій вопросъ о мушкетахъ — не видно.

4/VII Голицынъ донесъ Черкасскому объ исчезновеніи изъ Одоева въ Литву воротынца Данила Чаплина, бѣжавшаго вмѣстѣ съ женою. Голицынъ сообщилъ о побѣгѣ въ Серпейскъ воеводѣ Филиппу Жемчужникову, приказавъ переписать животы и всякую домашнюю посуду въ серпейскомъ помѣстьѣ Чаплина и допросить стоявшихъ вмѣстѣ съ Даниломъ его троюроднаго брата Волокиту Чаплина, Ондрея Кондырева и Дмитрія Подгорѣцкаго. Подгорѣцкаго Голицынъ отдалъ на крѣпкія поруки, а Волокиту — даже за пристава. Показанія ихъ не объяснили смысла побѣга Данилы, а только разъяснили его обстоятельства. Данила бѣжалъ, сославшись на разрѣшенный ему отпускъ для ловли его бѣглыхъ крестьянъ. Голицыну этотъ случай былъ поводомъ указать Черкасскому на необходимость принять болѣе строгія мѣры надзора. «И видя, господине, такое воровство, писалъ онъ Черкасскому, — не только что по деревнямъ бѣгаютъ, и государю измѣняютъ, — и мнѣ какъ по засѣкамъ памятей и печатей для укрѣплья воровства не давать. И о томъ, господине, по государеву указу мнѣ какъ укажешь, посылать ли памяти и печати по засѣкамъ или нѣтъ, чтобъ мнѣ въ томъ отъ государя въ опалѣ не быть». Голицынъ имѣлъ здѣсь въ виду введенный имъ порядокъ выдачи письменныхъ пропусковъ для проѣзда черезъ засѣки, вызвавшій на мѣстѣ неудовольствіе. Черкасскій положилъ резолюцію: «Отписать, что ему о томъ по отпискѣ своей ждать отъ государя указу»[3]). Но какой былъ указъ — не знаемъ.

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 138—140 и 141—142. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 297—298 и № 76 лл. 10—11. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 479—484 и 485.

Въ серединѣ іюля Черкасскій предложилъ Голицыну содѣйствовать И. П. Шереметеву въ поимкѣ разбѣжавшихся крапивенскихъ засѣчныхъ сторожей[1]). Такъ, въ частности, Голицынъ долженъ былъ сыскать голову Платона Владычкина, который, оставивъ надзоръ остальныхъ засѣчныхъ звеньевъ, съѣхалъ на Уляжскую засѣку и занялся одной ей. Голицынъ долженъ былъ выслать Владычкина на Крапивну къ Шереметеву «для строенья сторожей Полашевской и Снецкой засѣки». Голицынъ указалъ на то, что Владычкину по наказу велѣно было быть именно у Уляжской засѣки; тѣмъ не менѣе 24/vii онъ выслалъ его на Крапивну. Къ 17/vii всѣ работы на засѣкахъ Голицына были закончены, и онъ занялся составленіемъ чертежа[2]).

Въ концѣ іюля произошло столкновеніе между Голицынымъ и Шереметевымъ по поводу грамотъ, обращенныхъ Голицынымъ къ З. Шишкину, подчиненному Шереметева. Намеки на этотъ конфликтъ есть уже въ дѣлѣ Данилы Чаплина. Шереметевъ, повидимому, жаловался Черкасскому на вмѣшательство Голицына въ дѣла подвѣдомственныхъ ему засѣкъ. Черкасскій запросилъ Голицына. «И я, господине, писалъ Голицынъ на Тулу, и такъ Снецкой засѣки ни въ чемъ не вѣдаю и ни о какихъ дѣлахъ къ Захарью Шишкину не пишу. А въ Снецкіе, господине, ворота на государеву службу ко мнѣ въ Одоевъ ратные люди, которымъ указано быть со мною, и отъ меня изъ Одоева дворяне и дѣти боярскіе людей своихъ посылаютъ по запасъ, а торговые люди и съ товары, а иные торговые люди ѣздетъ изъ Одоева по товары черезъ Снецкую засѣку въ Снецкіе ворота безпрестанно потому, что съ Москвы и изъ городовъ дорога пролегла въ Одоевъ иныхъ дорогъ податнѣе; а иные дворяне и дѣти боярскія гоняютъ за бѣглыми своими людьми черезъ ту же Снецкую засѣку. И я, господине, тѣмъ людемъ памяти и печати къ Захарью Шишкину по ся мѣста давалъ. А безъ памятей и безъ печатей пропущать своево полку ратныхъ людей никово не велѣлъ, чтобъ черезъ Снецкую засѣку ратные люди з государевы службы не бѣгали, а воровскіе бъ люди черезъ засѣку на пролыгалися, и никаково бы воровства моево полку отъ ратныхъ людей не было, — того приказывалъ беречи накрѣпко. А нынѣ, господине, бояринъ и воевода Иванъ Петровичъ Шереметевъ ко мнѣ пишетъ: черезъ Снецкую засѣку къ Захарью Шишкину писать ни о какихъ государевыхъ дѣлахъ не велитъ. А Снецкія, господине, ворота отъ Одоева верстъ съ 7. И будетъ, господине, моево полку ратные люди черезъ Снецкую засѣку безъ печати учнутъ з государевы службы проѣзжать,

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 247—248. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 285—286, 287—288, 289.

бѣгать, или какое воровство на Снецкой засѣкѣ объявится отъ моихъ ратныхъ людей, и мнѣ бъ въ томъ отъ государя въ опалѣ не быть. И о томъ бы тебѣ, господине, мнѣ по государеву указу указъ учинить, — памяти и печати къ Захарью Шишкину посылать ли или нѣтъ». Резолюція Черкасскаго гласила: «Отписать ко князю Ивану Ондреевичу, чтобъ онъ посылалъ къ Захарью памяти, опричь засѣчныхъ дѣлъ, а о сѣчныхъ (такъ!) дѣлахъ ни о чемъ не писать, потому что вѣдаетъ бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ. А къ Ивану Петровичу о томъ писать же, что съ памятьми и съ печатьми князю Ивану Ондреевичу нельзѣ не посылать, чтобъ воровствомъ не проѣзжали. А памяти и печати проѣзжіе къ засѣчному дѣлу не пристала»[1]).

Къ ³/VIII Голицынъ представилъ Черкасскому обстоятельный, послѣ троекратнаго объѣзда засѣки, отчетъ обо всемъ, сдѣланномъ за лѣто, и чертежи укрѣпленьямъ, такъ и не дождавшись по ²/VIII чертещика, застрявшаго у Шереметева. «А чертежъ, господине, писалъ Голицынъ, замѣшкалъ я потому, что въ Одоевѣ иконниковъ и чертежчиковъ нѣтъ, написать было чертежу явнѣя тово некому, а отъ тебя, господине, іюля съ 5-го числа да августа по 2 число ко мнѣ чертещикъ не бывалъ, а про чертещика я, что ты ко мнѣ писалъ и хотѣлъ прислать, и про твою отписку къ государю къ Москвѣ не писалъ. И чертежъ, господине, я писалъ самъ, какъ умѣлъ, что видѣлъ, и что здѣлано, и съ тѣмъ чертежомъ и съ росписьми послалъ, господине, я къ тебѣ на Тулу олексинца Якова Иванова сына Рчинова. А ево Яковлева работа ко государю есть: опасной острогъ и всякіе крѣпости дѣлалъ онъ, Яковъ»[2]).

Черкасскій увѣдомилъ Голицына о полученіи чертежа и писалъ ему, что въ его досмотрѣ и чертежѣ «позданья» нѣтъ, но все же поручилъ ему составить новый чертежъ съ чертещикомъ, который долженъ къ нему явиться отъ Шереметева. По присылкѣ чертежей всѣми воеводами Черкасскій собирался приступить къ составленію «большого чертежа» для представленія его вмѣстѣ съ росписью государю[3]). Но Шереметевъ тянулъ дѣло съ чертежомъ, и еще ⁸/VIII Голицынъ жаловался Черкасскому на отсутствіе чертещика, а Черкасскому пришлось слать напоминаніе Шереметеву о томъ, что чертещикъ нуженъ Голицыну для составленія чертежей его отдѣла черты по Снецкую засѣку[4]). Чертещика Богдашка Точкова Шереметевъ прислалъ къ Голицыну только ²⁹/VIII. За опозданіемъ Голицынъ приказалъ ему сдѣлать чертежъ

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 26—27, 28—30, 31—33. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 425—428. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 429—433. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 188—189.

со своего черновика, этотъ чертежъ отправилъ на Тулу, а самого Точкова съ сопровождавшими его двумя дѣтьми боярскими послалъ дальше на Столпицкую и Козельскую засѣки[1]). Черкасскій отвѣтилъ выговоромъ Шереметеву, указывая ему, что другіе его помощники, кн. А. М. Львовъ и В. И. Стрѣшневъ, произвели досмотры и составили чертежи засѣкъ около Тулы, первый на западъ отъ Тулы на 20 верстахъ въ теченіе 6 дней, а второй на 35 верстахъ 335 саженяхъ на востокъ отъ Тулы въ теченіе 4 дней, а онъ продержалъ чертещика съ 12/VII по 27/VIII, цѣлыхъ 6 недѣль, но ни дозора ни чертежа сихъ поръ не прислалъ; изъ-за его опозданія замедлилось составленіе и большого чертежа, между тѣмъ какъ уже «изъ всѣхъ мѣстъ» воеводы чертежи свои прислали[2]).

Голицынъ былъ отозванъ въ Москву, а его отрядъ распущенъ 17/IX 147 г. Начальство надъ Одоевомъ и Одоевскими засѣками передано было его товарищу Ѳ. В. Бутурлину[3]).

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 66—68, 84. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 80—83. [3]) Вл. ст. № 91 лл. 313—323.

ГЛАВА IV.

Сборъ дѣловцовъ на работы на засѣчной чертѣ въ 1638 году.

Возстановленіе засѣчной черты въ 1638 г. было сдѣлано специальной повинностью 18 посадовъ и 18 уѣздовъ, лежавшихъ по обѣ стороны ея, въ такомъ порядкѣ (слѣдуя съ востока на западъ, а на одной долготѣ съ сѣвера на югъ): Ряжскъ (уѣздъ безъ посада), Переяславль Рязанскій, Коломна, Зарайскъ (посадъ безъ уѣзда), Кашира, Веневъ, Епифань, Тула, Дѣдиловъ, Алексинъ, Крапивна, Калуга, Воротынскъ, Перемышль, Лихвинъ, Одоевъ, Бѣлевъ, Мещовскъ и Козельскъ. Сборъ дѣловцовъ въ 1638 г. можетъ быть изображенъ съ разной степенью полноты по отношенію къ отдѣльнымъ посадамъ и уѣздамъ. Обзоръ его удобнѣе дать, слѣдуя приведенному сейчасъ географическому порядку.

Ряжскъ. Съ Р. уѣзда положили взять по расчету съ 188 четей съ осминою и полполчетверика 948 чел. и 189 лош., которые должны были быть отправлены на 1-ую Вожскую засѣку[1]). Данныхъ о ходѣ сбора съ Р. уѣзда нѣтъ.

Переяславль Рязанскій. ³/IV р. воеводѣ И. С. Колтовскому было предписано собрать дѣловцовъ съ посада и уѣзда по расчету съ 1608 четей — 8041 чел. и 1607 лош. и отправить ихъ на 2-ую и 3-ью Вожскія засѣки по 1947 чел. и 389 лош., на 1-ую Вожскую засѣку — 792 чел. и 158 лош. и на Красносельскую засѣку 3355 чел. и 671 лош. Воевода въ своемъ отвѣтѣ указывалъ на то, что на посадѣ въ живущемъ написано было 258 четей съ третникомъ, а налицо оказался только 21 посадскій, «потому многіе разбѣжалися, а иные померли», и даточныхъ людей и лошадей ему взять «не на комъ». Изложивъ свои недоумѣнія, Колтовской просилъ у Разряда указаній. Изъ Москвы отвѣчали грозными выговорами и требованіями принять самыя строгія мѣры понужденія[2]). ¹/V Колтовской препроводилъ, наконецъ, въ Разрядъ

---

[1]) Прик. ст. № 97 лл. 97—98. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 172—175, 176—181.

подробныя данныя о ходѣ сбора съ Рязани. Говоря о посадѣ, онъ опять указывалъ на то, что «переяславскіе посадскіе люди многіе люди померли, а иные въ службахъ въ стрѣльцахъ и въ казакѣхъ, а иные розбѣжались, а только налицо 21 человѣкъ, и дѣловцовъ доправить не на комъ. И апрѣля въ 17 день достальные посадскіе люди 21 человѣкъ съ Переславля побѣжали з женами и з дѣтьми, и дѣловцовъ доправить не на комъ. А довелося взяти на посадскихъ людѣхъ з живущаго з 258 четей съ третникомъ дѣловцовъ 1301 чел. и 258 лош.»[1]). $^{19}/_{V}$ Колтовской опять писалъ въ Разрядъ о невозможности собрать потребованное число дѣловцовъ. Къ Введенскимъ воротамъ, къ И. Г. Бобрищеву-Пушкину, онъ не дослалъ 192 чел., — «потому, г., объяснялъ воевода, что тѣ люди довелись было взять съ посаду, а посадскіе, г., люди всѣ розбѣжались, и тѣхъ дѣловцовъ взять не съ кова»... Опасаясь порухи засѣчному дѣлу «за посошными посадскими людьми», Колтовской снова просилъ указаній изъ Разряда. Въ Разрядѣ, наконецъ, какъ будто помирились съ невозможностью собрать съ П. Р. затребованное количество дѣловцовъ. На цитированной отпискѣ Колтовского положена резолюція: «146 года мая въ 20 де. Отписать — то вѣдомо», и Колтовскому предложено впредь обращаться съ донесеніями и вопросами на Тулу. $^{26}/_{V}$ изъ Разряда отдали приказаніе боярину кн. Д. М. Пожарскому, вѣдавшему весь Рязанскій отдѣлъ засѣчной черты, произвести перепись населенію П. Р. — «велѣти сыскати, сколько тѣхъ мужиковъ и дворовъ, написать, и сколько ихъ человѣкъ сбѣжали», а засѣчныхъ воеводъ Разрядъ утѣшилъ сообщеніемъ о сдѣланномъ имъ строгомъ выговорѣ Колтовскому[2]).

Выговоры Колтовскому шли не только изъ Разряда, но и съ Тулы отъ кн. Черкасскаго. Оправдываясь отъ упрековъ, Колтовской повторялъ въ своихъ отпискахъ на Тулу (напр., отписка, полученная $^{27}/_{V}$) то же, что онъ писалъ и въ Москву: положеннаго на П. Р. посадъ числа, 1301 чел. и 258 лош., онъ не могъ взять изъ-за того, что посадскіе люди «всѣ розбѣжалися изъ Переславля тому другой годъ, и дѣловцовъ и лошадей доправить не на комъ, и о побѣгѣ ихъ къ государю къ Москвѣ писано многижда». «А отчево посадскіе люди, князь Иванъ Борисовичъ, разбѣжалися, заключалъ воевода, и тому послалъ къ тебѣ роспись подъ сею отпискою». Приводимъ эту роспись.

«Роспись, что на посацкихъ людѣхъ взять на прошлой на 145-й и на нынѣшней на 146-й годъ, и посацкіе люди всѣ розбѣжались.

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 238—239. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 271—273, 274—276, 277—279; № 86 лл. 168—170, 181—184, 190—193, 205—207.

На нынѣшней на 146-й годъ: изъ Розряду прислана государева грамота — къ засѣкамъ дѣловцовъ взять 1301 человѣкъ 258 лошедей. Изъ Ямского приказу—ямскихъ денегъ 172 рубли 14 алтынъ 2 денги. Ис Стрѣлецкого приказу—на 145-й и на нынѣшней на 146-й годъ—стрѣлецкого хлѣба 260 чети ржи и овса. Изъ Челобитного приказу — на строенье новыхъ полскихъ городовъ и ратнымъ людемъ на государева жалованье 131 рубль 17 алтынъ. Ис приказу отъ боярина князя Ивана Андреевича Голицына прислана государева грамота, велѣно даправить для крымскіе службы з двора по два рубли, итого 214 рублевъ»[1]).

Но на Тулѣ не удовлетворились объясненіемъ Колтовского. Велѣно было отписать ему «съ осудомъ», и выговоръ по этой помѣтѣ отправленъ 29/V[2]).

Не меньшія затрудненія доставилъ и сборъ дѣловцовъ съ уѣзда. Собирать дѣловцовъ съ уѣзда Колтовскому велѣно было «противъ платежныхъ книгъ со всякихъ людей и со лготчиковъ и съ тарханщиковъ со всѣхъ безъ обходу, чей кто ни буди, чтобъ въ томъ засѣчномъ дѣлѣ никаковъ человѣкъ противъ платежныхъ книгъ въ избылыхъ не былъ». Колтовской указывалъ на то, что въ Р. уѣздѣ по платежнымъ книгамъ написано нынѣ въ живущемъ 1308 четей съ осминою, — «потому что въ прошломъ во 143, и во 144, и во 145 году, и въ нынѣшнемъ во 146 году убыло по старымъ платежнымъ книгомъ изъ окладу 220 четв. съ осминою и съ четверикомъ по твоимъ г. многимъ грамотамъ, каковы твои г. грамоты присланы во П. Р. по челобитью сошныхъ людей противъ выписей писца Кирилла Воронцова-Вельяминова съ товарищи и по новымъ платежнымъ книгамъ, каковы присланы въ нынѣшнемъ во 146 г. изъ Ямского приказу». Колтовской жаловался, что «Рязанскаго уѣзда верстъ на 200 разъѣзду, и тѣхъ даточныхъ людей и лошадей собрать вскорѣ невозможно», и обѣщался высылать дѣловцовъ на засѣки по мѣрѣ сбора. «А съ боярскихъ и столничьихъ и дворянъ московскихъ съ помѣстей и вотчинъ и съ архіепископлихъ и съ монастырскихъ вотчинъ, неожиданно прибавлялъ Колтовской въ своей отпискѣ, тѣхъ даточныхъ людей и лошадей править безъ твоего г. указу не смѣю, потому что про тѣ ихъ помѣстныя и вотчинныя земли въ твоей г. грамотѣ именно не написано»[3]). Изъ Разряда немедленно подтвердили, что онъ долженъ сбирать дѣловцовъ со всѣхъ земель, разъясняя владѣльцамъ, для какой цѣли дѣловцы предназначаются. Разрядъ приказывалъ ослушниковъ бить

---

1) Вл. ст. № 86 лл. 343—347. 2) Вл. ст. № 86 лл. 348—350. Текстъ этого типичнаго выговора по сохранившемуся черновику приводимъ ниже. 3) Вл. ст. № 81 лл. 172—175.

батоги,—«а которые учнутъ отказывать озорничествомъ и учинятся въ большомъ непослушаньѣ, прибавляла грамота, и ты бъ тѣхъ велѣлъ бить кнутомъ по торгамъ...» Приказаніе сопровождалось и обычными угрозами самому воеводѣ[1]). Грамоту эту Колтовскому долженъ былъ отвезти разсыльщикъ Митька Яковлевъ, почему-то, однако, съѣхавшій съ Москвы, не захвативъ ея. За это велѣно было и его въ съѣзжей избѣ при многихъ людяхъ бить батоги, — «чтобъ, на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать — безъ нашего указу съ Москвы съѣзжать»[2]). Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ 1/v, Колтовской обстоятельно разсказывалъ о своихъ операціяхъ по сбору съ Р. уѣзда. Разосланные имъ пушкари и затинщики въ теченіе всего апрѣля высылали къ нему въ П. Р. дѣловцовъ, которыхъ онъ пересылалъ далѣе на засѣки. За апрѣль на Красносельскую засѣку онъ отправилъ всего 1215 чел. и 243 лош. и на Вожскія: на 1-ую — 600 чел. и 120 лош., на 2-ую — 830 чел. и 166 лош., на 3-ю — 800 чел. и 160 лош.[3]). Къ половинѣ мая итогъ высланныхъ имъ дѣловцовъ равнялся 4528 чел. и 906 лош.[4]). Сборъ дѣловцовъ съ уѣзда онъ продолжалъ, хотя безъ особаго успѣха, и во вторую половину мая.

Къ 27/v итогъ высланныхъ Колтовскимъ дѣловцовъ равнялся 4742 чел. и 949 лош., а недосылка—3299 чел. и 660 лош.[5]), т.-е. выслано было нѣсколько менѣе 60% всего затребованнаго количества людей и лошадей. Главная причина недосылки — пустота П. Р. посада, съ котораго Разрядомъ предположено было взять 1301 чел. и 258 лош., а не удалось взять ни одного дѣловца и ни одной лошади. Другая причина, по объясненію Колтовского, — непослушанье служилыхъ людей. Такъ, «бояръ кн. Юрья Еншеевича Сулешова, кн. Андрея Васильевича Хилкова, кн. Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкого, княг. Анны Васильевны Одоевской и стольника кн. Никиты Ив. Одоевскаго съ помѣстей и вотчинъ, которыя вотчины въ Р. уѣздѣ, дѣловцовъ къ засѣкѣ довелось взять 960 чел., и боярскіе прикащики тѣхъ вотчинъ не додали къ засѣкѣ дѣловцовъ 539 чел. и 108 лош. Рязанскаго архіепископа Моисея съ вотчины довелося взяти къ засѣкѣ дѣловцовъ 383 чел., и архіепископъ Моисей къ засѣкѣ не додалъ дѣловцовъ 200 чел. и 40 лош. Окольничаго Ѳед. Степ. Стрѣшнева съ вотчины даточныхъ къ засѣкѣ довелося взяти

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 176—181. Ср. Вл. ст. № 81 лл. 238—239. [2]) Вл. ст. № 81 л. 219. Тому же наказанью за такую же вину подвергся и коломенскій разсыльщикъ Осипъ Ивановъ. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 271—273. [4]) Вл. ст. № 85 лл. 274—276. [5]) Къ Бобрищеву-Пушкину онъ выслалъ 633 ч. и 127 л., а не дослалъ 159 ч. и 32 л., къ Вас. Чевкину выслалъ 1160 ч. и 232 л., а не дослалъ 787 ч. и 158 л., къ кн. Г. Волконскому выслалъ 1864 ч. и 373 л., а не дослалъ 1491 ч. и 298 л., къ Ивану Чевкину выслалъ 1085 ч. и 217 л., а не дослалъ 862 ч. и 172 л.

33 человѣка, и вотчины его прикащикъ не додалъ 13 чел.». «И о томъ ихъ непослушаньѣ, прибавлялъ Колтовской въ своемъ донесеніи на Тулу, къ государю къ Москвѣ писалъ». Колтовской увѣрялъ, что съ дворянъ и дѣтей боярскихъ онъ продолжаетъ править дѣловцовъ «нещадно», но многіе дворяне и дѣти боярскіе — однодворцы, сами находятся на службѣ, дѣловцовъ съ ихъ владѣній доправить не на комъ, — и просилъ у Черкасскаго указаній, какъ ему поступать[1]). Въ отвѣтъ на это донесеніе съ Тулы разразились громовымъ выговоромъ по адресу самого Колтовского, предписывая ему принять самыя энергичныя мѣры къ скорѣйшему сбору дѣловцовъ. Недовольство Колтовскимъ усиливалось еще обращенными къ Черкасскому жалобами на него кн. Д. М. Пожарскаго, вѣдавшаго Рязанскія засѣки. Выговоръ гласилъ. «Господину Ивану Семеновичу Иванъ Черкасскій съ товарищи челомъ бьютъ. Мая въ 27 день писалъ къ намъ бояринъ и воевода князь Дмитрей Михайловичъ Пожарскій, что (зачеркн.: засѣчные воеводы пишутъ къ нему, что) на Рязанскихъ засѣкахъ съ воеводами посошныхъ людей противъ государева указу (зачеркн.: мало) дѣловцовъ (зачеркн.: работныхъ людей) мало, у иныхъ и вполы нѣтъ. И онъ де (зачеркн.: бояринъ) князь Дмитрей Михайловичъ о нѣтчикахъ о посошныхъ людѣхъ къ тебѣ посылалъ безпрестанно, и ты де тѣхъ естей и нѣтовъ не присылывалъ. И ты то дѣлаешь (зачеркн.: воровствомъ) негораздо, нѣтчиковъ не высылалъ для засѣчного дѣла по посуломъ и боярину князю Дмитрею Михайловичу (зачеркн.: Пожарскому) про посошныхъ людей сказывалъ ложно, бутто ты на нѣтчиковъ на ослушниковъ писалъ къ намъ, а ты писалъ къ намъ про нѣтчиковъ послѣ письма боярина князя Дмитрея Михайловича (зачеркн.: день спустя), узнавъ то, что отписалъ къ намъ на тебя бояринъ князь Дмитрей Михайловичъ. И къ боярину ко князю Дмитрею Михайловичу писано, а велѣно на тебѣ посошныхъ людей нѣтчиковъ править нещадно, а ослушниковъ велѣно бить кнутомъ и батоги, смотря по человѣку и по винѣ (зачеркн.: да и то ты учинилъ негораздо). А въ отпискѣ твоей писано къ одному ко мнѣ, ко князю Ивану, а не съ товарыщи, и тѣмъ ты товарыщей моихъ, боярина князя Алексѣя Михайловича и околничево Василія Ивановича обезчестилъ. А въ государевыхъ грамотахъ пишутъ ко мнѣ — ко князю Ивану съ товарыщи (зачеркн.: и я писалъ къ боярину ко князю Дмитрею Михайловичу, а велѣлъ на тебѣ нѣтчиковъ посошныхъ людей править нещадно,

---

[1]) Отписка получена на Тулѣ $^{27}/_{\text{v}}$. Вл. ст. № 86 лл. 343—347. Въ іюнѣ рязанцы били челомъ государю и получили нѣкоторыя служебныя льготы — А. М. Г. II. № 113.

а ослушниковъ велѣлъ бить кнутомъ и батоги нещадно. И ты бы впередъ таки не плуталъ, писалъ ко мнѣ съ товарыщи). И ты бъ нѣтчиковъ, сыскивая, на засѣки высылалъ, а ослушникомъ чинилъ наказанье, билъ кнутомъ и батоги, смотря по человѣку и по винѣ. А будетъ нѣтчики учнутъ избѣгать или хоронитца, и ты бъ тѣхъ помѣстей и вотчинъ велѣлъ имать приказщиковъ и старостъ и лутчихъ крестьянъ и въ день на тѣхъ приказщикахъ, на старостахъ и на крестьянѣхъ нѣтчиковъ велѣлъ править нещадно съ утра до вечера, а на ночь металъ въ тюрьму, покамѣста нѣтчики сполна будутъ. И ослушникомъ потому жъ велѣть чинить наказанье, смотря по винѣ и по человѣку. А собравъ нѣтчиковъ, доложа боярина князя Дмитрея Михайловича, отсылать на засѣки [1])». Грамота эта была отправлена Колтовскому $^{29}/\text{v}$. Не видно, чтобы дальнѣйшій сборъ дѣловцовъ съ Р. уѣзда былъ успѣшнѣе, несмотря на добрый десятокъ выговоровъ, адресованныхъ Колтовскому съ Москвы и Тулы.

Коломна. Распоряженіе о сборѣ съ К. посада и уѣзда к. воевода кн. И. И. Шаховской получилъ $^{2}/\text{IV}$. Ему велѣно было выслать съ К. посада и уѣзда на Почесскую и на Веркушскую засѣки съ 384 четей безъ третника 1918 чел. и 383 лош. [2]). Изобразить отдѣльно ходъ сбора съ посада не можемъ.

Тотчасъ по полученіи грамоты Шаховской послалъ для сбора въ уѣздъ 20 пушкарей и затинщиковъ, а на К. велѣлъ кликать биричамъ на торгу, «чтобы к. сошные всякихъ чиновъ люди дѣловцовъ и лошеди къ веневской къ Веркошской засѣки вели на Коломну тотчасъ безо всяково переводу». До $^{4}/\text{IV}$ никто къ нему не явился [3]). Сборъ вообще пошелъ туго. $^{9}/\text{IV}$ отъ кн. Шаховского въ Разрядѣ была получена отписка, въ которой онъ доносилъ о сопротивленіи к. служилыхъ людей. Онъ писалъ слѣдующее: «Коломничи, дворяне и дѣти боярскіе, Назарей Хотунской, Матвѣй да Кирилло Дубенскіе, Степанъ Ивановъ с., Василій да Микита Павловы д. Огалины, Иванъ Никитинъ с., Иванъ Тимоѳеевъ с. Бабынины, Ортемей да Иванъ да Фотей Наумовы, Мартынъ да Григорей Ивлаховы, Иванъ Карповъ, Михайло Борыковъ, Сидоръ Норовъ, Денисъ Ильинъ, Ѳеонасей Похвисневъ, Ѳедоръ Колтовской, Гаврила Шерефединовъ—и всѣ коломничи, дворяне и дѣти боярскіе, пріѣхали ко мнѣ, х. т., на Коломну апрѣля въ 5 де и дѣловцовъ и лошадей къ Веневской засѣки

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 348—350. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 162—171; Прик. ст. № 97 лл. 87—88. [3]) Вл. ст. № 81 лл. 148, 162, 164.

не дали, а сами, г., дворяне и дѣти боярскіе въ дѣловцахъ хотѣли на правежъ ставитца, и я, х. т., безъ твоего г. указу править на нихъ дѣловцовъ не смѣю, — что имъ сказана твоя г. служба. А боярскіе, г., и околничихъ, и думныхъ людей, и столниковъ, и стряпчихъ, и патріарши, и архіепископли, и епископли, и монастырскіе прикащики, и крестьяне съ дѣловцами на Коломну апрѣля по 5 число не бывали жъ...» Шаховской просилъ указаній, какъ ему поступать. Демонстрація коломничей вызвала въ Москвѣ неудовольствіе, и Разрядъ отвѣчалъ строгимъ выговоромъ самому Шаховскому и приказаніемъ принять репрессивныя мѣры по отношенію къ ослушникамъ. Грамота по этому поводу на Коломну послужила образцомъ для аналогичныхъ грамотъ другимъ воеводамъ, — приводимъ ее, поэтому, полностью. «И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, обращается Разрядъ къ Шаховскому, и ты бы дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ служилымъ и жилетцкимъ и уѣзднымъ людемъ сказалъ (на оборотѣ вставлено: что крымской царь нынѣшнего лѣта на наши украйны хочетъ приходить болшой войною), и мы, великій государь, жалѣя о православныхъ крестьянѣхъ, (на оборотѣ вставлено: послали ко всѣмъ засѣкамъ воеводъ и головъ, а велѣли имъ быти на засѣкахъ и засѣки) велѣли подѣлать и совсѣмъ укрѣпить, чтобы съ Божьею помощью тѣми засѣками православныхъ крестьянъ отъ войны крымсково царя и воинскихъ людей сберечи и православныхъ крестьянъ въ плѣнъ и въ росхищенье не выдать. И они бы, дворяне и дѣти боярскіе, и всякихъ чиновъ служилые и жилетцкіе и уѣздные люди для избавы православныхъ крестьянъ къ Веневской засѣкѣ дѣловцовъ и лошеди отпустили противъ нашего указу сполна тотчасъ (на оборотѣ вставлено: а что имъ къ Веневской засѣкѣ противъ нашего указу сошныхъ дѣловцовъ и лошадей не дать, и имъ въ томъ по нашему указу велѣно отказати, и они бъ, не дожидаясь на себя болшіе нашіе опалы, къ Веневской засѣкѣ сошныхъ дѣловцовъ отпустили тотчасъ безо всякаго мотчанья, чтобъ Веневскую засѣку укрѣпить до приходу крымсково царя и царевичей и болшихъ воинскихъ людей). А, сказавъ, съ Коломенсково посаду и съ уѣзду съ помѣстей и съ вотчинъ бояръ нашихъ и околничихъ... и со всякихъ земель противъ платежныхъ книгъ противъ списковъ дѣловцовъ и лошеди взялъ, а послать къ Веневской засѣкѣ. А которые люди въ дѣловцахъ учнутъ отказывати, и ты бъ тѣхъ велѣлъ имати и велѣлъ ихъ бить батоги, а которые въ дѣловцѣхъ учнутъ отказывати озорничествомъ и учинятца въ большомъ непослушаньѣ, и ты бъ тѣхъ велѣлъ бить кнутомъ по торгомъ, чтобъ, на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать, и на ослушникѣхъ

дѣловцовъ велѣлъ править во весь день нещадно, а на ночь ослушныхъ велѣлъ сажать въ тюрьму (на оборотѣ вставлено: а что съ Коломны и съ Коломенсково уѣзду сошныхъ дѣловцовъ и лошедей въ которомъ числѣ и съ кѣми имянемъ къ Веневской засѣкѣ отпустишь, и ты бъ о томъ къ намъ отписалъ, а о тѣхъ людѣхъ, которые въ сошныхъ дѣловцѣхъ учнутъ отказывать, къ намъ не писалъ — дѣлалъ бы еси имъ наказанье, а сошныхъ дѣловцовъ правилъ). А одноличино бъ тебѣ тѣмъ порадѣти, чтобъ съ Коломны и съ Коломенсково уѣзду къ Веневской засѣкѣ дѣловцовъ и лошеди взяти противъ платежныхъ книгъ со всѣхъ безъ обходу, чтобъ въ томъ въ засѣчномъ дѣлѣ противъ платежныхъ книгъ никому въ избылыхъ не быть. А только ты (на оборотѣ вставлено: противъ нашего указу съ Коломны съ посаду и съ уѣзду съ помѣсныхъ и съ вотчинныхъ со всякихъ земель противъ платежныхъ книгъ сошныхъ дѣловцовъ вскорѣ не сберешь и къ Веневской засѣкѣ дѣловцовъ и лошедей съ Коломны не отошлешь и учнешь коломенскимъ посадцкимъ и сошнымъ людемъ) въ тѣхъ дѣловцѣхъ норовить или впередъ къ намъ на ослушниковъ учнешь писати и отъ того у нихъ учнешь имать посулы или кормы, и тебѣ отъ насъ за то быть въ великой опалѣ и въ большомъ раззореньѣ и въ ссылкѣ безо всякіе пощады». [1])

Репрессіи Шаховского возымѣли свое дѣйствіе. Къ $^{19}/_{IV}$ онъ отправилъ на засѣки 1440 чел. съ лошадьми (т.-е. 75% потребованнаго количества), собранныхъ съ К. посада и уѣзда съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель московскихъ служилыхъ людей и съ монастырскихъ земель, но все-таки «о п р о ч е помѣстныхъ и вотчинныхъ земель коломянъ дворянъ и дѣтей боярскихъ»[2]). Это «опроче» сдѣлано, повидимому, Шаховскимъ на свой страхъ, потому что въ инструкціи Разряда на такое исключеніе не было никакого намека. Разрядъ, если и требовалъ нарочитой осторожности, то совсѣмъ въ другомъ направленіи, предписывая, напримѣръ, въ отдѣльномъ случаѣ не брать лишняго съ трехъ полуосминъ вотчины боярина Василія Шереметева[3]). Между тѣмъ высланные на засѣки коломничи дѣти боярскіе разбѣгались. Сбѣжалъ даже засѣчный голова Григорій Гомзяковъ, котораго Шаховскому пришлось ловить въ уѣздѣ[4]). Изъ Разряда Шаховскому предписали, если Гомзяковъ «учнетъ избѣгать или хорониться..., въ помѣстьѣ его и вотчинѣ... взять людей его и крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, и посадить въ тюрьму, а помѣстье и вотчину отписать на государя, покамѣста онъ самъ сыщется». Самого Гомзякова

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 165—166, 167—171. [2]) Вл. ст. № 81 л. 148. [3]) Вл. ст. № 81 л. 76. [4]) Вл. ст. № 76 л. 155.

въ помѣстьѣ его пушкари не изъѣхали и привели въ Коломну его человѣка Микишку, который и былъ посаженъ въ тюрьму [1]). Шаховскому пришлось заняться ловлей и другихъ нѣтчиковъ. Ловля эта продолжалась все лѣто и не закончилась даже въ сентябрѣ 147 г.[2]). Такъ, въ началѣ сентября Шаховской сыскивалъ 126 чел. дѣловцовъ, взятыхъ на засѣки съ к. дворцовыхъ селъ, бѣжавшихъ отъ Почесской засѣки [3]). Но именно дворцовыхъ дѣловцовъ сбирать было особенно трудно. «К. уѣзду дворцовымъ селамъ писцовыхъ платежныхъ книгъ и росписей на К. въ съѣзжей избѣ нѣтъ, писалъ Шаховской на Тулу, и вѣдать мнѣ к. государевыхъ дворцовыхъ селъ не велѣно, а по г. указу тѣ к. дворцовые села вѣдаютъ дворцовые прикащики, и преже сево съ к. государевыхъ дворцовыхъ селъ къ Почесской засѣкѣ высылали дворцовые прикащики». Черкасскій распорядился «отписать къ околничему ко князю Семену Васильевичу (Прозоровскому), что велѣлъ отписать имянно, которова села нѣтчики, и нѣтчиковъ велѣно собрать и додѣлывать тотчасъ»[4]).

Зарайскъ. Сборъ съ З. долженъ былъ пополнить сборъ съ Рязани. Требованіе Разряда, полученное з. воеводой Ѳедоромъ Матовымъ 2/IV, поставило его въ большое затрудненіе. Разрядъ насчитывалъ въ З. посадѣ 43 чети безъ третника и по этому расчету требовалъ 213 дѣловцовъ и 43 лошади «противъ платежныхъ книгъ со всякихъ людей со лготчиковъ и съ тарханщиковъ со всѣхъ безъ обходу, чей кто ни буди». Но собрать дѣловцовъ было нелегко. «...Посадцкіе, писалъ Матовъ, и черные слободы люди изъ Зарайска многіе... поразбѣжались отъ прежнихъ твоихъ г. денежныхъ податей: съ прошлово 145 г. марта съ 1-го числа апрѣля по 1-е число 146 г. по твоимъ г. грамотамъ изъ розныхъ приказовъ доправлено на нихъ всякихъ твоихъ г. податей многіе денги»... Матовъ разослалъ пушкарей, затинщиковъ и стрѣльцовъ ловить зарайцевъ, и къ 14/IV они переловили болѣе 150 чел. Тѣхъ изъ нихъ, кто могъ представить поруки, Матовъ послалъ на 1-ую Вожскую засѣку вмѣстѣ съ 30 лошадьми, а не представившихъ порукъ посадилъ въ тюрьму и продолжалъ сыскъ остальныхъ[5]). Но 3/VI злополучные з. дѣловцы сбѣжали отъ засѣчнаго дѣла «всѣ безъ остатку и съ лошедми и съ телѣги». Засѣчный воевода И. Г. Бобрищевъ-Пушкинъ между тѣмъ требовалъ, чтобы Матовъ вернулъ ихъ на засѣки. Отряженный въ погоню за бѣглецами Богданъ Сидоровъ «не сыскалъ ни одного человѣка»[6]). Не знаемъ, куда скрылись зарайцы, и чѣмъ кончилось въ 1638 г. дѣло съ ловлей разбѣжавшихся з. дѣловцовъ.

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 127. [2]) Вл. ст. № 76 л. 114. [3]) Вл. ст. № 76 л. 64. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 94—96. [5]) Вл. ст. № 81 лл. 124—125. [6]) Вл. ст. № 75 лл. 310—311.

Кашира. Съ К. посада и уѣзда велѣно было взять по расчету со 137 четей съ полуосминой и получетверикомъ 686 чел. и 137 лош. и отослать изъ этого количества половину (343 чел. и 69 лош.) къ Оленковскимъ воротамъ и столько же къ Почесскимъ, распредѣливъ, сверхъ того, между обоими воротами по 8 чел. к. дѣтей боярскихъ[1]). Въ отпискахъ к. воеводы кн. Петра Ухтомскаго сборъ дѣловцовъ съ посада не выдѣленъ, и отчетъ о сборѣ съ посада данъ заодно съ отчетомъ о сборѣ съ уѣзда. Кн. Ухтомскій грамоту Разряда о сборѣ дѣловцовъ получилъ ³/IV. Приступивъ къ сбору, онъ тотчасъ же наткнулся на сопротивленіе служилыхъ людей: «многіе дворяне и дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, писалъ онъ въ Разрядъ, твоего г. указу не послушали, къ твоему г. засѣчному дѣлу дѣловцовъ не даютъ». Ухтомскій препровождалъ въ Москву и списокъ непокорныхъ лицъ[2]). На донесеніе Ухтомскаго Разрядъ отвѣчалъ выговоромъ ему за нерадѣніе[3]). Къ половинѣ апрѣля Ухтомскій собралъ все-таки съ уѣзда и посада 332 чел. къ Оленковскимъ воротамъ и 322 чел. къ Почесскимъ, распредѣливъ между тѣми и другими воротами по 8 чел. дѣтей боярскихъ[4]). Сборъ невездѣ прошелъ гладко. Воевода доносилъ: «Въ патреаршу, г., вотчину въ деревню Селну и Пафнутьева монастыря въ вотчину для дѣловцовъ, засѣчныхъ людей, посылалъ пушкарей и стрѣльцовъ, и они (крестьяне) твоего г. указу не послушали, учинились сильны, дѣловцовъ къ засѣкѣ не дадутъ. Да въ раздачной, г., волости въ Лысцовской запустѣла половина чети — осмина, а помѣщика и крестьянъ нѣтъ, дѣловцовъ взять не на комъ». Воевода просилъ въ Разрядѣ указаній. Отписка была доложена государю ¹⁴/V, и «государь, слушавъ сей отписки, указалъ: что собралъ... воевода, и то учинилъ добро, а дворянъ и всякихъ чиновъ людей, что онѣ для крестьянской избавы людей и крестьянъ къ засѣкамъ противъ г. указу дали, похвалити, а ослушниковъ поимать и бить батоги и въ тюрьму посадить до указу, чтобъ воровать было и ослушаться неповадно, и о томъ писать къ Москвѣ». Помѣта эта была разработана въ грамоту, при чемъ въ черновой текстъ ея попали такія потомъ вычеркнутыя строки: «и нашему царскому величеству про то ихъ послушанье вѣдомо, и о которыхъ дѣлѣхъ ихъ челобитье впредь будетъ, и мы, великій государь, на ихъ челобитье учнемъ призирать милостиво»[5])... Между тѣмъ съ Тулы энергію Ухтомскаго подогрѣвали выговорами и понуканіями[6]). Къ концу мая Ухтомскій довелъ общее

---

[1]) Вл. ст. № 81 л. 262. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 207—208. [3]) Вл. ст. № 81 лл. 209—213. [4]) Вл. ст. № 81 л. 232. [5]) Вл. ст. № 81 лл. 29—31. [6]) Вл. ст. № 86 лл. 159—160.

количество дѣловцовъ, посланныхъ имъ на засѣки, до потребованной нормы, кромѣ 5 дѣловцовъ, не взятыхъ съ Лысцовской волости, въ которой, по его расчету, запустѣла даже не осмина, а цѣлая четверть, — «и я о той пустой чети, сообщалъ Ухтомскій на Тулу, писалъ ко государю къ Москвѣ». Опредѣленныхъ указаній на счетъ этой четверти ему съ Москвы такъ и не сдѣлали[1]). Кромѣ дѣловцовъ, Ухтомскій выслалъ ещэ 10 чел. стрѣльцовъ на Каширскую засѣку къ кн. И. Л. Шаховскому для наряда[2]).

Веневъ. В. посадъ былъ положенъ въ 17 четей, и съ него потребовали на Веркушскую засѣку 85 дѣловцовъ и 17 лошадей. Грамоту о сборѣ воевода Захаръ Тимоѳеевичъ Фустовъ получилъ 5/IV. Веневичи быстро выхлопотали подписную челобитную, согласно которой съ нихъ велѣно было взять «по изможенью посадскихъ людей, чтобъ В. посадъ не запустѣлъ»[3]). Фустовъ собралъ сначала 30 чел. и 10 лошадей, отправленныхъ имъ на засѣки къ Ив. Вельяминову 12/IV. Остальныхъ дѣловцовъ онъ правилъ на посадскомъ старостѣ и на уѣздныхъ людяхъ. Выслать потребованнаго Вельяминовымъ дьячка Фустовъ отказался, такъ какъ дьячекъ у него на Веневѣ былъ только одинъ. Въ Разрядѣ одобрили дѣятельность Фустова, а черезъ него похвалили за быструю высылку дѣловцовъ посадскихъ и уѣздныхъ людей и велѣли добирать недобранное[4]). Но въ сборъ вмѣшался устраивавшій Веркушскую засѣку Ив. Вельяминовъ и сталъ самъ править на посадѣ 50 человѣкъ, и «посадскіе люди многіе, доносилъ Фустовъ, розбрелись розно отъ его Ивановой налоги». Вельяминовъ, повидимому, все-таки добился своего и довелъ сборъ до конца[5]).

Разрядъ возложилъ на Фустова еще порученіе — мѣстными посадскими и уѣздными людьми починить веневскій острогъ. Фустовъ отвѣчалъ, что подѣлать острогъ и обороняться въ осаду ему не съ кѣмъ, такъ какъ веневичи всѣ у засѣчнаго дѣла, а на В. осталось только 26 человѣкъ пушкарей, которыхъ по грамотѣ изъ Пушкарскаго приказа велѣно отослать къ наряду на Веневскую, Тульскую и Каширскую засѣки въ прибавку къ московскимъ пушкарямъ. Фустовъ говорилъ о трудности своего положенія и просилъ указаній изъ Разряда[6]). Между тѣмъ съ Москвы уже шли напоминанія Фустову о высылкѣ полнаго комплекта дѣловцовъ на засѣки[7]).

---

1) Вл. ст. № 75 лл. 261—262. 2) Вл. ст. № 86 л. 416. 3) Вл. ст. № 85 л. 343. 4) Вл. ст. № 81 лл. 33—34. 5) Вл. ст. № 85 л. 343. 6) Вл. ст. № 85 л. 344. 7) Вл. ст. № 86 лл. 140—141.

Съ В. уѣзда, положеннаго въ 13 четей безъ полуосмины, къ 12/IV Фустовъ собралъ 43 чел. и 9 лош., отправилъ ихъ на засѣку къ Ив. Вельяминову и занялся правежомъ остальныхъ. Въ Разрядѣ къ быстротѣ его дѣйствій отнеслись съ большимъ одобреніемъ: «146 г. апрѣля въ 16 де. Государь, сей отписки слушавъ, указалъ: что собралъ безъ мотчанья, и то добро, а что дворяне и посадскіе и всякихъ чиновъ люди для избавы крестьянской съ живущихъ четей людей для дѣла послали, и то добро, а достальныхъ будетъ собрать да выслать; а тѣмъ, покамѣста засѣка не сдѣлается, быть у засѣки, а какъ сдѣлаютъ, отпустить тотчасъ, часу не державъ» [1]). Къ концу мая Фустовъ собралъ съ уѣзда всего 62 чел. [2]). Между тѣмъ усиленная высылка дѣловцовъ на засѣки лишала Фустова возможности поправить «самыя худыя мѣста» в. острога за отсутствіемъ людей на мѣстѣ. Онъ снова посылалъ за дѣловцами въ уѣздъ. «И уѣздные люди, писалъ Фустовъ, сказали мнѣ, х. т., — противъ прежнево всѣ де у насъ дѣловцы у государева засѣчнова дѣла». Посадскіе люди были отправлены на работы почти поголовно, и «острогу подѣлать, жаловался воевода, и осадить въ приходное время некимъ», такъ какъ и 26 чел. в. пушкарей уже давно были разосланы по засѣкамъ въ прибавку къ московскимъ пушкарямъ, а веневскіе казаки были въ разсылкѣ на вѣстяхъ въ станицахъ [3]). Между тѣмъ съ Тулы продолжали упорно требовать, чтобы онъ добралъ полный комплектъ дѣловцовъ [4]). Не могъ Фустовъ исполнить и другого настойчиво къ нему предъявленнаго требованія — выслать на Кортосеневскую засѣку дьячка для письма изъ двухъ в. подьячихъ, объяснялъ воевода, одинъ сидѣлъ въ съѣзжей избѣ, а другой «посадскій дьячекъ» былъ отправленъ на засѣкикъ Княжимъ воротамъ, — «а окромѣя тѣхъ, писалъ Фустовъ, на Веневѣ дьячковъ иныхъ церковныхъ и земскихъ нѣтъ» [5]).

Епифань. Грамоту о сборѣ дѣловцовъ на Веркушскую засѣку Ив. Писаревъ получилъ въ Е. 6/IV. Е. посадъ и уѣздъ были положены въ 1 четверть съ полуосминой. 9/IV Писаревъ отправилъ затребованное количество: 7 человѣкъ и 2 лошади. Въ Разрядѣ на его отпискѣ положили удовлетворенную разолюцію: «Отписать: чтена, то вѣдомо» [6]).

Тула. Грамоту изъ Разряда о сборѣ дѣловцовъ т. воевода Ив. Ив. Замыцкій получилъ 4/IV [7]). Т. посадъ и уѣздъ были положены въ 171 четверть безъ четверика и съ полполчетверикомъ, съ которыхъ слѣдовало взять 855 чел. и 171 лош. Изъ нихъ 276 чел. и 55 лош. должны были быть отпра-

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 33—34; Прик. ст. № 97 лл. 87—88. [2]) Вл. ст. № 85 л. 343. [3]) Вл. ст. № 85 л. 344. [4]) Вл. ст. № 86 лл. 140—141^{b}. [5]) Вл. ст. № 76 л. 113. [6]) Вл. ст. № 81 л. 233 и № 85 лл. 140—144. [7]) Вл. ст. № 81 л. 234.

влены къ кн. Н. Барятинскому къ Орловымъ воротамъ, 277 чел. и 55 лош.— къ Малиновымъ воротамъ къ Семену Волынскому, а 303 чел. и 61 лош.— къ кн. Вас. Болховскому къ Щегловскимъ воротамъ. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, сборъ этотъ велѣно было произвести «дни въ три или четыре», и ^{15}/IV Разрядъ уже шлетъ Замыцкому циркулярную грамоту объ ускореніи сбора съ приказаніемъ принять мѣры понужденія[1]). Около ^{20}/IV Замыцкій писалъ въ Разрядъ, что, несмотря на правежъ, посадскіе и уѣздные люди дѣловцовъ больше «не даютъ»[2]). ^{25}/IV Разрядъ отвѣчалъ Замыцкому выговоромъ, увѣдомивъ о сдѣланномъ Замыцкому внушеніи тѣхъ засѣчныхъ воеводъ, къ которымъ онъ долженъ былъ послать дѣловцовъ, и которые на него за эту недосылку жаловались[3]). Съ Т. посада къ началу мая Замыцкій собралъ для Барятинскаго 100 чел. и 20 лош., столько же съ Т. уѣзда да съ вотчинъ Веневскаго монастыря 45 чел. и 9 лош., всего 245 чел. и 49 лош.; оставалось добрать съ посада 31 чел. и 6 лош. Къ Малиновымъ воротамъ къ Волынскому онъ послалъ съ Т. уѣзда 230 чел. и 45 лош., оставалось добрать съ посада 46 чел. и 6 лош. Къ Щегловской засѣкѣ къ кн. Болховскому отослано было съ Т. уѣзда 154 чел. и 32 лош., да съ вотчинъ Веневскаго монастыря 70 чел. и 14 лош., да съ посада 60 чел. и 12 лош., всего—284 чел. и 58 лош.; оставалось добрать съ посада 13 чел., а съ уѣзда 6 чел., — «и съ уѣзду, писалъ Замыцкій, взять не на комъ, — пустой». Всего онъ собралъ съ посада и уѣзда 759 чел. и 152 лош., не добравъ съ посада 90 чел., а съ уѣзда 6 чел. да 19 лош.[4]). Напоминанія и выговоры Замыцкому изъ Разряда продолжались и въ маѣ[5]). Но силы населенія, повидимому, были исчерпаны, и выговоры не могли поднять ихъ. Уже въ отпискѣ, полученной на Москвѣ ^{24}/IV, Замыцкій жаловался: «...досталныхъ дѣловцевъ посадскіе и уѣздные люди, дворяня и дѣти боярскія, не даютъ, твоего г. указу не слушаютъ, и стоятъ люди ихъ и крестьяне на правежѣ, а съ правежу, г., ихъ на ночь мечу въ тюрьму. А иные, г., туленя, дворяня и дѣти боярскія, бѣгаютъ, дѣловцовъ со своихъ вотчинъ и помѣстій не даютъ, что у нихъ помѣстья и вотчины пусты»[6]). Въ двадцатыхъ числахъ іюня Замыцкій писалъ на Крапивенскія засѣки къ И. П. Шереметеву, что «многіе нѣтчики съ женами и съ дѣтьми съ Тулы, пометавъ свои дворы, розбѣжались»[7]). Дѣловцы, уже отправленные на засѣки, бросали свои участки и разбѣгались съ черты. Такъ,

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 11—12, 167—171^{b}. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 240—243. [3]) Вл. ст. № 81 лл. 83—84. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 337—340; № 81 лл. 240—243. [5]) Вл. ст. № 81 лл. 11—12, 167—171; № 81 лл. 83—84. [6]) Вл. ст. № 81 лл. 240—243. [7]) Вл. ст. № 75 лл. 282—284.

тульскіе дѣловцы разбѣжались отъ Орловыхъ воротъ: побѣжали 193 чел. съ 50 лош., а осталось только 83 чел. и 6 лош. Между тѣмъ засѣчные воеводы жаловались Черкасскому на то, что Замыцкій не высылаетъ разбѣжавшихся дѣловцовъ обратно къ нимъ на работы[1]).

Дѣдиловъ. Д. посадъ долженъ былъ выслать дѣловцовъ на тульскую Щегловскую засѣку. Грамоту изъ Разряда «о засѣчномъ дѣлѣ и лошадехъ» д. воевода Юрій Офросимовъ получилъ 7/IV. На Д. посадѣ управлявшая имъ Костромская четь насчитала 7 дворовъ, а Разрядъ оцѣнивалъ податныя силы Д. посада въ 17 четвертей безъ полполтретника и безъ получетверика и потребовалъ съ Д. посада 85 чел. и 17 лош. Фантастическое требованіе Разряда, предъявленное къ 7 злополучнымъ дѣдиловцамъ, было ими заблаговременно предупреждено: 15/V новый воевода Истома Сухотинъ, смѣнившій Офросимова 13/IV, доносилъ Разряду, что «на Дѣдиловѣ посадскихъ людей нѣту ни одного человѣка»[2]). Разрядъ, не внимая этому объясненію, обратился къ Сухотину съ выговоромъ — «знатно, что ты тѣхъ дѣловцовъ не выслалъ по посуломъ», присоединяя къ этому обычныя въ такихъ случаяхъ угрозы и понужденія[3]).

Въ Д. уѣздѣ по платежнымъ книгамъ насчитывалось 6 четвертей съ получетверикомъ. По такому расчету Офросимовъ и выслалъ 11/IV на Щегловскую засѣку 30 дѣловцовъ. Въ Разрядѣ этимъ, какъ будто, удовлетворились, и на его отпискѣ была положена резолюція: «Отписать: что собралъ, то добро»[4]). Но результатами его сбора не были довольны на Тулѣ. Въ маѣ Черкасскій шлетъ преемнику Офросимова Сухотину выговоръ за неполную присылку дѣловцовъ съ Д. уѣзда, упрекая одинаково и его предшественника и его самого — «знатно, что ты тѣхъ посошныхъ людей дѣловцовъ не выслалъ по посуломъ», — и сопровождая этотъ выговоръ обычными угрозами. Въ отпискѣ, отправленной на Тулу съ Д. въ концѣ мая Сухотинъ повторялъ то же, что писалъ и въ Разрядъ: «дѣдиловскихъ посадскихъ людей на Дѣдиловѣ нѣту ни одного человѣка тому двадцатый годъ, и о томъ, государи, къ государю къ Москвѣ Юрья Офросимовъ писалъ не одиножды». На Тулѣ вняли, наконецъ, его объясненіямъ. На отпискѣ Сухотина была положена помѣта: «Отписать ко князю Василью (т.-е. Болховскому, воеводѣ Щегловской засѣки): болши тово взять не съ ково. И о томъ (зачеркнуто: ему) писать къ государю»[5]).

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 282—284. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 1, 18. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 123—124. [4]) Вл. ст. № 81 лл. 18—19. [5]) Вл. ст. № 86 л. 317.

Алексинъ. А. посадъ и уѣздъ обслуживали Кортосеневскую засѣку. Съ А. посада положеннаго въ 8 четей безъ полутретника, потребовали 39 человѣкъ дѣловцовъ и 8 «мериновъ», но воевода Аѳанасій Заболотскій засталъ въ А. посадѣ только 3 человѣкъ. Воевода принялся править на нихъ назначенное количество дѣловцовъ и лошадей, сообщая Разряду, что онъ алексинцевъ «въ день бьетъ, а на ночь велитъ метать въ тюрьму». Заболотскій просилъ указаній, какъ ему поступать дальше, — съ Тулы отвѣчали приказаніемъ «править нещадно»[1]). Результаты этого правежа не видны, едва ли они могли быть особенно удовлетворительны.

Съ уѣзда $^{17}/_{IV}$ Аѳ. Заболотскій отправилъ на засѣку 78 дѣловцовъ и 20 лошадей, $^{26}/_{IV}$ — 165 чел. и 31 лош., а $^{7}/_{V}$ — 3 чел. 1 лош. Прямо «на станъ» изъ этого количества къ засѣчнымъ воеводамъ явилось 12 дѣловцовъ — крестьяне Зыбина, Арсеньева, Михнева, Ивашкина и Бѣгичева. Въ итогѣ съ 52 четв. уѣзда «не дошло» 3 чел., которыхъ слѣдовало взять съ Михневыхъ[2]).

Крапивна. $^{11}/_{IV}$ к. воевода Яковъ Толбузинъ получилъ приказаніе изъ Разряда собрать дѣловцовъ съ К. посада по расчету съ 4 четей съ осминою и съ четверикомъ, а съ Соловскаго уѣзда съ 53 четвертей и полполтретника. Толбузинъ же долженъ былъ передать соотвѣтствующія грамоты въ Алексинъ и Одоевъ[3]). Толбузинъ отвѣчалъ, что «на Крапивнѣ посадскихъ тегловыхъ людей нѣтъ ни однова человѣка»[4]). «Посадскія чети, писалъ онъ, послѣ писцовъ всѣ запустѣли»[5]). Вопросъ о сборѣ съ К. посада въ перепискѣ между Толбузинымъ, Разрядомъ и кн. Черкасскимъ этимъ, кажется, и былъ исчерпанъ.

Съ Соловскаго уѣзда Разрядъ потребовалъ 265 дѣловцовъ и 53 лошади, изъ которыхъ слѣдовало отправить 227 чел. и 45 лош. на Кортосеневскую, а 38 чел. и 8 лош. на Щегловскую засѣки. Въ отпискѣ, полученной Разрядомъ $^{22}/_{IV}$, Толбузинъ доносилъ, что «на Крапивнѣ (въ уѣздѣ) по писцовымъ книгамъ всево 44 чети съ осминою». 38 чел. на Щегловскую засѣку онъ собралъ и отправилъ еще $^{14}/_{IV}$, но на Кортосеневскую засѣку могъ всего отправить только 47 чел., такъ какъ на посадѣ въ Крапивнѣ тяглыхъ посадскихъ людей не оказалось «ни одново человѣка». «Соловляне, дворяне и дѣти боярскіе, и туленя, дворяне и дѣти боярскіе, которые испомѣщены въ Соловскомъ уѣздѣ, писалъ Толбузинъ, болши тово ему уѣздныхъ людей дѣловцовъ не дали».

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 114—115; № 86 л. 214; Прик. ст. № 97 лл. 82—83. [2]) Вл. ст. № 86 л. 214; № 75 лл. 114—115; № 86 лл. 132—133. [3]) Вл. ст. № 81 л. 2. [4]) Вл. ст. № 81 л. 109. [5]) Вл. ст. № 86 л. 318.

Толбузину предписано было, кромѣ высылки дѣловцовъ на Тульскія засѣки, «покрѣпить» крапивенскій острогъ, «которые худые нужные мѣста», тайникъ вычистить и колодезь сдѣлать. Но «уѣздные люди, писалъ Толбузинъ, лѣсъ вывезли, а острогу крѣпить и тайника чистить не стали, а сказали ему: нашей де мочи нѣтъ, что нашимъ крестьянамъ дѣлать надвоя». «И за тѣмъ твое г. дѣло острожное, прибавлялъ воевода, стало, а къ Потетинскимъ воротамъ къ засѣкѣ дѣловцовъ сполна не дали, непослушанье ихъ большое». Къ своей отпискѣ Толбузинъ прилагалъ и челобитье служилыхъ людей о неиманіи съ нихъ дѣловцовъ[1]). ²²/IV Разрядъ отвѣчалъ ему обширнымъ наставленіемъ и предложеніемъ принять репрессивныя мѣры, — по образцу цитированной грамоты отъ ⁹/IV на Коломну[2]). Но въ началѣ мая Толбузинъ опять жалуется на неповиновеніе соловлянъ[3]). Между тѣмъ на Тулѣ Толбузинымъ были недовольны за его медлительность. ²³/V Черкасскій писалъ ему «з государевою опалою», упрекая его въ недосылкѣ 94 чел. и 18 лош. Толбузинъ соглашался, что онъ, дѣйствительно, выслалъ не полный комплектъ дѣловцовъ (38 чел. и 8 лош. на Щегловскую засѣку и 177 чел. на Кортосеневскую), но увѣрялъ, что «болши тово дѣловцовъ взять не съ ково», такъ какъ на Крапивнѣ, по новымъ писцовымъ книгамъ, указаннаго количества четей нѣтъ, и «для справы» отправилъ на Тулу прежнія книги за дьячьею приписью. Толбузинъ писалъ далѣе, что «по тѣмъ же книгамъ, запустѣла въ Соловскомъ уѣздѣ отъ татарскіе войны стряпчева Ѳедора Полибина полтора четверика и полполтретника, да тулянъ Сидора Сухотина полтретника, да Ларки Лечѣева полтретника жъ, и тѣ жеребьи пусты, людей и крестьянъ нѣтъ, доправить дѣловцовъ не на комъ, да Истомы Ивашкина полосмины съ получетверикомъ, и тотъ ево жеребей отданъ салдатомъ, и нынѣ тѣ салдаты на томъ жеребью не живутъ, сыскать ихъ невѣдома гдѣ, людей и крестьянъ нѣтъ, доправить дѣловцовъ не на комъ». Воевода Кортосеневской засѣки Мих. Колтовской, очевидно, не довѣряя добросовѣстности Толбузина, потребовалъ у него роспись съ платежныхъ книгъ. Толбузинъ, въ виду отсутствія указаній на этотъ предметъ въ обращенныхъ къ нему грамотахъ, сдѣлалъ запросъ въ Тулу. Съ Тулы отвѣтили загадочно: «Велѣть послать дѣловцовъ противо книгъ»[4]). Этимъ, повидимому, сборъ съ Крапивны и закончился.

Калуга. К. посадъ и уѣздъ должны были обслуживать устройство трехъ Козельскихъ засѣчныхъ звеньевъ, на которыя съ К. слѣ-

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 107—110. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 111—115. [3]) Вл. ст. № 85 л. 145. [4]) Вл. ст. № 86 лл. 318—319, 132—133, 320 и 320ᵇ.

довало выслать: 189 чел. и 38 лош. на Кцынскую засѣку, 663 чел. и 133 лош. на Дубенскую и 642 чел. и 129 лош. на Столпицкую. К. воевода Илья Аѳанасьевичъ Стрѣшневъ получилъ грамоту о сборѣ дѣловцовъ съ К. посада и уѣзда $^{4}/_{IV}$. Всего онъ долженъ былъ собрать съ 298 четей съ осминой, четверикомъ, полполтретникомъ, полполчетверикомъ и полполполчетверикомъ[1] — 1494 дѣловца и 300 лошадей. Изъ общаго количества четвертей на посадъ приходилось 249 четей съ осминой безъ четверика, съ которыхъ надо было взять 1247 чел. и 250 лош. Это огромное количество Стрѣшневу, какъ и всѣмъ другимъ воеводамъ, велѣно было собрать «дни въ 3 или въ 4». Услыхавъ о такомъ невѣроятномъ требованiи, калужане всѣ поголовно отправились съ челобитьемъ въ Москву[2]). И. Стрѣшневъ сталъ на сторону калужанъ и препроводилъ при своей отпискѣ въ Разрядъ ихъ челобитье, содержавшее въ себѣ перечисленiе всѣхъ ихъ повинностей на 146 г. «...Насъ, сиротъ твоихъ, писали калужане, посадцкихъ людишекъ, по писцовымъ книгамъ 171 дворъ, и мы, с. т., своими головами готовы, гдѣ ты, г., укажешь, а по твоей г. грамотѣ столко людей и лошедей взять намъ негдѣ: мочи нашей нѣтъ. Да съ насъ же, с. т., взято въ даточныхъ людей 342 рубли; да въ нынѣшнемъ во 146-мъ году на насъ же, с. т., на Яблоново взято 13 подводъ подъ колужскихъ стрѣлцовъ съ санми и съ хомуты; да въ нынѣшнемъ же, г., году на насъ же, с. т., взято въ Ямской приказъ 166 рублевъ 15 алтынъ 4 денги; да въ Володимерскую четверть годовово оброку 63 рубли 20 алтынъ 4 денги; да на нынѣшней же, г., годъ въ Стрѣлецкой приказъ правятъ 120 четвертей ржи и овса. Милосердый государь, кончали калужане, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, не вели, г., въ тѣхъ людѣхъ въ 1247 человѣкъ да въ лошадяхъ въ 250 на правежѣ замучить, чтобъ намъ, с. т., вконецъ не погинуть». Въ препроводительной отпискѣ Стрѣшневъ сообщалъ, что к. посадскаго старосту Ивашку Михайлова и всѣхъ к. посадскихъ людей онъ въ съѣзжую избу къ себѣ призывалъ и «государеву грамоту о посошныхъ людѣхъ и о подводахъ имъ челъ». «И всѣ колужскiе посадцкiе люди, писалъ Стрѣшневъ, выслушавъ твою г. грамоту о посошныхъ людѣхъ и о подводахъ, сказали мнѣ, х. т.: хотя де, г., на правежѣ замучитца, и нашей де мочи столко не будетъ, что въ Козельскiе засѣки противъ твоей г. грамоты посошныхъ людей и подводъ не собрати, и о томъ де пошли мы бити челомъ къ тебѣ, г., къ Москвѣ». «...Посадцкаго старосту, Ивашку

---

1) Т.-е. съ $298\frac{89}{96}$ четвертей. 2) Вл. ст. № 81 лл. 182—185, 215. По выкладкѣ, сдѣланной въ Разрядѣ, К. посадъ и уѣздъ были положены только въ 252 чети съ третникомъ и полъ 2 четверика. Прик. ст. № 97 лл. 103—104.

Михайлова, я, х. т., розпрашивалъ, продолжалъ воевода: для вычево всѣ посадцкіе люди изъ Колуги розбѣжались и, выслушавъ твоей г. грамоты, посошныхъ людей и подводъ не сбираете, ково мнѣ дати дворяномъ на засѣки. И посадцкой, г., староста мнѣ, х. т., сказалъ: мнѣ де, г., съ ково собрать посошные люди и подводы? Всего де насъ въ посадѣ было 200 человѣкъ и со вдовами посадцкихъ людей, а нынѣ де, слыша твою г. грамоту, всѣ пошли къ тебѣ, г., къ Москвѣ бити челомъ. А мнѣ де, г., одному и гдѣ тѣ люди и лошади взять, а на правежъ де я готовъ!» Отписка Стрѣшнева вызвала въ Разрядѣ неудовольствіе, — на ней положена помѣта: «146 г. апрѣля въ 10 день. Государь указалъ послать его г. указъ противъ коломенской грамоты; а что писалъ, что пошли челобитчики, и тебѣ о томъ печаловатца для посулу». Грамота, разработанная 11/IV изъ этой помѣты, грозила И. Стрѣшневу обычными скорпіонами — опалой, разореньемъ и «ссылкой безо всякой пощады»[1]).

Между тѣмъ въ отпискѣ отъ 15/IV, полученной слѣдомъ за отправленіемъ цитированной грамоты изъ Разряда и, вѣроятно, скрестившейся съ отвѣтомъ изъ Москвы, И. Стрѣшневъ доносилъ, что къ 9/IV разбѣжались и остальные калужане. «И апрѣля, г., въ 9 день, писалъ Стрѣшневъ, посылалъ я, х. т., изъ съѣзжей избы въ Колугѣ на посадъ, а велѣлъ призвати къ съѣзжей избѣ старосту и остаточныхъ посадцкихъ людей. И посадцкіе, г., люди и посадцкой староста Ивашка Михайловъ изъ Колуги сбѣжали со всѣми остаточными людми, а сказали, г., про нихъ колужскіе пушкари, что де староста посадцкой и съ достолными людми пошли къ тебѣ, г., къ Москвѣ, а въ Колугѣ, г., посадцкихъ людей не остался никаковъ человѣкъ, толко, г., жены ихъ да дѣти, а Колугу, г., покинули, и по твоимъ г. грамотамъ къ Козелскимъ засѣкамъ посошныхъ людей и лошедей сбирати не съ ково...» Въ Разрядѣ положили на отпискѣ Стрѣшнева такую резолюцію: «...съ колужанъ съ посадцкихъ людей собрать, что есть, съ дворовъ и послать тотчасъ, а достолныхъ сбирать и высылать тотчасъ»[2]). Разрядъ начиналъ сдаваться, и тяжесть рѣшенія перелагалась этимъ указаніемъ на мѣстную власть, но что же могъ подѣлать Стрѣшневъ, если Калуга разбѣжалась вся безъ остатка до послѣдняго человѣка, и доправить дѣловцовъ при всемъ желаніи было не на комъ? На отпискѣ И. Стрѣшнева, повторительно доносившей о разбѣгѣ, помѣты нѣтъ: очевидно, въ Разрядѣ примирились съ неизбѣжнымъ[3]). До 4/V Стрѣшневъ съ посада такъ ничего и не собралъ[4]), хотя Разрядъ, снова почему-то усомнившись

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 182—198. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 199—206. [3]) Вл. ст. № 81 лл. 261—263. [4]) Вл. ст. № 85 лл. 30—31.

въ добросовѣстности воеводы, слалъ ему грозныя грамоты, обвиняя его въ укрывательствѣ калужскихъ посадскихъ людей[1]). Только къ $^{10}/\text{v}$ Стрѣшневу удалось отправить на засѣки 50 калужанъ, вернувшихся во-свояси, и съ ними 10 лошадей[2]). Стрѣшневъ слагалъ вину на калужанъ. «А иныхъ, писалъ онъ, колужскихъ посадцкихъ людей доправить было не на комъ: колужскіе посадцкіе люди въ Колугу съ Москвы не бывали. И то, г., дѣлаетца не моею, х. т., оплошкою, ихъ колужскихъ посадцкихъ людей аплошкою и непослушаньемъ: въ Колугѣ, г., не живутъ, съ Москвы въ Колугу не ѣдутъ, а ко мнѣ, х. т., въ съѣзжею избу не идутъ». Въ Разрядѣ помѣтили: «Г. указалъ послать: будетъ мошна взяти, съ посадцкихъ людей взять, что доведетца». Въ то же время съ Тулы къ безсильному воеводѣ шелъ выговоръ за выговоромъ[3]). Только $^{26}/\text{v}$ Стрѣшневу удалось послать съ Калуги еще 30 дѣловцовъ и съ ними 6 лошадей. Стрѣшневъ попрежнему продолжалъ жаловаться на калужанъ: «А то, г., писалъ онъ, дѣлаетца не моимъ нерадѣньемъ къ тебѣ, г., то дѣлаетца непослушаньемъ посадцкихъ людей, а не моею оплошкою: меня, х. т., ни въ чемъ не слушаютъ, хоронятца, ко мнѣ, х. т., въ съѣзжую избу не идутъ, и отъ ихъ непослушанья — какъ ты, г., мнѣ, х. с., укажешь», запрашивалъ воевода. Въ Разрядѣ, наконецъ, вполнѣ признали справедливость донесеній И. Стрѣшнева: на отпискѣ его отъ $^{26}/\text{v}$, полученной въ Москвѣ $^{30}/\text{v}$, стоитъ лаконическая резолюція: «Отписать: то вѣдомо»[4]). На Тулѣ, однако, и въ іюнѣ все еще продолжали сомнѣваться въ добросовѣстности Стрѣшнева, и выговоры оттуда преслѣдовали его[5]). Не видно, чтобы эти обильныя понуканія имѣли какія-либо дальнѣйшія практическія послѣдствія[6]).

На К. уѣздъ приходилось 49 четв. съ осминою $+\frac{1}{12}+\frac{1}{16}+\frac{1}{32}$ четверти, и съ уѣзда слѣдовало взять 247 чел. и 50 лош. Стрѣшневъ послалъ объявить въ уѣздѣ объ этомъ требованіи, но до $^{8}/\text{IV}$ изъ уѣзда никто къ нему не явился[7]). Изъ Разряда слали Стрѣшневу выгово-

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 60—62. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 160—161. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 69—71. [4]) Вл. ст. № 85 лл. 360—361. [5]) Вл. ст. № 76 л. 409. [6]) Въ 1639 г. съ К. посада потребовали опять дѣловцовъ на дополнительныя работы на засѣкахъ въ количествѣ 30 чел. и 8 лош. Въ отвѣтъ на это распоряженіе калужане били челомъ о привлеченіи къ засѣчному дѣлу дворниковъ, торгующихъ всякими торговыми промыслами и сидящихъ въ лавкахъ. «...А иные, писали калужане, кабаки и тамгу откупаютъ, а твоихъ г. податей не тянутъ съ нами и засѣки съ нами не дѣлали; и прежъ, г., сего пятинныя деньги платили и городовыя подѣлки дѣлали съ своихъ съ торговыхъ промысловъ, и мы передъ ними вконецъ погибаемъ отъ твоихъ, г., податей и отъ засѣчнаго дѣла». $^{17}/\text{v}$ 1639 г. было сдѣлано распоряженіе привлечь дворниковъ къ отбыванію засѣчнаго дѣла. Любопытно, что въ 1638 г. калужане какъ будто до дворниковъ не добрались. А. М. И. Д., П. д. с. л. 1639 № 14 лл. 115—117. Ср. А. М. Г., II, № 169. [7]) Вл. ст. № 81 лл. 182—185.

ры и за промедленіе со сборомъ съ уѣзда и требовали скорѣйшаго сбора[1]). «Дворяне и дѣти боярскіе калужане и всякихъ чиновъ люди со всего К. уѣзда пріѣхали въ К. апрѣля въ 11 день, писалъ Стрѣшневъ, пришли въ съѣзжую избу и, выслушавъ г. грамоту, отказали: твою де г. грамоту мы слышали, а на Козелскіе де засѣки посошныхъ людей и лошедей дати намъ нековно, о томъ де послали бить челомъ тебѣ, г., къ Москвѣ, а править де тебѣ (т.-е. Стрѣшневу) на себѣ и на крестьянѣхъ посошныхъ людей и лошадей до твоего г. указа не дадимъ». Воевода просилъ указаній изъ Разряда. Калужскихъ дѣтей боярскихъ и пушкарей, которые находились въ его распоряженіи, онъ отослалъ на Козельскія засѣки къ кн. Д. Горчакову и кн. Н. Бѣлосельскому[2]). Слѣдомъ за тѣмъ $^{19}/_{IV}$ Стрѣшневъ препроводилъ въ Разрядъ и челобитье калужанъ дѣтей боярскихъ, «розореныхъ и пустопомѣстныхъ», бившихъ челомъ всѣмъ городомъ. Они жаловались на пустоту и разоренье отъ крымской войны, отъ литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ, отъ казаковъ, указывая: «за иными, г., за нашею братьею нѣтъ ни одново бобыля, а въ иныхъ, г., городѣхъ намъ, х. т., противъ тово раззоренья нигдѣ не дано ни одной четверти», и просили сборъ положить на нихъ «въ силу». Резолюція Разряда была загадочна: «146 г. апрѣля въ 19 день. Отписать: что соберетъ, отсылать, а досталныхъ имать и отсылать, гдѣ кому указано»[3]). Къ началу мая Стрѣшневу удалось, наконецъ, собрать дѣловцовъ съ уѣзда: 187 чел. и 38 лош. онъ послалъ на Кцынскую засѣку, а 30 чел. «съ лошедьми» на Дубенскую.

Воротынскъ. В. посадъ и уѣздъ были положены «въ 54 четверти съ третникомъ и съ полтретника и съ полполчетверика и съ полполполчетверика», т.-е. въ $54^{19}/_{32}$ четверти. Разверстка повинности между посадомъ и уѣздомъ была предоставлена воеводѣ Кузьмѣ Безобразову. Безобразовъ долженъ былъ выслать на Лихвинскія засѣки 272 дѣловца и 54 лошади: 94 чел. и 19 лош. — на Слободецкую засѣку къ Н. Карамышеву, а 178 чел. и 35 лош. — на Боровенскую засѣку къ Кл. Хрущову. Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ $^{18}/_{IV}$, Безобразовъ писалъ, что въ В. уѣздѣ по книгамъ значится полсемы четверти, и на уѣздъ падаетъ только «тридцать полтретья человѣка да полсемы лошади». На посадъ, слѣдовательно, приходилось $48\frac{3}{32}$ чети, съ которыхъ надо было взять, по расчету Безобразова, «двѣсти тридцать полдесята человѣка». Безобразовъ сообщалъ, что посадскіе люди платили оброкъ въ Воло-

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 186—198. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 199—204. [3]) Вл. ст. № 81 лл. 202—206.

димірской четверти, а посадскихъ платежныхъ книгъ у него нѣтъ. Исполняя приказаніе, писалъ Безобразовъ, онъ предъявилъ воротынцамъ непосильное требованіе: «посадскихъ людей старосту съ товарищи по твоему г. указу бью въ день на правежѣ болшимъ правежомъ нещадно, а на ночь сажаю въ избу за турмы мѣсто, а тюрмы, г., въ Воротынскѣ нѣтъ»[1])...

Между тѣмъ засѣчные воеводы жаловались на медлительность Безобразова. Такъ, Никита Карамышевъ писалъ со своей Слободецкой засѣки, что до ^{27}/IV Кузьма не прислалъ къ нему ни одного человѣка[2]). Почти одновременно съ жалобами Карамышева была получена на Тулѣ и отписка самого Безобразова, въ которой онъ доносилъ, что, наконецъ, доправилъ съ посада съ 10 дворовъ 5 чел. да 1 лош. «А платили, г., онѣ, посадскіе люди, денги ратнымъ людемъ на жалованье съ 10 дворовъ, сообщалъ воевода, а книгъ у меня посадскихъ четвертныхъ нѣтъ, съ уѣздными людьми они въ платежныхъ книгахъ не написаны, платятъ онѣ оброкъ въ Володимерскую четь по вся годы». Собранныхъ дѣловцовъ Безобразовъ отправилъ на Боровенскую засѣку къ Клементью Хрущову[3]).

Въ отвѣтъ на представленія Безобразова, относившіяся къ первымъ числамъ апрѣля, ^{16}/IV Разрядъ отвѣчалъ энергичнымъ выговоромъ и угрозами на тотъ случай, если воевода «впредь на ослушниковъ учнетъ писати (т.-е. жаловаться въ Разрядъ) и отъ того учнетъ имать посулы или кормы». Разрядъ грозилъ ему за промедленіе опалой, разореньемъ и ссылкой безо всякой пощады[4]). На Тулѣ также плохо внимали воеводскимъ объясненіямъ, и кн. Черкасскій продолжалъ требовать на засѣки в. дѣловцовъ, угрожая взысканіемъ за неисправность ихъ явки самому Безобразову. На отпискѣ Карамышева, полученной на Тулѣ ^{17}/V, была положена такая резолюція: «А въ Воротынскъ къ воеводѣ отписать съ осудомъ, что съ Лихвина высланы сполна (?!), и г. дѣлу учинено тѣми дѣловцы поспѣшенье, а его дуростью учинена мѣшкота (въ апрѣлѣ на Слободецкой засѣкѣ сдѣлано было, дѣйствительно, мало), что онъ не выслалъ для своей бездѣльной корысти»[5]).

Плохо шелъ сборъ и съ В. уѣзда. По вызову Безобразова дворяне изъ уѣзда пріѣзжали, государеву грамоту слушали, — «а дѣловцовъ, жаловался воевода, ко мнѣ, х. т., не присылаютъ, стали въ непослушаньи». Между тѣмъ послать въ уѣздъ воеводѣ было некого, такъ какъ

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 116—118. [2]) Вл. ст. № 75 л. 90. [3]) Вл. ст. № 85 л. 341 и № 86 л. 72. [4]) Вл. ст. № 81 лл. 36—42. [5]) Вл. ст. № 86 лл. 80—82, 72—73.

единственный бывшій въ его распоряженіи разсыльщикъ былъ имъ приставленъ для правежа къ посадскимъ людямъ[1]). Къ концу мая Безобразову удалось, все-таки, собрать съ уѣзда 30 человѣкъ, которыхъ онъ отослалъ на засѣку къ Клементію Хрущову. Несмотря на выговоры и напоминанія съ Тулы, сборъ съ уѣзда у Безобразова, повидимому, дальше такъ и не пошелъ[2]).

Перемышль. Грамоту о сборѣ дѣловцовъ п. воевода Яковъ Стрѣшневъ получилъ 4/IV[3]). Данными о сборѣ дѣловцовъ съ посада не располагаемъ. Стрѣшневъ долженъ былъ мѣстными силами укрѣпить П., а съ уѣзда взять съ 11 четей съ осминою и съ половины получетверика 57 дѣловцовъ и 11 лош. 16 и 17 апрѣля воевода отослалъ на Боровенскую засѣку 6 чел. и 1 лош., а на Уляжскую засѣку 50 чел. и 10 лош., —«а одново человѣка, писалъ воевода, нѣтъ, взять не съ ково». Роспись «посошнымъ людямъ и пустымъ землямъ» онъ представилъ въ Разрядъ[4]).

Лихвинъ. Л. посадъ и уѣздъ были положены въ 36 четей съ осминой и должны были выставить 182 чел. и 36 лош. Л. дѣловцы должны были явиться на Слободецкую засѣку. По 19/IV л. воевода Маркъ Давыдовъ прислалъ на засѣку 120 чел. и 30 лош. Неполная высылка л. дѣловцовъ побудила воеводу Слободецкой засѣки вмѣшаться въ дѣло сбора и послать въ Л. уѣздъ дѣтей боярскихъ «для подымовныхъ людей смѣты». На Тулѣ, очевидно, не вникли хорошенько въ отписки Давыдова и Карамышева или сознательно слукавили и замѣшкавшемуся со сборомъ воротынскому воеводѣ Безобразову отправили выговоръ, въ которомъ неважный лихвинскій сборъ ставился ему въ примѣръ[5]).

Одоевъ. Еще 9/III и 25/III по грамотѣ изъ Пушкарскаго приказа за приписью дьяка Саввы Самсонова велѣно было «городъ Одоевъ самые нужныя худыя мѣста и тайникъ подѣлать тутошними посадскими и уѣздными всякими людьми, вскорѣ, не замотчавъ, безъ чево быть немочно»... Кромѣ того, съ посада и уѣзда велѣно было взять дѣловцовъ по расчету съ 70 четей безъ четверика (посадъ былъ положенъ въ 53 чети безъ четверика, а уѣздъ въ 17 четвертей) — 350 чел. и 70 лош. на Снецкую засѣку, при чемъ воеводѣ, Ѳедору Даниловичу Павлову, сразу дана была инструкція «доправить (дѣловцовъ) большимъ правежомъ безо всякой пощады». Въ отпискѣ своей Павловъ жаловался на то, что ему не указано, какъ собирать, — по новымъ или по старымъ книгамъ. Въ О. на по-

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 116—118, 36—42b, № 75 л. 90. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 80—82. [3]) Вл. ст. № 81 л. 216. [4]) Вл. ст. № 81 лл. 254—260. [5]) Вл. ст. № 85 л. 181, № 86 л. 72; Прик. ст. № 97 лл. 72—73.

садѣ, сообщалъ онъ, посадскихъ людей всего 4 человѣка, —«и тѣ въ твоихъ г. въ ямскихъ и въ оброчныхъ и въ даточныхъ денгахъ стоятъ на правежѣ... а иные, г., писалъ воевода, посадскіе люди всѣ разбѣжались до моего пріѣзду». Павловъ указывалъ, что объ этомъ онъ писалъ «не одножды» и въ Разрядъ, и въ Пушкарскій, и въ Стрѣлецкій приказы, и въ Костромскую четверть, и что тѣми силами, которыми онъ располагалъ, большихъ и сложныхъ укрѣпленій города О. возстановить нельзя[1]). Грамоту о принятіи предосторожностей противъ ожидаемаго набѣга онъ все-таки «велѣлъ честь (очевидно, четверымъ злополучнымъ одоевцамъ) не по одинъ день». Воевода безпокоился относительно того, что «на вѣсти по городомъ, и станицы, и подъѣзды по дорогамъ, и вѣстей про воинскихъ людей провѣдывать посылать неково: дѣтей боярскихъ одоевцовъ, отставленныхъ въ О., нѣтъ ни одного человѣка, да и пушкари и затинщики 17 человѣкъ отосланы на засѣки». Изъ Разряда отвѣчали $^{21}/_{IV}$ требованіемъ принять понудительныя мѣры и обычными угрозами самому воеводѣ[2]). Павлову, какъ и другимъ воеводамъ, приходилось оправдываться на два фронта: угрозы и выговоры шли къ нему съ двухъ сторонъ — изъ Разряда и съ Тулы отъ Черкасскаго. Отвѣчая на одинъ изъ выговоровъ, въ концѣ мая Павловъ сообщалъ, что кромѣ тѣхъ 4 посадскихъ, которыхъ онъ засталъ въ О. посадѣ при своемъ пріѣздѣ, онъ сыскалъ еще четверыхъ, «которые жили, ухоронясь». Всѣхъ восьмерыхъ одоевцевъ онъ выслалъ на засѣку къ Снецкимъ воротамъ въ распоряженіе Захарья Шишкина. «А послѣднихъ, писалъ Павловъ, посадскихъ людей дѣловцовъ доправить не на комъ, а которые есть посадскіе люди въ Одоевѣ, и тѣхъ я по г. указу всѣхъ головами выслалъ къ засѣкѣ къ Захарью Шишкину...»[3]). Павловъ перечислялъ въ своихъ отпискахъ все наличное населеніе О.: «стрѣльцовъ 80 чел., да стрѣлецкихъ дѣтей, и братьи, и сосѣдъ, и подсосѣдниковъ 48 чел., дворниковъ 22 чел., поповыхъ бобылей 13 чел., пушкарскихъ и затинщиковыхъ и оброшниковыхъ дѣтей 17 чел., разсыльщиковъ 8 чел., посадскихъ людей въ черной слободѣ 4 человѣка». Павловъ опять писалъ, что съ этими силами ему никакъ не возстановить разрушившихся укрѣпленій О. «И тѣми, г., людми осады не укрѣпить, потому что около города и городовыхъ башенъ по стѣнѣ по мѣрѣ 275 саженъ да около острогу и острожныхъ башенъ по стѣнѣ 484 сажени съ четью. А острогъ, г., доносилъ Павловъ, весь подгнилъ и во многихъ мѣстахъ выволился, а городъ непокрытъ, и на башняхъ и на

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 59—72. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 69—70. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 354—356.

городѣ верховъ нѣтъ, а по городу мостъ и обломы згнили и обволялись, и тойникъ къ Упѣ рѣкѣ згнилъ и заволился, а воды, г., нѣтъ. А по городу, г., 8 башенъ, изъ города двои ворота, а по острогу, г., 11 башенъ, а изъ острогу трои большіе проѣзжіе ворота да двои водные ворота. И мнѣ, х. т., города, и острогу, и тайника, и честика дѣлать, и рву чистить некимъ...»

Уѣздныхъ дѣловцовъ 85 чел. и 17 лош., 10 чел. дѣтей боярскихъ, 2 пушкарей и затинщиковъ да для письма дьячка Павловъ послалъ на Уляжскую засѣку $^{13}/_{IV}$[1]). На запросъ Павлова о порядкѣ сбора изъ Разряда $^{21}/_{IV}$ отвѣчали приказаніемъ собирать дѣловцовъ «противъ платежныхъ книгъ, какія у него платежныя книги въ Одоевѣ», «тотчасъ, не мѣшкая ни часу...» — «А о тѣхъ людѣхъ, которые въ сошныхъ дѣловцахъ учнутъ отказывать, писали изъ приказа, къ намъ не писавъ, [ты бъ] велѣлъ имать и бить батоги, которые учнутъ отказывать озорничествомъ, и ты бы тѣхъ билъ кнутомъ по торгомъ, чтобъ, на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать, и на ослушникахъ дѣловцовъ править нещадно, а на ночь ослушниковъ сажать въ тюрьму». За неисполнительность Разрядъ по обычаю грозилъ самому воеводѣ великой опалой, большимъ наказаньемъ — «ссылкой безо всякой пощады». Съ Тулы отдано было даже распоряженіе править дѣловцовъ на немъ самомъ. Результатъ этого взысканія не виденъ[2]).

Бѣлевъ. Грамоту о сборѣ дѣловцовъ б. воевода Степанъ Вельяминовъ получилъ $^{12}/_{IV}$. Б. посадъ и уѣздъ были положены въ 232 чети безъ полчетверика. По этому расчету съ Б. посада и уѣзда слѣдовало взять 1160 чел. и 232 лош. на Лихвинскія засѣки къ Уляжскимъ, Семеновскимъ, Полошевскимъ и Снецкимъ воротамъ. Съ посада Вельяминовъ долженъ былъ взять дѣловцовъ по расчету съ 25 четей. Вельяминовъ доносилъ въ Разрядъ, что «посадскіе многіе люди розбѣжались», «остальцовъ» посадскихъ людей онъ сыскалъ только 40 человѣкъ, отправилъ ихъ на засѣки и принялся править остальныхъ дѣловцовъ на посадскомъ старостѣ. Разрядъ отвѣчалъ Вельяминову «съ опалою», а съ Тулы отъ кн. Черкасскаго шли одни и тѣ же однообразныя требованія править «безо всякой пощады». Не видно, чтобы эти угрозы и усердіе воеводы помогли ему собрать разбѣжавшихся бѣлевцевъ. Сборъ дѣловцовъ съ посада въ 146 году, повидимому, ограничился присылкой этихъ 40 человѣкъ[3]).

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 59—72, 64. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 69—70 и № 86 лл. 354—355, 356. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 106—108, ср. № 86 лл. 86—89; № 76 лл. 346—354; № 75 лл. 266, 113, 222—223, 107—108, 175—178; № 86 лл. 99—100.

Для сбора дѣловцовъ съ уѣзда С. Вельяминовъ разослалъ «многихъ приставовъ—пушкарей, затинщиковъ, разсыльщиковъ, стрѣльцовъ и казаковъ, «для поспѣшенья» расписавъ уѣздъ между разными приставами. Однако, собрать затребованное количество дѣловцовъ было трудно съ посада и оказалось еще труднѣе съ уѣзда. Вельяминовъ писалъ, что «живущіе чети написаны розныхъ городовъ помѣщиковъ», —«и никакова жильца нѣтъ, и по прежнимъ твоимъ г. указнымъ грамотамъ ямскихъ денегъ и стрѣлецкова хлѣба взять было не съ кова, и тѣ ямскія деньги и стрѣлецкій хлѣбъ за тѣ пустыя помѣстья платили сошные жъ люди». По свѣдѣніямъ, собраннымъ приставами, оказалось, что «въ тѣхъ помѣстьяхъ землю пашутъ г. дворцовые и розныхъ помѣщиковъ крестьяне», а на этихъ крестьянахъ безъ государева указа править дѣловцовъ Вельяминовъ не смѣлъ. Въ другихъ помѣстьяхъ пашня оказалась непаханой, и ею «нихто не владѣетъ». Въ живущемъ въ платежныхъ книгахъ, вопреки расчету Разряда, какъ оказалось, было написано только 8 четей безъ полполчетверика пашни. Многіе дѣти боярскіе, писалъ Вельяминовъ, сказали въ съѣзжей избѣ, «что у нихъ людей и крестьянъ нѣтъ, дѣловцовъ къ засѣкѣ послать неково», а самимъ имъ велѣно быть на службѣ въ Мценскѣ. Приставъ подтвердилъ, что въ тѣхъ помѣстьяхъ людей и крестьянъ, дѣйствительно, нѣтъ. Править на самихъ дѣтяхъ боярскихъ воевода затруднялся, такъ какъ бѣлевцы должны были быть высланы на службу, и задержать ихъ на правежѣ онъ не смѣлъ. Вельяминовъ просилъ въ Разрядѣ указаній. Разрядъ отвѣчалъ на отписку стереотипно: «Писано въ Бѣлевъ къ Степану съ опалою противъ иныхъ грамотъ — велѣно иныхъ дѣловцовъ досылать на засѣки тотчасъ»[1]). Вельяминовъ продолжалъ, между тѣмъ, высылать дѣловцовъ небольшими партіями къ Полошевскимъ и Семеновскимъ воротамъ[2]). Въ свою очередь и Черкасскій съ Тулы требовалъ отъ Ст. Вельяминова принятія строгихъ мѣръ противъ нѣтчиковъ. На отпискѣ Вельяминова была положена на Тулѣ помѣта: «сыскивая, велѣлъ [бы] бить батоги нещадно и потому жъ отсылать къ засѣкамъ для засѣчнова дѣла, а будетъ которые нѣтчики учнутъ избѣгать или хорониться, и тѣхъ помѣщиковъ велѣть имать прикащиковъ и старостъ и крестьянъ лутчихъ и... велѣть на нихъ нѣтчиковъ править, а на ночь велѣть метать въ тюрьму до тѣхъ мѣстъ, какъ нѣтчики сыщутся». Ст. Вельяминовъ посылалъ за этими нѣтчиками приставовъ, «человѣкъ по 20 и по 30 и болши». Сысканныхъ нѣтчиковъ

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 106—108, также № 76 л. 296 и № 86 лл. 99—100.
[2]) Вл. ст. № 86 лл. 86—89 и № 76 лл. 346—354.

онъ отсылалъ на засѣки тотчасъ. «А у которыхъ дѣтей боярскихъ людей и крестьянъ нѣтъ, живутъ однодворцами, сами тѣ дѣти боярскіе однодворцы на г. службѣ во Мценску, а иныя помѣстья въ платежныхъ книгахъ въ живущемъ чети написаны, а помѣщиковъ и людей и крестьянъ и никакова жильца нѣтъ, дѣловцовъ доправить не на комъ, а пашутъ тѣ пустыя земли сторонніе многіе люди», писалъ воевода. На вопросъ Ст. Вельяминова, какъ ему поступать, съ Тулы отвѣчали: «велѣть на нѣтчикахъ дѣловцовъ править нещадно на всѣхъ безъ выбору и на однодворцахъ, а которые владѣютъ порожжими землями, и съ тѣхъ чети править на тѣхъ, кто владѣетъ землею». Въ качествѣ примѣра и наставленія въ грамотѣ съ Тулы прибавляли: «на Тулѣ однодворцы сами живутъ на службѣ, а дѣловцовъ въ свое мѣсто съ правежу наймуютъ, а отдачи никому противъ платежныхъ книгъ въ дѣловцѣхъ не будетъ»[1]). Между тѣмъ самъ Ст. Вельяминовъ остался въ Бѣлевѣ совершенно безъ людей и жаловался на то, что ему въ случаѣ набѣга «быть не съ кѣмъ»[2]).

Сборъ продолжался, но шелъ туго и встрѣчалъ сопротивленіе со стороны крестьянъ. «Нѣтчики многіе, писалъ Ст. Вельяминовъ, ослушаются, приставомъ чинятся сильны и укрываются по лѣсомъ, а иные нѣтчики приставовъ бьютъ». Бѣлевскіе дѣловцы, посланные на засѣки, отдѣлавъ то, что имъ было указано дѣлать, возвращались обратно и отказывались ѣхать на работы снова, несмотря на требованіе воеводы[3]). Съ засѣкъ шли между тѣмъ на Тулу жалобы на медлительность Ст. Вельяминова. Устраивавшій Семеновскія ворота Андреянъ Рязановъ жаловался, что Ст. Вельяминовъ прислалъ ему дьячка, «невѣдомо какова человѣка, и онъ у него пожилъ недѣли з двѣ и отъ него збѣжалъ»[4]). Жалобы шли и снизу. Такъ, къ Вельяминову явились крестьяне, подвергавшіеся экзекуціи разосланныхъ имъ приставовъ. Придя въ съѣзжую избу, крестьяне заявили, что «тѣ приставы въ той посылкѣ ихъ грабили, денги и рухлядь имали и хлѣбъ молоченой травили лошадьми, а иной разсыпали, а дѣтей ихъ и женъ били». Пристава, конечно, все это отрицали. Вельяминовъ «тѣмъ приставомъ сказалъ, чтобъ имъ съ тѣми крестьяны роздѣлаться, и тѣ приставы съ тѣми крестьяны въ томъ не роздѣлались» —«а суда имъ, заключалъ Вельяминовъ, безъ г. указу въ томъ дать я не смѣю, а безъ суда межъ ими въ томъ дѣлѣ сыскать некѣмъ». Съ Тулы отвѣтили внушеніемъ Вельяминову, положивъ на его отпискѣ такую резолюцію: «Отписать съ осудомъ, что въ воровскомъ дѣлѣ въ

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 107—108. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 111—113. [3]) Вл. ст. № 75 лл. 175—178, 266—267. [4]) Вл. ст. № 75 лл. 280—281.

грабежѣ велишь мириться, и онъ бы сыскивалъ всякими сыски накрѣпко и по сыску за воровство наказанье учинилъ»[1]).

Мещовскъ. Грамоту объ отправкѣ дѣловцовъ на Кцынскую засѣку м. воевода Алексѣй Андреевичъ Комынинъ получилъ ¹⁰/ɪv[2]). Въ грамотѣ было указано взять дѣловцовъ съ М. посада и уѣзда, но потомъ относящееся къ посаду мѣсто грамоты было зачеркнуто, —«и то почерьнена, писалъ воевода, не въ одномъ мѣстѣ». Между тѣмъ писцовыхъ четвертныхъ книгъ посадскихъ людей въ М. не оказалось[3]). Не зная, какъ понимать грамоту, Комынинъ писалъ на Тулу, что «съ Мещоска съ посаду взять дѣловцовъ не по чемъ, а въ Мещоску посадскихъ людей 13 дворовъ», и просилъ соотвѣтствующихъ указаній у кн. Черкасскаго[4]). Чѣмъ кончился въ 146 г. сборъ м. посадскихъ дѣловцовъ, —не видно.

М. уѣздъ былъ положенъ въ 63 чети съ осминою безъ полутретника[5]), и Комынинъ долженъ былъ собрать съ него на Кцынскую засѣку 317 чел. и 63 лош. По ¹⁸/ɪv онъ собралъ и выслалъ 214 чел. и 43 лош., да къ ²²/ɪv еще 83 чел. и 17 лош., а всего 297 чел. и 60 лош. «А которыя, доносилъ Комынинъ, чети опустѣли, и съ тѣхъ чети дворяне и дѣти боярскіе и уѣздные люди тѣхъ недоборныхъ людей не даютъ». Комынинъ просилъ указаній въ Разрядѣ[6]). Разрядъ рекомендовалъ обратиться къ мещанамъ съ увѣщаніемъ, но ничего не указалъ Комынину относительно репрессій по отношенію къ нимъ, какъ сдѣлалъ это по отношенію къ служилымъ людямъ уѣздовъ Коломенскаго и Соловскаго. Комынинъ отвѣчалъ, что разсыльщиковъ онъ разослалъ, но что «вскорѣ дѣловцовъ со всѣхъ четей собрать не умѣть: М. уѣздъ отъ города верстъ по 60 и по 70 и болши». Съ ближнихъ частей уѣзда дѣловцовъ онъ собралъ и выслалъ, —«а на достальныхъ на уѣздныхъ людехъ посошныхъ людей дѣловцовъ и лошадей правлю болшимъ правежомъ и въ уѣздъ посылаю безпрестанно». Комынинъ опять указывалъ на то, что мещане отказываются платить ему съ пустыхъ четей, и опять просилъ указаній[7]). Дѣятельностью Комынина на Тулѣ были недовольны, и ему былъ посланъ обычный выговоръ («и то знатно, что ты дѣловцовъ и лошадей не выслалъ по посуломъ» и т. д.) съ требованіемъ скорѣйшей высылки и угрозами приставомъ[8]). Комынинъ продолжалъ оправдываться, увѣряя, что остальныхъ 19 дѣловцовъ ему взять не на комъ, — «и которыя четверти запустѣли изъ жилыхъ четвертей, и съ тѣхъ пустыхъ четвертей дворяне

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 147—148. [2]) Вл. ст. № 81 л. 214. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 74—76. [4]) Вл. ст. № 75 лл. 317—319. [5]) «Безъ получетверика» — Вл. ст. № 85 л. 74. [6]) Вл ст. № 85 лл. 63—64. [7]) Вл. ст. № 85 лл. 74—76, 77—78. [8]) Вл. ст. № 86 лл. 299—301.

и дѣти боярскіе и уѣздные люди недоборныхъ дѣловцовъ и лошадей не дали...» ^{12}/VII на Тулѣ почему-то рѣшили передать дѣло въ Москву. На отпискѣ Комынина была положена резолюція: «Отписать: не высылать, ждать государева указу по отпискѣ»[1]).

Козельскъ. К. воевода Иванъ Ѳедосѣевичъ Кутузовъ грамоту о сборѣ дѣловцовъ на Сенецкое и Кцынское звенья получилъ ^{6}/IV[2]). ^{25}/IV въ Разрядѣ была получена отписка Кутузова, въ которой онъ сообщалъ, что посадскіе люди стоятъ у него на правежѣ, отказываясь ставить дѣловцовъ въ силу того, что они «не въ сошномъ письмѣ, а платятъ де они оброчныя деньги съ посаду въ Костромскую четверть ежегодь». Между тѣмъ Разрядъ требовалъ съ нихъ дѣловцовъ по расчету съ 9 четвертей безъ четверика и съ третникомъ — 45 чел. и 9 лош.[3]). Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ ^{16}/V, Кутузовъ доносилъ, что въ К. онъ засталъ посадскихъ только 20 чел., и двое изъ нихъ уже сбѣжали. Воевода, опасаясь дальнѣйшаго разбѣга, отправилъ всѣхъ к. обитателей прямо на Кцынскую засѣку — «сколко ихъ было, своими головами»[4]). Съ Тулы отъ Черкасскаго шли къ нему понужденія и угрозы. Напрасно Кутузовъ сообщалъ, напр., въ отпискѣ, полученной на Тулѣ ^{8}/VI, о невозможности доправить еще дѣловцовъ, — съ Тулы отвѣчали угрозами ему и требованіями поставить на правежъ посадскихъ, которыхъ налицо уже никого и не было[5]).

Немедленно по полученіи грамоты о сборѣ дѣловцовъ, Кутузовъ разослалъ разсыльщиковъ и въ уѣздъ. «По писцовымъ платежнымъ книгамъ, писалъ Кутузовъ въ Разрядъ, каковы присланы съ Москвы въ Козельскъ за приписью дьяковъ Ѳедора Опраксина да Василья Яковлева за справкою подьячихъ Ивана Ключарева да Саввы Горяинова, и въ тѣхъ, г., писцовыхъ платежныхъ книгахъ написано писма и мѣры Василья Толбузина да подьячево Ивана Глазова 59 четвертей съ полполчетверикомъ пашни, да писма и мѣры бѣлевскихъ писцовъ въ помѣстьяхъ Ив. Коробьина и Бориса Бартенева 2 четверти съ получетверикомъ пашни, да по росписи 146 г. изъ Ямского приказа, сверхъ того, оказалось написано 9 четвертей безъ четверика и третникъ пашни, да въ вотчинѣ и помѣстьѣ Раевскихъ — осмина съ четверикомъ безъ полполчетверика»[6]). Всего было насчитано 72 чети съ осминою и съ третникомъ безъ полполчетверика пашни, съ которыхъ слѣдовало взять

---

[1]) Вл. ст. № 78 лл. 317—319. [2]) Вл. ст. № 81 л. 218. [3]) Вл. ст. № 81 лл. 126—131 и № 85 лл. 185—191. [4]) Вл. ст. № 85 лл. 185—191. [5]) Вл. ст. № 75 лл. 158—161, 277. [6]) Вл. ст. № 85 л. 187.

363 чел. дѣловцовъ и 72 лошади. Изъ нихъ 246 чел. и 49 лош. предназначались на Сенецкую засѣку, а 117 чел. и 23 лош. — на Кцынскую[1]).

Къ $^{15}/_{IV}$ Кутузовъ съ уѣзда собралъ и отправилъ на Сенецкую засѣку 246 чел. и 49 лош., а на Кцынскую засѣку — 50 чел., обѣщаясь, «собравъ, сколько будетъ, и послѣднихъ людей», дослать на Кцынскую засѣку, а роспись пустовымъ деревнямъ доставить въ Разрядъ[2]). Къ $^{19}/_{IV}$ Кутузовъ послалъ на Кцынскую засѣку еще 12 чел., взявъ съ Раевскихъ по расчету въ 5 четвериковъ безъ полполчетверика. Росписи дѣловцамъ, пустовымъ деревнямъ и однодворцамъ онъ послалъ въ Разрядъ $^{25}/_{IV}$. Добрать на Кцынскую засѣку полное количество дѣловцовъ Кутузовъ считалъ невозможнымъ[3]). Между тѣмъ съ Кцынской засѣки Ив. Благово жаловался, что Кутузовъ не дослалъ къ нему 47 дѣловцовъ и 10 лош., а у него за тѣмъ «дѣло стало». Кутузовъ оправдывался передъ Черкасскимъ, ссылаясь на то, что въ К. уѣздѣ написано въ живущемъ только 61 четверть съ получетверикомъ и полполчетверика пашни, и указывалъ на свои прежнія отписки, изъ которыхъ должно было явствовать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣловцовъ взять было и нельзя, потому что частью деревни запустѣли, а частью дѣти боярскія оказались однодворцами, и крестьянъ и людей за ними не было. Но объясненія его не имѣли вѣса на Тулѣ. Оттуда къ нему неизмѣнно шли приказанія: «править дѣловцовъ нещадно безъ поноровки, не дожидаясь тово, что пришлютъ править на самомъ»[4]). Кромѣ дѣловцовъ, Кутузовъ долженъ былъ прислать на Сенецкую засѣку для разсылки пушкарей и затинщиковъ, «сколько человѣкъ пригоже», и дьячка. Кутузовъ отправилъ на засѣку стрѣлецкаго десятника, «онъ же и сотной дьячекъ», Гаврилу Өедорова «для поспѣшенья, потому что въ К. церковные дьячки писать не умѣютъ, а площадныхъ дьячковъ нѣтъ». «Какъ онъ Өедоръ[5]), прибавлялъ Кутузовъ, былъ въ Козельску, и самому ему про то было вѣдомо». Стрѣлецъ Гаврилка задержался на засѣкѣ, и Кутузовъ жаловался, что онъ, пребывая тамъ «многое время», лишаетъ возможности его самого вести служебную переписку[6]).

Въ вопросъ о дьячкѣ вмѣшался к. стрѣлецкій сотникъ Кузьма Кнутовъ, жаловавшійся непосредственно Черкасскому на то, что ему, «будучи на г. службѣ у к. стрѣльцовъ у ста человѣкъ сотникомъ, быть безъ дьячка немочно». Кнутовъ обвинялъ Кутузова въ томъ, что тотъ «отдалъ» дьячка Гаврилку на Сенецкую засѣку, «дружа Өедору Зюзину, потому

---

1) Вл. ст. № 85 л. 185. 2) Вл. ст. № 81 лл. 126—131. 3) Вл. ст. № 85 лл. 185—191. 4) Вл. ст. № 75 лл. 158—161. 5) Өедоръ Зюзинъ, воевода Сенецкой засѣки. 6) Вл. ст. № 76 лл. 457—459, 467.

что Өедоръ Зюзинъ свой Ивану Кутузову...»[1]) Съ Тулы распорядились тогда, чтобы Кутузовъ послалъ «иново дьячка», не внимая его увѣреніямъ, что у него свободнаго дьячка нѣтъ[2]). Между тѣмъ Зюзинъ со своей стороны жаловался на безграмотность присланнаго къ нему дьячка. Дѣло кончилось тѣмъ, что дьячекъ и пушкари сбѣжали отъ Зюзина обратно въ К., — «писать стало некому, жаловался Зюзинъ, и посылать къ вамъ бояромъ стало некому съ отписками». ¹/ix 147 г. на Тулѣ была положена запоздалая резолюція: «Дьячку велѣно быть тому, который присланъ, а пушкарей велѣно выслать»[3]).

Оглядываясь на ходъ сбора дѣловцовъ на засѣчную черту въ 18 посадахъ и 18 уѣздахъ, вдоль нея расположенныхъ, видимъ, что мобилизація эта прошла далеко не блестяще. Увѣдомленія о подъемѣ посохи на черту были сдѣланы Разрядомъ не особенно аккуратно: они были получены въ Коломнѣ и Зарайскѣ — ²/iv, въ Рязани и Каширѣ — ³/iv, въ Тулѣ, Калугѣ и Перемышлѣ — ⁴/iv, въ Веневѣ — ⁵/iv, въ Епифани и Козельскѣ — ⁶/iv, въ Дѣдиловѣ — ⁷/iv, въ Мещовскѣ и Крапивнѣ — ¹¹/iv, въ Бѣлевѣ — только ¹²/iv, т.-е. съ опозданіемъ на цѣлыхъ 10 дней сравнительно съ Коломной и Зарайскомъ, такъ что въ отсутствіи «поспѣшенья» Разрядъ долженъ былъ винить и себя. Судя по этимъ датамъ, можно думать, что Разрядъ поскупился на прогоны. Извѣстительныя грамоты были «сосланы», повидимому, съ тремя разсыльщиками, продѣлавшими маршруты: 1) Москва — Коломна — Зарайскъ — Рязань — Веневъ, 2) Москва — Кашира — Тула — Епифань — Дѣдиловъ, 3) Москва — Калуга — Перемышль — Козельскъ — Бѣлевъ. Расчеты Разряда часто были совершенно произвольны для тогдашняго положенія посадовъ: съ Переяславля Рязанскаго, въ которомъ налицо оказался 21 посадскій, Разрядъ потребовалъ 1301 человѣка и 258 лошадей, съ Дѣдилова, въ которомъ было 7 посадскихъ, — 85 человѣкъ и 17 лошадей, съ Одоева съ его 4 посадскими — 265 человѣкъ и 53 лошади, съ Калуги со 171 двора — 1247 человѣкъ и 250 лошадей, съ Крапивны, въ которой не было ни одного посадскаго, — 25 человѣкъ и 5 лошадей!

На эти фантастическія требованія посады отвѣтили разбѣгомъ своихъ обитателей. Картины, рисуемыя воеводскими отписками, одна другой выразительнѣе: лѣтомъ 1638 года разбѣжались посады Переяславля Рязанскаго, Зарайска, Венева, Тулы, Одоева, Калуги, Бѣлева, Козельска. Всего характернѣе злополучная эпопея Калуги, начисто

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 277. [2]) Вл. ст. № 76 л. 159. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 166—167.

разогнанной предъявленными къ ней требованіями. Безсильные предупредить или остановить эти разбѣги, воеводы усердно, хотя и не особенно удачно, ловятъ «ухоронившихся» посадскихъ для препровожденія ихъ на засѣчныя работы.

Посадъ «хоронился», а въ уѣздѣ встрѣчаемъ и болѣе энергичные мотивы. Въ Каширскомъ, Тульскомъ, Соловскомъ, Калужскомъ, Воротынскомъ и Мещовскомъ уѣздахъ служилые люди «отказываютъ» въ дѣловцахъ, при чемъ объясняютъ (напр. въ уѣздахъ Тульскомъ и Мещовскомъ), что они не могутъ или не желаютъ выставлять на черту дѣловцовъ «съ пустыхъ четвертей». Въ Рязанскомъ уѣздѣ не желаютъ подчиняться требованіямъ Разряда боярскіе приказчики. Въ Коломенскомъ уѣздѣ дворяне и дѣти боярскіе устраиваютъ шумную демонстрацію. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ крестьяне, поощряемые своими владѣльцами, или разбѣгаются или даже «чинятся сильны... приставовъ бьютъ», а воевода оказывается въ безпомощномъ положеніи: онъ разослалъ всѣ силы, которыми располагалъ, собирать дѣловцовъ, и готовиться къ возможному набѣгу татаръ на Бѣлевъ ему было уже не съ кѣмъ.

Послѣдуемъ теперь за дѣловцами и познакомимся съ ходомъ работъ весной и лѣтомъ 1638 года на разныхъ звеньяхъ засѣчной черты.

ГЛАВА V.

Ходъ работъ на засѣчной чертѣ въ 1638 году.

Въ программу работъ 1638 г. совершенно не вошли засѣки Шацкая, Ряжскія, Бѣлевскія, Корницкая, Перемышльская и Толкижская, т. е. около половины всѣхъ засѣкъ этого пояса. Засѣчная черта, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она была подвергнута реставраціи, была разбита на 22 звена, подчиненныхъ каждое отдѣльному воеводѣ. Среднее, 10-ое звено (начиная счетъ звеньевъ съ востока, отъ Рязани), находилось подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ всего тульскаго штаба. Почти весь апрѣль ушелъ на сборъ дѣловцовъ, и засѣчныя работы удалось начать на большинствѣ звеньевъ только съ первыхъ чиселъ мая.

Вожская засѣка. 1-ое звено.

Первое звено засѣчной линіи вѣдалъ Иванъ Гавриловичъ Бобрищевъ-Пушкинъ [1]). Къ нему должны были явиться для исполненія его порученій 10 человѣкъ рязанскихъ дѣтей боярскихъ, дьячокъ для письма, разсыльщики, пушкари и затинщики для разсылки. Для засѣчнаго дѣла должны были прибыть дѣловцы изъ Переяславля Рязанскаго — 792 человѣка и 158 лошадей съ посада и уѣзда, да изъ Ряжска съ уѣзда 948 человѣкъ и 189 лошадей, да съ Зарайскаго посада 213 человѣкъ и 43 лошади, всего 1953 чел. и 390 лош. Въ отпискѣ въ Разрядъ Пушкинъ жаловался на то, что до $^{14}/_{IV}$ къ нему никто не прислалъ ни одного дѣловца. «И я, х. т., писалъ Пушкинъ, живу у засѣки у Веденскихъ воротъ, а засѣкъ мнѣ, х. т., дѣлать не съ кѣмъ». Только 14 числа Ив. Кол-

---

[1]) И. Г. Бобрищевъ-Пушкинъ — дворянскій голова во время борьбы съ Лисовскимъ (Д. Р. I, 181), въ 1615 г. — воевода на Веневѣ (К. Р. I, 77), въ 1617 г. — воевода въ Мценскѣ (Д. Р. I, 287), въ 1618 г. — воевода въ Каширѣ (Д. Р. I, 345), въ 1619 г. — воевода въ Касимовѣ (Д. Р. I, 426), въ 1622 г. — воевода въ Брянскѣ, потомъ въ Пронскѣ (Д. Р. I, 522; К. Р. I, 881), въ 1626 г. — опять воевода въ Касимовѣ, въ 1632 г. — воевода въ Каширѣ (К. Р. II, 663), въ 1634 г. — воевода въ Новгородѣ Сѣверскомъ (Барсуковъ «Списки воеводъ», с. 96 и 156), въ 1635 г. — воевода въ Дѣдиловѣ (К. Р. II, 753). Біографическія данныя о засѣчныхъ воеводахъ приводимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда памятники даютъ возможность сдѣлать это. Нумерація звеньевъ наша.

товской прислалъ къ нему изъ Переяславля Рязанскаго 90 чел. да 18 лош. «И мнѣ, х. т., снова писалъ Пушкинъ, такова великова твоево г. засѣшнова дѣла дѣлать некѣмъ»[1]). 16/IV Пушкинъ получилъ изъ Переяславля еще 100 человѣкъ съ топорами, но безъ лошадей. Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ 20/IV, Пушкинъ слагалъ съ себя отвѣтственность за промедленіе въ засѣчномъ дѣлѣ. «А только, г., писалъ онъ, я, х, т., тое Вожскіе засѣки Веденскихъ воротъ не сдѣлаю до приходу воинскихъ людей за ихъ мѣшканьемъ изъ городовъ отъ воеводъ, что засѣшныхъ людей по се число къ засѣшному дѣлу не прислали, и мнѣ, х. т., отъ тебя, г., въ опалѣ не быть». Въ Разрядѣ положили на его отпискѣ недовольную резолюцію: «Въ Зарайскъ и въ Ряскъ отписать противъ коломенской грамоты, а къ нему писать: велѣно ему смотрить засѣкъ противъ наказу и отписать, для чево не осмотрилъ и къ г. не писалъ, а написать, какъ къ нему писано въ наказѣ»[2]). Только 18/IV Өедоръ Матовъ прислалъ изъ Зарайска 159 чел. и 30 лош.[3]).

Послѣ напоминаній изъ Разряда Пушкинъ принялся за дѣло, начавъ съ командировки въ Рязанскій у. рязанскихъ дѣтей боярскихъ Григорія Лугвенева и Семена Шибанова — «осматривать, въ которыхъ мѣстѣхъ сѣчь лѣсъ на г. дѣло». Пріѣхавшіе изъ уѣзда дѣти боярскіе сказали воеводѣ, «что въ уѣздѣ они не наѣхали дубовова лѣсу на острогъ и на надолобы трехъ саженъ, а есть въ уѣздѣ на помѣстныхъ и на вотчинныхъ земляхъ березовый и осиновый и ольховый лѣсъ». Строить острогъ и надолобы изъ этого лѣса Пушкинъ не рѣшался, а указанія по этому вопросу въ своемъ наказѣ онъ не находилъ. Запросивъ Разрядъ о томъ, какъ ему быть, онъ приказалъ пока возить на засѣку тотъ лѣсъ, который онъ нашелъ подъ руками[4]). Но еще и 5/V Пушкинъ жаловался въ Разрядъ: «(И. Колтовской) твоево г. указу не послушалъ, пушкарей и затинщиковъ и дьячка къ твоему г. засѣшному дѣлу ко мнѣ, х. т., мая по 2 число не присылывалъ, а мнѣ, х. т., безъ нихъ быти немочно, потому многіе, г., сошные люди отъ твоево г. засѣшнова дѣла бѣгаютъ по домамъ, а мнѣ, х. т., за ними послать неково; и о томъ, г., мнѣ, х. т., какъ укажешь». Однообразныя заявленія Пушкина, на разные лады повторяемыя, какъ увидимъ, и другими засѣчными воеводами, успѣли, повидимому, наскучить въ Разрядѣ. На отпискѣ Пушкина была положена такая резолюція: «146-го мая въ 6 де. Отписать: то вѣдомо, а впредь о всякихъ засѣчныхъ дѣлахъ писать къ боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому съ товарищи»[5]).

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 92, 50—51. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 91—92. [3]) Вл. ст. № 75 л. 349. [4]) Вл. ст. № 80 л. 13. [5]) Вл. ст. № 85 л. 113.

Съ этой своей отпиской Пушкинъ препровождалъ, наконецъ, и дозоръ порученной ему засѣки. Дозоръ этотъ онъ предпринялъ, взявъ съ собою 3 засѣчныхъ сторожей, Мишку Жмурова съ товарищи, и «тутошныхъ людей, селъ и деревень крестьянъ, которые живутъ у засѣки по обѣ стороны, съ полевой и съ русской стороны». Въ этой поѣздкѣ воевода былъ задержанъ у села Ходынина разливомъ р. Оки. Ближайшаго къ Окѣ участка онъ не могъ описать: «а колька верстъ отъ с. Ходынина до Оки рѣки, таво я, х. т., не вѣдаю и не мѣрилъ за полою водою, а какъ, г., вода сольетъ, и я, х. т., по твоему г. указу тотчасъ дозрю, измѣрею и опишу»..[1]) Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ $^{12}/v$, Пушкинъ дополнялъ свой дозоръ, сообщая свѣдѣнія объ участкѣ отъ с. Ходынина до Оки длиною въ 2445 саженъ. Воевода почему-то не рѣшался ставить на одномъ изъ промежутковъ этого, не нуждавшагося вслѣдствіе обилія болотъ и озеръ въ особой защитѣ, участка косой острогъ на 150 саженяхъ «безъ г. указа», хотя и находилъ его самъ нужнымъ[2]). Одновременно Пушкинъ запрашивалъ Разрядъ о ширинѣ и глубинѣ рва, который ему велѣно было копать по обѣ стороны земляного вала, замѣнявшаго завалъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ[3]). Въ отпискѣ князю Черкасскому, полученной на Тулѣ $^{18}/v$, Пушкинъ, повторяя полностью свое описаніе порученной ему засѣчной линіи, сообщалъ и о томъ, что «подымныхъ людей послалъ переписывать въ уѣздъ», — обѣщаясь препроводить роспись имъ по возвращеніи переписчиковъ[4]).

До конца мая Пушкинъ такъ и не дождался новой партіи дѣловцовъ, кромѣ явившихся $^{8}/v$ 28 чел. стольн. кн. Никиты Ив. Одоевскаго и $^{11}/v$ — 32 чел. кн. Алексѣя Никитича Трубецкого изъ Ряжскаго у., а $^{3}/vi$ отъ него стали разбѣгаться и ранѣе прибывшіе. Такъ сбѣжали вмѣстѣ съ лошадьми 150 зарайскихъ дѣловцовъ. Пушкинъ немедленно сообщилъ объ ихъ разбѣгѣ въ Зарайскъ Ѳедору Матову, а $^{5}/vi$ Матовъ уже успѣлъ прислать ему неутѣшительный отвѣтъ, въ пересказѣ Пушкина гласившій: «...тово жъ числа посылалъ онъ по посадскихъ людей, по старостъ и по лучшихъ людей, по Климка Тяжелова, по Ивашка Каверина, по Микитку Григорьева и ихъ товарищей, а велѣлъ де, господа, имъ быти въ съѣзжую избу. И посадскіе де, господа, люди, старосты и лучшіе посадскіе люди въ съѣзжую избу пришли: Климко Тяжелый, Никитка Григорьевъ, Ивашка Каверинъ да два старосты. И онъ де (т.-е. Матовъ), господа, имъ мою отписку велѣлъ честь, ихъ де по г. указу къ засѣшному дѣлу посылалъ, чтобъ они къ засѣшному дѣлу шли тот-

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 113—123. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 198—200. [3]) Вл. ст. № 85 л. 201. [4]) Вл. ст. № 86 лл. 194—202.

часъ и съ товарищи своими, которые отъ засѣшново дѣла сбѣжали 150 человѣкъ и съ лошадьми. И Климка де, господа, Тяжелый во всѣхъ товарищей своихъ мѣста отказалъ, и товарищи де ихъ отъ засѣки, которые были у засѣшнова дѣла, въ Зарайскай не бывали». Одновременно съ зарайцами, слѣдуя ихъ примѣру, сбѣжали отъ засѣчнаго дѣла ряжскіе даточные кн. Одоевскаго и кн. Трубецкого. Съ остаткомъ присланныхъ къ нему дѣловцовъ Пушкинъ съ начала іюня сталъ дѣлать, по распоряженію Черкасскаго, у Введенскихъ воротъ острогъ, сводя его четырехугольнымъ городкомъ, по 20 саж. съ каждой стороны. Прежде всего начали возить лѣсъ на острогъ. Несмотря на разбѣгъ дѣловцовъ, Пушкинъ разсчитывалъ кончить укрѣпленія къ ²⁵/VI и 11 числа спрашивалъ Черкасскаго, что ему дѣлать съ дѣловцами по окончаніи работъ. Съ Тулы распорядились разбѣжавшихся нѣтчиковъ вернуть, а князю Д. М. Пожарскому осмотрѣть работы, —«и онъ бы, дозря, будетъ сдѣлано совсѣмъ, и дѣловцовъ отпустилъ»[1]). Но Пушкинъ окончилъ оборонительныя работы и препроводилъ ихъ подробное описаніе (четвертое по счету) въ Разрядъ и на Тулу только къ ¹⁰/VII. Черкасскій похвалилъ его за своевременное окончаніе, положивъ такую резолюцію: «Отписать, что то учинилъ онъ добро, и къ г. о томъ отписать». Въ этомъ смыслѣ была составлена и грамота Черкасскаго къ Бобрищеву-Пушкину. Въ Разрядѣ къ увѣдомленію Пушкина тоже отнеслись одобрительно,—на его отпискѣ была положена такая помѣта: «146 г. іюля въ 8 де. Государю чтена, и о томъ вѣдомо; и какъ засѣки дозрятъ, и отпишутъ, и росписи и чертежъ пришлютъ, и въ то время служба ваша, кто каково сдѣлалъ, вѣдома будетъ»[2]).

Защитныя работы, произведенныя Бобрищевымъ-Пушкинымъ, по его отпискамъ представляются въ такомъ видѣ. Отъ берега Оки до р. Быстрицы на 1116 саж. и на 400 саж. за Быстрицей «завалъ лѣсной густъ, и съ полевой стороны — рѣка Быстрица, а въ иныхъ мѣстѣхъ — озера и болота». Дальше до Комариной поляны укрѣплять тоже было нетрудно: лѣса была много, и завалъ былъ густъ, а съ полевой стороны пришли болота. Черезъ дороги, пересѣкавшія засѣчную полосу, были устроены двойныя надолобы, а нѣкоторыя дороги были завалены лѣсомъ. Въ одномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ Вожи было сооружено небольшое укрѣпленіе: 2 косыхъ острога, одинъ съ русской стороны, другой съ полевой, и надолобы. Комарина поляна на 62 саж. была укрѣплена большимъ лѣснымъ заваломъ и землянымъ валомъ, шедшимъ черезъ

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 349—351. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 1—19 и А. М. Г., II, № 120.

всю поляну, — «и подлѣ вала выкопанъ ровъ да набитъ честикъ, да надолобы въ двѣ рядъ поставлены противъ всего земляного валу». Такъ же было укрѣплено и дальнѣйшее пространство: поляны были перехвачены рвами и валами, а дороги завалами и рвами или закрыты опускными надолобами. Черезъ ровъ былъ перекинутъ защищенный опускными надолобами мостъ. Сложнѣе были укрѣпленія на большой Рязанской дорогѣ въ Москву. Мостъ на этой дорогѣ, «на большой грязи», длиной въ 23 саж., былъ защищенъ двумя рядами надолобъ, протянутыхъ «отъ болота до большого лѣсу». На самой дорогѣ были поставлены опускныя надолобы. Двое опускныхъ надолобъ были устроены и на мосту. Нѣсколько рядовъ надолобъ повторялись на большой дорогѣ и впереди моста съ полевой стороны. Наконецъ, мостъ прикрывался особымъ укрѣпленіемъ, башней съ воротами подъ ней и острогомъ. «А въ острожкѣ ворота бревенныя створчатыя, межъ верей покрыты тесомъ въ двѣ рядъ, а острожекъ сдѣланъ стоячей съ мостомъ и съ перилы, и просѣчены бои верхніе и исподніе, да сдѣлана башня о шти стѣнахъ, а стѣна и съ углы по 3 сажени, стѣна прямыхъ саженъ, а не косыхъ, а въ ней двѣ ворота бревенныя створчатыя съ верхнимъ мостомъ и съ обламы, а башня покрыта тесомъ въ двѣ рядъ». Башня окружена надолобами, острогомъ и частикомъ.

Пушкинъ насчиталъ на своемъ звенѣ 9480 саж. завалу, 911 саж. рвовъ, «а рвы копаны по г. указу въ глубину косой сажени, а поперекъ $1^1/_2$ сажени, а глубже того и шире рвовъ копать было нельзя, мѣста низки и водяны, и земля заваливается». Земляного валу онъ насчиталъ 202 саж., «а валы дѣланы въ подшвѣ $1^1/_2$ сажени косыхъ, а верхи сажени косой; надолобъ поставлено въ разныхъ мѣстахъ 1500 саж., частику набито 134 саж., — кромѣ лѣсныхъ заваловъ»[1]).

Вожская засѣка. 2-е звено.

Устройствомъ второго засѣчнаго звена завѣдывали Иванъ Самсоновичъ Чевкинъ и Петръ Чулковъ. Въ своей отпискѣ, полученной въ Разрядѣ $^{18}/$IV, И. Чевкинъ жаловался на то, что изъ назначенной на его звено съ Рязанскихъ посада и уѣзда посохи (1947 чел. и 389 лош.) и изъ разсыльщиковъ, пушкарей, затинщиковъ и дьячка для письма до $^{12}/$IV Ив. Колтовской никого къ нему не прислалъ и съ тѣмъ же засѣчнымъ сторожемъ, котораго Чевкинъ посылалъ къ нему, ему отвѣтилъ, что «разослалъ де онъ всѣхъ пушкарей и затинщиковъ въ Рязанскій уѣздъ

1) Росписи укрѣпленіямъ: Вл. ст. № 85 лл. 113—123, 198—201; № 86 лл. 194—202; А. М. Г., II, № 120.

для сошныхъ людей и подводъ, и пушкари де и затинщики въ Переяславль къ нему изъ уѣзда не бывали, и ему де Ивану... прислать неково». Чевкинъ жаловался Разряду на полное отсутствіе силъ, съ помощью которыхъ онъ могъ бы приняться за засѣчное дѣло. По докладу 18/IV «г. указалъ отписать въ Переяславль воеводѣ (т.-е. И. Колтовскому): на посадѣ и въ уѣздѣ что соберетъ, тотчасъ и послать, а достальныхъ имать и высылать, и дѣтей боярскихъ выслать; и къ нему, Ивану (т.-е. Чевкину), писать же, что велѣно въ Переяславль послать»[1]. На запросъ кн. И. Б. Черкасскаго отъ 14/V Чевкинъ отвѣчалъ, что съ 17/IV по 14/V онъ дѣлалъ завалъ на 10 верстахъ внизъ по теченію Вожи отъ Дураковскихъ воротъ къ Введенскимъ, —«а поперекъ лѣспова завалу во всю засѣку сѣкли на 30 саженъ, и завалъ лѣсной крѣпокъ, засѣченъ большимъ и частымъ лѣсомъ». Ходъ работъ былъ замедленъ тѣмъ, что изъ-за почвенной воды нельзя было копать рва. Сошныхъ людей изъ Рязани И. Колтовской присылалъ отдѣльными партіями: 17/IV — 103 чел. и 20 лош., 22/IV — 295 чел. и 59 лош., 27/IV — 13 чел. и 2 лош., 29/IV— 109 чел. и 22 лош., 2/V — 206 чел. и 41 лош., 5/V — 36 чел. и 7 лош., 11/V — 5 чел. и 1 лош., 12/V — 199 чел. и 40 лош., 17/V — 43 чел. и 8 лош.; за первую половину іюня — 94 чел. и 10 лош., а съ 15/VI по 13/VII самъ кн. Д. М. Пожарскій прислалъ 180 чел. и 36 лош. «Всево» было прислано 1240 чел. и 248 лош., изъ нихъ сбѣжало 181 чел. съ 36 лош. Не дослано, по расчету самого Чевкина, противъ смѣты 707 чел. и 141 лош.[2]). Чевкинъ жаловался въ маѣ, что «мѣчкапье» Колтовского мѣшаетъ поспѣшить засѣчнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что за лѣсомъ приходится ѣздить за 15 и 20 верстъ, «да и лѣсъ въ тѣхъ мѣстахъ обирается». «А сколько, продолжалъ Чевкинъ, съ нами по вѣстямъ подымовныхъ людей будетъ и съ какимъ боемъ, и мы тово не вѣдаемъ. По г. указу подымовныхъ людей сбирать по большимъ вѣстямъ, да и збирать, г., ихъ мы не вѣдаемъ гдѣ, потому тово, г., намъ не указано, кому въ засѣки х которымъ воротамъ съ которова стану збирать подымовныхъ людей. А податно, г., къ Дураковскимъ воротамъ Перевицкой станъ да съ полской стороны Окологородной станъ».

Изъ Пушкарскаго приказа въ маѣ мѣсяцѣ Чевкину былъ посланъ черезъ Переяславль Рязанскій нарядъ — «пищаль, ядро четыре гривенки, съ станомъ и колесы, да къ ней 150 ядра, да зелья, да холста на стрѣльчіе мѣшки, да поскони на пыжи, да два мѣдныхъ дробовыхъ тюфяка, да дробу желѣзнаго 6 пудъ, да 3 пуда зелья пушечнова». Съ

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 52—53 и 54—55. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 346—347 и А.М.Г., II, № 133. Расчетъ не вполнѣ согласный съ начальнымъ расчетомъ Разряда.

этимъ нарядомъ посланы два пушкаря изъ Москвы, да одного велѣно взять на Рязани[1]).

Въ отпискѣ, полученной Разрядомъ ²²/v, Чевкинъ снова предупреждалъ: «всево твоево г. засѣшнова дѣла вскорѣ поспѣшить здѣлать противъ дозорныхъ росписей 144 году князя Микиты Гогарина да нынѣшняго, г., 146 году Ждана Кондырева некѣмъ», — тѣмъ болѣе, что за лѣсомъ приходится ѣздить за 15—20 верстъ. Между тѣмъ относительно сбора подымовныхъ людей Чевкинъ былъ попрежнему въ недоумѣніи. Ему велѣно было сбирать съ ближнихъ деревень съ 3 дымовъ по человѣку съ пищалью, а съ дальнихъ съ 5 дымовъ по человѣку — «тово, г., не указано, съ которыхъ, г., становъ и по обѣ ли стороны засѣки збирать къ Дураковскимъ воротамъ подымовныхъ людей». Съ запросомъ этимъ Чевкинъ и Петръ Чулковъ обратились и въ Разрядъ и на Тулу къ Черкасскому. Государь указалъ передать этотъ вопросъ на разрѣшеніе Черкасскаго[2]).

Завалъ, засѣченный Ив. Чевкинымъ, примыкалъ съ одной стороны къ засѣкѣ В. Чевкина, а съ другой — къ засѣкѣ Бобрищева-Пушкина. Дураковскія ворота онъ укрѣпилъ рвомъ и валомъ, и съ польской стороны надолобами, «связными дубовыми въ два въ рядъ, въ ряду по два бревна, а ворота въ томъ рву, и въ земляномъ валу, и въ надолобахъ опускныя, двѣ колоды дубовыя большія на столбахъ дубовыхъ же». Ровъ и валъ были сомкнуты съ укрѣпленіями Вас. Чевкина, а съ другой стороны упирались въ берегъ Вожи. Съ польской стороны ворота укрѣплены землянымъ городкомъ, «а ворота въ томъ городкѣ створчатыя, вереи и притворы дубовые; а по мѣрѣ тотъ городокъ 54 сажени, стѣна по 13 саженъ съ полусаженью, да около того городка надолобы въ одинъ рядъ въ два бревна дубовыя». За рвомъ и валомъ, защищавшими городокъ, поставлены еще 2 ряда надолобъ, «а ворота въ тѣхъ надолобахъ опускныя жъ, двѣ колоды большія дубовыя на столбахъ дубовыхъ же». Одинъ конецъ этихъ надолобъ у Дураковскихъ воротъ упирался въ Вожу, а другой въ болото. Далѣе острогъ чередовался съ заваломъ, рвомъ и валомъ съ частикомъ. Черезъ Вожу устроенъ на дубовыхъ столбахъ мостъ длиною въ 15 саженъ, «а по конецъ того моста съ русскія стороны на берегу у рѣки Вожи на засѣчной дорогѣ среди засѣчнаго лѣсу сдѣланы башня съ вороты трехъ саженъ съ локтемъ, а поверхъ съ обламы башня 32 вѣнца, а на верху у ней сдѣланъ караульный шатеръ, а въ ней два моста, нижній мостъ дубовый, а верхній — осиновый, а покрыта башня и шатеръ тесомъ

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 185—189. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 345—349.

дубовымъ». Отъ башни въ обѣ стороны шелъ острогъ. По указу кн. Черкасскаго съ товарищи къ острогу и башнѣ съ русской стороны придѣланъ стоячій же острогъ дубовый, городкомъ, «а ворота въ томъ острогѣ на выѣздѣ створчатыя, вереи большія и притворы дубовые, а по мѣрѣ того придѣлано острогу 57 саженъ; да въ томъ же острогѣ сдѣланъ казенной походной погребъ, а срубъ въ немъ поставленъ дву саженъ безъ локтя». Иногда въ воротахъ въ вереяхъ укрѣпляли щитъ дубовый опускной — такъ было сдѣлано, напр., около моста черезъ р. Буровку и въ башнѣ въ Дураковскихъ воротахъ. Какъ общее правило, завалъ былъ шириной 30 саженъ, но мѣстами по указу кн. Черкасскаго онъ былъ расширенъ еще на 10—20 саженъ. На эти работы пошло 2 и 3-саженнаго дубоваго и березоваго лѣса 33799 бревенъ; рвы копаны въ ширину 3 сажени, а въ глубину 2 сажени, «а въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ вода не дала копать, тутъ копаны мельчае». Роспись укрѣпленіямъ была прислана въ Москву 9/VIII[1]).

Вожская засѣка. 3-е звено.

Третье засѣчное звено, послѣдній къ западу участокъ Вожской засѣки, было поручено Василію Петровичу Чевкину[2]) и Ивану Огалину.

---

[1]) А. М. Г., II, № 133. См. здѣсь дальнѣйшія подробности. [2]) Василія Петровича Чевкина видимъ въ спискѣ 1611 г. въ полку кн. Д. Т. Трубецкого (А. М. Г. I с. 79), а въ 1617—19 гг. — вторымъ воеводой въ Переяславлѣ Рязанскомъ (Д. Р. I, 267, 389, 408, 421). Въ 1620 г. онъ посланъ изъ Рязани головой подъ Смоленскъ (Д. Р. I, 548). Въ томъ же 1620 г. Чевкинъ — воеводой въ сторожевомъ полку въ Пронскѣ (Д. Р. I, 446), а въ 1622 г. — въ передовомъ полку на Михайловѣ (Д. Р. I, 502). Въ 1624 г. Чевкинъ опять въ Переяславлѣ Рязанскомъ (Д. Р. I, 583). По случаю своего назначенія въ Рязань онъ неудачно мѣстничался съ кн. Никифоромъ Мещерскимъ (Д. Р. I, 596—599). Осенью 1624 г. Чевкинъ былъ оставленъ на Рязани главнымъ воеводой (Д. Р. I, 650—651). Лѣтомъ 1626 г. видимъ его на Рязани вторымъ воеводой. По случаю этого назначенія В. Чевкинъ и Дм. Воейковъ неудачно мѣстничались съ Борисомъ Пушкинымъ. Стороны били челомъ государю, — «и государь велѣлъ имъ (Чевкину и Воейкову) отказать, что такіе дѣти боярскіе бьютъ челомъ не по своей мѣрѣ на честныхъ дворянъ не дѣломъ. И дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ отказалъ и называлъ ихъ дѣтишками боярскими и ударилъ Василья (Чевкина) въ душу: а станешь де впредь бити челомъ, быть въ наказаньѣ. А Дмитрей вдругорядь пошелъ бить челомъ государю, и государь на него почелъ кручиниться, лаелъ его м..... и называлъ его сынчишкомъ боярскимъ: а будетъ станешь опять бити челомъ, велю опозорити» (Д. Р. I, 792, 795—796). Осенью 1626 г. Чевкинъ остался на Рязани главнымъ воеводой (Д. Р. I, 853). На Рязани же воеводой видимъ его и въ 1627 г. (Д. Р. I, 944). На Р. Х. 1627 г. онъ былъ впервые пожалованъ приглашеніемъ за царскій столъ и тогда же, повидимому, получилъ и чинъ дворянина московскаго. (Д. Р. I, 971). Въ 1628 г. Чевкинъ опять вторымъ воеводой на Рязани (Д. Р. I, 983). Въ этомъ году ему пришлось обороняться отъ мѣстническаго нападенія своихъ же рязанцевъ Ляпуновыхъ, корившихъ его дѣдомъ Юріемъ Чевкинымъ, служившимъ на Рязани губнымъ старостой (Д. Р. I, 985—987, 996—998 и II, 821). Въ 1631 г. В. Чевкинъ опять на Рязани, и опять возникаютъ мѣстническіе счеты между нимъ, Пушкинымъ и Ляпуновыми (Д. Р. II,

8/IV В. Чевкинъ былъ на мѣстѣ, а 9-го уже писалъ въ Переяславль Рязанскій Ивану Колтовскому о томъ, чтобы тотъ выслалъ къ нему дѣтей боярскихъ Старо-Рязанскаго стана, которымъ велѣно было быть съ нимъ, разсыльщиковъ, пушкарей, затинщиковъ, дьячка для письма, 1947 чел. дѣловцовъ и 389 лошадей. 13/IV въ Разрядѣ была получена отписка, въ которой В. Чевкинъ, жалуясь на отсутствіе у него людей, прибавлялъ, что онъ «сталъ у Глѣбовсково пролому», — «самаго пущаго»[1]), какъ Чевкинъ выражается въ другомъ мѣстѣ, — въ деревнѣ Глѣбовѣ городищѣ, — «а голова Иванъ Огалинъ къ засѣкѣ не бывалъ, а сказываютъ... про нево, что поѣхалъ въ Галичъ роздѣлять помѣстья». В. Чевкинъ просилъ Разрядъ принять мѣры противъ «мѣчканья». Отписка его была чтена государю, и государь указалъ: «дѣтей боярскихъ выслать тотчасъ, а головѣ быть Матвѣю Новосильскому»[2]). 11/IV В. Чевкинъ получилъ отъ И. Колтовского отвѣтъ. Колтовской писалъ ему, что онъ разослалъ по уѣзду за дѣловцами и лошадьми пушкарей и затинщиковъ, но они къ нему еще «не бывали», а другихъ пушкарей и затинщиковъ послать на засѣку некого. До половины апрѣля у Чевкина «не бывалъ ни одинъ человѣкъ», и предпринять онъ ничего не могъ. Чевкинъ предлагалъ Разряду прислать къ нему дѣтей боярскихъ изъ становъ, прилегающихъ къ засѣкѣ, опасаясь, что въ противномъ случаѣ «мотчанье будетъ г. засѣчпому дѣлу многое», тѣмъ болѣе, что «Старо-Рязанскаго стану дѣти боярскіе живутъ подъ Шацкомъ, а иные подъ Володимерскимъ уѣздомъ близко Гуской волости». Изъ Москвы распорядились отправить къ нему «ближнихъ с[тановъ] дѣтей боярскихъ»[3]).

Тѣмъ временемъ Чевкинъ занялся дозоромъ и, сообщая 20/IV Разряду его результаты, излагалъ свой планъ возстановленія порученнаго ему засѣчнаго участка. «Старыхъ крѣпостей» онъ нашелъ: два рва, да около рва съ русской стороны былъ острогъ, а межъ рвовъ былъ частикъ, да надолобы ведены въ два ряда, а длина тому рву 402 сажени, а съ польской стороны другой ровъ копанъ косыми ямами. «Лѣсъ, писалъ Чевкинъ, гораздо рѣдокъ, въ иныхъ мѣстѣхъ черезъ тѣ рвы отъ черты до черты человѣка видѣть, а отъ тѣхъ дву рвовъ и до Глѣбовскаво татарскова пролому до рѣки до Полной

195—197). Въ 1635 г. онъ былъ воеводой на Вяткѣ. (См. также К. Р. I, 622, 680, 681, 697, 710, 835, 862, 869, 880, 984, 1046, 1050, 1172, 1179, 1274, 1278, 1281; II, 8, 11, 14, 16, 23, 104, 107, 310, 313, 637—8, 826, 931). — В. Чевкинъ, какъ и весь родъ Чевкиныхъ, игралъ, повидимому, у себя на Рязани видную роль и по своей длинной карьерѣ въ этихъ мѣстахъ долженъ былъ хорошо знать порядки сторожевой службы и самую черту. Владѣнія Чевкиныхъ разбросаны въ нѣсколькихъ станахъ Рязанскаго у. (В. Н. Сторожевъ «Писцовыя книги Рязанскаго края» с. 14, 51, 115, 507, 509, 798, 1188, 1211 и др.) [1]) Вл. ст. № 86 л. 175. [2]) Вл. ст. № 81 л. 25. [3]) Вл. ст. № 81 лл. 56 а-b.

лѣсъ мелокъ, а въ иныхъ мѣстѣхъ рѣдокъ». Эти безлѣсныя, но топкія и болотистыя мѣста вмѣсто острога съ русской стороны были укрѣплены плетнемъ по берегу рѣчки Полной и надолобами, а съ польской стороны за рѣчкой Полной былъ валъ и ровъ, копанный косыми ямами. Чевкинъ находилъ нужнымъ замѣнить плетень острогомъ съ отводными башенками по угламъ и рубленой 3-саженной башней въ воротахъ. Отъ болота къ Вожѣ въ одномъ мѣстѣ Чевкинъ сталъ копать ровъ «поперекъ 3 сажени, въ глубину 2 сажени, а въ подошвѣ полуторы сажени». На это представленіе Чевкина изъ Разряда по докладу Думѣ отвѣчали $^{27}/_{IV}$ общими наставленіями о радѣньѣ, поспѣшеньѣ и т. д. и приказаніемъ землей, вынутой изъ осыпавшихся рвовъ, въ промежуткѣ между ними дѣлать валъ земляной вышиной, «какъ мочно» — «за тѣмъ бы валомъ нашимъ ратнымъ людемъ быти и съ воинскими людьми битца было мочно, да и для тово изо рвовъ землю выносить, что рвы поглубятъ и тою землею валъ здѣлаетъ, и то будетъ дѣлу къ прибыли». Разрядъ предлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ В. Чевкину впредь обращаться съ докладами на Тулу[1]).

До $^{20}/_{IV}$ къ В. Чевкину были присланы только 225 чел. и 41 лош. Между тѣмъ онъ наткнулся на новыя затрудненія. «Ямоми, писалъ Чевкинъ, рва копать немочно, потому что во всѣхъ ямохъ стоитъ вода, да и лѣсъ проросъ большой, и коренья сякать немочно, и я, х. т., хочу вестѣ рвомъ большимъ, а не ямоми, для, г., тово, чтобы лѣсъ мочно изо рву [ме?]тать для поспѣшенья». На полевой сторонѣ В. Чевкинъ наткнулся на рядъ полянъ. «А верстами, писалъ онъ, описати не мочно, потому что поляны небольшія проходили, а порожжія, г., мѣста въ засѣкѣ — проходили дубровы рѣдкія и полянки небольшія. А засѣчные, г., сторожи и крестьяне, которые живутъ подъ засѣкой съ русскіе и съ польскіе стороны, сказали, что отъ замка до Дураковскихъ воротъ 5 верстъ, а про тѣ лужки сторожи засѣчные сказали, что тѣ де лужки косятъ они сторожи по г. указу изъ оброку, а отдаваютъ де имъ тѣ лужки поежлѣть головы засѣчные, которые бываютъ у засѣки, и деньги де, г., на нихъ оброшные емлютъ». В. Чевкинъ жаловался, что съ бывшими въ его распоряженіи рабочими силами и съ 7 дѣтьми боярскими ему не справиться съ укрѣпленіями его опаснаго участка, на которомъ «самые худые мѣста: татарскіе... проходы въ Русь и изъ Руси бываютъ»[2]).

Чевкинъ получилъ грамоту изъ Разряда, увѣдомлявшую его о томъ, что съ нимъ у засѣки велѣно быть «коломенскихъ дворцовыхъ селъ

---

[1]) Вл. ст. № 80 лл. 5—12. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 281—283.

дѣловцамъ 60 человѣкомъ да резанскихъ и коломенскихъ рыбныхъ желовецкихъ селъ 74 человѣкомъ, а тѣхъ дѣловцовъ велѣно выслать тѣхъ селъ прикащикомъ». 2/v съ коломенскихъ селъ пришли 54 чел., а съ ними 8 лош. Изъ рязанскихъ и коломенскихъ рыбныхъ ловецкихъ селъ дѣловцы не являлись до 5/v. Чевкинъ и Новосильскій снова жаловались въ Москву на недостатокъ рабочихъ рукъ. По докладѣ ихъ отписки государь указалъ «послать память да съ нихъ, изъ котораго села не будетъ выслана лошадей, взять лошадь съ трехъ вытей»...[1]).

Въ отвѣтъ на циркулярный запросъ съ Тулы, полученный на засѣкѣ 13/v, Чевкинъ доставилъ Черкасскому обстоятельный докладъ о своихъ работахъ. Чевкинъ жаловался на трудности работъ на его звенѣ, проистекавшія отъ сырой почвы и дождей. Глубокихъ рвовъ «вода копать не дала». Особенно трудно было копать рвы около замка Красносельской засѣки. «Оба рвы, писалъ Чевкинъ, почали копать поперегъ 3 сажени большихъ, а глубина, государь, рвомъ, какъ доведетца, потому что мѣста, г., низки и водены, и дѣло, г., большое и тижелое, поспѣшить, г., некимъ, людей мало». «А какъ, г., ѣхолъ съ Москвы бояринъ князь Д. М. Пожарской и по г. указу Резанскихъ засѣкъ дозиралъ, гдѣ что здѣлоно, и что въ недодѣлки, и онъ, г., то видѣлъ, стоятъ дѣловцы во рву въ водѣ выше пояса». Особенныхъ заботъ здѣсь требовалъ Глѣбовскій проломъ. Всѣ дороги на немъ были закрыты. «А отъ замка Красносельскія засѣки, писалъ Чевкинъ, до Глѣбовсково татарсково пролому и до Дураковскихъ воротъ проѣзжихъ воротъ не бывало, крѣпостьми, г., было укрѣплено глухими. А дорога, г., легла съ тѣхъ мѣстъ, какъ татарове прошли изъ Руси на Глѣбовскій проломъ и головъ побили, Михаила Кириллова сына Беклемишева и съ нимъ подымовныхъ и охочихъ людей побили же».

До 14/v Колтовской прислалъ изъ Переяславля Рязанскаго на звено къ Чевкину 1050 [2]) чел. и 210 лош., но воевода продолжалъ жаловаться, что «противъ г. указу и вполы дѣловцовъ не прислана». Затѣмъ въ прибавку къ 54 дѣловцамъ коломенскихъ дворцовыхъ селъ были присланы еще 74 чел. изъ коломенскихъ и рязанскихъ ловецкихъ селъ. Роспись тому, сколько дѣловцовъ и когда было прислано на засѣку, Чевкинъ и Новосильскій послали подъ отпиской, «списавъ изъ записной тетради» [3]).

Во вниманіе къ опасности укрѣпляемаго ими звена къ нимъ предназначалось значительное количество артиллерійскихъ орудій. 14/v

---

[1]) Вл. ст. № 85 л. 176. [2]) Или 1008; цифра въ оригиналѣ неразборчива. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 171—184.

Пушкарскій приказъ увѣдомлялъ воеводъ, что къ Пожарскому въ Переяславль Рязанскій отправлено для нихъ 6 пищалей, ядра по четыре гривенки, съ станы и съ колесы, а къ нимъ по 150 ядеръ желѣзныхъ, 67 пудъ 20 гривенъ зелья пушечнаго, 120 арш. холстовъ на стрѣльчіе мѣшки по 20 аршинъ къ пищали, 6 пудъ поскони на пыжи, 5 мѣдныхъ дробовыхъ тюфяковъ, дробу желѣзнаго 15 пудъ, полосма пуда зелья пушечнаго, 25 арш. холста да 6 московскихъ пушкарей, къ которымъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ должны были присоединиться еще 5 чел. Нарядъ этотъ слѣдовало отправить къ нимъ, когда они закончатъ работы по устройству засѣки.

Но людей у Чевкина попрежнему не хватало. Во второй половинѣ мая Чевкинъ и Новосильскій пишутъ на Тулу, что «и на г. зелейную казну и на всякіе пушошные запасы погреба и анбара здѣлать нѣкимъ, — людей мало». «А къ Ивану Колтовскому, доносятъ воеводы, пишемъ безпрестани о людѣхъ, Иванъ Колтовской сошныхъ дѣловцовъ къ намъ противъ г. указу не пришлетъ, и подьячева, г., къ намъ по се мѣсто не присылывалъ. А дѣтей, г., боярскихъ съ нами всево 7 человѣкъ, и тѣ, г., худы. А сколько, г., подымовныхъ людей по вѣстямъ съ нами у засѣки будетъ, и хто съ какимъ боемъ, и намъ, г., про то невѣдомо, потому по г. указу по большимъ вѣстемъ велѣно подымовныхъ людей собрати около засѣки по 15 верстъ и менши съ трехъ дымовъ по человѣку, а которые живутъ отъ засѣки въ 25 верстахъ, и съ тѣхъ, г., велѣно собрать съ пети дымовъ по человѣку. И будетъ, г., учинятся и вѣсти про большихъ людей, и мы, г., подымовныхъ людей собрать невѣдано (такъ!) съ коихъ становъ, — станы, г., не расписаны. Противъ Глѣбовсково татарсково пролому и до Дураковскихъ воротъ одинъ Перевитцкой станъ, а Понитцкой, г., станъ близокъ къ Веденскимъ воротамъ, а Кобыльской станъ близокъ къ Волчьимъ воротамъ, а съ полевые, г., стороны станъ Окологородной. А самые, г., пущіе мѣста на Глѣбовскомъ татарскомъ проломѣ, — проходы татарскіе бываютъ въ Русь изъ Руси» [1]). Съ конца мая прибавилась другая бѣда. «З 25 числа въ ночи, писалъ Чевкинъ въ отпискѣ полученной на Москвѣ $^{29}/_{\text{v}}$, Коломенскова уѣзда твоихъ г. дворцовыхъ селъ, села Бропичъ съ деревнями, поотбѣжали отъ твоево г. дѣла 10 человѣкъ». Чевкинъ сообщалъ и роспись бѣглецамъ. По докладу г. указалъ: «Послать во Дворецъ память, велѣть выслать и бѣглецамъ учинить наказанье». На грамотѣ приписка: «Память во Дворецъ послана мая въ 29 де, до обѣда

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 171—178.

взялъ въ Разрядъ изъ Дворца молодой подьячей Ефимъ Родіоновъ»[1]).

Укрѣпленія своего звена В. Чевкинъ закончилъ къ ^{15}/VII, устроивъ засѣки, рвы, валы, городки, 2 острога, надолобы, частикъ и всякія крѣпости. Дѣловцовъ въ концѣ концовъ къ нему собралось 1579 чел. и съ ними 315 лош.; противъ указа не доставало 368 чел. и 74 лош. Лѣсъ съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель приходилось возить верстъ за 15—20. Дѣловцовъ, явившихся въ апрѣлѣ, Чевкинъ распустилъ ^{4}/VII, и въ іюлѣ работали только дѣловцы, явившіеся позднѣе апрѣля, а ^{15}/VII были распущены всѣ дѣловцы. Въ отпискѣ, полученной на Тулѣ ^{18}/VII, Чевкинъ сообщалъ, что и ратныхъ людей съ ними тоже нѣтъ. «Живемъ, г., писалъ воевода, одни на Глѣбовскомъ татарскомъ проломѣ, всего, г., съ нами 6 чел. дѣтей боярскихъ да 30 чел. сторожей засѣчныхъ, и тѣ, г., пѣши, на вѣсти и на сторожу посылать некого. А у горотка, г., пробоевъ и засова нѣтъ, и замковъ къ воротамъ и къ погребу нѣтъ же: какъ будетъ, г., нарядъ и зелейная казна, и городку и погребу безъ замка быть немочно». За своевременное окончаніе работъ В. Чевкина на Тулѣ похвалили. На отпискѣ его была положена такая помѣта: «Отписать, что онъ то учинилъ добро, а про то бъ отписалъ и роспись имянную прислалъ, чьи именно въ розныхъ числѣхъ дѣлали, и которые на дѣлѣ не бывали»[2]).

Данныя объ укрѣпленіи этого засѣчнаго звена были одновременно сообщены Чевкинымъ Разряду и Посольскому приказу — послѣднему, вѣроятно, въ ожиданіи проѣзда черезъ засѣку крымскихъ пословъ.

Въ отпискѣ, полученной на Тулѣ ^{26}/VIII, Чевкинъ сообщалъ роспись дѣловцамъ согласно полученному имъ приказанію «изо всѣхъ росписей выписать, которые посошные люди и въ которомъ числѣ къ г. засѣчному дѣлу.... присланы, и которыхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ имены, и по которое число дѣлали». Чевкинъ препроводилъ роспись дѣловцамъ, работавшимъ на засѣкахъ, но именъ нѣтчиковъ сообщить не могъ. «Намъ про то невѣдомо, писалъ онъ, потому, которые посошные люди къ намъ къ засѣкѣ не присланы, тѣмъ посошнымъ людемъ и росписей къ намъ не прислано, — вѣдаетъ про нихъ, г., Иванъ Колтовской, потому по г. грамотѣ велѣно ему Ивану збирать посошныхъ людей противъ книгъ съ четверти по 5 чел. съ топоры и заступы и съ лопаты»[3]). Кромѣ укрѣпленій лѣсными завалами, надолобами, рвами, валами, частикомъ, зе-

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 355—356. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 259—271. [3]) Вл. ст. № 76 л. 385.

мляными городками, — «а тѣ городки земляные сдѣланы для тово, какъ на то мѣсто будетъ татарскій приходъ, и многими людьми къ валу настрѣляютъ ратныхъ людей, а въ городкѣ сидѣть и биться мочно»,— звено В. Чевкина было укрѣплено на Глѣбовскомъ проломѣ на берегу рѣчки Полной городкомъ со стоячимъ острогомъ, съ 4 башнями отводными по угламъ, съ башней рубленой въ 3 сажени съ 3 мостами надъ воротами. Нижній мостъ у башни мощенъ дубовымъ лѣсомъ, середній и верхній мосты мощены всякимъ лѣсомъ, на нижнемъ и на середнемъ мосту учинены бои, а на верхнемъ мосту для наряду просѣчено 7 «воконъ». «А верхъ на башнѣ рубленъ на 4 угла плоскій, а на немъ срубъ для караулу, а на немъ кровля на стропилѣхъ шатромъ, а покрыта башня тесомъ, а въ ней ворота косыя створчатыя, а изнутри рѣшетка створчатая, ворота и рѣшетка дубовыя; въ тайника мѣсто отведенъ рукавъ къ рѣчкѣ Полной, а въ немъ выкланъ колодезь, и поставленъ срубъ дубовый, а въ немъ воды $2^1/_4$ ар. или больше, въ рукавѣ рѣшетка дубовая, и покрытъ рукавъ лѣсомъ». Кромѣ того, тутъ же былъ выкопанъ погребъ походный со срубомъ, засыпанный землею и покрытый дерномъ, и наготовлены лѣстницы[1]).

Красносельская засѣка. 4-ое звено.

Четвертое звено засѣчной черты, такъ называемая Красносельская засѣка, было поручено кн. Григорію Андреевичу Волконскому[2]) и Григорію Дуванову. Красносельская засѣка простиралась «вдоль на 18 верстъ, а поперегъ на 1184 сажени». На ней было два татарскихъ пролома «вдоль на 1500 саж., а поперегъ на 89 саж.»[3]). Волконскій явился на мѣсто $^7/$IV, а $^{15}/$IV Разрядъ уже напоминалъ ему о скорѣйшей присылкѣ дозора порученнаго ему звена[4]). Въ отпискѣ, отправленной въ Разрядъ $^{15}/$IV, Волконскій жаловался, что до $^{15}/$IV дѣловцы совсѣмъ къ нему не являлись[5]). $^{21}/$IV онъ прислалъ въ Разрядъ свой дозоръ засѣки. Дозоръ этотъ Волконскій предпринялъ вмѣстѣ съ Дувановымъ, взявъ съ собою засѣчныхъ головъ, приказчиковъ, сторожей и «тутошныхъ людей, которые живутъ у засѣки». Волконскій сообщалъ слѣдующее: «Старыя крѣпости всѣ погнили и погорѣли, и знаку нѣтъ, а съ польской стороны рѣкъ и озеръ, никакихъ

[1]) Подробности см. Вл. ст. № 85 лл. 261—266, № 86 лл. 171—178; А. М. Г. II, № 123. [2]) Кн. Гр. Андр. Волконскій уже въ 1615 г. былъ воеводой на Веневѣ (Д. Р. I, 191); въ 1622 г. — воеводой сторожевого полка въ Пронскѣ (Д. Р. I, 502); въ 1632—4 гг. — воеводой въ Каширѣ (Барсуковъ «Списки воеводъ», 97); въ 1634 г. — воеводой передового полка на Дѣдиловѣ (Д. Р. II, 386). Волконскій былъ рязанскимъ землевладѣльцемъ (В. Н. Сторожевъ «П. к. Р. к.», с. 1228; ср. К. Р. I, 77, 206, 881; II, 663, 753). [3]) Вл. ст. № 86 л. 161. [4]) Вл. ст. № 81 лл. 23—24. [5]) Вл. ст. № 81 л. 120.

крѣпостей нѣтъ же, а съ русской стороны пришла рѣчка подъ лѣсомъ Скуратовка. А по засѣкѣ отъ Осетрова замка Вожскіе засѣки все лѣсъ до полово мѣста, а полово, г., мѣста отъ замка Вожскіе засѣки по валу вдоль 518 саженъ, а поперекъ между дву валовъ 18 саженъ, и съ польскую, г., сторону валъ былъ, а возлѣ валу ямы, и тотъ валъ и ямы по твоему г. указу велѣно отставить. А межъ валовъ были надолобы въ 3 бревна, да честикъ битъ въ 3 бревна жъ, а валъ, г., велѣно поновить и ровъ почистить, а глубина рву два саженя, а ширина трехъ саженъ, а въ подошвѣ полутора саженя. А середь рву и валу здѣлать земляной городокъ четыреугольный, а угломъ быть отводнымъ, а мѣрою городка будетъ 60 саженъ, а по земляному городку быть стоячему острогу, и по обѣ стороны того городка по валу до болотъ будетъ стоячей жа острогъ, да въ томъ жа валу, по сторономъ тово городка, быть дву башнямъ отводнымъ, по 5 саженъ стѣна. А земляного, г., городка посошными людьми дѣлать не умѣть, а на башни и на острогъ и на полые мѣста лѣсу нѣтъ ничьево, опричь заповѣднова лѣсу»... $^{23}/_{IV}$, по докладѣ отписки Волконскаго государю, на ней была положена такая помѣта: «Государь указалъ для землянова дѣла послать мастера Ивашка Ондреева, а лѣсъ имать за засѣчной за чертой, чтобъ засѣки не просѣчь («и не оголить и отъ порчи оберечь» — прибавлено въ редактированной по этой помѣтѣ грамотѣ); будетъ.... большою нужею, что лѣсу мимо засѣкъ взять негдѣ, и лѣсъ имати въ той засѣкѣ, которое мѣсто лѣсомъ густо, и поперегъ засѣка широка, а лутче бы, чтобы лѣсъ имати не въ засѣкѣ, хотя лѣсъ и далече возити, а чтобъ засѣкъ не портить, да и земляной валъ дѣло дѣлать прибыльнѣе» («да земляное дѣло деревяннаго прибыльнѣе» — пояснено въ грамотѣ)[1]). Помѣта эта была редактирована въ обстоятельную грамоту, отправленную кн. Волконскому $^{23}/_{IV}$. Кромѣ пересказа помѣты и обычныхъ напоминаній о радѣньѣ и поспѣшеньѣ, грамота содержала предписаніе Волконскому сообщать подробно о ходѣ его работъ въ Рязань кн. Д. М. Пожарскому и на Тулу кн. И. Б. Черкасскому[2]).

Волконскій и Дувановъ оставались на засѣкѣ безъ рабочихъ рукъ. По первоначальному расчету къ нимъ должны были явиться изъ Переяславля Рязанскаго 3355 чел., между тѣмъ Иванъ Колтовской прислалъ $^{15}/_{IV}$ съ попомъ Николы Зарайскаго Максимомъ 31 чел., да $^{19}/_{IV}$ съ пушкаремъ Гришкомъ Тереховымъ 153 чел., — «и послѣ тово числа апрѣля по 21 день больше на присылывалъ», жаловался Волконскій. При-

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 85—90; № 80 л. 3. [2]) Вл. ст. № 80 лл. 1—4.

сланные дѣловцы заготовили лѣсъ и $^{20}/_{IV}$ начали рубить башню противъ стараго лѣсного завала въ Волчьихъ воротахъ. На увѣдомленіе о неприбытіи дѣловцовъ изъ Разряда отвѣтили Волконскому обычнымъ напоминаніемъ о радѣньѣ и поспѣшеньѣ и поторопили Колтовского[1]). Дѣловцы понемногу, однако, собирались. Окончивъ укрѣпленія въ Волчьихъ воротахъ къ $^{12}/_{V}$, и оставивъ здѣсь для береженья засѣчныхъ сторожей да приписныхъ 3 человѣка[2]), Волконскій и Дувановъ направились къ замку Вожской засѣки на полое мѣсто, гдѣ имъ велѣно было поставить 2 башни по 5 саженъ, острогъ по земляному валу и середи рву и валу земляной городокъ. Мастеръ, котораго Разрядъ обѣщалъ прислать еще въ апрѣлѣ, и безъ котораго воевода считалъ невозможнымъ приступить къ устройству городковъ, не явился до $^{11}/_{V}$. Волконскій и Дувановъ возражали противъ самой идеи Разряда ставить острогъ по гребню вала, находя такой стоячій острогъ непрочнымъ. Возраженія противъ первоначальнаго плана вызвали въ Москвѣ неудовольствіе. На отпискѣ Волконскаго была положена такая помѣта: «146 года мая въ 16 де. Государь указалъ сыскати горо[до]дѣльца Ивана Ондреева, что дѣлалъ въ Козловѣ, и послать тотчасъ, а на полыхъ мѣстѣхъ велѣно тебѣ дѣлоти земленой валъ и башни и земленые городки, а по земленому валу острогъ дѣлоти и велѣно тебѣ дѣлоти тѣ крѣпости, которыя написоны въ наказѣ, а лишнихъ крѣпостей не дѣлати, чтобъ людемъ въ томъ великихъ убытковъ не было и пашни [не отбыть?], а впредь о всякихъ дѣлѣхъ писать къ боярину князь Иванъ Борисовичу Черкасскому съ товарищи»[3]).

Между тѣмъ присылка дѣловцовъ шла попрежнему туго, и работы подвигались медленно. Въ Москвѣ Волконскимъ были недовольны. На слѣдующей отпискѣ его была положена такая резолюція: «146-го мая въ 16 де. Государь указалъ отписать. Написано у тебя въ указѣ, что (въ) Волчьихъ воротѣхъ велѣно учинити середи дороги башня, а подъ нею проѣждіе ворота, да вдоль по засѣкѣ завалъ, а поперегъ завалу на 30 саженъ, да отъ башни къ лѣсному завалу привесть острогъ, да съ полевую сторону у башни и острогу учинити ровъ и надолобы для приходу воинскихъ людей, а въ полыхъ мѣстѣхъ, гдѣ нельзя учинить лѣсново завалу, учинить земленой валъ и, гдѣ нель[зя] учинить, и (въ) Волчьихъ воротѣхъ дѣлать многіе ворота и острогъ и надолобы. Чево въ указѣ не написано и для тово посошнымъ людемъ учинилъ многу... и большіе... и такъ дѣлалъ не дѣломъ. Государь указалъ, чтобы дѣло дѣлать

---

[1]) Вл. ст. № 81 л. 237. [2]) Вл. ст. № 85 л. 213. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 206—207; А. М. Г. II, № 137.

противъ наказу, чтобъ недруга не пропустить, а посошнымъ людемъ большой тягости и пашонъ не отбыть. И о томъ отписать къ боярину къ кн. И. Б. Черкасскому съ товарищи и велѣть... для чево лишнее дѣлать, чево въ указѣ не написано. А Ивашка горо[до]дѣльца сыскать, послать къ нему тотчасъ». Грамота по этой помѣтѣ была отправлена Волконскому немедленно —17/v [1]). 12/v Волконскій перебрался верстъ за 9 отъ Волчьихъ воротъ на полое мѣсто къ замку Вожской засѣки, гдѣ ему велѣно было дѣлать четыреугольный земляной городокъ съ башнями 60 саженъ въ окружности, окруженный рвомъ и валомъ. Еще въ апрѣлѣ Волконскій писалъ, что «землянова городка дѣлать посошными людьми не умѣть». До 11/v Ивашка горододѣлецъ къ нему не явился, а съ половины мая начались другія затрудненія. «Мая въ 15 день, писалъ Волконскій на Тулу, въ ночь пріѣхали ко мнѣ приставы дѣти боярскіе, которые были у лѣснова валу въ приставѣхъ къ рѣкѣ Осетру и къ замку Вожскіе засѣки, Степанъ Тарасовъ да Василей Олтунинъ. А сказали: збѣжали де отъ нихъ з государева дѣла отъ лѣснова валу дѣлавцы села Локаши да села Городковичъ розпыхъ помѣщиковъ человѣкъ больши 200». Волконскій тотчасъ послалъ дѣловцовъ отъ дѣланія земляного вала къ дѣланію лѣсного. Отписку свою Волконскій кончалъ обычной жалобой: «...А дѣла указано дѣлать много, а людей мало, не противъ г. указу. А которые сошные люди з г. дѣла бѣгаютъ, и по тѣхъ сошныхъ людей посылать мнѣ некова». Пушкарей, затинщиковъ и разсыльщиковъ И. Колтовской такъ къ нему и не прислалъ. За сборъ ополченія Волконскій не принимался. «Да мнѣ жа бы къ вамъ отписать, сколька у меня дымовныхъ людей и съ какимъ боемъ будутъ, писалъ воевода, и мнѣ по г. указу велѣно подымовныхъ людей посылать по большимъ вѣстямъ, и я по нихъ не посылывалъ и тово не вѣдаю, колка ихъ будетъ и съ какимъ боемъ»[2]). Того же 18/v Волконскій сообщилъ обстоятельную роспись присланнымъ къ нему дѣловцамъ: 15/iv присланы дѣловцы Николы Зарайскаго съ попомъ Максимомъ 31 чел., 19/iv—153 чел., 23/iv—148 чел., 26/iv — 500 чел., 28/iv — 75 чел. архіепископлихъ крестьянъ, 30/iv—239 чел., 4/v—43 чел. и 5 чел., 8/v—494 чел., всего, по его счету, 1703 (1688?) чел., противъ 3355 чел., которые у него должны были быть [3]). Одновременно отправленная отписка Волконскаго въ Москву о разбѣгѣ дѣловцовъ была получена въ Разрядѣ 20/v [4]). 21/v Волконскій писалъ опять, что земляной мастеръ все еще не бывалъ къ нему до сихъ поръ,

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 208—216. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 45—47. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 161—167. [4]) Вл. ст. № 86 лл. 259—260.

и что ему не разъяснено ничего по поводу его недоумѣнія относительно неудобствъ постановки стоячаго острога по гребню вала. На Тулѣ не проявили упорства Разряда въ этомъ вопросѣ, но и не взяли рѣшенія затрудненія на себя, а передали дѣло на усмотрѣніе кн. Д. М. Пожарскаго, рѣшивъ «велѣть дѣлать валъ земляной или острогъ, какъ бы крѣпче, смотря по мѣсту, и какъ бы впередъ прочнѣе». Такъ какъ земляной мастеръ, о которомъ переписка шла больше мѣсяца, куда-то исчезъ, велѣно было послать съ Тулы двухъ капраловъ, давъ имъ по 1 рублю на кормъ, по расчету 10 денегъ на день. «А будетъ, писали съ Тулы, будутъ дѣлать валъ земляной, и о томъ отписать, и на кормъ капраломъ деньги пришлютъ»[1]). Въ концѣ іюня возникъ вопросъ о новомъ упрощеніи оборонительныхъ работъ, а именно объ отказѣ отъ постановки надолобъ. ^{26}/VI на Тулѣ положили такую резолюцію: «Отписать къ князю Дмитрею Михайловичу, чтобъ дозрилъ, да будетъ безъ надолобъ крѣпко, и онъ бы ставить не велѣлъ, потому что людемъ тягость». Въ соотвѣтственномъ предписаніи кн. Пожарскому другими чернилами вписано: «а будетъ што надолобъ поставлено, и тому быти потому, какъ здѣлано»[2]), — очевидно, на Тулѣ опасались, какъ бы это разрѣшеніе не ставить надолобы не было понято въ смыслѣ приказанія ломать уже сдѣланныя.

Разбѣгъ дѣловцовъ продолжался. Въ отпискѣ, полученной на Москвѣ ^{22}/VI, Волконскій писалъ, что «дѣловцы бѣгаютъ», «и... заставъ некимъ рубить». Всего разбѣжалось 1001 чел. «А иные, г., писалъ воевода, прежніе дѣловцы съ Мещерской стороны села Локашъ розныхъ помѣщиковъ оголодали, а перемѣнитца имъ некимъ, столька не дѣлаютъ, сколько милостыни просятъ»[3]). Считаясь съ разбѣгомъ дѣловцовъ, въ Разрядѣ на отпискѣ Волконскаго положили такую резолюцію: «146 іюля въ 8 де. Государь указалъ отписать на Тулу къ боярину и къ воеводѣ ко князю И. Б. Черкасскому съ товарищи: будетъ съ русской стороны или иныя какія крѣпости не добре нужны, и быть безъ нихъ мошно, того бы и не дѣлать для тово, что людемъ большой тягости не было»[4]).

Работы на Красносельской засѣкѣ были кончены ^{22}/VIII. Въ концѣ концовъ И. Колтовской прислалъ съ Рязани 1877 чел., не дославъ противъ расчета 1478 чел. Вмѣстѣ съ извѣщеніемъ объ окончаніи работъ Волконскій и Дувановъ препроводили и подробную ихъ роспись. На ихъ отпискѣ была положена такая резолюція: «146 г. августа въ 25 де.

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 324—326. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 121—128. [3]) Вл. ст. № 75 лл. 8 и 270—271. [4]) А. М. Г. II, № 118.

Государь, сей отписки слушавъ, указалъ: велѣть досмотрѣть и чертежи прислать засѣкамъ бояриму кн. И. Б. Черкасскому съ товарищи, а какъ досмотрятъ и на чертежъ начертятъ, и въ то время по службѣ и смотря по дѣлу милостивое слово будетъ»[1]).

Результаты засѣчныхъ работъ Волконскаго и Дуванова представляются въ слѣдующемъ видѣ. Засѣка была укрѣплена завалами и надолобами, но надолобы были сдѣланы не на всемъ протяженіи, какъ онѣ устраивались на этомъ звенѣ въ прежнія времена. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были сооружены особыя укрѣпленія. Такъ, въ Волчьихъ воротахъ была поставлена башня съ обломами и съ мостами по двумъ сторонамъ, отъ башни шелъ въ обѣ стороны острогъ, а подлѣ острогу былъ битъ частикъ, и устроены надолобы. Это укрѣпленіе прикрывало два татарскихъ пролома противъ деревни Бойчицы и пустоши Ступиной. 4 другихъ пролома, 3 дороги и 1 стежка черезъ Красносельскую засѣку были укрѣплены только завалами и надолобами. Впереди башни былъ поставленъ косой острогъ, а въ немъ ворота створчатыя. За этими створчатыми воротами въ полевой чертѣ были еще пятеро воротъ съ опускными надолобами. Съ русской стороны были тоже створчатыя ворота съ острогомъ по обѣимъ сторонамъ, а за ними еще трое воротъ съ опускными надолобами. Около башни былъ выкопанъ колодезь. Въ острогѣ близъ башни былъ поставленъ амбаръ для пороховой казны. На поломъ мѣстѣ у замка Вожской засѣки были поставлены двѣ башни, «стѣна по 5 саженъ, съ верхними мосты, крыты тесомъ», защищенныя рвомъ и валомъ съ рублеными тарасами[2]).

Почесская засѣка. 5-ое звено.

Пятое звено засѣчной черты, каширская Почесская засѣка, было поручено Тимоѳею Ивановичу Боборыкину [3]). Боборыкинъ явился на засѣку 7/IV и «посылалъ по засѣчново толову и по приказщика и по сторожей пушкарей». «И пушкари, пріѣхавъ, сказали, сообщалъ воевода въ Разрядъ, что голова и приказщикъ и сторожи на Москвѣ, да и тутошніе окольные люди мнѣ, х. т., сказали, что засѣчной голова и приказщикъ и сторожи взяты въ твоемъ г. засѣчномъ дѣлѣ въ Пушкарской приказъ». Боборыкинъ предпринялъ досмотръ засѣки, продолжавшійся 5 дней, съ тутошными и окольными людьми,—«куды была ведена засѣка изстари, и по чертѣ куды ставлены грани съ польскую и съ русскую сторону

---

[1]) А. М. Г. II, № 137. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 206—213; № 86 лл. 164—167; А. М. Г. II № 118, 137. [3]) Тим. Ив. Боборыкинъ въ 1618 г. «ставилъ городъ» въ Кузнецкѣ (Д. Р. I, 322 и К. Р. I, 874).

отъ помѣстныхъ и отъ вотчинныхъ земель»[1]), —и послалъ свой досмотръ съ росписью сопровождавшихъ его окольныхъ людей въ Разрядъ.

Засѣка тянулась въ длину на 15 верстъ, отъ р. Мордвеза по р. Осетръ [2]), а въ ширину простиралась на 7 верстъ. Она включала въ себя Орѣховскій проломъ, «куды шли крымскіе люди въ 141 году». Старыя укрѣпленія почти совершенно разрушились: засѣки, остроги, городки либо сгнили безъ остатку, такъ что и «признакъ никакихъ нѣтъ», либо отъ нихъ «только малые признаки» остались. Между тѣмъ по естественнымъ условіямъ эта сухая мѣстность особенно нуждалась въ искусственныхъ загражденіяхъ, такъ какъ на Каширской засѣкѣ топкихъ рѣкъ, и озеръ, и болотъ, и ржавцевъ, и колодезей отъ рѣки Осетра по рѣчку Мордвезъ не было. Безъ укрѣпленія этого пролета обойтись было нельзя, а лѣсу на засѣки взять было негдѣ. Лѣсъ, вырубленный на старыя, уже разрушившіяся засѣки, не успѣлъ еще окрѣпнуть. Такъ, между Орѣховскимъ проломомъ и Почесскими воротами «завалъ весь згнилъ безъ остатку, и никакихъ признакъ нѣтъ, опричь тово, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ бывалъ валенъ завалъ лѣсной, лѣсъ тонокъ и рѣдокъ, а поперекъ тотъ завалъ валенъ былъ 100 саженъ». Въ Разрядѣ, вмѣсто отвѣта по существу, ограничились платоническими пожеланіями. На отпискѣ Боборыкина $^{4}/v$ была положена такая помѣта: «Засѣка крѣпить по наказу, какъ . . . крѣпчи, а о всякомъ засѣчномъ дѣлѣ писать къ боярину князю И. Б. Черкасскому съ товарищи»[3]).

«Сошные люди» съ Каширскихъ посада и уѣзда начали сходиться къ Боборыкину съ $^{16}/IV$; къ $^{18}/IV$ у Почесскихъ воротъ было 315 чел.; $^{1}/v$ явились 10 дѣловцовъ съ каширскихъ патріаршихъ вотчинъ. Съ явившимися къ нему дѣловцами Боборыкинъ немедленно приступилъ къ работамъ. Къ $^{29}/IV$ онъ сдѣлалъ у Почесскихъ воротъ башню съ 2 воротами и по 60 саженъ стоячаго острогу по обѣ стороны башни до Осетра и Мордвеза да загражденіе изъ опускныхъ надолобъ передъ воротами. Окончивъ эти укрѣпленія, Боборыкинъ отправилъ дѣловцовъ $^{30}/IV$ на Орѣховскій проломъ и сдѣлалъ завалъ отъ пролома до Мордвеза на 250 саженяхъ въ длину и на 25 саженяхъ въ ширину. $^{1}/v$ стали валить завалъ отъ Орѣховскаго пролома къ Бѣляевскому. На отпискѣ Боборыкина, доложенной государю $^{4}/v$, была положена резолюція: «что здѣлано, и то вѣдомо», а впредь предложено было съ отписками обращаться на Тулу къ Черкасскому и слѣдовать его распоряженіямъ[4]).

---

[1]) Вл. ст. № 85 л. 29. [2]) Вл. ст. № 75 л. 363. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 14—19, 21. [4]) Вл. ст. № 85 лл. 21—22.

Боборыкинъ жаловался на трудности заданной ему задачи. Ему надо было «сдѣлать», т.-е. перехватить 30 проломовъ и 16 стежекъ, соорудить башни, острогъ, надолобы «противъ прежнево, какъ было дѣлано изстари, и на полыхъ, не на крѣпкихъ, мѣстѣхъ велѣно валить земляной валъ на 15 верстахъ». Между тѣмъ на работы къ нему были предназначены только 343 человѣка дѣловцовъ да 68 лошадей. Боборыкинъ жаловался, что ему «засѣчнымъ дѣломъ поспѣшить вскорѣ некѣмъ, потому что людей мало, а татарскихъ проломовъ, дорогъ и стежекъ много». «А сказываютъ, г., мнѣ, х. т., писалъ Боборыкинъ, коширяне дворяне и дѣти боярскіе и ихъ крестьяне и старожильцы, что прежъ сево тое Каширскую засѣку дѣлали многихъ городовъ сошными людьми, а не однимъ Коширскимъ уѣздомъ». Опасенія Боборыкина были выражены гиперболически: «укрѣпить тѣми людьми вскорѣ не успѣть, что во многихъ, г., мѣстѣхъ доведетца земленой валъ, и мнѣ бы, х. т., въ томъ засѣчномъ дѣлѣ отъ тебя, г., въ опалѣ и смертной казни не быть». Указывалъ Боборыкинъ и на то, что на другихъ засѣкахъ, на Рязани и на Веневѣ, у воеводъ велѣно «сошнымъ четвертнымъ людемъ быть многимъ, тысечи по 2 и по 3, а дѣлать засѣки верстъ на 15, а инымъ по 10 верстъ»,—«и имъ твоимъ г. засѣчнымъ дѣломъ такими большими людьми и всякіе засѣчные крѣпости учинить мочно, а мнѣ, х. т., тѣми малыми людьми засѣчнымъ дѣломъ поспѣшить отнюдь не мощно». Въ Разрядѣ на его отпискѣ была положена 4/v резолюція: «Отписать: засѣки велѣно дѣлати не по старому, засѣку дѣлать по нынѣшнему государеву указу и наказу, каковъ данъ тебѣ» [1]).

Боборыкину приказано было слѣдить за сохранностью засѣчнаго лѣса: «беречи велѣно тово накрѣпко, чтобъ на Каширской засѣки городскіе и даточные и уѣздные люди засѣчново лѣсу не сѣкли, и никакихъ для дѣлъ за засѣчную черту не ѣздили, и дорогъ не накладывали, и иные никакіе порухи на засѣкахъ не дѣлали». Между тѣмъ, при его досмотрѣ оказалось, что «въ Каширской засѣкѣ въ засѣчной чертѣ съ польскую и съ русскую сторону и середи большово засѣчново лѣсу, гдѣ была ведена засѣка отъ рѣки отъ Осетра по рѣчку по Мордвезъ, засѣчнова всяково лѣсу противъ деревень розныхъ помѣщиковъ высѣчено много». «А хто тотъ лѣсъ сѣкъ, писалъ Боборыкинъ, и мнѣ, х. т., про то невѣдомо, и сыскивать мнѣ не указано, и мнѣ бы, х. т., въ той засѣчной порухѣ, что до меня, х. т., высѣчено, отъ тебя, г., въ опалѣ не быть». Разрядъ отвѣчалъ Боборыкину обычными фразами о «радѣньѣ и поспѣшеньѣ» [2]).

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 23—24. [2]) Вл. ст. № 85 л. 29 сл.

Жалобы на недостатокъ людей Боборыкинъ повторялъ и въ половинѣ мая. Посылая Черкасскому отчетъ о своихъ работахъ, Боборыкинъ сообщалъ, что онъ слѣдуетъ линіи прежней засѣки — «противъ прежнево», руководясь полученнымъ имъ наказомъ. Изъ назначенныхъ къ нему 8 дѣтей боярскихъ у него оказалось только 6, а изъ 343 дѣловцовъ — 327 чел., между тѣмъ какъ на Тулѣ почему-то думали, что у него должно быть 10 чел. дѣтей боярскихъ и 443 дѣловца. «А по смѣткѣ, господа, моей, прибавлялъ Боборыкинъ, и противъ тово, что прежъ сево сдѣлано, чаю лѣсной завалъ завалить по рязанскую по Красносельскую засѣку по рѣку по Осетръ, покамѣста мнѣ велѣно дѣлать, мая съ 31-го числа іюня по 11 число. А иные, господа, какіе засѣчные крѣпости сколь скоро мочно здѣлать, и тово я смѣтить не успѣлъ, потому валю лѣсной завалъ»[1]). Черкасскій отвѣчалъ па это требованіемъ, чтобы Боборыкинъ переписалъ дѣловцовъ около засѣки и сообщалъ подробно о ходѣ своихъ работъ[2]). Кромѣ каширскихъ дѣловцовъ «въ прибавку» съ Боборыкинымъ должны были быть 100 чел. изъ коломенскихъ дворцовыхъ селъ, но до $^{7}/$VI они къ Боборыкину не являлись.

$^{2}/$VI къ Боборыкину прислали съ Москвы нарядъ: пищаль — ядро 3 гривенки, со станомъ на колесахъ, а къ ней 150 ядеръ желѣзныхъ, зелья пушечнаго 11 пудъ да два тюфяка, къ нимъ дробу 6 пудъ, зелья пушечнаго 3 пуда, пять гривенокъ фитиля. Нарядъ Боборыкинъ поставилъ въ Почесскихъ воротахъ. Но нарядъ оказался безъ прислуги и прикрытія. «А наряду, господа, писалъ Боборыкинъ, и пороховой казны оставить не на ково: ратныхъ людей никово нѣтъ». Не было у него и подымовныхъ людей изъ уѣзда. Согласно наказу онъ ихъ «описывалъ», но до $^{7}/$VI они у него не бывали. По его «описи», они должны были явиться въ количествѣ 210 чел. «А какъ, господа, жаловался воевода, въ уѣздѣ подымовныхъ людей описывалъ, и многіе дворы сказывали служни и задворныхъ людей, и съ тѣхъ, господа, служныхъ и задворныхъ людей з дворовъ подымовныхъ людей имать или нѣтъ? И про то, господа, у меня въ г. наказѣ имянно и отъ васъ, господа, съ Тулы не писано». Подводя въ этой отпискѣ, полученной на Тулѣ $^{11}/$VI, итоги, Боборыкинъ прибавлялъ: «а засѣчное, господа, дѣло у меня у Почесскихъ воротъ на отдѣлкѣ». Отъ Почесскихъ воротъ онъ собирался перейти съ дѣловцами на Орѣховскій и Бѣляевскій проломы. На обоихъ проломахъ и на Коровинской дорогѣ, по мнѣнію Боборыкина, «безъ большихъ крѣпостей и безъ землянова вала для проходу воинскихъ людей отнюдь быть не умѣть,

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 151—155. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 156—158.

а вскорѣ всякихъ засѣчныхъ крѣпостей сдѣлать не успѣть, сошныхъ людей мало». На Тулѣ на его отпискѣ положили резолюцію: «Отписать, чтобъ дѣлалъ съ великимъ поспѣшеньемъ, а о нѣтчикахъ къ приказнымъ писать съ пристрастьемъ, чтобъ выслали людей тотчасъ, а будетъ тотчасъ не вышлютъ, и на нихъ пришлютъ править нещадно»[1]).

Въ іюнѣ у Боборыкина начался разладъ съ каширянами. Въ отпискѣ, полученной на Тулѣ $^{12}/_{\text{VI}}$, онъ оправдывался въ томъ, что будто бы потребовалъ съ каширянина Ивана Кропотова вмѣсто двухъ его дѣловцовъ — одного убитаго, а другого изувѣченнаго на засѣчной работѣ — двухъ другихъ крестьянъ, какъ его въ томъ обвинялъ Кропотовъ. Боборыкинъ указывалъ: «и иныхъ чьихъ крестьянъ лѣсомъ побило, и въ тѣхъ убитыхъ людей мѣсто иныхъ дѣловцовъ ни съ ково не имывалъ. А Иванъ Кропотовъ на меня билъ челомъ ложно, что я вмѣсто убитыхъ ево крестьянъ велѣлъ быть дѣловцомъ попрежнему»[2]). Защищаясь отъ обвиненія каширянъ, Боборыкинъ предъявилъ имъ встрѣчное обвиненіе (отписка, полученная на Тулѣ $^{12}/_{\text{VI}}$). «И сошные, господа, люди, писалъ Боборыкинъ, іюня съ 7-го числа меня не слушаютъ и наряжать собою не велятъ, гуляютъ и въ г. засѣчномъ лѣсу дѣлаютъ ковши и дерутъ лыка и плетутъ кошели и лапти. И я ихъ отъ тово унималъ, чтобъ они не гуляли, и въ г. заповѣдномъ засѣчномъ лѣсу за своими дѣлами не ходили, и порухъ никакихъ не чинили, а дѣлали бъ г. засѣчное дѣло съ поспѣшеньемъ. И они меня не слушаютъ, и дѣтемъ боярскимъ и пушкарямъ нарежать собою не велятъ, и угрожаютъ помѣщики своими. И іюня жъ въ 9 день учалъ я тѣхъ сошныхъ людей посылать ставить надолобы, а иныхъ посылать въ лѣсъ по надолобы и по столбы, и они, собрався многими людьми, и пришли ко мнѣ къ башнѣ и хотѣли меня убить. Да они же, пришедъ, мнѣ говорили, что съ Веневскіе засѣки сошные люди збѣжали, и ихъ де воротить къ Веневской засѣкѣ не велѣли, и они, смотря на веневскихъ сошныхъ людей, хотятъ г. дѣло покинуть и отъ засѣки сойтить, а сказываютъ, что помѣщики ихъ больши тово засѣчнова дѣла имъ дѣлать не велѣли». Боборыкинъ указывалъ, что изъ-за непослушанья дѣловцовъ ему засѣчнымъ дѣломъ поспѣшить некѣмъ, и вину за неисполненіе своего урока складывалъ на дѣловцовъ. Онъ жаловался также, что $^{1}/_{\text{VI}}$ сбѣжали отъ Почесскихъ воротъ 13 дѣловцовъ Ивана и Захара Фустовыхъ, сославшихся, когда пушкарь хотѣлъ ихъ вернуть, на то, что имъ «сойтить велѣлъ помѣщикъ ихъ Иванъ Фустовъ»[3]).

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 313—314. [2]) Вл. ст. № 75 л. 116. [3]) Вл. ст. № 75 л. 363.

Каширяне не остались въ долгу и въ отвѣтъ на жалобы Боборыкина подали два челобитья, въ которыхъ выставили противъ него рядъ болѣе серьезныхъ обвиненій, поддержанныхъ всей уѣздной корпораціей. Они обвиняли Боборыкина въ томъ, что съ ихъ крестьянъ, присланныхъ на засѣчныя работы, онъ «ималъ посулы великія». «А нынече, г., писали каширяне, крестьянишкамъ нашимъ и людишкамъ дать ужа нечева, и онъ бьетъ безъ вины, безъ милости: на одинъ день билъ полтораста человѣкъ безъ вины. Гдѣ укажетъ рвы копать, и онѣ, г., то мѣсто ровъ выкопаютъ, и онъ велитъ опять зарывать, да зарывъ, опять тотъ же ровъ велитъ вычищать для своей бездѣльной корысти. Да онъ жа Тимоѳей съ твоево г. дѣла отпустилъ посошныхъ людей, поимавъ съ нихъ посулы великіе, 103 человѣка. А на твоемъ г. дѣлѣ толка работаютъ 240 человѣкъ. А которыи, г., крестьянишка наши работаютъ на твоемъ г. дѣлѣ съ лошедьми, и тѣмъ не велитъ и отъѣхать, нигдѣ накормить, и они, г., кормятъ лѣсомъ. И всякими, г., нужами крестьянишекъ нашихъ и людишакъ неволитъ». Каширяне жаловались, что отъ насильствъ Тимоѳея ихъ крестьянишки и людишки «побрели розно» и «оттово пашнишки вешней и осенней отбыли», и просили сыскать «про тѣ Тимоѳеевы посулы и про безмѣрные побои и отпускную посоху», прилагая къ своему челобитью списокъ отпущенныхъ неправильно Боборыкинымъ дѣловцовъ. На Тулѣ распорядились назначить слѣдствіе: «146-го іюня въ 15 день. Взять къ дѣлу и обыски у нихъ взять особно и про то ихъ допросить, для чево они сошли, собою ли или по отпуску». Для сыска былъ посланъ дворянинъ. Черезъ двѣ недѣли за этимъ челобитьемъ послѣдовало второе. ^{26}/VI каширяне просили производить сыскъ «въ городѣ на Коширѣ и уѣздными всякими людьми, а не у нево Тимоѳея у засѣки у Почесскихъ воротъ». На Тулѣ распорядились «сыскать тѣми, которые съ нимъ, и окольными всѣми людьми»[1]). Для производства разслѣдованія по этому дѣлу Черкасскій остановился на Иванѣ Андреевичѣ Францбековѣ, котораго и облекъ широкими полномочіями[2]).

Боборыкинъ продолжалъ вести засѣчныя работы, показывая особое усердіе. Такъ, ^{17}/VI онъ доноситъ на Тулу объ открытыхъ имъ проложенныхъ черезъ Почесскую засѣку слѣдахъ и о своемъ безсиліи принять противъ прокладыванія черезъ засѣку дорогъ какія-либо мѣры. Въ наказѣ ему велѣно было слѣдить за тѣмъ, чтобы «сошные уѣздные люди черезъ засѣку не ходили и слѣду не накладывали». Между тѣмъ

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 364—366. [2]) Сначала хотѣли послать Епифана Павловича Уварова, потомъ Данила Даниловича Шенгурскаго. Вл. ст. № 75 лл. 367—385.

^{11}/VI засѣчный сторожъ будто бы далъ ему знать, что черезъ лѣсной завалъ съ русской стороны отъ деревни Селина къ деревнѣ Закрутью проложенъ пѣшій слѣдъ. Изъ разспросовъ окольныхъ крестьянъ и засѣчныхъ сторожей выяснилось, что слѣдъ черезъ засѣку на польскую сторону, на деревни Крутово (или Закрутье) и Узуново былъ проложенъ засѣчнымъ сторожемъ Данилой Чоковымъ, который ^{10}/VI ходилъ въ дер. Узуново «на кстины». Боборыкинъ писалъ, что онъ распорядился отдать Чокова и его пріятеля за пристава и послалъ ^{11}/VI на досмотръ засѣчнаго голову Ивана Филиппова. Филипповъ наѣхалъ у Почесскихъ воротъ между дер. Тюнежи (съ русской стороны) и дер. Бѣляевой (съ польской стороны) дорогу, — «вновь лѣсной завалъ просѣченъ, и ѣзжена съ русской и съ полявой стороны да лѣснова завалу съ телѣгами, а черезъ завалъ верхами и безъ телѣгъ и пѣшіе люди». «А хто де тою дорогою ѣздилъ, доносилъ Боборыкинъ, тово не вѣдаетъ, а приписные де сторожа Ивана (Филиппова) не слушаютъ, къ нему не ѣздятъ и засѣки не стерегутъ. А у меня ратныхъ людей никово нѣтъ, по дорогамъ для засѣчнова береженья поставить неково, а подымовные люди и государева указу не послушали, изъ уѣзду ко мнѣ къ Почесскимъ воротамъ нихто не бывалъ, а посылалъ въ уѣздъ для подымовныхъ людей двожды». На Тулѣ распорядились: «Послать дворянина сыскать и сыскъ прислать, а которые ѣздили и тѣхъ, перековавъ, держать до указу, да взять у засѣчнова головы наказъ, какъ о такихъ въ государевѣ указѣ писано»[1]).

На запросъ Боборыкина ^{20}/VI, какъ ему быть съ проломами, на Тулѣ рѣшили: «поставить отъ воротъ надолобы по обѣ стороны, по колку пригожъ, а возли всево завалу надолобъ не ставить»[2]).

Жалобы Боборыкина на дѣловцовъ не прекратились и въ концѣ іюня. Такъ, коломенскіе дѣловцы «г. указу не послушали и... къ Почесскимъ воротамъ къ засѣчному дѣлу не пошли, а пошли къ себѣ въ г. дворцовыя села». Каширскіе «подымовные люди» «къ запискѣ» тоже не бывали[3]).

Боборыкинъ велъ свою корреспонденцію энергично и о разбѣгѣ дѣловцовъ сообщилъ не только на Тулу, но также въ Москву, въ Разрядъ, и на Веневъ своему ближайшему начальнику кн. С. В. Прозоровскому. Въ донесеніи послѣднему Боборыкинъ, повторяя содержаніе своихъ отписокъ, адресованныхъ на Тулу и въ Москву, прибавлялъ,

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 359—362. [2]) Вл. ст. № 75 л. 347. [3]) Вл. ст. л. 170.

что «засѣчнымъ дѣломъ поспѣшить ему нельзѣ, потому что сошные люди ево не слушаютъ и засѣчное дѣло дѣлаютъ не по указу, самовольствомъ; а дѣлаютъ засѣчнова дѣла: на 50 человѣкъ на день ставятъ по три надолобины двойныхъ, а дѣтемъ боярскимъ и пушкаремъ нарежать собою не велятъ. И за ихъ непослушаньемъ засѣчнова дѣла здѣлать ему вскорѣ нельзя». Прозоровскій вмѣшался въ засѣчныя работы Боборыкина. 28/VI онъ послалъ къ Почесскимъ воротамъ стрѣлецкаго сотника Никиту Ульянова, а съ нимъ 2 стрѣльцовъ, вручивъ имъ наказную память и поручивъ имъ взять у Боборыкина роспись ослушникамъ сошнымъ людямъ за Тимоѳеевою рукою и, собравъ ослушниковъ, привести ихъ на Веневъ «къ государеву указу». 30/VI на Веневъ были доставлены 12 чел. дѣловцовъ ослушниковъ. «А въ роспросѣ онъ, сотникъ, и стрѣльцы въ съѣзжей избѣ передо мною скозали, писалъ Прозоровскій на Тулу, какъ де онъ по Тимоѳеевой росписи ослушниковъ сошныхъ людей учелъ на засѣки збирать, и они де въ ту пору учинилися государеву указу сильны и учели де кричать ясаками и, собрався де семьею, хотѣли ево, сотника, и стрѣльцовъ побить». На Веневѣ арестованныхъ дѣловцовъ «за всякое ихъ дурно» Прозоровскій приказалъ бить кнутомъ на козлѣ и послать въ тюрьму, «чтобъ впередъ инымъ неповадно было воровать». «И изъ тюрьмы послоны онѣ на засѣку къ Тимоѳею Боборыкину, а велѣлъ имъ попрежнему быть у засѣчнова дѣло». Списокъ ослушниковъ Прозоровскій препровождалъ Черкасскому [1]).

Въ началѣ августа Прозоровскій донесъ Черкасскому, что при дозорѣ засѣки Т. Боборыкинъ сплутовалъ [2]). Въ іюнѣ Прозоровскій посылалъ досматривать засѣки у Почесскихъ воротъ двухъ рязанцевъ дѣтей боярскихъ И. Есипова и З. Кондаурова, которые въ помощь себѣ должны были взять у Т. Боборыкина засѣчнаго голову и подьячаго. 14/VI И. Есиповъ и З. Кондауровъ подали Прозоровскому свою роспись. Въ этой росписи сообщалось, что между дер. Тюнежи и дер. Бѣляевой «черезъ засѣки проложена дорога, лѣсной завалъ вновь просѣченъ, и ѣзжено съ русской стороны до завалу съ телѣгами, а черезъ завалъ верхами, и пѣшіе слѣды; а хто тое дорогу проложилъ, тово онѣ не вѣдаютъ». 23/VI Прозоровскій приказалъ Т. Боборыкину сыскать про эту засѣчную поруху. Боборыкинъ немедленно отвѣчалъ, что у него людей нѣтъ, засѣку оберегать некѣмъ, а что про засѣчную поруху онъ, сыскавъ, сообщитъ Про-

---

1) Вл. ст. № 75 лл. 273—277. 2) Версію самого Т. Боборыкина см. выше стр. 164—165.

зоровскому. До августа Т. Боборыкинъ на Веневъ не сообщилъ ничего, но написалъ въ Москву въ Разрядъ, что онъ дорогу отъ Тюнежи къ Бѣляевой открылъ самъ еще $^{11}/_{VI}$, т.-е. до пріѣзда Есипова и Кондаурова, пославъ для осмотра своего засѣчнаго голову И. Филиппова. Между тѣмъ засѣчный голова И. Филипповъ $^{1}/_{VIII}$ объяснилъ Прозоровскому на Веневѣ, что до пріѣзда И. Есипова и З. Кондаурова Т. Боборыкинъ его для досмотра не посылалъ, а былъ онъ на досмотрѣ только вмѣстѣ съ И. Есиповымъ и З. Кондауровымъ. Прозоровскій доносилъ на Тулу, что нынѣ онъ отправилъ для разслѣдованія порухъ на участкѣ Боборыкина — курмышанина Якова Дубенского да того же И. Филиппова [1]).

Результаты слѣдствія надъ дѣятельностью Боборыкина присланнаго съ Тулы Францбекова были неблагопріятны для воеводы. Въ концѣ іюля кн. Черкасскій устранилъ Боборыкина отъ должности, «взявъ его для подлиннаго сыска» на Тулу, и послалъ ему замѣстителя въ лицѣ князя Василія Романовича Волконскаго. Волконскій долженъ былъ взять у Боборыкина наказъ и вѣдать засѣку вмѣсто него [2]).

Смѣщеніе Боборыкина еще не разрѣшило всѣхъ затрудненій. Явившійся ему на смѣну кн. Волконскій доносилъ $^{9}/_{VIII}$ на Тулу, что онъ, согласно приказанію Черкасскаго, запрашивалъ кн. Прозоровскаго о роспускѣ въ началѣ августа дѣловцовъ для пашенной поры, но дѣловцы не дождались отвѣта Прозоровскаго. «И Копирсково уѣзду посошныя люди розныхъ помѣщиковъ, писалъ Волконскій, которыя дѣлоли земляной городокъ у Орѣховскава пролому, двѣсте человѣкъ, да каширенъ посадскихъ двѣнадцать человѣкъ, не дождався отъ околничева указу, и не додѣлавъ около городка крѣпостей никакихъ, ни рву, ни честику, ни надолобъ, ни воротъ, августа въ 6 день поутру збѣжали. А на томъ на Орѣховскомъ проломѣ самое худоя мѣста». Того же $^{6}/_{VIII}$ разбѣжались 55 чел. посохи Каширскаго уѣзда да 123 чел. коломенскихъ дворцовыхъ селъ, дѣлавшіе городокъ на Глубоцкомъ проломѣ на полянѣ Залопостьѣ. Каширской посохѣ по развыткѣ досталось дѣлать стѣну на $12^{1}/_{2}$ саженяхъ да башню. Дѣловцы бѣжали, не сдѣлавъ на стѣнѣ боевъ и зубцовъ, а башни и совсѣмъ «дѣлать не почели». Изъ 55 чел. сбѣжало 44 чел. «А тѣ оба пролома, продолжалъ Волконскій, на пущихъ мѣстехъ на сокмѣ. А Тимоѳея, господине, Бобарыкина дѣлано засѣки августа по 3 день отъ рѣчки Мордвеза да по рѣку Осетръ завалъ лѣсной да ворота Поческія, а городки два земленыя почеты были дѣлать и по то-жъ число августа по 3 день по мой пріѣздъ

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 467—469. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 282—283.

не додѣланы, здѣлано было въ трети». На Орѣховскомъ проломѣ городокъ додѣлалъ самъ Волконскій, — «лише крѣпости не дѣланы». «А Глуботцкой въ недодѣлкѣ, потому что дѣлать стало некому, башня одна не дѣлана, да на стѣнѣ зуппы, — Коширскаго уѣзда посошные люди всѣ розбѣжались». Волконскій просилъ указаній, какими силами ему додѣлывать городки и крѣпости около городковъ, указывая на опасность, если случится набѣгъ, а «крѣпости» на тѣхъ проломныхъ мѣстахъ останутся «не утвержены»[1]).

У Почесскихъ воротъ нѣкому было даже охранять присланный туда изъ Каширы нарядъ: «три пищали мѣденыхъ, одна полковая, а двѣ дробовыхъ, да бочка пороха за государевою печатью четырнадцать пудъ десять гривенокъ, да ядра, и тотъ нарядъ, и казна пороховая, и ядра у Почезкихъ воротъ, а у казны только два пушкаря московскихъ, да пушкарь съ Веневы, да сынъ боярской, да десять человѣкъ сошныхъ людей». «А какъ посошныя люди отъ наряду пойдутъ, и у наряду быть некому, а я, писалъ Волконскій Черкасскому, отъ Почезкихъ воротъ далече у государева дѣла верстъ за десять и больши, а что какая поруха надъ нарядомъ и надъ казною учинитца, и мнѣ бы отъ государя въ опалѣ не быть, и ты мнѣ о томъ какъ укажешь»[2]).

Черкасскій отвѣчалъ ему, что онъ отдалъ Прозоровскому распоряженіе собрать каширскихъ дѣловцовъ за недѣлю до Семена дни. Дѣйствительно, по ⁸/IX 147 г. къ Волконскому явились 219 чел. Списокъ прибывшихъ къ нему дѣловцовъ Волконскій сообщилъ на Веневъ кн. Прозоровскому, а въ отпискѣ, посланной на Тулу къ Черкасскому уже послѣ ⁸/IX, онъ жаловался на то, что «посохи мало, засѣчнова дѣла дѣлать некѣмъ». На Тулѣ положили помѣту: «Отписать, что писано о томъ къ окольничему ко князю С. В. Прозоровскому, а онъ бы именно отписалъ, хто имяны и которыхъ селъ коломенскихъ дворцовыхъ селъ збѣжали»[3]). Въ такомъ положеніи застала дѣло осень. Повидимому, работы остались незаконченными.

Схема оборонительныхъ работъ каширской Почесской засѣки рисуется въ такомъ видѣ. Почесская засѣка представляла на большей части своего протяженія открытую, не защищенную ни болотами ни лѣсами мѣстность, поэтому ее крѣпили преимущественно рвами, валами и надолобами. Главное укрѣпленіе было въ Почесскихъ воротахъ. Передъ воротами былъ выкопанъ ровъ длиной въ 43 сажени, шириной въ 2 сажени, глубиной въ $1^1/_2$, и «подлѣ рву и противъ

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 452. [2]) Вл. ст. № 76 л. 191. [3]) Вл. ст. № 76 л. 97.

острогу» поставлены были въ три ряда дубовыя двойныя надолобы на 120 саженяхъ[1]). Лѣсной завалъ былъ валенъ «старымъ мѣстомъ противъ прежнево, коимъ мѣстомъ бывалъ завалъ валенъ поперегъ на двацать па пяти саженяхъ». «На полыхъ, не на крѣпкихъ мѣстѣхъ» сдѣланы надолобы тоже «противъ прежнево». У Почесскихъ воротъ поставлена «проѣзжая башня съ обламы да з двоими вороты». По обѣ стороны башни устроено по 60 саженъ острога, а съ польской стороны передъ башней поставлены четыре надолобины опускныхъ. На опасныхъ мѣстахъ завалъ сочетался съ надолобами. «А лѣсной, господа, завалъ, писалъ Боборыкинъ, валю по старому завалу, гдѣ бывалъ старой завалъ валенъ, а гдѣ лѣсъ небольшой, и тутъ присѣкаю болшово лѣсу съ полскую сторону. А старая, господа, засѣка ведена была поперегъ на сто саженъ, и съ рускую сторону присѣкать болшово лѣсу не умѣть, потому что нынѣшняя засѣка поперегъ тритцати семи саженъ». На этомъ звенѣ пришлось перехватить 30 дорогъ и 16 стежекъ. «А по скаскѣ, господа, тутошныхъ околныхъ людей, писалъ Боборыкинъ, тѣ дороги и стежки проложили крымскіе люди, какъ приходилъ крымской царевичъ во 141 году». Дороги были перекопаны рвами и перехвачены валами. «Полыхъ мѣстъ, писалъ Боборыкинъ, на Коширской засѣкѣ, окромѣ дорогъ и стежекъ и опричь рѣчки Мордвезу, гдѣ ставлены надолобы на тритцати на трехъ саженяхъ, нигдѣ нѣтъ[2]).

Оленковская засѣка. 6-е звено.

Шестое звено, каширская Оленковская засѣка съ Оленковскими воротами, было поручено кн. Ивану Леонтьевичу Шаховскому[3]). Шаховской явился на засѣку и приступилъ къ ея дозору 4/IV. «И у той засѣки и у воротъ, — писалъ онъ въ донесеніи Черкасскому, полученномъ на Тулѣ 14/V, — крѣпостей старыхъ никакихъ нѣтъ, всѣ погнили, толка знатно, гдѣ были. А въ засѣкѣ черезъ лѣсъ дороги многія проложены. А крѣпостей, болотъ и озеръ никакихъ нѣтъ, пришелъ большой лѣсъ раменъ, только рѣдокъ, мочно на лошади проѣхать. А отхожіе лѣса возлѣ черты не во многихъ мѣстѣхъ есть по обѣ стороны черты. Въ заповѣдномъ лѣсу противъ деревни порчи многія, лѣсъ высѣченъ во многихъ мѣстѣхъ по обѣ стороны черты»[4]). Каширскій воевода прислалъ дѣловцовъ на

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 313—314. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 151—155. [3]) Кн. Ив. Леонт. Шаховской въ 1619 г. былъ воеводой въ Рузѣ, въ 1621 г. — въ Мценскѣ, въ 1627—28 гг. — въ Коломнѣ, а въ 1630—32 гг. — во Ржевѣ В. (Барсуковъ «Списки воеводъ», сс. 104, 108, 191; Д. Р. I, 418. Ср. К. Р. I, 647, 737—740, 760, 864, 869, 883, 921, 1332; II, 63, 168, 283, 348, 669, 684, 720, 737, 814). [4]) Вл. ст. № 85 л. 241.

засѣку 13/IV, и 14/IV они начали засѣкать отъ рѣчки Мордвеза проломы Орѣховскій и Барсуковскій. Къ половинѣ мая завалъ былъ заваленъ вдоль по чертѣ на 10 верстъ до Оленковскихъ воротъ. Перехвачены были «проломы и дороги и стежки, гдѣ переходили черезъ лѣсъ воинскіе люди тотарове и русскіе люди».

Въ наказѣ Шаховскому велѣно было «со пня древа не валить, чтобъ корень лежалъ на пни». Въ отпискѣ на Тулу Шаховской возражалъ, что требованіе это не всегда выполнимо: «большова лѣсу древа на пни не удержать, валитца древа отъ пня по сажени и больши, потому что деревья толсты, обоима въ два и въ три; а мелкой лѣсъ, въ бревно и меньши, на пни держится». «А завалъ лѣсной, прибавлялъ Шаховской, сѣкутъ по старому завалу, и нового большова лѣсу прибавливаю съ полевой стороны треть подлѣ старова завалу, а старова завалу два жеребья. А поперегъ завалъ сѣкутъ по 25 саженъ, а индѣ и больши, гдѣ лѣсъ рѣдокъ». Шаховской жаловался, что тѣми незначительными силами, которыми онъ располагаетъ, нельзя возстановить системы старыхъ укрѣпленій у Оленковскихъ воротъ. «У Оленковскихъ воротъ, писалъ онъ, крѣпости были большія, мосты черезъ рѣчки и верхи, трои ворота и опускные надолобы, и отводные надолобы на 7 верстахъ были тройные поперегъ лѣсу, промежъ воротъ по обѣ стороны дороги. А людей, г., у меня мало, не противъ моей братьи Ивана Вельяминова да князя Григорья Волконскаго, — у Ивана Вельяминова на Веневской засѣкѣ двѣ тысячи дѣловцовъ сошныхъ людей, у князя Григорья Волконскаго на Резанской засѣкѣ двѣ тысячи жъ, а у меня, г., дѣлов[цовъ] всево 374 чел. да 69 лошадей тѣхъ же сошныхъ людей. И тѣми людьми вскорѣ поспѣшить некимъ, людей и лошадей мало. А въ засѣкѣ, г., въ дѣлѣ у Ивана Вельяминова не больши моево, — Веневская засѣка съ Коширскою засѣкою сошлась вмѣстѣ. А прежъ сево Коширскую засѣку дѣлоли многими людьми, и мнѣ съ ними поспѣшить некимъ, людей и лошадей мало, и въ томъ бы мнѣ отъ г. въ опалѣ не быть»[1]).

Въ маѣ у Шаховского произошли недоразумѣнія съ владѣльцами присланныхъ къ нему дѣловцовъ. Въ первыхъ числахъ мая вдова каширянина Ивана Крюкова Ульяна жаловалась, что съ ея полуосмины велѣно было взять 2 дѣловцовъ, которые и были взяты на засѣку къ Тимоѳею Боборыкину, а съ нея потребовали еще двухъ къ Шаховскому. «И та, государь, вдова Ульяна, писалъ Шаховской на Тулу, била челомъ государю и тебѣ боярину ложна, съ полуосмины взять дву человѣкъ

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 271—273, № 85 лл. 240—241.

не доведетца, указана по государеву указу взять съ четверти по пети человѣкъ дѣловцовъ. И та, государь, вдова Ульяна написана у меня въ росписи въ четверти въ складѣ са Иваномъ Андреевымъ сыномъ да съ Олексѣемъ Ивановымъ сыномъ Хрущовы и с-ыными розными складчики. Алексѣй, Иванъ Хрущовы у тобя въ полку. А дѣлаютъ онѣ съ ними по розвытькѣ. А х Тимоѳею Бабарыкину преже сего я писалъ о томъ, а Тимоѳей ка мнѣ писалъ, что у нево вдове Ульяне въ росписи дѣловцовъ нѣтъ. А у меня, государь, онѣ мала дѣлоли, всегда бѣгаютъ». Шаховской посылалъ за этими непосѣдливыми дѣловцами по челобитью крестьянъ Хрущовыхъ, списанныхъ съ крестьянами Крюковой, пушкаря Левку, но «тово Ульянина крестьянина у пушкаря у Левки на дороги выбили Назарьевы крестьяне Хрущова и ево Левку били и руку переломили». Отписка Шаховского, вопреки обыкновенію, начиналась не съ указанія автора отписки, и это нарушеніе формы вызвало на Тулѣ неудовольствіе. На отпискѣ на поляхъ сдѣлана сердитая приписка: «князь Иванъ Шеховской уракъ, имяни себѣ не вѣдаетъ»[1]). Рѣшенія Черкасскаго не видно.

Только къ концу мая къ Шаховскому начали подходить дѣловцы съ каширскихъ дворцовыхъ селъ[2]). Перепись подымовныхъ людей для обороны засѣки у Шаховского тоже не ладилась. Въ отпискѣ, полученной на Тулѣ $^{31}/v$, онъ доносилъ о томъ, что послалъ собирать подымовныхъ людей «съ Коширскова уѣзду противъ звена Оленковскихъ воротъ за 15 верстъ съ трехъ дворовъ по человѣку, а которыя деревни отъ заповѣди по 25 верстъ, и съ тѣхъ деревень съ 5 дворовъ по человѣку». «И мая по 29 день, писалъ Шаховской, всево у меня объевилось подымовныхъ людей человѣкъ съ 60. А иные сошные люди г. указу не послушали, къ запискѣ ко мнѣ по се число не бывали. А Максимовыхъ дѣтей Крюкова села Токмакова люди, крестьяне, государева указу не послушали, учинились сильны, подымовныхъ людей засѣчному головѣ Дороѳею Писареву переписывать не дали, отказали. Да вдовы княгини Марьи князя Ивановой жены Мещерскова крестьяне пушкарю Сенкѣ Яковлеву отказали жъ, подымовныхъ людей переписывать не дали». Въ отвѣтъ на это донесеніе Шаховского, кн. Черкасскій немедленно отдалъ распоряженіе кн. Прозоровскому: «сошныхъ людей, которые учнутъ ослушатца и подымовныхъ людей переписывать не дадутъ, и ты бъ (зачеркнуто: на) тѣхъ ослушниковъ посылалъ, ково пригоже, и велѣлъ ослушникомъ чинить наказанье (зачеркнуто: а безъ вѣстей поды-

---

[1]) Вл. ст. № 86 л. 216. [2]) Вл. ст. № 85 л. 354.

мовныхъ людей на засѣки держать не велѣлъ». Между строкъ послѣ словъ «и ты бъ тѣхъ ослушниковъ» вписано: «велѣлъ приводить къ себѣ и велѣлъ имъ чинить наказанье, бить батоги нещадно, чтобъ, на то смотря, инымъ неповадно было ослушатца. А сколько подымовныхъ людей у князя Ивана Шаховского на переписке будетъ и съ какимъ бои, и тебѣ бъ о томъ къ намъ отписать»[1]).

Шаховской жаловался на отсутствіе лѣса. «Ворота и надолобы и опускные колоды старые, писалъ онъ, сѣчены изъ тово жъ заповѣдново лѣсу, а мнѣ, х. т., на всякія крѣпости изъ заповѣднова лѣсу сѣчь не указана, указана лѣсъ сѣчь на крѣпости въ отхожихъ лѣсахъ. Изо отхожихъ лѣсовъ на ворота и на опускныя надолобы и на мосты возить далеча, а въ воротѣхъ грязи и лужи большіи и верхи поперекъ лѣсу, а на опускные колоды въ отхожихъ лѣсахъ такова лѣсу нѣтъ, опричь г. заповѣднова лѣсу высѣчи негдѣ»[2]).

У Шаховского была и другая бѣда. Изъ Каширы 13/v къ нему прислали пищаль, ядро 4 гривенки, со всѣми обычными принадлежностями: станками, 150 ядрами, зельемъ, мѣшками, пыжами, дробомъ и фитилемъ. «А людей, г., и пушкарей, писалъ воевода, у меня нѣтъ, приставить наряду стеречь неково, а въ приходъ крымскихъ людей быть не съ кѣмъ. И вѣсковъ нѣтъ: зелья пушечнова къ пищали и къ тюфякамъ развѣсить нечимъ». Черкасскій распорядился послать съ Каширы 10 стрѣльцовъ «для береженья до тѣхъ мѣстъ, покамѣста по г. указу людей пришлютъ»[3]).

Дѣловцовъ у Шаховского не хватало, а съ Тулы усиленно торопили, требуя, чтобы онъ додѣлывалъ укрѣпленія «съ великимъ поспѣшеньемъ»[4]). Для облегченія дѣловцовъ и для ускоренія дѣла на Тулѣ начинаютъ сокращать программу работъ. Такъ, въ отвѣтъ на отписку Шаховского, полученную 11/vII, Черкасскій писалъ ему, чтобы онъ прекратилъ постановку надолобъ, — «а посошнымъ бы людемъ въ лишнемъ въ надолобномъ дѣлѣ большіе работы не было». Охрану засѣки Черкасскій приказывалъ поручить «засѣчнымъ сторожамъ и окольнымъ приписнымъ деревнямъ, кому указано беречь по наказу засѣчныхъ головъ»[5]). Наконецъ, Черкасскій распорядился, уступая челобитью каширянъ, крестьянъ ихъ «для дѣловой поры» отпустить; «а какъ дѣловая пора минется, писалъ онъ Шаховскому, и ты бъ коширяномъ посошнымъ людемъ мостъ и избу и всякую подѣлку велѣлъ дѣлать»[6]). Впрочемъ, задерживать посоху и

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 412—414. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 240—241. [3]) Вл. ст. № 86 л. 415. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 12—15. [5]) Вл. ст. № 76 лл. 24—25. [6]) Вл. ст. № 76 л. 415.

не было особой надобности, такъ какъ къ $^{18}/\text{VII}$ Шаховской кончилъ укрѣпленіе порученнаго ему участка длиною въ 15 верстъ 831 сажень: «лѣснымъ валомъ засѣкъ и въ Оленковскихъ воротѣхъ всякія крѣпости сдѣланы, башню и острогъ, и ворота, и опускныя колоды, и надолобы, а съ полевой стороны противъ проломовъ земляные валы и рвы выкопаны, и городокъ земляной поставленъ, и честикъ, и надолобы поставлены жъ, дороги и стежки всѣ позакрѣплены и лѣсомъ позасѣчены». «И посоха, г., писалъ онъ Черкасскому, по твоему боярскому указу и по дозору околничева князя С. В. Прозоровскова іюня въ 18 день отпущена з засѣки всѣ, а я въ Оленковскихъ воротѣхъ на засѣкѣ стою одинъ, ратныхъ людей у меня нѣтъ, и о томъ, г., какъ укажешь»[1]. Въ началѣ августа Черкасскій отдалъ Прозоровскому распоряженіе «къ Оленковскимъ воротамъ ко князю Ивану Шаховскому послать солдатовъ, сколько человѣкъ пригожъ, и велѣлъ (такъ!) тѣмъ солдатомъ (быть?) въ Оленковскихъ воротахъ со княземъ Иваномъ Шаховскимъ до г. указу, а на Козельскую и на Лихвинскую засѣки по г. указу прислано съ Москвы на засѣку по 50 человѣкъ солдатовъ». Увѣдомленіе объ этомъ послано и самому Шаховскому[2]). Въ началѣ же августа Черкасскій потребовалъ отъ Шаховского, какъ и отъ другихъ засѣчныхъ воеводъ, сообщенія точныхъ данныхъ о тѣхъ даточныхъ, которые работали на чертѣ, для препровожденія ихъ въ Разрядъ[3]). Отвѣта Шаховского мы не имѣемъ.

Веркушская засѣка. 7-е звено.

Седьмое звено засѣчной черты, веневская Веркушская (названіе — отъ стана) засѣка, было поручено Ивану Яковлевичу Вельяминову[4]). $^{6}/\text{IV}$ Вельяминовъ былъ уже на засѣкѣ и послалъ веневскихъ пуш-

---

¹) Вл. ст. № 76 л. 434. ²) Вл. ст. № 76 л. 435. ³) Вл. ст. № 76 лл. 212—214. ⁴) Ив. Яковл. Вельяминовъ въ 1615—19 гг. былъ воеводой въ Пелымѣ, въ 1622 г. — первымъ воеводой на Тулѣ и объявлялъ извѣстный выговоръ другимъ воеводамъ за плохую оборону при татарскомъ набѣгѣ (К. Р. I, 853; Соловьевъ, «Исторія Россіи», II, с. 1197); въ 20-хъ годахъ Вельяминовъ былъ писцомъ въ Псковѣ (наша работа «Приказъ с. р. л.» с. 423); въ 1623 и 1628 гг. онъ появляется во дворцѣ, какъ участникъ придворныхъ церемоній (Д. Р. I, 538—539, 999; II, 21, 23, 53); въ декабрѣ 1633 г. онъ высылалъ галицкихъ нѣтчиковъ и жаловался на ихъ неповиновеніе и даже сопротивленіе, а затѣмъ отводилъ рейтаръ подъ Смоленскъ (А. М. Г. I, № 591 и К. Р. II, 491 сл.); въ 1633—4 гг. участвуетъ въ Смоленскомъ походѣ (Д. Р. II, 334); въ 1635 г. былъ посылаемъ для досмотра Козельскихъ засѣкъ — о дѣятельности его въ этомъ году свѣдѣній не имѣемъ (Д. Р. II, 486; Р. И. Б. II, № 161); въ 1636 г. былъ вторымъ воеводой на Тулѣ (Д. Р. II, 547). На Тулѣ же, повидимому, онъ находился и лѣтомъ 1637 г. (Д. Р. II, 554). Къ осени этого года, когда Вельяминовъ былъ оставленъ на Тулѣ съ кн. Иваномъ Никитичемъ Хованскимъ,

карей и затинщиковъ на Тулу за назначенными къ нему 12 дѣтьми боярскими, а на Коломну и Епифань за сошными людьми. До [10]/IV никто, кромѣ дѣловцовъ съ Венева, къ нему не бывалъ. Сошнымъ людямъ, собраннымъ съ Веневскихъ посада и уѣзда, Вельяминовъ приказалъ возить лѣсъ на засѣки. «И Веневскаво посаду и уѣзду всякихъ чиновъ люди мнѣ, х. т., писалъ Вельяминовъ въ Москву, сказали, что въ Веневскомъ уѣздѣ въ двадцати верстахъ и больше такова лѣса къ засѣчному дѣлу, опричь заповѣдново лѣсу, взять негдѣ, и за тѣмъ твое государево засѣчное дѣло ста[ло], всякихъ крѣпостей дѣлать нечѣмъ». Кромѣ затрудненій съ лѣсомъ и людьми, Вельяминовъ одновременно жаловался и на другія препятствія. Сообщая о результатахъ своего дозора, онъ писалъ: «на той, г., засѣкѣ ворота и надолобы и всякія крѣпости погнили, да въ той, г., засѣкѣ во многихъ мѣстѣхъ рѣдкодубъ, и проломы, и дороги многіе, и степныя мѣста, на которыхъ сакмы татарскіе. А та, г., засѣка заступила всево 9 деревень, а тульскимъ и каширскимъ мѣстамъ отъ тое Веневскіе засѣки помочи нѣту, потому что тульскіе и каширскіе мѣста заступили тѣхъ городовъ засѣки. И я, х. т., веневской Веркошской засѣки чертежъ и роспись, что на той засѣкѣ прежъ сево было воротъ и всякихъ крѣпостей, и полыхъ мѣстъ, и вновь проломовъ, дорогъ и стежекъ, на которыхъ мѣстѣхъ безъ подѣлки и безъ крѣпостей впредь быти немочно, послалъ къ тебѣ, г., съ сею отпискою».

За эти несвоевременныя разсужденія изъ Москвы Ивану Велья-

относится его крупный конфликтъ съ тульскимъ гарнизономъ. Кн. Хованскій былъ «на время» отпущенъ и передалъ командованіе И. Вельяминову. Вельяминовъ не поладилъ со служилыми людьми. «... И стряпчіе, и дворяне московскіе, и жильцы, и дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ, писалъ Вельяминовъ въ Москву, пришли къ съѣзжей избѣ шумомъ: на твоей г. службѣ со мною, х. т., быть не хотятъ и въ твоей г. въ съѣзжей избѣ и на смотрѣхъ меня, х. т., лаютъ и позорятъ, бутто я, х. т., тульскоя воеводство купя, поѣхалъ. И людишекъ, г., моихъ у съѣзжей избы побили на смерть, а, бьючи людишекъ моихъ, хвалетца убить меня, х. т. И человѣкъ, г., мой узналъ, что ево билъ Дмитрей Ивановъ сынъ Кутузовъ, жилецъ. И твой государевъ столникъ и воевода кн. Иванъ Микитичъ (Хованскій, первый воевода) велѣлъ тово Дмитрея передъ собою поставить. И онъ, Дмитрей, сказалъ, что хотятъ меня, х. т., убить міромъ, а я, х. т., передъ тобою, г., вины своей никоторые не вѣдаю. Милость, г., намъ, х. с., покожи, вели, г., сыскать своимъ государевымъ столникомъ и воеводаю кн. Иваномъ Микитичемъ — передъ нимъ онъ, Дмитрей, и передъ многими дворяны сказалъ, что меня, х. т., хотятъ убить. И опозоренъ, х. т., но старость до конца, а людишка, г., побиты на смерть, а до твоего г. указу готовъ, х. т., сидѣть въ турмѣ, а у твоего г. дѣла быть мнѣ, х. т., за токимъ позоромъ и за безчестьемъ невозможна». Въ Москвѣ взглянули на дѣло серьезно, и Гавреневъ распорядился начать слѣдствіе, которое было поведено очень энергично (Прик. ст. № 351, I, лл. 19—171).

На бѣду для самого И. Вельяминова правительство сочло нужнымъ поддержать его авторитетъ и дало ему новое назначеніе на черту лѣтомъ 1638 г.

минову сдѣлали ^{15}/IV строгій выговоръ. Грамота изъ Москвы гласила: «По нашему указу бояре наши тое твоей росписи слушали и чертежу смотрѣли, и Веркошскіе засѣки чертежъ твой съ росписью твоею во всемъ рознился. И въ которыхъ мѣстѣхъ и на колькихъ верстахъ Веневскую засѣку надобно дѣлать и крѣпить, и тово указать не по чему: въ чертежѣ твоемъ то все подлинно не написано. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ помыслилъ, съ тамошними со всякими людьми посовѣтовавъ, въ которыхъ мѣстѣхъ и на колкихъ верстахъ для береженья отъ приходу воинскихъ людей надобно засѣку укрѣпить, и въ которыхъ мѣстѣхъ... тамошнихъ людей для береженья отъ приходу воинскихъ людей надобно, дѣлать и крѣпить на той засѣкѣ всякіе крѣпости наспѣхъ, чтобъ ту засѣку всякими крѣпостьми укрѣпить до приходу крымсково царя и царевичей и большихъ воинскихъ людей. А которые девять деревень Веневская засѣка заступила, и ты бъ тѣ деревни учинилъ за засѣкою и за всякими засѣчными крѣпостьми, потому на Веневской засѣкѣ по нашему указу и по боярскому приговору велѣно тебѣ лѣсной завалъ учинить, и въ засѣчныхъ воротѣхъ острогъ и башни поставить и всякими крѣпостьми засѣку укрѣпить для береженья всево Московскова государства, а не для девяти деревень. А въ которые мѣста на засѣку для засѣчнова дѣла лѣсъ надобенъ, и ты бъ на то на засѣчное дѣло и на всякіе засѣчные крѣпости лѣсъ ималъ изъ отставные засѣки, которую засѣку по твоему досмотру и по совѣту тамошнихъ людей дѣлать и крѣпить не для чево. А въ которыхъ мѣстѣхъ и на колкихъ верстахъ и саженѣхъ и которово числа засѣчные всякіе крѣпости по нашему указу дѣлать учнешь, и въ которыхъ мѣстѣхъ и на колкихъ верстахъ и саженѣхъ и для чево засѣку отставишь, — и ты бъ о томъ о всемъ къ намъ подлинно отписалъ и чертежъ той всей Веневской засѣки, росписавъ подлинно, прислалъ. А одноличнo бъ тебѣ тово себѣ въ оплошку не поставить, на Веневской засѣкѣ противъ нашево указу всякіе крѣпости учинить вскорѣ, до приходу большихъ воинскихъ людей»[1]).

Покуда Вельяминовъ переписывался съ Разрядомъ относительно своихъ строительныхъ недоумѣній, коломничи дворяне и дѣти боярскіе всѣмъ городомъ и вдовы и недоросли подали слѣдующее челобитье: «По твоему г. указу велѣно, г., намъ, х. т., дѣлать засѣка веневская Вер[куш]ская. Милосердый государь, пожалуй насъ, х. т., вели, г., то свое засѣчное дѣло намъ, х. с., розвытить противъ нашихъ живущихъ

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 7—10.

четвертей, и мы, х. т., тое засѣку станемъ дѣлать сами съ людишками и со крестьяны, на твою г. службу, сдѣлавъ, поспѣемъ на срокъ, для тово, чтобы нашимъ крестьянишкамъ продажи и убытку не было, и домишка бы наши не разорилися». Челобитье это было встрѣчено въ Москвѣ благосклонно. «146-го апрѣля въ 12 день. Государь пожаловалъ, велѣлъ имъ сдѣлать съ живущихъ чети засѣку по развыткѣ, что на живущiю четь доведстца, и о томъ дать грамота на Коломну, что живущiе чети, что за ними [и ?] за вдовами, послать къ Ивану Вельяминову». Грамота по этой помѣтѣ на имя коломенскаго воеводы кн. И. И. Шаховского была составлена въ приказѣ въ тотъ же день. Грамота гласила: «И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ съ платежныхъ книгъ Коломенсково уѣзда списокъ, что за коломничи за дворяны и за дѣтьми боярскими, и за вдовами, и за недоросли въ живущемъ четвертные пашни порознь, отославъ къ Ивану Вельяминову на веневскую на Веркошскую засѣку за своею рукою тотчасъ, да о томъ къ намъ отписалъ». На оборотѣ вставлено: «а будетъ Иванъ Вельяминовъ къ тебѣ отпишетъ, что дворяне и дѣти боярскiе коломничи, и вдовы, и недоросли съ живущихъ чети дѣловцовъ вскорѣ не вышлютъ, и ты бъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и вдовъ, и недорослей съ помѣстей и съ вотчинъ дѣловцовъ противъ сошнаго письма собравъ, отослалъ къ Веневской засѣки по прежнему нашему указу» (зачеркнуто въ концѣ: и на ослушныхъ дѣловцовъ правилъ, да о томъ къ намъ же писать). $^{16}/_{IV}$ соотвѣтствующее увѣдомленiе было составлено и на имя самого Вельяминова[1]).

Вельяминовъ не поладилъ и съ каширянами. По жалобѣ каширянъ $^{18}/_{IV}$ Разрядъ шлетъ ему приказанiе задержать сборъ уѣзднаго ополченiя. «И нынѣ били намъ челомъ, гласитъ грамота, коширяне дворяне и дѣти боярскiе, что ты... правишь на нихъ (зачеркнуто: тѣхъ даточныхъ людей, помѣсья ихъ и вотчины, которые въ Веневскомъ уѣздѣ отъ войны крымскихъ и ногайскихъ людей запустѣли), да ты жъ де въ ихъ помѣсныхъ лѣсахъ велишь на засѣчное дѣло всякой лѣсъ сѣчь и возить къ засѣкамъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ (зачеркнуто: и ты бъ тѣхъ даточныхъ людей, которые указаны взять съ трехъ дворовъ по человѣку съ пищалью, безъ болшихъ вѣстей не сбиралъ, а велѣлъ имъ быть наготовѣ. А какъ будутъ болшiе вѣсти про приходъ крымсково царя или царевичей или болшихъ воинскихъ людей, и ты бъ, тѣхъ даточныхъ людей собравъ, велѣлъ быть съ собою тотчасъ. А лѣсъ на засѣчное дѣло велѣлъ сѣчь въ отставныхъ засѣкахъ), и ты бъ по прежнему нашему указу и по сей

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 220—223Ь.

нашей грамотѣ съ селъ и съ деревень, которые отъ засѣки въ 15 верстахъ»[1])... (Черновикъ не конченъ.)

^{20}/IV въ Разрядѣ была получена отъ Вельяминова отписка, въ которой онъ доносилъ, что засѣчный голова Иванъ Бундовъ, которому велѣно было быть съ нимъ, «апрѣля во 16 число отъ засѣки сбѣжалъ». «А въ той, г., засѣкѣ во многихъ мѣстѣхъ учинены порухи многія, и дороги и стежки проложены, писалъ Вельяминовъ, а у твоево г. дѣла товарища у меня, х. т., и засѣчнова головы нѣтъ, и за тѣмъ твоему г. дѣлу мотчанье великое, а Веневская засѣка на двадцати на пяти верстахъ» [2]). Вернуть себѣ засѣчнаго голову ему удалось только ^{16}/V [3]).

Не поладилъ воевода и съ засѣчными сторожами. ^{20}/IV въ Разрядѣ была получена препровожденная самимъ Вельяминовымъ слѣдующая жалоба засѣчныхъ сторожей, испомѣщенныхъ въ Ростовскомъ и Веркушскомъ станахъ Тульскаго уѣзда. «Въ писцовыхъ, г., книгахъ написано за нами по четверику. И какъ, г., приходилъ крымской царевичъ, и домишка, г., наши пожгли и женишки и дѣтишка наши въ полонъ поимали, и мы, г., отъ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста голодною смертью помираемъ, волочимся межъ дворъ. И нынѣ, г., присылаетъ съ Тулы воевода пушкарей править на насъ, х. т., съ четвертей, съ трехъ четвериковъ, людей къ твоему г. дѣлу, а воевода, г., Иванъ Яковлевичъ, велѣлъ намъ быти у веневской у Веркошской засѣки, прочь не отпустилъ, волочимся день и ночь безпрестани». Сторожа просили о томъ, чтобы имъ быть «у государева дѣла у одного города»[4]).

Того же ^{20}/IV Вельяминовъ увѣдомлялъ Разрядъ, что сошные люди съ Коломны все еще не явились къ нему, и что онъ не знаетъ, какъ быть съ лѣсомъ, такъ какъ, кромѣ заповѣднаго, иного лѣса подъ руками у него не было. Въ Москвѣ положили такую резолюцію: «146-го апрѣля въ 20 де. Досмотрѣть въ Разрядѣ, чаю, указъ о томъ посланъ въ Коломну, и съ Коломны о томъ писано жъ, что выслалъ людей» [5]).

Всего дѣловцовъ съ Коломны, посада и уѣзда, Венева, посада и уѣзда, и Епифанскаго уѣзда въ распоряженіе Вельяминова должно было поступить 2077 чел. Въ отпискѣ, полученной въ Москвѣ ^{11}/V онъ доносилъ, что ^{20}/IV къ нему съ Веневскаго посада было прислано 50 чел., а съ Веневскаго уѣзда 68 чел., съ Епифанскаго — 6 чел. и 2 лош. Въ три дня эта сотня дѣловцовъ высѣкла 1045 саженъ лѣсного завала. 23, 24 и 26 апрѣля и 7 мая изъ Коломны было прислано 1521 чел. да 322 лош. Всего у него оказалось 1639 чел. и 348 лош. Въ первыхъ чис-

[1]) Вл. ст. № 81 л. 49. [2]) Вл. ст. № 81 л. 97. [3]) Вл. ст. № 85 л. 183.
[4]) Вл. ст. № 81 лл. 98—99. [5]) Вл. ст. № 81 л. 121.

лахъ мая Вельяминовъ доносилъ въ Разрядъ, что онъ «тѣмъ сошнымъ людемъ розмѣрилъ по живущимъ апрѣля въ 25 день ровъ копать и надолобы и честикъ ставить»[1]).

Въ обстоятельномъ донесеніи, полученномъ на Тулѣ $^{11}/_{V}$, Вельяминовъ сообщалъ о большихъ поврежденіяхъ въ засѣчныхъ лѣсахъ. «И въ той засѣкѣ, писалъ Вельяминовъ, за чертою во многихъ мѣстахъ лѣсъ сѣченъ, и дороги проложены большія дровосѣчныя, а противъ города Веневы за чертою высѣчено вдоль по засѣкѣ на 2 верстахъ, а поперегъ сѣчено отъ черты до черты степные стороны, сѣкли Веневсково посаду всякіе люди, а съ русскія стороны сѣкли помѣщики и вотчинники, и во многихъ, г., мѣстѣхъ завалу лѣсново сѣчь нечево, и твоему государеву дѣлу поруха и мотчанья учинилося многое. И я, х. т., тѣхъ селъ и деревень крестьянъ въ твоей государевой пенѣ велѣлъ давать на поруку до твоево г. указу, и о томъ, г., мнѣ, х. с., какъ укажешь». Вмѣстѣ съ тѣмъ Вельяминовъ предостерегалъ, что его дѣловцы, въ случаѣ нападенія крымцевъ, совершенно беззащитны: «у сошныхъ людей вогненново бою нѣту, оберегать засѣки и въ приходъ воинскихъ людей сидѣть въ острогѣ нечѣмъ»[2]).

Получивъ $^{13}/_{V}$ изъ Разряда грамоту о томъ, что ему надлежитъ быть «съ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ», Вельяминовъ отправилъ на Тулу донесеніе о ходѣ дѣлъ на своемъ звенѣ. «Веневская засѣка, писалъ онъ, отъ Тульскіе и отъ Коширскіе засѣки отроги, а межъ тѣхъ отроговъ съ тово мѣста на 2344 саженяхъ». Располагая 1639 дѣловцами и 348 лошадьми, Вельяминовъ къ половинѣ мая поставилъ башню и избу у Княжихъ воротъ и ставилъ передъ башней острогъ,—«да черезъ поля на степи, гдѣ лѣсу нѣтъ, въ Гробороновыхъ воротѣхъ сдѣлано 4 колоды опускныхъ, да на 1644 саженяхъ поставлены надолобы втрое, и честикъ били, и ровъ копали, и по рву плетень заплели, и изо рву землю насыпали, и за тѣмъ валомъ пѣшево стоячево человѣка не видѣти. Да тѣми же сошными людьми по се время завалу лѣснова высѣчено на 3745-и саженѣхъ, опричь коломнечъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и вдовъ и недорослей. А коломнечи по г. грамотѣ з живущево со 61 чети съ полосминою апрѣля съ 27-го числа въ Княжихъ воротѣхъ острогу поставили на пяти саженѣхъ да рву копали и надолобы ставили и честикъ били около острогу на 6-ти саженѣхъ, да мосту мостили на 30 саженѣхъ, да надолобъ у воротъ поставили въ двѣ рядъ на 2 сотъ саженѣхъ, да колоду опускную, да лѣсного завалу

---

1) Вл. ст. № 85 л. 169 и № 86 л. 137. 2) Вл. ст. № 85 лл. 170—171.

высѣкли на 1450 саженѣхъ. И завалъ лѣсной некрѣпокъ, лѣсъ рѣдокъ. Да въ Княжихъ же, господа, воротѣхъ надобно 7-мь колодъ опускныхъ да мосту мостить на 140 саженѣхъ, и по обѣ стороны надолобы ставити въ двѣ рядъ, и въ иныхъ на полыхъ мѣстѣхъ надолобы дѣлать, и около острогу ровъ копать и честикъ бить. Да степново мѣста промежъ дубровъ не дѣлано на 700 саженѣхъ, да лѣсного завалу не высѣчено много. А какъ завалъ сошнымъ людемъ сѣчь отводятъ, и въ то время по живущимъ четвертямъ имъ размѣрить. И сколь скора засѣку мочна здѣлать, и про то вѣдати немочно, — въ ведряные дни государева дѣла поспѣшка, а въ ненасья дѣлу мотчанья. И мая, господа, въ 9 день коломнечи отъ засѣки поѣхали на государеву службу на Резань. А по г. указу съ коломнечъ съ живущего съ 61 чети съ полуосминою довелося было взяти съ нихъ къ засѣчному дѣлу сошныхъ людей 305 человѣкъ да 61 лошадь. Да съ Веневского посаду противъ г. указу маія по 15 число не прислано 35 человѣкъ да 7 лошадей. Да съ Коломны не прислано 134 человѣка да 27-ми лошадей. Да по г. указу для подымныхъ людей къ Веневской засѣкѣ посыланъ высылать туленинъ сынъ боярской Михаило Сергѣевъ, и по его росписи съ Веневского уѣзду подымныхъ людей 40 человѣкъ. И маія по 13 день объявилися у засѣки тѣхъ людѣхъ 30 человѣкъ съ пищалми. Да у той жъ засѣки приписные села и деревни Тулского уѣзду. А вѣдаютъ и оберегаютъ тое засѣку тѣхъ селъ и деревень приписные сторожи. И по государеву указу довелося съ нихъ къ Веневской засѣкѣ взяти подымныхъ людей, и онѣ г. указу не послушали, подымныхъ людей къ засѣкѣ па [не?] даютъ». Вельяминовъ, повторяя въ своемъ донесеніи на Тулу сообщеніе о порухахъ засѣчному лѣсу, сдѣланное имъ ранѣе въ Москву, прибавлялъ, что виновные въ этихъ порухахъ окрестные жители «чинятца сильни, порукъ по себѣ не даютъ». «И о томъ, господа, спрашивалъ воевода, мнѣ какъ укажете. А подьячево со мною у г. дѣла нѣтъ, написать и выложить и смѣту учинить некому». На пространной отпискѣ Вельяминова на Тулѣ была положена слѣдующая резолюція: «Отписать, чтобъ прислалъ товарыща съ чертежемъ и росписалъ бы въ чертежѣ, которое мѣсто дѣлать, и какъ онъ писалъ напередъ сево о томъ къ государю, что онъ дѣлаетъ засѣку за засѣкою. Да и про то къ нему отписать, что онъ такими многими людьми дѣлаетъ мѣшкотно, мошно было ему такими людьми давно отдѣлать: из-ыныхъ мѣстъ пишутъ — немногими людьми дѣлали, и засѣчные дѣла въ отдѣлкѣ» [1]).

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 137—139.

Между тѣмъ съ засѣки на Вельяминова поступали жалобы. Такъ, 22/v на Тулѣ были заняты разборомъ жалобы на Вельяминова дворянъ московскихъ и жильцовъ. Засѣчныя работы Вельяминовъ раздѣлилъ по жеребьямъ между дѣловцами коломенскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворянъ московскихъ, владѣвшихъ землей въ Коломенскомъ уѣздѣ. «И крестьянишка наши, били челомъ дворяне московскіе, жеребьи свои, что имъ по розвыткѣ довелося, здѣлоли. И нынѣча, г., пришелъ къ намъ на Тулу отъ засѣшнова дѣла Сидора Лодыженского дѣтина Ѳетка Ивановъ, а сказываетъ про людишекъ нашихъ и про крестьянишекъ: отъ воеводы Ивана Вельяминова къ нимъ налога многая». Дѣтина разсказывалъ, что Вельяминовъ за взятки однихъ дѣловцовъ отпускалъ, а другихъ заставлялъ дѣлать чужіе участки. Дворяне московскіе и жильцы жаловались на его «налогу» и писали: «крестьянишка, г., наши и людишка отъ ево Ивановой налоги и изгоны хотятъ бресть розна мима старыхъ своихъ кучъ, а намъ, х. т., и достоль розоритца, въ тѣхъ мѣсто крестьянишекъ своихъ и послать будетъ некова. А коломничи, г., дворяне и дѣти боярскія отдѣльной свой жеребей отдѣлоли и крестьянъ своихъ и людей отъ засѣки отпустили. А наши людишки и крестьянишки беспомощны, вступитца за нихъ у того засѣшнова дѣла некому, и потому, г., тѣ наши людишка и крестьянишка прислали отъ собя отъ засѣки тебѣ, государю, бить челомъ, что изгона имъ многая. А которыя де, г., наши крестьянишка придутъ на перемѣну, объявятца де ему Ивану, и онъ де Иванъ велитъ и тѣмъ крестьянишкомъ и обѣмъ половинамъ тутъ жа дѣлать». Дворяне московскіе просили разслѣдовать дѣйствія воеводы и дѣловцамъ ихъ «отъ того засѣшнова дѣла свободу учинить», отпустивъ ихъ по домамъ.

22/v крестьянинъ С. Лодыженского Ѳедоръ Ивановъ былъ допрошенъ княземъ Черкасскимъ съ товарищи. Черновой протоколъ его допроса сохранился. Ѳедоръ показалъ, что его прислалъ съ засѣки къ боярину его Сидору Лодыженскому сотцкой, Ивана Новикова человѣкъ Матюшка Яковлевъ, съ своею сотнею «по совѣту со всѣми посошными людьми для тово, что имъ посошнымъ отъ Ивана Вельяминова тѣснота и налога большая. Пришло де ихъ на засѣку посошныхъ людей дѣловцовъ 2077 человѣкъ и розвытилъ де на нихъ на всѣхъ Иванъ Вельяминовъ надолобъ и рву копать и честику бить на десять человѣкъ по десяти саженъ. И послѣ де розвытки онъ Иванъ поимавъ посулы, отпустилъ по домомъ 1477 чел., а осталось де толко ихъ 600 чел., и они де достальные люди жеребьи свои подѣлали. А какъ они жеребьи свои подѣлали, и Иванъ де Вельяминовъ накинулъ на нихъ дѣлать тѣхъ посошныхъ людей жеребьи,

которыхъ онъ Иванъ отпустилъ, и имъ де стало быть у дѣла невозможно. Да онъ же де Иванъ велѣлъ имъ на себя избы и баню ставить и погребъ дѣлать. И они де на избы и на баню и на погребъ лѣсъ готовятъ и возятъ. Да они жъ де какъ лѣсъ на башни и на острогъ и на избы привозятъ, и Иванъ де тотъ лѣсъ велитъ имъ привозить къ своему шатру къ запискѣ. А отъ записки емлетъ з бревна по 2 деньги. Аималъ де отъ записки денги подьячій, а какъ ево зовутъ, тово онъ не вѣдаетъ. А какъ хто отъ записки не дастъ, и онъ де тѣхъ бревенъ и записывать не велитъ, и тѣ де бревна и пропадутъ. Да они жъ де посошные люди, какъ сперва пришли на засѣку для засѣчново дѣла, и съ нихъ де со всѣхъ съ 2077 чел. збиралъ голова Григорей Гомзяковъ по алтыну съ человѣка, а по Иванову ль велѣнью, и кому онъ тѣ деньги отдалъ или себѣ взялъ, тово онъ не вѣдаетъ»[1]). Въ концѣ мая такая же жалоба стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ и иноземцевъ, коломенскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, была отправлена и въ Москву. Челобитчики жаловались на тѣ же злоупотребленія Вельяминова, дополняя свои жалобы указаніемъ на то, что Вельяминовъ «для своей бездѣльной корысти надолобы дѣланые посѣкаетъ и иные велѣлъ ставить, и многіе затѣйные дѣла сверхъ г. указу дѣлалъ, и нынѣче, затѣевъ, дѣлаетъ, и валъ земляной черезъ степь копаетъ, и людишекъ и крестьянишекъ держитъ для своей бездѣльные корысти». Челобитчики просили о наряженіи сыска про тѣ «затѣи» Вельяминова[2]).

На Тулу между тѣмъ продолжали поступать отписки Вельяминова, въ которыхъ онъ попрежнему жаловался на недосылку дѣловцовъ и на разбѣгъ ихъ. $^{26}/_{V}$ на Тулѣ было получено его обстоятельное донесеніе въ отвѣтъ на требованіе съ Тулы сообщить отчетъ о ходѣ дѣлъ на Веркушской засѣкѣ. Вельяминовъ писалъ, что онъ дѣлаетъ засѣку «по старому чертежу», «а не новою дѣлаютъ засѣку». Онъ поставилъ въ Княжихъ воротахъ башню, острогъ и сторожевую избу, вокругъ острога выкопалъ ровъ, набилъ частикъ и началъ мостить въ воротахъ мостъ. «А лѣсной завалъ досѣченъ, писалъ онъ, и черезъ поля надолобы и частикъ сошные люди многія сдѣлали, а иные отдѣлываютъ, и ровъ выкопалъ, а достолной ровъ на штидесятъ саженѣхъ докапываютъ, и на степи ровъ копанъ для поспѣшенья, и земленова валу надобна повысить». Въ воротахъ онъ сдѣлалъ 4 колоды опускныхъ и черезъ ровъ мостъ. Вельяминовъ находилъ, что въ Граброновыхъ воротахъ надобно поставить земляной городокъ да подлѣ рву два городка для береженія и отходу

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 222—224. [2]) Вл. ст. № 85 л. 298.

государевымъ ратнымъ людемъ и два моста черезъ Большой Осетръ и черезъ Меньшой Сухой Осетрецъ. Приняться за эти работы безъ государева указа Вельяминовъ не рѣшался. Кромѣ того, черезъ Большой Осетръ надо было набить частикъ, котораго сейчасъ нельзя было поставить изъ-за большой воды. Съ Коломны и Венева по 25/v дѣловцовъ къ нему не прислали, «и за тѣхъ нѣтчиковъ, и которыя отъ засѣки бѣжали, ихъ жеребей, всякія крѣпости, дѣлаютъ для поспѣшенья сошныя люди, которыя нынѣ у дѣла». Вельяминовъ сдѣлалъ дѣловцамъ только одинъ смотръ, такъ какъ сошные люди «были врозни у дѣла». Въ удостовѣреніе разбѣга посохи Вельяминовъ прилагалъ роспись скрывшимся дѣловцамъ. На Тулѣ его дѣятельностью остались недовольны, на отпискѣ его положена помѣта: «Отписать: велѣть валъ повысить и крѣпостьми всякими укрѣпить, безъ чево быть нелзѣ, и мостъ подѣлать. А о томъ ему отписать съ осудомъ: писалъ напередъ сево, что дѣловцовъ мало, а смотрѣлъ непочасту»[1]).

Недовольство дѣятельностью Вельяминова въ связи съ жалобами на него разрѣшилось назначеніемъ надъ нимъ ревизіи. 27/v Разрядъ послалъ Черкасскому приказаніе нарядить надъ Вельяминовымъ слѣдствіе[2]). Но Черкасскій упредилъ это распоряженіе отправленіемъ на Веркушскую засѣку дворянина московскаго Осипа Елизарова. Елизаровъ уже 25/v былъ на Веркушской засѣкѣ и началъ слѣдствіе надъ Вельяминовымъ. Въ инструкціи Елизарову были выписаны жалобы, поданныя на него служилыми людьми[3]). Впрочемъ, первоначально слѣдствіе относительно дѣятельности Вельяминова было официально прикрыто другимъ поводомъ; по крайней мѣрѣ, для Вельяминова. Въ своей отпискѣ, полученной на Тулѣ 1/vi, Вельяминовъ сообщалъ слѣдующее: «присланъ отъ васъ съ Тулы Іосипъ Елизаровъ обыскивать сошными людьми, а по г. указу многимъ сошнымъ людемъ за непослушаніе и которые воруютъ, виномъ торгуютъ, чинилъ наказаніе нещадно, а у которыхъ людей вино вынето, тѣмъ людемъ послалъ роспись». Въ отвѣтъ на его отписку съ Тулы распорядились «сыскивать (о винѣ) накрѣпко».

Дѣло съ виномъ обстояло такъ. 6/v туляне дѣти боярскіе привели съ виномъ крестьянина коломенскаго епископа Рафаила Давыдка Осипова, «а съ нимъ принесли боченокъ вина, а въ немъ съ полведра, да ковшъ да чарку». Давыдка сказалъ, что онъ вино привезъ съ собою, а продавалъ въ чарки. Десятникъ Гараська Ермолаевъ жаловался на двухъ казаковъ его десятка, «что они піютъ у сошныхъ людей въ чарки».

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 336—339. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 299—300. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 224b—233.

Тотчасъ же «на выймовку» были посланы понятые: двое дѣтей боярскихъ, веневскій посадскій человѣкъ и казакъ. У крестьянъ Емельяна Бутурлина они «вынели» въ бочкѣ съ ведро вина, да ковшъ да чарку. Крестьянинъ, у котораго оказалось вино, сослался на то, что онъ торговалъ имъ по порученію приказчика, а приказчикъ уѣхалъ на Тулу. Разслѣдованіе было продолжено, и удалось найти еще «бочку вина да галенокъ, да два ковша винныхъ копеечныхъ, а третей ковшъ большой, по два гроша вина продаетъ. А питуховъ съ собою не привели: розбѣжались де». Это вино оказалось у коломенскаго крестьянина Никиты Вельяминова — Марка. Маркъ сказалъ, что вино это принадлежитъ его приказчику, а приказчикъ уѣхалъ на Тулу[1]).

Вельяминовъ скоро почувствовалъ, куда еще направленъ розыскъ Осипа Елизарова. Въ послѣднихъ числахъ мая Вельяминовъ уже жалуется Черкасскому на то, что Елизаровъ «обыскивалъ неправдою и съ посеганьемъ»: «сошныхъ людей многихъ билъ, а велѣлъ имъ говорить на меня». Въ грамотѣ, адресованной Вельяминову, Черкасскій объяснялъ воеводѣ, что «велѣно ему (т.-е. Елизарову) по наказу сыскати посошными людьми всѣми людьми накрѣпко, а не одними тѣми, у которыхъ вино вынято»[2]).

Свои оправданія Вельяминовъ превратилъ въ обвинительный актъ Елизарову. «Какъ пріѣхалъ къ засѣкѣ Осипъ Елизаровъ, писалъ Вельяминовъ Черкасскому, мая съ 25 числа іюня по 2 число сошные люди не слушали и за[сѣ]чныхъ крѣпостей не дѣлали, и за тѣмъ засѣчное дѣло стало»[3])... Въ другой отпискѣ Черкасскому Вельяминовъ пытался по своему изобразить ходъ дѣлъ у него на засѣкѣ. Дѣловцы пришли къ нему «послѣ иныхъ засѣкъ двѣ недѣли спустя, а зачели дѣлать апрѣля съ 25-го числа». Слѣдуя г. указу, сошныхъ людей онъ «нудилъ и дѣлалъ наспѣхъ». «А за непослушанья, что ровъ копали не по указу и надолобы и честикъ дѣлали худы, а иные дѣлать не хотѣли, и отъ воровства унималъ, чинилъ наказанья, билъ нещадно». Правильный ходъ работъ былъ нарушенъ появленіемъ по доводу Сидора Лодыженскаго Осипа Елизарова. «И сошные люди, писалъ Вельяминовъ, въ обыскѣхъ но меня затѣваютъ ложно за то, что имъ за государево дѣло чинилъ наказанья, билъ нещадно». Вельяминовъ утверждалъ, что на его засѣку прислано было 1646 чел., изъ которыхъ самовольно сошли 71 чел., и «въ то число объявились у засѣки вмѣсто тѣхъ бѣглыхъ людей 28 чел.»; не дослано 35 чел. съ Веневскаго посаду и 91 чел. съ Коломны. Коломен-

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 70—72. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 260, 386. [3]) Вл. ст. №75 лл. 233—234.

скіе дворяне и дѣти боярскіе уѣхали съ засѣки, а съ ними должно было быть 305 чел. На упрекъ въ томъ, что онъ построилъ себѣ мыльню, конюшню да погребъ, Вельяминовъ возражалъ: «въ К[н]ежихъ воротѣхъ поставлена изба сторожевая, а на меня сошные люди хоромъ ничево не дѣлали». Вельяминовъ жаловался, что съ него требуютъ скорѣйшаго окончанія засѣчныхъ работъ, а «Осипъ Елизаровъ списки сошныхъ людей, пересмотря, у себя держитъ маія з 25-го числа по двадесятъ девятое число. И сошные люди не слушаютъ, засѣчныхъ крѣпостей не дѣлаютъ, и за тѣмъ государева дѣло стала». «И которые люди отъ засѣки розбѣгутца, писалъ воевода, и мнѣ про тѣхъ людей вѣдати не по чемъ, и мнѣ бы въ томъ отъ государя въ опалѣ не быть. А подьячева со мною у государева дѣла нѣтъ, а самъ грамотѣ ма[ло] умѣю, писать всякихъ государевыхъ дѣлъ некому». На отпискѣ помѣта: «Отписать къ Осипу Елизарову, велѣть сыскивать. А засѣчпово бъ дѣла не поставить, велѣть дѣлать попрежнему съ поспѣшеньемъ»[1]).

Вельяминовъ энергично продолжалъ оправдываться и увѣрять, что «Осипъ Елизаровъ обыскивалъ съ великимъ посеганіемъ и неправдою: сошныхъ людей билъ и мучилъ, а велѣлъ на него говорить неправду». «Милость, государь, покажи, князь Иванъ Борисовичъ, взывалъ воевода, вели сыскать вправду и тѣхъ нѣтчиковъ, которые отъ засѣки бѣжали, опросить, по чьему они отпуску отъ засѣки сходили и что кому отъ тово довали, чтобъ мнѣ отъ Осипова посиганья отъ государя безъ вины въ опалѣ не быть. А только бъ, государь князь Иванъ Борисовичъ, мнѣ было воровать и оттого корысну быть, и по государеву указу на Веневѣ государевъ окольничей князь Семенъ Васильевичъ Прозоровской, и онѣ бъ на меня въ моихъ неправдахъ государю били челомъ, а окольничему князю Семену Васильевичу извѣщали, и на Веневѣ всякихъ чиновъ людемъ являли. А сошнымъ, государь, людемъ маія съ 9 числа смотру не бывала, потому што были у засѣчного дѣла врозни. И которые люди отъ засѣчново дѣла розбѣгутца, и мнѣ про нихъ вѣдать не по чему, — Осипъ Елизаровъ ко мнѣ списковъ сошныхъ людей маія по 31 число не пришлетъ. А сошныхъ людей непослушанья великое, и отказываютъ мнѣ, что они послали къ вамъ бояромъ бить челомъ объ отпускѣ. И государеву дѣлу чинитца мотчанья великое. И мнѣ бъ въ томъ ихъ непослушаньѣ отъ государя въ опалѣ не быть. Да по государеву указу и по вашему боярскому сыщикъ Осипъ Елизаровъ про сошныхъ людей меня допрашивалъ передъ сошными людьми всѣми и къ той скаскѣ

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 417а—417b.

руку приложить не далъ, а писалъ, государи, къ вамъ бояромъ но меня непослушанья, бутто я къ той своей скаскѣ руки не приложилъ, и я, государи, скаску послалъ къ вамъ бояромъ за своею рукою. А подьячева у государева дѣла со мною нѣтъ, къ государю писать и о всякихъ дѣлѣхъ и къ вамъ бояромъ некому». Для подкрѣпленія своей версіи Вельяминовъ прилагалъ и сказку, снабженную его собственнымъ рукоприкладствомъ. Сказка гласила: «Маія въ 25 день по государеву *(п. т.)* указу и по показу боярина князя Ивана Борисовича Черкаского съ товарыщи сыщику Осипу Елизарову Иванъ Вельеминовъ въ допросѣ козалъ. По государеву *(п. т.)* кресному цѣлованью отъ Веневскіе засѣки сошныхъ людей 1477 человѣкъ отъ засѣчново дѣла не отпускивалъ, и посуловъ съ нихъ отъ тово не имывалъ, и тѣхъ людей на сошныхъ дѣловцовъ засѣчново дѣла не накладывалъ. Сошныхъ людей по росписямъ къ засѣкамъ прислано 1646 человѣкъ, ис того числа по скаскѣ десятниковъ бѣжали 71 человѣкъ, да въ недосылкѣ съ Веневы съ посаду 35 человѣкъ, да съ Коломны 91 человѣкъ, да коломнечъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 305 человѣкъ. И за тѣхъ людей коломничи дѣти боярскіе засѣчное дѣла дѣлали сами и поѣхали но государеву службу, а тѣ люди съ Коломны противъ государева указу въ томъ же числѣ въ недосылкѣ. А лѣсу къ запискѣ къ шетру вазить не веливалъ, и отъ записки подьячему з бревна имать не веливалъ, и головѣ Григорью Гомзякову но себя денехъ збирать не веливалъ, и на башню, и на конюшню лѣсу возить и погреба дѣлать но себя не веливалъ. А подьячево у государева дѣла со мною нѣтъ, аималъ для письма діячка Коломенского посаду Ивашка Павлова. И тому діяку пришла перемѣна, и онъ збрелъ на Коломну жить». На Тулѣ была положена слѣдующая резолюція: «Отписать съ осудомъ, что онъ здѣлалъ негораздо, что сыщику рѣчи далъ и руки не приложилъ, а присылаетъ рѣчи мимо сыщика, а сыщику велѣно у нево взять за рукою. А засѣку велѣно додѣлывать Осипу Елизарову, и онъ бы наказъ и списки и указные грамоты отдалъ Осипу. А по дьячка послать на Коломну — велѣть прислать на Тулу» [1]). «И ты то сплутовалъ, отвѣчали Вельяминову съ Тулы, въ грамотѣ, разработанной изъ этой помѣты, что сказку свою къ намъ прислалъ, довелось было тебѣ сказку свою отдать къ сыску Осипу Елизарову, а то ты на Осипа Елизарова затѣваешь, будто онъ обыскиваетъ про тебя съ посеганьемъ (зачеркнуто: про твое плутовство). Намъ на Тулѣ въ роспросѣ сказывалъ (такъ!) Ивана Никитича Романова крестьяне

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 78—80.

про твое плутовство, что они тебѣ отнесли, купя, меду четыре пуда, а дали три рубли (зачеркнуто: мы велѣли засѣку додѣлывать Осипу Елизарову), а тебѣ у дѣла быть не велѣли, и ты бъ г. наказъ и списки посошныхъ людей и г. указные грамоты отдалъ Осипу Елизарову»[1]).

Въ іюнѣ развязались языки и у коломенскихъ посадскихъ людей. Они подали челобитную, въ которой жаловались на то, что Вельяминовъ заставилъ ихъ дѣловцовъ додѣлывать участки, брошенные неконченными коломенской уѣздной посохой, и ихъ дѣловцамъ пришлось поэтому проработать на чертѣ 3 лишнихъ недѣли; когда было кончено и это заданіе, Вельяминовъ, пославъ соотвѣтствующія донесенія на Тулу и въ Москву, дѣловцовъ все-таки не отпустилъ, — заставилъ ихъ «вновь земляной валъ высить и дерномъ выкладывать и землю насыпать». Коломничи подчинились, «валъ земляной высили, верхъ косой сажени, а поперегъ тожъ, дерномъ выклали и землю насыпали», всего 115 саженъ, но затѣмъ 4/VI били челомъ на задержку кн. Черкасскому. Черкасскій отдалъ распоряженіе отпустить коломенскихъ дѣловцовъ съ засѣки. Вельяминовъ ихъ отпустилъ, но... безъ соотвѣтствующаго увѣдомленія коломенскаго воеводы. 22/VI коломничи опять должны были ѣхать съ челобитьемъ на Тулу, Черкасскій снова предписалъ И. Вельяминову дат имъ формальное разрѣшеніе вернуться въ Коломну, и опять И. Вельяминовъ не послушался Черкасскаго. Между тѣмъ коломенскій воевода, не имѣя офиціальнаго увѣдомленія о роспускѣ коломенскихъ дѣловцовъ, «пересажалъ» ихъ въ тюрьму. То же самое продѣлалъ съ коломенскими дѣловцами, случившимися на Веневѣ, и кн. Прозоровскій. Всѣ эти обстоятельства, вскрытыя на Тулѣ челобитьями коломничей, конечно, не послужили на пользу И. Вельяминову[2]).

Вельяминовъ оправдывался и передъ Прозоровскимъ. 3/VI онъ ѣздилъ на Веневъ и жаловался Прозоровскому на разбѣгъ посошныхъ людей. Но хлопоты эти не помогли Вельяминову, и Прозоровскій распорядился передать начальство надъ засѣкой Елизарову[3]), приказавъ, однако, Елизарову списки даточныхъ людей, отобранные имъ у Вельяминова, возвратить ему обратно[4]). Между тѣмъ матеріалъ слѣдствія, веденнаго О. Елизаровымъ, былъ доставленъ на Тулу, и съ Тулы былъ представленъ въ Москву обстоятельный докладъ относительно злоупотребленій И. Вельяминова[5]).

Слѣдствіе относительно злоупотребленій И. Вельяминова было ведено Елизаровымъ энергично, и допрошены были едва ли не всѣ

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 387—388. [2]) Сѣвск. ст. № 107 л. 106. [3]) Вл. ст. № 75 лл. 134—137 и 81. [4]) Вл. ст. № 86 л. 417 сл. [5]) Вл. ст. № 75 лл. 190—191

дѣловцы, работавшіе на Веркушской засѣкѣ. Отвѣты допрашиваемыхъ заносились въ протоколы отъ отдѣльныхъ группъ дѣловцовъ, взятыхъ съ посада или съ владѣній одного владѣльца; но иногда показанія записывались и со словъ дѣловцовъ, выставленныхъ нѣсколькими владѣльцами. Показанія дѣлались или самими посошными людьми или ихъ старостами и десятскими. Формулировались они однообразно. Такъ, даточные съ коломенской вотчины Чудова монастыря, с. Высокаго, показали, что «собрали они межъ себя съ полутораста человѣкъ 10 рублевъ денегъ на Ивана Вельяминова, а збиралъ и отдалъ тѣ денги Ивану Вельяминову сотникъ ихъ Карпунка Денисовъ». Даточные боярина Ив. Ник. Романова показали: «Ивану Вельяминову, собравъ денгами съ розныхъ помѣщиковъ со ста съ пятнадцати человѣкъ и купя меду четыре пуды, отнесли въ станъ...» Деньги собирались съ посохи не только на Вельяминова, но также и на засѣчнаго голову Григорія Гомзякова, и на дьячка, сидѣвшаго «у записки бревенъ», котораго никто изъ посохи не могъ даже назвать по имени, и на человѣка И. Вельяминова Богдашку. Высокое положеніе владѣльцевъ не избавляло посоху отъ уплаты контрибуціи: платили не только дѣловцы рядовыхъ служилыхъ людей, но и дѣловцы монастырскихъ вотчинъ и крупныхъ бояръ. Большинство допрашиваемыхъ утверждало, что деньги ими собирались по ихъ иниціативѣ безъ всякаго вымогательства со стороны Вельяминова или Гомзякова — «въ почесть», «чтобы (Вельяминовъ и Гомзяковъ) имъ налоги не учинили» и т. д. Крестьяне посольскаго дьяка Максима Матюшкина, напримѣръ, показали, что они дали Гомзякову 10 денегъ «въ почесть, чтобъ отъ него налоги не была, а у иныхъ просилъ честью». Съ нѣкоторыхъ дѣловцовъ ихъ десятскіе сбирали деньги, даже не объясняя, кому этотъ сборъ предназначенъ. Согласно показаніямъ посошныхъ людей, И. Вельяминову было передано всего 32 р. 6 ал. $2^1/_2$ д., 5 пудовъ меда, вина на $2^1/_4$ р., рыбы на 20 алтынъ. Гр. Гомзяковъ получилъ 25 р. 3 ал. 4 д., а дьячокъ грошами и денежками набралъ 1 р. 16 ал.[1]).

Были показанія и вполнѣ благопріятныя для засѣчной администраціи. Такъ, дѣловцы веневскіе и даже коломенскіе посадскіе и нѣкоторыхъ владѣльцевъ показали очень уклончиво, что «налоги имъ отъ Ив. Вельяминова никакіе не была, и посуловъ съ нихъ не имывалъ, и голова Григорей Гомзяковъ по алтыну съ нихъ не збирывалъ, и подьячему отъ записки по двѣ деньги з бревна они не давали и на баню и на погребъ лѣсу Ив. Вельяминову не важивали. А отпускалъ ли Иванъ посошныхъ людей и ималъ ли съ ково посулы, или голова что съ ково

[1]) Подсчетъ принадлежитъ автору.

збиралъ, или хто подьячему отъ записки далъ, — таво не вѣдаютъ. А дѣла засѣчное по розвытки ль на нихъ Иванъ клалъ или нѣтъ, таво они не знаютъ: сколько кому велитъ отвесть отъ мѣры, то и дѣлаютъ, а здѣлавъ то дѣ[ло], и онъ иное заставитъ. А сколько у Ивана посошныхъ людей по списку была, то они не вѣдаютъ же. А изба поставлена въ острогѣ ими сашными людьми, а для чево тае избу (И. Вельяминовъ) велѣлъ поставить, для государева ль дѣла или себѣ, — таво они не вѣдаютъ».

Съ прямыми и рѣшительными обвиненіями противъ И. Вельяминова выступили только 3 дѣловца Сидора Лодыженскаго, но и они показали лишь слѣдующее: «Посошныхъ людей Ив. Вельяминовъ отпускалъ ли и посулы съ нихъималъ ли, и таво они не вѣдаютъ. А съ нихъ Ив. Вельяминовъ и голова Гр. Гомзяковъ ничево не имали, и подъячему отъ письма съ бревенъ не давали. А товарища своего Ѳедку Иванова посылали они бить челомъ отъ себя, а не ото всѣхъ посошныхъ людей — о томъ, что намъ передъ посошными людьми отъ Ивана налога: и бьетъ и дѣла велитъ передѣлывать. А на баню и на погребъ лѣсу Ив. Вельяминову неваживали». По поводу другихъ вопросовъ (порядокъ разверстки работы, общее количество дѣловцовъ на засѣкѣ и т. д.) дѣловцы Лодыженскаго отозвались незнаніемъ. Относительно бани и погреба для Ив. Вельяминова всѣ дѣловцы показали единодушно, что лѣса на погребъ и баню они «не важивали».

И Вельяминовъ и Гомзяковъ оправдывались. Согласно тексту протоколовъ, И. Вельяминовъ показалъ на допросѣ почти то же, что и въ цитированной отпискѣ. «Отъ государева дѣла з засѣки посошныхъ людей 1477 человѣкъ не отпускивалъ и посуловъ съ нихъ не имывалъ ни съ одного человѣка и на сошныхъ людей засѣчного дѣла отпускныхъ людей жеребьевъ не наметывалъ. А дѣлоли они не по развытки, сваломъ». Стараясь показать свое усердіе, воевода объяснялъ, что въ недосылкѣ у него числилось 474 дѣловца, и тѣмъ не менѣе съ присланной посохой онъ высѣкъ 1400 саженъ завала, намостилъ въ воротахъ 30 саженъ моста, поставилъ опускную колоду и 5 саженъ острога, выкопалъ 6 саженъ рва, набилъ частикъ у острога и на 200 саженяхъ соорудилъ надолобы. Посоху онъ отпустилъ не за взятки, увѣрялъ воевода, а только по государевой грамотѣ, когда дѣловцы уже закончили свое дѣло. Г. Гомзяковъ показалъ, что онъ не знаетъ, сколько было всего посохи на засѣкѣ у И. Вельяминова, и что по алтыну съ 2077 чел. «на Ивана Вельяминова» онъ не «збирывалъ». «А которые розныхъ помѣщиковъ крестьяне ему, Григорію, давали что въ почесть, и тѣхъ денегъ ему дошло 5 рублевъ. А хто

имяны давали ему что въ почесть и посколку, того онъ не упомнитъ». На остальные вопросы Гомзяковъ отвѣчать отказался: бралъ ли Вельяминовъ посулы, возила ли ему посоха на баню и на погребъ лѣсъ, для чего поставлена Вельяминовымъ изба и т. д. — Гомзяковъ не зналъ [1]).

Въ первыхъ числахъ іюня Вельяминовъ, вѣроятно, впредь до рѣшенія дѣла въ Москвѣ все-таки не былъ устраненъ отъ завѣдыванія засѣкой. 1/VI онъ сообщалъ на Тулу о томъ, что Иванъ Бунинъ прислалъ къ нему съ Бѣлева 10 чел. наемныхъ людей, и 38 чел. явились съ Веневскаго посада. Въ началѣ іюня онъ хлопочетъ о доставленіи на свое звено наряда. Вельяминовъ указывалъ на опасное положеніе этого звена при томъ незначительномъ количествѣ людей, которымъ онъ располагалъ. На отпискѣ его была положена такая резолюція: «Отписать: велѣть сбирать подымовныхъ людей и быть съ тѣми людьми до прибавочныхъ людей, а по вѣстемъ людей прибавить»[2]). 3/VI онъ произвелъ смотръ дѣловцамъ, объявившимся у Веркушской засѣки, и составилъ списокъ нѣтчикамъ[3]). 7/VI на Тулѣ была получена отписка его, въ которой онъ жаловался на разбѣгъ дѣловцовъ [4]). Только 10/VI послѣдовало окончательное рѣшеніе, И. Вельяминовъ былъ окончательно отстраненъ отъ должности и принужденъ былъ ее сдать своему замѣстителю Осипу Елизарову [5]). Не успѣлъ Елизаровъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, какъ уже вызвалъ неудовольствіе своего ближайшаго начальника: 11/VI Прозоровскій жаловался на него на Тулу, что онъ не укрѣпляетъ засѣкъ и не пишетъ ему [6]).

Вельяминовъ, повидимому, или временно какъ-то сумѣлъ оправдаться, или Елизаровъ былъ отстраненъ вслѣдствіе недовольства этимъ назначеніемъ со стороны князя Прозоровскаго. Въ концѣ іюня мы опять находимъ Вельяминова на Веркушской засѣкѣ, — выражающимъ Прозоровскому свое безпокойство о томъ, что не хватаетъ дѣловцовъ[7]). На то же онъ жалуется Прозоровскому 6/VII, сообщая, что нѣтчики и ослушники съ Коломенскаго посада и уѣзда къ нему до сихъ поръ не присланы, и засѣки «дѣлать ему некѣмъ», и препровождаетъ роспись полковника Росформа, сколько тому надо пороху, пулекъ, фитилю, пикъ и шпагъ[8]). Мы видимъ Вельяминова на Веркушской засѣкѣ и въ концѣ іюля: 27/VII на Тулѣ было получено отъ него донесеніе о разбѣгѣ его при-

---

[1]) Прик. ст. № 108, IV, лл. 213—242. Допросы посохи по дѣлу И. Вельяминова оторвались въ архивѣ отъ остальной массы дѣлопроизводства 1638 г. относительно работъ на чертѣ. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 77 и 299. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 364—376. [4]) Вл. ст. № 75 л. 272. [5]) Вл. ст. № 75 лл. 109—110 и А. М. Г. II № 115. [6]) Вл. ст. № 75 лл. 105—106. [7]) Вл. ст. № 75 л. 294. [8]) Вл. ст. № 75 лл. 278—279.

бора. Въ маѣ изъ Бѣлева были къ нему присланы 10 чел. охочихъ людей, которымъ было выдано жалованье съ мая по декабрь по 8 р. на человѣка. 19/VII новоприборные, казакъ Олешка Максимовъ кузнецъ, Самойликъ Ѳедоровъ портной мастеръ, Мишка Коргошинъ, Осипко Тишинъ кузнецъ, Иванъ Филипповъ кузнецъ, съ государевой службы отъ Княжихъ воротъ сбѣжали. Съ Тулы въ отвѣтъ на донесеніе Вельяминова распорядились нѣтчиковъ выслать изъ Бѣлева обратно, учиня имъ наказанье [1]).

Только 5/VIII Вельяминовъ былъ окончательно смѣненъ, и на его мѣсто на Веркушскую засѣку былъ назначенъ кн. Ѳедоръ Самойловичъ Бѣльскій. 7/VIII Вельяминовъ былъ отправленъ на Тулу для «подлинного сыску» [2]).

На Тулѣ началось теперь и новое дѣло о злоупотребленіяхъ Вельяминова, вызванное челобитьями крестьянъ Ивана Никитича и Ирины Никитичны Романовыхъ. Оно было отчасти продолженіемъ перваго. 19/VIII надъ Вельяминовымъ на Веневѣ было наряжено слѣдствіе, на этотъ разъ порученное самому Прозоровскому. Черкасскій препроводилъ Прозоровскому данныя о злоупотребленіяхъ Вельяминова въ маѣ мѣсяцѣ, когда тотъ стоялъ въ Озеринской слободѣ у казака Гурка, и сообщилъ о томъ, что люди, сбиравшіе на Вельяминова деньги, сысканы и приведены на Тулу. На допросѣ крестьянинъ Романовыхъ Ѳеонька Игнатьевъ сказалъ, что онъ собралъ съ крестьянъ Ивана Никитича и Ирины Никитичны три рубля денегъ и на тѣ деньги купилъ на кабакѣ меду четыре пуда, и тотъ медъ былъ доставленъ къ шатру Вельяминова, а Вельяминовъ тотъ медъ отослалъ на Веневъ къ себѣ на подворье. Вельяминовъ возражалъ на это, утверждая, что онъ меду не бралъ и на Веневъ не отсылалъ,—«а то де онъ слышалъ, что къ дворнику ево катку меду привезли, а принелъ тотъ медъ дворникъ безъ ево вѣдома. И какъ тотъ медъ привезенъ, такъ де и по ся мѣста стоитъ, а хто тотъ медъ привезъ, и х кому привезли, тово онъ не вѣдаетъ». Черкасскій поручилъ Прозоровскому произвести слѣдствіе на мѣстѣ, выяснить всю исторію съ медомъ и разузнать, сколько пудовъ его привезено на подворье къ Вельяминову. «А что въ роспросѣ Ивана Вельяминова дворникъ Гурко скажетъ, и ты бъ тѣ роспросные рѣчи прислалъ ко мнѣ тотчасъ съ нарочнымъ гонцомъ» [3]), обращался Черкасскій къ Прозоровскому.

Прозоровскій не замедлилъ разслѣдованіемъ: 21/VIII Черкасскимъ былъ уже полученъ отъ него отвѣтъ. 20/VIII Прозоровскій разспросилъ

---

1) Вл. ст. № 76 л. 294. 2) Вл. ст. № 76 лл. 201, 282—283, 462, 410—412.
3) Вл. ст. № 76 лл. 117—119.

дворника Гурку накрѣпко. Гурка показалъ, что за недѣлю до Николина дни къ нему на дворъ привезли кадку меду, пуда съ четыре,—«сказался де денщикъ (т.-е. денщикъ Вельяминова), да съ нимъ три человѣка посошныхъ людей. И поставили де они тотъ медъ на погребицѣ, а сказали де женѣ ево Гурковѣ, что де тотъ медъ велѣлъ Иванъ Вельяминовъ поставить у нево на дворѣ на погребицѣ». Самого Гурки не было дома, и именъ людей, привезшихъ медъ, онъ назвать не могъ. Дня три спустя пріѣхалъ отъ засѣки человѣкъ И. Вельяминова, Богдашка, «да тотъ медъ поставилъ въ погребъ къ своему меду». Отправляясь на Тулу, Вельяминовъ захватилъ съ собой и свой медъ изъ погреба,—«а тово де меду не велѣлъ имать, а сказалъ де ему Иванъ про тотъ медъ, что де нельзя ево съ собою взять для тово, что сказываютъ де посошные люди, что бутто де тотъ медъ посошные люди принесли къ нему къ Ивану въ поминкахъ, и тому де меду стоять до времени» [1]). Исторія съ медомъ и рѣшила окончательно судьбу Вельяминова.

Кн. Бѣльскій, смѣнившій Вельяминова, весной и въ первую половину лѣта находился при Черкасскомъ и исполнялъ его спеціальныя порученія. Такъ, напримѣръ, отъ производилъ сыскъ надъ Михаиломъ Колтовскимъ. Явившись на Веркушскую засѣку, Бѣльскій не нашелъ налицо своихъ ближайшихъ помощниковъ. «И которые были по г. указу съ Иваномъ, и тѣмъ велѣно быть со мною. И въ г. наказѣ написано: велѣно быть у дѣла съ Иваномъ головѣ засѣчному Ивану Бундову да приказчику засѣчному Ѳедору Терехову да засѣчнымъ сторожамъ. И голова Иванъ Бундовъ стоитъ въ посадѣ, а приказчикъ и сторожи засѣчные живутъ по домомъ, и вы, господа, спрашивалъ Бѣльскій, какъ о томъ укажете». Изъ 12 человѣкъ, назначенныхъ на засѣку тулянъ дѣтей боярскихъ не оказалось налицо ни одного, а изъ 10 новоприборныхъ казаковъ присылки Ивана Бунина не оказалось пятерыхъ. «И у воротъ на караулѣ, писалъ Бѣльскій, и у наряду и у казны пушечной людей мало». На Тулѣ положили платоническую резолюцію: «Отписать: велѣть головѣ быть съ нимъ, и сторожомъ велѣть дозирать засѣки безпрестанно» [2]).

Если Вельяминовъ плутовалъ съ медомъ, то Бѣльскій не отличался, повидимому, изобрѣтательностью. Такъ, онъ споткнулся даже о такой нехитрый вопросъ, какъ устройство на Веркушской засѣкѣ сигнальныхъ огней, и запросилъ указаній съ Тулы [3]).

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ данными относительно итога засѣчныхъ работъ на Веркушской засѣкѣ.

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 152—154. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 193 и 39b. [3]) Вл. ст. № 76 л. 151.

Кортосеневская засѣка. 8-е звено.

Восьмое звено, тульская Кортосеневская засѣка и Потетинскія ворота, было поручено Михаилу Аѳанасьевичу Колтовскому. Грамота о назначеніи Колтовского была переслана ему через посредство тульскаго воеводы Ивана Замыцкаго еще въ мартѣ одновременно съ грамотой о назначеніи на Боровенскую засѣку Клементія Хрущова [1]). Въ товарищи къ Колтовскому былъ назначенъ Гавріилъ Шерефединовъ, да были приданы 10 чел. тулянъ дѣтей боярскихъ, засѣчный голова Иванъ Рожеевъ, приказчикъ соловляшинъ Григорій Давыдовъ и сторожа. «Для береженья отъ воинскихъ людей для засѣчново дѣла» съ Крапивны и Алексина съ посадовъ и уѣздовъ были назначены дѣловцы по обычному расчету и даточные люди съ вогненнымъ боемъ. Съ Крапивны должны были явиться 227 чел. дѣловцовъ и 45 лош., а съ Алексина 39 чел. и 8 лош. Дьячка, разсыльщиковъ, пушкарей и затинщиковъ долженъ былъ прислать съ Тулы Иванъ Замыцкій.

Колтовской и Шерефединовъ явились къ Потетинскимъ воротамъ ^{10}/IV и принялись за дозоръ засѣки. На первыхъ порахъ ничего не вышло такъ, какъ предполагалось по наказу. ^{23}/IV въ Разрядѣ было получено отъ нихъ слѣдующее неутѣшительное донесеніе: «И у той, г., у Кортосеневской засѣки у Потетинскихъ воротъ головы Ивана Рожеева нѣтъ, и прикащика Григорія Давыдова нѣтъ, и сторожей помѣстныхъ, и закащиковъ нѣтъ. А сказали тутошнія люди, што у той засѣки былъ одинъ помѣсной сторожъ Мелешка Рудневъ, и тотъ сторожъ застрѣленъ изъ пищали и отъ той раны лежитъ, а застрѣлилъ де ево ненарочнымъ дѣломъ Григорьевъ человѣкъ Хрущова. А сказали тутошнія люди, голова де у насъ у той засѣки былъ Иванъ Страховъ, а Иванъ де Рожеевъ голова и прикащикъ Григорей Давыдовъ у той засѣки не бывалъ, а сказали намъ, што Иванъ Рожеевъ голова и прикащикъ Григорей Давыдовъ у Корницкой засѣки». Колтовской и Шерефединовъ вызывали ихъ отъ Корницкой засѣки къ себѣ, но по ^{19}/IV тѣ не бывали. Не присылалъ къ нимъ съ Тулы Замыцкій и дьячка, затинщиковъ и пушкарей, — «а писать у насъ, жаловался Колтовской, некому, и на разсылку послать никово». Изъ назначенныхъ къ нимъ 10 чел. дѣтей боярскихъ Замыцкій прислалъ только пятерыхъ, «а пяти де человѣкъ въ сыску нѣтъ». Колтовской предпринялъ дозоръ, взявъ для письма попа изъ вотчины Веневскаго монастыря и «тутошныхъ людей и приписныхъ сторожей —

---

[1]) Вл. ст. № 89 лл. 214—216.

крестьянъ, которые живутъ подъ г. заповѣднымъ лѣсомъ». Съ Крапивны Толбузинъ послалъ на засѣку даточныхъ 40 чел., увѣдомляя, что больше прислать не можетъ, но до 19/IV они еще не явились, а съ Алексина Заболотскій даточныхъ не прислалъ совсѣмъ — «и о томъ ничево не писалъ». По 19/IV, день составленія отписки, засѣчныя работы не были еще начаты. Колтовской и Шерефединовъ были въ затрудненіи, какъ имъ справиться съ предстоящей задачей: «и какъ, г., къ намъ тѣ даточныя люди будутъ, и мы, х. т., тѣми малыми людьми не вѣдаемъ, которое дѣло почать дѣлать — ворота ли крѣпить или лѣсной завалъ валить»...[1]).

2/V въ Разрядѣ было получено отъ Колтовского и Шерефединова второе донесеніе, въ которомъ они сообщали о первыхъ предпринятыхъ ими шагахъ. Состояніе этого засѣчнаго звена представлялось въ слѣдующемъ видѣ. «Съ рускою и съ полевую сторону на той, г., засѣкѣ есть рѣчки малыя и топкія мѣста, и по тѣмъ мѣстамъ проѣхать на лошеди мочна, а озеръ, г., по той засѣкѣ нѣтъ, и пракосовъ, и прапашей черезъ большой лѣсъ черезъ засѣку нѣтъ, а которыя есть поляны сѣнокосныя за чертой кошены, и тѣ поляны отъ засѣки не близка, и по той, г., по всей засѣкѣ лясному завалу быть мочна. А на большой, г., на Веневской дорогѣ въ Потетинскихъ воротахъ отъ черты съ версту рѣчка Веркуша, а за той рѣчкой были надолобы отводныя въ чатыре ряды по обѣ стороны, а на надолобахъ были на дорогѣ апускныя надолобы, а черезъ рѣчку былъ черезъ Веркушу мостъ, и отъ тѣхъ надолобъ з десетину, на горѣ, къ большимъ къ Потетинскимъ воротамъ были ворота апускныя межю столбовъ, а башни не была... Отъ первыхъ воротъ десетины съ чатыре другія ворота были большія створчетыя, а дѣломъ были, какъ бываютъ рѣшетки на большихъ улицахъ»... Тѣ и другія ворота и мостъ были защищены надолобами въ одинъ и въ два ряда. Раньше около воротъ была «засѣка большая,— на обѣ стороны дороги лясной завалъ, и отъ тѣхъ воротъ середи большова лѣсу были надолобы опускныя черезъ большую дорогу, и подлѣ нихъ съ русской стороны черезъ вершину былъ мостъ на рѣжахъ саженъ съ 40. А послѣднія ворота были съ рускою сторону на засѣчной чертѣ апускныя, а отъ воротъ были надолобы отводныя по обѣ стороны». На русской сторонѣ отъ этихъ воротъ были два моста, одинъ въ 40, другой въ 20 саженъ. Башенъ въ Потетинскихъ воротахъ не было. Въ заповѣдномъ лѣсу оказались стежки большія и малыя, про которыя «тутошніе сто-

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 101—103.

ронніе людп» сказали, что онѣ проложены отъ татарскаго прихода. Даточныхъ по ²⁹/IV съ Крапивны у Потетинскихъ воротъ объявилось 45 чел. и 18 «мериновъ», да изъ Алексина 78 чел. и 20 лош., съ которыми Колтовской и Шерефединовъ и приступили къ засѣчнымъ работамъ, начавъ сѣчь лѣсной завалъ и на башню лѣсъ возить. Въ заключеніе Колтовской и Шерефединовъ жаловались, что имъ засѣчнымъ дѣломъ «поспѣшить некѣмъ». На отпискѣ положена помѣта: «146-го мая въ 2 день. Государь, сей отписи слушевъ, указалъ засѣка крѣпити по указу, а о засѣчномъ дѣлѣ писать къ государю, къ бояромъ князю Ивану Борисовичу Черкасскому съ товарищи» [1]).

Не успѣлъ наладиться ходъ работъ, какъ у Колтовского разладились отношенія со служилыми людьми, владѣльцами присланныхъ къ нему дѣловцовъ. Уже ¹⁴/V, по докладу государю челобитья служилыхъ людей, надъ нимъ было наряжено слѣдствіе. Туляне и алексинцы били челомъ на то, что Колтовской ихъ крестьянъ «велитъ бить безъ вины для своей корысти и емлетъ на нихъ поминковъ съ человѣка по гривнѣ и по пяти алтынъ и болши.» «А которые, государь, наши жъ крестьянишка, жаловались служилые люди, приходятъ на перемѣну, а тотъ Михайло Колтовской тѣхъ нашихъ крестьянишекъ имянъ записать не велитъ, и которые работаютъ, и тѣхъ отъ себя не спуститъ, покамѣста съ нихъ поминковъ не возметъ. И отъ той, государь, ево налоги крестьянишка наши изъ-за насъ бредутъ розно». На челобитьѣ положена помѣта: «146-го мая въ 14 день. Послать сыскать дворянина добра, а на Тулѣ сыскать пушкарей, которые были у дѣла» [2]).

Между тѣмъ дѣла на засѣкѣ шли, какъ будто, своимъ чередомъ, и отъ Колтовского ¹⁷/V были доставлены на Москву дозоръ засѣки и отчетъ объ исполненныхъ работахъ. Въ этомъ отчетѣ Колтовской не только изображалъ результаты своей дѣятельности, но излагалъ соображенія и относительно будущаго. Того же ¹⁷/V Колтовской и Шерефединовъ сообщили о ходѣ дѣлъ на Кортосеневской засѣкѣ и на Тулу. Въ описаніи засѣки они указывали что «въ засѣчномъ заповѣд[номъ] лѣсу есть малыя рѣчки и топкія мѣста, а переѣхать по тѣмъ мѣстамъ мочна». По ⁷/V съ Крапивны къ нимъ было послано 177 чел. дѣловцовъ, а на смотру объявилось 133 чел. да 27 лош., — вмѣсто 227 чел. и 45 лош., назначенныхъ по наказу на Кортосеневскую засѣку. Изъ Алексина Аѳ. Заболотскій прислалъ по ⁹/V 232 чел. По ¹⁴/V Колтовской засѣкъ съ этими

---

¹) Вл. ст. № 85 лл. 102—105. ²) Вл. ст. № 86 лл. 240—253. Матеріалъ слѣдствія изложенъ ниже на сс. 197—200.

дѣловцами, начавъ отъ Потетинскихъ воротъ, 10 верстъ завалу: 6 верстъ къ каширской Оленковской засѣкѣ и 4 версты къ тульской Щегловской засѣкѣ [1]). Лѣсной завалъ сѣкли подлѣ старой засѣки съ полевой стороны въ ширину на 25 саженъ большихъ. «Да на болшой на Веневской дорогѣ межю лѣснова завалу здѣлана башня трехъ саженъ болшихъ съ тремя мосты и съ верхнимъ боемъ и съ облами, покрыта тесомъ дубовымъ, а въ ней двои ворота створчетыя, притворы дубовыя, а съ обѣ стороны мостъ дубовой, на сторону саженъ по пяти». Отъ башни поставленъ отводный острогъ стоячій на сваяхъ. Въ половинѣ мая было еще не досѣчено «на обѣ стороны верстъ съ семь», но Колтовской обѣщался свою долю засѣки, если не помѣшаетъ ненастье, —«отдѣлать съ сево числа недѣли съ три». Росписи подымовнымъ людямъ онъ сообщить не могъ потому, что послать писать было некого, такъ какъ дьячка съ Тулы Замыцкій къ нему такъ и не прислалъ, хотя Колтовской и писалъ ему о дьячкѣ «многажды». Вмѣсто обѣщанныхъ 10 чел. дѣтей боярскихъ къ нему было прислано тоже только 5. «И въ томъ, кончалъ Колтовской отписку, государева засѣчноя дѣла дляетца, послать и написать некому». На Тулѣ положили такую довольно неожиданную резолюцію. «Писать, чтобъ острогъ дѣлалъ со всѣ четыре стороны. И ко всѣмъ засѣчнымъ воеводамъ потому жъ писать, чтобъ дѣлали остроги со всѣхъ четырехъ сторонъ, смотря по мѣсту. А дѣтей боярскихъ прибавить пять человѣкъ». Относительно недосылки — съ Тулы распорядились: «Отписать на Крапивну и въ Олексинъ тотчасъ, чтобъ достальныхъ людей выслали тотчасъ. И о томъ отписать, въ которомъ числѣ вышлютъ» [2]).

Въ отпискѣ, полученной на Тулѣ съ Кортосеневской засѣки около $^{20}/v$, Колтовской разсказываетъ о ходѣ работъ и оправдывается во взводимыхъ на него тулянами и алексинцами обвиненіяхъ. Для убѣдительности онъ прилагаетъ къ своей отпискѣ даже грамоту къ нему алексинскаго воеводы Аѳ. Заболотскаго со свѣдѣніями о тугомъ сборѣ въ Алексинѣ дѣловцовъ, предназначавшихся на порученное ему звено. Дѣловцы подходили понемногу. Такъ, только около 20-го мая подошли дѣловцы съ каширской Соломенской волости, вновь отряженные на засѣку. Къ 20-мъ числамъ мая былъ конченъ завалъ отъ Потетинскихъ воротъ до замка каширской Оленковской засѣки, а въ другую сторону, къ тульской Щегловской засѣкѣ, все еще не было досѣчено версты 4. Въ Потетинскихъ воротахъ была поставлена башня, защищенная

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 126 и 211. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 125—131.

съ одной стороны острогомъ. «А по другую, господа, писалъ Колтовской, отводнова острогу ставить и рву копать передъ башнею немочна, отнела вода, — и иныя, господа, крѣпасти учинить передъ башнею, ставить надолобы отводныя и поперекъ дорогу апускныя. А на то дѣла на все лѣсъ готовъ, а дѣлать немочна за ненастьемъ. А въ трехъ, господа, мѣстѣхъ на рѣчкахъ лѣсъ былъ рѣдокъ, и въ тѣхъ мѣстѣхъ засѣка некрѣпка. А тѣ мѣста саженъ по сту и болши. И о тѣхъ худыхъ мѣстѣхъ вы, господа, какъ укажете, рвы ль копать или надолобы ставить. А острогу по тѣмъ мѣстамъ ставить немочна, потому что лѣсъ вазить къ тѣмъ мѣстамъ нельзя, а дорогу прочищать не смѣемъ».

Съ дѣловцами алексинцевъ Михневыхъ у Колтовского вышло недоразумѣніе. Дѣловцы эти были отправлены, минуя Алексинъ, прямо на Кортосеневскую засѣку, но къ Колтовскому, по его увѣренію, не явились совсѣмъ. «А тотъ, господа, Артемей (одинъ изъ Михневыхъ, не приславшій дѣловцовъ), съ своимъ племянемъ и з друзьями бьютъ челомъ вамъ, государевымъ бояромъ, на меня ложна, — жаловался Колтовской на интригу со стороны Михневыхъ, — и присылаютъ своихъ людей въ станы къ посошнымъ людемъ многихъ, наговариваютъ и виномъ поятъ, а инымъ уграживаютъ, чтобы съ хихъ (такъ!) крестьяны дали адни рѣчи. И ихъ, господа, крестьяне иныя, на нихъ смотря, многія приставовъ не слушаютъ, а меня лаютъ и з дѣла сходятъ безъ отпуску. И въ томъ, господа, ихъ ослушенствѣ государева засѣчноя дѣла дляетца» [1]).

Не рѣшаясь взять вопросъ о смѣщеніи Колтовского на себя, кн. Черкасскій обратился за указаніями въ Москву. Въ отпискѣ Черкасскаго, полученной въ Разрядѣ $^{18}/_{V}$, содержится подробный пересказъ поданной ему жалобы тулянъ и алексинцевъ, обвинявшихъ Колтовского въ вымогательствѣ съ ихъ крестьянъ. Черкасскій спрашивалъ: «будетъ, г., по сыску передъ тобою, г., Михайлова вина объявитца, что онъ збиралъ себѣ съ сошныхъ людей поборы, или впередъ и иныхъ засѣчныхъ воеводъ и головъ передъ тобою государемъ вина объявитца въ поборѣхъ и въ посулѣхъ, и о томъ намъ, х. т., вели свой г. указъ учинить, за ихъ вины какое имъ наказанье чинить». По докладѣ государю, на отпискѣ Черкасскаго положена слѣдующая суровая резолюція. «146 го мая въ 18 день. Государь, сей отписки слушевъ, указалъ: будетъ въ сыску скажетъ, что онъ, Михайло, посулы awималъ, ихъ для бездѣльной корысти билъ и вѣчилъ, и Михайло тово взять, а на ево мѣсто по-

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 211—214

слать..., ево съ тѣми людьми поставя..., учнетъ говорить, что онъ у ихъ посулы и поминки ималъ, и Михайла пытати» [1]).

[25]/v была послана съ Москвы грамота на имя Черкасскаго, въ которой содержалась инструкція, какъ вести дѣло. Колтовского велѣно было отстранить отъ завѣдыванія засѣкой, отобравъ у него наказъ, и поручить засѣку другому воеводѣ. «А Михайла Колтовскова велѣли отъ засѣки взять на Тулу и велѣли передъ собою челобитчикомъ съ Михайломъ Колтовскимъ дать очную ставку и челобитчиковъ на очной ставкѣ велѣли допрашивать имянно, съ ково имянемъ Михайло и отъ чево что посулу взялъ, и хто на нево тѣ посульные деньги збиралъ, и хто къ нему относилъ, и самъ ли Михайло тѣ посульные деньги принималъ, или человѣкъ Михайловъ или иной хто тѣ посульные деньги на Михайла съ нихъ ималъ, и тѣхъ всѣхъ людей потому жъ велѣли роспросить подлинно, и очную ставку тѣмъ людемъ съ Михайломъ Колтовскимъ велѣли дать, и про посулы и про всякіе Михайловы неправды велѣли сыскать всякими сыски накрѣпко, по роспросу и по сыску въ томъ дѣлѣ доведетца до пытки, и вы бъ тѣхъ людей велѣли попытати (зачеркнуто: и будетъ въ тѣхъ посулѣхъ какіе люди съ пытки учнутъ говорить на Михаила Колтовскова впрямь, а Михайло будетъ Колтовской учнетъ запиратца, и вы бъ, бояре наши и воеводы, князь Иванъ Борисовичъ съ товарыщи, Михаила Колтовскова велѣли потому жъ попытати), чтобъ ево воровства доискатца, да о томъ о всемъ къ намъ отписать (зачеркнуто: а Михайла Колтовсково велѣли дати приставу до нашего указу). А будетъ и на иныхъ на засѣчныхъ воеводъ и на головъ сошные люди въ посулѣхъ и въ поборѣхъ учнутъ бить челомъ, и вы бъ, бояре наши и воеводы, князь Иванъ Борисовичъ съ товарыщи, потому жъ велѣли ихъ отъ засѣкъ взяти на Тулу, а на ихъ мѣсто къ засѣкамъ послать ково пригожъ, а про посулы и про поборы велѣли сыскивать противъ сего нашего указу, да о томъ къ намъ писали» [2]).

Такъ была расширена и закрѣплена компетенція тульскаго штаба. Правами этими Черкасскому не разъ пришлось воспользоваться. Получивъ полномочія, Черкасскій принялъ нужныя мѣры. Посланный для слѣдствія надъ Колтовскимъ кн. Өедоръ Самойловичъ Бѣльскій довольно скоро вывелъ его на чистую воду.

[27]/v кн. Бѣльскій предъявилъ М. Колтовскому слѣдующія обвиненія. «Въ нынѣшнемъ въ 146-мъ году мая въ 14 де били челомъ государю

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 217—219; Сѣвск. ст. № 111 л. 223. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 220—222.

(п. т.) дворяне московскіе и дворяне и дѣти боярскіе туленя и олексинцы, которые испомѣщены, а въ челобитной ихъ написано: По государеву указу велѣно крестьяномъ ихъ быть у Кортосеневской засѣки у Потетинскихъ воротъ съ тобою, съ Михайломъ, дѣлать Кортосеневскую засѣку. И ты де, Михайло, крестьянъ ихъ бьешь безъ вины для своей корысти, емлешь съ нихъ поминки съ человѣка по гривнѣ и по пяти алтынъ и болши; а которые крестьяне ихъ приходятъ на перемѣну своей братьѣ, и ты, Михайло, записывать ихъ не велишь, а которые работали, и ты ихъ отпускать не велишь, покамѣста поминки возьмешь. И отъ твоей Михайловы налоги крестьяне ихъ бредутъ розно».

Колтовской отъ принятія поминковъ отперся наотрѣзъ. «Крестьянъ я ихъ, показывалъ онъ, не бивалъ и не мучивалъ безъ вины для своей корысти и поминковъ съ нихъ по гривнѣ и по пяти алтынъ и болши не имывалъ. А которые крестьяне придутъ на перемѣну своей братьѣ, и я ихъ не записывалъ потому, что у меня подьячего нѣтъ, и они перемѣнялись собою; а которые придутъ на перемѣну, и я тѣхъ, какъ придутъ на перемѣну, отпущалъ тотчасъ, а поборовъ съ нихъ никакихъ не имывалъ, и зборщиковъ у меня никово не бывало. А билъ я за вину Васильева крестьянина Дьякова Онтипка Устинова да Степанова крестьянина Арсеньева Томилку Яковлева за то, что они почели виномъ торговать, и я у нихъ вино велѣлъ вынять и за то велѣлъ бить батоги. И Васильевъ крестьянинъ Дьякова збѣжалъ, и въ ево мѣсто Василей прислалъ дѣловца окольничего Львова крестьянина Ивановича Долматова-Карпова, и тотъ крестьянинъ недѣлю отжилъ, збѣжалъ же. А иныхъ мужиковъ билъ за ослушанье и за воровство, а записки у меня тому нѣтъ, потому что подьячего не было».

Въ отвѣтъ на запирательство Колтовского кн. Бѣльскій поставилъ ему слѣдующій вопросъ. «Сказываешь ты, что съ посошныхъ людей посуловъ и поборовъ не биралъ, а бояромъ, кн. И. Б. Черкасскому съ товарыщи, тулской пушкарь Ивашко Котелинъ, который былъ съ тобою у засѣки, въ роспросѣ сказалъ, что ты съ посошныхъ людей посулыималъ и поборы збиралъ, и у зборщиковъ денги ты, Михайло, самъ ималъ, а иные денги велѣлъ ты ему, Ивашку, пріимать. А нынѣ запираешься! И ты скажи вправду, вину свою къ государю принеси, что съ ково поминковъ ималъ, и хто збиралъ, и которого числа сколко собралъ».

Но Колтовской не поддавался. «Былъ со мною, показывалъ онъ, у засѣки пушкарь Ивашко Котелникъ, а не Котелинъ, а присланъ былъ на недѣлю, и я ево держалъ у себя двѣ недѣли, потому что перемѣна ему не бывала. И онъ сталъ мнѣ говорить: за што меня не отпустишь,

держишь другую недѣлю? И я ево за то зашибъ. А посуловъ не имывалъ, и зборщиковъ у меня не бывало, а я ему, Ивашку, денегъ збирать не веливалъ, и никакихъ денегъ ко мнѣ не припашивалъ. А то онъ меня поклепалъ по наученью недруговъ моихъ, Ортемья Михнова, Василья Дьякова, Степана Ортемьева съ товарыщи. А тотъ де пушкарь—бражникъ, дворъ свой пропилъ и съ Тулы бѣгалъ, то вѣдомо ево товарищемъ. А Ортемей Михневъ — недругъ мнѣ, потому что писалъ ко мнѣ съ указомъ, чтобъ я взялъ у него дву человѣкъ дѣловцовъ, а трехъ человѣкъ ждалъ, и я человѣку ево отказалъ, что мимо мнѣ государсва указа дѣлать не умѣть. Да писалъ ко мнѣ изъ Олексина воевода Ѳѳонасей Заболотцкой, что Ортемьевы крестьяне Михнова въ Олексинѣ у записки не объявливались, и тое я отписку послалъ къ боярину и воеводамъ ко князю И. Б. Черкасскому съ товарыщи».

Засѣчный голова, находившійся на засѣкѣ съ М. Колтовскимъ, Гаврила [1]) Шерефединовъ показалъ слѣдующее. «М. Колтовской, будучи у государева дѣла у засѣки, сошныхъ людей не бивалъ и не мучивалъ для своей корысти, а бивалъ тѣхъ, которые ослушники, и за воровство, а поминковъ съ нихъ съ человѣка по гривнѣ и по пяти алтынъ и болши не имывалъ. А которые крестьяне приходили на перемѣну своей братьѣ, и онъ, Михайло, тѣхъ крестьянъ не записывалъ, потому что съ Михайломъ дьячка не было; а которые отработаютца, и Михайло тѣхъ отпускалъ тотчасъ и поминковъ съ нихъ не имывалъ».

Тулянинъ Василій Дьяковъ, который былъ тоже на засѣкѣ съ М. Колтовскимъ, и котораго М. Колтовской подозрѣвалъ въ недоброжелательствѣ къ себѣ, отозвался полнымъ незнаніемъ на всѣ поставленные ему о дѣятельности Колтовского вопросы.

$^{29}/v$ кн. Бѣльскій послалъ сыскивать лицъ, обвиняемыхъ челобитчиками въ сборѣ денегъ на Колтовского, но изъ нихъ нашли только засѣчнаго голову Ивана Рожеева да сына боярскаго Степана Быкова. Показанія обоихъ были, конечно, благопріятны для Колтовского. «Михайло Колтовской, показывалъ Рожеевъ, посошныхъ людей не бивалъ и не мучивалъ для своей корысти и посуловъ не имывалъ. А какъ пріѣхали къ Михаилу сперва посошные люди, и они приходили къ Михайлу съ почестью съ хлѣбомъ и съ рыбою, а иные приходили, на нихъ смотря, собравъ денегъ по алтыну или по грошу, приносили для своей почести, а не въ посулы, — принесли два человѣка, собравъ . А тово не вѣдаю, сколкихъ человѣкъ и по чему собрали съ человѣка, и хто ихъ именемъ

[1]) А не Михайла Шерефединовъ, какъ его ошибкой называли въ наказѣ изъ Разряда.

принесъ, — и у тѣхъ двухъ принесъ я, Иванъ, и отдалъ въ тотъ часъ Михайлу Колтовскому. А принесли они безъ побой, своею охотою, въ добороту». Рожееву дословно вторилъ въ своихъ показаніяхъ и Ст. Быковъ.

Въ тотъ же день, 29/v, Бѣльскій «по обыскнымъ рѣчамъ» снова допрашивалъ Колтовского. На этотъ разъ Колтовской сдался. Воевода показалъ: «посошныхъ людей не бивалъ и не мучивалъ и посуловъ съ нихъ не имовалъ, а въ томъ передъ государемъ виноватъ: хто принесетъ въ корму мѣсто или съ кѣмъ пришлетъ человѣкъ з десятка и болши — алтынъ пять или десять, — ималъ з бѣдности: помѣстьишка всѣ пусты, а въ лѣтошнемъ году былъ на государевѣ службѣ на Тулѣ. И хто что приносилъ и съ кѣмъ присылалъ, и я того не упомню, сколко принесъ» [1]).

Въ своихъ отпискахъ, полученныхъ на Тулѣ 31/v, Бѣльскій сообщалъ, что онъ допрашивалъ М. Колтовского, Г. Шерефединова и дѣтей боярскихъ, «розводя порознь, и посошными людьми сыскивалъ», и по сыску и по роспроснымъ рѣчамъ Михаила Колтовского да засѣчнаго голову Ивана Рожеева да туляніна сына боярского Степана Быкова отдалъ за пристава до государева указа. Государева наказа, указныхъ грамотъ и именной росписи посошнымъ людямъ М. Колтовской Бѣльскому не отдалъ, — «отказалъ: какъ де будетъ г. указъ, и меня возьмутъ отъ засѣки, и я де тогды и отдамъ». Веденіе работъ на засѣкѣ Бѣльскій поручилъ Гаврилѣ Шерефединову [2]). Бѣльскій доносилъ, что на очной ставкѣ тульскаго пушкаря И. Котельника съ М. Колтовскимъ послѣдній повинился и «вину свою ко государю принесъ». «И тотъ Ивашка, кончалъ отписку Бѣльскій, отпущонъ да съ нимъ же Ивашкомъ послано отписка, что велѣно сослать на Коширу, и на Коширу ѣздоковъ нѣтъ, сослать на Коширу не съ кѣмъ» [3]).

Въ началѣ іюня Колтовской опять на Кортосеневской засѣкѣ у засѣчнаго дѣла. Въ іюньской отпискѣ онъ жалуется, что у него нѣтъ людей: «а дьячка къ намъ не прислано, и затѣмъ г. засѣчное дѣло дляетца, — послать, господа, на вѣсти и въ уѣздъ для дымовыхъ людей и къ инымъ г. засѣчнымъ дѣламъ неково же». Съ Тулы ему дали указанія: «острогъ поставить дубовой, а передъ острогомъ выкопать ровъ и изо рву приметывать землю къ острогу до нижнихъ острожныхъ боевъ, а выше боевъ земли не преметывать» — предостерегали, очевидно, не особенно вѣруя въ здравый смыслъ М. Колтовского [4]).

---

[1]) Прик. ст. № 351, I. Подлинные допросы Колтовского оторвались въ Архивѣ М. Ю. отъ остального дѣлопроизводства по засѣчнымъ дѣламъ. См. Сѣв. ст. № 496. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 263—264. [3]) Вл. ст. № 75 л. 265. [4]) Вл. ст. № 75 лл. 126—129.

⁹/VI на Тулѣ была получена отписка Колтовского, въ которой онъ сообщалъ о постановкѣ на его участкѣ надолобъ: «почета дѣлать надолобы по обѣ стороны дороги въ двѣ рядъ, а на тѣхъ надолобахъ будутъ надолобы опускныя черезъ дорогу въ дву мѣстѣхъ, а того мѣста будетъ версты на три, а безъ тѣхъ, господа, надолобъ быть немочна, потому что ѣздятъ всякіе люди около дороги сторонами, лѣсомъ объѣзжаютъ грязь, а и прежъ сево въ тѣхъ мѣстѣхъ надолобы были, и тѣ надолобы прежнія погнили и повалялись»[1]). Работамъ мѣшало ненастье. «И въ томъ мѣстѣ, писалъ воевода, у рѣчки Веркуши пришелъ долъ, мѣста топка, рву копать и острогу ставить немочна, отпела ненастья..., а засѣчная, господа, дѣла продлялась за ненастьемъ, мѣста низка, отпела грязь, а будетъ ведреная погода, и то засѣчная дѣла отдѣлается вскорѣ». Колтовской опять жаловался на малочисленность у него дѣтей боярскихъ и на отсутствіе дьячка[2]). Въ концѣ іюня онъ былъ занятъ сборомъ подымовнаго ополченія съ Тульскаго уѣзда на засѣку[3]). ²⁷/VI на Тулѣ была получена отъ Колтовского отписка о томъ, что работы на его звенѣ приближаются къ концу, и съ Тулы распорядились отпустить дѣловцовъ, какъ только онъ «отдѣлается»[4]). Колтовской довелъ на Кортосеневской засѣкѣ дѣло до завершенія. Мы встрѣчаемъ его на засѣкѣ еще въ концѣ іюля. Такъ, ²⁹/VII на Тулѣ было получено его донесеніе о томъ, что засѣчныя дѣла онъ закончилъ и посошныхъ людей распустилъ[5]).

Смѣненъ Колтовской былъ только ³/VIII, когда на засѣку вмѣсто него былъ присланъ кн. Иванъ Андреевичъ Гагаринъ. Колтовского Гагаринъ ⁴/VIII отправилъ «для подлинного сыска» на Тулу, но не зналъ, что ему дѣлать съ товарищемъ Колтовского Гаврилой Шерефединовымъ. Засѣчнаго головы И. Рожеева Гагаринъ на засѣкѣ не нашелъ, такъ какъ, по словамъ Колтовского, Рожеевъ сбѣжалъ съ засѣки еще ²⁹/VII. Приказчика и помѣстныхъ сторожей и дѣтей боярскихъ у засѣки тоже не оказалось. На Тулѣ рѣшили: «Отписать, чтобъ Гаврилъ Шерефединовъ былъ со княземъ Иваномъ Гагаринымъ, будетъ до нево по обыскомъ не дошло, а Рожеева, сыскавъ, дать держать приставу»[6]).

Въ чемъ выразилась на засѣкѣ дѣятельность Гагарина, не видно. Въ сентябрѣ 147 г. онъ повторялъ жалобы Колтовского на разбѣгъ дѣтей боярскихъ и не отсутствіе на звенѣ дьячка. «И по вашему бояр-

---

[1]) Вл. ст. № 75 л. 278. [2]) Вл. ст. № 75 л. 269. [3]) Вл. ст. № 75 л. 291 [4]) Вл. ст. № 75 лл. 163—166. [5]) Вл. ст. № 76 л. 234. [6]) Вл. ст. № 76. л. 436—438.

скому указу, кончалъ Гагаринъ отписку, присылаютъ ко мнѣ драгуновъ, перемѣняяся понедѣльна, и смотрить ихъ некому, самъ грамотѣ не умѣю, аподьячево у меня нѣтъ, и о томъ мнѣ какъ укажете»[1]).

Положеніе оборонительныхъ укрѣпленій Кортосеневской засѣки представляется въ слѣдующемъ видѣ. «Подлѣ старой засѣки» съ полевой стороны, отступя отъ нея (такъ какъ на ней самой «лѣсъ малъ и тонокъ»), сдѣланъ былъ лѣсной завалъ 40 саженъ шириной, «а длина лѣсному завалу отъ замка тульской Щегловской засѣки до замка коширской Оленковской засѣки». На большой дорогѣ (въ Потетинскихъ воротахъ) поставлена дубовая башня 3 саженъ большихъ, покрытая тесомъ дубовымъ и снабженная двумя мостами и двумя дубовыми створчатыми воротами. Башня, какъ обычно, защищена острогомъ, валомъ и рвомъ, черезъ который перекинуты дубовые мосты, — «и тотъ ровъ полонъ воды, больше того копать немочно». Кромѣ того, съ полевой стороны башня защищена двумя рядами надолобъ. Черезъ рѣчку Веркушу намощенъ мостъ 5 саженъ. Съ русской стороны башня тоже окружена четыреугольнымъ острогомъ съ дубовыми створчатыми воротами въ немъ противъ башни и съ надолобами, «а черезъ вершину мощенъ мостъ 7 саженъ», и около него устроенъ лѣсной завалъ въ ширину на 10 саженъ. Всего лѣсной завалъ былъ устроенъ на 11 верстахъ. Объ окончаніи работъ было доложено государю, и на донесеніи Колтовского въ Разрядъ была сдѣлана помѣта: «Государю то вѣдомо, а ждати отписки и чертежу съ Тулы отъ бояръ и воеводъ, каково дѣло, и по указу ли сдѣлано, и то ему отписать»[2]).

Щегловская засѣка. 9-е звено.

Девятое засѣчное звено, тульская Щегловская засѣка, было поручено князю Василію Михайловичу Болховскому[3]) и головѣ Ив. Страхову. Болховской явился на то мѣсто, «гдѣ бывали Щегловскія ворота», 7/IV и согласно наказу принялся за досмотръ прежнихъ укрѣпленій[4]). Укрѣпленія эти почти исчезли: «и гдѣ былъ острогъ и надолобы по старому чертежу по полому мѣсту, писалъ Болховской, и по заповѣдному отъ рѣчки Тулицы до рѣчки Олешни, старово острогу,

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 394. [2]) А. М. Г., II, № 121. [3]) Кн. Вас. Мих. Болховской былъ въ 1615 г. воеводой въ Кадомѣ, въ 1622 г. — въ Арзамасѣ, въ 1625 г. — въ Уржумѣ, въ 1629—31 гг. — во Владимірѣ. Съ 1632 г. видимъ его участникомъ дворцовой жизни въ чинѣ дворянина московскаго. Въ 1633 г. онъ участвовалъ въ охранѣ Москвы на Трубѣ (Д. Р. II, 859, 865; К. Р. I, 80, 868; II, 166, 264, 333, 524). [4]) Вл. ст. № 81 лл. 228—229 и 119. Первоначально къ Болховскому былъ написанъ товарищемъ Ив. Хвощинскій, но онъ оказался отставленнымъ отъ засѣки «лѣтъ з десять».

и башенъ, и надолобъ въ иныхъ мѣстѣхъ и признакъ нѣтъ, окромѣя, г., рву и валу, а подѣлки, г., у той засѣки никакія нигдѣ нѣтъ, а дѣлать острогъ, и надолобы, и ровъ, и башни отъ рѣчки Тулицы до рѣчки Олешни и по заповѣдному все вновь». Чернымъ большимъ лѣсомъ защищены были только мѣста отъ рѣчки Олешни до Колодезной и отъ Колодезной до Бабья пролома. Полыхъ мѣстъ около Колодезной и Бабья пролома въ первый дозоръ Болховской не досматривалъ: «въ отъѣздѣ до нихъ верстъ съ 30».

Предпринимая дозоръ, Болховской долженъ былъ отвлечь засѣчнаго голову Ивана Страхова отъ его прежнихъ обязанностей. Страховъ послалъ Черкасскому донесеніе, въ которомъ писалъ, что ему велѣно было быть на государевѣ службѣ, и «какъ будутъ у воротъ воеводы съ ратными людьми, и ему велѣно оберегать государевъ заповѣдной лѣсъ ото всякихъ порухъ и къ воеводамъ пріѣзжать и наказъ имъ козать, штобы они въ государевамъ въ заповѣдномъ лѣсу не учиняли никакихъ порухъ и на государевыхъ на заповѣдныхъ полянахъ не становились». Между тѣмъ въ наказѣ у присланнаго на Щегловскую засѣку кн. Болховского написано, что засѣчный голова и засѣчные сторожи должны быть съ воеводой у «засѣчной подѣлки». Ему пришлось быть съ воеводой «безотступно», а для охраны заповѣднаго лѣса на Щегловской засѣкѣ осталось всего 3 засѣчныхъ сторожа,— «а уберечь тѣмъ сторожамъ Щегловской засѣки ото многихъ ратныхъ людей не мочна»... Страховъ указывалъ, что въ наказѣ ему велѣно промышлять на засѣкахъ надъ крымскими людьми вмѣстѣ съ засѣчными воеводами,—Пушкарскій приказъ распорядился даже, чтобы онъ вѣдалъ Щегловскую и Кортосеневскую засѣки «безотступна» и сносился самъ съ Черкасскимъ съ товарищи,—между тѣмъ тотъ же Пушкарскій приказъ 6/v командировалъ его къ Потетинскимъ воротамъ въ распоряженіе М. Колтовского. «А тово мнѣ въ государевой грамотѣ не написона, жаловался Страховъ, кому приказать оберегать Щегловскоя засѣка ото всякихъ порухъ. А тово они въ отпискѣ не написали, што мнѣ велѣно быть у дву звенъ у Щегловской и у Кортосеневской засѣкъ... А отъ Щегловскихъ воротъ до Потетинскихъ воротъ верстъ з дватцать и больши, и оберегать мнѣ дву звенъ немочна и не съ кимъ»... Къ тому же М. Колтовской, къ которому уже явился засѣчный голова И. Рожеевъ и приказчикъ Г. Давыдовъ со сторожами отъ Корницкой засѣки, его къ себѣ и не требовалъ. Страхова Черкасскій оставилъ съ Болховскимъ на Щегловской засѣкѣ [1]).

[1]) Вл. ст. № 86 л. 366.

Приступивъ къ засѣчнымъ работамъ, Болховской принялся слать кн. Черкасскому обычныя жалобы. Съ Тулы слѣдовало взять на Щегловскую засѣку 303 чел. и 61 лош., съ Крапивны 38 чел. и 8 лош., съ Дѣдилова 115 чел. и 21 лош. [1]). Между тѣмъ по 9/IV Замыцкій прислалъ къ нему съ Тулы гулянѣ посадскихъ людей 45 чел. съ топорами и лопатами да 15 чел. съ лошадьми и телѣгами. Дѣдиловскій воевода Офросимовъ писалъ въ Разрядъ, что въ Дѣдиловѣ на посадѣ нѣтъ ни одного посадскаго человѣка, а съ уѣзда ему удалось собрать съ 6 четей съ получетверикомъ 30 чел. и 6 лош., которыхъ онъ и выслалъ къ Болховскому 11/IV. Въ Разрядѣ недоборомъ не были особенно поражены, — на отпискѣ Офросимова была положена помѣта: «Отписать: что собралъ, то добро» [2]). Болховского утѣшали тѣмъ, что писали съ опалой о скорѣйшей высылкѣ дѣловцовъ на Тулу, Дѣдиловъ и Крапивну, но напоминали и ему самому о скорѣйшемъ укрѣпленіи Щегловской засѣки [3]).

Къ 23/IV Болховской добрался до дер. Колодезной и до Бабьяго пролома и къ 4/V прислалъ на Тулу отчетъ о своемъ дозорѣ. Сдѣлавъ дозоръ засѣкѣ отъ Бабьяго пролома до замка Аннина праворотья, онъ нашелъ, что около Колодезной можно возстановить старыя укрѣпленія, поставивъ ворота и острогъ, «что не пройтить воинскимъ людемъ», но на Бабьемъ проломѣ, «гдѣ исстори былъ острогъ косой и надолобы и лѣсной завалъ, и на томъ мѣстѣ укрѣплять немочно потому, что на томъ Бабьемъ проломѣ заповѣдной лѣсъ выгорѣлъ въ длину подлѣ рѣчки Малой Апоки верстъ з десять, а поперекъ горѣла да другой рѣчки Большой Апоки верстъ съ шесть съ польской и съ руской стороны». На вопросъ Болховского, какъ давно былъ пожаръ, окрестные крестьяне сказали: «сперва де горѣла на томъ на Бабьемъ проломѣ тому де лѣтъ съ 40, а въ другой де горѣла на томъ же Бабьемъ проломѣ при засѣчномъ головѣ при Михайлѣ Кислемскомъ тому де лѣтъ з 20». «А только, г., заключалъ Болховской отписку, лѣсу сошлось съ польской стороны подлѣ рѣчки Большой Апоки немного больше перестрѣлу». Воевода жаловался, что ему дано мало дѣтей боярскихъ и дѣловцовъ сравнительно съ другими засѣчными воеводами, и на трудность работъ на его звенѣ: «привозятъ бревно двемя лошадьми въ третей день, потому что лѣсъ о[т]далѣлъ и за грезьми... Такими малыми людьми не здѣлоть Щегловскія засѣки и въ два года» [4]).

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 224—231 и 74—75. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 18—19. [3]) Вл. ст. № 81 лл. 73 и 77—81 (грамота перебита). [4]) Вл. ст. № 85 лл. 109—112; Вл. ст. № 85 л. 124.

Сначала Болховской занялся, было, укрѣпленіемъ Щегловскихъ воротъ, но Черкасскій отправилъ его прямо на Бабій проломъ. 7/v въ Разрядѣ было получено донесеніе Болховского, въ которомъ онъ сообщалъ о законченномъ имъ дозорѣ Щегловской засѣки и о томъ, что онъ по 1/v срубилъ 35 вѣнцовъ караульной башни, сдѣлалъ къ ней мостъ и приготовилъ 15 вѣнцовъ для другой караульной башни въ Щегловскихъ воротахъ, «сплотилъ» острогу 620 бревенъ и навозилъ лѣсу на продолженіе его. Болховской выражалъ недовольство, что на Бабій проломъ его послали «отъ дѣла»,—«а Бабей, г., проломъ, писалъ воевода, отъ Тулы, отъ Щегловскихъ воротъ въ объѣздъ верстъ съ 30». Къ 15/v онъ сдѣлалъ острогъ на Бабьемъ проломѣ на 220 саженяхъ и засѣкъ лѣсной завалъ отъ острога къ Кортосеневской засѣкѣ. Острогъ съ польской стороны былъ защищенъ тремя топкими ржавцами, надолобами и лѣснымъ заваломъ. 13/v начали сѣчь завалъ отъ рѣчки Апоки къ Колодезной на 5 верстахъ, и собирались у Колодезной ставить острогъ на 167 саженяхъ. Въ разгаръ работъ дѣловцы начали разбѣгаться. «Посадцкія люди, писалъ Болховской, наймаютъ въ свое мѣста на роботу наемщиковъ, и тѣ ихъ наемщики, не дождаяся перемѣны, з засѣчнаго дѣла бѣгаютъ, и затѣмъ засѣчному дѣлу чинитца мѣшкота не малоя». Воевода жаловался опять и на недостатокъ у него дѣтей боярскихъ: «дѣтей боярскихъ мало, для засѣчного дѣла въ россылку послать некого». 16/v тульскіе посадскіе люди сбѣжали отъ завала «всѣ до одного человѣка, да и иные многія розбѣжались» [1]). Съ укрѣпленіемъ Колодезной у Болховского вышло затрудненіе. Воевода послалъ сошныхъ людей за острожнымъ лѣсомъ,—«и онѣ ко мнѣ привезли, доносилъ онъ Черкасскому, на Колодезное на острогъ асиноваго лѣсу, а про дубовай лѣсъ и про березовай сказали, что онѣ дубового лѣсу и березоваго не нашли». Болховской спрашивалъ: «да на Колодезномъ же ставить ворота створные и на воротѣхъ башня ставить ли или, затворя, такъ ихъ покинуть? И о томъ, государи, осиновамъ лѣсу и о башнѣ какъ укажете». На Тулѣ рѣшили: «Отписать: велѣть здѣлать острогъ да передъ острогомъ надолобы опускные, а ворота здѣлать на острогѣ и выкопать ровъ, а у воротъ засовы подѣлать крѣпкіе. А лѣсу будетъ лутче тово не добыть, дѣлать и въ томъ, каковъ есть» [2]). Тульскіе посадъ и уѣздъ и уѣзды Дѣдиловскій и Соловскій должны были доставить на покрытіе засѣчныхъ сооруженій 531 лубъ да гвоздей прибойныхъ 150 и тесовыхъ, «чѣмъ прибивать лубья», 300. Лубья

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 48—52. [2]) Вл. ст. № 75 л. 353.

брали съ чети по 10 лубьевъ. Такъ какъ лубья долго не доставлялись населеніемъ на засѣку, Болховской распорядился доправить ихъ [1]).

²⁶/v отъ Болховского была получена на Тулѣ обстоятельная отписка, изображавшая общій ходъ работъ па Щегловской засѣкѣ. Въ постановкѣ острога Болховской проявилъ нѣкоторую самостоятельность. Острогъ онъ ставилъ не на томъ мѣстѣ, которое указано было въ его росписи, «потаму что на томъ мѣстѣ къ острогу лѣсного завалу привести было немочна, что много переполянья, и острогъ было ставить во многихъ мѣстѣхъ». Болховской обыскалъ съ головой Страховымъ и съ засѣчными сторожами на Бабьемъ проломѣ полого мѣста отъ рѣчки Апоки по ржавцу вверхъ къ Аннину праворотью 220 саженъ и сталъ ставить косой острогъ на этомъ мѣстѣ. Съ польской стороны острогъ былъ защищепъ ржавцомъ и лѣснымъ заваломъ, протянувшимся отъ Бабья пролома черезъ замокъ Аннина праворотья къ замку Кортосеневской засѣки на 5 верстахъ. «А къ старому прежнему завалу, писалъ Болховской, прибавливаю чорного болшого лѣсу съ полской стороны сажопъ по 10, а индѣ и по 15, смотря по крѣпостямъ». Ему оставалось еще сѣчь завалъ отъ р. Апоки до Бабья пролома на 4 верстахъ, да на 5 верстахъ завалъ отъ р. Бѣжки до р. Олешенки, «а отъ р. Олешенки, что будетъ доведетца дѣлоть, да Щегловского изрогу, да караульной башни версты з двѣ». Въ концѣ мая, какъ и въ началѣ мѣсяца, Болховской продолжалъ жаловаться на недостатокъ у него людей и на разбѣгъ дѣловцовъ [2]).

Полный отчетъ объ итогѣ работъ былъ представленъ Болховскимъ въ половинѣ іюля. Онъ поставилъ двѣ караульныхъ башни, одну въ Щегловскихъ воротахъ, другую на Щегловскомъ изрогѣ. Около второй башни были поставлены «ворота створныя, большія, вылазныя, передъ вороты дубоваго мосту черезъ ровъ и съ перилы 4 сажени съ малою четью, а отъ воротъ острогу ставлено въ заповѣдникъ 50 саженъ, для верхнихъ боевъ по острогу подѣланы кровати». Вдоль острога былъ выкопанъ ровъ на 1900 саженяхъ. Лѣсной завалъ сѣченъ на 7 верстахъ 860 саженяхъ. На Колодезной устроены ворота съ опускными надолобами. Остальное пространство было защищено заваломъ, надолобами и рвомъ. ¹⁶/vii посошные люди были распущены со Щегловской засѣки [3]).

Тульскія укрѣпленія и Завитай. 10-е звено.

Укрѣпленія, смыкавшія Тулу съ засѣчными линіями, шедшими на востокъ и на западъ отъ нея, были устроены подъ непосредственнымъ

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 305—336. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 115—118. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 110—112, 126—131; А. М. Г. II № 124.

наблюденіемъ самого кн. И. Б. Черкасскаго и двухъ его помощниковъ— кн. А. М. Львова и В. И. Стрѣшнева, частью даже на ихъ собственный счетъ.

Между концомъ заповѣднаго лѣса Щегловской засѣки близъ Тулы, «гдѣ хаживалъ мимо Тулы крымской царь и царевичи и большіе воинскіе люди черезъ Черленую гору, полово было мѣста отъ лѣсу до болота, которое болото пришло къ рѣкѣ къ Тулицѣ, на 374 саженѣхъ». «И мы, х. т., доносилъ въ Москву Черкасскій, челомъ ударили тебѣ, государь, здѣлали своимъ наймомъ валъ земляной по городовому, какъ дѣлаютъ земляной городъ, да башню земляную. Я, х. т., Ивашка здѣлалъ 200 саженъ, а я, х. т., Олешка 70 саженъ, а я, х. т., Васька, 100 саженъ». Воеводы выражали надежду, что «впередъ тѣмъ мѣстомъ царю и царевичамъ и большимъ воинскимъ людемъ приходить нельзѣ». Вмѣстѣ съ отписной воеводы препровождали и чертежъ сдѣланныхъ ими работъ и роспись укрѣпленіямъ[1]). Кромѣ того, подъ надзоромъ Черкасскаго съ товарищи было возстановлено земляное укрѣпленіе Завитай, расположенное на югъ отъ Тулы до Малиновыхъ воротъ Крапивенской засѣки. По Завитаю сдѣлано было двадцать башенъ «большихъ и середнихъ». «И за землянымъ Завитаемъ, доносилъ Черкасскій въ Разрядъ, ровъ выкопанъ и вычищенъ, и совсѣмъ Завитай отдѣланъ, а конецъ Завитаю отъ острогу пятьдесятъ саженъ, и въ томъ мѣстѣ межъ земляново валу и острогу впередъ надобно поставить надолобы противъ прежнево двойные, а нынѣ надолобы не ставлены, потому что лѣсъ отъ тово мѣста далеко, и на тѣ надолобы лѣсъ возить по зимнему пути». Башни по Завитаю дѣлали солдаты полка Александра Краферта. Чертежъ Завитая былъ препровожденъ въ Москву[2]).

Малиновая засѣка. 11-е звено.

Семенъ Васильевичъ Волынскій[3]) явился на порученное ему и Степану Карцову одиннадцатое звено, на крапивенскую[4]) Малиновую засѣку, къ Малиновымъ воротамъ $^8/_{IV}$ и, согласно приведенному выше, въ главѣ III, наказу, потребовалъ отъ тульскаго воеводы Ивана Замыцкаго дѣтей боярскихъ, разсыльщиковъ, пушкарей, затинщиковъ, дьячка для письма, посошныхъ людей и лошадей. Волынскій долженъ былъ по-

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 332—333. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 336—342; А. М. Г. II № 189; Сѣв. ст. № 111 лл. 157—158; Бѣлг. ст. № 125 лл. 133—145 (описаніе Завитая); см. также Е. Щепкина «Тульскій уѣздъ въ XVII вѣкѣ». [3]) С. В. Волынскій въ 1621 г. — воевода въ Ельцѣ, въ 1628—29 гг. — въ Мосальскѣ (К. Р. I, 761; II, 69, 176). [4]) Иногда она называется и тульской.

лучить съ Тулы 276 чел. и 55 лош. Замыцкій прислалъ къ нему 5 человѣкъ пушкарей и подьячаго Филиппа Жданова,—«и велѣлъ мнѣ, х. т., доносилъ въ Разрядъ $^{16}/_{IV}$ Волынскій, сказать, что у него въ сборѣ дѣтей боярскихъ и посошныхъ людей и лошадей нѣтъ». До $^{13}/_{IV}$ къ Волынскому явились еще засѣчный голова Ив. Карачаровъ, да приказчикъ Воинъ Радугинъ, да 4 засѣчныхъ сторожа, а «служивые люди» не пріѣхали. «И намъ, х. т., писалъ Волынскій, не токмо чѣмъ почать дѣлать засѣка — и послать неково никуды для твоево г. дѣла». На эту отписку изъ Москвы $^{18}/_{IV}$ отвѣчали напоминаніемъ тульскому воеводѣ выслать дѣтей боярскихъ и людей «противъ сошнаго письма», а Волынскому приказали представить дозоръ засѣки по паказу[1]). Воеводы жили у засѣки «другую недѣлю», а Замыцкій не прислалъ къ нимъ «ни однова засѣчнаго человѣка ни одной лошади» и ничего не отвѣчалъ на обращенныя къ нему грамоты Волынскаго.

Волынскій и Карцовъ впали въ уныніе и жаловались въ Москву: «впредь, г., ево (Замыцкаго) оплошкою не чаемъ всѣмъ людемъ по твоему г. указу присланнымъ быть къ намъ, х. т., и въ ево, г., Ивановѣ нерадѣньѣ твое г. дѣло замѣшкалось, — не починивали дѣлать ничево апрѣля по 16 число». «Мимо» Замыцкаго собирать на Тулѣ дѣловцовъ они не рѣшались,—«сбирать не умѣть»,—а отъ его нерадѣнья боялись «погинуть» въ опалѣ. Между тѣмъ къ другимъ засѣчнымъ звеньямъ, писали воеводы, дѣловцы высланы. Даточныхъ съ Москвы къ нимъ не прислано тоже ни одного человѣка. Въ Москвѣ положили резолюцію: «Отписать на Тулу: велѣть высылать неоплошно тотчасъ»[2]). Волынскій рѣшился, наконецъ, собирать дѣтей боярскихъ и самъ. За дѣтьми боярскими, имена которыхъ были написаны у него въ наказѣ, онъ послалъ засѣчныхъ сторожей, велѣлъ тѣхъ дѣтей боярскихъ «собрать и привесть къ себѣ на Заупскую засѣку къ Малиновымъ воротамъ». Засѣчный сторожъ Елистратъ Черной $^{13}/_{IV}$, «собравъ, привелъ... тѣхъ дѣтей боярскихъ 6 человѣкъ, а четырехъ человѣкъ не сыскалъ». «И у тѣхъ, г., дѣтей боярскихъ, писалъ Волынскій, лошадей нѣтъ, прибрели пѣши, и по вѣстямъ, г., намъ, х. т., тѣхъ дѣтей боярскихъ и по бѣглыхъ посошныхъ людей послать будетъ неково и не на чемъ». Изъ этихъ 6 дѣтей боярскихъ одинъ сбѣжалъ, одного Волынскій послалъ съ отпиской къ Москвѣ, и у него всего осталось 4 человѣка, — «и куды доведетца для твоего г. дѣла послать и къ посохѣ приставить, — неково». Съ Москвы отвѣтили — впредь относительно дѣтей боярскихъ обращаться

---

1) Вл. ст. № 81 лл. 43—48. 2) Вл. ст. № 81 лл. 122—123.

на Тулу[1]). Кромѣ дѣтей боярскихъ, Волынскій просилъ себѣ въ Разрядѣ еще плотниковъ. Въ Разрядѣ эта его просьба вызвала недоумѣніе. На оборотѣ черновой грамоты къ нему было написано: «а что пишешь о плотникахъ, и у засѣчново дѣла плотники николи не живутъ»... Плотниковъ ему велѣно было выбрать изъ сошныхъ людей[2]).

Съ $^{16}/$IV на засѣку къ Волынскому стали подходить даточные. $^{16}/$IV Замыцкій прислалъ съ Тулы 76 чел. и 30 лош. 46 человѣкъ начали дѣлать засѣку, а 30 человѣкъ возили лѣсъ. Всего съ Тулы по $^{5}/$V прислано было 154 чел. и 36 лош., изъ которыхъ двѣ трети работали надъ засѣкой, а одна треть возила лѣсъ. Кромѣ присылокъ Замыцкаго, на засѣку являлись самостоятельно дѣловцы разныхъ помѣщиковъ. Такихъ дѣловцовъ явилось 41 чел. съ 1 лош. «А хто съ кѣмъ въ чети списанъ, и въ отпискахъ воеводы Ивана Замытцкова не написано, и потому было нѣтчиковъ сыскивать не умѣть». Всего къ Малиновымъ воротамъ съ уѣзда надо было взять съ 46 четей 230 чел. и 46 лош., такъ что не добрано было 35 чел. и 11 лош., а весь недоборъ съ посада и уѣзда равнялся 81 чел. и 28 лош.[3]).

$^{3}/$V къ Волынскому подошли даточные съ темниковскихъ дворцовыхъ селъ. Новоприборные краснослободскіе даточные жаловались Черкасскому на злоупотребленія при наборѣ. Приказчику Красной слободы путному стряпчему Андрею Суворову велѣно было прибрать на службу даточныхъ сошныхъ людей «съ вытей по окладу» и дать на каждаго даточнаго по 24 руб. жалованья. Даточные говорили, что Суворовъ выдалъ имъ жалованья по 6 руб. съ полтиной и предложилъ купить запасы и самимъ вести эти запасы до Москвы. Между тѣмъ по зимнему пути Суворовъ ихъ не отпустилъ, а продержалъ ихъ «для своей бездѣльной корысти» до Вербнаго воскресенья. «И послѣ, г., того, жаловались даточные, умысле сошные люди съ тѣмъ приказнымъ человѣкомъ, и приказному человѣку подносулились, дали 120 рублевъ, чтобъ, г., твой г. приказной человѣкъ далъ намъ, х. т., твое г. жалованья противъ твоей г. грамоты несполна». Они утверждали, что Суворовъ взялъ съ нихъ посулы великіе, —«сказалъ у себе твой г. иной указъ, что де мнѣ велѣна вамъ дать г. жалованья по 12 рублевъ человѣку на подъемъ. И тѣ, г., сошные люди велѣли намъ довать по 13 рублевъ человѣку твоего г. жалованья на подъемъ. И тотъ приказной человѣкъ Ондрей Суворовъ, давъ намъ твоего г. жалованья противъ твоей г. грамоты несполна, по

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 67—86. [2]) Вл. ст № 81. л. 63. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 39—42.

13 руб. человѣку, ис тѣхъ, г., денегъ, ис твоего г. жалованья, противъ твоего г. указу у насъ, х. т., вынелъ себѣ во всякого человѣка по полтора рубли». На полученныя деньги даточные собрались въ путь. Суворовъ «выбилъ» ихъ къ Москвѣ «въ розкалье». «И мы, х. т., плакались даточные, идучи на твою г. службу въ розкалья з запасы и съ лошедьми, потопили, потому, г., что зимней рушился, а рѣки всякіе розлились, и оттого мы, х. т., розбрелися». Даточные просили додать имъ задержанное жалованье. Въ другомъ своемъ челобитьѣ дѣловцы указывали, что изъ этого недоданнаго жалованья они должны были купить не только запасы на 8 мѣсяцевъ, но и снасть (заступы, лопаты и кирки) [1].

Недостатокъ дѣловцовъ Волынскій продолжаетъ испытывать и въ маѣ [2]). Кромѣ неявки даточныхъ на засѣку, воевода встрѣтился и съ другимъ зломъ: ¹³/v онъ открылъ среди своей посохи торговлю виномъ. Торговлю виномъ среди темниковскихъ даточныхъ выслѣдилъ ихъ же пятидесятникъ, принесшій Волынскому вино въ боченкѣ «да два сюденка мурамленые съ виномъ же». Пойманный съ виномъ крестьянинъ показалъ, что это вино онъ привезъ про себя, какъ былъ присланъ къ засѣчному дѣлу, «а то де у нево вино стояло здѣсе въ засѣки у товарищавъ ево, у больныхъ людей въ стану», и пятидесятникъ поймалъ его съ виномъ «въ тѣ поры, какъ онъ хотѣлъ вино взять къ себѣ». Волынскій «выложилъ» вино изъ мурамленыхъ суденковъ въ бочку и, запечатавъ ее, послалъ и бочку и суденки къ Черкасскому. Виновный въ продажѣ вина мужикъ на Тулѣ показалъ, что онъ купилъ полведра вина для своихъ больныхъ товарищей на ихъ деньги. Объясненія его не показались удовлетворительными. На дѣлѣ положена резолюція: «Отвести тово мужика, гдѣ у нево вино вынято, и бить батоги нещадно передъ многими людьми и сказать всѣмъ: будетъ впередъ у ково вино вымутъ, и тому быть пытану». Черкасскій позволилъ покупать вино даже больнымъ только съ особаго разрѣшенія [3]).

Для сбора ополченія съ прилежащихъ къ засѣкѣ селъ и деревень Волынскій переписи не предпринялъ, такъ какъ вѣстей не было [4]). ²²/v на Тулѣ отъ него былъ полученъ докладъ о ходѣ работъ на порученной ему засѣкѣ. Завалъ лѣсной до р. Упы Волынскій довелъ ¹⁷/v. «А отъ лѣсу до рѣки Упы берегомъ нѣтъ лѣсу саженъ з 10 и больши в-ыномъ мѣстѣ, и въ томъ мѣстѣ я хотѣлъ, писалъ Волынскій, ровъ перекопать, а землю метать на одну на рускую сторону, а съ полскую

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 286—290. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 1, 34—38, 112. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 28—33. [4]) Вл. ст. № 86 л. 112.

сторону чесникъ побить, или о томъ какъ вы укажете, какую крѣпость учинить». Къ этому же сроку онъ срубилъ башню съ мостами, боями и лѣстницей,—«а обламовъ и верху нелзя стало взволочь, ненастье занело, взойтить людемъ нельзя на башню волочить». Поставить острогъ за ненастьемъ онъ тоже не успѣлъ,—«а не поставленъ за ненастьемъ же, борозды копать нельзя стало, вода отнела: которая и выкопана борозда, и она полна воды». Черкасскій распорядился соорудить между лѣсомъ и Упой крѣпкія тройныя надолобы изъ большого лѣса, «чтобъ въ полую воду льдомъ не сломило»[1]).

Въ отпискѣ, полученной на Тулѣ $^{13}/\text{VI}$, Волынскій жаловался на то, что онъ не нашелъ на засѣкѣ многаго, что̀ значилось въ полученной имъ росписи. Въ росписи у Волынскаго было написано, что въ Малиновыхъ воротахъ—мостъ 6 саженъ, а на мосту—четверы ворота съ верхними башнями; мостъ, по росписи, защищенъ надолобами, а съ русской стороны стоитъ изба караульная. Ничего подобнаго на мѣстѣ не оказалось, и Волынскому пришлось все дѣлать заново[2]). Въ концѣ іюня воевода столкнулся съ порубками въ порученномъ ему заповѣдномъ лѣсу, произведенными драгунами Краферта. «Іюня въ 29 день, разсказывалъ Волынскій, изъѣхалъ я, господа, въ засѣшномъ лѣсу блиско Завитая, многіе люди сѣкутъ засѣчной лѣсъ, и лубья снимаютъ, и деревья большія подсѣкаютъ. И я, господа, спрашивалъ ихъ, какіе они люди, и почему онѣ сѣкутъ въ засѣчномъ лѣсу и лубья снимаютъ. И онѣ сказались солдаты розныхъ ротъ, а которово полку, тово мнѣ не сказали. А сѣкутъ де онѣ лѣсъ по приказу полковниковъ на г. *(п. т.)* дѣло, велѣно де имъ дѣлать Завитай, и полковники де имъ велѣли въ томъ лѣсу лѣсъ сѣчь на лопаты, а лубья снимать на носилки. А съ иными, г., людьми изъѣхалъ нѣмчина, лубья жъ снимаютъ и деревья подсѣкли. И я, господа, на великую силу выслалъ ихъ изъ лѣсу, а поймать была ихъ некѣмъ. И которые, господа, деревья подсѣчено, а съ иныхъ лубья снято, и береста содрано, и мнѣ бы въ томъ не быти въ г. *(п. т.)* опалѣ». Волынскій выражалъ тревогу, что ему наблюдать за лѣсомъ не съ кѣмъ: «посошные люди всѣ ѣздятъ по лѣсъ, а настанѣхъ бываетъ человѣка по 2 или по 3, а дѣтей боярскихъ у меня всево пять человѣкъ, да одинъ пушкарь»... На Тулѣ опредѣлили: «Отписать къ полковнику, чтобъ тѣхъ сыскалъ и впередъ заказалъ, а государевъ указъ: которыхъ поимаютъ въ заповѣдномъ лѣсу, и тѣхъ бьютъ кнутомъ нещадно». Получивъ увѣдомленіе Волынскаго $^{29}/\text{VI}$, Черкасскій

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 113—114. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 249—250.

на другой же день послалъ распоряженіе Краферту сыскать виновныхъ и ихъ «бить кнутомъ, а за большія вины вѣшать»[1]).

Въ іюлѣ Волынскій продолжалъ жаловаться на отсутствіе людей, а $^{20}/_{VII}$ отъ него была получена на Тулѣ отписка, въ которой онъ указывалъ на совершенную невозможность сладить съ дѣловцами. По $^{18}/_{VII}$ нѣтчики дѣти боярскіе къ нему все еще не бывали,—«а посошные люди, писалъ Волынскій, не дождався перемѣны, бѣгаютъ и въ нѣтахъ многіе бываютъ, а пушкарь, господа, у меня одинъ былъ, и тотъ збѣжалъ...»,—такъ что ему «по нѣтчиковъ послать и въ засѣкѣ никакова г. дѣла приказать некому». Слѣдомъ за цитированной отпиской Волынскій послалъ другую, въ которой онъ сообщалъ слѣдующее. «Іюля въ 19 день мостили мостъ посошные люди, и видя, господа, посошные люди, что у нихъ приставовъ нѣтъ, только язъ да со мною голова Степанъ Карцавъ да сынъ боярской Офремъ Шиловъ, многіе посошные люди отъ дѣла перехоронились по лѣсу и въ засѣчномъ лѣсу драли лыка, а поймать было ихъ некому. Одново мужика поймали людишка мои крестьянина Тимоѳеевой жены Маслова вдовы Овдотьи, Макарка Ѳедорова сына Ишутина, а иные мужики ушли. А которова, господа, поймали мужика, и по г. указу наказанье ему учинить было велѣть некому». Волынскій отдалъ Макарка «тому сыну боярскому Офрему Шилову, которой былъ у него одинъ». «И нынѣ господа, писалъ воевода, некому у меня и къ смотру кликнуть посошныхъ людей, не токма куды послать для государева дѣла». Съ Тулы распорядились: «Дѣтей боярскихъ послать тотчасъ, а мужика, которой въ засѣкѣ пойманъ, прислать съ приставомъ на Тулу»[2]). Волынскій отправилъ Макарка на Тулу, а передъ отправленіемъ «билъ того мужика батоги нещадно при всѣхъ посошныхъ людехъ, чтобъ инымъ посошнымъ людемъ было неповадно такъ дѣлать»[3]). На Тулѣ Макарка былъ вкинутъ въ тюрьму. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

Дѣти боярскіе, посылаемые къ Волынскому, успѣвали разбѣгаться даже во время пути на томъ небольшомъ разстояніи, которое отдѣляло Тулу отъ Малиновыхъ воротъ. Такъ, $^{17}/_{VII}$ съ Тулы, наконецъ, отправили къ Волынскому 10 человѣкъ костромичей и галичанъ, изъ которыхъ, однако, двое по пути сбѣжали[4]). Не прибылъ къ Волынскому своевременно и нарядъ. Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ $^{27}/_{VII}$, Волынскій жаловался на то, что еще $^{31}/_{V}$ къ нему на засѣку была отправлена пищаль, ядро 3 гривенки, со всѣми обычными принадлежностями, но временно до окончанія засѣчныхъ работъ она была задержана на Тулѣ

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 167—169. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 464 и 463. [3]) Вл. ст. № 76 л. 465. [4]) Вл. ст. № 76 л. 466.

да такъ и застряла тамъ. «А нынѣ, господа, писалъ Волынскій, вѣдома мнѣ учинилось, по г. указу отпущенъ де съ Москвы крымской гонецъ, а иттить ему будетъ въ Малиновые ворота, а наряду, господа, въ воротѣхъ нѣтъ, а пушкари московскіе, которые присланы съ тѣмъ нарядомъ, живутъ на Тулѣ. А ратныхъ и никакихъ, господа, людей у меня нѣтъ, опричь 8 человѣкъ дѣтей боярскихъ, костромичъ да галичанъ». Но Разрядъ упредилъ отписку Волынскаго: нарядъ и люди были посланы еще до полученія ея [1]).

Отчета Волынскаго объ окончаніи имъ работъ на порученной ему засѣкѣ мы не имѣемъ.

Заупская засѣка. 12-е звено.

Двѣнадцатое звено засѣчной черты, тульская Заупская засѣка съ Орловыми воротами, было поручено кн. Никитѣ Михайловичу Барятинскому [2]) и Данилѣ Шокурову, явившимся на засѣку $^{9}/_{IV}$. На засѣкѣ они нашли засѣчнаго голову Ивана Карачарова и немедленно принялись за дозоръ. Результаты его были неутѣшительны. «Старыхъ, г., крѣпостей, писалъ Барятинскій въ Москву, на той засѣкѣ у Орловыхъ воротъ нѣтъ никакихъ, всѣ отгнили, только, г., знакъ есть, гдѣ какія крѣпости были. А по засѣкѣ, г., испробиты многія стежки, и лѣсъ сѣченъ, старая сѣча и новая; да въ той же, г., засѣкѣ, ѣдучи съ русскую сторону, съ большой дороги направо выше рѣчки Плавки пошла дорога скрозь засѣку на полевую сторону, а сказываютъ, г., сторожи, тою дорогою воинскіе люди прохаживали. А по всей, г., засѣкѣ крѣпкихъ мѣстъ, озеръ и болотъ, нѣтъ, только, г., возлѣ Упы болото, и то, сказываютъ, въ сухмень пересыхаетъ. А въ томъ, г., мѣстѣ и черезъ всее засѣку по большой дорогѣ воды нѣтъ». Барятинскій жаловался Разряду на то, что по $^{16}/_{IV}$ Замыцкій съ Тулы дѣловцовъ къ нему не прислалъ, и къ работамъ онъ приступить не могъ [3]). $^{25}/_{IV}$ изъ Разряда былъ полученъ отвѣтъ. Разрядъ увѣдомлялъ, что Замыцкому о дѣловцахъ послано напоминаніе съ опалой, а Барятинскаго и Шокурова торопилъ съ работой и впредь предлагалъ обращаться на Тулу къ Черкасскому [4]).

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 442—443. Гонца предполагалось нарочно провести через линію укрѣпленій, чтобы демонстрировать готовность Московскаго государства встрѣтить набѣгъ. А. М. Г., II, № 97. [2]) Кн. Никита Михайл. Барятинскій упоминается въ Разрядахъ въ 1627—28 гг., какъ дворянинъ московскій (Д. Р. I, 859, 860; II, 11). Въ 1631 г. онъ былъ воеводой на Тарѣ (Д. Р. II, 185, 237), а въ 1636 г. — воеводой сторожевого полка на Крапивнѣ (Д. Р. II, 497, 499, 500). Барятинскій былъ рязанскимъ землевладѣльцемъ (В. Н. Сторожевъ «П. к. Р. к.» с. 1203. Ср. К. Р. II., 690, 835, 836, 870). [3]) Вл. ст. № 81 л. 82. [4]) Вл. ст. № 81 лл. 83—84.

До конца апрѣля Барятинскій оставался безъ рабочихъ рукъ. 18-го и 19-го апрѣля Замыцкій прислалъ на засѣку только 87 чел. съ Тульскаго уѣзда. Съ этими дѣловцами Барятинскій и Шокуровъ начали «подъ острогъ мѣсто разсчищать середи засѣки на большой дорогѣ». «И апрѣля по 23 день подъ острогъ мѣсто расчистили, и борозды выкопали, и башню по обломы срубили, и мостъ верхней намостили». Башню сдѣлали 5 саженей и окружили ее съ трехъ сторонъ острогомъ, по 25 саженъ съ каждой стороны. По одну сторону острога «пришелъ верхъ крутой отъ острогу до Упы рѣки, и въ томъ верху начаетца воды, только копать колодизь». Барятинскій жаловался, что вести работы и возить лѣсъ некѣмъ. Явившіеся на засѣку сошные люди били ему челомъ «безпрестани», что работу велѣно было дѣлать 276 человѣкамъ, а ихъ только 87 человѣкъ. Барятинскій предупреждалъ Разрядъ и объ одной непредвидѣнной порухѣ: «на той же засѣки по другую сторону Упы рѣки бывали ворота Кураковскія, и тѣ, ворота были засѣчены, а нынеча тою дорогою пробита стежка, а сказываютъ, окольнія люди, что тое стежку пробили козаки, и татарове тою стежкою прохаживали». Изъ Москвы отвѣчали попрежнему: промышлять засѣчнымъ дѣломъ неоплошно и сноситься впредь съ Черкасскимъ. Замыцкому о высылкѣ дѣловцовъ напомнили черезъ Черкасскаго[1]).

Въ половинѣ мая Барятинскій сообщилъ Черкасскому, въ отвѣтъ на его требованіе, данныя о ходѣ работъ на порученномъ ему засѣчномъ звенѣ. Кончивъ устройство башни съ острогомъ и рвомъ на большой дорогѣ, Барятинскій началъ ставить ворота въ острогѣ съ русской стороны. Около башни выкопали колодезь, «а въ колодизи воды косая сажень». «А валъ, господа, писалъ Барятинскій на Тулу, по г. указу выше рѣчки Передѣлки свалили съ засѣкою Снетцкихъ воротъ съ Захарьемъ Шишкинымъ. А отъ рѣчки Передѣлки до острогу валъ засѣченъ, а поперекъ валу прошла рѣчка Плавка, а черезъ тое рѣчку засѣчена тѣмъ же лѣснымъ валомъ. А озеръ и болотъ и ржавцовъ отъ рѣчки Передѣлки па острогъ и никакихъ крѣпкихъ мѣстъ, опричь завалу лѣснова, нѣтъ. А па другую сторону острогу пашолъ крутой верхъ. А вазлѣ верхы сѣченъ лѣсной валъ да Упы рѣки. А сѣкли валъ лѣсной черезъ Упу рѣку, перелазили Упу рѣку въ трехъ мѣстѣхъ. А перелѣщи, ведемъ валъ къ старымъ засѣчнымъ къ Кураковскимъ воротамъ. А сѣчемъ, господа, лѣсной валъ старымъ валомъ и новымъ, гдѣ доведетца лѣсъ чаще, тѣми мѣстами и сѣчемъ. А ведемъ лѣсной валъ крива для

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 276—277.

тово, что многа дабре полыхъ мѣстъ, и многая паруха въ засѣкѣ—высѣчена лѣсу, и мы тѣ полыя и высѣченыя мѣста обходимъ большимъ лѣсомъ, гдѣ лѣсъ чазща, тутъ и ведемъ лѣсной валъ. А за Упою, господа, промежъ упскихъ лукъ проходимъ невеликая балота, а на тѣхъ балотахъ былъ лѣсъ, и мы через тѣ балота вели лѣсной валъ, не пропускаютчи для лѣтней прасухи. А написона, господа, у насъ въ росписи засѣки дѣлать на 11 верстахъ на 703 саженяхъ, а мы по се число валу прасѣкли верстъ на 10 и больши, а впередъ еще таво больши сѣчь». Требуя высылки дѣловцовъ, Барятинскій предупреждалъ: «а толка тѣмъ нѣчикамъ не будетъ вашева боярскова указу, и послѣднія хотятъ бѣжать, ажидаютъ таво, что нат тѣми нѣтчикоми учинитца». Воевода писалъ, что выстроенный имъ острогъ стоитъ почти беззащитенъ, такъ какъ въ немъ всего 15 человѣкъ дѣловцовъ, которые его додѣлываютъ, и просилъ указаній, «кѣмъ держать острогъ и валъ лѣсной».

Вмѣсто присылки новыхъ силъ, Барятинскій и Шокуровъ получили грамоту о пріостановкѣ по челобитью тулянъ дворянъ и дѣтей боярскихъ сбора на засѣки подымовнаго ополченія до большихъ вѣстей. На Тулѣ рѣшили: «Отписать, чтобъ дѣлалъ тѣми людьми, которые съ нимъ, а отписалъ бы въ колко дней чаять додѣлать. А нѣтчиковъ, учиня наказанье, вышлютъ къ нему тотчасъ. И дѣтей боярскихъ послать къ нему на прибавку трехъ человѣкъ»[1]). 19/v Барятинскій опять жаловался на тугую присылку дѣловцовъ и на разбѣгъ тѣхъ, которые уже были у него на засѣкѣ. Разбѣгъ начался еще 13/v, когда сбѣжали отъ Орловыхъ воротъ тульскіе посадскіе люди 23 человѣка. 16/v сбѣжали еще 9 посадскихъ людей, возившихъ лѣсъ, вмѣстѣ съ лошадьми и трое пѣшихъ.

18/v Барятинскій и Шокуровъ довели укрѣпленія до Кураковскихъ воротъ. «А къ Семену Валынскому а томъ послали мы, сообщали они на Тулу, чтобъ намъ съ ево валомъ свой валъ свесть вмѣстѣ»[2]). Разбѣгъ дѣловцовъ все усиливался. 22/v побѣжали всѣ 46 человѣкъ дѣловцовъ Венева монастыря, между тѣмъ какъ завалу еще оставалось

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 103—105 и 110—111. Вотъ какъ описываетъ этотъ участокъ другой документъ: «Противъ дер. Криволаповой ворота Кураковы зизстари были засѣчены, а была черезъ тѣ Кураковы ворота стежка до лѣснова авалу, и нынѣ (въ 1639 г.) та стежка засѣчена. Поперегъ тово лѣсу отъ черты до черты съ русскіе стороны 5 верстъ, а в-ыномъ мѣстѣ 6 верстъ и 7 верстъ, лѣсъ большой черной, мѣсто крѣпкое, верхи многіе, проѣзду нѣтъ... Отъ рѣчки Сижинки до Упы рѣки и черезъ Упу рѣку перешолъ трожды лѣсной завалъ, а межъ тѣхъ упскихъ лукъ пришли небольшія болота, и черезъ тѣ болота тотъ же лѣсной завалъ поперегъ того лѣсу 5 верстъ» (Бѣлгор. ст. № 125 лл. 150—151).
[2]) Вл. ст. № 86 л. 43.

дѣлать верстъ 5. Къ 23/v у Барятинскаго оставалось только 86 уѣздныхъ дѣловцовъ да 47 посадскихъ съ 12 лошадьми. «А многія, господа, писалъ Барятинскій, стешки испробиты через засѣку противъ дворянскихъ селъ и деревень, и въ засѣки во многихъ мѣстѣхъ поляны кошены. И тѣ стешки кѣмъ, господа, укажете крѣпить, тѣми ли селы и деревни крѣпить, противъ которыхъ селъ и деревень стешки испробиты, или сошными людьми?»[1]) Черкасскій отвѣчалъ на этотъ запросъ общими фразами о радѣньѣ и поспѣшеньѣ, приказывалъ закрыть «пробитыя» стежки и сообщалъ о томъ, что имъ отдано распоряженіе объ обратной высылкѣ дѣловцовъ на засѣку[2]). Тѣмъ не менѣе жалобы Барятинскаго на недостатокъ дѣловцовъ не прекращались[3]).

Въ началѣ іюня у Барятинскаго произошелъ дипломатическій конфликтъ съ вѣдавшимъ Крапивенскія засѣки И. П. Шереметевымъ. 11/vi Шереметевъ потребовалъ у него отчета о ходѣ работъ на порученной ему засѣкѣ и свѣдѣній о томъ, въ чемъ выразился дозоръ, произведенный кн. А. М. Львовымъ этому засѣчному звену: «и съ коихъ мѣстъ дозиралъ и чертилъ (кн. Львовъ) и по каторыя мѣста, и я съ нимъ и товарыщъ мой Данило Шокуровъ, пересказывалъ Барятинскій вопросы Шереметева въ своей отпискѣ на Тулу, ѣздили, и съ коихъ мѣстъ и по каторыя мѣста дозиралъ и на чертежъ чертилъ, и у Орловскихъ воротъ сколько стоялъ, и мнѣ отъ князь Олексѣя Михайловича Львова а томъ засѣшномъ дѣлѣ какой приказъ былъ ли, а томъ бы мнѣ о всемъ къ нему отписать тотчасъ наскора». Барятинскій писалъ Черкасскому, что безъ его указа онъ писать къ Шереметеву не смѣетъ, потому что кн. Львовъ велѣлъ ему писать о засѣчномъ дѣлѣ только на Тулу къ Черкасскому. «И велѣть бы, кончалъ Барятинскій отписку, прислать къ намъ государевой бумаги, писать государевыхъ дѣлъ не но чемъ, бумаги нѣтъ». Помѣта на его отпискѣ гласила: «Отписать, что расписано вѣдать къ Тулѣ бояромъ и воеводамъ, князю Ивану Борисовичю, Малиновые ворота и отъ Малиновыхъ воротъ по Орловы ворота, и ему про засѣку писать по Орловы ворота къ бояромъ и воеводамъ ко князю Ивану Борисовичю Черкаскому съ товарыщи. А про Орловы ворота и отъ Орловыхъ воротъ про засѣку писать къ боярину и воеводѣ къ Ивану Петровичу Шереметеву»[4]). Вопросъ разрѣшился въ сторону подчиненія Барятинскаго Шереметеву. Въ концѣ іюня мы видимъ Шереметева уже безпокоящимся по поводу недостатка дѣловцовъ у Барятинскаго. 28/vi на Тулѣ была получена отписка Шереметева, въ которой онъ со словъ Барятинскаго

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 264а—265. [2]) Вл. ст. № 86 л. 267. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 274—275. [4]) Вл. ст. № 76 л. 17.

сообщалъ, что на Заупской засѣкѣ осталось всего 83 чел. и 6 лош., а разбѣжались 193 чел. съ 50 лош., между тѣмъ какъ Замыцкій съ Тулы дѣловцовъ все не высылаетъ[1]).

Жалобы на бѣгство дѣловцовъ шли попрежнему и отъ самого Барятинскаго. Такъ, 15/VII отъ него была получена на Тулѣ обстоятельная и изобразительная отписка, въ которой онъ разсказывалъ о ходѣ работъ на порученномъ ему звенѣ. Воевода жаловался, что Замыцкій пишетъ ему въ отпискахъ: «какъ нѣтчиковъ сыщю, такъ къ вамъ и пришлю», а на дѣлѣ ихъ не посылаетъ. «А приходятъ, писалъ Барятинскій, къ намъ нѣтчики человѣка по два и по три, и тѣ безъ отписокъ, а какъ придутъ человѣка два и три, и въ то число иные побѣгутъ. А послѣ, господа, у насъ тѣхъ петидесятъ человѣкъ, что, дѣловъ недѣлю, да збѣжали, больше на засѣкѣ сорока пяти человѣкъ не бывало, а в-ыное время оставаетца человѣкъ тритцать, а иногда дватцеть». «На то смотря, посацкіе люди, что Иванъ съ Тулы нѣтчиковъ не высылаетъ, іюня въ 4 день, что было посатцкихъ людей, тѣ всѣ збѣжали, толко осталось пять человѣкъ», доносилъ воевода. Несмотря на усиленныя напоминанія Замыцкій прислалъ на Заупскую засѣку 26/VI всего 19 чел. «да четыре клячи, и тѣ не ходятъ». «А въ отпискѣ своей, уличалъ Замыцкаго Барятинскій, пишетъ, что послалъ къ намъ нѣтчиковъ 25 чел. съ пушкаремъ». Къ моменту отправленія этой отписки лѣсной завалъ былъ засѣченъ «весь сполна» отъ рѣчки Передѣлки до засѣки Малиновыхъ воротъ, и «своленъ валъ з засѣкою Малиновыхъ воротъ маія въ 28 день». На поломъ мѣстѣ на берегу Упы сдѣланъ былъ валъ, и поставлены надолобы въ 2 ряда. «А гдѣ, господа, были по засѣкѣ полыя и высѣченыя мѣста, и мы тѣ полыя и высѣченыя мѣста обводили тѣмъ же лѣснымъ валомъ, гдѣ лѣсъ чассще и больши». Стежки были засѣчены и укрѣплены тоже лѣснымъ заваломъ. «А острогъ, писалъ Барятинскій, совсѣмъ отдѣлонъ; и отъ острогу х колодезю тайникъ здѣлонъ, и надъ колодезомъ въ оврагѣ башню срубили съ верхними и съ нижними бои и съ обламы». По приказанію боярина Шереметева ровъ былъ увеличенъ, — въ ширину его сдѣлали 3 саженъ, а въ глубину полтретьи сажени. Ровъ и валъ были окружены рядами надолобъ. Самыхъ воротъ еще не успѣли сдѣлать «для тово, что лѣсу нѣтъ, навозить некому», — «а уѣздныя люди дву становъ, Глутенскова и Колоденскова стану, з четверти вывезли лѣсу по двѣстя бревенъ, а толька у насъ монастырскихъ девять лошедей да посацкихъ четыре лошеди, а возятъ всево

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 282—284.

по бревну на день на лошедь». Барятинскій указывалъ, что посадскіе люди дѣловцовъ нанимаютъ. «А присылаютъ посацкія люди наемщиковъ, а наимуютъ на одну недѣлю и съ проходомъ, и они, половину недѣли дѣловъ, да и розбѣгутца, а другую половину недѣли въ проходъ считаютъ. А присылаютъ все пѣшихъ, а съ лошедьми не ѣздетъ». Барятинскій, въ своихъ отпискахъ Черкасскому, обвинялъ въ медленномъ движеніи дѣла Замыцкаго. «А стало государеву засѣшному дѣлу великоя замотчанья отъ Ивана Замытцкова, что противъ г. указу людей къ намъ всѣхъ сполна и съ лошедьми не выслолъ, норовя посацкимъ людемъ, а каторыхъ посатцкихъ людей и выслолъ, и тѣ всѣ бѣгаютъ, надѣяся на нево Ивана, что онъ ихъ по нѣтомъ не высылаетъ. И о томъ я прежъ сево къ вамъ бояромъ на нево Ивана писалъ. И мнѣ совершить противъ г. указу засѣшнова дѣла нечѣмъ, лѣсу навозить некому. А противъ прежнево — только по дорогѣ крѣпости дѣлоть и ещо ставить двои ворота да версты съ полтары надолобъ весть на рускою сторону». За отсутствіемъ дѣловцовъ Барятинскій распорядился пока возить лубья и тесъ для покрытія башенъ[1]).

Окончивъ засѣчныя работы, Барятинскій оказался совершенно безъ воинскихъ силъ. Вотъ что онъ сообщаетъ объ этомъ въ своей отпискѣ, полученной на Тулѣ 22/VIII. «И о томъ, господа, я къ вамъ писалъ многажды, что острогъ совсѣмъ здѣланъ, а наряду и зелья и людей въ острогъ и къ лѣсному валу къ намъ не прислана, а по всѣмъ засѣкамъ нарядъ и зелья и люди присланы». Барятинскій указывалъ, что въ случаѣ нападенія крымцевъ быть въ острогѣ и оберегать валъ ему не съ кѣмъ. На Тулѣ помѣтили: «Августа въ 29 день. На Кропивну къ боярину къ Ивану Петровичу Шереметеву писано, велѣно ему послать къ Орловымъ воротамъ ко князю Микитѣ Борятинскому салдатовъ и наряду, сколько пригожъ, чтобъ ему быть безстрашно, а зелей и свинцу пришлютъ, смотря по людемъ». На оборотѣ приписка: «Послать зелье и свинецъ по указу, а о нарядѣ и о людехъ писать къ боярину къ Ивану Петровичю Шереметеву, чтобъ послалъ людей, смотря по тамошнему дѣлу, кѣмъ бы мочно беречь нынѣ безъ вѣстей»[2]).

Людей, находившихся въ распоряженіи Барятинскаго, было мало не только для охраны засѣки отъ «большихъ воинскихъ людей», но даже и отъ сосѣднихъ жителей. Такъ, въ сентябрѣ онъ пишетъ о томъ, что въ началѣ августа приказчикъ кн. Ивана Волконскаго пріѣзжалъ съ крестьянами на засѣку и косилъ Сухотинскія поляны и «пе-

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 253—258. [2]) Вл. ст. № 76 л. 161.

рекосилъ за г. заповѣдь за черту десетины съ полторы и больши». Тѣ же крестьяне «ѣздетъ Упою рѣкою судми и берегъ въ государевѣ въ заповѣди въ чертѣ отолочили и стежку черезъ заповѣдныя поляны наложили». Одинъ изъ этихъ крестьянъ «поткосилъ въ заповѣдной стежки у озера Перекопнаго среди поляны копенъ на десять». Виновныхъ въ этихъ порухахъ лицъ Барятинскій сыскалъ, «съ очей на очи ставилъ и розпрашивалъ». Приказчикъ и староста кн. Волконскаго сказали, что крестьяне сдѣлали эти порухи въ ихъ отсутствіе, «а ... перекосили заневѣды въ г. заповѣдь за черту». Косившіе поляны показали: «чаели де мы, что намъ тѣ поляны косить попрежнему потому, что мы тѣ поляны кашивали на князь Иванова отца и на него, князь Ивана». Оказались въ чертѣ и другіе прокосы. Такъ, тулянинъ Леонтій Бѣгичевъ подкосилъ поляны Долгія. Товарищъ Барятинскаго Д. Шокуровъ ѣздилъ дозирать этихъ порухъ и привезъ Барятинскому роспись за поповыми руками, каковую Барятинскій переслалъ на Тулу. На отпискѣ его положена помѣта: «Послать дворянина добра, а велѣть досмотрить и сыскать, и которые люди учинили въ засѣкѣ какіе порухи или стежки наложили или сѣна за чертою косили, и тѣмъ учинить наказанье, бить кнутомъ нещадно и взять пеня: которые перекосили, и на тѣхъ взять по гривнѣ за копну, а которые стежки накладывали, и на тѣхъ править заповѣдь противъ наказу, какъ у засѣчныхъ головъ написано, да имъ же велѣть порухи закрѣпить и ямы покопать»[1]).

Снецкая засѣка. 13-е звено.

Захару Григорьевичу Шишкину[2]) было поручено тринадцатое звено, Снецкая (называвшаяся также отъ рѣчки Уляжки — Уляжской) засѣка, простиравшаяся отъ Орловыхъ воротъ тульской Заупской засѣки вдоль на 20 верстъ, поперекъ на 20 саженъ до Снецкихъ воротъ, — включая ихъ. З. Шишкинъ явился къ Снецкимъ воротамъ 11/IV и приступилъ къ дозору съ дѣтьми боярскими, засѣчнымъ сторожемъ и сторонними людьми. «А голова, жаловался Шишкинъ въ своей отпискѣ въ Разрядъ, на той Уляжской засѣки у четверыхъ воротъ одинъ, Платонъ Владычкинъ, и явяся онъ ко мнѣ, х. т., и отъ меня отъ Снецкихъ воротъ съѣхолъ». Шишкинъ писалъ, что отъ Снецкихъ воротъ до тульской Заупской засѣки крѣпостей никакихъ нѣтъ, но зато по всей засѣкѣ лѣсъ.

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 203—211 и 100—102. Ср. Сѣв. ст. № 107 лл. 75—77, 571—572.
[2]) Зах. Григ. Шишкинъ въ 1620-хъ гг. былъ воеводой въ Касимовѣ (Барсуковъ «Списки воеводъ», с. 96, и Вельяминовъ-Зерновъ «Касимовскіе цари»), а въ 1635 г. — въ Соликамскѣ (Барсуковъ «Списки», с. 214).

«А къ Тульской засѣкѣ, продолжалъ Шишкинъ, пришла поляна отъ рѣчки Мощочки до рѣчки Передѣли на полторы версты, промежъ лѣснова валу и вотчинной земли боярина Бориса Михайловича Салтыкова».

На эту засѣку должны были явиться съ Бѣлевскихъ посада и уѣзда 109 чел. съ 22 лош. да съ Одоевскихъ посада и уѣзда 350 чел. съ 70 лош. съ упряжью и телѣгами. По 19/IV къ Шишкину явились только 85 дѣловцовъ съ 15 лош. изъ Одоева, при чемъ одоевскій воевода Ѳ. Павловъ писалъ ему, что остальныхъ дѣловцовъ въ Одоевѣ взять не съ кого. Шишкинъ выражалъ тревогу, что съ этими дѣловцами ему не справиться съ задачей. Съ помощью присланныхъ дѣловцовъ онъ началъ валить завалъ и ставить башню, доставляя лѣсъ на башню, на острогъ и ворота изъ помѣстій и вотчинъ, расположенныхъ на 2 версты отъ засѣки съ русскую сторону и на 4 версты съ польскую. Съ 16 по 19 апрѣля срубили 10 вѣнцовъ башни и завалили завалъ на $1^1/_2$ верстахъ.

Шишкинъ указывалъ на то, что при царѣ Ѳедорѣ эту засѣку дѣлали людьми селъ и деревень Лихвинскаго уѣзда, отстоящихъ отъ засѣки на 2—3—4 версты въ обѣ стороны, русскую и польскую, теперь приписанныхъ къ Слободецкой засѣкѣ, которая находится отъ нихъ верстъ за 50. Между этими селами были села Рождества Пречистыя Богородицы Настасова монастыря; келарь этого монастыря принесъ Шишкину челобитье, въ которомъ власти, ссылаясь на прежнее пожалованіе, указывали, что даточныхъ и подымовныхъ людей для всякой государевой подѣлки имъ велѣно посылать въ Одоевъ, а не въ Лихвинъ. Между тѣмъ съ лихвинской Слободецкой засѣки къ нимъ пріѣзжалъ воевода Кар[illegible]мышевъ, взявшій съ монастырскихъ вотчинъ 25 чел. дѣловцовъ и объявившій, что «впредь де ему имать з дву человѣкъ человѣка». «Да тѣхъ же, г., продолжали власти въ своемъ челобитьѣ, монастырскихъ крестьянишекъ емлютъ въ Лихвинъ воеводы къ городовому и къ острожному дѣлу и на вѣсти и на смѣну казаковъ съ пищальми и съ рогатинами человѣкъ по 20 и больши, а Слободецкая, г., засѣка отъ монастыря верстъ съ 50 за рѣкою за Упою, и многія малыя грязныя рѣчки пришли, а Одоевъ, г., отъ монастыря только съ полверсты, а засѣка Снецкая версты съ четыре и въ верстѣ. И лихвинскіе, г., городовые и засѣчной воевода, жаловались власти, той твоей г. грамоты не слушеютъ, крестьянишокъ бѣдныхъ ростощили розно». Монастырскіе крестьяне къ тому же сильно пострадали отъ пожара. Шишкинъ тоже потребовалъ съ нихъ «з дыму по человѣку»[1]).

---

[1]) № 85 лл. 1—6.

Изъ Разряда отвѣчали на отписку Шишкина обычными напоминаніями о радѣньѣ и поспѣшеньѣ и сдѣлали распоряженіе относительно скорѣйшей высылки дѣловцовъ на Снецкую засѣку, но, кажется, распредѣленія ихъ между засѣчными звеньями не измѣнили[1]).

Дальнѣйшая высылка дѣловцовъ тоже шла туго. 24/IV изъ Бѣлева были присланы 79 чел. и 16 лош. да 28/IV и 4/V изъ Одоева 8 чел., такъ что у Шишкина всего собралось 172 чел. и 32 лош., а въ недосылкѣ было 287 чел. и 59 лош.[2]).

Къ половинѣ мая Шишкинъ сдѣлалъ завалъ на 17 верстахъ, оставивъ недосѣченными только 3 версты, валя завалъ по тому мѣсту, «гдѣ бывалъ старый завалъ». «А лѣсъ по засѣкѣ, писалъ Шишкинъ, середней, а индѣ мелокъ. А гдѣ лѣсъ мелокъ и рѣдокъ, и туто я сѣкъ по двадцати по пяти саженъ и болши. А захватывалъ старово лѣсу, чтобы засѣка была крѣпка». Посреди засѣчной дороги онъ поставилъ острожекъ 50 саженъ въ окружности, а въ острожкѣ башню дубовую съ боями, выкопалъ ровъ вокругъ острога и провелъ отъ башни два ряда надолобъ. Укрѣпленныя ворота были поставлены и съ польской и съ русской стороны. Къ нимъ Шишкинъ велъ отъ острога тоже надолобы. «А подлѣ тѣхъ воротъ, писалъ воевода, ставлю другой острожекъ для воды, потому што пришло промежъ тѣхъ острожковъ болота, а тута почелъ колодезъ дѣлать. А окромѣ тово, индѣ воды нѣтъ около засѣки, озеръ, и болотъ, и ржавцовъ, и всякихъ топкихъ мѣстъ нѣтъ, а толка на засѣкѣ на рѣчкѣ Мошонкѣ, гдѣ бывалъ завалъ лѣсной, и тотъ завалъ выжженъ вдоль на полверсты, а поперегъ на сто саженъ». Осматривавшій засѣку кн. И. А. Голицынъ приказалъ З. Шишкину вдоль выжженнаго завала повалить новый завалъ съ русской стороны, оставляя «огорѣлой завалъ» съ польской стороны. Шишкинъ полагалъ, что съ этой работой онъ справится недѣли въ три. Одновременно онъ приступилъ и къ переписи подымовнаго ополченія[3]). Черкасскій слалъ со своей стороны Шишкину обычныя напоминанія о радѣньѣ и поспѣшеньѣ, сообщая, что имъ приняты мѣры къ скорѣйшей высылкѣ дѣловцовъ на Снецкую засѣку, и давалъ наставленія къ устройству завала и острога. Въ видѣ предостереженія Черкасскій прибавлялъ: «слухъ носится, что иныхъ засѣкъ воеводы посулы емлютъ, и мы, про то сыскавъ, тѣмъ учинимъ наказанье»[4]).

«Слухъ» этотъ не былъ лишенъ основанія и по отношенію къ самому Шишкину. 10/V изъ Одоева ѣздилъ дозирать Снецкую засѣку

[1]) № 85 лл. 11—13. [2]) Вл. ст. № 86 л. 94. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 92—94.
[4]) Вл. ст. № 86 лл. 95—98.

кн. Голицынъ. При его проѣздѣ посошные люди, работавшіе у З. Шишкина, Ивашко Пронинъ съ товарыщи, сто человѣкъ, били челомъ на Захарьева сына Ивана да на Захарьева человѣка Ромашка Титова «въ продажахъ и налогахъ и въ посулѣхъ». Голицынъ допросилъ Ивана Шишкина и Ромашку и послалъ ихъ разспросныя рѣчи на Тулу. «А не сыскивалъ я, прибавлялъ Голицынъ, тѣхъ дѣлъ и засѣчныхъ порухъ потому, что мая въ 13 день по государеву указу и по твоей отпискѣ тѣхъ засѣкъ мнѣ вѣдать не велѣно, а велѣно ту Сняцкую засѣку вѣдать боярину и воеводѣ Ивану Петровичу Шереметеву».

«Великая налота и продажа» отъ Ивана Шишкина и Ромашки были слѣдствіемъ того, что челобитчики не пожелали заплатить имъ по алтыну съ человѣка. «А которые де посошные люди прежъ сево на засѣкѣ дѣлали, жаловались дѣловцы, и они з засѣки посошныхъ людей спускали и толстова деревья въ валъ сѣчь не велѣли, а давали де отъ тово Захарьеву сыну Шишкина и человѣку ево Рамашку по алтыну съ человѣка, а збиралъ тѣ деньги на Захарьева сына Шишкина одоевецъ сынъ боярской Яковъ Гололобовъ. И они де ихъ з дѣла отъ засѣки спущали и легость имъ чинили. А нынѣ де къ нимъ къ посошнымъ людемъ приставилъ пристава одоевца сына боярскова Якова Гололобова, и тотъ де сынъ боярской заставливаетъ ихъ сѣчь толстова деревья и покою имъ не даетъ ни въ день ни въ ночь, велитъ работать безпрестанно». На допросѣ у Голицына Я. Гололобовъ показалъ, что «онъ посошнымъ людемъ такіе рѣчи про алтыны говорилъ по велѣнью Захарьева сына Шишкина Ивана, а прежъ де сево Захарьевъ сынъ Шишкина и человѣкъ ево Ромашка съ посошныхъ людей по алтыну ималъ и имъ лгочивалъ, а по велѣнью ль отца своево или собою — тово онъ не вѣдаетъ». «А Захарьевъ сынъ Иванъ, продолжала отписка Голицына, къ государю *(п. т.)* вину свою принесъ, а въ роспросѣ сказалъ: по алтыну онъ съ посошныхъ людей з десети человѣкъ взялъ, а съ чьихъ крестьянъ и съ ково имянемъ взялъ, и онъ тово не упомнитъ, а отецъ де ево Захарей про то не вѣдаетъ, а что де человѣкъ отца ево Ромашко Титовъ съ посошныхъ людей ималъ, и то де скажетъ человѣкъ ево Ромашко». Ромашко заперся: самъ онъ денегъ съ посошныхъ людей не бралъ, а о томъ, брали ли Шишкины, Захарій и Иванъ, не знаетъ, — «въ томъ онъ шлетца на всѣхъ посошныхъ людей, которые были на засѣкѣ». Ивана Шишкина и Ромашку Голицынъ далъ на статную поруку, но въ дѣло вмѣшиваться не сталъ вслѣдствіе указа о подчиненіи Снецкой засѣки Шереметеву [1]).

---

1) Вл. ст. № 76 лл. 471—478.

Голицынъ работами на звенѣ Шишкина остался недоволенъ и отписалъ Черкасскому: «онъ Захарей боленъ и дряхлъ, з государево засѣчное дѣло ево Захарья нынѣ за болѣзнью не стало, не токмо въ приходъ воинскихъ людей. А сказалъ намъ, что онъ, Захарей, боленъ и дряхлъ отъ ранъ» [1]). Соотвѣтствующее увѣдомленіе Голицынымъ было отправлено и въ Разрядъ [2]). Изъ Разряда отвѣчали разрѣшеніемъ замѣнить Шишкина «дворяниномъ добрымъ» и указывали, чтобы Голицынъ впредь обращался съ запросами на Тулу къ Черкасскому [3]).

Между тѣмъ Шишкинъ продолжалъ устраивать свою засѣку при помощи подходившихъ къ нему дѣловцовъ. ²³/v къ нему изъ Бѣлева подошли 5 чел. съ 1 лош. да ³¹/v 17 чел. съ 4 лош. съ вотчинъ Свинскаго монастыря. Шишкинъ жаловался на Тулу, что у него нѣтъ головы и сторожей, такъ какъ сторожа отъ него сбѣжали, и стеречь засѣку некому. Сбѣжалъ отъ Шишкина и дьячокъ Пронка Сычевъ, присланный къ нему изъ Одоева, — тогда некому стало и писать. Не было у Шишкина и бумаги: «дано мнѣ, писалъ воевода, съ Москвы три дести, и та изошла, а здѣся бумаги не добудешь». Перепись подымовныхъ людей къ засѣкѣ Шишкинъ продолжалъ. На Тулѣ положили такую резолюцію: «Отписать къ нему: то онъ учинилъ добро, что засѣчнымъ дѣломъ поспѣшилъ, а впередъ бы нѣтчикомъ велѣлъ дѣлать въ прибавку валъ въ ширину столько жъ дней, сколько довелось дѣлать тѣмъ, которые не бѣгали. Бумаги послать десть, а о нѣтчикѣхъ и о сторожахъ и о дьячкѣ къ воеводамъ писать о высылкѣ съ пристрастіемъ» [4]).

Шишкинъ жалуется на недостатокъ дѣловцовъ и въ половинѣ іюня: ¹²/vi отъ него сбѣжали и дѣловцы Свинскаго монастыря. Указываетъ онъ попрежнему и на отсутствіе у него головъ и сторожей, которымъ можно было бы поручить охрану засѣки. На Тулѣ, наконецъ, приняли во вниманіе эти жалобы, — на отпискѣ Шишкина помѣчено: «Распросить гонца про засѣчново голову и сторожей» [5]). Одновременно Шишкинъ доносилъ Черкасскому, что Голицынъ отказалъ ему въ нарядѣ для его засѣчнаго звена. Голицынъ будто бы сказалъ ему: «которые засѣки мнѣ велѣна вѣдать, и я на тѣ засѣки нарядъ послалъ(?), а къ тебѣ де къ Сняцкимъ воротамъ у меня наряду нѣтъ» [6]).

Только ¹⁵/vii, на основаніи выше приведеннаго донесенія кн. Голицына Разряду, кн. Черкасскій съ товарищи распорядился смѣнить

---

1) Вл. ст. № 86 лл. 95—98. 2) Вл. ст. № 86 лл. 10—14; № 85 л. 152; № 76 л. 65. 3) Вл. ст. № 85 лл. 153—154. 4) Вл. ст. № 75 лл. 93—95 и 96—98. 5) Вл. ст. № 75 л. 251. 6) Вл. ст. № 75 л. 357.

З. Шишкина кн. Петромъ Романовичемъ Барятинскимъ, который долженъ былъ слѣдовать наказу и указнымъ грамотамъ, полученнымъ З. Шишкинымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на случай нападенія крымцевъ это засѣчное звено было подчинено И. П. Шереметеву, штабъ котораго находился въ Крапивнѣ[1]). Одновременно съ приказаніемъ кн. П. Барятинскому смѣнить Шишкина было послано увѣдомленіе объ этомъ и И. П. Шереметеву[2]). Кн. П. Барятинскій явился на Снецкую засѣку и смѣнилъ З. Шишкина 18/VII[3]). О дѣятельности его на засѣкѣ свѣдѣній нѣтъ.

Полошевская засѣка. 14-е звено.

Четырнадцатое звено, Полошевская засѣка и Полошевскія ворота[4]), было поручено Ивану Гавриловичу Потемкину. Ему велѣно было дѣлать на Полошевской засѣкѣ лѣсной завалъ по Снецкія ворота на 20 верстахъ, а въ ширину на 20 саженяхъ, и возстановить сгнившія крѣпости въ Полошевскихъ воротахъ. Въ помощь Потемкину были назначены 11 чел. дѣтей боярскихъ одоевцевъ, засѣчные головы, приказчики и сторожа, для береженья засѣки — даточные люди съ огненнымъ боемъ съ близъ лежащихъ селеній, а для дѣланія засѣкъ — дѣловцы съ Бѣлевскаго посада и Бѣлевскаго уѣзда 460 чел. и 92 лош.[5]). Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ 12/V, Потемкинъ извѣщалъ, что онъ явился на засѣку 11/IV, но что до конца апрѣля дѣловцы къ нему еще не собрались. Съ Москвы Потемкину отвѣчали, чтобы онъ впредь обращался на Тулу къ Черкасскому, и сообщали, что Степану Вельяминову въ Бѣлевъ послано напоминаніе о скорѣйшей высылкѣ дѣловцовъ. По обычаю приказная грамота рекомендовала Потемкину радѣнье и поспѣшенье и т. д.[6]).

Обстоятельную картину хода дѣла на своей засѣкѣ Потемкинъ представилъ въ отпискѣ на Тулу, полученной тамъ 19/V. Бѣлевскіе дѣловцы стали подходить къ Полошевскимъ воротамъ съ 22/IV. Всѣхъ ихъ набралось 315 чел. да 63 лошади, а не дослано было 145 чел. и 29 лош. Дѣтей боярскихъ изъ Одоева Ѳ. Павловъ прислалъ къ нему вмѣсто 10—9 чел., «а дьячка прислалъ ко мнѣ, жаловался Потемкинъ, апрѣля въ 19 день, и тотъ писать не умѣетъ, а россылщиковъ и пушкарей прислалъ толка дву человѣкъ, а засѣчныхъ головъ и прикащиковъ и сторожей у Полошевскихъ воротъ нѣтъ». По пріѣздѣ на засѣку По-

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 230—231. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 232—233. [3]) Вл. ст. № 76 л. 199. [4]) Иногда и эта засѣка по имени рѣчки Уляжки называется также Уляжской. [5]) Вл. ст. № 85 л. 85. [6]) Вл. ст. № 85 лл. 86—90.

темкинъ предпринялъ предписанный ему наказомъ дозоръ. «И отъ Полошевскихъ воротъ по Снятцкіе ворота — лѣсъ, пропашки и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, и крѣпостей иныхъ, апроче лѣсу, нѣтъ же. И о томъ о всемъ я государю писалъ, и маія по 14 день государевъ указъ не бывалъ», доносилъ воевода на Тулу. Съ 22/IV по 14/V воевода успѣлъ засѣчь лѣсной завалъ на протяженіи всѣхъ 20 верстъ «и поперегъ дороги поставилъ острогъ да двѣ башни съ вороты, а съ полевые стороны возлѣ острога и около башни ровъ выкапалъ къ лѣсному завалу. А поставленъ острогъ среди засѣчново лѣсу отъ старыхъ воротъ съ полверсты. А гдѣ были преже сево ворота, и то мѣсто неугожа, воды нѣтъ. А лѣсъ сѣкли возлѣ старые сѣчи, выбираючи, которой густой лѣсъ. А гдѣ былъ старою сѣчею лѣсъ частъ, и тутъ сѣчено по старому мѣсту, гдѣ преже сево былъ завалъ». За подымовными людьми Потемкинъ не посылалъ, «потому что записывать некому, дьячковъ изъ Адоева присылаетъ Ѳедоръ Павловъ, которые писать не умѣютъ» [1]). Черкасскій отвѣчалъ приказаніемъ до присылки новыхъ дѣловцовъ продолжать работу со старыми [2]).

Въ отпискѣ, полученной на Тулѣ 13/VI, Потемкинъ сообщалъ о цѣломъ рядѣ затрудненій въ своей дѣятельности. Такъ, онъ посылалъ дѣтей боярскихъ переписывать подымовныхъ людей въ селахъ и деревняхъ, прилегающихъ къ засѣкѣ, для сбора боевого ополченія. «И въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ учинилися сильны тѣмъ дѣтемъ боярскимъ, которые были посланы переписывать въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ, отказали писать, именъ своихъ не дали. А сказали де онѣ дѣтемъ боярскимъ, что де написаны мы на засѣкѣ къ Семеновскимъ воротамъ къ Ондреяну Резанову. А въ иныхъ селѣхъ и деревняхъ сказали, что написаны де мы къ Снетцкимъ воротамъ къ Захарью Шишкину», жаловался Потемкинъ. Засѣчныхъ головъ, приказчиковъ и сторожей на засѣкѣ такъ и не объявилось ни одного человѣка, — «оберегати засѣки и засѣшнова лѣсу некому». Въ большое затрудненіе поставило Потемкина полученное съ Тулы приказаніе «присѣкать» къ устроенному имъ завалу шириной въ 20 саженъ еще по 10 саженъ «и больши» тѣми же дѣловцами, которые уже дѣлали завалъ, покуда не подойдутъ новыя партіи ихъ. У Полошевскихъ воротъ онъ поставилъ двѣ башни, окруженныя острогомъ, рвомъ и надолобами. Дѣловцовъ попрежнему не хватало: изъ 145 нѣтчиковъ Степанъ Вельяминовъ прислалъ только 25 чел. Потемкинъ прилагалъ къ отпискѣ роспись своимъ дѣловцамъ и просилъ указаній, какъ ему быть съ этими затрудненіями. На отпискѣ его по-

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 83—85. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 90—91.

ложена помѣта: «Отписать, которова уѣзда ослушники и сколь далече подошли къ засѣкѣ. А збирать подымовныхъ людей на засѣку по вѣстемъ, которые села и деревни подошли въ указныхъ верстахъ, а которые села и деревни къ той засѣкѣ и къ инымъ засѣкамъ верстами поровну, и тѣхъ подымовныхъ людей имать пополамъ»[1]).

Семеновская засѣка. 15-е звено.

Пятнадцатое звено, лихвинская Семеновская засѣка, отъ Семеновскихъ до Полошевскихъ воротъ на 20 верстахъ, было поручено Андреяну Ѳедоровичу Рязанову[2]). Къ нему должны были явиться 10 человѣкъ бѣлевцевъ дѣтей боярскихъ, засѣчные головы, приказчики, сторожа, ополченіе съ окрестныхъ селеній съ огненнымъ боемъ и для дѣланія засѣки съ Бѣлевскихъ посада и уѣзда даточные люди — 460 чел. съ 92 лош. Рязановъ явился на засѣку ¹¹/IV и, взявъ сторожей и тутошнихъ людей, приступилъ къ дозору ея, — «переѣздилъ всее вдоль и поперекъ отъ Семеновскихъ воротъ до Полашевскихъ воротъ». «И на той, г., засѣкѣ, доносилъ Рязановъ въ Разрядъ, пропашей, и сѣнныхъ покосовъ, и полыхъ мѣстъ, и рѣкъ, и колодезей, и озеръ, и болотъ, и ржавцовъ, и топкихъ мѣстъ нѣтъ, а все, г., пришелъ лѣсъ болшой черной отъ Семеновскихъ воротъ до Полошевскихъ воротъ, и тѣмъ, г., лѣсомъ завалъ валить лѣсной». У Семеновскихъ воротъ ему велѣно было поставить острогъ и башню, — «и тутъ, г., писалъ Рязановъ, большіе дороги нѣтъ, и тѣми вороты проходятъ пѣшіе люди, и конные проѣзжаютъ украдомъ, а въ иномъ, г., мѣстѣ отъ Семеновскихъ воротъ до Полошевскихъ воротъ острогу поставить — такова мѣста нѣтъ, опричь только тѣхъ Семеновскихъ воротъ. А будетъ, г., Семеновскіе ворота заваломъ завалить, и острогу въ нихъ не ставить, и тѣмъ мѣстомъ дороги не быть. И отъ тѣхъ, г., мѣстъ отъ Семеновскихъ воротъ есть такое мѣсто, гдѣ острогъ поставить, 846 саженъ въ томъ засѣчномъ лѣсу, и на той же дорожкѣ на рѣчкѣ на Вацѣ валъ земленой, и тутъ, г., острогъ поставить къ мѣсту, и засѣки оберегать мочно. А дороги, г., черезъ Семеновскіе ворота не будетъ, а гдѣ, г., Семеновскія ворота были, и то мѣсто одва знать, лѣсъ выросъ тѣмъ мѣстомъ въ бревно». Изъ Бѣлева ²⁰/IV къ Рязанову явились 347 дѣловцовъ и 60 лошадей, но дьячка и дѣтей боярскихъ С. Вельяминовъ къ нему не прислалъ. ²⁰/IV Рязановъ началъ валить лѣсной завалъ отъ Семеновскихъ воротъ къ Полошевскимъ. Помѣстныхъ сторожей, хотя и написанныхъ въ его росписи, воевода сосѣдней засѣки

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 320—323. [2]) А. Ѳ. Рязановъ въ 1627—29 гг. — воевода въ Твери (К. Р. I, 1350; II, 80, 185).

Матвѣй Зубовъ ему не далъ. На отпискѣ Рязанова помѣта: «146 г. апрѣля въ 24 день. Государь указалъ отписать: что писалъ, и то вѣдомо, а ворота завалити и всякими крѣпостьми укрѣпити». Внизу приписка: «По боярскому приговору велѣно тѣ ворота завалити и нарядъ къ нимъ не посылать»...[1]).

Данныя о ходѣ дѣла въ концѣ апрѣля и началѣ мая Рязановъ сообщилъ въ Разрядъ 8/v. Въ этой отпискѣ Рязановъ снова категорически повторялъ, что на его звенѣ «топкихъ мѣстъ нѣтъ». Въ первыхъ числахъ мая онъ кончилъ лѣсной завалъ отъ Семеновскихъ до Полошевскихъ воротъ — «въ ширину 25 саженъ косыхъ, а простыхъ 40 саженъ». «И Семеновскіе ворота лѣснымъ валомъ заволилъ, доносилъ Рязановъ, и по дорошкѣ по обѣ стороны засѣки на 5 верстъ лѣсомъ засѣкъ, чтобъ тою дорошкою пѣшіе люди не проходили. А гдѣ, г., были Семеновскіе ворота, и я тутъ засѣкъ штидесятъ саженъ простыхъ». «Для есаку и приходу воинскихъ людей» Рязановъ поставилъ на большихъ деревьяхъ кузова со смолой и берестой. 3/v сошныхъ людей воевода уже отпустилъ съ засѣки, но жаловался въ Москву, что засѣку ему охранять не съ кѣмъ, такъ какъ служилыхъ людей съ нимъ нѣтъ[2]). 9/v изъ Разряда отвѣчали Рязанову похвалой за исправность, — «учинилъ добро», — и писали обычныя стереотипныя фразы о радѣньѣ и поспѣшеньѣ[3]). Только 14/v, поздно сравнительно съ другими засѣчными воеводами, Рязановъ получилъ извѣщеніе о подчиненіи его Черкасскому съ товарищи и 26/v доставилъ на Тулу обстоятельный отчетъ о своихъ дозорахъ и работахъ. Повторяя уже цитированныя сообщенія, посылавшіяся имъ въ Разрядъ, Рязановъ добавлялъ, что въ концѣ концовъ бѣлевскій воевода все-таки прислалъ къ нему 7 чел. дѣтей боярскихъ. «И какъ я засѣку отдѣлалъ и сошныхъ людей отпустилъ, писалъ Рязановъ, и тѣ дѣти боярскіе въ тѣ же поры отъ меня збѣжали». Дьячокъ на Семеновскую засѣку такъ и не былъ присланъ, и Рязанову пришлось нанимать его въ Одоевѣ. Переписывать ополченіе по окрестнымъ селамъ и деревнямъ онъ не посылалъ «для тово, что послать неково, дѣти боярскіе побѣжали, и дьечка нѣтъ, и пушкарей, и розсыльщиковъ, и засѣчныхъ сторожей нѣтъ жъ». Трехъ помѣстныхъ сторожей, предназначенныхъ къ Семеновскимъ воротамъ, Матвѣй Зубовъ такъ ему и не уступилъ. «И я, господа, кончалъ отписку Рязановъ, отъ той Семеновской засѣке отъ грани отшолъ съ полверсты, стою въ де-

---

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 154—158. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 136—137. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 138—139.

ревни, а стоять на засѣкѣ не съ кимъ». ¹⁹/v его работы осматривали кн. И. А. Голицынъ и Ѳ. В. Бутурлинъ [1]).

Острогъ у Семеновскихъ воротъ Рязановъ по распоряженію кн. И. А. Голицына отъ ³¹/v все-таки долженъ былъ поставить. Сооруженіе острога Рязановъ кончилъ къ ²⁵/vi и донесъ объ этомъ на Тулу ¹/vii, а въ Разрядъ ²/vii. Острогъ онъ поставилъ посошными людьми «на первомъ вражкѣ отъ Семеновскихъ воротъ». Острогъ былъ сдѣланъ «въ длину на 20 саженъ и поперекъ то жъ». «И въ башенъ мѣсто, доносилъ воевода, на углахъ быки сдѣлалъ и около острога ровъ выкопалъ, поперекъ 2 сажени, а въ вышину ровъ сажень косая; и на вражкѣ прудъ запрудилъ, и вода въ пруду есть, и надолобы около рва поставилъ, а по острогу нижніе и верхніе бои сдѣлалъ, и каменья и колья на острогъ навозили, и совсѣмъ острогъ сдѣлалъ іюня въ 25 де и сошныхъ людей отпустилъ». Согласно приказанію кн. Голицына — «по засѣкѣ въ призначныхъ мѣстѣхъ къ призначнымъ деревьямъ лѣстницы поставить, чтобъ было видѣть съ деревья отъ караула до караула», — Рязановъ поставилъ такія лѣстницы въ 27 мѣстахъ.

Укрѣпленія были окончены, но людей для обороны ихъ у Рязанова все не было. Вопросъ о дьячкѣ тоже не уладился до самаго конца работъ. С. Вельяминовъ прислалъ изъ Бѣлева дьячка, «невѣдомо какова человѣка». «И онъ, жаловался Рязановъ, у меня пожилъ недѣли з двѣ и отъ меня збѣжалъ». На Тулѣ распорядились: «Отписать: велѣть дьячка, сыскавъ, выслать, а люди будутъ по вѣстямъ». На отпискѣ Рязанова въ Москвѣ положили такую помѣту: «146 г. іюля въ 8 де. Государь указалъ о томъ писать: то вѣдомо; а что отъ кого будетъ служба, и кто каково сдѣлалъ, тому бояринъ князь Иванъ Борисовичъ съ товарищи пришлетъ дозору своему роспись и чертежъ, и въ то время доброе и худое дѣло будетъ знатно» [2]).

Уляжская засѣка. 16-е звено.

За звеномъ Андреяна Рязанова слѣдовало звено собственно Уляжской засѣки съ Уляжскими воротами, порученное Матвѣю Игнатьевичу Зубову [3]). Ему велѣно было дѣлать засѣку отъ Уляжскихъ воротъ до Семеновскихъ на 8 верстахъ вдоль, а «поперегъ» на 20 саженяхъ — валить валъ лѣсной, а въ Уляжскихъ воротахъ «поперегъ» дороги онъ долженъ былъ соорудить острогъ и всякія засѣчныя крѣпости. Къ М. Зубову

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 366—377. [2]) А. М. Г. II № 117 и Вл. ст. № 75 лл. 280—281. [3]) М. Иг. Зубовъ — воевода въ Рославлѣ въ 1634 г. въ Смоленскую войну (К. Р. II, 463, 464).

назначены были 5 человѣкъ бѣлевцевъ дѣтей боярскихъ, засѣчные головы, приказчики, сторожа, разсыльщики, пушкари да для береженья засѣки отъ проходу воинскихъ людей даточные люди съ вогненнымъ боемъ. Работать на засѣкѣ должны были бѣлевцы посадскіе и уѣздные люди 131 чел. съ 26 лош. да съ Перемышльскаго уѣзда 51 чел. съ 10 лош. Зубову были обѣщаны также даточные съ Москвы, но количество ихъ въ наказѣ ему не было указано. Зубовъ явился на засѣку $^{11}/\text{IV}$ и тотчасъ же написалъ о высылкѣ дѣловцовъ въ Перемышль и Бѣлевъ, а самъ съ засѣчнымъ головой Платономъ Владычкинымъ и засѣчными сторожами, живущими у Уляжскихъ воротъ, приступилъ къ дозору засѣчнаго лѣса въ чертѣ отъ Уляжскихъ до Семеновскихъ воротъ. Зубовъ писалъ въ своемъ донесеніи объ этомъ дозорѣ, что «межъ тово лѣсу въ той засѣкѣ пропаши, и сѣнныхъ покосовъ, и никакихъ полыхъ мѣстъ, и озеръ, и болотъ, и ржавцовъ, и рѣкъ нѣтъ, а безъ завалу лѣснова тое Уляжскіе засѣки укрѣпить нечимъ, а поперегъ тово засѣчново лѣсу, и которой подшелъ къ засѣкѣ помѣстной лѣсъ, и тово всево лѣсу поперегъ 7 верстъ». Къ $^{19}/\text{IV}$ изъ Бѣлева къ нему были присланы 5 дѣтей боярскихъ, 122 дѣловца да 25 лошадей, да $^{25}/\text{IV}$— подьячій, а изъ Перемышля 50 дѣловцовъ и 10 лошадей, такъ что недосылка въ обоихъ случаяхъ была незначительной. Съ $^{19}/\text{IV}$ Зубовъ приступилъ къ устройству острога. Къ $^{26}/\text{IV}$ онъ уже успѣлъ покончить съ острогомъ и съ башней съ полевой стороны воротъ, а съ русской стороны воротъ сдѣлалъ «затворщетыя ворота». Окружность всего острога равнялась 40 косымъ саженямъ. Ровъ вокругъ острога копать оказалось невозможно, «потому мѣста нискоя,—борозды копали на острогъ, и въ бороздахъ воды много». Зубовъ замѣнилъ ровъ вокругъ острога надолобами и лѣснымъ заваломъ. Съ $^{25}/\text{IV}$ по $^{27}/\text{IV}$ онъ повалилъ лѣсного завала «поперегъ» на 20 саженъ, а въ длину на 2 версты [1]).

Къ $^{8}/\text{V}$, кромѣ лѣсного завала отъ Уляжскихъ до Семеновскихъ воротъ, Зубовъ завалилъ лѣсной завалъ и по другую, западную сторону Уляжскихъ воротъ на 2 верстахъ до Упы, хотя въ наказѣ ему и не было дано указаній относительно этого участка его засѣки, — и отпустилъ бѣлевскихъ и перемышльскихъ дѣловцовъ по домамъ [2]). Къ энергіи Зубова въ Разрядѣ отнеслись одобрительно и отписали ему съ похвалой [3]).

При сборѣ вооруженныхъ даточныхъ Зубовъ встрѣтилъ затрудненіе, о которомъ и увѣдомилъ Черкасскаго $^{20}/\text{VI}$. «Къ Уляжской засѣкѣ, писалъ онъ, Бѣлевского уѣзду селъ и деревень противъ г. указу блиска нѣтъ, а толко къ Уляжской засѣкѣ Лихвинского уѣзду подошли три

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 68—70. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 233—237 и № 75 лл. 241—243. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 238—239.

деревенки, и изъ тѣхъ деревень по г. указу датошныхъ людей взято 7 человѣкъ: четыре съ пищалми человѣка, да человѣкъ съ лукомъ, да два человѣка съ рогатинами»... [1])

Боровенская засѣка. 17-е звено.

На семнадцатое звено, Боровенскую или Боровицкую засѣку, которая замыкала параллельную среднему теченію Оки цѣпь засѣкъ, расположенныхъ по восточную сторону верхняго теченія этой рѣки, былъ назначенъ двор. моск. Клементій Борисовичъ Хрущовъ [2]). Только въ концѣ апрѣля Хрущовъ удосужился сдѣлать дозоръ, предписанный ему наказомъ. Въ отпискѣ, полученной Разрядомъ 24/IV, онъ доносилъ, что ѣздилъ по засѣкѣ, и сообщалъ слѣдующія свои наблюденія. «Съ польскую сторону отъ Упы рѣки до Оки рѣки лѣсъ большой, а отъ Оки, г., рѣки съ польскую сторону середи засѣкъ до воротъ ведены надолобы..., а ворота были опускныя, а отъ воротъ, г., до другихъ воротъ по обѣ стороны по дорогѣ ведены надолобы, а ворота были створчатыя, а башни на нихъ не было, а отъ другихъ, г., воротъ копанъ ровъ большой, съ польскую сторону ведены въ три надолобы, и надолобы съ польскую сторону отъ другихъ воротъ саженъ съ 50 и больше. Да мнѣ же, г., велѣно посереди засѣки поперегъ дороги рубить башня, подъ нею ворота, да около башни острогъ, и лѣсу, г., въ отхожихъ лѣсахъ нѣтъ дубоваго, окромѣя березоваго да еловаго». Вмѣстѣ съ тѣмъ Хрущовъ жаловался, что изъ Воротынска дѣловцовъ, какъ было назначено, къ нему не высылаютъ. Изъ Разряда 26/IV отвѣчали обычнымъ напоминаніемъ о его обязанностяхъ и увѣдомляли, что требованіе скорѣйшей высылки дѣловцовъ въ Воротынскъ Кузьмѣ Безобразову послано [3]).

Обстоятельный отчетъ о дозорѣ Боровенской засѣки былъ сообщенъ Хрущовымъ въ Разрядъ 8/V. Засѣчнаго головы Хрущовъ такъ и не получилъ,—«сказывали мнѣ, х. т., писалъ онъ, живетъ де въ Борисовѣ городкѣ». Засѣка была въ порядкѣ: «съ польскую сторону» отъ Упы рѣки пропашей, сѣнныхъ покосовъ, полыхъ мѣстъ не оказалось. Хрущовъ въ этой засѣкѣ нашелъ только одно озеро (наказъ ему предписывалъ сообщить объ озерахъ и болотахъ): «пріѣхалъ, г., писалъ онъ, къ Оки рѣки, и Оки, г., рѣки блиска берега озера Сворливая въ твоей г. чертѣ саженъ со ста, а поперегъ, г., саженъ съ петьдесятъ, да внизъ, г.,

---

[1]) Вл. ст. № 75 л. 252, № 86 л. 427. [2]) Вл. ст. № 89 лл. 215—216. Составители указателя къ А. М. Г. различали Боровенскую и Боровицкую засѣки, это — одно и то же. — К. Б. Хрущовъ въ 1623 г. былъ сотеннымъ головой (Д. Р. I, 558). [3]) Вл. ст. № 81 лл. 149—153.

по Оки рѣки съ польскую сторону пришолъ лугъ съ версту, а владѣетъ, г., тѣмъ озерамъ и лугамъ Николы Чудотворца Гастунскова попъ». Около Оки въ чертѣ оказалось и болото такого же размѣра, какъ и озеро. Отъ Оки и отъ воротъ съ польской стороны къ этому болоту были приведены надолобы. Съ русской стороны ни озеръ ни болотъ не было. Ворота были устроены по русскую сторону отъ Оки съ полверсты. «Ворота были опускные, описывалъ Хрущовъ, да надолоба опускная, и отъ воротъ направа ведены надолобы двѣ рятъ верхъ по рѣчки Боровенки съ полверсты, да отъ тѣхъ жа, г., воротъ внизъ по рѣчки Боровенки и до Оки рѣки ведены надолобы въ двѣ рятъ. И отъ тѣхъ, г., воротъ до другихъ воротъ саженъ съ полтораста по обѣ стороны дороги ведены надолобы въ двѣ рятъ. А другіе, г., ворота были створчетые, да надолоба опускная, а башни, г., не была». Вторыя ворота тоже были укрѣплены рвомъ и надолобами. Верстахъ въ 6 отъ этихъ вторыхъ воротъ внизъ по Окѣ къ Упѣ рѣкѣ около рѣчки Непроходки были третьи ворота, точно такъ же защищенныя надолобами, а внизъ по рѣчкѣ Непроходкѣ до Упы рѣки съ полверсты былъ копанъ ровъ, и устроены въ два ряда надолобы. Съ польскую сторону отъ воротъ въ росписи, данной Хрущову, значился выкопаннымъ на 8 верстахъ ровъ, но на дѣлѣ оказалось, что онъ выкопанъ только на 150 саженяхъ.

На Боровенскую засѣку Кузьма Безобразовъ долженъ быть прислать изъ Воротынска 178 чел. и 35 лош., дьячка, разсыльщиковъ и пушкарей, но по 4/v никого къ Хрущову не прислалъ, и по это число Хрущовъ засѣчнаго дѣла начать не могъ[1]). Хрущову приходилось жаловаться на безлюдье и въ половинѣ маѣ. Такъ, въ отпискѣ, полученной на Тулѣ 17/v, Хрущовъ писалъ, что по 10/v К. Безобразовъ прислалъ къ нему всего 25 чел. и 8 лош., да Яковъ Стрѣшневъ изъ Перемышля 6 чел. и 1 лош. Ко времени отправленія отписки Хрущовъ успѣлъ, однако, срубить башню и навозить 600 бревенъ на острогъ. Вмѣсто 5 дѣтей боярскихъ, присланы были къ нему только 3, а дьячокъ, разсыльщики и пушкари такъ и не являлись. «И засѣки, кончалъ Хрущовъ свою отписку, мнѣ на осми верстахъ дѣлать некимъ, толка, г., у меня посошныхъ людей 36 чел.». На Тулѣ положили помѣту: «Послать грамоты къ воеводамъ, чтобъ высылали тотчасъ».[2]) Въ грамотѣ Хрущову Черкасскій утѣшалъ его тѣмъ, что о высылкѣ дѣловцовъ Безобразову онъ напоминаетъ. Онъ указывалъ ставить острогъ на 200 чел. и прибавить работы опоздавшимъ дѣловцамъ. Черкасскій пугалъ Хрущова дошедшими

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 245—246. [2]) Вл. ст. № 86 л. 77.

до него, Черкасскаго, слухами о взяткахъ засѣчныхъ воеводъ и требовалъ обстоятельныхъ донесеній о ходѣ работъ[1]).

^{25}/V кн. И. Голицынъ, которому была поручена въ числѣ другихъ и Боровенская засѣка, сообщилъ на Тулу результаты своего дозора. Оказалось, что по двадцатыя числа мая Хрущовъ еще ничего не сдѣлалъ. «И у Клементья, господине, Хрущова на засѣкѣ дѣлать не починовано ничево, доносилъ Голицынъ Черкасскому, толко у нево срублена одна башня, да на острогъ изготовлено бревенъ съ 500». Голицынъ разспрашивалъ Хрущова, почему онъ засѣкою замотчалъ, и Хрущовъ привелъ ему въ свое оправданіе тѣ же мотивы, которые излагалъ и въ своихъ отпискахъ на Тулу. «И мы, господине, писалъ Голицынъ, на воеводѣ на Кузмѣ Безобразовѣ посошныхъ людей по государеву указу и по твоей отпискѣ послали править, а Клементью Хрущову засѣку велѣли дѣлать тотчасъ тѣми посошными людьми, что у него есть посошныхъ людей». Выполняя предписаніе своего наказа, Голицынъ ѣздилъ по засѣкѣ «обирать мѣста, на которыхъ въ приходъ крымскихъ людей съ ратными людьми въ засѣкахъ стоять было бы безстрашно». Такое мѣсто Голицынъ обралъ «промежъ Упы рѣки и Оки». «А обрали, господине, писалъ онъ на Тулу, то мѣсто для того, что Боровенская засѣка и старые прежніе крѣпости плохи, а нынѣ Боровенскіе засѣки ничево и не дѣлано, — чтобъ тѣмъ мѣстомъ воинскихъ людей не пропустить и засѣки уберечь, а Боровенскою засѣкою дѣломъ поспѣшить. А которые, господине, воеводы у засѣкъ государевымъ дѣломъ промышляютъ оплошно, и я, господине, безъ государева указу и безъ твоей отписки наказанья чинить имъ не смѣю. И тебѣ бы, господине, по г. указу велѣть къ намъ отписать, велишь ли намъ въ томъ мѣстѣ стоять противъ Боровенской засѣки, что она не здѣлана, и тѣмъ воеводамъ какое наказанье чинить»... На Тулѣ помѣтили: «Отписать, велѣть стоять противъ Боровенской засѣки, а о засѣчныхъ воеводахъ и головахъ писано къ государю, что имъ за ихъ вины чинить наказанье. И какъ о томъ государевъ указъ будетъ, и къ нему отпишутъ». Посошныхъ людей на К. Безобразовѣ Черкасскій распорядился править «безо всякой пощеды» и немедленно отправлять ихъ къ Клементью Хрущову[2]). Однако до конца мая К. Хрущовъ продолжалъ оставаться безъ рабочихъ рукъ[3]). Только въ іюнѣ къ нему явились въ двѣ присылки 95 чел. и 55 чел. даточныхъ съ Москвы, собранныхъ частью съ Нижегородскаго уѣзда, частью съ монастырей, съ которыми воевода и могъ, наконецъ, какъ слѣдуетъ, приняться за

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 77а—79b. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 281—286. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 303—304.

работу[1]). Кромѣ того, если полагаться на одну отрывочную черновую запись, къ нему были посланы солдаты съ Иваномъ Кайсаровымъ[2]). Къ $^{20}/_{VII}$ Хрущовъ представилъ въ Разрядъ отчетъ о работахъ, оконченныхъ имъ къ $^{8}/_{VII}$. Кромѣ обычнаго завала вдоль всей засѣки, онъ поставилъ два острожка, одинъ остроженъ съ башней на самой засѣкѣ, другой, по приказу Голицына, на Егорьевской дорогѣ между Упой и Непроходкой, сдѣлалъ въ острожкѣ двое воротъ, ровъ выкопалъ, бои подѣлалъ, рвы отъ Оки рѣки до Упы рѣки покопалъ и подлѣ рвовъ надолобы поставилъ. Даточные у него были изъ Комарицкой волости, нижегородцы и новгородцы, всего съ $^{5}/_{VI}$ — 190 чел. Хрущовъ препроводилъ въ Разрядъ и подробное описаніе своихъ укрѣпленій[3]).

Слободецкая засѣка. 18-е звено.

Переходя къ восемнадцатому звену засѣчной черты, къ лихвинской Слободецкой засѣкѣ, мы оказываемся на западной сторонѣ верхняго теченія р. Оки. Слободецкая засѣка была поручена Никитѣ Ивановичу Карамышеву[4]) и Дороѳею Матову. Къ Карамышеву должны были явиться 182 дѣловца съ 36 лош. съ Лихвинскаго уѣзда и 94 чел. съ 19 лош. изъ Воротынска, всего 276 чел. и 55 лош. По $^{24}/_{IV}$ съ Лихвинскаго уѣзда было прислано 120 чел. и 30 лош., а изъ Воротынска — ничего. Карамышевъ началъ свою дѣятельность съ досмотра, предпринятаго имъ $^{13}/_{IV}$. Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ $^{8}/_{V}$, Карамышевъ доносилъ, что онъ началъ дѣлать засѣку $^{13}/_{IV}$, — «и засѣчное, г., дѣло, писалъ воевода, идетъ нескоро, потому что людей и лошадей немного, а лѣсъ возятъ изъ десети верстъ и болши»[5]). Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ $^{17}/_{V}$, воевода жаловался на то, что онъ ведетъ работы съ одними только лихвинскими дѣловцами. Въ этой отпискѣ Карамышевъ сообщалъ и данныя своего дозора. «И около Слободецкіе засѣки съ обѣ стороны рѣкъ, и озеръ, и болотъ, и ржавцовъ, и топкихъ мѣстъ нѣтъ, прилягли съ обѣ стороны пашни и лѣса пашенные. А по Слободецкой, господа, по всей засѣкѣ лѣсъ болшой всякой, и рѣчки топкіе, и колодези, и ржавцы во многихъ мѣстѣхъ есть, и лѣснымъ заваломъ Слободецкую засѣку укрѣпити мошно безъ земляново валу». Съ присланными дѣловцами Карамышевъ сдѣлалъ «съ приходную съ полскую сторону на коло-

[1]) Вл. ст. № 75 л. 237. [2]) Вл. ст. № 91 л. 31. [3]) А. М. Г. II № 125.
[4]) Никиту Ив. Карамышева встрѣчаемъ воеводой въ Стародубѣ еще въ 1618 г. (Д. Р. I, 347). Въ 1624 г. въ чинѣ дворянина московскаго онъ охраняетъ Москву (Д. Р. I, 645), а въ 1628 г. участвуетъ въ размѣнѣ плѣнныхъ на Валуйкѣ (Д. Р. II, 828). Въ 1632 г. видимъ его воеводой въ Красноярскѣ (Д. Р. II, 297).
[5]) Вл. ст. № 85 л. 181.

дезѣ на Озовцѣ ворота и надолбы опускные и около воротъ надолбы двойные въ три рядъ до болшово лѣсу, а отъ воротъ по болшой дорогѣ по обѣ стороны надолбы жъ двойные до башни да башню противъ сѣчи съ верхними и съ нижними бои, подъ башнею ворота створчятые; а противъ башни надолбы опускные, и отъ той башни надолбы жъ съ обѣ стороны до рѣчки до Вырки, а за рѣчку до башни, да за рѣчкою за Выркою съ лихвинской стороны башню съ верхними и съ нижними бои, а подъ нею ворота створчятые, и около той башни по обѣ стороны острогъ, и чястикъ, и надолбы, да сѣчи высѣкли отъ Оки рѣки вдоль по засѣкѣ до болшихъ лѣсовъ и до крѣпкихъ мѣстъ на 5 верстъ, и мосты намостили въ трехъ мѣстѣхъ попрежнему». «И за тѣми, господа, крѣпостьми, продолжалъ Карамышевъ, Слободецкой засѣкѣ быть мошно, толке будутъ на засѣкѣ государевы служивые люди съ вогненнымъ боемъ».

Въ росписи 144 года, составленной по дозору кн. Льва Волконскаго, на Слободецкой засѣкѣ «была написана съ польской стороны по чертѣ къ Окѣ рѣкѣ башня съ верхними и съ нижними бои». «И мы, писалъ Карамышевъ, про тое башню староживцовъ розпрашивали и сами розсматривали накрѣпко. И съ полскіе стороны отъ Бѣлева башня не бывала. А была башня на берегу Оки рѣки съ лихвинскую сторону. И нынѣ то мѣсто лѣсомъ уросло, и болото прилегло топкое, лѣсомъ поросло чястымъ,—и пѣшему человѣку съ нужею проходить». Карамышевъ спрашивалъ, ставить ли ему тутъ башню. На Москвѣ положили помѣту: «Отписать къ Микитѣ и къ Дороѳею, чтобъ они достальными людьми крѣпости додѣлывали. А гдѣ на башенномъ мѣстѣ укрѣпилось лѣсомъ, и на томъ мѣстѣ башни не ставить. А [въ] Воротынескъ къ воеводѣ отписать съ осудомъ, что съ Лихвина высланы сполна, и государеву дѣлу учинено тѣми дѣловцы поспѣшенье, а ево дуростью учинена мѣшкота, что онъ не выслалъ для своей бездѣльной корысти» [1]).

Карамышеву отвѣчали изъ Разряда обычными напоминаніями о радѣньѣ и поспѣшеньѣ и увѣдомляли его, что Кузьмѣ Безобразову въ Воротынскъ напоминаніе о дѣловцахъ писано «съ великимъ пристрастьемъ». Грамота Карамышеву оканчивалась слѣдующимъ распоряженіемъ: «а которые нѣтчики присланы будутъ послѣ, и ты бъ на нихъ наложилъ дѣла болши, чтобъ и тѣмъ нѣтчикамъ столько жъ довелось дѣлать, которые присланы сперва, а будетъ отдѣлаются вскорѣ, и имъ велѣть засѣчново завалу прибавить сѣчь пошире саженъ десеть или смотря по тамошнему дѣлу». Донесенія впредь должны были отпра-

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 72—73.

вляться Карамышевымъ на Тулу къ Черкасскому. Въ заключеніе Разрядъ предостерегалъ: «....корысти себѣ отъ засѣчново дѣла не искать, а слухъ носитца отъ иныхъ засѣкъ про посулы, и мы, про то сыскавъ, учинимъ наказанье и къ государю о томъ отпишемъ»[1]).

31/v Карамышевъ доносилъ на Тулу о ходѣ дѣлъ на Слободецкомъ звенѣ и о проектируемыхъ по распоряженію кн. И. Голицына дополненіяхъ въ засѣчной чертѣ. Карамышевъ писалъ, что онъ по росписи «все сполна здѣлалъ: острогъ по рву съ одну сторону попрежнему, и башни, и ворота, и ровъ, и честикъ, и надолбы, а лѣснова завалу высѣкъ отъ Оки рѣки х козельской къ Столпинской засѣкѣ верстъ семь». Безобразовъ изъ Воротынска такъ ни одного человѣка къ нему и не прислалъ, и засѣку Карамышевъ дѣлалъ одними лихвинскими дѣловцами. 18/v на засѣку пріѣзжалъ кн. И. Голицынъ, приказалъ въ прибавку къ прежнимъ крѣпостямъ сдѣлать «у Оки рѣки на берегу усть-колодезя Озовца, немного повыше Боровенскіе засѣки, съ польскую сторону... земляной валъ, саженъ съ 5, для очищенья приходу воинскихъ людей, чтобы очищать по Окѣ рѣкѣ на перелазѣ. А по другую сторону съ рускіе стороны на томъ же колодезѣ Озовцѣ приказалъ здѣлати башню да острожокъ, чтобы въ острошкѣ посадить человѣкъ со сто, да кругомъ острошка выкопать ровъ отъ колодезя Озовца до Оки рѣки. А отъ тово острошка къ Боровенской засѣкѣ велѣлъ здѣлати бревна и бить въ нихъ спицы по пяди и тѣ бревна класть въ рѣку и опущать въ воду, чтобы ихъ не знать было — для татарсково плаву». На Лихвинской большой дорогѣ Карамышевъ поставилъ острогъ около стараго рва. На отпискѣ его помѣта: «Отписать, чтобъ дѣлалъ съ великимъ поспѣшеньемъ и крѣпости укрѣпилъ. А въ приходъ татарской у той засѣки ему жъ быть»[2]). Аналогичная отписка была послана Карамышевымъ и въ Разрядъ, откуда ему отвѣчали все тѣми же общими наставленіями: дѣлать неоплошно, слушаться своего ближайшаго начальства и сноситься съ Черкасскимъ [3]).

Въ послѣднихъ числахъ мая Карамышевъ занялся переписью и сборомъ къ Слободецкой засѣкѣ боевого ополченія. Въ отпискѣ, полученной на Тулѣ 31/v, онъ сообщалъ о результатахъ этой операціи. «Для смѣты подымовнымъ людемъ» онъ послалъ въ Лихвинскій уѣздъ двухъ дѣтей боярскихъ. По привезенной къ нему 26/v росписи, на Слободецкую засѣку должны были явиться 70 человѣкъ подымовныхъ людей съ луками, пищалями и рогатинами. Они и явились еще въ маѣ мѣсяцѣ. Такъ какъ «съ полевую сторону» противъ Слободецкой засѣки пришелъ

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 74—76. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 90—92. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 357—359.

Бѣлевскій уѣздъ, то Карамышевъ недоумѣвалъ, собирать ли ему ополченіе и оттуда и на сколькихъ верстахъ. На Тулѣ помѣтили: «Отписать къ Микитѣ и къ Матвѣю Зубову, чтобъ они подымовныхъ людей писали, которые блиссии противъ засѣкъ, воднорядъ, а вдвое не писали. А сколко х которой засѣкѣ доведетца Бѣлевсково уѣзда, и про то бъ отписали»[1]).

Карамышевъ кончилъ $^{10}/_{\text{VI}}$ работы на своемъ звенѣ, такъ и не дождавшись воротынскихъ дѣловцовъ. Въ тотъ же день, окончивъ работы, онъ распустилъ свою посоху. Въ донесеніи Черкасскому Карамышевъ сообщалъ, что на всѣ работы, на башню, надолобы, острогъ, частикъ и мосты пошло 9935 бревенъ. Въ рѣку были опущены «надолобы плавные, набиты гвоздьемъ дубовымъ»[2]). Въ концѣ іюня Карамышевъ остался безъ писчей бумаги, и ему пришлось обратиться за ней на Тулу; онъ объяснялъ, что съ Москвы ему дано было всего 2 дести, которыя за $2^1/_2$ мѣсяца работъ онъ успѣлъ извести[3]).

По окончаніи оборонительныхъ работъ Карамышевъ остался на своемъ звенѣ для защиты его въ случаѣ нападенія крымцевъ, располагая довольно значительнымъ количествомъ боевого снаряженія. Такъ $^4/_{\text{VIII}}$ къ нему было прислано 25 пудовъ пороху, 50 пудовъ пуль свинцовыхъ, 50 пудовъ фитилю на 200 чел. солдатъ. Всѣ эти припасы Карамышевъ «устроилъ въ острогѣ въ онбарѣ, гдѣ поставлены государевы пушешные запасы, и велѣлъ быть у той казны цѣловальникомъ датошнымъ людемъ 1 новгородцу и 1 пошехонцу». «А принелъ, господа, государевъ порохъ, пульки и свинецъ и фетили, писалъ Карамышевъ, безъ вѣсу, каковъ ко мнѣ отъ васъ привезли датошные люди, потому что у меня на Слободецкой засѣкѣ контаря и безмена нѣтъ», — изъ Лихвина тамошній воевода, несмотря на просьбу Карамышева, ему контаря и безмена не прислалъ. На отпискѣ въ Тулѣ положили помѣту: «Отписать въ Лихвинъ, чтобъ къ нему послать контарь, а будетъ нѣтъ контаря, и ему велѣть послать безменъ»[4]). $^7/_{\text{VIII}}$ Карамышевъ сообщилъ на Тулу, что отъ него сбѣжали два солдата, «а мушкеты, и занаряды, и подсошки, и пики покинули въ станѣхъ». Черкасскій извѣстилъ объ этомъ Разрядъ[5]).

Столпицкая засѣка. 19-е звено.

Девятнадцатое звено засѣчной черты, козельская Столпицкая засѣка, было поручено кн. Никифору Ивановичу Бѣлосельскому и Михаилу Пустошкину. На засѣку они явились $^9/_{\text{IV}}$. Засѣчнаго головы Ивана Осіева у засѣки они не нашли, — оказалось, что онъ «живетъ у себя въ де-

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 424—426. [2]) Вл. ст. № 75 л. 296. [3]) Вл. ст. № 75 л. 295. [4]) Вл. ст. № 76 л. 190. [5]) Вл. ст. № 76 л. 41.

ревнѣ въ Болховскомъ уѣздѣ». Бѣлосельскій и Пустошкинъ принялись за дозоръ, начиная «отъ Лихвинской засѣки съ полевой стороны». На увѣдомленіе о прибытіи на засѣку изъ Разряда имъ отвѣчали обычнымъ напоминаніемъ о радѣньѣ и поспѣшеньѣ и распорядились «голову велѣть изъ Болхова, учиня наказанье, выслать». На работы къ Бѣлосельскому и Пустошкину должны были явиться изъ Калуги 15 чел. дѣтей боярскихъ, дьячокъ и 642 дѣловца со 129 лош., но по 19/IV никто къ нимъ не бывалъ. На отпискѣ ихъ, полученной въ Разрядѣ 22/IV, сдѣлана помѣта: «Г. указалъ отписать противъ коломенской отписки[1]) и велѣть тотчасъ выслать». Изъ Разряда указали впредь относиться на Тулу къ Черкасскому[2]).

Въ самомъ началѣ засѣчныхъ работъ у Бѣлосельскаго вышло столкновеніе съ боярыней Настасьей Головиной, вотчина которой была расположена у самой засѣчной черты. Головина принесла жалобу на двухъ засѣчныхъ воеводъ, кн. Бѣлосельскаго и Ѳ. Зюзина. Она била челомъ на то, что крестьяне ея дѣлаютъ Сенецкую засѣку у Ѳедора Зюзина, — «а та, г., Есенетцкая засѣка отъ деревнишки отъ моей болши ста верстъ, объясняла боярыня, а въ деревнишкѣ, г., въ моей стоитъ воевода князь Микифоръ Бѣлосельскій, и съ тово стану ему дѣлать на Столпитцкой засѣкѣ всякіе крѣпости». Головина указывала, что крестьянамъ ея «передъ иными вдвое волокита и работа»: «на Есенецкой засѣкѣ дѣлаютъ всякіе крѣпости и подымовные люди стоятъ, а воевода князь Микифоръ Бѣлосельскій крестьянишекъ моихъ по вся дни емлетъ съ собою по засѣкѣ и безъ себя по вся жъ дни крестьянишекъ моихъ посылаетъ около засѣки по чертѣ для береженья отъ всякихъ поруху. И станъ у князя Микифора въ моей же деревнишкѣ, и крестьянишкомъ, г., моимъ стало передъ своею братьею не подъ силу, крестьянишка мои побѣжали, а и достальные хотятъ розбѣжатца». Головина, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, просила перевести ея крестьянъ съ Сенецкой засѣки на ближайшую къ ея вотчинѣ Столпицкую засѣку къ Бѣлосельскому. Изъ Разряда распорядились удовлетворить ея челобитье[3]).

27/IV на засѣкѣ въ Казачьемъ лѣсу зажгли ветошь козельскихъ бѣломѣстныхъ казаковъ. Пожаръ перешелъ на правую сторону дороги изъ Козельска въ Бѣлевъ, на лѣсъ кн. Алексѣя Трубецкого, и добрался до заповѣднаго Столпицкаго лѣса, который и выгорѣлъ въ длину по чертѣ на версту, а поперекъ «перемешками» саженъ по 10, 15, 20, 40

---

[1]) Имѣлся въ виду выговоръ, одновременно изготовленный на имя коломенскаго воеводы — см. выше гл. IV. с. 115 сл. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 247—252. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 301—304.

и больши, — «податлѣлъ лѣсъ молодой, доносилъ Бѣлосельскій, и выгорѣли колоды, которые лежали на землѣ, а стоячему большому лѣсу порухи нѣтъ». Виновниковъ пожара открыть не удалось [1]).

До ^{23}/IV дѣтей боярскихъ, дьячка и дѣловцовъ къ Бѣлосельскому изъ Калуги не присылали [2]). Къ ^{30}/IV Илья Стрѣшневъ прислалъ оттуда на Столпицкую засѣку 8 чел. дѣтей боярскихъ и 3 пушкарей, но дѣловцовъ не прислалъ ни одного. Въ Разрядѣ потеряли терпѣніе, и на отпискѣ Бѣлосельскаго была положена такая помѣта: «146 г. мая въ 10 де. Отписать къ Ильѣ съ опалою, что изо всѣхъ городовъ выслали, а Илья [не выслалъ?]. Выслати, собравъ, тотчасъ» [3]).

^{3}/V Бѣлосельскій представилъ въ Разрядъ слѣдующій отчетъ о своемъ дозорѣ. Ему велѣно было дозрить засѣку «отъ бѣлевскіе Бобриковскіе засѣки отъ грани до Лихвинскіе и Перемышлевскіе засѣки до граней». На первыхъ 10 верстахъ отъ Бобриковской засѣки тянулся лѣсъ, изъ котораго можно было сдѣлать небольшой завалъ. Затѣмъ шелъ холмъ, покрытый рѣдкимъ лѣсомъ, изъ котораго «лѣснова завалу сѣчь не умѣть». За холмомъ снова начинался лѣсъ на 8 верстахъ, — «поросль въ бревно небольшое». «А на Столпицкихъ воротахъ, што было какихъ крѣпостей, и таво всево ничево не знать, все погнила». По другую сторону отъ Столпицкихъ воротъ по направленію къ Лихвинской, Слободецкой и Перемышльской засѣкамъ на 12 верстахъ «лѣсъ пошелъ всякай, а тѣмъ лѣсомъ завалъ лѣсной дѣлать мошно небольшой. А въ томъ во всемъ въ заповѣдномъ въ засѣшномъ лѣсу пропаши и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ полыхъ мѣстъ нѣтъ. А по обѣ стороны тое Столпитцкіе засѣки рѣкъ, и колодезей, и озеръ, и ржовцовъ, и топкихъ мѣстъ нѣтъ, а которые рѣчки есть малые, и черезъ тѣ рѣчки переѣхать на лошеди и пѣшему перейти мошно, и безъ завалу лѣснова быть немочно. А отъ Столпитцкихъ воротъ по обѣ стороны, гдѣ былъ старой завалъ лѣсной сѣченъ, и таво завалу пенья и каторые деревья были сѣчены, и таво всево не знать — все погнила, а по тому по старинному завалу лѣсъ выросъ молодой въ невеликое бревно. А поперегъ тово заповѣднова Столпитцкова засѣшнова лѣсу и въ широкомъ мѣстѣ больши шти верстъ нѣтъ, а иньдѣ пять верстъ и меньши». На отпискѣ Бѣлосельскаго въ Разрядѣ положили такую резолюцію: «146-го мая въ 4 день. Писалъ — то вѣдомо, а впредь о всякихъ засѣчныхъ крѣпостехъ, что здѣлоно, писать къ боярину князю Ивану Борисовичу съ товарыщи,

---

1) Вл. ст. № 85 л. 182. 2) Вл. ст. № 85 лл. 52—53. 3) Вл. ст. № 85 лл. 54—55.

а боярину о засѣчномъ дѣлѣ, о которомъ доведетца, велѣно писать къ государю»[1]).

Не имѣя возможности, вслѣдствіе неприсылки дѣловцовъ, начать работы на засѣкѣ, Бѣлосельскій слалъ въ Разрядъ предостереженія: «и будетъ, г., тою Столпицкою засѣкою крымскіе и ногайскіе люди и всякіе воинскіе люди пройдутъ и городъ Козельскъ и иные городы и уѣзды повоюютъ, и намъ бы, х. т., отъ тебя, г., въ опалѣ не быть»[2]). Въ Разрядѣ забезпокоились, послали выговоръ И. Стрѣшневу въ Калугу и обнадежили Бѣлосельскаго и Горчакова (на Дубенской засѣкѣ) обѣщаніемъ скорой присылки дѣловцовъ[3]). Опасенія Бѣлосельскаго не были лишены основанія: на югѣ въ это время показались татары.

Черезъ Бѣлгородъ, Курскъ, Мценскъ, Болховъ и Бѣлевъ на Столпицкую засѣку было передано извѣстіе о томъ, что въ 8 дняхъ пути отъ Бѣлгорода на Тепламскомъ колодези 8/IV гоняли за сторожевой станицей татаръ человѣкъ 15 и больше, — «а отъ людей ли, писалъ бѣлгородскій воевода, тѣ тотарове за ними гоняли, или ихъ только и было, про то имъ невѣдома»[4]). Нѣсколько позднѣе черезъ Осколъ, Ливны, Мценскъ, Болховъ и Бѣлевъ Бѣлосельскій получилъ извѣщеніе о томъ, что 21/IV въ шестомъ часу дня приходили подъ Валуйку человѣкъ 50 татаръ отъ рѣки Ураевой и послѣ стычки пошли той же сакмой обратно за рѣку Ураеву. И на этотъ разъ тоже было неизвѣстно, принадлежали ли они къ «большимъ людямъ» или нѣтъ[5]). Наконецъ, 23/V Бѣлосельскому было передано черезъ Бѣлгородъ, Курскъ, Орелъ, Мценскъ, Болховъ и Бѣлевъ извѣстіе о томъ, что 17/V около р. Берестовицы, недалеко отъ Верхъ-Орели засѣчный голова Андрей Ушаковъ едва не былъ настигнутъ татарами: «гоняли за нимъ тотарове пять человѣкъ крымщиковъ, и онъ де Ондрей отъ той гоньбы отбылъ и началъ караулить на Мурамской шляхъ, ажно де идутъ въ Русь тотарове по смѣтѣ тысечи съ четыре и больши, а позадь тѣхъ полковъ пыль встоваетъ велика, а потому де было ему смѣтить немочно, что за нимъ была гоньба, а чаетъ де, что тѣ люди идутъ въ Русь отъ болшихъ людей»[6]). Что опасенія эти были не напрасны, подтверждаетъ и отписка кн. Д. М. Пожарскаго, въ которой онъ, сообщая то же извѣстіе, переданное А. Ушаковымъ, требовалъ энергичныхъ мѣръ обороны[7]). (Объ этомъ см. выше въ гл. III.)

Между тѣмъ высылка дѣловцовъ на Столпицкую засѣку и укрѣпленіе ея подвигались впередъ очень медленно. 3/V къ Бѣлосельскому и

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 49—51. [2]) Вл. ст. № 85 л. 56 — получено 5/V [3]) Вл. ст. № 85 лл. 57—59. [4]) Вл. ст. № 85 лл. 303—304. [5]) Вл. ст. № 85 л. 362. [6]) Вл. ст. № 85 лл. 365a—365ѣ. [7]) Вл. ст. № 85 лл. 366—367.

Пустошкину было прислано въ дополненіе къ калужскимъ дѣловцамъ 100 чел. съ Верхоруцкой дворцовой волости, но они явились на засѣку безъ заступовъ и лошадей. «Тово жъ числа въ шестомъ часу» ихъ заставили сѣчь завалъ лѣсной, и они «сѣкли 5 денъ, а по мѣрѣ тово завалу усѣкли на 3 версты». «А инова, писали воеводы на Тулу, засѣшнова дѣла намъ дѣлать некѣмъ, потому что на башню и на острогъ и на всякіе засѣшные крѣпости лѣсу возить не на чемъ, лошадей нѣтъ. И мы о томъ пишемъ государю къ Москвѣ безпрестани, а указу намъ съ Москвы не бывало». Съ Калуги, посада и уѣзда, до 9/v И. Стрѣшневъ прислалъ къ нимъ только 50 чел. и 10 лош. Да изъ калужскаго дворцоваго села Ромодановскаго 9/v было прислано 25 чел. дѣловцовъ, но тоже безъ заступовъ и лошадей. Такъ какъ лошадей не было, то до времени Бѣлосельскій и Пустошкинъ занялись заготовкой лѣса на мѣстѣ. «А Столпитцкая, господа, засѣка, кончали они отписку, велика, на тридцати на одной верстѣ на четырехъ сотъ на семидесятъ на восьми саженѣхъ, и тѣми людьми Столпитцкой засѣки и десетью лошедми всякихъ засѣшныхъ крѣпостей не здѣлать»[1]). Черкасскій утѣшалъ Бѣлосельскаго обѣщаніями высылки дѣловцовъ и слалъ выговоры въ Калугу и къ приказчикамъ дворцовыхъ селъ за медлительность[2]). Въ отвѣтъ на жалобы Бѣлосельскаго Черкасскій распорядился, наконецъ, выслать къ нему посошныхъ людей изъ Воротынска, откуда никакъ не удавалось извлечь дѣловцовъ на Слободецкую засѣку[3]).

Недостатокъ дѣловцовъ повергалъ Бѣлосельскаго въ уныніе. «А сколь скора у меня засѣку отдѣлаютъ, писалъ онъ, и мнѣ таво смѣтить и къ вамъ писать не умѣть, потому что у меня людей мало, а лошадей всево десять, и затѣмъ засѣшному дѣлу учинилось мотчанья большоя»[4]). Какъ туго шла присылка дѣловцовъ на засѣку и позднѣе, видно изъ его отписки, полученной на Тулѣ около половины іюня. 9/vi къ нему были присланы 4 лошади съ села Ромодановскаго, 15/vi — 16 лошадей изъ Верхоруцкой волости. Изъ Воротынска Кузьма Безобразовъ, несмотря на нарочную командировку къ нему за дѣловцами сына боярскаго, не прислалъ ничего. Эта отписка Бѣлосельскаго вызвала на Тулѣ неудовольствіе, — очевидно, онъ надоѣлъ своими жалобами, и на ней была положена слѣдующая сердитая резолюція: «Отписать: пишетъ,

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 64—65. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 66b—71 и № 85 лл. 295—297. [3]) Вл. ст. № 75 лл. 99—101 и № 76 л. 163. [4]) Вл. ст. № 75 лл. 229—231 и № 85 лл. 293—294.

вракаетъ, дѣлаетъ ворота лишніе, а заваломъ замотчалъ, и то онъ плутаетъ дуростью своею и оплошкою».

Съ конца мая по $^{10}/_{VII}$ на Столпицкой засѣкѣ выполнили слѣдующія работы: покрыли башню дубовымъ тесомъ въ два ряда, а по обѣ стороны отъ башни поставили острогъ и надолобы, примыкавшія къ лѣсному завалу. Кромѣ того, вдоль дороги отъ башни тоже поставили два ряда надолобъ по 185 саженъ на сторону, а въ концѣ надолобъ поставили ворота опускныя, верхи дубовые, «да подъ воротами сдѣлали колоду опускную дубовую». Около воротъ поперекъ дороги поставили опять надолобы, подходившія къ лѣсному завалу. Кромѣ того, «сдѣлали» $4^1/_2$ версты завала, да «обложили городъ — въ длину 24 сажени косыхъ, а поперекъ 20 саженъ, да 3 башни, и срублена города и башенъ 8 вѣнцовъ, да въ башнѣ сдѣланы ворота». На все на это пошло 4000 бревенъ [1]).

Въ обстоятельномъ докладѣ, въ отвѣтъ на требованіе Черкасскаго [2]), въ сентябрѣ Бѣлосельскій препровождалъ полный отчетъ о сдѣланномъ имъ. На Столпицкой засѣкѣ были срублены городъ да 4 башни, и вокругъ города поставленъ острогъ, и выкопанъ ровъ, и надолобы поставлены съ трехъ сторонъ, а съ четвертой ровъ не копанъ «для того, что течетъ рѣка возлѣ города Песошна, крутоберега и топка». Надолобы поставлены на 1948 саженяхъ. Въ городѣ поставлены двѣ избы да погребъ казенный съ выходомъ, «обсыпанъ землей, покрытъ дерномъ». На всякое засѣчное строеніе всего пошло 7100 бревенъ. «А во всю тое Столпицкую засѣку сѣченъ лѣсной завалъ возлѣ стараго лѣсного завалу по большому лѣсу, а лѣсной завалъ крѣпокъ, подыманъ на пенья; а полей, безлѣсныхъ мѣстъ въ заповѣдномъ лѣсу нѣтъ, и ржавцовъ, и болотъ, и рѣкъ большихъ нѣтъ, а которыя рѣчки есть, и тѣ начерчены на чертежѣ, и тѣ рѣчки малы и мелки и песчаны, черезъ тѣ рѣчки конному переѣхать и пѣшему перейдти безъ мотчанья мочно; а которые есть верхи, и тѣ всѣ поперегъ завалу лѣсного, и крѣпостей у нихъ никакихъ нѣтъ». «А отъ замка Лихвинской и Перемышльской засѣкъ до козельскихъ до Столпицкихъ воротъ засѣчныхъ сѣчено лѣсного завалу 4 версты 100 саженъ, а отъ козельскихъ отъ Столпицкихъ воротъ до замка бѣлевской Бобриковской засѣки сѣчено лѣсного завалу 18 верстъ 360 саженъ; и всего лѣсного завалу сѣчено отъ замка Лихвинской и Перемышльской засѣки до замка до бѣлевской до Бобриковской засѣки 22 версты 460 саженъ, а козельская Столпицкая

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 163—165 и А. М. Г. II № 129. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 85—87.

засѣка съ Дубенской засѣкой не сошлась»[1]). Столпицкій засѣчный лѣсъ имѣлъ въ поперечникѣ по расчету Бѣлосельскаго 2361 (2561?) сажень: середи лѣса были ворота, до которыхъ отъ черты съ русской стороны было 955 саженъ, а отъ черты польской стороны—1606 саженъ. «А затѣмъ,

[1]) Укрѣпленія того мѣста черты, гдѣ встрѣчались Столпицкая и Дубенская засѣки, сочтены были въ Москвѣ недостаточными, и Бѣлосельскій и Горчаковъ были обстоятельно распрошены о положеніи дѣла. Приводимъ показанія обоихъ воеводъ.

«По приказу бояръ и воеводъ, князь Ивана Борисовича Черкасково съ товарыщи, роспрашиваны князь Микиѳоръ Бѣлосельской да князь Дмитрей Горчаковъ. По государеву указу велѣно имъ вѣдать и дѣлать—князю Микиѳору Столпитцкая засѣка, а князю Дмитрею Дубенская засѣка, и Столпитцкой засѣки замокъ велѣно учинить и свесть з замкомъ Дубенскіе засѣки, а въ засѣчныхъ чертежѣхъ, каковы они прислали на Тулу къ бояромъ и воеводамъ, ко князю Ивану Борисовичю Черкаскому съ товарыщи, замокъ Столпитцкіе засѣки з замкомъ Дубенскіе засѣки не сшолся, и по ихъ чертежомъ знатно то, что то мѣсто не дѣлано. И они бъ про то сказали, для чево они у засѣкъ у Столпитцкой и у Дубенской лѣснымъ заваломъ не ссбились, и сколько межъ Столпитцкой и Дубенской засѣки засѣки не дѣлано, и кому то мѣсто довелось было дѣлать, и для чево не дѣлано.

И князь Микиѳоръ Бѣлосельскій въ роспросѣ сказалъ: По государеву указу дѣлалъ онъ козельскую Столпитцкую засѣку отъ Слободетцкіе засѣки до замка бѣлевскіе Бобриковскіе засѣки. А та Бобриковская засѣка съ тѣхъ мѣстъ отъ тово замка пошла на полскую сторону около Бѣлева къ Окѣ рѣкѣ и за Оку рѣку. А съ другой стороны къ той же бѣлевской Бобриковской засѣкѣ въ бокъ пришла замкомъ козелская Дубенская засѣка съ полской стороны. А отъ Столпитцкой засѣки отъ замка до Дубенской засѣки не здѣлано Бобриковской засѣки верстъ з 10; и тою Бобриковскою засѣкою пробиты стежки лѣсомъ, и ѣздятъ межъ Столпитцкіе и Дубенскіе засѣки изъ Бѣлева и изъ деревень въ Козелской, и въ Мещоской, и въ Болховской уѣздъ. А воинскимъ людемъ черезъ то мѣсто приходъ будетъ со ржаново поля; а доведетца у тое засѣки дѣлать: только завалъ лѣсной лѣсомъ завалить, а воротъ и иныхъ крѣпостей дѣлать не надобно, и прежъ сего не бывало, потому что Бобриковская засѣка межъ Столпитцкой и Дубенской засѣки пришла съ поля концомъ, и конецъ тое Бобриковскіе засѣки лѣсъ большой, и мѣста, бояра, чисты. А толко государь укажетъ межъ Столпитцкой и Дубенской засѣки завалъ лѣсной учинить, и посошныхъ людей будетъ человѣкъ з двѣсте, и то мѣсто мочно тѣми людми здѣлать недѣли въ двѣ, и впередъ тѣмъ лѣсомъ никакимъ людемъ ходу не будетъ. А впередъ вѣдать конецъ тое бѣлевской Бобриковской засѣки доведетца къ Столпитцкой засѣкѣ. А дѣлать ему князю Микиѳору тово мѣста не указано.

А князь Дмитрей Горчаковъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ по государеву указу дѣлалъ Дубенскую засѣку отъ замка Кцынскіе засѣки до замка Бобриковскіе засѣки. А та Дубенская засѣка пришла съ поля къ Бобриковской засѣки. А не дѣлано Бобриковской засѣки межъ Дубенской и Столпитцкой засѣкой верстъ з 10» (Сѣв. ст. № 106 лл. 59—62).

Соображенія эти послужили матеріаломъ для наказа Лукьяну Васильчикову, посланному устраивать Бобриковскую засѣку въ 1639 году. Наказъ этотъ, между прочимъ, гласилъ: «...И такъ тое Бобриковскіе засѣки впередъ лѣсомъ наглухо не завалить и всякими крѣпостьми не укрѣпить, и тѣми мѣсты татарсково приходу чаеть въ Козелской и въ Мещевской и въ Болховской уѣздъ со ржанова поля». Дѣловцовъ Васильчиковъ долженъ былъ получить изъ Бѣлева, Козельска, Мещовска, Калуги, Лихвина, Воротынска, Перемышля съ посадовъ и уѣздовъ. Работы эти въ 1639 г. состоялись (Бѣлгор. ст. № 125 лл. 24—27).

кончалъ Бѣлосельскій свой отчетъ, у меня на Столпицкой засѣкѣ засѣчное дѣло замѣшкалось, что засѣка большая, и изстари крѣпостей на ней было много, а людей ко мнѣ по г. указу высланы не всѣ, а которые и присланы, и тѣ поздно противъ иныхъ засѣкъ»[1]).

Для охраны Столпицкой засѣки къ Бѣлосельскому были посланы въ началѣ іюля «солдатъ сто человѣкъ, которые збираны съ земель», полка В. Росформа съ капитаномъ и урядниками. Присылкой ихъ завѣдывалъ Большой приходъ[2]). Изъ этой сотни до засѣки дошло 91 человѣкъ, а 10 человѣкъ вмѣстѣ со знаменемъ были отняты на Дубенскую засѣку. Но, приславъ къ Бѣлосельскому этотъ отрядъ, не позаботились о томъ, чтобы снабдить воеводу деньгами на жалованье иноземцамъ полка. Между тѣмъ въ августѣ жалованье имъ еще не было заплачено на «прежней сентябрь мѣсяцъ». По напоминанію Бѣлосельскаго Черкасскій распорядился выслать деньги «тотчасъ»[3]). Часть присланныхъ на Столпицкую засѣку солдатъ (5 чел. даточныхъ изъ Юрьевца Повольскаго) сбѣжала съ мѣста. Извѣстіе объ этомъ произвело, повидимому, впечатлѣніе на Тулѣ, и Черкасскій немедленно передалъ его въ Москву[4]).

Дубенская засѣка. 20-е звено.

Двадцатое звено засѣчной черты, Дубенская засѣка (названіе — отъ р. Дубны или Дубенки), было поручено кн. Дмитрію Петровичу Горчакову[5]) и Ивану Даниловичу Щербачеву. Засѣка эта простиралась отъ Бобриковской засѣки до Кцынскихъ граней.

Горчаковъ и Щербачевъ начали съ обычнаго дозора, результаты котораго они представили въ Разрядъ 3/v. Дубенская засѣка протянулась на 17 верстахъ. Съ польской и русской стороны по обѣ стороны засѣки «пришолъ лѣсъ чорной верстъ на 40 и на 50 и больши, и въ тѣхъ лѣсахъ и въ засѣкѣ многіе рѣчки, и болоты, и мшары, и топкіе мѣста, и колодези, и озера. А у Дубенскихъ воротъ была башня, да были двои ворота створные, да ворота опускные, да деветь колодъ опускныхъ, а по обѣ стороны дороги на сто на пятидесятъ на пяти саженехъ были надолобы въ двѣ рядъ и отводные надолбы на тридцати на пяти саженехъ. Да подлѣ Ду-

---

[1]) См. дальнѣйшія подробности А. М. Г. II № 141. [2]) Вл. ст. № 76 л. 21. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 158—160. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 58—63. [5]) Кн. Дмитр. Петр. Горчаковъ въ 1611 г. былъ въ полку кн. Д. Т. Трубецкого (А. М. Г. I с. 79), а въ 1626 г. былъ объѣзжимъ головой на Москвѣ (Д. Р. I, 826) и упоминается въ качествѣ участника придворной жизни въ 1631—4 гг. (Д. Р. II, 848, 858, 865). Въ 1633 г. Горчаковъ участвуетъ въ организаціи обороны Москвы (Д. Р. II, 337). Въ 1635 г. онъ былъ воеводой въ Черномъ Яру (К. Р. II, 818).

бенскихъ воротъ вдоль по засѣкѣ протекла рѣчка Дубенка. А башня, и ворота, и надолбы, и всѣ тѣ крѣпости погнили, а что былъ на засѣки по обѣ стороны воротъ лѣсной завалъ, и тотъ завалъ весь погнилъ же, а по тому старому лѣсному завалу засѣлъ пороснягъ молодой, и по старой лѣсной сѣчи того молодого пороснегу сѣчь нечево, потому что и достоль засѣку оголить, и впредь тотъ лѣсной завалъ будетъ непроченъ. А отъ Дубенскихъ воротъ по Дубенской же засѣки да Мценскова уѣзда да села Середичъ на 8 верстахъ лѣса пришли черные большіе поперекъ верстъ по 20 и больши съ польской стороны и съ руской по обѣ стороны засѣки. А отъ села Середичъ по той же Дубенской засѣки да Бобринской засѣки на 7 верстахъ вдоль по засѣки засѣка худа и уска, въ ширину версты съ полтретьи и з заповѣднымъ лѣсамъ, а что былъ прежней лѣсной завалъ вдоль по той засѣки, и тотъ лѣсной старой завалъ весь погнилъ, и поросъ пороснягъ молодой, и на тѣхъ на 7 верстахъ безъ земленого валу быть не умѣть. А обаполъ той засѣки съ польской стороны и съ руской пришли поля и деревни, а живутъ болховичи и мецняне дворяне и дѣти боярскія розныя помѣщики»[1]).

Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ $^{7}/_{V}$, Горчаковъ и Щербачевъ сообщали, что они нашли на засѣкѣ 4 стежки, «и тѣми стежками болховичи дѣти боярскіе бѣжали съ г. службы изо Мценска Семенъ Ѳедоровъ с., Алексѣй Володимеровъ с. Спѣсивцовы да Онтонъ Кузминъ с. Булковъ, а ѣхали тѣми стежками насильствомъ, лѣсной валъ сѣчу объѣхали, а надолбы сметали, учинилися сильны. И сынъ боярскій Ѳедоръ Износковъ и пушкарь Волотка (Горчаковымъ и Щербачевымъ посланные) учели имъ говорить, что онѣ г. указу не слушаютъ, учиняются сильны, черезъ засѣку заповѣднымъ лѣсомъ ѣздятъ и дорогу накладываютъ и надолбы сметываютъ, и онѣ сына боярскаго и пушкаря учели лаять и саблеми гонять, а говорятъ: мы де и преже сево тѣми стежками ѣзжевали, и впредь де намъ ими ѣздить»... Въ Разрядѣ на отпискѣ положили помѣту: «Отписать во Мценескъ ко кн. Михаилу Пронскому, чтобъ тѣхъ дѣтей боярскихъ сыскавъ, велѣлъ бить кнутомъ и пометалъ въ тюрму на три дни, а изъ тюрмы велѣть подавать на поруки, что имъ впередъ не воровать, заповѣдными стежками не проѣзжать»[2]).

Присылка людей здѣсь шла такъ же туго, какъ и на всѣхъ другихъ звеньяхъ. На Дубенскую засѣку были назначены 15 чел. калужанъ дѣтей боярскихъ, 663 дѣловца съ Калужскихъ посада и уѣзда и 133 лошади съ ними. До $^{26}/_{IV}$ И. Стрѣшневъ прислалъ изъ Калуги 8 чел.

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 41—43. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 184—188.

дѣтей боярскихъ, да дьячка, да трехъ пушкарей. Дѣловцовъ онъ не прислалъ до $^{26}/_{IV}$ ни одного [1]). Въ первыхъ числахъ мая Разрядъ слалъ Горчакову обычныя наставленія и утѣшалъ его напоминаніями калужскому воеводѣ о высылкѣ дѣловцовъ. Впредь Горчаковъ и Щербачевъ должны были обращаться съ вопросами и донесеніями на Тулу къ Черкасскому [2]).

$^{11}/_{V}$ въ Разрядѣ была получена отписка Горчакова, въ которой онъ сообщалъ, что Илья Стрѣшневъ по $^{6}/_{V}$ прислалъ на его засѣку 37 дѣловцовъ и 8 лошадей, да съ дворцовой Верхоруцкой волости приказчикъ Митрофанъ Коробовъ прислалъ 100 чел. съ топорами, но безъ заступовъ. Къ работамъ Горчаковъ и Щербачевъ приступили, но жаловались, что людей у нихъ слишкомъ мало: «и мы, х. т., писали они, у засѣки у Дубенскихъ воротъ стоимъ безъ крѣпости и безъ людей» [3]).

Между тѣмъ съ Дубенскаго звена шли жалобы на дѣятельность Горчакова. Приказчикъ дворцовой волости Иванъ Косаговъ отписывалъ въ Москву, что онъ отослалъ дворцовыхъ дѣловцовъ на Кцынскую засѣку къ Ивану Благово «противъ наряду сполна», а Горчаковъ пріѣзжалъ въ козельскія дворцовыя села, ставился на крестьянскихъ дворахъ и чинилъ крестьянамъ налоги многія, бралъ съ нихъ подводы для поѣздки по Дубенской засѣкѣ да съ тѣхъ же крестьянъ требовалъ сбора вооруженнаго ополченія. $^{12}/_{V}$ Разрядъ напоминалъ Горчакову, что ему не велѣно вовсе брать дѣловцовъ съ Козельскихъ дворцовыхъ селъ, а ополченіе велѣно поднимать лишь по большимъ вѣстямъ, — «какъ почаятъ приходу большихъ воинскихъ людей къ засѣкамъ». Обращаясь къ Горчакову, изъ Разряда писали: «....и будетъ такъ, какъ къ намъ писалъ дворцовыхъ селъ приказной человѣкъ Иванъ Косаговъ, и ты то дѣлаешь негораздо мимо нашего указу для своей бездѣльной корысти. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ впередъ въ козельскіе въ дворцовые села х крестьяномъ никакихъ для дѣлъ не въѣзжалъ и.... дворцовыхъ селъ крестьяномъ никакихъ налогъ не дѣлалъ, и даточныхъ людей безъ большихъ вѣстей съ нихъ къ засѣкѣ и подводъ и кормовъ никокихъ на крестьянѣхъ не ималъ, и тѣсноты и налоги крестьяномъ ни въ чомъ ...не дѣлалъ». За нарушеніе этого распоряженія Разрядъ грозилъ Горчакову взысканіемъ проторей втрое и опалой [4]).

До половины мая къ Горчакову И. Стрѣшневъ прислалъ съ Калужскаго уѣзда 42 чел. съ 9 лош., но ни одного съ посада, да приказчикъ Верхоруцкой волости Коробовъ 100 чел., — всего на все! Кое-что къ половинѣ

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 44—45. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 46—48, 57—59. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 177—178. [4]) Вл. ст, № 85 лл. 172—173.

мая Горчаковъ могъ сдѣлать и этими силами. «И мы, господа, писалъ онъ на Тулу, тѣми посошными людьми башню срубили и лѣсу изготовили на всякіе крѣпости. А лѣсъ сѣкли отъ Дубенскихъ воротъ верстъ з 10 и з 12 съ рускіе стороны. А возить тое башни и лѣсу на всякіе крѣпости не но чемъ. А опричь тѣхъ 9 лошадей, у насъ иныхъ лошедей нѣтъ ни одной. А ближе того лѣсу мы индѣ нигдѣ не обыскали. А мы стоимъ, кончалъ Горчаковъ свою отписку, у Козелской засѣки у Дубенскихъ воротъ безъ крѣпости отъ приходу воинскихъ людей. А старые засѣчныя крѣпости всѣ погнили... А Дубенскіе, господа, ворота — мѣста приточное, преже сево тотарове хажевали»[1]). Изъ Разряда утѣшали скорой присылкой дѣловцовъ, торопили работы и грозили наказаньемъ за посулы, если бы воеводы стали брать таковые[2]).

Во второй половинѣ мая работы на засѣкѣ шли все такъ же вяло. «И мы, господа, писалъ Горчаковъ, тѣми посошными людми башню срубили и лѣсъ выронили на всякіе засѣчные крѣпости съ рускіе стороны верстъ з 10 и з 12. А возить, господа, тое башни и лѣсу не но чемъ, окромѣ у насъ 9 лошедей нѣтъ ни одной. А крѣпостей, господа, мы въ воротѣхъ засѣчныхъ никакихъ не дѣ[ла]ли, опричь того, что четыре стешки лѣснымъ заваломъ засѣкли, что были черезъ всю засѣку съ руской стороны на полскую, и надолбы на нихъ съ обоихъ сторонъ поставили». Горчаковъ со своей стороны тоже жаловался на дворцовыхъ крестьянъ. «А по государеву указу, писалъ онъ, посылали мы, господа, въ Верхорутцкою и въ Мѣстеловскою волости для подымовныхъ людей, каторымъ быть у засѣки съ пищалми по вѣстямъ. И тѣ, господа, Верхорутцкой и Мѣстиловской волости г. дворцовые крестіяне намъ отказываютъ, взяты де у насъ къ засѣки посошные люди къ засѣчному дѣлу, а подымовныхъ де мы людей по вѣстемъ къ засѣки не дадимъ. А посошныхъ, господа, людей у насъ толка 142 человѣка да деветь лошедей, и тѣ, господа, посошные люди на засѣки гулячутъ, дѣлать имъ нечево, потому что лошедей нѣтъ, возить башни и лѣсу не но чемъ на всякіе крѣпости»... На отпискѣ помѣта: «Чтена. Указъ посланъ»[3]). Къ этой отпискѣ Горчаковъ и Щербачевъ прилагали «роспись естемъ и нѣтемъ калужаномъ дѣтемъ боярскимъ и дѣловцамъ». Въ началѣ іюня съ Калуги къ нимъ было прислано еще 30 чел. и 9 лош. На Тулѣ потеряли терпѣніе, и на ихъ отпискѣ была положена такая резолюція: «Отписать въ Калугу къ воеводѣ, чтобъ высылалъ людей и лошедей, а за то осудить, что по ся мѣста не выслалъ: изо всѣхъ го-

---

[1]) № 86 лл. 53—54, 56—57 (роспись дозорная). [2]) Вл. ст. № 85 лл. 58—62.
[3]) Вл. ст. № 86 лл. 305—306.

родовъ (?!) послано сполна, а онъ учинилъ мѣшкоту, и велѣть прислать роспись, съ ково зачѣмъ дѣловцовъ и лошедей не выслалъ»[1]).

Только въ іюлѣ на помощь Горчакову были посланы изъ полка Росформа 48 чел. солдатъ, «которыя збираны съ мушкеты, и болоболки, и съ подсошки, и съ пикоми», съ поручикомъ Юхомъ Смитомъ и сержантомъ кормовымъ иноземцемъ Ондреемъ Гоконовымъ. 8/vii на Дубенскую засѣку была прислана съ Москвы пищаль, ядро 3 гривенки, со станомъ, колесами и къ ней 150 ядеръ да 11 пудовъ 10 гривенокъ зелья пушечнаго. «А намъ, заключалъ отписку Горчаковъ, съ Москвы поруху и пулекъ и фетилю не прислано, давать имъ (солдатамъ) нечево, и въ приходъ воинскихъ людей тѣмъ солдатомъ стрѣлять нечимъ, и вамъ бы, господа, велѣть намъ о томъ указъ учинить». Черкасскій по этой отпискѣ немедленно снесся съ Москвой[2]). Пульки и зелье для солдатъ были получены на Дубенской засѣкѣ только къ 1/viii[3]).

Къ 10/viii Горчаковъ и Щербачевъ въ отвѣтъ на требованіе Черкасскаго[4]) представили обстоятельный отчетъ о своихъ работахъ. Всего къ нимъ было прислано 172 чел. и 31 лош. Съ этими дѣловцами они на берегу рѣчки Дубенки сдѣлали острогъ и двѣ башни съ воротами, ровъ выкопали и «плосьемъ ровъ съ обѣихъ сторонъ ослонили, а съ дву сторонъ острожку пришли рвы самородные и лѣса большіе». На дорогѣ поставили надолобы и устроили ворота створныя да ворота опускныя да 4 колоды опускныхъ. Въ острожкѣ выкопали казенный земляной погребъ съ выходомъ да сдѣлали избу да клѣть. По всей засѣкѣ на 32 верстахъ засѣкли лѣсной завалъ поперекъ на 20 саженяхъ, и въ трехъ мѣстахъ на засѣкѣ дороги и стежки «съ польскую сторону» «надолобами задѣлали и по обѣ стороны лѣснымъ валомъ засѣкли». 8/viii, кончивъ работы, Горчаковъ и Щербачевъ распустили посоху. На отпискѣ ихъ въ Разрядѣ положили помѣту: «146 г. августа въ 16 д. Государь указалъ отписать: то вѣдомо, и что сдѣлали; а впередъ, какъ засѣки дорубятъ и отпишутъ и на чертежъ начертятъ, и въ то время про службу вашу увѣдаемъ, по указу ль учинено»[5]).

Охрана Дубенской засѣки была затруднена небрежнымъ отношеніемъ къ чертѣ со стороны населенія. Въ отпискахъ, полученныхъ на Тулѣ 10/viii, а въ Москвѣ 13/viii, Горчаковъ и Щербачевъ доносили, что они въ заповѣдномъ засѣчномъ лѣсу въ чертѣ наѣхали «порухи многія, и дороги, и стежки, и борти, и всякія ухожьи». На ихъ распросы

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 343—346. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 22—23. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 51 и 42. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 88—91. [5]) Вл. ст. № 76 лл. 43—45 и А. М. Г. II № 136.

«обапольные люди» сказали имъ: «ходитъ де въ тотъ въ государевъ въ заповѣдной въ засѣчной лѣсъ за бортями, и за звѣрьми, и за бобры, и за выдры, и въ рѣкахъ и въ озерахъ за рыбою Козельскаго уѣзда твоей государевой дворцовой бортной Мѣстиловской волости села Плохина съ деревнями староста Гаврилка Михайловъ съ товарищи, да Кцынской волости бортные же твои государевы дворцовые крестьяне, Стенька Полуяновъ съ товарищи, да Никольскій попъ Аѳонасій Сафоновъ». Воевода допрашивалъ виновныхъ въ порухахъ: «есть ли у нихъ твои г. указныя грамоты и отписи, почему они въ твою г. въ засѣчную лѣсную заповѣдь за бортями и за звѣрьми и за рыбою ходятъ и стежки въ засѣкѣ накладываютъ и всякія порухи чинятъ? И они передъ нами, отписывалъ Горчаковъ, твоихъ г. грамотъ указныхъ и отписей не кладутъ, а сказываютъ: владѣемъ де мы тѣми бортями и всякими ухожьи по старинѣ А у тѣхъ твоихъ г. бортныхъ крестьянъ, съ чего они въ твою г. казну годовой оброкъ платятъ, лѣса и всякія угожья отведены, опричь твоево г. заповѣднаго засѣчнаго лѣса, и рѣкъ, и озеръ, и всякихъ ухожей. И тѣ бортные крестьяне села Плохина и Кцыни твоему г. заповѣдному засѣчному лѣсу порухи чинятъ многія и дороги и стежки накладываютъ, а никольскій попъ Аѳонасій изъ заповѣднаго засѣчнаго лѣсу не выходитъ, всегда ходитъ за бортями и за звѣрьми съ пищальми и въ рѣкахъ и въ озерахъ рыбу ловитъ безпрестанно и порухи многія чинитъ»... Черкасскій на этомъ дѣлѣ своей резолюціи не положилъ. Въ Москвѣ отписка Горчакова обезпокоила. «Государь указалъ послати во Дворецъ память, а велѣть съѣхаться и про воровство сыскать и, сыскавъ воровъ, учинить наказанье, а впередъ заказъ учинить крѣпкой подъ смертною казнію, чтобъ въ заповѣдной засѣчной лѣсъ одноличио не ходили ни для чего». 17/VIII соотвѣтственная грамота была послана изъ Разряда въ Большой дворецъ на имя боярина кн. А. М. Львова [1]).

Порухи засѣчному лѣсу выразились, между прочимъ, въ такихъ эпизодахъ. 6/VIII Горчаковъ и Щербачевъ получили извѣстіе о томъ, что крестьянинъ Верхоруцкой дворцовой волости Конша съ дѣтьми зарѣзали ножомъ въ государевой заповѣди подъ Спѣсивцевымъ звеномъ лося. Верхоруцкіе крестьяне дер. Кирейковой жаловались: «становитъ безпрестанно ножъ въ г. заповѣди тотъ же Конша съ дѣтьми, и намъ де отъ нихъ житья нѣтъ, и мы де въ томъ государевой пени блюдемся». Горчаковъ и Щербачевъ послали произвести слѣдствіе и, когда фактъ подтвердился, они распорядились на тѣхъ Спѣсивцовскихъ кре-

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 183—184 и А. М. Г. II № 135.

стьянахъ «за ихъ поноровку, что онѣ имъ не извѣстили, взяти на государя по 2 рубля пени». «А тотъ, г., крестьянинъ Конша учинился силенъ, г. указу не послушалъ и къ намъ не пошелъ, отписывали Горчаковъ и Щербачевъ, а сынъ его Савка въ тѣ поры былъ на г. дѣлѣ у засѣки. И мы тово Савку ставляли передъ собою, и онъ передъ нами сказалъ: убили де мы въ г. заповѣди лося з батькомъ». По Савкѣ не было поруки, воевода отдалъ его за пристава и велѣлъ на немъ править пеню государеву «за отца и за брата за то, что они въ г. заповѣди зарѣзали лося и три дерева посѣкли и дороги накладывали на лошадехъ». Дворцовому приказчику Верхоруцкой волости Митрофану Коробову было отдано приказаніе доставить Коншу съ дѣтьми къ воеводѣ, дабы взыскать на немъ пеню и учинить ему наказанье по г. указу, «чтобы инымъ людемъ впредь неповадно было воровать дорогъ и стежекъ накладывать». Но приказчикъ «для своей бездѣльной корысти» крестьянъ къ воеводѣ не прислалъ.—Другіе крестьяне той же деревни Кирейковой, «приходя къ посохѣ, продавали вино салдатомъ». Горчаковъ «вынялъ» у крестьянина Максимки вино и билъ виновныхъ батоги. Но, очевидно, батоги не подѣйствовали. «И послѣ того, повѣствуетъ воеводская отписка, тотъ же Максимка опять, подходя къ солдатомъ, вино продавалъ. И мы посылали саржанты и салдаты и велѣли ево поимать съ виномъ въ лѣсу, и вино у нево отшибли, а онъ отъ солдатъ отбился и салдата посѣкъ топоромъ по рукѣ. И мы посылали того же сына боярскова и сторожа по тѣхъ крестьянъ въ той въ винной продажѣ. И тѣ крестьяня г. указу не послушали и учинилися сильны». Извѣстіе это вызвало гнѣвную помѣту на Тулѣ: «Отписать къ приказчику (Коробову), чтобъ тѣхъ мужиковъ къ наказанью выслалъ тотчасъ, а, будетъ не вышлетъ, и ему быть самому въ наказаньѣ. А ко князю Дмитрею писать, чтобъ онъ учинилъ тѣмъ воромъ наказанье безъ пощады да о томъ отписалъ» [1]). По этой помѣтѣ немедленно были отправлены грамоты Коробову и Горчакову [2]).

Но Коробовъ не повиновался. ^{14}/IX Горчаковъ и Щербачевъ сообщили, что они посылали къ Коробову дважды, требуя отъ него ареста виноватыхъ крестьянъ. «И прикащикъ Митрофанъ Коробовъ г. указу не послушалъ и боярской отписки и къ намъ тѣхъ крестьянъ не присылывалъ и намъ отказалъ. Инымъ воромъ впредь, на то смотря, повадно будетъ воровать, дороги и стежки по г. заповѣди накладывать, и намъ бы

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 174—175. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 176—180, 181—182, 185—186.

отъ ихъ воровства отъ г. въ опалѣ не быть. А прикащикъ впредь приказалъ бить до смерти, ково мы пришлемъ для г. дѣла»[1]). Черкасскій ¹⁶/IX адресовалъ строгій выговоръ Коробову. «И ты то дѣлаешь негораздо—воровъ, которые въ заповѣди стешки накладываютъ и порухи чинятъ, для своей бездѣльной корысти укрываешь. А по г. указу, которые въ засѣкахъ порухи дѣлаютъ и стешки накладываютъ, и тѣмъ бываетъ большое наказанье, а инымъ смертная казнь. А что ты воровъ укрываешь, и ты самъ такой жъ смертной казни достоенъ» (зачеркнуто: что такихъ воровъ укрываешь). Черкасскій приказывалъ Коробову прислать виновныхъ крестьянъ къ Горчакову, угрожая при этомъ: «а только ты тѣхъ крестьянъ Коншу Нестерова з дѣтьми на Дубенскую засѣку ко князю Дмитрею Горчакову да къ Ивану Щербачову тотчасъ не отошлешь и учнешь ихъ для своей бездѣльной корысти укрывать, и по тѣхъ мужиковъ пошлютъ пристава и пушкарей, а велятъ тѣхъ мужиковъ сыскать мимо тебя и отослать на Дубенскую засѣку, а тебя велимъ (зачеркнуто: посадить) вкинуть въ тюрьму да г. указу и воровство твое къ государю отпишемъ» (зачеркнуто: да на тебѣ жъ доправятъ прогоны втрое, на которыхъ посланъ будетъ приставъ и пушкари, велимъ на тебѣ доправить втрое). Грамота эта была послана Горчакову, который долженъ былъ ее «сослать тотчасъ нарочно» Коробову[2]). Препроводительная грамота на имя Горчакова увѣдомляла его, что Коробову написано «съ великимъ пристрастьемъ»[3]).

Кончивъ работы, распустивъ посоху и пробывъ еще нѣкоторое время на засѣкѣ, во второй половинѣ сентября Горчаковъ заболѣлъ—«лежалъ боленъ при смерти»—и просилъ отпустить его, «чтобъ въ его болѣзни г. дѣлу порухи не была въ приходъ воинскихъ людей». Челобитье его было, повидимому, удоволетворено, да недалекъ былъ уже и общій роспускъ воеводъ съ засѣкъ[4]).

Кцынская засѣка. 21-е звено.

Двадцат первое звено засѣчной черты, Кцынскую засѣку (названіе отъ с. Кцынь нынѣ Калужской губ.), вѣдали Иванъ Степановичъ Благово[5]) и Яковъ Аѳанасьевичъ Истоминъ.

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 69. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 70—73. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 74—75. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 156—157. [5]) Ив. Степ. Благово въ 1619—20 гг. былъ воеводой въ Твери (Д. Р. I, 417), а въ 1622 г.—въ Можайскѣ (Барсуковъ «Списки воеводъ», с. 140). Въ 1624 г. онъ описывалъ Сольвычегодскій уѣздъ (М. М. Богословскій «Земское самоуправленіе», т. 1, с. 59). Съ 1626 г. онъ участвовалъ въ чинѣ дворянина московскаго въ придворной жизни (Д. Р. I, 855, 860; II, 844, 849). Въ 1628 г. Благово былъ объѣзжимъ головой на Москвѣ

Благово предпринялъ дозоръ, взявъ съ собою засѣчныхъ головъ, засѣчнаго приказчика и приписныхъ сторожей изъ дер. Гостьковой. Дозоръ онъ началъ отъ вала, — «гдѣ сѣкъ Лукьянъ Васильчиковъ Бобриковскую засѣку, а тутъ стоитъ въ дерева вдѣлана на руской сторонѣ старая признака, въ тѣ поры поставлена, какъ дѣлана засѣка преже сего при прежнихъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи и при царѣ государѣ и великомъ князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, поставлена признака на руской сторонѣ: вдѣлонъ брусъ деревеной въ стоячее дерево, и на брусу было подписано, и отъ того бруса пошла съ одну сторону козельская Столпитцкая засѣка, а з другую сторону пошла бѣлевская Бобриковская засѣка». Идучи отъ того бруса по польскую сторону, Благово и его спутники наѣхали черезъ засѣку стежку «съ польскую сторону» отъ деревни Гостькова на русскую сторону въ деревню Сорокино. Версты полторы дальше по валу они наѣхали вторую стежку черезъ валъ и третью стежку въ заповѣди черезъ сѣчу въ лѣсъ. Приписные сторожа сказали, что «ходятъ тѣми стежками сорокинскія крестьяне въ Бѣлевъ на торгъ и съ торгу назадъ и въ лѣсъ ходятъ». Черезъ полянку Клемятичи въ заповѣди въ чертѣ тоже оказалась стежка въ дворцовое село Уколичи: «ходятъ тою стежкою Верхоруцкой волости крестьяне къ прикащику и въ волость на совѣтъ черезъ сѣчю, а то село Верхоруцкой жа волости, а наложили ту стежку собою, потому што ихъ дорога въ волость засѣчена, а обходить около — верстъ со 100, а черезъ сѣчю перейти — верстъ съ 5, а сказывали про ту стежку тѣ жъ сторожи монастырскія, Осипова монастыря крестьяне». Далѣе Благово нашелъ новую стежку изъ того же села Уколичи черезъ сѣчу въ дворцовую деревню Левоново и въ Верхоруцкую волость: «ходятъ крестьяне прямо х приказщику и во всю Верхоруцкую волость, а обходить имъ ворота — верстъ со 100, а прямо перейти черезъ сѣчю — верстъ съ 5 или съ 6; сказали про ту стежку тѣ жъ засѣчныя сторожи». Подвигаясь со своими спутниками на новый участокъ, Благово перемѣнилъ и засѣчныхъ сторожей. На сѣчѣ около деревни Позняковой, «что была большая проломная дорога, и на томъ мѣстѣ стежка пѣшеходная черезъ сѣчю въ дворцовую жъ деревню Кирейково Верхоруцкія волости, — ходятъ крестьяне на совѣтъ объ государевыхъ дѣлахъ х прикащику, а около обходить имъ — верстъ со 100, а прямо перейти — верстъ съ 5». Эта про-

---

(Д. Р. I, 1008), въ 1628—30 гг. вторымъ воеводой въ Переяславлѣ Ряз. и мѣстничался по случаю этого назначенія съ кн. Ив. Шаховскимъ (Д. Р. II, 48, 49 и Барсуковъ «Списки воеводъ», с. 174. Ср. К. Р. I, 644, 717; II, 110, 214).

ломная дорога закрыта надолобами и двумя ямами — «ширина по полусажени, а глубины тожъ полусажени, да тѣ жъ ямы набиты частику, а третья яма напереди тѣхъ ямъ такова жъ выкопана и частику набита». Въ дозорѣ обстоятельно описано то мѣсто, гдѣ Бобриковская засѣка смыкалась, была «сотнута» съ Дубенской засѣкой: «враги великія пришли у тово мѣста, гдѣ сотнута Бобриковская засѣка з Дубенской засѣкою, и отъ тово мѣста поворотила къ рѣчки къ Бобрику и къ Оки рѣки несѣченое мѣсто, старая засѣка». Около помѣстья болховитина Андрея Шпилева наѣхали стежку на старой засѣкѣ, которая не сѣчена: «за 20 верстъ до Болхова ѣздятъ на лошедяхъ всякіе проѣзжіе люди изъ Бѣлева въ Болховъ и назадъ въ Бѣлевъ ѣздятъ, а тою стежкою тотаровя прихаживали въ Московской разоренья въ Верхоруцкую волость». Затѣмъ оказалась стежка изъ деревни Зайцевой черезъ старую засѣку въ дер. Дольцы и въ дер. Боровую и дер. Зубкову: «ходятъ крестьяня въ волость къ прикащику и для государева дѣла на совѣтъ, и староста для государева дѣла тою жъ стежкою ѣздитъ, на лошеди верхомъ тою стешкою проѣхать мочно. А проложили тое стежку литовскіе люди, какъ замирясь шли изъ Руси, — а сказывали государевай дворцовай деревни Зайцевой крестьяне... А та засѣка противъ ихъ деревни не сѣчена, и до Муравлевой деревни Лодыженского (т. е. деревни Муралея Лодыженскаго) Сухочева на двунадцати верстахъ лѣсъ не сѣченъ, мѣста лѣсное». «И отъ той Муравлевой деревни отъ Сухочева пошло дуброва, рѣткое мѣсто, и полянки до рѣчки до Бобрика, гдѣ были старыя ворота на рѣчки на Бобрикѣ, а отъ воротъ по рѣчки по Бобрику внизъ и до Оки рѣки. Да отъ тѣхъ жа воротъ вверхъ по Бобрику и до лѣсу тово мѣста на 7 верстахъ по обѣ стороны рѣчки Бобрика лѣсъ мелкой и рѣткой стоитъ кустами, мѣсто чисто, да изходили болота по обѣ стороны рѣчки Бобрика, и, гдѣ болота, то мѣсто крѣпко, не перелѣсть на конѣхъ, тутъ жа межъ болотъ мѣсто сухое, то перелѣсть мочна черезъ Бобрикъ. А въ старину крѣплено было, битъ частикъ во всю рѣчку Бобрикъ и до лѣсу, да надолобы были по обѣ стороны рѣчки Бобрика частые, да на томъ жа мѣстѣ отъ Оки рѣки и до лѣсу было поставлено 27 башенъ для проходу татарсково, а межъ башенъ поставленъ былъ острогъ стоячей премой». Роспись порченымъ мѣстамъ составлена Благово особо — ею мы не располагаемъ. Засѣку стерегли приписные сторожа изъ близъ лежащихъ деревень: съ польской стороны — д. Игнатьевой, д. Боровой, д. Дольцы, д. Онтипова, д. Меркулова, д. Улановой, д. Близны, а съ русской стороны — д. Кирейковой, д. Уколичи, д. Сорокиной, — «а берегутъ засѣки, надзираютъ всѣ крестьяне по чередамъ своево прясла».

Помѣстныхъ сторожей, какъ у иныхъ засѣкъ, у Бобриковской засѣки не было, хотя земля для нихъ и была отведена [1]).

$^{18}/_{IV}$ на Кцынскую засѣку присланы были изъ Мещовска 214 чел. и 43 лош., да $^{22}/_{IV}$ оттуда же — 83 чел. и 17 лош. [2]), да $^{19}/_{IV}$ изъ Козельскаго уѣзда, со становъ Городского и Ледемскаго, — еще 52 чел. и 9 лош. [3]). Но эта болѣе энергичная присылка дѣловцовъ на Кцынскую засѣку, чѣмъ на другія, не удовлетворила Благово и Истомина. $^{6}/_{V}$ они жалуются въ Разрядъ на неисправную присылку къ нимъ дѣловцовъ изъ Козельска. «И въ Козельскъ мы, х. т., доносятъ воеводы, трожды писали о людѣхъ къ воеводѣ къ Ивану Кутузову. Первое, г., писали, какъ сами пріѣхали въ Козелескъ, а вдругорядъ писали къ нему жъ къ Ивану Кутузову съ проводниками съ колускими апрѣля въ 15 день. Втретей писали мы, х. т., къ нему жъ къ Ивану Кутузову объ тѣхъ жа людѣхъ и о лошадяхъ твоихъ государевыхъ бортной деревни Мокловой съ крестьяниномъ съ приписнымъ з засѣчнымъ сторожемъ съ Янкою Васильевымъ объ тѣхъ жа людѣхъ и о лошадяхъ. И апрѣля, г., въ 17 день изъ Козельска Иванъ Кутузовъ къ намъ, х. т., отписалъ съ тѣмъ засѣчнымъ сторожемъ: какъ де люди и лошеди зберу, и я де пришлю». Благово жаловался въ Москву, что по конецъ апрѣля Кутузовъ не дослалъ къ нему съ Козельска 65 чел. и 14 лош. Присланные дѣловцы были собраны съ уѣзда [4]).

Кромѣ недостатка дѣловцовъ, Благово указывалъ еще на отсутствіе на засѣкѣ 15 чел. дѣтей боярскихъ, разсыльщиковъ, пушкарей, затинщиковъ и дьячка, выслать которыхъ на Кцынское звено должны были изъ Мещовска. $^{22}/_{IV}$ А. Комынинъ прислалъ изъ Мещовска только 8 чел. дѣтей боярскихъ, сообщая, что больше въ Мещовскѣ дѣтей боярскихъ не оказалось, площадныхъ подьячихъ въ Мещовскѣ нѣтъ совсѣмъ, а пушкарь нашелся лишь одинъ, котораго Комынинъ и прислалъ. «А намъ, х. т., писали въ Москву Благово и Истоминъ, дѣти боярскіи, и пушкари, и затинщики, и розсыльщики всево нужнѣе: у твоево г. дѣла тѣхъ дѣтей боярскихъ мала, на вѣсти послать невово, — дѣтей боярскихъ всево съ лошедьми 5 человѣкъ, а 2 пѣши. А безъ подьячева намъ, х. т., у твоево г. дѣла быть невозможна, великая нужа, станемъ сами писать, х. т., къ тебѣ, государю, отписки и въ городы для твоево дѣла и отъ посохи отойдемъ для письма, и твое г. дѣло въ тѣ поры дѣлаютъ мѣшкотна, а мы, х. т., боимся твоей г. опалы и смертной

---

1) Вл. ст. № 89 лл. 243—251. 2) Вл. ст. № 85 л. 91 и № 81 лл. 143—145. 3) Вл. ст. № 85 лл. 63—67. 4) Вл. ст. № 85 лл. 91—92.

казни», гиперболически прибавлялъ Благово и просилъ прислать подьячаго изъ Калуги [1]).

Въ другой отпискѣ, отправленной въ Москву одновременно съ цитированной выше, Благово и Истоминъ сообщали данныя о ходѣ своихъ работъ. Изъ Мещовска должны были выслать къ нимъ 317 чел. и 63 лош. Въ апрѣлѣ было прислано съ Мещовскаго уѣзда 298 чел. и 59 лош., такъ что недосылка съ уѣзда равнялась только 19 чел. и 4 лош., но съ посада не было прислано ни одного дѣловца. 22/IV начали дѣлать городокъ. Воеводы разсчитывали сдѣлать его въ двѣ недѣли со всѣми боями, катками, слонами и быками отводными «для побочнова бою». «А вода, г., описывали воеводы, сквозе городокъ течетъ, ключъ посереть горотка, хоте самыя большія люди, и то не выпьютъ. А городокъ здѣлонъ рубленой въ одну стѣну и въ косыя торасы, а мосты верхнія намощены, и бы[ки] верхнія и нижнія подѣланы, и обламы спущены. А у тово горотка двѣ башни съ вороты, въѣздъ да выѣздъ въ другую башню, и мосты верхнія у башенъ намощены, и обламы у башенъ спущены, и бои нижнія и верхнія подѣланы въ башняхъ». Вокругъ городка и башенъ по «загородной стѣнѣ»—110 саж. «въ писцову сажень, што землю мѣрятъ», высотой городокъ — въ 3 сажени. Благово и Истоминъ просили Разрядъ прислать къ нимъ людей съ огненнымъ боемъ, свинцомъ и зельемъ [2]).

Изъ Калуги должны были прислать на Кцынскую засѣку 189 чел. и 38 лош., но калужскіе дѣловцы все не подходили. На напоминанія засѣчныхъ воеводъ Илья Стрѣшневъ отвѣчалъ, что Калужскій посадъ разбѣжался, а про уѣздныхъ людей не писалъ ничего, и до конца апрѣля дѣловцовъ къ нимъ совсѣмъ не высылалъ [3]).

Собрать боевое ополченіе съ селеній, лежащихъ близко къ засѣкѣ, Благово и Истоминъ не могли. «Возлѣ Кценскую засѣку, г., писали они, Козельского уѣзду дворянъ и дѣтей боярскихъ немногіе пришли вотчины и помѣстьи, людей въ нихъ будетъ только съ 20 человѣкъ, да и тѣхъ, г., намъ собрать послать нековo—пушкарей, затинщиковъ и росыльщиковъ къ намъ воевода изъ Мещоска Олексѣй Комынинъ по твоему г. указу не прислалъ, одново пушкаря прислалъ Наумка Федорова, и тотъ пѣшъ». Воеводы указывали, что въ Мещовскѣ казаковъ 100 человѣкъ, да и въ Козельскѣ тоже есть стрѣльцы и казаки, и просили дать имъ людей изъ Козельска и Мещовска: «у нихъ (т.-е. въ Козельскѣ

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 93—94. [2]) Вл. ст. № 85 лл. 97—98. [3]) Вл. ст. № 85 л. 96.

и Мещовскѣ) городки крѣпкіе и съ котками, писали Благово и Истоминъ, — инъ мочно сидѣть на высокихъ осыпяхъ: на всякую у нихъ сажень будетъ по 20 или по 30 человѣкъ и больши соберетца, а городки, г., малыи на осыпѣхъ на высокихъ, — и не вобратца, г., имъ своими уѣздами въ Козелескъ и въ Мещоскъ, а къ намъ, х. т., нихто не пойдетъ въ городокъ, потому что хлѣба нѣтъ». Воеводы писали Ивапу Косагову, приказчику дворцовыхъ волостей, расположенныхъ близъ Кцыпской засѣки, Дудинской, Холминской и др., о «выборкѣ» ополченія съ тѣмъ, чтобы у каждаго человѣка было по 2 фунта пороха и по 2 фунта пулекъ или свинцу и съ «натрусками, ис чево на полки подсыпать порохъ». «Не въ тѣ поры, г., писали воеводы, тѣхъ людей готовить, какъ нетихи будутъ вѣсти, а какъ вѣсти будутъ нетихія, г., х. т., по тѣхъ людей пошлю, а они бъ были готовы». Между тѣмъ Косаговъ имъ не отвѣчалъ, а самимъ имъ послать для сбора ополченія было некого[1]).

Только 2 и 3 мая И. Стрѣшневъ прислалъ, наконецъ, 187 чел. дѣловцовъ (вмѣсто 189) и полностью 38 лош. Вновь прибывшихъ калужскихъ дѣловцовъ заставили сѣчь засѣку. Воеводы опять просили Разрядъ о присылкѣ людей, «съ которыми бы имъ засѣки беречь»[2]).

⁶/v воеводы представили въ Разрядъ докладъ, въ которомъ излагали нѣкоторыя техническія соображенія относительно устройства засѣки. «И какъ, г., завалъ лѣсной къ башнѣ или къ городку привалить, и башнѣ, г., и городку будетъ великая поруха и тѣснота отъ тово лѣсново завалу. Только люди воинскіе, г., придутъ и тотъ завалъ зажгутъ, и отъ тово лѣснова завалу городокъ згоритъ, и людемъ будетъ въ томъ городкѣ самая большая поруха, и топерва, г., безъ твоево г. указу завалу лѣсново отъ башенъ и отъ горотка очистить не смѣемъ. А какъ, г., завалъ лѣсной отъ башенъ и отъ городка очистить саженъ на 15 или на 20, да укрѣпить то мѣсто честикомъ гораздо, да выкопать ровъ и надолобы поставить часто, инъ, г., и въ городкѣ людемъ будетъ безтрашно отъ татарского приходу. А укрѣпить, г., будетъ то мѣсто мочно и безъ лѣснова завалу, что татаръ не пропустить возлѣ городка. А се, г., у Кценскихъ воротъ на засѣкѣ всквозь горотка течетъ ручей, а береги у тово ручья круты, въ иномъ мѣстѣ въ человѣка есть. И мы, г., рѣчку запрудимъ, такъ вода далеко зальетъ, больше 15 саженъ. Да къ тому жъ, г., по обѣ стороны рѣчки надолобы многіи поставимъ и частикъ по обѣ стороны рѣчки побьемъ, и то, г., мѣсто будетъ крѣпко, никакъ тотаровья не пройдутъ, а

---

¹) Вл. ст. № 85 лл. 99—101. ²) Вл. ст. № 85 л. 166.

нижнею, г., сторону также рѣчку запрудимъ да укрѣпимъ, чтобъ з города мочно было бить изъ ружья, не дать бы роскопать запруды. Укрѣпить, г., мочно безъ лѣснова завалу, а той, г., запруды будетъ въ обѣихъ мѣстахъ сажени по полуторы, и безъ твоего г. указу такъ укрѣпить не смѣемъ. А завалъ срыть..: лѣсной возлѣ башенъ и возлѣ городка — великая поруха на городокъ и на люди отъ огню и отъ дыму...»[1]). ¹⁰/v Благово и Истоминъ сообщили, что городокъ ими додѣланъ.

⁶/v изъ Разряда распорядились, чтобы впредь Благово сносился съ Черкасскимъ, и въ первыхъ же числахъ мая Черкасскій обратился на Кцынскую засѣку съ циркулярнымъ запросомъ о положеніи дѣлъ и съ общими наставленіями о томъ, какъ дѣлать засѣку[2]). Эта грамота, адресованная одному Благово безъ упоминанія имени его товарища Истомина, вызвала со стороны ихъ обоихъ протестъ. Благово отвѣчалъ, что Яковъ Истоминъ написанъ съ нимъ вмѣстѣ въ наказѣ, — «и та засѣка Кценскихъ воротъ велѣно ему вѣдать со мною, писалъ воевода, и дѣлать и беречь та засѣка. И съ Москвы въ г. грамотахъ пишутъ ево ко мнѣ въ товарищѣхъ за приписью дьяка Григорья Ларивонова, а отъ васъ, государи, ево Яковлева имени нѣту въ вашихъ въ боярскихъ отпискахъ, ко мнѣ одному отъ васъ бояръ писано». Истоминъ жаловался и самъ: «Смилуйся, государь, государь князь Иванъ Борисовичъ съ товарыщи, вели, государь, записать именишко мое, чтобъ мнѣ отъ государя *(п. т.)* въ опалѣ не быть, а отъ тебя, князь Иванъ Борисовичъ съ товарыщи, въ кручинѣ бъ не быть мнѣ, чтобъ, государь, именишко мое у тебя, государева боярина съ товарыщи, вѣдомо было.. А въ отпискѣ, государь, къ вамъ государевымъ боярамъ и воеводамъ, князь Иванъ Борисовичъ государь съ товарыщи, съ нимъ Иваномъ Благимъ не посмѣлъ я написатца, что отъ тебя государева боярина, князь Иванъ Борисовичъ государь съ товарыщи, именишко мое не написано»[3]). Заявленіе это было принято во вниманіе, и впредь грамоты съ Тулы писались на имя обоихъ воеводъ.

Во второй половинѣ мая Благово и Истоминъ доставили Черкасскому обстоятельный докладъ о положеніи дѣла на Кцынскомъ звенѣ. Они жаловались на то, что изъ 15 человѣкъ назначенныхъ къ нимъ дѣтей боярскихъ мещанъ явились только 8 человѣкъ, «и ис тѣхъ изъ осми человѣкъ два сына боярскихъ жили 10 дней да сбѣжали». Изъ не явившихся «одни живутъ по домомъ, а иныя поѣхали самоволствомъ з городомъ Мещоскомъ въ полки, а иныя поѣхали къ Москвѣ собою, не

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 167—168. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 2—4. [3]) Вл. ст. № 86 лл. 219—220.

хотя быть на засѣки». Воеводы сообщали затѣмъ данныя о ходѣ работъ. «Городокъ, государь князь Иванъ Борисовичъ, писали они, на засѣки здѣланъ рубленой въ одну стѣну да въ косыя тарасы, да двѣ башни съ вороты проѣжжія, да четыре быка отводныя для стороннево бою, — по мѣрѣ около горотка 110 сажанъ — и около башенъ и быковъ — въ писцову сажень, што землю мѣрятъ». Кромѣ городка, они поставили 776 саженъ надолобъ, да шестеро воротъ затворныхъ, да седьмыя ворота запускныя, да семь колодъ запускныхъ, и ровъ выкопали, и по обѣ стороны во рву поставили тынъ, — «ставленъ на дубовыхъ иглахъ, да в-ысподи роспоры дубовыя». Городокъ былъ окруженъ рвомъ, черезъ который были перекинуты два моста. Засѣка засѣчена всего на 10 верстахъ. Сѣкли ее въ ширину на 20 саженяхъ, — «сѣчемъ, писали воеводы, и болши 20 саженъ потому, штобъ завалъ былъ крѣпчее лѣсной». Воеводы указывали на то, что длина засѣки въ ихъ звенѣ высчитана въ 30 верстъ 260 саженъ, — «и той Кценской засѣки будетъ болши 40 верстъ вдоль». «А завалъ, государь, разсказывали воеводы, лѣсной сѣчемъ, князь Иванъ Борисовичъ, возлѣ старой засѣки по болшому лѣсу, а на старой засѣки лѣсъ молотъ да и тонокъ. А какъ, государь, гдѣ рѣдокъ лѣсъ придетъ, и мы пересѣчемъ черезъ засѣку старую на болшой лѣсъ, гдѣ бъ лѣсъ чаще и толще, штобъ завалъ былъ крѣпчее, или полянки лучитца на засѣки, и мы обойдемъ сѣчею въ полуверстѣ болшимъ лѣсомъ, штобъ той полянки з засѣки не видѣть, а полянки пущаемъ въ рускую сторону. А топкихъ, государь, мѣстъ и болотъ на Кценской засѣки болшихъ нѣтъ, есть болотца невеликія, — лучитца въ засѣки, и мы черезъ ихъ лѣсъ сѣчемъ. А рѣкъ болшихъ и середнихъ нѣтъ жа, толко вражки съ водою да ручьи малыя. А токо, г., не помѣшаютъ дожжи, чаю, Кценскую засѣку отдѣлаемъ въ двѣ недѣли мая отъ двадесятъ перваго числа». Ополченія съ Козельскаго уѣзда воеводы разсчитывали собрать не болѣе 20 человѣкъ, «потому что подошли немногія дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстья и вотчины въ пятинадцати верстахъ и ближе; да и тѣхъ собрать послать некого». Подошли, правда, близко къ Кцынской засѣкѣ и дворцовыя волости, и между прочимъ, село Дудино, но на грамоты Благово и Истомина къ приказчику Косагову послѣдній ничего имъ не отвѣчалъ. «А то, государь князь Иванъ Борисовичъ, не въ тѣ поры ихъ будетъ готовить людей, какъ вѣсти нетихи будутъ», еще разъ предупреждалъ Благово. Дворцовыя волости подошли и къ другимъ засѣкамъ, къ Дубенской и Сенецкой, такъ что на многочисленное ополченіе оттуда все равно разсчитывать было нельзя. Все же воеводы просили Черкасскаго о вмѣшательствѣ, такъ какъ «безъ государева указу дворцовыя мужики (ихъ) не послушаютъ». Для охраны

засѣки воеводы просили прислать имъ людей въ виду того, что мѣстнаго ополченія на оборону ихъ звена будетъ недостаточно. Отписка оканчивалась жалобой на то, что при томъ количествѣ дѣтей боярскихъ, которымъ воеводы располагали, «они вѣстей не вѣдаютъ, и имъ на вѣсти послать некого». Роспись Благово и Истоминъ собирались сдѣлать только послѣ окончанія засѣки, — «а нынѣча, государи, какъ намъ роспись дѣлать, такъ посошнымъ людемъ гулять въ тое пору». Воеводы просили прислать имъ на засѣку дьячка для письма. «Въ нашамъ писмѣ, писали они, (безъ дьячка) великая г. дѣлу поруха и мѣшканья дѣлу, — посоха въ тѣ по[ры] гуляетъ, какъ мы пишемъ къ г. или къ вамъ бояромъ или гдѣ индѣ доведетца. А какъ, государи, при насъ посоха, такъ задвоя здѣлаетъ». Мещовскій воевода Комынинъ, который долженъ былъ прислать къ нимъ дьячка, отвѣчалъ имъ категорически, что въ Мещовскѣ дьячковъ нѣтъ. На отпискѣ воеводъ помѣта: «Отписать, велѣть дьячка взять изъ Бѣлева. А городкомъ дѣлалъ мимо дѣла»[1]).

Черкасскій отвѣчалъ грамотой, содержавшей обычныя формулы: распоряженіе о высылкѣ дѣловцовъ имъ отдано, а воеводамъ напоминалъ о радѣньѣ и поспѣшеньѣ, — воеводы должны были прибавить лѣсного завалу, корысти себѣ не искать и о ходѣ дѣлъ подробно сообщать на Тулу[2]).

Около $^{20}/_{V}$ Благово сообщалъ, что $^{19}/_{V}$ засѣчное дѣло Кцынскаго звена было разверстано между 298 дѣловцами мещовской посохи, 70 дѣловцами козельской, 189 дѣловцами калужской и 98 дѣловцами козельскихъ дворцовыхъ селъ. Лѣсной завалъ долженъ былъ сомкнуться съ Сенецкой засѣкой. Работа была раздѣлена «посаженно»: «въ мѣру на 10 человѣкъ по 7 веревокъ, а веревка по двадцати по три сажени въ писцову сажень, чѣмъ землю мѣрятъ, а поперегъ по веревкѣ тожъ по двадцати по три сажени».

Мещане, дворяне и дѣти боярскіе, присланные на Кцынскую засѣку «всѣмъ городомъ, и розныхъ городовъ, которыя испомѣщены въ Мещескомъ уѣздѣ», били на Москвѣ челомъ о томъ, что у нихъ вслѣдствіе разоренія отъ литовской войны и отъ крымскихъ и нагайскихъ людей и отъ русскихъ воровъ крестьянъ столько не «лучились», сколько съ нихъ потребовали на засѣки, и они должны были выставить вмѣсто крестьянъ своихъ дѣтишекъ и людишекъ, между тѣмъ какъ мосаличамъ и серпьянамъ засѣкъ не указано дѣлать нигдѣ. Они жаловались на то, что ихъ «дѣтишко и людишка и крестьянишко» выполнили свои доли работъ, а ихъ отъ

---

1) Вл. ст. № 86 лл. 287—294. 2) Вл. ст. № 86 лл. 295—298.

засѣкъ безъ государева указа не отпускаютъ, и просили велѣть додѣлывать засѣки калужанамъ, козличамъ, мосаличамъ и серпьянамъ. На челобитьѣ ихъ была положена помѣта: «Государь пожаловалъ: будетъ онѣ дѣлъ своихъ сполна и свою долю отдѣлоли, какъ имъ дѣлать было довелось, ихъ отпустить для того, что имъ чюжово не дѣлоти...» [1]).

²¹/v, въ отвѣтъ на это челобитье, мещанинъ Дмитрій Клементьевъ Засѣцкій привезъ на Кцынскую засѣку государеву грамоту за приписью дьяка Григорія Ларіонова. Изъ Москвы писали воеводамъ, что, если челобитье мещанъ справедливо, то дѣловцовъ ихъ слѣдуетъ освободить отъ дѣланія чужихъ жеребьевъ и распустить по домамъ. Благово пришлось оправдываться. Въ своей отпискѣ, адресованной на Тулу, онъ писалъ, что мещане били челомъ ложно,—«дѣтей ихъ на засѣкѣ не бывала въ посохѣ ни одново человѣка, а людей боярскихъ было всево два человѣка..., и тѣ наймовались у крестьянъ для своей корысти, а больши тѣхъ двухъ человѣкъ людей боярскихъ на засѣкѣ въ работникахъ не бывало, были на засѣкѣ въ посохѣ всѣ крестьяне роботники». Городокъ дѣлали не только мещане, но и козличи: «то они ложна государю били челомъ, что они городокъ однѣ дѣлали». Одну башню и четыре быка крыли дворцовые крестьяне,—«а мещане покрыли съ козличи одное башню готовыми драницами и то испортили: вся каплятъ, башня перекрывать будемъ», писалъ Благово. «А своихъ доль мещане не отдѣлоли, за два дни до г. грамоты роздѣлили лѣсу сѣчь на 10 человѣкъ по 7 веревокъ, а веревка по 23 сажени въ писцову сажень, чѣмъ землю мѣрятъ, и тово они лѣсу сѣчь не почели, послыша г. грамоту, и пошли такъ, покинувъ свои доли несѣчены, — что имъ отдѣлено было, тово не сѣкли». Указывая на ложныя данныя, содержащіяся въ челобитьѣ мещанъ, Благово утверждалъ, что мещовскихъ дѣловцовъ нельзя отпустить. При этомъ воевода жаловался, что Д. Засѣцкій, не заѣзжая къ нему въ городокъ, проѣхалъ прямо на засѣку, — «взялъ з засѣки посошныхъ людей человѣкъ съ 40 да привелъ въ городокъ ихъ съ собою ко мнѣ, да подалъ мнѣ г. грамоту. И я г. грамоту взелъ, повѣствовалъ Благово, имъ вычелъ вслухъ и говорилъ имъ, что они били челомъ г. ложно и, договорясь они со мною, пошли на свои доли, кому что отдѣлено лѣсу сѣчь». Благово предлагалъ Д. Засѣцкому отвезти объяснительную отписку на Тулу къ Черкасскому, но Засѣцкій отписки не взялъ, — а пріѣхавъ къ мещаномъ, къ посошнымъ людемъ, гдѣ мещане сѣкутъ, да собравъ съ посохи денегъ, и велѣлъ имъ итти въ Мещескъ и всѣхъ

---

[1]) Вл. ст. № 85 лл. 157—159. Распоряженіе относится къ ¹²/v.

мещанъ роспустилъ з засѣки, а въ очисткѣ —я де въ томъ дѣлѣ!» У воеводы послѣ продѣлки Засѣцкаго осталось всего 28 человѣкъ крестьянъ князя Б. М. Лыкова. «И Дмитрій де Засѣцкій, продолжалъ Благово, и у нихъ (крестьянъ кн. Лыкова) просилъ денегъ, и они ему не доли, а свою долю высѣкли, послѣ ихъ сѣкли 5 дней, а тѣ мещескіе посошные люди и свои доли покинули». Мещанъ всего сбѣжало 270 человѣкъ, — «а мещоская, государи, доля, писалъ Благово, на серетки засѣки стоитъ не сѣчена, и затѣмъ государево засѣчное дѣло стало мѣшкотно», — въ то время какъ всѣ остальныя доли были уже высѣчены. Благово пришлось поручить сѣчь долю мещанъ калужанамъ, козличамъ и дворцовымъ крестьянамъ, — «а какъ, государи, колужане и козличи не розбѣгутца, и они въ 10 дней и высѣкутъ іюня съ 1-го числа іюня жъ по 10-е число», писалъ Благово. Благово приложилъ къ своей отпискѣ и списокъ мещанъ, подавшихъ ложное челобитье. На его отпискѣ на Тулѣ положили помѣту: «Писать къ государю на Дмитрея Засѣтцково, а о посошныхъ людехъ, о мещанѣхъ и о козличѣхъ, велѣть, собравъ, выслать тотчасъ къ засѣчному дѣлу. А велѣть имъ въ тѣхъ ихъ доль мѣсто, которые они, не додѣлавъ, покинули, присѣкать завалу шире. И къ государю въ отпискѣ про то написать»[1]).

5/VI Благово и Истоминъ сообщали дальнѣйшія свѣдѣнія о положеніи засѣчныхъ дѣлъ на Кцынскомъ звенѣ. Они жаловались, что у нихъ подымныхъ людей всего 60 человѣкъ, «а пищаленокъ всево тритцать, и тѣ худы, — десяти пищалей добрыхъ нѣтъ, а зелья и свинцу у нихъ у всѣхъ (т. е. у ополченія) фунта з два, а другая тритцать человѣкъ съ копишками». Воеводы просили прислать къ нимъ людей, зелья и свинцу. «А засѣки, государи, писали они, Кценской 33 версты, и 60, государи, человѣкъ: и горотка и засѣки беречь некѣмъ, да и то, государи, людишка худыя — мужики, у многихъ сонопалъ въ рукахъ не бывалъ. А дорога, государи, князь Иванъ Борисовичъ, ис Корочева сухая большая дорога, пѣшей человѣкъ переходитъ рано днемъ полъсемедесять верстъ не великая, и впередъ бы, государи, бояре и воеводы, намъ въ государевой опалѣ не погинуть, што горотка и засѣки беречь не съ кѣмъ. А людей у насъ всево въ гороткѣ два насъ съ Яковомъ Истоминымъ съ товарыщемъ моимъ, да семь человѣкъ дѣтей боярскихъ, да три пушкаря московскихъ». Изъ этихъ 7 дѣтей боярскихъ четверыхъ надо было поперемѣнно держать для вѣстей въ Карачевѣ, двоихъ послать «подымнымъ людемъ вѣсть подать», и воеводамъ въ городкѣ при-

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 34—38b и 103—109; № 75 л. 104.

ходилось оставаться съ 1 сыномъ боярскимъ, 3 пушкарями и 3 сторожами. Что касается ополченія подымовныхъ людей въ случаѣ военной опасности, то воеводы выражали сомнѣніе относительно его своевременнаго появленія на засѣкѣ: «они либо поспѣютъ или не поспѣютъ въ городокъ», тѣмъ болѣе что требованія на тѣхъ же подымовныхъ людей предъявляютъ и другіе воеводы. Кн. Дм. Горчаковъ съ Дубенской засѣки пытался съ Мѣстиловской волости получить ихъ на свое звено. Между тѣмъ «Мѣстиловская волость вся стоитъ подымныи люди на Кценской засѣки исстари: всѣ окольныя люди вѣдаютъ, да и сами мѣстиловскія крестьяне сказываютъ, что они завсе стоятъ у Кценской засѣки». Въ то же время Ѳ. Зюзинъ съ Сенецкой засѣки изъявлялъ претензію на подымовныхъ людей изъ дер. Фроловой и Воткиной, которыя тоже изстари числились за Кцынской засѣкой. Благово и Истоминъ жаловались, что Зюзинъ и Горчаковъ пишутъ къ нимъ «з грозами о тѣхъ подымовныхъ людѣхъ и хотятъ на нихъ писать къ бояромъ и воеводамъ»... «Не велите ихъ письму на насъ повѣрить, велите сыскать», кончали свою отписку кцынскіе воеводы [1]).

Горчаковъ жаловался на Благово Черкасскому, утверждая, что подымовные люди, относящіеся къ Дубенскому звену, попадаютъ вмѣсто Дубенской на Кцынскую засѣку. Горчаковъ увѣрялъ, что Благово будто бы перехватилъ подымовныхъ людей съ села Плохова. «А села, господа, Кцыни, писалъ Горчаковъ, приписныя засѣчныя сторожи и подымовныя люди въ сторину и нынѣ роспи[саны] были пополамъ: половина къ Дубенской засѣкѣ, а другая половина ко Кцынской засѣкѣ, потому что то село Кцынь стоитъ промежъ засѣкъ на граняхъ Кцынской и Дубенской засѣкъ... Иванъ Благово да Яковъ Истоминъ Мѣстиловскіе волости подымовнымъ людемъ и кцынскимъ сторожамъ слушать насъ не велѣли и сторожей не дали, и кцынскія приписныя сторожи и подымовныя мужики сына боярскаго били и вонъ изъ села выбили». На Тулѣ положили такую резолюцію: «Отписать къ Ивану Благово, чтобъ, сослався, переписалъ, а межъ себя мимо дѣла споровъ не чинилъ, чтобъ г. дѣлу въ ихъ спорѣ порухи не было, а будетъ хто учнетъ споръ держать не дѣломъ, и о томъ отпишутъ къ государю, и отъ государя быть въ наказаньѣ» [2]).

Въ половинѣ іюня Благово и Истоминъ снова жалуются Черкасскому на неявку мещанъ и на отсутствіе у нихъ на засѣкѣ боевыхъ силъ и дьячка, указывая, что они могутъ представить роспись только

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 131—132. [2]) Вл. ст. № 75 лл. 292—293.

тогда, когда Ст. Вельяминовъ пришлетъ имъ изъ Бѣлева подьячаго [1]. Одновременно они представили объясненія по поводу обращенныхъ къ нимъ упрековъ Черкасскаго за устройство городка. «Городокъ, государи, князь Иванъ Борисовичъ, писали они, дѣлоть легче и скорѣе, и подъемъ у городка легче острожново дѣла. И битца, государи, изъ городка лутче острогу и вольнѣе въ нижній и верхній бои. А се, государи, людемъ затула на городкѣ: человѣка не видѣть. А се, государи, городокъ и вѣчнѣе стоитъ острогу. А работы, государи, у городка была посошнымъ людемъ не больши острожнова потому, что городокъ рубленъ въ одну стѣну и дѣланъ всево въ 11 дней. А посошныхъ, государи, людей было въ тѣ поры всево 250 человѣкъ». Циркулярное наставленіе Черкасскаго о неиманіи засѣчными воеводами посуловъ какъ будто задѣло Благово и Истомина. «Да въ вашей жа, государи, боярской грамотѣ, писали они, написана къ намъ, чтобъ намъ промышлять засѣчнымъ дѣломъ неоплошна и корысти бъ себѣ отъ засѣчнова дѣла не искать, и мы, государи, князь Иванъ Борисовичъ, посуломъ и поминкомъ у засѣки ничему не виноваты, ни у какихъ людей милости у государя не просимъ — велите, государи, сыскать про наши посулы и поминки и про всякіи взятки у засѣки» [2].

Изъ отписки Благово, полученной на Тулѣ 3/VIII, узнаемъ, что еще 10/VI къ нему на засѣку былъ посланъ отрядъ въ 52 чел. солдатъ изъ полка Росформа изъ роты Бориса Тимармана съ поручикомъ Томасомъ Еганкарло, сержантомъ Данилой Гицеромъ и «карпораломъ» Василіемъ Спелемъ. Кормовыхъ денегъ на іюль да на августъ имъ было послано съ сыномъ боярскимъ Остафьемъ Кожевниковымъ 16 руб. 12 ал. 3 д. Кожевниковъ явился на засѣку только 4/VII и привелъ съ собою поручика Еганкарло, а «саржена» Гицера не привелъ, такъ какъ Гицеръ «остался на Москвѣ, съ ними не поѣхалъ». Солдаты были сданы не по той росписи, по которой они были отпущены изъ Большого прихода за приписью дьяка Дмитрія Ключарева. «А сказалъ сынъ боярской Остафей: людей де перемѣняли нѣмцы своимъ произволомъ, капитанъ Борисъ Тимарманъ, а докупались де у нево дудинскія мужики салдаты домой на Кценскую засѣку на здѣшнею». Роспись этимъ «обмѣннымъ людемъ» Благово и Истоминъ послали на Тулу. «А мѣнялъ де салдатъ капитанъ Борисъ Тимарманъ, писали они, и намъ бы, государи, князь Иванъ Борисовичъ, въ томъ отъ государя въ опалѣ не быть, а отъ васъ бы въ кручинѣ не быть про тѣхъ салдатъ,

---

[1]) Вл. ст. № 75 л. 238. [2]) Вл. ст. № 75 л. 239.

што мѣнялп ихъ, государь, не мы мимо государевой росписи. А салдатъ, государь, привелъ къ намъ Остафей Кожевниковъ 49 человѣкъ, а послѣ сына боярсково Остафья пришло 3 человѣка салдатъ Дудинскихъ волостей и бортныхъ волостей, и всѣхъ, государи, у насъ салдатъ 52 человѣка, а имена пхъ не противъ государевой росписи». Черкасскій отвѣтилъ запросомъ, на какую же засѣку попали солдаты, предназначавшіеся на Кцынское звено[1]). Какъ распуталось это дѣло — не видно.

Въ августѣ Благово писалъ на Тулу о трудности охранять засѣчный завалъ отъ пожара. На Кцынскую засѣку былъ отряженъ засѣчный голова Антонъ Пановъ, но до августа онъ такъ и не явился, и неизвѣстно было, гдѣ опъ находится. Между тѣмъ другія засѣки поручены надзору головъ, которые «по засѣкамъ ѣздятъ и стежекъ смотрятъ» и слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никто близко черты не ставился и огня не разводилъ, дабы засѣки не выгорѣли. Благово указывалъ на то, что на Кцынской засѣкѣ лѣсной завалъ густъ. «А лѣто, государи, обращался онъ къ тульскимъ воеводамъ, сухоя, лѣсъ высохъ..., лежитъ выше сажени косой завалъ, по грѣхомъ либо... загоритца, засѣка отъ конца до конца выгоритъ до ...ка, а ѣздить, государи, около засѣки не смѣемъ для тово сами, што написано у насъ въ г. наказѣ, што ......дутъ смотрѣть засѣки отъ государя думные люди или отъ ... бояръ, государи, князь Иванъ Борисовичъ хто будетъ засѣки смотрѣть, и въ то время изъ насъ либо ково не лучитца, въ горотки поѣдетъ около засѣки, а не ѣздить, государи..., тожъ не смѣямъ около засѣки потому, што засѣка наша высохла, беречь отъ огню надоть, здѣлона рано, высохла, а посылать, государи, нековo». Благово указывалъ и на то, что изъ отряженныхъ на его звено 15 мещанъ числились въ нѣтяхъ теперь уже 8 человѣкъ: одни такъ и не явились, а другіе сбѣжали[2]). Черкасскій отвѣчалъ, что вопросъ о засѣчномъ головѣ онъ передаетъ на усмотрѣніе государя, — «а вамъ бы о томъ засѣчномъ головѣ потому жъ къ государю писать, а до тѣхъ мѣстъ, покамѣста о засѣчномъ головѣ государевъ указъ будетъ, засѣки и засѣчнова лѣсу оберегать накрѣпко, чтобъ засѣкѣ и засѣчному лѣсу никакіе порухи не было». Относительно высылки мещовскихъ дѣтей боярскихъ Черкасскій отдалъ распоряженіе мещовскому воеводѣ Комынину[3]).

Благово и Истоминъ, окончивъ засѣку, недоумѣвали, что дѣлать съ присланными къ нимъ солдатами; такъ какъ у нихъ «все сѣчена отъ Дубенской грани до Есенецкихъ граней, завалъ съ заваломъ

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 418—421. [2]) Вл. ст. № 76 л. 422. [3]) Вл. ст. № 76 л. 423.

сведенъ вмѣстѣ съ Есенецкой засѣкою». Черкасскій отвѣчалъ — «будетъ у васъ Кцынская засѣка укрѣплена крѣпко, и полыхъ мѣстъ нѣтъ, и вамъ бы салдатомъ велѣть быть съ собою и безъ дѣла»[1].

Между тѣмъ мещане дѣти боярскіе и дьячокъ упорно не появлялись на Кцынской засѣкѣ. 7/VIII на Тулѣ была получена отписка Благово и Истомина, въ которой они сообщали, что по 29/VII Комынинъ къ нимъ служилыхъ людей изъ Мещовска не прислалъ. Они попрежнему жаловались, что росписи у нихъ написать некому, такъ какъ ни изъ Бѣлева ни изъ Мещовска подьячій къ нимъ не присланъ. «Милость покажите, писали воеводы, государи, князь Иванъ Борисовичъ, подьячево намъ дать, откуль вы, государи, укажете. По всѣмъ, государи, засѣкамъ подьячіе у воеводъ для письма даны изъ городовъ, а у насъ, государи, и снови подьячево не бывало, кому написать. За нужу, государи, сами мораемъ, пишемъ, и то описливо и худо». На Тулѣ помѣтили: «Отписать, велѣть, сына боярсково (т.-е. Засѣцкаго, — припомнили его майскую продѣлку) сыскавъ, и учинить наказанье, бивъ кнутомъ, выслать съ тѣми людьми, которыхъ свелъ, а послать о томъ нарочно ис прогоновъ сына боярсково и подьячево велѣть отвести»[2]. Въ редактированной по этой помѣтѣ грамотѣ Черкасскій отдавалъ приказаніе, кромѣ распоряженій объ отысканіи и приводѣ Засѣцкаго, дьячка «доправить» на бѣлевскомъ воеводѣ Ст. Вельяминовѣ[3]). Злополучнаго дьячка на Ст. Вельяминовѣ «доправить», правда, удалось, но присланный дьячокъ — «ни честь ни писать не умѣлъ, взятъ изъ деревни». «А въ городѣ, государь, въ Бѣлевѣ, писали воеводы, есть подьячіи площадныи, площадь откупаютъ и на площади пишутъ, четыре ихъ человѣка..., и всѣ писать горазды и честь. Да въ избѣ, государи, въ съѣзжей въ Бѣлевѣ у Степана Вельяминова три человѣка дьячковъ пишутъ..., писать и честь умѣютъ. Смилуйтесь, государи, бояре, князь Иванъ Борисовичъ, велите, государи, ис тѣхъ дьячковъ къ намъ прислать адново человѣка дьячка, а тово отъ насъ велите, государи, взять»[4]).

До сентября вопросъ о сбѣжавшихъ мещовскихъ дѣловцахъ такъ и не былъ рѣшенъ. Въ отпискѣ, полученной на Тулѣ 29/VIII, Благово и Истоминъ писали, что до 24/VIII Засѣцкій съ дѣловцами къ нимъ на засѣку не явился. Воеводы сообщали, что засѣку давно, еще къ 1-му іюня, въ 6 недѣль съ 22/IV по 1/VI, они окончили, и что дѣловцы имъ теперь уже и не нужны. «Мы тѣхъ людей, коихъ свелъ Дмитрей Засѣцкой, не дабиваемся ихъ на засѣку дѣлать, только лиша въ

---

[1]) Вл. ст. № 76 л. 424. [2]) Вл. ст. № 76 л. 110. [3]) Вл. ст. № 76 лл. 111—112. [4]) Вл. ст. № 76 лл. 128—129.

томъ боимся г. опалы и вашей кручины на себя, што вы къ намъ писали, велѣли завалу лѣснова прибавить сверхъ дватцати саженъ. И намъ, государи, прибавить завалу некѣмъ. А засѣка, государи, у насъ Кценская и городъ отдѣланы со всѣми крѣпостьми по г. наказу, каковъ намъ данъ г. наказъ». Сообщая, что «ото Кценскихъ воротъ до Сенецкихъ воротъ все сѣчено, простова мѣста нѣтъ, все завалъ лѣсной», воеводы многозначительно прибавляли, что «село Бобры отъ той засѣки запустѣло»[1]). Недоразумѣніе съ мещовскимъ воеводой Комынинымъ не удалось распутать: грамотъ Благово и Истомина о высылкѣ дѣловцовъ онъ не слушалъ и требовалъ себѣ особаго увѣдомленія съ Тулы отъ Черкасскаго[2]). Черкасскій писалъ на засѣку, что Д. Засѣцкаго онъ велѣлъ все-таки сыскать и выслать на Кцынское звено, поручая воеводамъ «бить его батоги нещадно, чтобъ, на то смотря, инымъ неповадно было воровать». Приказаніе вернуть мещовскихъ дѣловцовъ на засѣки для продолженія засѣчныхъ работъ Черкасскій отмѣнялъ. «А что къ вамъ изъ Бѣлева присланъ дьячекъ, писалъ Черкасскій, и вы бъ тому дьячку велѣли быть съ собою»[3]). Соотвѣтствующее распоряженіе объ арестѣ Д. Засѣцкаго Черкасскій препроводилъ и въ Мещовскъ Комынину, приказывая, если Засѣцкаго не разыщутъ, арестовать его крестьянъ[4]).

29/VIII на Тулѣ была получена отписка Благово и Истомина, сообщавшая о томъ, что имъ нечѣмъ далѣе платить жалованье присланнымъ на засѣку поручику и карпоралу. На Тулѣ помѣтили: «Къ Ивану Благово послѣ отписки писано, что о томъ къ государю писано», — очевидно, Черкасскій и самъ не располагалъ денежными средствами для этой надобности[5]).

Сенецкая засѣка. 22-е звено.

Заключительнымъ звеномъ засѣчной черты на западѣ была Сенецкая (или Ясенецкая — Есенецкая — Осенецкая — отъ р. Сенеди) засѣка, порученная Ѳедору Ивановичу (Бѣленицыну) Зюзину. Зюзинъ былъ посланъ на засѣку 26/III, а «доѣхалъ» до Сенецкой засѣки только 16/IV. По пріѣздѣ на засѣчное звено онъ приступилъ къ дозору. Дозоръ воевода предпринялъ, взявъ съ собой засѣчнаго голову, сторожей и тутошнихъ окольныхъ людей. Изъ Козельска Иванъ Кутузовъ долженъ былъ прислать къ нему 6 чел. козличъ дѣтей боярскихъ да сошныхъ людей съ Козельскаго уѣзда 246 чел. съ 49 лош., но по 18/IV у него объявился только

---

1) Вл. ст. № 75 л. 117. 2) Вл. ст. № 76 лл. 130—132. 3) Вл. ст. № 76 лл. 133—135. 4) Вл. ст. № 76 л. 136. 5) Вл. ст. № 76 л. 168.

одинъ козлитинъ К. Кременецкой. «А толко, г., доносилъ Зюзинъ въ Разрядъ, та Сенецкая засѣка дѣлать противъ твоего г. наказу попрежнему, какъ была сдѣлана преже сево и укрѣплена всякими крѣпостьми, и мнѣ, х. т., тѣми людми, которыми указано, Козельскимъ уѣздомъ, тое Сенецкія засѣки попрежнему дѣлать будетъ некѣмъ. А прежа, г., сево та Сенецкая засѣка, сказываютъ старожилцы тутошнія, дѣлана де та засѣка многими людми и не однимъ городомъ. А по обѣмъ, г., сторонамъ тое Сенецкіе засѣки отъ рѣки Жиздры и до Кцынской засѣки валъ волитъ лѣсной безъ пропуску, а рѣкъ, и озеръ, и пропашей, и сѣнныхъ покосовъ, и полыхъ мѣстъ нѣтъ нигдѣ по тому валу, окромѣ болотъ, и по болотамъ лѣсъ же поросъ болшой и частой, на лошади ѣхать немочно, и пѣшой одва пройдетъ». На Сенецкой засѣкѣ была проѣздная башня съ воротами, подъѣзды къ которой были закрыты опускными колодами, «пониже воротъ опускныхъ — рѣчка Сенеть, а черезъ тое рѣчку былъ мостъ 20 саженъ». За рѣчкой передъ мостомъ тоже была колода опускная, а за ней были ворота створныя, за ними слѣдовала опять колода опускная, далѣе была башня проѣздная съ воротами, и за ней двѣ колоды опускныхъ, снова слѣдовали ворота опускныя, за ними была колода, за колодой ворота створныя и 3 колоды опускныхъ — «отъ Карачева послѣдняя крѣпость». По обѣимъ сторонамъ дороги были двойныя надолобы. «Отъ Сенецкихъ воротъ отъ Козелска по правою сторону до рѣки Жиздры былъ валъ лѣсной, а по лѣвою сторону до Кцынской засѣки былъ валъ лѣсной же безъ пропуску. А по старому завалу лѣсъ поросъ, болшой елникъ, и пѣшому одва мочно проитить, не токмо лошадѣ проѣхать, а промежу тово валу нѣтъ ни рѣкъ, ни озеръ, ни пропошей, ни сѣнныхъ покосовъ, ни полыхъ мѣстъ нѣтъ нигдѣ»[1]). На отпискѣ Зюзина помѣта: «146 г. апрѣля въ 25 день. Государь, сей отписки слушавъ, указалъ дѣлати то дѣло, что въ наказѣ написано, а лишнего не дѣлати и убытковъ не чинити, а сдѣловъ по наказу, отпустить роботниковъ тотчасъ, а впредь о всякихъ дѣлахъ писать къ бояромъ и воеводамъ, кн. Ивану Борисовичу Черкаскому съ товарыщи». Отвѣтъ изъ Разряда по цитированной помѣтѣ отправленъ Зюзину ²⁷/IV [2]).

Козельскіе даточные явились на Сенецкую засѣку исправно. Около ²⁰/IV И. Кутузовъ отправилъ къ Зюзину 2 партіи дѣловцовъ, собранныхъ со становъ Луганскаго, Городского, Серенскаго и Ледемскаго [3]), такъ что вслѣдъ за тѣмъ ²²/IV Зюзинъ могъ приступить

[1]) Вл. ст. № 81 лл. 267—271. [2]) Вл. ст. № 81 лл. 273—275. [3]) Вл. ст. № 81 лл. 132—142.

къ работѣ. Въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ 15/v, онъ сообщалъ данныя о ходѣ дѣлъ на его звенѣ. Онъ началъ съ того, что «дорогу чистилъ къ Осенетцкой засѣкѣ и мостъ мостилъ на версту и больши для тово, что по дорогѣ грязи были большія, къ засѣчному дѣлу лѣсу возить была немочна». По 6/v на Карачевской дорогѣ съ польской стороны сдѣлано было 160 саженъ надолобъ по два ряда на каждой сторонѣ «съ огнивами по старинѣ по скаскѣ сторожилцавъ тутошнихъ кольныхъ людей». Затѣмъ, сдѣланы были двое воротъ съ надолобами, «поставили башню совсѣмъ и покрыли и затворили», около башни сдѣлали отметныя надолобы и колоды опускныя, а черезъ р. Сенедь устроили мостъ на 20 саженяхъ. Вмѣсто 6 козличей дѣтей боярскихъ къ Зюзину явились только четверо, — «а дву сыновъ боярскихъ ко мнѣ, х. т., не выслалъ»[1]), писалъ воевода. Пушкарей изъ Козельска Ив. Кутузовъ ему далъ только двухъ — «и тѣмъ, г., пушкаремъ отъ меня съ Осенецкіе засѣки, писалъ Зюзинъ, съѣхать велѣлъ Иванъ Кутузовъ безъ отпуску и безъ перемѣны», — такъ что Зюзину некого было и въ уѣздъ послать, некому было и о смотрѣ сошныхъ людей оповѣстить. Приписныхъ сторожей изъ деревень Дудина и Устовъ дудинскій приказчикъ И. Косаговъ взялъ ко Кцынской засѣкѣ, а приказчика и ѣздовыхъ сторожей у Сенецкой засѣки не было вовсе. Зюзинъ считалъ невозможнымъ собрать по татарскимъ вѣстямъ подымовныхъ людей съ округи Сенецкой засѣки: «помѣстныхъ и вотчинныхъ земель ничьихъ нѣтъ, окромѣ бортъныхъ селъ и деревень, села Ловати да села Устовъ да села Дубровки з деревнями». Къ Сенецкой засѣкѣ подошли также вотчины Свинскего и Жиздринскаго монастырей, но крестьяне бортные и монастырскіе подымовныхъ людей съ пищалями давать не хотѣли: «твои г. бортьныя крестьяне отказываютъ мнѣ», доносилъ Зюзинъ. Одни ссылались на то, что они приписаны ко Кцынской засѣкѣ, а другіе указывали: «мы де не Козельскова уѣзду». На отпискѣ сдѣлана помѣта: «146-го мая въ 16 день. Государь указалъ отписать противъ помѣты князь Григорья Волконсково[2]), какъ на ево отпискѣ помѣчено: для чево лишне крѣпить, дѣлоть, и мосты мостилъ, чево въ указѣ не написано, а во дворецъ послать память»[3]).

17/v изъ Разряда предложили Зюзину впредь обращаться съ отписками на Тулу къ Черкасскому[4]).

Къ 23/v Зюзинъ доставилъ на Тулу отчетъ о своихъ операціяхъ,

---

[1]) «Не выслалъ» — козельскій воевода Кутузовъ. Одинъ сынъ боярскій оказался на Тулѣ, а другой былъ засѣчнымъ приказчикомъ на Столпицкой засѣкѣ.
[2]) См. 4-е засѣчное звено. [3]) Вл. ст. № 85 лл. 192—195 и № 86 лл. 234—237.
[4]) Вл. ст. № 85 лл. 196—197.

въ которомъ повторялъ свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ Разрядъ, и объяснялъ Черкасскому, что валить валъ отъ острога по новому мѣсту, какъ рекомендовали ему съ Тулы, невозможно: съ тѣми дѣловцами, которые были на Сенецкомъ звенѣ, «и во все лѣта завалу лѣснова не высѣчь. А преже сево тотъ завалъ валили семью городы многими людьми»[1]). Черкасскій отвѣтилъ выговоромъ Зюзину за то, что онъ не дѣлаетъ лѣсного завала, и по обычаю напоминалъ ему о радѣньѣ и неоплошности[2]).

²/VI на Тулѣ была получена отписка Зюзина въ отвѣтъ на циркулярное требованіе Черкасскаго отъ ¹⁴/V, съ обстоятельнымъ отчетомъ о работахъ за вторую половину мая. Соорудивъ укрѣпленія, описанныя въ предыдущей его отпискѣ, Зюзинъ кончалъ уже и лѣсной завалъ, — «съ сего числа, писалъ онъ, будетъ дѣла на недѣлю». «А по вашему письму, изображалъ онъ работу, прибавливаемъ и старова лѣса къ новому на сторонѣ саженъ по пяти и по шти толстова лѣсу, а и новай у насъ лѣсъ великъ и частъ, елникъ ложится высокой и частай. А завалъ лѣсной отъ острогу отъ первай башни по обѣ стороны дороги будетъ весь до межовыхъ граней, да Кцынскіе засѣки и до рѣки Жиздры содново безъ пропуску, а рѣкъ, и озеръ, и полыхъ мѣстъ, пропошей, и сѣнныхъ покосовъ промежъ лѣснова завалу нѣтъ нигдѣ. А которыя рѣчки поперегъ завалу лѣснова, и ржевцы, и болота, и черезъ тѣ рѣчки и болота легъ завалъ лѣсной безъ пропуску содново». Двухъ недостававшихъ дѣтей боярскихъ козличей къ Зюзину такъ и не прислали. Зюзинъ опять указывалъ, что съ нимъ на засѣкѣ «ратныхъ людей нѣтъ никово, ни пушкарей, ни розсылщиковъ, ни стрѣльцовъ», и ему и въ уѣздъ и съ отписками послать некого. Ополченія съ монастырскихъ вотчинъ онъ собрать не могъ: «старцы и прикащики отказали дѣтемъ боярскимъ, которыхъ я посылалъ ихъ дворовъ переписывать по г. указу и по вашей отпискѣ, и доѣздныхъ пометей ни поручныхъ записей по себѣ не дали, учинилися сильны». На отпискѣ его положена помѣта: «Отписать къ Ивану Благому, которые села и деревни довелись ко Кцынской засѣкѣ, и тѣхъ бы и писалъ, а которые отъ нево отдалѣли, въ указъ не войдутъ. А бliскіи къ Сенецкой засѣкѣ, и тѣхъ бы не вступался, а къ Ѳедору потому жъ отписать»[3]).

Къ половинѣ іюня Зюзинъ окончилъ засѣчныя работы, распустилъ дѣловцовъ по домамъ и остался у засѣки только съ засѣчнымъ головой и 4 дѣтьми боярскими, — «а иныхъ ратныхъ людей со мной нѣтъ

---

[1]) Вл. ст. № 86 лл. 234—237. [2]) Вл. ст. № 86 лл. 238—239. [3]) Вл. ст. № 75 лл. 82—86 и 87—89.

никого», писалъ воевода; пушкарь и дьячокъ сбѣжали отъ него «безъ отпуску». Несмотря на грамоту Зюзина, И. Кутузовъ ни пушкаря ни дьячка изъ Козельска къ нему не присылалъ, «норовя имъ», — «а у меня, господа, указывалъ Зюзинъ, государева дѣла затѣмъ стала, написать отписки къ вамъ бояромъ некому ни въ городы для вѣстей (послать)». Зюзинъ полагалъ, что съ селъ Устовъ, Дубровки и Ловати ему удастся собрать 32 человѣка вооруженнаго ополченія. Монастырскихъ крестьянъ переписать никакъ не удавалось. «Строитель» Жиздринскаго монастыря «отказалъ», а крестьяне Свинскаго монастыря села Кондрыкина и дер. Дынной посланнаго къ нимъ сына боярскаго «хотѣли бить, одва и ушелъ». «И вы, господа, спрашивалъ Зюзинъ, а томъ укажите, кого мнѣ на сильныхъ посылать». Такъ какъ приписныхъ сторожей съ Сенецкой засѣки перехватилъ Благово на свое Кцынское звено, Сенецкую засѣку принужденъ былъ охранять одинъ засѣчный голова, — «засѣцново завалу и острогу, жаловался воевода, беречь некому». Отписка оставлена на Тулѣ безъ помѣты[1]).

Черезъ мѣсяцъ, 14/VII, Зюзинъ сообщалъ о ходѣ подымовной переписи и о недоразумѣніи съ присланными къ нему солдатами изъ полка Росформа. Подымовныхъ людей онъ насчиталъ 40 человѣкъ; монастырскія деревни попрежнему дѣловцовъ давать не хотѣли, а дьячка и пушкаря на засѣку получить такъ и не удалось. «А въ прежнихъ, господа, моихъ отпискахъ, писалъ Зюзинъ, о томъ дьячкѣ и пушкори къ вамъ писано, и противъ моего письма отъ васъ указу не бывало. За тѣмъ, господа, всякія дѣла государевы стали, государю къ Москвѣ и къ вамъ г. бояромъ отписокъ писать некому ни въ городы для вѣстей. А засѣка, господа, пришла пустая, отъ городовъ удалѣла и отъ селъ и отъ деревень, дьячка взять негдѣ». Изъ посланныхъ къ нему 42 солдатъ (изъ даточныхъ новгородскаго митрополита Афонія) не явились 10 человѣкъ. Зюзинъ жаловался, что ихъ «отнялъ сильно капитанъ Борисъ Тимармановъ, а взялъ съ собою на Столпицкую засѣку князю Никифору Бѣлосельскому». Воевода сообщалъ, что у приведенныхъ къ нему солдатъ — «однѣ мушкеты, ни знамяни, ни борабана, ни шпагъ, ни пороху, ни пулякъ, ни фетилей нѣтъ». На Тулѣ сдѣлали помѣту: «Отписать, велѣть сыскать Бѣлосельскому, будетъ тѣ люди съ капитаномъ есть, и тѣхъ людей къ нему выслать. И о дьячкѣ и о пушкарехъ писать же, чтобъ выслали тотчасъ. А о пороху, и о пулькахъ, и о фетилѣ, и о знаменахъ, и о боробанахъ писать къ государю»[2]).

---

[1]) Вл. ст. № 75 лл. 244—247. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 226—227.

Еще черезъ мѣсяцъ въ отпискѣ, полученной на Тулѣ ⁸/VIII, Зюзинъ продолжалъ жаловаться на то, что вопросъ о недосланныхъ солдатахъ и дьячкѣ все еще не уладился. Ни зелья, ни пулекъ, ни фитилю до этого срока онъ тоже не получалъ. Зюзинъ обвинялъ козельскаго воеводу въ томъ, что онъ не присылалъ къ нему дьячка «для своей бездѣльной корысти». Князь Бѣлосельскій продолжалъ держать десятокъ солдатъ, перехваченныхъ у Зюзина, у себя «изволомъ», «а имянъ ихъ тѣхъ солдатовъ десети человѣкъ у него (Бѣлосельскаго) нѣтъ». На Тулѣ положили помѣту: «Отписать, велѣть нѣтчиковъ салдатовъ выслать, и дьячка послать, и порохъ, и пульки, будетъ не послано(!), послать»[1].

Но и въ концѣ августа недоразумѣніе съ 10 солдатами и дьячкомъ все еще никакъ не удавалось распутать. Бѣлосельскій отвѣчалъ Зюзину, что спорные 10 солдатъ написаны на его Столпицкую засѣку, и что ихъ въ спискѣ у Зюзина нѣтъ. «А пишу я, обращался Зюзинъ къ Черкасскому, къ вамъ о тѣхъ солдатохъ и не въ одной отпискѣ, очищаю себе, что тѣ салдаты написаны у меня въ списку на Ясенецкой засѣкѣ, а посланы, господа, въ чоткѣ противъ иныхъ засѣкъ, а зелья, господа, и пульки и фетиль по г. указу отъ васъ ко мнѣ присланы на 52 человѣка. И вамъ бы, господа, о тѣхъ салдатохъ мнѣ указъ учинить. Да я жъ, господа, къ вамъ писалъ о дьячкѣ и о пушкаряхъ и не въ одной отпискѣ»... Кутузовъ прислалъ, наконецъ, къ Зюзину дьячка, стрѣльцова сына, —«и тотъ, господа, дьячокъ, плакался Зюзинъ, не токмо что пишетъ, и грамотѣ одва умѣетъ». Пушкарей Бѣлосельскій прямо отказался прислать къ нему. «И вы, господа, а томъ мнѣ какъ укажете, чтобы затѣмъ г. дѣла не стали, за дьячкомъ и за пушкори, что писать стало некому, и посылать къ вамъ, бояромъ, стало неково съ отписками», кончалъ Зюзинъ отписку. На Тулѣ положили такую помѣту: «147-го сентября въ 1 день. По сей отпискѣ къ Ѳедору Зюзину писано, что про салдатъ велѣно допросить окольничему князю Семену Васильевичу Прозоровскому полковника Фалентина (т.-е. Росформа), почему онъ тѣхъ салдатъ перемѣнилъ. А дьячку велѣно быть тому, которой присланъ, а пушкарей велѣно выслать». Другая помѣта гласила: «Отписать, что о салдатѣхъ писано къ полковнику къ Фалентину Росформу»[2].

Окончаніе засѣчныхъ работъ въ 1638 г.

⁵/IX Черкасскій донесъ въ Москву объ окончаніи работъ на звеньяхъ, непосредственно порученныхъ руководству и надзору тульскаго штаба.

---

[1]) Вл. ст. № 76 лл. 194—196 и 197—198. [2]) Вл. ст. № 76 лл. 166—167.

Относительно другихъ отдѣловъ черты Черкасскій писалъ, что часть дозоровъ получена имъ, и что по поступленіи всѣхъ дозоровъ онъ составитъ «большой чертежъ» и представитъ его въ Разрядъ. 15/IX «въ шестомъ часу ночи» была получена на Тулѣ отвѣтная грамота изъ Разряда, дававшая оцѣнку работъ на чертѣ. «И то ты, бояринъ нашъ и воевода, князь Иванъ Борисовичъ, писали изъ Разряда, учинилъ добро, что товарыщей своихъ, боярина нашего и воеводу князя Олексѣя Михайловича Львова и околничево нашего и воеводу Васплья Ивановича Стрѣшнева, засѣкъ, которые довелись вамъ вѣдать, дозирать посылалъ. Да и то учинилъ добро жъ, которые засѣки по росписке довелись вѣдать бояромъ нашимъ и воеводамъ по мѣстомъ, и ты къ бояромъ нашимъ и воеводамъ писалъ, чтобъ они потому жъ засѣкъ дозрили сами. И намъ, великому государю, ваша бояръ нашихъ и воеводъ, тебя боярина нашего и воеводы князя Ивана Борисовича съ товарыщи, служба и радѣнье вѣдомо, что то наше великое дѣло и земское, Завитай земляной, додѣланъ весь, и башни по Завитаю здѣланы, и за землянымъ Завитаемъ ровъ выкопанъ и вычищенъ, и совсѣмъ Завитай отдѣланъ. И иные засѣки, по отпискамъ засѣчныхъ воеводъ, августа по 31 число всѣ здѣланы и совсѣмъ укрѣплены вашею бояръ нашихъ и воеводъ, тебя боярина нашего и воеводы князя Ивана Борисовича съ товарыщи, къ намъ, великому государю, и ко всему Московскому государству прямою службою и радѣньемъ и бодроопаснымъ вашимъ строеньемъ, и чаемъ тѣми всѣми крѣпостми впередъ православнымъ крестьяномъ отъ бусурманъ защиты. И за ту вашу службу и за промыслъ и за болшое строенье мы, великій государь, васъ, бояръ нашихъ и воеводъ, князя Ивана Борисовича съ товарыщи, похваляемъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ, бояре наши и воеводы, князь Иванъ Борисовичъ съ товарыщи, исполняя къ намъ службу свою, нашимъ и земскимъ дѣломъ и впередъ промышляли по нашему указу и смотря по тамошнему дѣлу, какъ васъ Богъ вразумитъ. А какъ бояре наши и воеводы изо всѣхъ мѣстъ и засѣчные воеводы ото всѣхъ засѣкъ чертежи къ вамъ пришлютъ, и вы бъ, бояре наши и воеводы, князь Иванъ Борисовичъ съ товарыщи, тѣ всѣ ихъ чертежи велѣли внести въ одинъ въ большой чертежъ и тотъ чертежъ и засѣкамъ всѣмъ роспись прислали бъ есте къ намъ къ Москвѣ. А которыхъ городовъ посадцкіе люди, и дворцовыхъ селъ, и чорныхъ волостей, и патріаршихъ, и архіепискуплихъ, и епискуплихъ, и монастырскихъ вотчинъ, и бояръ нашихъ, и околничихъ, и думныхъ людей, и столниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и дьяковъ, и приказныхъ людей, и жилцовъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всякихъ чиновъ людей вотчинныхъ и помѣсныхъ земель сошные люди

и у которыхъ мѣстъ засѣчное дѣло дѣлали, и которые сошные люди зачѣмъ у засѣчново дѣла не были, и вы бъ, бояре наши и воеводы, князь Иванъ Борисовичъ съ товарыщи, тѣмъ всѣмъ людемъ отъ засѣкъ и изъ городовъ воеводамъ и приказнымъ людемъ тому всему велѣли прислати къ себѣ книги за ихъ руками и тѣ книги прислали бъ есте къ намъ къ Москвѣ, чтобъ про то вѣдать, которые сошные люди засѣки дѣлали, и которые сошные люди и зачѣмъ у засѣчново дѣла не были. А гдѣ, по вашему розсмотрѣнью, межъ земляново валу и острогу впередъ надобно поставить надолобы, и вы бъ, бояре наши и воеводы, князь Иванъ Борисовичъ съ товарыщи, къ тому дѣлу выбрали дворянина добра, ково пригожъ, и приказали тому дворянину, чтобъ онъ на надолобное дѣло нынѣ по осени лѣсъ изготовилъ тулскими сошными людми и по зимѣ бъ тотъ лѣсъ вывезъ къ тому мѣсту, гдѣ быть надолобамъ, потому жъ сошными людми исподоволи, безъ налоги и безъ убытковъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7147-го септября въ 12 день.» [1])

Слѣдомъ за тѣмъ изъ Москвы былъ присланъ приговоръ по дѣламъ провинившихся и сидѣвшихъ на Тулѣ за приставами воеводъ Ив. Вельяминова и М. Колтовского. Рѣшеніе было принято суровое. «И по нашему указу, гласила грамота, бояре наши приговорили Ивана Вельяминова и Михаила Колтовского казнить смертью за то: По нашему указу Иванъ Вельяминовъ и Михайло Колтовской посланы были къ засѣкамъ для нашего и земского великого дѣла, чтобъ для береженья отъ приходу крымского царя и крымскихъ и нагайскихъ людей засѣки засѣчи и всякими крѣпостьми засѣки укрѣпить, чтобъ засѣками отъ бусурмановъ, отъ крымскихъ и отъ нагайскихъ воинскихъ людей въ наше государство ходъ отнять и православныхъ крестьянъ отъ войны заступить и въ плѣнъ и въ расхищенье православныхъ крестьянъ не выдать. И на отпускѣ, какъ они были нашего царскаго величества у руки, имъ сказано, чтобъ они намъ послужили, для избавы крестьянскіе засѣчнымъ дѣломъ промышляли съ великимъ радѣньемъ неоплошно. Да и въ наказѣхъ у нихъ по нашему указу написано: велѣно имъ засѣчнымъ дѣломъ промышлять съ великимъ радѣньемъ и поспѣшеньемъ, а себѣ въ томъ засѣчномъ дѣлѣ корысти не получить, а будетъ они засѣчнымъ дѣломъ замѣшкаютъ и съ сошныхъ и з даточныхъ и съ уѣздныхъ людей учнутъ имать посулы, лготя сошнымъ людемъ въ засѣчномъ дѣлѣ, а послѣ про то сыщетца, и имъ быть кажненымъ смертью, а помѣсья ихъ и вотчины велятъ роздать въ роздачю бесповоротно мимо жонъ ихъ и роду. И они, Иванъ и Михайло,

---

[1]) Сѣв. ст. № 111 лл. 157—162.

забывъ Бога и наше крестное цѣлованье и не памятуя нашего царского приказу, воровали, будучи у засѣчново дѣла, для своей корысти засѣчнымъ дѣломъ мѣшкали и съ сошныхъ людей имали посулы. И мы, великій государь, для прошенья благовѣрныхъ царевичей нашихъ, князя Алексѣя Михайловича и князя Ивана Михайловича, смертную казнь имъ отдали и велѣли ихъ за ихъ воровство на Тулѣ по торгомъ бити кнутомъ нещадно. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ, бояре наши и воеводы, князь Иванъ Борисовичъ съ товарыщи, велѣли Ивану Вельяминову и Михайлу Колтовскому у съѣзжіе избы при столникѣхъ и при стряпчихъ и при всякихъ служилыхъ и жилетцкихъ людѣхъ ихъ воровство противъ сей нашей грамоты сказати вслухъ. Да имъ жъ велѣли бъ есте сказати при всѣхъ жъ людѣхъ вслухъ, что имъ по нашему указу за ихъ воровство впередъ въ московскихъ дворянѣхъ быти не велѣно, а велятъ имъ служить з городы. А сказавъ Ивану Вельяминову и Михайлу Колтовскому ихъ воровство, велѣли на Тулѣ по торгомъ бити кнутомъ нещадно безъ пощады, чтобъ, на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать. А бивъ кнутомъ, велѣти Ивана Вельяминова и Михайла Колтовского на Тулѣ посадить въ тюрму до нашего указу. А что Иванъ Вельяминовъ и Михайло Колтовской по сыску васъ, бояръ нашихъ и воеводъ, князя Ивана Борисовича съ товарыщи, съ ково взяли посулныхъ денегъ, и вы бъ на Иванѣ Вельяминовѣ и на Михайлѣ Колтовскомъ тѣ посулные денги, вымая ис тюрмы въ день, велѣли доправить вдвое и велѣли тѣ денги отдать тѣмъ, у которыхъ людей они посулы имали. А какъ Ивану Вельяминову и Михайлу Колтовскому по нашему указу за ихъ воровство наказанье учините, и вы бъ о томъ къ намъ отписали с-ыными нашими дѣлы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7147-го сентября въ 18 день»[1]).

Такъ поплатились за свои грѣхи воеводы Веркушской и Кортосеневской засѣкъ. Гр. Гомзяковъ и дьячокъ Ив. Павловъ были наказаны по распоряженію самого Черкасскаго съ товарищи: оба были по торгамъ биты кнутомъ и вкинуты въ тюрьму. Гомзякова выпустили черезъ недѣлю: «для тово, что учалъ быть боленъ.» Взятыя съ дѣлсевцовъ Гомзяковымъ и Павловымъ деньги велѣно было на нихъ доправить[2]). Изъ сохранившагося дѣлопроизводства не видно, какъ поплатились за такія же вины воеводы Снецкой и Почесской засѣкъ З. Шишкинъ и Т. Боборыкинъ. Въ моментъ отправленія цитированной грамоты Разряда по дѣламъ Вельяминова и Колтовского судьба Т. Боборыкина еще не была рѣшена. 19/IX Разрядъ распорядился выслать въ Москву сидѣвшаго на Тулѣ за приставомъ

---

[1]) Сѣв. ст. № 111 лл. 183—185. [2]) Сѣв. ст. № 111 лл. 188—189.

Т. Боборыкина вмѣстѣ съ двумя его людьми Андрюшкой и Влаской и препроводить разспросныя рѣчи лицъ, обвинявшихъ Боборыкина во взяточничествѣ[1]), и показанія Боборыкина, сдѣланныя имъ на Тулѣ «съ очей на очи» съ его обвинителями[2]).

Въ сентябрѣ же начался и общій разъѣздъ съ Тулы. Были отозваны воеводы — начальники отдѣловъ черты: князья Пожарскій, Прозоровскій, Голицынъ и И. П. Шереметевъ, замѣненные своими товарищами. Въ послѣднихъ числахъ сентября Черкасскій распустилъ съ Тулы главный контингентъ боевыхъ силъ, оставивъ на позднюю осень нѣсколько небольшихъ отрядовъ подъ командой кн. Степана Гагина. Гагинъ пробылъ на Тулѣ до начала ноября. $^{10}/_{XI}$ Разрядъ распорядился отозвать его въ Москву, еще разъ сокративъ воинскія силы, охранявшія черту. Гагинъ сдалъ командованіе и боевые запасы тульскому воеводѣ И. И. Замыцкому. Въ ноябрѣ же Разрядъ отдалъ приказаніе кн. М. Г. Козловскому распустить мценскій отрядъ[3]).

Характеръ управленія ходомъ работъ на чертѣ въ 1638 г.

Итакъ, общее направленіе дѣла находилось въ рукахъ Разряда и стоявшихъ за нимъ Боярской думы и государя. Мы уже видѣли, что въ Разрядѣ былъ выработанъ общій планъ всего предпріятія, были составлены смѣты, и разработаны многія техническія подробности. Въ теченіе апрѣля и первой половины мая Разрядъ руководитъ всѣмъ ходомъ дѣла; только со второй половины мая, и то постепенно, онъ передаетъ надзоръ и контроль тульскому штабу и воеводамъ отдѣловъ.

Разъ установивъ планъ дѣйствій, Разрядъ отвѣчаетъ выраженіями неудовольствія на всякую попытку исполнительныхъ органовъ отклониться отъ этого плана. Изъ Разряда шлютъ замѣчаніе кн. Г. А. Волконскому за то, что онъ вздумалъ возражать противъ распоряженія ставить стоячій острогъ по гребню вала, какъ предписывалъ наказъ Разряда, упрекая его въ причиненіи излишнихъ тягостей посошнымъ людямъ[4]). На ходатайствѣ Т. Боборыкина о дополнительной присылкѣ дѣловцовъ примѣнительно къ прежнимъ расчетамъ въ Разрядѣ кладутъ сухую резолюцію: «...засѣки велѣно дѣлати не по старому, засѣку дѣлать по нынѣшнему государеву указу и наказу...» Ив. Вельяминову, который вздумалъ

---

[1]) Это были: крестьянинъ С. Грекова Мишка, «отставленой попъ» Андрей, дьячокъ и крестьянинъ кн. Д. Горчакова Павликъ. [2]) Сѣв. ст. № 111 лл. 183—185. [3]) Вл. ст. № 91 лл. 286—302, 308—309. [4]) Такое же замѣчаніе вызвало предложеніе Разряду своихъ совѣтовъ воеводой Сенецкой засѣки Ѳ. Зюзинымъ.

въ своей отпискѣ пуститься въ разсужденія на тему о томъ, что должна защищать порученная ему засѣка, отвѣчають изъ Москвы строгимъ выговоромъ за умничанье и за то, что его чертежи не были согласны съ данными ему указаніями.[1])

Строгій къ ошибкамъ и къ отсутствію слѣпого послушанія подчиненныхъ органовъ Разрядъ далеко не былъ непогрѣшимъ въ своихъ собственныхъ расчетахъ: въ главѣ о сборѣ дѣловцовъ приведены примѣры многочисленныхъ счетоводныхъ промаховъ Разряда, болѣзненно отражавшихся на населеніи и дурно вліявшихъ на ходъ дѣла. На неточность свѣдѣній и чертежей, сообщенныхъ изъ Разряда, очень выразительно жаловался кн. Пожарскій («тѣмъ голову съ насъ сняли».) Воеводамъ отдѣльныхъ звеньевъ то и дѣло, какъ мы видѣли, приходилось выяснять недоразумѣнія, возникавшія по винѣ Разряда. Не говоря уже объ ошибкахъ въ расчетахъ съ дѣловцами и ополченіемъ, Разрядъ нерѣдко въ своихъ наказахъ воеводамъ даетъ невѣрныя свѣдѣнія, и распоряженія его подчасъ противорѣчивы и невыполнимы. Хрущовъ съ Боровенской засѣки пишетъ, что значившихся въ его наказѣ башни и рва на мѣстѣ не оказалось. Отсутствіе башенъ, указанныхъ въ наказахъ Разряда, отмѣчаютъ и Карамышевъ на Слободецкой засѣкѣ и Колтовской на Кортосеневской. По нераспорядительности Разряда у Колтовского на звенѣ не оказалось ни головы ни сторожей, а засѣчному головѣ Страхову приказано было одновременно оберегать и Кортосеневскую и Щегловскую засѣки. Воеводѣ Полошевской засѣки, Потемкину, пришлось выяснять путаницу въ припискѣ къ его засѣкѣ селеній и т. д.

Обычно наставленія Разряда воеводамъ не отличались сложностью и мало входили въ технику дѣла, состоя изъ довольно простыхъ указаній: «править нещадно» ,«править безо всякой пощады», «бить батоги нещадно» и «бить кнутомъ по торгомъ» — въ случаяхъ, напримѣръ, тугой высылки дѣловцовъ на черту. Впрочемъ, иногда, исчерпавъ запасъ угрожающей фразеологіи по адресу воеводъ, Разрядъ сдавался, мирился съ дѣйствительностью и шелъ на послабленія, предписывая даже задерживать сборъ, какъ было, напримѣръ, на Каширѣ. Изрѣдка Разрядъ расщедривался и на похвалы. Такъ, на отпискѣ дѣдиловскаго воеводы была положена резолюція: «отписать: что собралъ, то добро»; или на отпискахъ каширскаго и веневскаго воеводъ — «что собралъ .... и то учинилъ добро».

[1]) С. Волынскому, хлопотавшему о присылкѣ къ нему плотниковъ, изъ Разряда отвѣчаютъ очень холодно: «плотники у засѣчново дѣла николи не живутъ». Случалось, что воеводамъ просто не отвѣчаютъ на ихъ домыслы, а иногда выговоры за «сообразительность» доставались воеводѣ съ двухъ сторонъ, съ Москвы и съ Тулы.

Кромѣ руководства работами на чертѣ, Разрядъ занятъ также мѣрами, направленными къ охранѣ засѣкъ. Онъ отдаетъ, напримѣръ, распоряженіе «бить кнутомъ и пометать на три дня въ тюрьму» болховскихъ дѣтей боярскихъ, ѣздившихъ черезъ заповѣдный лѣсъ Дубенской засѣки, накладывавшихъ черезъ засѣки дороги и сметывавшихъ надолобы. Такія же мѣры Разрядъ предписываетъ принять и противъ крестьянъ Верхоруцкой волости, производившихъ порухи на той же Дубенской засѣкѣ («заказъ крѣпкой подъ смертною казнію»), запрещая, однако, засѣчному воеводѣ самостоятельно вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся дворцовыхъ крестьянъ: сношенія съ администраціей дворцовыхъ селъ Разрядъ ведетъ черезъ Большой дворецъ. Черезъ Разрядъ же проходило рѣшеніе вопросовъ о преданіи суду провинившихся воеводъ.

Столь же всеобъемлющій характеръ имѣла и дѣятельность тульскаго штаба. Огромное большинство резолюцій Черкасскаго, клавшихся на поступавшихъ въ Тулу отпискахъ нѣсколькихъ десятковъ городовыхъ и засѣчныхъ воеводъ, имѣютъ стереотипный характеръ: все это — простыя понуканія съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ вразумительныхъ наставленій. На отпискѣ воеводы Веркушской засѣки—такая типичная резолюція: «Да и про то къ нему отписать, что онъ такими многими людьми дѣлаетъ мѣшкотно, мошно было ему такими людьми давно отдѣлать: из-ыныхъ мѣстъ пишутъ — немногими людьми дѣлали, и засѣчные дѣла въ отдѣлкѣ.» Обычная форма выговоровъ: «отписать съ осудомъ .... ево дуростью учинена мѣшкота, не выслалъ (или: не сдѣлалъ) для своей бездѣльной корысти... знатно, что по посуломъ» и т. д. Неудовольствіе со стороны Черкасскаго вызывалось иногда несоблюденіемъ формы дѣлопроизводства. И. Вельяминовъ (въ тотъ моментъ, когда онъ еще не былъ отданъ подъ судъ) получилъ выговоръ за то, что послалъ свои показанія на Тулу, минуя сыщика Елизарова. Воевода Оленковской засѣки кн. И. Л. Шаховской названъ дуракомъ за то, что не поставилъ въ заголовкѣ отписки своего имени. Но иногда и на Тулѣ страдали забывчивостью, и адресатъ хлопоталъ о томъ, чтобы впредь имя его называлось въ заголовкахъ грамотъ Черкасскаго (Як. Истоминъ на Кцынской засѣкѣ). Въ маѣ Черкасскій пугаетъ воеводъ, сообщая имъ о томъ, что «слухъ носится» о злоупотребленіяхъ администраціи на засѣчныхъ работахъ. Въ потребныхъ случаяхъ Черкасскій, слѣдуя примѣру Разряда, столь же щедро отмѣриваетъ батоги и кнутъ,[1]) какъ это дѣлаютъ и на Москвѣ. Но на Тулѣ никогда не берутъ на себя рѣшенія вопросовъ объ оштра-

---

[1]) Напримѣръ, за неявку рязанскихъ дѣловцовъ.

фованія или удаленія провинившихся воеводъ и сносятся въ такихъ случаяхъ съ Москвой[1]). Самостоятельно на Тулѣ рѣшаютъ вопросы объ окончательномъ отпускѣ дѣловцовъ, отдѣлавшихъ свои доли, о временномъ отпускѣ дѣловцовъ по домамъ для рабочей поры, о мѣрахъ къ охранѣ засѣчнаго лѣса, распоряжаются о карахъ за порухи въ заповѣди (на Малиновой и Заупской засѣкахъ), о снабженіи засѣчныхъ воеводъ бумагой. Черкасскій разверстываетъ участки черты между засѣчными воеводами и воеводами отдѣловъ, расписываетъ селенія между отдѣльными засѣками, устанавливаетъ порядокъ работъ и даже разверстаніе долей между отдѣльными группами дѣловцовъ и т. д. Интереснѣе, но и малочисленнѣе чисто техническія указанія тульскаго штаба. Такъ, въ перепискѣ съ Голицынымъ Черкасскій входитъ въ обсужденіе вопроса о мѣстѣ постановки острога на Боровенской засѣкѣ; въ самомъ началѣ своего завѣдыванія работами тульскій штабъ циркулярно распорядился на всѣхъ засѣкахъ дѣлать остроги «со всѣхъ четырехъ сторонъ, смотря по мѣсту» и т. д..

Порядокъ сношеній засѣчныхъ воеводъ и даже воеводъ отдѣловъ по поводу сбора дѣловцовъ съ городовыми воеводами — даже тѣхъ городовъ, гдѣ они сами находились (напримѣръ, кн. Пожарскаго съ рязанскимъ воеводой), — черезъ Тулу былъ причиной промедленія въ теченіи дѣлъ, волокиты и канцелярщины; централизація неизбѣжно создавала и умножала переписку. Но, быть можетъ, и нельзя было купить другой цѣной единства, согласованія и сцѣпленія въ такомъ сложномъ дѣлѣ.

Положеніе воеводъ, завѣдывавшихъ крупными отдѣлами засѣчной черты, не отличалось опредѣленностью. Поставленные между двухъ огней, между московскимъ и тульскимъ начальствомъ, понукаемые и оттуда и отсюда, лишенные прямой власти по отношенію къ мѣстнымъ уѣзднымъ и засѣчнымъ воеводамъ, они должны были поневолѣ ограничиваться усиленными канцелярскими сношеніями и составленіемъ дозоровъ и чертежей. Воеводамъ отдѣловъ пришлось быть не столько устроителями черты, сколько критиками и цѣнителями чужихъ работъ, лишенными непосредственной распорядительной власти. Усердные воеводы (Пожарскій, Прозоровскій), сами разъѣзжаютъ по чертѣ, а нерадивый Шереметевъ ограничивается простой перепиской и пересылкой поступавшихъ къ нему донесеній засѣчныхъ воеводъ.

---

[1]) Черкасскій не беретъ на себя даже рѣшенія вопроса объ утвержденіи письменныхъ пропусковъ, установленныхъ Голицынымъ на его отдѣлѣ.

Заслуженный кн. Д. М. Пожарскій, принимавшій дѣло къ сердцу, не можетъ добиться исправной высылки рязанскихъ нѣтчиковъ и принужденъ жаловаться на неповинующагося ему рязанскаго воеводу на Тулу; за отсутствіемъ чертещика онъ не въ состояніи сладить съ чертежомъ, а за опозданіе съ высылкой его получаетъ выговоръ отъ Черкасскаго. Его попытка проявить нѣкоторую инициативу и добиться увеличенія числа дѣловцовъ на рязанскихъ звеньяхъ вызываетъ со стороны Черкасскаго ироническую резолюцію. Кн. С. В. Прозоровскій боится самостоятельности даже въ вопросѣ о томъ, куда послать вѣстовщиковъ, гдѣ выбрать мѣсто для острога, и какъ воздѣйствовать на нѣтчиковъ. Рязанскихъ дѣтей боярскихъ, работавшихъ на отдѣлѣ Прозоровскаго, Черкасскій снимаетъ съ работъ безъ его вѣдома. Прозоровскій ничего не можетъ подѣлать и съ двумя крупно провинившимися подчиненными ему засѣчными воеводами И. Вельяминовымъ и Т. Боборыкинымъ. Онъ устремилъ главное вниманіе на свои собственные дозоры, не разъ осмотрѣлъ порученныя ему звенья своими глазами и далъ любопытное топографическое описаніе ихъ. И. П. Шереметевъ оправдалъ на засѣчныхъ работахъ 1638 г. свою очень неважную репутацію: обидчиво перекоряясь со своими товарищами изъ-за мелкихъ мѣстническихъ счетовъ, онъ не въ состояніи справиться своимъ умомъ съ перевозкой наряда и сообразить, гдѣ поставить стоялый острогъ. Не выполнивъ во-время, несмотря на всѣ понуканія съ Тулы, чертежа порученнаго ему отдѣла, Шереметевъ принужденъ оправдываться передъ Черкасскимъ, ссылаясь на приключенія со своимъ конемъ. Не въ мѣру остороженъ и кн. И. А. Голицынъ, не рѣшающійся самостоятельно отпустить отдѣлавшихъ свои доли малоярославскихъ и медынскихъ дѣловцовъ и не знающій, какъ ему воздѣйствовать на неисправныхъ воеводъ. Его инициатива выразилась только въ заведеніи особыхъ пропусковъ съ печатями для проѣзда черезъ черту. Голицынъ трижды объѣхалъ свой отдѣлъ, но не рѣшился самостоятельно выбрать себѣ стоянку на случай татарскаго набѣга.

Въ отвѣтѣ за ходъ работъ на засѣчныхъ звеньяхъ были воеводы отдѣльныхъ засѣкъ. Вся тяжесть административной задачи ложилась на нихъ. Передъ ними были наибольшія трудности и наибольшія искушенія. Въ ихъ отношеніи къ дѣлу можно подмѣтить индивидуальныя черты: рядомъ съ плутами Боборыкинымъ, Вельяминовымъ, Колтовскимъ видимъ усердныхъ и дѣловыхъ работниковъ — напримѣръ, В. Чевкина, кн. Г. Волконскаго, кн. И. Шаховского, кн. В. Болховского и особенно Ив. Благово, оставившаго рядъ столь выразительныхъ отписокъ со своей Кцынской засѣки.

Засѣчные воеводы производятъ смотры прибывшимъ дѣловцамъ, розмѣряютъ» засѣчное дѣло, т.-е. разверстываютъ работы между дѣловцами, соображаютъ размѣры работъ на своихъ участкахъ съ количествомъ назначенныхъ и явившихся на ихъ звенья дѣловцовъ, нерѣдко предупреждая Москву и Тулу о невозможности справиться съ задачей находившимися въ ихъ распоряженіи силами (напр., кн. В. Болховской, кн. Н. Бѣлосельскій, Ѳ. Зюзинъ). Они борются съ гульбой и съ разбѣгами посохи, — о разбѣгахъ жалобы идутъ почти со всѣхъ звеньевъ, особенно съ восточныхъ, гдѣ количество дѣловцовъ было очень значительно, — воюютъ съ торговлей виномъ между дѣловцами (Вельяминовъ, Волынскій, кн. Горчаковъ), хлопочутъ о снабженіи подымовнаго ополченія огнестрѣльнымъ оружіемъ. Интересны многочисленныя техническія соображенія, разсыпанныя въ отпискахъ засѣчныхъ воеводъ. Воеводы, переписывающіеся съ Тулой, обсуждаютъ вопросы о глубинѣ и ширинѣ рва (Бобрищевъ-Пушкинъ), «о перехватываніи» дорогъ и стежекъ (Боборыкинъ, кн. Шаховской и др.), о ширинѣ засѣчнаго завала (Потемкинъ, кн. Барятинскій), о замѣнѣ заваловъ запрудой (Благово, Рязановъ), рва надолобами (Зубовъ), плетня острогомъ (В. Чевкинъ), о порядкѣ укрѣпленія воротъ (Рязановъ). Кн. Г. Волконскій представилъ обстоятельныя возраженія противъ постановки стоячаго острога по гребню вала и т. д.

Засѣчные воеводы часто въ одиночку безъ помощниковъ хлопочутъ и дѣлаютъ, что могутъ, на своихъ звеньяхъ, растянувшихся на десятки верстъ. Невольная досада заставляетъ иной разъ засѣчныхъ воеводъ самихъ вмѣшиваться въ сборъ дѣловцовъ — чешутся руки! — какъ было на Веневѣ и въ Лихвинѣ, вмѣсто обращенія къ перепискѣ съ Тулой, но за это они получаютъ выговоры. Нерѣдко въ отпискахъ воеводъ звучитъ голосъ отчаянія, и выражается сознаніе безсилія что-либо сдѣлать въ условіяхъ, въ которыя они поставлены. У Карамышева на засѣкѣ нѣтъ контаря и безмена, то-и-дѣло воеводы сидятъ безъ бумаги и безъ разбѣгающихся отъ нихъ дьячковъ. «За нужу сами мораемъ — пишемъ, и то описливо и худо», жалуется Благово. У Зюзина нѣтъ ни дьячка, ни ратныхъ людей, ни пушкарей, ни разсыльщиковъ, ни стрѣльцовъ; некого и послать въ уѣздъ съ отписками.

На ряду съ ближайшими помощниками засѣчныхъ воеводъ (засѣчные головы, приказчики и дѣти боярскіе, откомандированные въ ихъ распоряженіе) у посохи были и свои выборныя власти — десятскіе, сотскіе и старосты, которые являлись представителями дѣловцовъ передъ воеводами, но дѣятельность ихъ (кромѣ случаевъ, когда они передавали

воеводамъ посулы) не поддается ближайшему опредѣленію. Настоящіе же герои дѣла — это тѣ 20,000 дѣловцовъ, которые работали на чертѣ часто безъ хлѣба и безъ корма для своихъ лошадей[1]), въ водѣ и въ грязи «выше пояса»[2]), принужденные забрасывать свои полевыя работы, обираемые администрацiей и подчасъ вынужденные кормиться милостыней.[3])

Состояніе засѣчной черты въ 1638 г.

Оглянемся теперь на сообщаемыя изученной перепиской данныя о характерѣ мѣстности, по которой проходила черта, и на итоги совершенныхъ за лѣто 1638 г. работъ.

Отдѣльныя засѣки возстановленной лѣтомъ 1638 г. на протяженіи 297 верстъ 929 саженъ (595 верстъ 429 саженъ по современному счету) засѣчной черты были очень различны по своему топографическому характеру. Черта начиналась Вожской засѣкой около устья р. Вожи на поросшей кустарникомъ и покрытой озерами и болотами поймѣ р. Оки. Первыя звенья черты были прикрыты густымъ лѣсомъ и болотами, въ изобиліи окаймлявшими нижнее и среднее теченія р. Вожи. Въ этомъ районѣ, обильномъ природными средствами защиты, не хватало только крупнаго дубоваго лѣса, требовавшагося на острогъ и надолобы. На третьемъ, западномъ, участкѣ Вожской засѣки лѣсъ рѣдѣлъ, такъ что, по образному выраженію воеводской отписки, «отъ черты до черты человѣка видѣть», — здѣсь были «пущіе проломы», «самыя худыя мѣста» черты. Въ топяхъ и болотахъ не было недостатка только вдоль теченія р. Полной. Мѣстами встрѣчались рощи крупнаго дуба, «дубровы рѣдкія», но въ промежуткахъ между ними было много перелоляпья, обнажавшаго черту. Кое-гдѣ укрѣпленія проходили здѣсь по такимъ топкимъ мѣстамъ, что дѣловцамъ приходилось работать по поясъ въ водѣ. Красносельская засѣка была лишена естественныхъ защитныхъ средствъ, ее прикрывали искусственными сооруженіями, завалами и надолобами, что и вызвало назначеніе на это звено исключительно большого количества посохи (3355 чел.). Столь же опасной по отсутствію природныхъ загражденій была и «испробитая» стежками и дорогами Почесская засѣка, на которой не встрѣчалось ни озеръ, ни болотъ, ни ржавцевъ, — «все мѣсто сухое». Не было на ней и лѣса: старый лѣсъ былъ вырубленъ на прежнія укрѣпленія,

---

[1]) Жалоба каширянъ. [2]) Отписки В. Чевкина. [3]) Отписки кн. Гр. Волконскаго.

а молоднякъ еще не успѣлъ подрасти. На Оленковской засѣкѣ въ заповѣдномъ лѣсу были «порчи многія», а на Веркушской — «и проломы, и дороги многія, и степныя мѣста, на которыхъ сакмы татарскія.» Кортосеневская засѣка была защищена топкими рѣчками, а проломы можно было закрыть лѣсомъ, въ изобиліи росшимъ на этомъ звенѣ черты. Воевода насчиталъ здѣсь только три мѣста, на которыхъ лѣсъ былъ рѣдокъ, и которыя требовали особыхъ заботъ. Большимъ чернымъ лѣсомъ была прикрыта и Щегловская засѣка, — ее пришлось укрѣплять надолобами только кое-гдѣ на полыхъ мѣстахъ, на переполяньѣ и тамъ, гдѣ лѣсъ выгорѣлъ. Мѣстами надолобы на ней были замѣнены острогомъ. Лежавшая на западъ отъ Тулы Малиновая засѣка была ограждена лѣсомъ, «непробитымъ стежками»; по поймѣ р. Упы шли тройныя надолобы и частикъ; «крѣпкихъ мѣстъ, озеръ и болотъ», за исключеніемъ одного только болота около самой Упы, на этомъ звенѣ не было. Заупская, Сенцкая, Полошевская, Семеновская, Уляжская и Боровенская засѣки были хорошо прикрыты лѣсомъ. Заупская засѣка мѣстами цѣплялась за р. Упу и за нѣсколько «верховъ», но вообще на всѣхъ этихъ звеньяхъ озеръ, болотъ, ржавцевъ и топкихъ мѣстъ было мало. Конецъ черты по восточную сторону р. Оки упирался въ окскую пойму близъ озера Сворливаго и былъ защищенъ болотами и надолобами. Лежавшая по западную сторону Оки Слободецкая засѣка была хорошо защищена естественными преградами: большимъ лѣсомъ, топкими рѣчками, колодезями и ржавцами. Почти не было прогаловъ и на слѣдующей за ней Столпицкой засѣкѣ — только посрединѣ ея былъ безлѣсный холмъ, на которомъ лѣсного завала сдѣлать было не изъ чего. Болотъ на Столпицкой засѣкѣ не было, а рѣчки были такъ малы и мелки, что и конный и пѣшій могли перебираться черезъ нихъ «безъ мотчанья». Вырубленный въ прежнее время на завалы лѣсъ мѣстами успѣлъ подняться только въ «невеликое бревно». Большимъ чернымъ лѣсомъ отлично была защищена половина слѣдующей Дубенской засѣки; въ этомъ лѣсу къ тому же встрѣчались «многія рѣчки, и болоты, и мшары, и топкія мѣста, и колодези, и озера». Лѣсную половину Дубенскаго звена легко было укрѣпить лѣсной сѣчей, но другую, безлѣсную ея половину пришлось заграждать землянымъ валомъ. Хорошо были прикрыты лѣсомъ и двѣ послѣднія засѣки, Кцынская и Сенецкая, сливавшіяся съ Брянскимъ лѣснымъ массивомъ, на которыхъ возможно было засѣчь «валъ лѣсной безъ пропуску». Особенно «великъ и частъ» былъ лѣсъ на Сенецкой засѣкѣ.

Всего труднѣе и отвѣтственнѣе была задача укрѣпленія пропускныхъ мѣстъ по чертѣ, ея «воротъ». Въ 1638 г. были укрѣплены, не считая

Тульскихъ укрѣпленій, 21 ворота[1]). Кромѣ того, было устроено до десятка болѣе мелкихъ укрѣпленій[2]).

Изъ учета дѣловцовъ, явившихся на засѣки въ самое горячее для оборонительныхъ работъ время, въ маѣ и въ іюнѣ, видно, какъ преувеличены были соображенія первоначальной смѣты. На 2-мъ звенѣ Вожской засѣки вмѣсто предположенныхъ 1947 чел. работали около 1100 чел. (явилось 1240, сбѣжало 181), на Красносельской вмѣсто 3355 чел. — 1877, на Почесской вмѣсто 343 чел.—315, на Столпицкой вмѣсто 642 чел.— только 50 и т. д.[3]). Въ общемъ итогѣ число явившихся на работы дѣловцовъ едва ли значительно превысило половину смѣтныхъ предположеній.

Несмотря на недостатокъ дѣловцовъ, работы все же были окончены на большинствѣ засѣкъ къ половинѣ іюля, а на нѣкоторыхъ звеньяхъ даже въ маѣ (Уляжская засѣка) и въ іюнѣ (Семеновская, Слободецкая, Кцынская и Сенецкая засѣки). На августъ работы затянулись на засѣкахъ Красносельской, Боровенской и Дубенской, и не раньше августа, вѣроятно, были выполнены оборонительныя задачи на Малиновой и Полошевской. На Почесской и Столпицкой засѣкахъ работы шли еще и въ сентябрѣ.

Серьезныхъ мѣръ для обороны каждаго участка черты живой силой въ 1638 г. предпринято не было. Сборы подымовнаго ополченія производились вяло, а подходившіе на засѣки ополченцы были плохо вооружены своимъ домашнимъ «вогненнымъ боемъ». «Солдатъ» отправили только на Оленковскую, Веркушскую, Боровенскую, Дубенскую, Кцынскую и Сенецкую засѣки — всюду, кромѣ Боровенской засѣки, въ небольшомъ количествѣ. Артиллерію, кромѣ Тулы, видимъ на Вож-

---

[1]) Введенскія и Дураковскія на Вожской засѣкѣ, Волчьи на Красносельской, Почесскія на Почесской, Оленковскія на Оленковской, Граброновы и Княжія на Веркушской, Потетинскія или Потетины на Кортосеневской, Щегловскія на Щегловской, Малиновыя на Малиновой, Орловы на Заупской (Кураковскія ворота на той же засѣкѣ остались попрежнему закрытыми), Снецкія, Полошевскія, Семеновскія, Уляжскія, Боровенскія, Слободецкія, Столпицкія, Дубенскія, Кцынскія и Сенецкія на засѣкахъ соотвѣтствующихъ наименованій.

[2]) На берегахъ р. Вожи, р. Буровки, р. Полной, на Глѣбовскомъ проломѣ, около замка Вожской засѣки, на большой Веневской дорогѣ, на Кортосеневской з., на Щегловскомъ изрогѣ, на берегу р. Упы на Заупской з. и около ея устья на Боровенской з., около колодезя Азовца на Слободецкой з.

[3]) Всего на 9 звеньевъ, относительно которыхъ есть точныя данныя (2-ое звено Вожской з., Красносельская, Почесская, Веркушская, Кортосеневская, Заупская, Снецкая, Столпицкая, Дубенская засѣки) явилось вмѣсто 10130 чел. — 5695, т.-е. 56% предположеннаго количества. Кромѣ дѣловцовъ, собранныхъ съ прилегающихъ къ чертѣ посадовъ и уѣздовъ, на засѣчныя работы по офиціальнымъ даннымъ было отправлено съ дворцовыхъ селъ 1860 чел., съ патріарха и властей— 856 чел., съ монастырей — 2971 чел. да со служилыхъ людей всего государства — 3162 чел., итого по счету Большого прихода 8949 (8849?) чел. (Р. И. Б. X, с.268—9.)

ской, Почесской, Оленковской, Веркушской, Полошевской, Уляжской, Боровенской и Слободецкой засѣкахъ. Главное вниманіе при распредѣленіи наряда и солдатъ было удѣлено, очевидно, лѣвому флангу черты и опаснымъ пролетамъ между Каширой и Тулой. Незначительность количества дѣловцовъ на Почесской, Оленковской и Веркушской засѣкахъ объясняется, вѣроятно, именно расчетомъ на артиллерійское вооруженіе этихъ звеньевъ и на живыя боевыя силы, стоявшія на Веневѣ и Тулѣ.

Засѣчная черта напоминала тѣ сказочныя преграды, которыя русская сказка любитъ бросать между своими героями и преслѣдующей ихъ злой силой. Но люди древней Руси знали, что только въ сказкѣ преграды эти вырастаютъ отъ взмаха полотенца или волшебнаго гребня, и настойчиво воздвигали и охраняли дѣйствительныя преграды и укрѣпленія, «засѣки». На охрану засѣчной черты они не жалѣли ни вниманія, ни матеріальныхъ средствъ, заботливо оберегая это дорогое средство самозащиты.

Хронологически черта была характернымъ продуктомъ XVI в.; въ XVII в. ея военное значеніе было уже дѣломъ прошлаго: набѣги рѣдко достигаютъ ея широты, а если и достигаютъ, то въ видѣ разрозненныхъ и безсильныхъ всплесковъ потерявшей свою энергію волны. Настоящая оборонительная работа съ 20-хъ годовъ XVII в. переносится на сотни верстъ далѣе къ югу, вызывая къ жизни новыя оборонительныя сооруженія по Быстрой Соснѣ, между Полнымъ Воронежомъ и Челновой, отъ Тамбова къ Битюгу и далѣе на югъ на широтѣ Бѣлгорода. Въ 30-хъ годахъ южные уѣзды быстро наполняются населеніемъ. Въ серединѣ 30-хъ годовъ при устройствѣ Козловскаго вала кн. Д. М. Пожарскій хлопоталъ о льготѣ для своихъ тамошнихъ крестьянъ, ссылаясь на то, что въ его козловской деревнѣ «мужичонки все пришлыя»[1]). Въ 1638 г. документы отмѣчаютъ стремленіе елецкихъ дѣтей боярскихъ уходить въ новые города и «верстаться по тѣмъ городамъ вновь»: ельчане тянутся въ Козловъ, Ефремовъ и Орловъ, откуда ихъ даже приходится возвращать обратно по прежнему мѣстожительству[2]). Въ 1630—1640 годахъ уѣздный

---

[1]) Вл. ст. № 74 л. 168. [2]) А. М. Г. II № 101.

служилый людъ энергично хлопочетъ объ офиціальномъ прекращеніи урочныхъ лѣтъ, въ которыхъ все еще теплилась старая идея крестьянскихъ переходовъ. Хлопоты ихъ показательны, одновременно какъ симптомъ извѣстнаго насыщенія южныхъ уѣздовъ крестьянскимъ населеніемъ и какъ симптомъ того, что рядомъ съ помѣстьемъ мелкаго служилаго человѣка появляется и опасный для него вліятельный сосѣдъ — москвичъ. По мѣрѣ наполненія этихъ уѣздовъ населеніемъ туда естественно передвигается и фокусъ оборонительныхъ заботъ московскаго правительства.

Какъ возникновеніе черты, такъ и ея поддержаніе было символомъ сформировавшагося въ XVI в. московскаго государственнаго и соціальнаго строя. Образованіе черты служило нагляднымъ выраженіемъ въ глазахъ всѣхъ чиновъ людей идеи московской государственности, понастоящему взявшейся за оборону подвластной московскому государю территоріи. Самый масштабъ этого дѣла долженъ былъ очень импонировать населенію, какъ импонировалъ онъ и чужеземнымъ наблюдателямъ. Черта, какъ учрежденіе, выражала тотъ моментъ въ развитіи московскаго строя, когда главное вниманіе вліятельныхъ слоевъ населенія и правительственной власти было направлено на Москву и на Замосковный край. Всѣмъ своимъ расположеніемъ черта говорила о стремленіи закрыть подступы къ центру государства: все, что лежитъ къ югу отъ черты, интересуетъ мало: важно схватиться съ врагомъ и задержать его на широтѣ Тулы и Рязани — забота, привычная еще съ конца XIV в.! Силы крестьянскаго населенія окрестныхъ уѣздовъ, расположенныхъ на сѣверъ и на югъ отъ черты стягиваются на оборону засѣкъ; вооруженные отряды въ Рязани, Тулѣ, Крапивнѣ, Одоевѣ частью сводятся туда на время военной тревоги изъ южныхъ уѣздовъ. Москва обороняетъ себя, свое запечье, а не своихъ колонистовъ, ушедшихъ искать удачи на цѣлинѣ черноземнаго юга, и едва ли ежегодная военная бутафорія «береговой» службы могла особенно импонировать вызванному для отправленія ея пронцу, михайловцу, мецнянину или воронежцу.

Связанное своей соціальной программой, сложившейся около Москвы, правительство вяло и нерѣшительно относится къ задачамъ наступательной политики. Упорно цѣпляясь за одеревенѣлыя формы обороны, за свою оборонительную скорлупу, надѣясь больше на колье и на дубье, чѣмъ на человѣка, разсчитывая не разбить, а увязить врага, Москва плохо умѣетъ поддерживать могучія силы, стоявшія въ авангардѣ народнаго движенія далеко на югѣ. Казаками Москва

пользуется преимущественно для сторожевой службы, не умѣя ихъ организовать и вооружить для активной борьбы съ Крымомъ. Воспитанная вѣками въ привычномъ тяготѣніи къ своему средоточію на берегахъ Москва-рѣки, офиціальная Москва со взглядами, прикованными къ Кремлю, подвигалась на югъ неувѣренно, точно пятясь: это была изнанка всепоглощающей системы московской централизаціи. Смыслъ этой политики выразительно сказался въ той гнѣвной грамотѣ, которой Разрядъ отвѣчалъ на умствованія одного изъ засѣчныхъ воеводъ (И. Вельяминова): «велѣно тебѣ лѣсной завалъ учинить и въ засѣчныхъ воротѣхъ острогъ и башня поставить, и всякими крѣпостьми засѣку укрѣпить для береженья *всево* Московскаго государства, а не для девяти деревень». Московское правительство съ успѣхомъ могло отнести къ общему направленію своей оборонительной политики то, что въ 1622 г. оно сердито выговаривало своимъ сплоховавшимъ воеводамъ, вмѣсто «прямого боя» съ татарами укрывавшимся по крѣпостямъ и оставившимъ уѣзды на произволъ набѣга [1]).

Стихійное народное движеніе къ «синему морю» шло неуклонно, но чрезвычайно медленно — не столько вслѣдствіе недостатка силъ въ самомъ населеніи, сколько вслѣдствіе неумѣнья и организаціонной косности московской правительственной политики. Оберегая свою гигантскую изгородь, свой «заборъ», какъ называлъ черту Рейтенфельсъ, свои «деревянныя стѣны», какъ выразился знакомый съ Геродотомъ англичанинъ Гамель, Москва хваталась за Вожу, Осетръ и Упу въ то время, какъ настоящая борьба самого населенія шла уже далеко-далеко на югѣ. Если черта въ XVII в. и содѣйствовала колонизаціи, то только очень своеобразно: распугивая ютившееся вокругъ нея населеніе тяжестью посохи и сгоняя его этимъ дальше на югъ.

---

[1]) Выговоръ этотъ гласилъ: «... А вы своею дуростью и нерадѣньемъ надъ такими надъ малыми людьми и въ такихъ ближнихъ мѣстехъ поиску никакого учинити не умѣли и православныхъ крестьянъ въ полонъ выдали поганцомъ. А вамъ было и безъ вѣстей пригоже быти со всѣми людми наготовѣ, потому что вы воеводы походные, и кой часъ про Татаръ вѣсть учинитца, и вамъ было того жъ часу на Татаръ наспѣхъ идти и воевать имъ не дать. Да и то вы сдѣлали простотою и глупостью: пришодъ къ Татарскимъ станомъ бливко, потому жъ ничего не здѣлали: на станѣхъ ихъ и въ суволокѣхъ не застали, и отъ становъ за Татары подъѣздовъ и головъ съ людми не послали, а сами по сакмѣ не пошли, и отворотныхъ воинскихъ людей нисколко не ожидали и устеречь ихъ не умѣли...» (К. Р. I, 853—860. Ср. А. М. Г. II. №225).

Отношеніе государства, цѣпко и упрямо налаживавшаго въ своихъ внутреннихъ порядкахъ крѣпостной строй, къ народной колонизаціи и ея интересамъ, конечно, и не могло быть прямымъ и открыто доброжелательнымъ: его политика по отношенію къ ней неизбѣжно была политикой кое-какъ налаживаемыхъ компромиссовъ. Мужицкую колонизацію правящая Москва терпѣла, съ ней волей-неволей мирилась — и только, а когда, наконецъ, послѣ многолѣтняго сомнѣнія власть бралась за дѣло обороны съ нѣкоторой энергіей, то стремилась скорѣе нагрузить эту колонизацію всей тяжестью громоздкихъ и мало дѣйствительныхъ средствъ обороны. Существованіе засѣчной черты въ тылу до извѣстной степени даже парализовало наступательную энергію московскаго правительства: въ XVII в. черта — не средство наступленія на югъ, а тормазъ на этомъ наступленіи. Народная колонизація дѣлала свое вѣковое дѣло почти безъ помощи правительственныхъ средствъ, и въ ея авангардѣ попрежнему стояла все та-же безстрашная мужицкая деревушка, которая когда-то первая встрѣтила въѣзжавшаго въ рязанскіе предѣлы Контарини. Временами, правда, на московское правительство находили какъ бы періоды раздумья, и оно начинало безпокоиться объ измѣненіи пріемовъ своей политики. Въ такомъ раздумьѣ наблюдаемъ его, напримѣръ, въ эпоху Азовскаго собора. Но не собравшись рѣшить вопроса въ теченіе тѣхъ пяти лѣтъ, пока казаки владѣли Азовомъ, Москва предпочла вмѣсто энергичнаго наступленія заняться реставраціей укрѣпленій засѣчной черты [1]).

Оглядываясь на оборонительную систему южнаго фронта Московскаго государства въ цѣломъ, поражаешься ея растянутостью, рыхлостью и особенно несогласованностью развѣдочной службы съ размѣщеніемъ московскихъ армій. Пестрый конгломератъ плохо между собою связанныхъ оборонительныхъ мѣръ нуждался въ уплотненіи и усиленіи внутренней связи. Система обороны должна была пріобрѣсти и болѣе устойчивый и болѣе упругій характеръ, а это могло быть достигнуто только черезъ сближеніе авангардной сторожевой службы съ системой постоянныхъ укрѣпленій, на которыхъ размѣщались боевыя силы. Для этого укрѣпленная линія обороны и вмѣстѣ линія расположенія постоянныхъ войскъ должна была быть передвинута далеко на югъ,

[1]) Интересный докладъ относительно количества людей и средствъ, необходимыхъ для удержанія Азова, см. въ статьѣ С. В. Рождественскаго въ «Сборникѣ, посвященномъ В. И. Ламанскому», стр. 96—103. Въ Москвѣ полагали, что для этой цѣли надо 10,000 чел. и 221,000 р.

на широту Бѣлгорода. Это перестроеніе обороны было дѣломъ уже второй половины XVII вѣка[1]).

---

[1]) Въ задачу настоящей работы не входитъ изображеніе судебъ засѣчной черты послѣ 1638 г., да очень отрывочный матеріалъ относящихся сюда документовъ изъ доселѣ приведеннаго въ извѣстность архивнаго наслѣдія Разряда и не открываетъ возможности дать такое изображеніе. До самаго конца XVII в. производились то частичные, то общіе дозоры ея, и возстановлялись ея разрушавшіяся укрѣпленія. Такъ, общіе дозоры и реставрація черты были предприняты въ 1659—1660 гг. и въ 1676—1679 гг., при чемъ оба раза образцомъ и руководствомъ служили расчеты 1638 г. (П. С. З. I № 254, 258 и II № 728; Д. А. И. VIII № 30 и 43. Въ документѣ подъ № 30 приводится любопытный подсчетъ штрафныхъ суммъ за срубленныя въ заповѣди деревья. За 15 лѣтъ, 171—186 гг., итогъ штрафовъ достигалъ 57520 р.!). Въ концѣ XVII в. черта находилась въ вѣдѣніи Пушкарскаго стола Рейтарскаго приказа, а въ началѣ XVIII в. въ вѣдѣніи Приказа артиллеріи (Бранденбургъ, Матеріалы для исторіи артиллерійскаго управленія въ Россіи. Приказъ артиллеріи, с. 252). При Петрѣ Великомъ (1696 г.) разрѣшается рубка засѣчныхъ лѣсовъ на казенныя надобности (Бѣлг. ст. 1447, I и 1455). Въ XVIII в. пространство черты находится въ вѣдѣніи общей мѣстной администраціи (Ю. В. Готье, Исторія областного управленія въ Россіи и пр., с. 372), но засѣчная стража уцѣлѣла до второй половины XVIII в.: засѣчные сторожа даже выбираютъ своего депутата въ Екатерининскую комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія (А. В. Флоровскій, Составъ законодательной коммиссіи 1767—74 гг., с. 433). Въ концѣ XVIII в. территорія Бѣлевскихъ засѣкъ распродается окрестнымъ владѣльцамъ (Бѣлевская вивліоѳика, II, с. 62 сл.). Уцѣлѣвшіе засѣчные лѣса нынѣ находятся въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ. Старыя названія засѣкъ перенесены на лѣсничества. Встрѣчаемъ лѣсничества Кортосеневское, Щегловское, Корницкое и т. д. (В. Н. Штурмъ, Тульскія засѣки, его же, Народно-хозяйственное, финансовое и лѣсоводственное значеніе тульскихъ засѣкъ, и Г. Ф. Морозовъ, Конспектъ лекцій по общему лѣсоводству, с. 97—104). Названіе «Липецкая засѣка» еще встрѣчается на картѣ, приложенной къ изданію: Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская губернія. Составилъ М. Барановичъ. С.-Пб. 1860.

Указатель географическихъ названій.

д. — деревня, с. — село, р. — рѣка, пуст. — пустошь.

Указатель личныхъ именъ.

ПОПРАВКИ.

На стр. 4-ой на 4-ой строкѣ снизу напечатано Симоновской, надо: Симеоновской.

На стр. 32-ой на 9-ой строкѣ сверху напечатано: Деревенскіе луга, надо Деренскіе луга. Та же поправка должна быть внесена и въ указатель на стр. 292-ой.

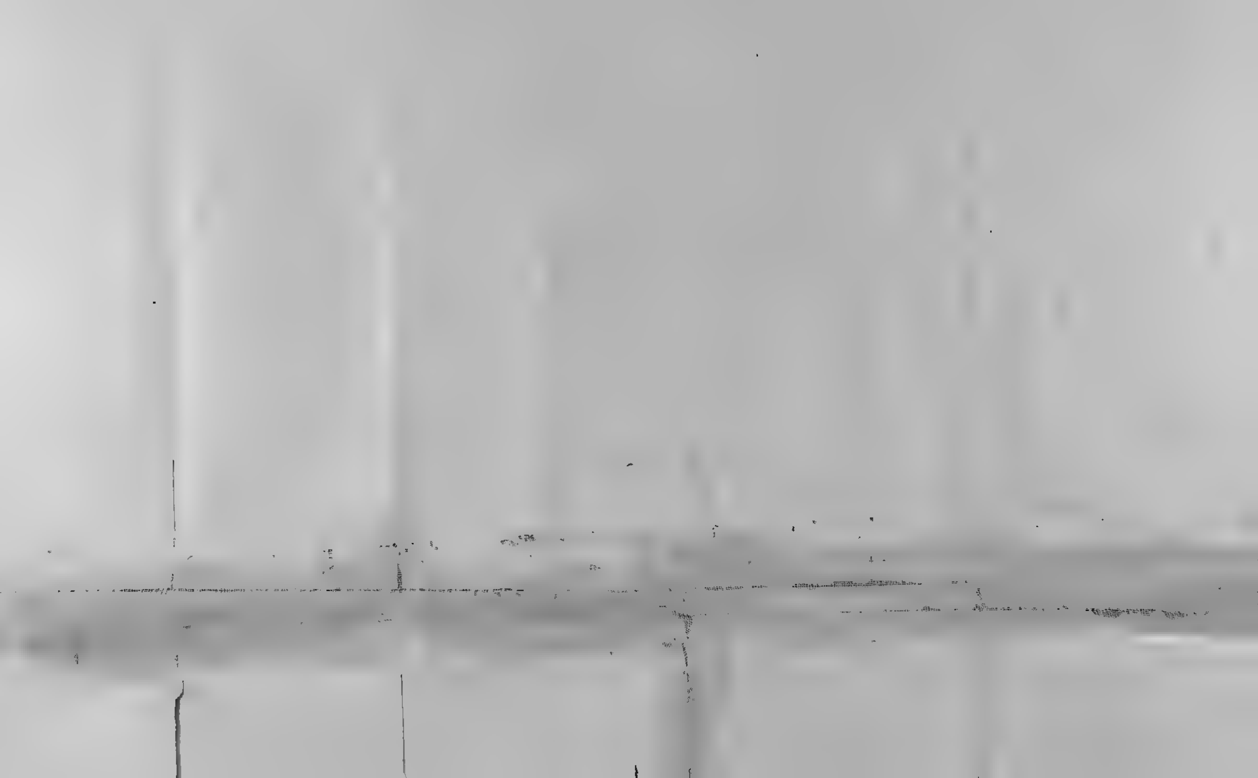
На стр. 121-ой на 16-ой строкѣ снизу напечатано: для письма, надо: для письма:

ЗАСѢЧНАЯ ЧЕРТА МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ XVII В.

Черта состояла изъ слѣдующихъ засѣкъ: I. Шацкая. II. Рязскія Липская, Пустотинская, Рановская. III. Ряз[...]скія: Вожская, Красносельская IV. Каширскія: Почесская, [?]енковская. V. Веневская Веркушинская (Княжая). VI. Тульскія: Кортосеневская, Щегловская, Корницкая, Завитай. VII. Крапивенскія: Малиновая, Заупская. VIII Одоевскія Сиецкая [...]лоломенская IX Лихвинскія Уляжская-Семеновская, Боровенская, Толкинская, Слободецкая. X. Перемышльская XI Козельскія: Столпицкая, Дубенская, Кцынская, [...]кая. XII. Бѣлевскія Бобриковская, Ѳедяшевская

Масштабъ 25 верстъ въ 1 дюймѣ. Знакъ)(обозначаетъ ворот[...]ъ чертъ, знакъ ▲ крѣпостцы, и знакъ ⤒ мѣста татарскихъ проломовъ.

СЕЛЕНІЯ, РАСПОЛОЖЕННЫЯ БЛИЗЪ ЗАСѢЧНОЙ ЧЕРТЫ ВЪ XVII В.

